ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

1869
6

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 6-ая.

ІЮНЬ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 6-ая. — ІЮНЬ, 1869.

NB. Редакція имѣетъ честь обратить вниманіе иногородныхъ подписчиковъ на правил подписки, помѣщенныя ею на послѣдней страницѣ обертки, для предупрежденія недоумѣній и сокращенія переписки въ случаѣ жалобы на потерю книжки журнала.

ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

ГЛАВА IX*).

НА СВАДЬБѢ.

Нѣсколько дней спустя, новое развлеченіе опять нарушило порядокъ уроковъ Роланда. Церера была счастлива тѣмъ, что ей наконецъ представлялся удобный случай показаться въ своемъ брильянтовомъ уборѣ, а фрейленъ Пэрини тоже не безъ удовольствія раскрыла прибывшій изъ Парижа ящикъ съ новымъ платьемъ. Такихъ платьевъ было всего только два: одинъ у императрицы, другой — у Цереры.

Семейство «виннаго графа», до сихъ поръ державшее себя очень сдержанно въ отношеніи къ дому Зонненкампа, послѣ обѣда въ Вольфсгартенѣ прислало ему приглашеніе на свадьбу дочери съ сыномъ гофмаршала.

Эриху стоило большого труда отдалять Роланда отъ разговоровъ о предстоящемъ праздникѣ. Мальчикъ какъ-то провѣдалъ, что приготовляется великолѣпный фейерверкъ, который будетъ спущенъ частью на Рейнѣ, частью на сосѣднихъ вершинахъ, и дое утро повторялъ: «только бы погода не испортилась; а будетъ очень жалко!»

Кромѣ того, Роландъ часто куда-то уходилъ съ Пранкеномъ

---

*) См. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г., янв. 244; . 820; мар. 225; апр. 812; май, 275 стр. и слѣд.

и всегда возвращался въ сильно-возбужденномъ состояніи. Онъ явно скрывалъ отъ Эриха какую-то тайну, которую тотъ и не пытался проникнуть.

Въ день свадьбы, на виллу пріѣхалъ генералъ, котораго Зонненкампъ пригласилъ къ себѣ изъ столицы. Онъ и все семейство отправились къ «винному графу» вскорѣ послѣ обѣда. Было приготовлено три экипажа. Въ одномъ помѣстилась Церера съ генераломъ. Платье ея было такъ пышно, что спутникъ ея буквально утонулъ въ волнахъ шелка и кружевъ. Въ другомъ открытомъ экипажѣ сидѣлъ Зонненкампъ съ фрейленъ Пэрини и съ Пранкеномъ, который нарядился въ парадный мундиръ съ двумя орденами. Зонненкампъ ни слова не сказалъ по этому поводу, но видно было, что онъ чувствовалъ глубокую признательность къ молодому человѣку, который не только доставилъ ему посѣщеніе генерала, но еще и его самого, такъ сказать, вводилъ въ свѣтъ. Въ третьей каретѣ сидѣли Роландъ и Эрихъ. Мальчикъ очень сожалѣлъ, что Эрихъ тоже не надѣлъ мундира.

Жилище «виннаго графа» было расположено близъ большой дороги, и съ обѣихъ сторонъ его растилались обширные сады. На этотъ разъ передъ домомъ стояла длинная вереница экипажей. Генералъ шелъ ведя подъ руку Цереру. У входа ихъ встрѣтилъ лакей въ богатой ливреѣ и указалъ имъ дорогу въ садъ. Всѣ аллеи были уставлены зеленью и цвѣтами, которые возвышались въ видѣ громадной стѣны. У самаго схода съ лѣстницы, ведущей въ садъ, стоялъ самъ «винный графъ». Онъ попросилъ генерала уступить ему руку Цереры. По аллеямъ взадъ и впередъ расхаживали гости, а нѣкоторые сидѣли за красивыми столиками.

Жена «виннаго графа» была очень высокая и полная женщина. Въ ней находили сходство съ Маріей Терезіей, что̀ и побудило ее одѣться совершенно такъ, какъ одѣвалась эта императрица. На головѣ у ней сверкала брильянтовая діадема.

Зонненкампа не замедлили представить жениху и невѣстѣ. Женихъ казался очень утомленнымъ, а невѣста, съ розовымъ вѣнкомъ на головѣ, была очень весела и оживлена. Всѣ пожалѣли, что на праздникѣ нѣтъ Манны.

Гофмаршалъ, отецъ жениха, изъявилъ свое удовольствіе по случаю встрѣчи съ Зонненкампомъ. Онъ былъ также очень радъ случаю познакомиться съ его супругой и красавцемъ-сыномъ. Въ заключеніе гофмаршалъ окончательно осчастливилъ Зонненкампа, сказавъ, что о немъ недавно въ очень лестныхъ выраженіяхъ говорили за герцогскимъ столомъ. Цереру посадили рядомъ съ гофмаршаломъ. Она еще не снимала бѣлаго плаща, который скрывалъ ея роскошный нарядъ.

«Винный графъ» ходилъ между рядами гостей, разукрашенный орденами. Онъ вообще отличался хорошими манерами, которыя пріобрѣлъ въ сношеніяхъ чуть ли не со всей европейской аристократіей. Во время Наполеона, будучи еще почти мальчикомъ и странствуя по дѣламъ торговаго дома своего отца, онъ съ большимъ успѣхомъ выполнилъ нѣсколько порученій, возложенныхъ на него осторожнымъ и предусмотрительнымъ Меттернихомъ. Онъ лично зналъ всѣхъ французскихъ фельдмаршаловъ и два раза говорилъ даже съ самимъ Наполеономъ. У «виннаго графа» было три сына и три дочери. Старшая была уже замужемъ за офицеромъ благороднаго происхожденія. Изъ трехъ сыновей, одинъ, растративъ у отца не мало денегъ, уѣхалъ въ Америку и пропалъ тамъ безъ вѣсти. Другой, музыкантъ, игралъ въ театральномъ оркестрѣ одного изъ главныхъ городовъ средней Германіи. Онъ недавно писалъ отцу, объявляя ему, что съ своей стороны не приметъ дворянскаго достоинства. Третій и старшій сынъ, «кавалеръ бутылки», напротивъ, сильно хлопоталъ по дѣлу о дворянствѣ и былъ теперь очень счастливъ тѣмъ, что оно удалось.

«Винный графъ» выказывалъ въ этотъ день особенное оживленіе и очень привѣтливо принималъ своихъ гостей. Его высокая, худощавая, украшенная сѣдиной, но еще бодрая и свѣжая фигура дышала энергіей. Онъ переходилъ отъ одного посѣтителя къ другому, всякому говорилъ что-нибудь любезное и въ свою очередь отъ всѣхъ принималъ поздравленія, въ которыхъ скрывался двойной смыслъ, такъ какъ онъ въ этотъ самый день получилъ дипломъ на дворянство. Онъ благодарилъ скромно, съ достоинствомъ, говоря самому себѣ, что, еслибъ хотѣлъ, могъ бы уже давно, десятки лѣтъ тому назадъ, быть дворяниномъ. Но въ то время всѣ были точно помѣшаны на патріотизмѣ, и странствующій по торговымъ дѣламъ своего отца мальчикъ тоже не могъ имъ не заразиться. На поздравленія гостей «винный графъ» неизмѣнно отвѣчалъ, что милостивое вниманіе къ нему герцога дѣлаетъ его въ высшей степени счастливымъ.

Зонненкампъ улыбался про себя, думая, что въ скоромъ времени и его точно также станутъ честить, и мысленно подбиралъ выраженія, въ какихъ будетъ благодарить за приносимыя ему поздравленія.

Церера была въ очень неловкомъ положеніи, занимая почетное мѣсто рядомъ съ гофмаршаломъ. Тотъ, примѣтивъ что она рѣшительно ни о чемъ не въ состояніи говорить, вовсе пересталъ ею заниматься, и они сидѣли молча. Но наконецъ и для нея настала счастливая минута: къ ней подошла ея новая пріятельница, совѣтница, которой гофмаршалъ поспѣшилъ уступить свое мѣсто.

Радость Цереры еще усилилась, когда къ нимъ присоединилась Белла, которая, не смотря на то, что въ этомъ обществѣ было много ей равныхъ, отъ всѣхъ отличалась своей наружностью и манерами. Она была въ высшей степени любезна съ Церерой и, взявъ ее подъ руку, отправилась съ ней въ оранжерейную залу, гдѣ было выставлено роскошное приданое невѣсты. Имъ встрѣчались многіе, уже возвращавшіеся оттуда; всѣ громко выражали свой восторгъ и удивленіе, а на нѣкоторыхъ лицахъ виднѣлась и зависть.

Церера никакъ не умѣла справиться со своимъ длиннымъ шлейфомъ, между тѣмъ какъ Белла, граціозно приподнявъ его обѣими руками, ступала легко и свободно, какъ будто несясь на облакахъ.

Русскій князь очень любезно привѣтствовалъ Зонненкампа и подалъ ему руку. Зонненкампъ не помнилъ себя отъ радости, какъ вдругъ князь произнесъ нѣсколько словъ, которыми точно облилъ его холодной водой.

— А я и позабылъ распросить васъ о торгѣ невольниками! Боюсь, что когда соберусь въ Америку, тамъ уже совсѣмъ выведется этого рода промышленность.

Вслѣдъ за тѣмъ князю представили генерала, и Зонненкампъ остался одинъ, чувствуя себя какъ-то въ сторонѣ отъ всего этого общества. Однако лице его просвѣтлѣло, когда онъ увидѣлъ, какъ дружески Белла прогуливалась съ его женой.

— А вы еще и не подходили къ графинѣ, сказалъ Зонненкампъ Эриху.

— О, у меня совсѣмъ другое въ головѣ, отвѣчалъ тотъ. Желалъ бы я знать, съ какимъ видомъ нашъ новый дворянинъ приказывалъ своимъ слугамъ: «Іоганъ, Петръ, Михель! начиная съ сегодняшняго дня, зовите меня барономъ!» Какъ онъ долженъ самому себѣ казаться смѣшнымъ!

— Титулъ доктора вѣроятно очень звученъ, злобно проворчалъ Зонненкампъ: и люди, конечно, съ нимъ родятся.

Слова Эриха раздражили Зонненкампа, и онъ охотно прогналъ бы его отъ себя. Но приближеніе Беллы снова возвратило ему хорошее расположеніе духа.

— Знаете ли, господинъ Зонненкампъ, сказала она, къ чему насъ сюда пригласили и чтó означаетъ все это празднество? Мы здѣсь сегодня на крестинахъ. Виноторговецъ долго домогался чести попасть въ дворяне, и наконецъ принесъ въ жертву дочь. Герцогу ничего болѣе не оставалось, какъ дать ему желаемое, но онъ при этомъ съигралъ съ нимъ отличную шутку. Не въ

высшей ли степени забавно: онъ далъ ему названіе барона фонъ-Эндлихъ [1])?

И она съ большимъ юморомъ начала разсказывать, какъ было бы смѣшно, еслибъ престарѣлый крестникъ вдругъ возопилъ: «Я не хочу такого имени, дайте мнѣ другое!» Потомъ Белла, обратясь къ Эриху, стала остроумно и въ тоже время очень зло описывать всѣхъ гостей. Особенно досталось отъ нея группѣ молодыхъ дѣвицъ, по наружности которыхъ, говорила она, видно, до какой степени тяготятъ ихъ роскошныя прически изъ локоновъ. Белла утверждала, что два парикмахера изъ сосѣдняго города съ утра разъѣзжали по дачамъ, по-очереди причесывая собиравшихся на праздникъ молодыхъ дѣвушекъ. Она очень смѣшно передразнивала, какъ тѣ, одна у другой, спрашиваютъ: «скажите пожалуйста, на мѣстѣ ли у меня шиньонъ»? Не пощадила она также и высокаго худощаваго англичанина, у котораго была очень толстая жена и три тоненькія дочери съ длинными локонами и черезъ-чуръ въ пестрыхъ платьяхъ. Этотъ англичанинъ жилъ зимой въ столицѣ, а лѣтомъ на дачѣ, гдѣ цѣлые дни удилъ рыбу, а дочери его постоянно рисовали. Онъ слылъ за богача, который страннымъ образомъ составилъ себѣ состояніе. Братъ его жены былъ много лѣтъ тому назадъ сосланъ въ Ботани-Бей и, какъ ловкій купецъ, вскорѣ устроилъ вывозъ оттуда разныхъ товаровъ, что́ и послужило основаніемъ громаднаго богатства семьи.

Белла была очаровательна, и Эрихъ началъ чувствовать себя передъ ней виноватымъ. Онъ слушалъ грубый отзывъ доктора и позволилъ ему непочтительно о ней говорить, самъ ни слова не сказавъ въ ея защиту. Теперь онъ взглядомъ какъ бы просилъ у ней прощенія. Белла осталась имъ довольна; оживленіе ея и веселость усилились, а вмѣстѣ съ тѣмъ и красота ея получила новый блескъ. Она явно оказывала Эриху предпочтеніе передъ всѣмъ собраннымъ здѣсь обществомъ.

Вскорѣ къ ихъ кружку присоединился также и Клодвигъ. Онъ не могъ надивиться тому, какое разнообразіе личностей и характеровъ встрѣчалось на берегахъ Рейна. Маіоръ стоялъ немного въ сторонѣ и такъ смотрѣлъ на Зонненкампа, какъ будто хотѣлъ сказать: «Прошу тебя, не дѣлай и ты того же, останься съ нами. Никакіе конфекты не доставили бы фрейленъ Милькъ такого удовольствія, какъ еслибъ я, вернувшись отсюда, могъ ей сказать: то, что говорятъ о Зонненкампѣ—не правда»! Фрейленъ Милькъ какимъ-то образомъ провѣдала тайну, которую такъ тщательно старались отъ всѣхъ скрыть.

[1]) Endlich, т. е. *наконецъ*.

Эрихъ сжалился надъ маіоромъ и подошелъ къ нему. Тотъ не замедлилъ открыть ему причину своей печали.

— Это все равно, сказалъ онъ, какъ еслибъ христіанинъ перешелъ въ турецкую вѣру!... Нѣтъ, вы не смѣйтесь, фрейленъ Милькъ правду говоритъ. Вонъ теперь все это громадное богатство, собранное съ такимъ трудомъ, переходитъ къ знати, покидаетъ насъ и не хочетъ болѣе имѣть съ нами ничего общаго.

Эрихъ украдкой пожалъ маіору руку, а этотъ внезапно спросилъ:

— Гдѣ Роландъ?

— Да, гдѣ Роландъ? Онъ тотчасъ послѣ прибытія куда-то скрылся и больше не показывался.

Между тѣмъ насталъ вечеръ. Въ кустахъ раздалась духовая музыка. На мгновеніе всѣ умолкли, а затѣмъ принялись, точно возбуждаемые музыкой, разговаривать съ новымъ воодушевленіемъ.

Эрихъ искалъ Роланда, но ни отъ кого не могъ узнать, гдѣ находится мальчикъ.

Музыка въ саду умолкла; стало совершенно темно. На балконѣ дома появился одѣтый въ средневѣковое платье трубачъ и протрубилъ сигналъ, по которому гости начали собираться въ большую залу и въ смежныя съ ней комнаты. Тамъ рядами стояли стулья, а впереди ихъ два большія кресла, убранныя цвѣтами, для молодыхъ. За ними было расположено еще нѣсколько креселъ, предназначаемыхъ для самыхъ почетныхъ гостей. Церера получила мѣсто возлѣ Беллы. Фрейленъ Пэрини, ловко пробравшись сквозь толпу, подошла къ ней и тихонько дернула ее за бѣлый плащъ. Церера поняла знакъ, и взгляды гостей, до тѣхъ поръ обращенные на молодыхъ, мгновенно устремились на нее. Такого роскошнаго наряда никто никогда не видѣлъ. На Церерѣ былъ уборъ изъ брильянтовыхъ колосьевъ, и кромѣ того платье ея было обильно усѣяно еще брильянтами и жемчугомъ. Въ толпѣ пронесся говоръ, который долго не умолкалъ, а Церера неподвижно стояла близъ своего стула, пока Белла не попросила ее сѣсть. Графиня съ улыбкой смотрѣла на пышный уборъ своей сосѣдки. «Американка, думала она, можетъ по произволу украшать себя брильянтами, но что̀ можетъ сравниться съ такой шеей, съ такими плечами, какъ у ней, у Беллы»?

Вдругъ одна изъ стѣнъ залы поднялась вверхъ: это оказалось не что иное, какъ занавѣсъ. На сценѣ появились виноградари и молодыя дѣвушки, которыя пѣли и декламировали похвалы дому «виннаго графа» и въ заключеніе поднесли молодымъ миртовый вѣнокъ. За тѣмъ занавѣсъ опустился, всѣ начали подниматься съ мѣстъ, но раздался чей-то голосъ: «Подождите, не

уходите!» и гости снова усѣлись. Занавѣсъ вторично поднялся и открылъ Аполлона, окруженнаго пастухами и виноградарями. Аполлона изображалъ Роландъ. Публика дважды требовала повторенія этой картины, которая возбудила всеобщій восторгъ. Всѣ были въ особенности поражены изумительной красотой Роланда.

Белла съ улыбкой взглянула на стоявшаго близъ нея Эриха, но тотъ казался смущеннымъ. Какъ это подѣйствуетъ на Роланда? думалъ онъ, и какъ могъ мальчикъ это отъ него скрыть? Но вскорѣ самъ Роландъ явился посреди гостей въ своемъ обыкновенномъ платьѣ и былъ осыпанъ похвалами. Его чуть не носили на рукахъ. Цererѣ тоже пришлось выслушать не мало поздравленій по поводу необыкновенной красоты ея сына. Многіе выразили снова сожалѣніе, что не видятъ на праздникѣ также и ея дочери. Церера на все неизмѣнно отвѣчала: «Благодарю васъ, вы очень добры». Ее этому научила фрейленъ Пэрини.

Затѣмъ открылись двери въ другія залы, гдѣ были накрыты столы. Гости размѣстились по мѣстамъ.

Роландъ, подойдя къ Эриху, сказалъ ему:

— Ты одинъ мнѣ ничего не говоришь.

Эрихъ молчалъ.

— Ахъ, продолжалъ Роландъ: еслибъ ты зналъ, какого мнѣ стоило труда отъ тебя это скрывать и быть внимательнымъ за уроками! Но я хотѣлъ сдѣлать тебѣ сюрпризъ.

Эрихъ увидѣлъ, что лучше всего не придавать этому событію никакого значенія и тѣмъ самымъ ослабить впечатлѣніе, какое оно могло произвести на мальчика. Онъ только посовѣтовалъ Роланду не пить много вина, а тотъ былъ такъ счастливъ, такъ всѣмъ доволенъ, что, не возражая, сѣлъ возлѣ Эриха, намѣреваясь показать ему на дѣлѣ свою умѣренность. А ему между тѣмъ было приготовлено мѣсто за столомъ молодыхъ.

Живыя картины устроивалъ Пранкенъ вмѣстѣ съ живописцемъ, гостившимъ у «виннаго графа». Онъ былъ въ этотъ вечеръ какъ-то необыкновенно задумчивъ. Его уже преслѣдовала мысль, что онъ могъ бы жениться на прекрасной дочери «виннаго графа». Отъ этого новаго дворянства тоже пахло свѣжимъ лакомъ, но за то здѣсь все было болѣе на чистоту. У него даже мелькнула мысль о будущей молодой вдовѣ, которая можетъ опять сдѣлаться женой, но онъ поспѣшилъ отогнать соблазнъ, вызвавъ въ себѣ воспоминаніе о своей любви въ Маннѣ.

Пранкенъ, въ качествѣ друга дома и товарища жениха, предложилъ тостъ за молодыхъ. Онъ при этомъ произнесъ небольшую, но очень милую юмористическую рѣчь. Всѣ были довольны и веселы.

Вдругъ выстрѣлъ изъ мортиры возвѣстилъ о началѣ фейерверка. Гости поспѣшили въ садъ и на веранду.

ГЛАВА X.

ФЕЙЕРВЕРКЪ.

Эрихъ не замѣтилъ, какъ Белла вдругъ очутилась около него.

— Вы сегодня необыкновенно задумчивы, сказала она ему тихо.

— Я не привыкъ къ шумнымъ и веселымъ сборищамъ.

— Мнѣ все казалось, что вы мнѣ чтó-то хотите сказать, прибавила она еще тише.

Эрихъ молчалъ. Белла продолжала:

— Не кажется ли вамъ, когда вы бываете въ большомъ обществѣ, что вы точно заброшены на чужбину,—точно плывете по большой рѣкѣ и боретесь съ волнами, которыя васъ то и дѣло заливаютъ?

«А, браво»! послышалось со всѣхъ сторонъ. На воздухъ взлетѣла ракета и разсыпалась яркимъ снопомъ. Въ тоже время заиграла музыка, а въ горахъ ей, какъ эхо, отвѣтилъ звукъ трубы. На берегу рѣки стояли толпы народа, собравшагося изъ сосѣднихъ городовъ и деревень посмотрѣть на фейерверкъ.

— Ахъ! воскликнула Белла, когда все снова погрузилось въ мракъ. Мы всѣ не что иное какъ жалкіе рабы! Вотъ, еслибъ такъ пожить,—какъ ракета взлетѣть на воздухъ и вспыхнуть яркимъ пламенемъ, а затѣмъ наступай ночь, приходи смерть: онѣ болѣе не страшны!

Эрихъ вздрогнулъ. Онъ самъ не зналъ, какимъ образомъ рука Беллы очутилась въ его рукѣ. Но вотъ на горахъ и на рѣкѣ опять сверкнули и взвились къ небу огни. Эриху казалось, что всѣ здѣсь собранные люди непремѣнно должны увидѣть, какъ онъ держитъ за руку Беллу, и онъ быстро отступилъ назадъ. Къ графинѣ подошелъ русскій князь и подалъ ей руку. Эрихъ остался одинъ и видѣлъ, какъ Белла, опираясь на князя, ходила взадъ и впередъ по дорогѣ передъ домомъ. Онъ не могъ припомнить, дѣйствительно ли громко сказалъ Беллѣ: «люблю тебя»! или только мысленно произнесъ эти слова. А между тѣмъ въ воздухѣ безпрестанно трещали ракеты, летали звѣзды, вертѣлись колеса и щиты съ вензелями молодыхъ. Въ заключеніе, съ одной изъ лодокъ на Рейнѣ взлетѣлъ на воздухъ громадный

золотистый снопъ и разсыпался дождемъ огненныхъ шаровъ. Музыка не переставала гремѣть, и съ берега несся радостный гулъ, какъ будто волны внезапно получили голосъ и заговорили. У Эриха голова пошла кругомъ; онъ едва сознавалъ, гдѣ онъ и кто онъ. Вдругъ чья-то рука слегка коснулась его плеча. Онъ обернулся и увидѣлъ Клодвига. Какъ охотно бросился бы Эрихъ передъ нимъ на колѣни! Онъ чувствовалъ себя недостойнымъ говóрить съ графомъ и далъ себѣ слово, что скорѣй пустить себѣ пулю въ лобъ, чѣмъ еще разъ доведетъ себя до подобнаго состоянія.

Клодвигъ завелъ рѣчь о Роландѣ, говоря, что не одобряетъ намѣренія Зонненкампа ввести мальчика въ новую и совершенно чуждую для него сферу. Эрихъ отвѣчалъ разсѣянно. Клодвигъ полагалъ, что ему извѣстны планы Зонненкампа, а Эрихъ думалъ, что графъ говоритъ о предназначеніи Роланда къ военной службѣ. Къ тому же онъ былъ такъ смущенъ и произносилъ такія несвязныя рѣчи, что Клодвигъ почувствовалъ нѣкоторое безпокойство и посовѣтовалъ своему молодому другу, не брать на себя такъ много и вообще спокойнѣе смотрѣть на вещи.

Эрихъ рѣшился не прощаться съ Беллой.

Было уже поздно, когда Зонненкампъ съ семействомъ отправился домой. Теперь къ нимъ присоединилась еще совѣтница съ мужемъ; они предполагали переночевать на виллѣ.

Совѣтница сидѣла въ одномъ экипажѣ съ Пранкеномъ и Зонненкампомъ. Сначала они совершенно естественно разговаривали о праздникѣ и о томъ, какъ наконецъ угасла знаменитая фирма торговаго дома. «Винный графъ» хотѣлъ окончательно продать съ публичнаго торга весь свой огромный запасъ вина. Затѣмъ совѣтница сказала, что Белла ей сообщила о своемъ намѣреніи пригласить къ себѣ мать и тетку Эриха. Пранкенъ сдѣлалъ видъ, будто это ему уже извѣстно, тогда какъ на дѣлѣ онъ былъ въ высшей степени удивленъ. Совѣтница, пользуясь тѣмъ, что они были одни, объявила, что никто болѣе профессорши не можетъ содѣйствовать возведенію Зонненкампа въ дворянское достоинство. Окончательно здѣсь ничего не было рѣшено, но само собой разумѣлось, что Зонненкампу нужно постараться предупредить Беллу и немедленно пригласить мать и тетку Эриха къ себѣ, на виллу Эдемъ.

Зонненкампъ про себя лукаво улыбался. У него сложился въ головѣ еще и другой планъ, для котораго тоже нужна была профессорша. Генералъ нѣсколько разъ повторялъ, что мать Эриха находилась въ тѣсной дружбѣ съ его сестрой, настоятельницей

монастыря, возвышавшагося на островѣ. Такимъ образомъ, Зонненкампу предстояла двойная работа.

Въ послѣдней каретѣ сидѣли Эрихъ и Роландъ. Оба молчали; экипажъ медленно подвигался впередъ. Вдругъ чей-то голосъ закричалъ: «Добраго вечера, капитанъ!» Эрихъ приказалъ остановиться. То былъ бочаръ, сынъ ловчаго. Онъ шелъ по одной съ ними дорогѣ и передалъ Эриху поклонъ отъ магистра Кнопфа изъ Маттенгейма. Бочаръ ходилъ просить Кнопфа явиться въ судъ, чтобъ быть свидѣтелемъ въ пользу его отца.

Роландъ протеръ глаза и съ удивленіемъ смотрѣлъ вокругъ. Онъ пригласилъ бочара сѣсть къ нимъ въ экипажъ. Тотъ поблагодарилъ и разсказалъ, какъ онъ дорогой любовался на фейерверкъ. Возвращаясь изъ Маттенгейма, онъ только-что вышелъ изъ лѣсу, какъ вдругъ внизу, на Рейнѣ, сверкнули огни и взвились къ небу. Онъ остановился именно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ эхо повторяло выстрѣлы изъ мортиры. На прощанье бочаръ Эриху подалъ руку, а Роланду—нѣтъ.

Когда они ѣхали далѣе, Роландъ сказалъ:

— Клаусъ въ своей тюрьмѣ, можетъ быть, тоже слышалъ выстрѣлы и видѣлъ фейерверкъ. Ахъ, у него нѣтъ даже собаки, съ которой бы онъ могъ поговорить! Какъ часто сожалѣлъ я его, потому что онъ цѣлые дни и ночи принужденъ былъ ходить по полямъ! А теперь онъ безъ сомнѣнія и этой усталости былъ бы радъ! Онъ сидитъ въ тюрьмѣ, а въ поляхъ все ростетъ и зрѣетъ. Хорьки и лисицы знаютъ, что никому такъ хорошо, какъ ловчему, не извѣстны ихъ норы. Нѣтъ, я увѣренъ, что онъ не виноватъ! Зачѣмъ это на свѣтѣ столько бѣдныхъ и несчастныхъ? Отчего всѣ не могутъ благоденствовать?

Эрихъ въ первый разъ увидѣлъ себя вынужденнымъ предостеречь Роланда, чтобъ онъ не проговорился при отцѣ о своихъ сожалѣніяхъ на счетъ Клауса и вообще всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ. Но въ тоже время Эрихъ почувствовалъ большое облегченіе: похвалы, какими осыпали Роланда послѣ его участія въ живыхъ картинахъ въ роли Аполлона, нисколько ему не повредили.

ГЛАВА XI.

УЯЗВЛЕННОЕ СЕРДЦЕ.

«Что̀ сталось бы съ нами, еслибъ мы были внезапно призваны къ суду, передъ которымъ раскрылись бы всѣ наши тайныя мысли?»

Такъ писалъ Эрихъ въ отвѣтъ на изящную записку, полученную имъ отъ Беллы. Она просила его прислать ей платье, въ которомъ начала изображать его на портретѣ и которое ей теперь понадобилось для окончательной отдѣлки рисунка. Эриха особенно поразила подпись графини подъ ея запиской. Тамъ стояло только имя Беллы, безъ фамиліи, которую замѣнялъ вопросительный знакъ дважды перечеркнутый: точно ее взяло раскаяніе, и она хотѣла изгладить знакъ, но знакъ все-таки оставался видѣнъ.

«Что̀ сталось бы съ нами, еслибъ мы были внезапно призваны къ суду, передъ которымъ раскрылись бы всѣ наши тайныя мысли?»

Белла вздрогнула. Она стояла ни жива, ни мертва, устремивъ глаза въ землю и положивъ руку на одежду молодого человѣка. Въ эту минуту передъ ней вдругъ воскресла и пронеслась вся ея прошлая жизнь.

Дни дѣтства представляли ей мало воспоминаній. Учителя хвалили ее за быстрые успѣхи. При ней была нянька француженка, которую рано замѣнила строгая и чопорная англичанка. Белла легко научилась языкамъ, а хорошія манеры казались у ней врожденными. Она уже съ малыхъ лѣтъ всѣхъ удивляла своими остроумными выходками. Ихъ повторяли, это льстило ея самолюбію и съ дѣтства убивало въ ней простоту и искренность.

Женщины и мужчины, которые посѣщали ея родителей, или встрѣчались съ нею въ постороннихъ домахъ, громко въ глаза восхваляли ея красоту. Она конфирмовалась, но этотъ священный обрядъ былъ въ ея глазахъ только знàкомъ того, что ей настало время покинуть дѣтскую и замѣнить короткія платья длинными. Приближаясь къ алтарю, она больше всего думала о своей красотѣ. Наканунѣ епископъ обѣдалъ въ домѣ ея отца, ласково съ ней разговаривалъ и утратилъ въ ея глазахъ то таинственное величіе, которымъ поражалъ другихъ. Въ церкви она казалась самой себѣ главнымъ лицомъ, средоточіемъ всего.

На слѣдующую зиму отецъ уступилъ ея желаніямъ, и Белла, всего четырнадцатилѣтняя дѣвочка, начала выѣзжать въ свѣтъ.

Она была блестящее, очаровательное созданье. Всѣ говорили, что отъ нея вѣетъ ароматомъ юности, который невольно возбуждаетъ восторгъ. Но уже и тогда въ ней проглядывала холодность и ее въ шутку называли русалкой. Въ глазахъ ея сверкалъ огонь, который никого не грѣлъ. Самъ герцогъ обратилъ на нее вниманіе, и Белла какъ святыню хранила съ перваго придворнаго бала карточку съ именами танцовавшихъ съ ней кавалеровъ и увядшій букетъ.

Съ этого времени жизнь ея была безконечной цѣпью побѣдъ. Блистая остроуміемъ, имѣя на все всегда готовый отвѣтъ, Белла сдѣлалась душой общества. Въ дѣтствѣ всѣ хвалили красоту ея лица, теперь ей въ глаза и за глаза превозносили ея необыкновенный умъ, стараясь при этомъ, чтобъ похвалы непремѣнно доходили до нея. Ее вызывали на остроумные разговоры и потомъ съ восторгомъ повторяли то или другое изъ ея замѣчаній. Ея многочисленныя познанія, блестящая игра на фортепіано, а болѣе всего талантъ къ живописи возбуждали всеобщее удивленіе. Маменьки наперерывъ ставили ее въ примѣръ дочкамъ.

Шестнадцати лѣтъ она имѣла уже многихъ жениховъ, и слыша о свадьбѣ того или другого изъ своихъ знакомцевъ, обыкновенно улыбалась, думая, что отъ нея зависѣло бы имѣть его для себя. Мать охотно выдала бы ее замужъ, но отецъ не желалъ такъ рано съ ней разставаться и къ тому же все надѣялся, что за нее посватается какой-нибудь принцъ изъ младшей линіи герцогскаго дома.

Въ день рожденія Беллы, когда ей минуло семнадцать лѣтъ, ея многочисленные поклонники устроили ей рано утромъ серенаду. Пробужденная звуками военной музыки, она широко раскрыла глаза и въ нихъ въ первый разъ отразилась мысль, которая потомъ ужъ болѣе ее не покидала. «Я не вѣрю въ любовь», думала она. «Любовь, воспѣваемая въ пѣсняхъ, есть не что иное, какъ пустая фраза!» Уроки матери не мало способствовали къ тому, чтобъ искоренить изъ сердца дѣвушки всякое нѣжное чувство. Она постоянно повторяла дочери: «Все счастье жизни заключается въ томъ, чтобъ занимать высокое положеніе въ свѣтѣ.» Белла сама никогда никого не любила, но въ тоже время ей была невыносима мысль, чтобы кто-нибудь могъ въ свою очередь ей противиться. Двоюродная сестра ея матери, съ своей с ороны, полусерьезно, полушутливо, съ легкимъ оттѣнкомъ горечи, часто говаривала Беллѣ: «истинною можно назвать только ту любовь, которая обращается къ человѣку, не высоко стоящему въ свѣтѣ. Еслибъ ты полюбила художника, въ мастерской котораго ты работаешь, или одного изъ твоихъ учителей—тогда лю-

бовь твоя была бы искренна.» Но Белла считала столь же невозможнымъ полюбить учителя, какъ и лакея въ ливреѣ, или существо совсѣмъ другой породы, чѣмъ она, напримѣръ лошадь, или какое-нибудь другое животное.

Въ достопамятный день, когда она достигла семнадцатилѣтняго возраста, у Беллы впервые явился холодный, стеклянный взглядъ, придававшій ей сходство съ головой Медузы,—взглядъ, который, ни на чемъ не останавливаясь, безучастно скользитъ по людямъ, какъ будто они были тѣни, не заслуживающія никакого вниманія. Никто этого не замѣтилъ, а между тѣмъ въ Беллѣ совершилось что-то ужасное: въ ней окончательно замерло всякое чувство съ тѣмъ, чтобъ болѣе никогда не пробуждаться.

Ей не было еще двадцати лѣтъ, когда у нея умерла мать, и Белла, по истеченіи траурнаго года, явно стала удаляться отъ свѣта. Она еще изрѣдка посѣщала общество, но это повидимому составляло для нея тяжелую обязанность. Она занималась наукой, музыкой, живописью и водила знакомство съ артистами, учеными и дипломатами. Черты лица ея и взглядъ точно застыли, а остроумныя рѣчи Беллы производили тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что она произносила ихъ глухимъ, точно мужскимъ голосомъ, который находился въ странномъ противорѣчіи со всей ея наружностью.

Не мало шуму надѣлало въ свѣтѣ то обстоятельство, что Беллѣ наконецъ удалось преодолѣть сопротивленіе родителей, которые ни за что не хотѣли, чтобъ ея младшая сестра вышла за мужъ прежде нея. Сопровождая сестру къ алтарю, она сквозь ея свадебный вуаль видѣла, какъ пристально были устремлены на нее черные глаза одного недавно овдовѣвшаго генералъ-адъютанта. Губы ея презрительно сжимались, и она думала про себя: «Напрасны хлопоты, ты меня не получишь!» Терзать, мучить и разбивать сердца было для нея наслажденіемъ. «Я охотно вышла бы замужъ—говорила она отцу—еслибъ было возможно дѣлать то, чего въ глубинѣ души все-таки не желаешь. Я рѣшительно не въ силахъ приблизиться къ алтарю и сказать *да*, которое связываетъ на всю жизнь, до самой смерти!... Когда сестра произнесла это слово, меня охватилъ невообразимый ужасъ, и я едва не закричала: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я право не могу поручиться, чтобъ у меня въ самую рѣшительную минуту не вырвалось передъ алтаремъ, вмѣсто да, — нѣтъ».

Белла сама предложила себя въ спутницы больной принцессѣ, которая на годъ отправлялась на Мадеру. Принцесса умерла, Белла вернулась и узнала, что сватавшійся за нее генералъ-

адъютантъ въ ея отсутствіе женился. Выслушавъ это извѣстіе, она улыбнулась, но внутренно ее терзала досада. Белла никакъ не могла примириться съ тѣмъ, что поклонники ея мало-по-малу оставляли ее для другихъ.

Она вторично, но уже самостоятельно, отправилась путешествовать въ обществѣ двухъ англичанокъ. Лутцъ, теперешній курьеръ Зонненкампа, состоялъ тогда въ этой самой должности при ней. Белла посѣтила Италію, Грецію и провела цѣлую зиму въ Константинополѣ. А въ столицѣ злые языки говорили, будто она ищетъ для себя человѣка съ высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ, не заботясь о томъ, каковъ онъ въ другихъ отношеніяхъ. Увѣряли даже, будто она выходитъ замужъ за пашу. Но Белла вернулась и стала появляться въ обществѣ въ бархатныхъ платьяхъ.

За нее посватался Клодвигъ, и она, ко всеобщему удивленію, приняла его предложеніе. Приготовленія къ свадьбѣ и самая свадьба совершились очень быстро, всего въ теченіи четырехъ недѣль. Белла съ мужемъ тотчасъ же уѣхали въ Вольфсгартенъ. Замужество не произвело въ ней ни одной изъ тѣхъ перемѣнъ или дополненій, какимъ обыкновенно подвергается женщина. Да и что́ могло бы оно докончить въ Беллѣ? Она уже успѣла совсѣмъ созрѣть и теперь была настолько счастлива, насколько ей то позволяла ея натура. Въ мужѣ она нашла истинное благородство души, которое до тѣхъ поръ тщетно искала.

Белла первый разъ въ жизни была спокойна, кротка, довольна собой и другими. Дни ея шли тихо и однообразно. Клодвигъ оставался къ ней по прежнему нѣженъ и внимателенъ. Ничто не могло сравниться съ ясностью души и съ постоянствомъ этого человѣка въ его частной жизни. Но, въ высшей степени мягкій и деликатный въ своихъ личныхъ сношеніяхъ съ людьми, онъ бывалъ вспыльчивъ и рѣзокъ, когда дѣло доходило до обсуживанія вопросовъ и явленій общественной жизни. Белла называла эту вспыльчивость благороднымъ и справедливымъ негодованіемъ. «Клодвигъ, говорила она, получивъ отъ природы неисчерпаемыя богатства ума и сердца, тяготится изнѣженностью своего вѣка, преисполненнаго мелкихъ, эгоистическихъ заботъ. Онъ осужденъ влачить жизнь посреди мелочной обстановки крошечнаго государства, тогда какъ все въ немъ влечетъ его къ болѣе широкому существованію и требуетъ для него дѣятельности на болѣе обширномъ поприщѣ.»

Самъ Клодвигъ часто сѣтовалъ на себя за то, что въ теченіе всей своей жизни держался ошибочнаго мнѣнія, будто бы всякая идея сама за себя стоитъ, сама собой вырабатывается и достигаетъ своего полнаго развитія. Теперь же онъ слишкомъ

поздно убѣдился, что во всякомъ дѣлѣ самое лучшее идти на проломъ, то-есть дѣйствовать смѣло и рѣшительно, ни на что не обращая вниманія. Но лишь только Клодвигъ опять сходился съ людьми, а именно являлся ко двору, онъ снова дѣлался мягокъ и снисходителенъ. Онъ восхищался талантами своей жены, но тѣмъ не менѣе по временамъ кротко порицалъ ея поверхностныя и не всегда искреннія сужденія. Въ этихъ случаяхъ, Белла обыкновенно возмущалась, но одного взгляда на прекрасное, честное, обрамленное сѣдинами лице Клодвига, бывало достаточно для того, чтобъ ее успокоить. Ей было пріятно знать самой и убѣждать въ томъ другихъ, что она хорошо съумѣла устроить жизнь такого замѣчательнаго и достойнаго человѣка, какъ графъ Клодвигъ. Ей было хорошо извѣстно, что за ней слѣдятъ, и она надѣялась, что свѣтъ оцѣнитъ ея поведеніе.

Но вотъ въ ея мирный кружокъ вступилъ человѣкъ, который началъ самоувѣренно распоряжаться ею, ея мужемъ и всѣмъ домомъ. Сначала это ее возмутило, и она даже выразила свое неудовольствіе Клодвигу. Она старалась не допустить молодого человѣка поселиться въ сосѣдствѣ. Но, по мѣрѣ того, какъ графъ, подъ вліяніемъ своего мечтательнаго пристрастія къ Эриху, все болѣе и болѣе восхвалялъ его превосходныя качества, Белла тоже начала поддаваться обаятельной прелести его общества.

Теперь она стояла передъ неоконченнымъ портретомъ, а внутри ея кипѣла злоба. Она думала, что уже покончила со свѣтомъ и его страстями, и вдругъ ее охватило это незрѣлое, безумное чувство (она называла его незрѣлымъ и безумнымъ), и она не могла съ нимъ совладать. И отъ чего все это? Не потому ли, что онъ оскорбилъ ея самолюбіе? Не потому ли, что ей еще въ первый разъ приходится видѣть, какъ отталкиваютъ руку, которую она милостиво протягиваетъ? Ея большія глаза метали молніи. Тотъ, кто видѣлъ бы ее въ эту минуту, былъ бы пораженъ ея изумительнымъ сходствомъ съ головой Медузы.

Она быстрыми шагами вышла изъ мастерской и отправилась въ свою уборную. Тамъ она остановилась передъ зеркаломъ, распустила свои роскошные волосы и устремила взоръ на собственное отраженіе. На ея крѣпко сжатыхъ губахъ лежалъ вопросъ: «Или я уже такъ стара»? губы ея раскрылись, какъ у больного горячкой, или страждущаго сильной жаждой. Въ глазахъ ея мелькнулъ радостный свѣтъ. «Нѣтъ, ты все еще прекрасна! шептала она: въ тебѣ настолько свободнаго духа, что ты можешь смотрѣть на себя, какъ на постороннюю, и произнести о самой себѣ безошибочное сужденіе. Но откуда же это незрѣлое чувство, это безумное волненіе?»

Она взялась обѣими руками за длинныя пряди своихъ волосъ и сложила ихъ подъ подбородокъ. Тутъ она въ первый разъ примѣтила въ себѣ сходство съ бюстомъ Медузы, и испугалась.

— Хорошо же, сказала она: — Я буду Медузой, я разобью его, уничтожу и превращу въ камень! Онъ будетъ валяться у меня въ ногахъ, а я тогда съ презрѣніемъ его отъ себя оттолкну!

Она даже сдѣлала легкое движеніе ногой, но вдругъ закрыла лицо руками, и изъ глазъ ея заструились слезы.

— Прости! воскликнула она: прости меня за гордость и гнѣвъ! Въ ней боролись отчаяніе и страсть, гордость и смиреніе, и въ глубинѣ ея души внезапно растаяло все то, что́ застыло въ ней много лѣтъ тому назадъ при звукахъ утренней серенады. Въ ней пробудилось стремленіе къ чему-то прекрасному и родному. Чувства ея были тѣже, что у ребенка, который въ припадкѣ гнѣва убѣжалъ отъ родителей въ лѣсъ. Онъ вдругъ вспомнилъ о домѣ и ему страстно захотѣлось вернуться туда, гдѣ было такъ тепло и уютно, гдѣ о немъ такъ нѣжно заботились и съ такой любовью за нимъ ухаживали. Но гдѣ этотъ домъ? Гдѣ онъ?

Белла стремилась найти душу, въ которую могла бы излить всю томившую ее тоску.

— Прости меня, прости! воскликнула она опять. Въ первый разъ, эти ея мольбы о прощеніи относились къ Клодвигу, теперь къ Эриху. Прости за гордость! Ты не знаешь, какъ она во мнѣ сильна! Я приношу тебѣ въ жертву болѣе, чѣмъ цѣлая тысяча другихъ женщинъ, болѣе чѣмъ можетъ обнять въ себѣ и удержать весь міръ!

Ей вдругъ стало страшно одной. Она позвонила горничную дѣвушку и приказала подать себѣ одинъ изъ самыхъ роскошныхъ своихъ нарядовъ.

— Скажи, сколько мнѣ лѣтъ? спросила она внезапно. Или ты уже забыла?

Дѣвушка сконфузилась и не нашлась, что отвѣчать.

— Я никогда не была молода, прибавила Белла.

— О, сударыня, вы и теперь еще молоды и никогда не были такъ прекрасны, какъ сегодня.

— Ты находишь? сказала Белла, откинувъ голову назадъ. «Отчего же мнѣ и въ самомъ дѣлѣ не быть хоть разъ въ жизни молодой? думала она. Я — то, чѣмъ должна быть, и пусть свѣтъ узнаетъ, какова я есть.

Она отправилась въ садъ. Ей казалось, будто она заключена

въ тюрьмѣ. Проходя мимо нижняго этажа, гдѣ хранилась коллекція древностей ея мужа, она остановилась.

«Чтò это? думала она. Что такое всѣ эти кубки и сосуды? Затвердѣлая зола, прахъ! Все прахъ! Что такое всѣ эти антикварскія затѣи, это собираніе древностей, эти безконечныя размышленія и толки о человѣчествѣ и о прогрессѣ? Отъ всего этого вѣетъ холодомъ и смертью. Въ этихъ бесѣдахъ подъ могилой прошлаго нѣтъ ни жизни, ни надежды, ни будущности, ни свѣта! Всюду царствуетъ мракъ, а во главѣ всего стоятъ какія-то идеи. Но *я* — не прошлое, не идея! Нынѣшній день я хочу и жить настоящимъ!... Горе мнѣ!.... Гдѣ я?»

Она вышла въ садъ. Тамъ взоръ ея привлекли двѣ бабочки, которыя, порхая вокругъ цвѣтовъ, другъ друга манили, сталкивались, разлетались и опять слетались.

— Вотъ жизнь! воскликнула она. Да, это жизнь! Онѣ не вырываютъ изъ земли древностей и не думаютъ о нихъ.

Въ воздухѣ пронеслась ласточка, схватила на лету одну изъ бабочекъ и скрылась.

— Чтò сталось, мотылекъ, съ твоей жизнью?

Внизу надъ Рейномъ растилались клубы дыма отъ сновавшихъ взадъ и впередъ пароходовъ.

— Еслибъ и мы, подумала Белла, могли съ такой быстротой исчезнуть! Чтó мы здѣсь дѣлаемъ? Мы согрѣваемъ нашей кровью эту мертвую землю и сообщаемъ ей жизненность. Наше дыханіе есть не что иное какъ дымъ, и его-то мы называемъ жизнью!...

Мимо прошли, возвращаясь изъ школы, дѣти поселянъ. Они поклонились графинѣ, которая уныло посмотрѣла имъ вслѣдъ.

— Что станется съ этими дѣтьми? Къ чему это безумное возобновленіе человѣчества?

Белла, точно стараясь укрыться отъ самой себя, погрузила лицо въ букетъ сорванныхъ ею цвѣтовъ. Она вышла изъ парка на дворъ, гдѣ нѣжно ворковали голуби. Одинъ изъ самцевъ неотступно увивался вокругъ самки, которая съ самымъ равнодушнымъ видомъ клевала зерна, повидимому, не обращая ни малѣйшаго вниманія на воркованье своего возлюбленнаго. Насытившись, она вспорхнула и усѣлась на крышѣ, гдѣ принялась охорашиваться и носикомъ чистить перья. Самецъ полетѣлъ вслѣдъ за ней, но она опять встряхнула головкой и улетѣла прочь.

По близости, крестьянинъ запрягалъ въ ярмо воловъ. Онъ клалъ имъ на шею сначала мягкіе валики, а потомъ налагалъ на нихъ деревянное ярмо.

— Вотъ онъ — свѣтъ! подумала Белла. Между ярмомъ и

головой кладутъ подушку изъ высокихъ мыслей и готовыхъ чувствованій!

Крестьянинъ удивлялся пристальному взгляду графини, а та между тѣмъ спросила:

— Имъ это не больно?

Онъ не понялъ вопроса; она должна была его повторить, и тогда онъ отвѣтилъ:

— Волъ на то и созданъ, и больше ни о чемъ не имѣетъ понятія. Съ тѣхъ поръ, какъ баринъ изволилъ отмѣнить двойное ярмо и каждый изъ воловъ получилъ свое отдѣльное, ими стало гораздо труднѣе управлять, но за то они теперь легче ходятъ.

Белла вздрогнула. «Двойное — одиночное ярмо»! звучало у ней въ ушахъ. Ей вдругъ показалось, что настала ночь и что она сама не живое существо, а легкая тѣнь. Этотъ домъ, этотъ садъ, весь міръ составляютъ часть одного обширнаго призрачнаго міра, который непремѣнно долженъ исчезнуть.

Въ воздухѣ стояла невыносимая духота. Белла буквально задыхалась. Вдругъ съ высоты подулъ свѣжій вѣтеръ, и на небѣ выдвинулась грозная туча. Белла едва успѣла вернуться домой, какъ засверкала молнія, загремѣлъ громъ и въ окно застучалъ вѣтеръ и крупный градъ.

Белла остановилась у окна и посмотрѣла вдаль. Взоръ ея упалъ на высокій ясень, вѣтви котораго и самый стволъ сильно качались подъ напоромъ вѣтра. Дерево жалобно склонялось къ дому, точно моля его о помощи. «Оно здѣсь стоитъ уже много лѣтъ, думала Белла, ростетъ и развивается, и никакая буря не можетъ его сломить или разметать его вѣтви. Знаетъ ли оно, что и эта гроза минуетъ, не сдѣлавъ ему вреда, а напротивъ освѣжитъ его? И я такое же точно дерево. Я твердо стою, и никакая буря, ни молнія, ни громъ не могутъ меня ни сломить, ни сбить съ ногъ.»

— Эрихъ! внезапно вырвалось у нее вслухъ.

Въ туже минуту въ комнату вошелъ Клодвигъ и сказалъ ей:

— Я тебя, милая жена, вездѣ ищу.

Названіе «милой жены» точно кинжаломъ ударило Беллу въ самое сердце. Клодвигъ показалъ ей письмо, въ которомъ, согласно ея желанію, приглашалъ профессоршу въ Вольфсгартенъ на нѣсколько недѣль.

— Не посылай этого письма, внезапно сказала Белла. Дай намъ опять пожить спокойно вдвоемъ. Я не хочу новыхъ тревогъ отъ семейства Дорнэ!

Клодвигъ отвѣчалъ, что профессорша не тревоги привезетъ

съ собой, а пріятное общество. — Къ тому же, прибавилъ онъ, это намъ дастъ также возможность чаще видѣть у себя Эриха.

Белла упустила изъ виду это послѣднее обстоятельство. Она открыла окно; въ комнату ворвался свѣжій порывъ вѣтра. Письмо дрожало у нея въ рукѣ. Вотъ она — буря съ громомъ, молніей и дождемъ! Она пронеслась въ ея сердцѣ и только освѣжила его. Белла согласилась съ мужемъ и сама подтвердила, что общество профессорши будетъ для нея очень пріятно и полезно. На мгновеніе у ней даже мелькнула мысль во всемъ признаться матери Эриха и просить у нея помощи и опоры. Но тутъ же рядомъ надежда твердила другое: вмѣстѣ съ профессоршей, шептала она, въ Вольфсгартенъ снова явится Эрихъ, и все пойдетъ по прежнему спокойно и гладко.

Белла быстро прибавила къ письму Клодвига также и свое приглашеніе. Она уже собиралась его запечатать, какъ вдругъ пріѣхалъ докторъ, и по просьбѣ Клодвига тоже написалъ нѣсколько словъ.

ГЛАВА XII.

СУДЪ И ОПРАВДАНІЕ.

Еще впечатлѣнія праздника не успѣли улечься, въ глазахъ продолжали мелькать разноцвѣтные огни, а въ ушахъ все еще раздавался трескъ ракетъ и звуки музыки, когда обитатели виллы Эдемъ принуждены были на слѣдующее утро отправиться въ судъ свидѣтелями по дѣлу о воровствѣ.

Пранкенъ остался занимать гостей. Онъ взялъ на себя трудъ показать имъ вновь пріобрѣтенную виллу съ виноградниками. Зонненкампъ, Эрихъ, Роландъ, кучеръ Бертрамъ, главный садовникъ, Бѣлка и два ихъ помощника отправились въ городъ, гдѣ происходили засѣданія окружнаго суда. Путь ихъ лежалъ мимо жилища «виннаго графа», новаго барона фонъ-Эндлихъ. Здѣсь еще виднѣлись обгорѣлые колья и валялись оставшіяся послѣ фейерверка пороховыя трубки. Домъ былъ запертъ: обитатели его въ первый разъ покоились сномъ дворянъ.

Эрихъ разсказалъ, какъ прекрасно обходился патеръ съ заключенными. Онъ былъ истиннымъ послѣдователемъ великаго ученія, которое предписываетъ не гнушаться падающихъ и заблуждающихся, а протягивать имъ руку помощи. «Виноватъ или правъ заключенный, говорилъ онъ: все равно, религія хочетъ, чтобъ мы одинаково заботились о тѣхъ и другихъ.» За то докторъ смотрѣлъ на арестъ ловчаго совсѣмъ съ другой и нѣ-

сколько забавной точки зрѣнія. Клаусу, говорилъ онъ, весьма полезно провести нѣсколько недѣль подъ крышей.

Но вообще дорóгой было мало говорено. Въ городъ они пріѣхали еще заблаговременно. Зонненкампъ пошелъ на телеграфную станцію отправить нѣсколько депешъ, и въ томъ числѣ одну профессоршѣ. Эрихъ и Роландъ еще успѣли немного погулять. Городъ представлялъ довольно оживленное зрѣлище, но они мало обращали вниманія на то, чтó вокругъ нихъ происходило, и шли молча. Только, проходя по фруктовому рынку, мимо зданія, гдѣ за нѣсколько времени передъ этимъ былъ концертъ, Роландъ остановился. Лицо его оживилось и онъ сказалъ:

— Тогда... не кажется ли тебѣ, что съ тѣхъ поръ прошло по крайней мѣрѣ лѣтъ десять?.. Тогда было веселѣе, чѣмъ сегодня... А какъ ты думаешь, въ числѣ пѣвцовъ тоже были плуты и мошенники? И кто знаетъ, можетъ быть гораздо худшіе, нежели тѣ, чтò сидятъ въ тюрьмѣ!

Эриху было невыразимо грустно отъ того, что мальчику такъ рано пришлось познакомиться съ темными сторонами жизни.

Они достигли зданія суда.

Скамью подсудимыхъ занимали: садовникъ, прозванный Гномомъ, конюхъ и ловчій. Гномъ усердно нюхалъ табакъ, конюхъ дерзко смотрѣлъ вокругъ, а ловчій сидѣлъ, закрывъ глаза рукой. Гномъ имѣлъ хорошо откормленный, сытый видъ. Пребываніе въ тюрьмѣ принесло ему большую пользу. Его самолюбіе казалось было польщено тѣмъ, что въ залу собралось такъ много зрителей, и онъ глупо таращилъ на нихъ глаза. Конюхъ бросалъ на собраніе презрительные взгляды. Онъ былъ тщательно завитъ.

Одинъ Клаусъ смотрѣлъ уныло. Онъ держался нѣсколько въ сторонѣ отъ товарищей, и когда Гномъ къ нему наклонился, намѣреваясь что-то шепнуть, онъ быстро отвернулся. Онъ тоже взглянулъ на собраніе и увидѣлъ въ числѣ зрителей свою жену, двухъ сыновей и дочь, но бочара съ ними не было. Ему показалось, что дѣти его, съ тѣхъ поръ какъ онъ съ ними разстался, успѣли вырости. Всѣ они явились сюда въ воскресныхъ платьяхъ быть свидѣтелями стыда... нѣтъ, торжества ихъ отца. Клаусъ нетерпѣливо завертѣлся на скамьѣ. Онъ пошевелилъ губами, но не произнесъ ни слова, а только мысленно послалъ женѣ успокоительный привѣтъ: «Не бойся—хотѣлось ему ей сказать—еще часа два времени и мы всѣ вмѣстѣ отправимся домой.»

На скамьѣ свидѣтелей, между тѣмъ, помѣстились: Зонненкампъ, Эрихъ и Роландъ. Послѣдній сидѣлъ между отцемъ и Эрихомъ, къ которому боязливо прижимался. Кнопфъ, расположившійся по другую сторону Эриха, ласково кивнулъ головой Роланду.

Прочли обвинительный актъ. Зонненкампъ, согласно своему желанію, былъ первый допрошенъ и призналъ украденныя вещи за свои. Роландъ быстро выпрямился, когда услышалъ, какъ кротко и спокойно говорилъ его отецъ. Зонненкампъ сначала выразилъ свое состраданіе къ несчастнымъ подсудимымъ, но потомъ прибавилъ, что судъ тѣмъ не менѣе долженъ совершать свое дѣло. Зонненкампа отпустили и позвали къ допросу главнаго садовника.

— Судъ одинаково принимаетъ свидѣтельство всѣхъ людей, шепнулъ Роландъ Эриху, и тотъ понялъ, что̀ мальчикъ хотѣлъ этимъ сказать. Его гордость была на мгновеніе оскорблена тѣмъ, что показаніе садовника могло имѣть точно такую же силу, какъ и свидѣтельство его отца, но онъ быстро побѣдилъ въ себѣ это чувство.

Затѣмъ всталъ Эрихъ. Объявивъ, что Клаусъ дѣйствительно часто съ горечью отзывался о различіи между бѣдными и богатыми, онъ однако выразилъ твердую увѣренность въ томъ, что онъ неспособенъ ни на какое преступленіе. Когда Эрихъ между прочимъ упомянулъ о вопросѣ ловчаго: что̀ сдѣлалъ бы онъ, еслибъ владѣлъ милліонами? — по всему собранію пронесся шопотъ. Вопросъ этотъ во всемъ мірѣ повторяется на разные лады.

Вызвали Кнопфа. Онъ прежде всего прочелъ письменное заявленіе Вейдемана-отца о томъ, что Клаусъ находился у него въ услуженіи въ теченіи многихъ лѣтъ и всегда отличался безукоризненной честностью. Онъ, Вейдеманъ, считаетъ его неспособнымъ не только на воровство, но даже и на самый незначительный обманъ. Кнопфъ съ своей стороны замѣтилъ, что ловчій вообще любитъ доискиваться причинъ различныхъ явленій и часто пускается въ разсужденія о предметахъ, которые ему не подъ силу.

Настала очередь Роланда. Когда онъ подходилъ къ предсѣдательскому мѣсту, Клаусъ кивнулъ ему головой. Мальчика, въ качествѣ несовершеннолѣтняго, не приводили къ присягѣ, но онъ громко и твердо объявилъ, что слово его также вѣрно, какъ клятва. Это произвело на всѣхъ благопріятное впечатлѣніе. Роландъ призналъ украденныя вещи за свои, подтвердилъ, что комната его отца была заперта, хотя и сдѣлалъ оговорку, что въ теченіи нѣсколькихъ дней близко къ ней не подходилъ. Потомъ онъ самъ, не будучи никѣмъ спрошенъ, высказалъ свою увѣренность въ невинности ловчаго. Клаусъ при этихъ словахъ приподнялся, такъ что сидѣвшій сзади него полицейскій служитель, долженъ былъ придержать его за плечо.

Ловчаго еще подозрѣвали единственно въ утайкѣ украден-

ныхъ вещей, но другіе два подсудимые принуждены были сознаться въ преступленіи и старались только отклонить отъ себя обвиненіе въ томъ, что воровство сопровождалось также и взломомъ. Эриха снова потребовали къ допросу, и онъ подтвердилъ, какъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ Клаусъ просилъ, чтобъ ему показали весь домъ. Когда онъ вернулся на мѣсто, Роландъ вдругъ привсталъ и спросилъ:

— Господинъ предсѣдатель, могу ли я сказать еще одно слово?

— Говорите, ласково отвѣчалъ предсѣдатель: говорите все, что̀ хотите.

Роландъ твердыми шагами подошелъ къ нему и голосомъ совершенно взрослаго человѣка быстро заговорилъ.

— Вотъ вамъ моя рука въ удостовѣреніе того, что нашъ несчастный обвиняемый собратъ также невиненъ, какъ и бѣденъ. Онъ, правда, часто жаловался на различіе состоянія между людьми, но я передъ Богомъ и людьми завѣряю, что онъ также часто говаривалъ: Да будетъ проклята рука, которая неправильно пріобрѣтаетъ богатство! Возможно ли, чтобъ этотъ самый человѣкъ ночью ворвался въ чужой домъ и совершилъ тамъ воровство? Умоляю васъ, оправдайте его: онъ такъ же невиненъ, какъ вы, и какъ я.

Онъ замолкъ, но продолжалъ неподвижно стоять на мѣстѣ. Собраніе слушало, притаивъ дыханіе.

— Имѣете вы еще что́-нибудь сказать? спросилъ предсѣдатель.

— Нѣтъ, благодарю васъ! отвѣчалъ мальчикъ, который, повидимому, теперь только очнулся.

Онъ возвратился къ Эриху, который взялъ его за руку и удержалъ ее въ своей. Рука Роланда была холодна какъ ледъ, но вскорѣ согрѣлась отъ теплаго прикосновенія Эриха. Кнопфъ тоже пытался пожать своему бывшему воспитаннику руку, но никакъ не могъ ее найти, потому что принужденъ былъ снять очки, которыя затуманились отъ навернувшихся на его глазахъ слезъ.

Совѣщаніе присяжныхъ не долго продолжалось. Въ числѣ ихъ находился и былъ ими избранъ въ старшины — хозяинъ дома, гдѣ жилъ маіоръ. Вернувшись послѣ кратковременнаго отсутствія, онъ выступилъ впередъ, и положивъ руку на сердцѣ, произнесъ: «виновенъ», противъ Гнома и конюха, — «невиненъ», противъ ловчаго.

Клаусъ уже стоялъ у входа въ судебную залу, окруженный женой и дѣтьми, къ которымъ теперь присоединился и бочаръ. Роландъ съ трудомъ пробрался къ нимъ и крѣпко пожалъ Клаусу руку. Но ловчій всѣхъ отъ себя отстранилъ, говоря, что прежде всего хочетъ поговорить съ сыномъ Вейдемана, который

былъ однимъ изъ присяжныхъ. Завидѣвъ его выходящимъ изъ залы, онъ бросился къ нему и съ жаромъ просилъ его передать отцу, какъ онъ ему благодаренъ. «Теперь все кончено, все изглажено, говорилъ Клаусъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, какого мнѣнія обо мнѣ господинъ Вейдеманъ!»

Молодой Вейдеманъ подошелъ къ Эриху и поздравилъ его съ тѣмъ, что онъ съумѣлъ такъ хорошо воспитать Роланда. Къ нимъ подходили еще и многіе другіе и всѣ пожимали имъ руки. Эрихъ попросилъ молодого Вейдемана поклониться отъ него отцу и сказать ему, что онъ собирается въ Маттенгеймъ, гдѣ и навѣститъ его въ самомъ скоромъ времени.

Кнопфъ стоялъ нѣсколько поодаль въ группѣ мужчинъ, которыхъ умолялъ не хвалить Роланда, говоря, что они этимъ могутъ его испортить. Самъ онъ тоже удержался и не подошелъ къ нему даже пожать руки.

Наконецъ, появился Зонненкампъ. Онъ поздравилъ Клауса и сказалъ, что самъ долженъ еще остаться въ городѣ, а потому пусть Эрихъ и Роландъ ѣдутъ на виллу одни. Роландъ предложилъ взять съ собой въ карету Клауса и его семью. Ловчій долго отговаривался, но наконецъ принужденъ былъ сдаться на просьбы Роланда. Онъ сѣлъ въ экипажъ съ женой, а дѣтей послалъ домой пѣшкомъ.

Роландъ съ торжествующимъ видомъ везъ по городу и черезъ деревни оправданнаго Клауса, жена котораго будто стыдилась того, что ѣдетъ въ такомъ роскошномъ экипажѣ. Но самъ Клаусъ, спокойно озираясь вокругъ, приговаривалъ:

— На поляхъ все отлично и безъ меня взошло, и будетъ точно также рости и цвѣсти, когда я уѣду за море.

И онъ съ жаромъ защищалъ противъ Эриха свое намѣреніе переселиться въ Америку.

ГЛАВА XIII.

МАІОРЪ ОДЕРЖИВАЕТЪ ПОБѢДУ.

Тоже самое солнце, которое сіяло надъ Вольфсгартеномъ, гдѣ Белла такъ жестоко боролась съ собой, свѣтило и сквозь опущенныя сторы суда на скамью подсудимыхъ и сквозь закрытыя ставни мирнаго жилища профессорши.

Мать Эриха сидѣла въ уголку близъ рояля, рядомъ съ уставленнымъ цвѣтами окномъ. Она работала, а мысли ея были съ сыномъ. Ей казалось непонятнымъ, почему именно на долю

Эриха выпала такая странная судьба, почему долженъ онъ былъ избрать такой странный путь въ жизни? Она уныло взглянула на портретъ мужа, и ей показалось, что она слышитъ его отвѣтъ: «Дитя мое!—говорилъ онъ ей—а развѣ наша жизнь, и въ особенности твоя, была менѣе странна? Это переходитъ по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому. Но да будетъ намъ утѣшеніемъ, что у сына нашего твердый характеръ и много силы воли: судьба можетъ его сразить, но никакъ не измѣнить.»

Такимъ образомъ успокоивала себя профессорша, и этому не мало способствовали также и письма Эриха. Послѣ перваго пространнаго увѣдомленія о томъ, какъ онъ устроился, Эрихъ разъ навсегда просилъ извинить его, если впередъ письма его будутъ отзываться нѣкоторой поспѣшностью. Онъ хотѣлъ на время забыть все, что̀ лично до него касалось, и весь безраздѣльно отдаться своему новому дѣлу. Только такимъ образомъ могъ онъ надѣяться, что ему удастся какъ слѣдуетъ воспитать Роланда. Вначалѣ онъ часто упоминалъ о Клодвигѣ и о Беллѣ, говорилъ о томъ, какъ ему бываетъ хорошо и свободно въ ихъ обществѣ. Но потомъ имя Беллы почти совсѣмъ исчезло изъ его писемъ, и онъ только изрѣдка передавалъ отъ нея поклоны. Мать не обратила на это вниманія, но отъ тетушки Клавдіи обыкновенно ничто не ускользало. Она рѣдко сама начинала о чемъ либо говорить, но если къ ней обращались съ вопросомъ, у ней всегда бывалъ на все готовый и весьма опредѣлительный отвѣтъ. Когда профессорша, послѣ посѣщенія Клодвига и Беллы, спросила, какое они произвели на нее впечатлѣніе, тетушка Клавдія отвѣчала, что примѣтила въ Беллѣ какое-то странное безпокойство. Вниманіе, съ какимъ она разсматривала юношескій портретъ Эриха, невольно навело ее на мысль, что она къ нему не равнодушна. Профессорша должна была сознаться, что и сама примѣтила нѣчто подобное. Ее особенно поразили настойчивые распросы Беллы о прошлой жизни Эриха. Но вниманіе ея къ портрету она постаралась объяснить самой себѣ и своей золовкѣ артистическими наклонностями графини. Портретъ былъ очень хорошъ. За него еще недавно предлагали значительную сумму денегъ, желая пріобрѣсти его для одной коллекціи художественныхъ произведеній. А Белла сама отлично рисовала и, безъ сомнѣнія, смотрѣла на портретъ только глазами художницы.

Въ жилищѣ этихъ двухъ женщинъ царствовалъ невозмутимый миръ. Онѣ жили почти также тихо, какъ цвѣты на окнѣ, которые подъ ихъ заботливымъ надзоромъ великолѣпно росли и цвѣли. Однажды почталіонъ принесъ имъ письмо. Адресъ былъ написанъ красивымъ почеркомъ, который служилъ

вѣрнымъ изображеніемъ личности Клодвига. Каждая буква, каждая черта въ немъ были отчетливо выведены, не изобличая ни поспѣшности, ни излишней старательности, а строки шли на равномъ разстояніи одна отъ другой. Уже одинъ видъ письма Клодвига возбуждалъ пріятное чувство, которое вполнѣ оправдывалось его содержаніемъ. Онъ писалъ, что профессорша его въ высшей степени обяжетъ, если приметъ его приглашеніе и пріѣдетъ въ Вольфсгартенъ провести тамъ нѣсколько недѣль. Онъ напоминалъ ей о дружбѣ, связывавшей его съ ея покойнымъ мужемъ, и которая теперь съ такой необычайной силой влекла его къ Эриху. Затѣмъ онъ ссылался на свое личное знакомство съ профессоршой и шутливо замѣчалъ, что до сихъ поръ каждое его теплое чувство къ другимъ постоянно встрѣчало самый горячій отвѣтъ: неужели она захочетъ доказать ему возможность противнаго и теперь на старости лѣтъ не пожалѣетъ его пристыдить? Въ заключеніе онъ просилъ у матери своего друга, Эриха, позволенія назвать себя также и ея «другомъ Клодвигомъ». Въ письмѣ не было обычныхъ любезныхъ фразъ, но все въ немъ дышало самой утонченной деликатностью. Внизу Белла крупнымъ и быстрымъ почеркомъ тоже написала нѣсколько словъ приглашенія. Она просила профессоршу и тетушку Клавдію оказать ей честь своимъ посѣщеніемъ и извинялась въ томъ, что на этотъ разъ ограничивается такой коротенькой припиской. Но это потому, что она надѣется въ самомъ скоромъ времени себя вполнѣ вознаградить длинными и дружескими бесѣдами какъ съ профессоршей, такъ и съ тетушкой Клавдіей. Въ заключеніе, она еще просила ихъ захватить съ собой ноты Эриха.

Въ конвертѣ находилось также небольшое письмецо отъ доктора, который, отрекомендовавшись ученикомъ стараго профессора, шутливо предлагалъ госпожѣ Дорнэ свои докторскія услуги. Затѣмъ слѣдовала небольшая фраза, въ которой онъ намекалъ, что для Эриха было бы весьма полезно почаще встрѣчать взоръ матери: онъ нашелъ бы въ немъ и опору и предостереженіе.

Эти послѣднія слова навели на профессоршу глубокое раздумье, и она рѣшилась принять приглашеніе Клодвига. Но въ дверь вторично раздался стукъ и ей подали телеграмму отъ Зонненкампа.

Едва профессорша успѣла ее прочесть, какъ послышался новый стукъ, и въ комнату вошелъ маіоръ. Профессорша въ первую минуту его не узнала и испугалась, увидя его красное лице, коротко выстриженную сѣдую голову и орденскую ленточку въ петлицѣ. Она почему-то приняла его за полицейскаго служителя и мысленно связала его приходъ съ Эрихомъ, который, ей на

минуту показалось, попалъ въ какую-нибудь бѣду. Маіоръ своей неловкостью только еще болѣе усилилъ ея испугъ.

— Сударыня, сказалъ онъ, я пришелъ сюда съ цѣлью выполнить надъ вами приговоръ: только онъ заключается не въ изгнаніи васъ изъ эдема, а напротивъ, въ приглашеніи васъ въ сады Эдема.

Маіоръ былъ очень доволенъ этой фразой, которую придумалъ въ вагонѣ и потомъ въ теченіи всей дороги мысленно повторялъ, изъ опасенія ее забыть. И вотъ, какъ нарочно, она пришлась здѣсь вовсе не кстати. Профессорша такъ дрожала, что не могла даже встать. Маіоръ, замѣтивъ это, воскликнулъ:

— Сидите пожалуйста, чтò за церемоніи со мной! Я не люблю никого тревожить, и мнѣ всегда бываетъ пріятно, когда съ моимъ приходомъ куда-нибудь, никто не двигается съ мѣста. Тогда я, по крайней мѣрѣ, увѣренъ, что никому не помѣшалъ. Вѣдь и вы, вѣроятно, также думаете.

— Вы не отъ моего ли сына пріѣхали?

— Отчасти и отъ него. Я, видите ли, если и не изъ лучшихъ людей, то все же и не изъ худшихъ, и во всю мою жизнь никому ни разу не позавидовалъ. Но когда вы заговорили о вашемъ сынѣ, мнѣ положительно стало завидно. Почему и я не могу говорить о своемъ сынѣ? Ахъ, еслибъ у меня былъ такой же сынъ, какъ у васъ!

У профессорши отлегло отъ сердца. Маіоръ вручилъ ей письма отъ Зонненкампа и отъ совѣтницы и просилъ ее ихъ немедленно прочесть, говоря, что онà его этимъ избавитъ отъ дальнѣйшихъ объясненій. Профессорша стала читать, а маіоръ, не спуская глазъ съ ея лица, по временамъ одобрительно кивалъ головой.

Затѣмъ профессорша сказала маіору нѣсколько ласковыхъ, привѣтливыхъ словъ и позвала золовку. Та пришла. Въ комнатѣ открыли ставни, и въ нее мгновенно хлынулъ съ улицы цѣлый потокъ свѣта, который озарилъ все веселыя, улыбающіяся лица.

— На чтó же мы рѣшимся? спросила тетушка Клавдія.

— Какъ на чтò? Да объ этомъ и рѣчи быть не можетъ. Конечно, примемъ любезное приглашеніе.

— Чье?

— Господина Зонненкампа.

— Отлично! воскликнулъ маіоръ и радостно засмѣялся.—Вы мнѣ позволите закурить сигару? сказалъ онъ потомъ. Вѣдь вашъ мужъ нашъ братъ,—да будетъ миръ его праху!—вѣроятно, тоже курилъ.

— Конечно!

Тетушка Клавдія быстро зажгла спичку и, держа ее въ своихъ тонкихъ, изящныхъ пальцахъ, поднесла маіору.

— Вотъ такъ! проговорилъ тотъ, закуривъ сигару:—Вы мнѣ одолжили огня, а я, ради васъ, охотно бросился бы въ огонь.

И снова довольный этою игрою словъ, онъ съ наслажденіемъ пускалъ дымъ.

Передъ отъѣздомъ пришлось многое убрать и кое-что приготовить. Маіоръ говорилъ, что съ виллы сюда можно будетъ прислать за вещами Іозефа, и совѣтовалъ не оставлять за собой ни нитки. Затѣмъ онъ попросилъ позволенія на нѣсколько времени отлучиться и пошелъ навѣстить нѣкоторыхъ членовъ своего братства.

Послѣ полудня, маіоръ и обѣ женщины отправились на желѣзную дорогу, и занявъ мѣста въ вагонѣ перваго класса, быстро помчались по направленію къ Рейну. Маіоръ былъ несказанно счастливъ и гордился своей побѣдой, какъ будто отнялъ у непріятеля походную кассу.

ГЛАВА XIV.

КАРТОФЕЛЬ И НѢЧТО ЕЩЕ ЛУЧШЕЕ.

Эрихъ и Роландъ ѣхали съ Клаусомъ и его женой. Когда они достигли до поворота къ его жилищу, ловчій попросилъ остановиться и вышелъ изъ экипажа.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, дальше я съ вами не поѣду. Видите ли вы эти руки? На нихъ были цѣпи: что̀ могутъ онѣ теперь дѣлать? Искать мести? но на комъ? А еслибъ я и зналъ на комъ, такъ къ чему бы мнѣ это послужило?

Онъ взялъ въ горсть земли, и поднявъ руку къ небу, воскликнулъ:

— Клянусь, что я здѣсь не останусь, но переселюсь въ Новый Свѣтъ, гдѣ пріобрѣту себѣ собственную землю. Довольно я на своемъ вѣку охранялъ чужую собственность!

Эрихъ и Роландъ тоже вышли изъ экипажа и пошли далѣе съ Клаусомъ и его женой. Они хотѣли проводить ихъ до самаго дому. Вдругъ съ одного изъ виноградныхъ холмовъ кто-то ихъ окликнулъ. Они оглянулись и увидѣли Семиствольника, который быстро къ нимъ спускался, держа въ рукахъ топорикъ, составляющій отличительный знакъ полевыхъ сторожей.

Передавая его Клаусу, Семиствольникъ сказалъ:

— Возьми его опять: я вѣрно тебѣ его сохранилъ.

И онъ тоже присоединился къ нимъ. На дворѣ жилища Клауса они были встрѣчены громкимъ лаемъ собакъ, а въ комнатѣ всѣ птицы встрепенулись и радостно защебетали, привѣтствуя своего хозяина. Но громче всѣхъ раздавался голосъ чернаго дрозда, который принялся насвистывать: «радуйтесь»! но на второмъ же тактѣ вдругъ остановился. Клаусъ смотрѣлъ вокругъ себя, какъ будто теперь только пробуждаясь отъ тяжелаго сна. Но мало-по-малу всѣ успокоились и расположились вокругъ стола, на которомъ, стараніями одной сосѣдки, не замедлилъ появиться молодой картофель. Никогда кушанье не казалось Роланду такимъ вкуснымъ. Всѣ засмѣялись, когда онъ вдругъ сказалъ:

— Клаусъ, картофель происходитъ изъ той страны, куда ты хочешь переселиться и откуда я пріѣхалъ. Онъ тамъ родился и подобно мнѣ былъ вывезенъ сюда.

Всѣ были веселы и довольны другъ другомъ. Роландъ, получившій назадъ украденные часы, просилъ ловчаго принять ихъ отъ него на память. Клаусъ упорно отказывался, несмотря на увѣщанія Эриха и Семиствольника.

— Отецъ, возьми! неожиданно промолвилъ бочаръ, и тогда только ловчій согласился взять подарокъ.

Но никто не былъ такъ оживленъ и разговорчивъ, какъ Семиствольникъ. Онъ все журилъ Клауса за то, что тотъ придаетъ такъ много значенія деньгамъ. Что же до него самого касается, то онъ богатство считаетъ вовсе для себя не нужнымъ. Вѣдь человѣкъ, доказывалъ онъ, не можетъ ни пить, ни ѣсть сверхъ сытости, ни спать больше, чѣмъ у него хватаетъ сна. Не все ли равно, на какой постели лежать, лишь бы спать. А въ каретахъ ѣздить—это чистый вздоръ: шагать на своихъ собственныхъ здоровыхъ ногахъ несравненно пріятнѣе.

Рѣчь между прочимъ зашла и о Гномѣ.

— Кто вздумаетъ со временемъ пойти на могилу этого человѣка, сказалъ Семиствольникъ: тотъ пусть не ходитъ одинъ, а возьметъ съ собой проводника.

— Это почему? спросилъ Роландъ.

— А потому, что Гному не избѣжать висѣлицы.

Но Клаусу не нравился этотъ разговоръ о злыхъ людяхъ. Семиствольникъ между тѣмъ послалъ къ себѣ на домъ съ какимъ-то порученіемъ одного изъ дѣтей, и въ ту самую минуту, какъ на столѣ появилось присланное фрейленъ Милькъ вино, изъ сѣней раздалось пѣніе. Тамъ собрался весь оркестръ Семиствольника, къ которому вскорѣ присоединился и Эрихъ.

Наконецъ настало время вернуться на виллу. Едва Эрихъ и

Роландъ вышли на большую дорогу, какъ мимо нихъ проѣхала карета, и голосъ маіора закричалъ:

— Батальонъ, стой!

Они остановились. Въ каретѣ вмѣстѣ съ маіоромъ сидѣли профессорша и тетушка Клавдія.

— Мнѣ только этого одного и оставалось желать! воскликнулъ Роландъ:—Знаете-ли, маіоръ, Клаусъ уже оправданъ, онъ невиненъ!

Профессорша нѣжно обняла сначала Роланда, а потомъ Эриха. Она также вышла изъ экипажа и пошла пѣшкомъ, опираясь на сына и ведя за руку Роланда. Маіоръ учтиво подалъ руку тетушкѣ Клавдіи, но та отказалась на нее опереться, говоря, что у нее уже такой обычай ни отъ кого не принимать подобныхъ услугъ.

— И вы совершенно правы, сказалъ маіоръ. Фрейленъ Милькъ того же мнѣнія. Вы съ ней познакомитесь и навѣрное сойдетесь. Представьте себѣ, она знала... Мнѣ просто непонятно, откуда это она все знаетъ... она знала, что графъ Клодвигъ послалъ вамъ приглашеніе. Но мы тоже себѣ на умѣ, прибѣгли къ военной хитрости—и вотъ вы у насъ! Не даромъ говорится: на чьей сторонѣ счастье, тотъ и увозитъ невѣсту.

Вдали слышалась музыка, и маіоръ объяснилъ, что это баронъ фонъ-Эндлихъ все еще празднуетъ свадьбу дочери.

— Матушка, сказалъ Эрихъ: всякій разъ, что мнѣ будетъ грустно, я вспомню объ этой минутѣ, и мнѣ станетъ легче.

Профессорша отъ избытка чувствъ не могла говорить.

На виллѣ ихъ ожидалъ самый радушный пріемъ. Совѣтница обняла и поцѣловала профессоршу; только Церера прислала извиниться, что не можетъ выйти.

Съ наступленіемъ вечера вернулся и Зонненкампъ.

Мѣсяцъ ясно свѣтилъ, когда профессорша и тетушка Клавдія, въ сопровожденіи Эриха и Роланда, отправились въ обвитый виноградомъ домикъ. Тамъ, стоя на балконѣ, профессорша еще разъ взяла Эриха за руку и сказала:

— Еслибъ отецъ могъ тебя видѣть, онъ бы порадовался со мной: ты еще не утратилъ твоего чистаго, яснаго взгляда—значитъ все хорошо.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА I.

МАТУШКА ЗДѢСЬ!

«Моя мать здѣсь!..»

Свѣжее, пропитанное росой дыханіе утра коснулось лица Эриха, и ему казалось, что онъ слышитъ голосъ ребенка, какъ онъ зоветъ свою мать. Но слова эти были имъ самимъ произнесены въ минуту пробужденія. Онъ снова закрылъ глаза и погрузился въ мечты о своемъ дѣтствѣ. Все, что̀ съ тѣхъ поръ смущало, волновало и терзало его душу, — все это исчезло изъ его памяти.

«Твоя мать здѣсь!» повторилъ вслѣдъ затѣмъ голосъ сыновняго долга.

Эрихъ всталъ и подошелъ къ постели Роланда. Ему не было надобности будить мальчика словами: лишь только онъ на него взглядывалъ, тотъ мгновенно просыпался. Такъ и теперь Роландъ быстро открылъ глаза и первымъ его словомъ было:

— Твоя мать здѣсь!

Чужой голосъ вслухъ повторялъ то самое, что̀ звучало въ глубинѣ души Эриха. Положивъ руку на голову мальчика, онъ съ удовольствіемъ и въ тоже время съ грустью на него смотрѣлъ. Зачѣмъ этому богатому юношѣ отказано въ счастьи материнской любви?

Этотъ день былъ для нихъ особенно священный. Эрихъ и Роландъ прежде всего поздоровались съ профессоршей, а затѣмъ отправились бродить по берегу рѣки.

— Рейнъ, Рейнъ, весело воскликнулъ Роландъ: мать Эриха здѣсь!

Эрихъ улыбнулся. Лицо мальчика сіяло яркимъ румянцемъ.

Они шли къ матери, какъ въ храмъ, и выходили отъ нея съ

такимъ же точно чувствомъ благоговѣнія, какъ будто возвращались изъ храма. Въ ея кроткомъ присутствіи на всѣхъ точно нисходили миръ и благословеніе. Каждое ея слово, движеніе, каждый взглядъ обличали самообладаніе и строгую приверженность долгу. Она сказала сыну и Роланду, что лучшимъ доказательствомъ ихъ любви и уваженія къ ней будетъ то, что они сегодня, какъ вчера, прилежно займутся своимъ дѣломъ. Во всякомъ положеніи, говорила она, въ горѣ и въ радости, прежде всего надо имѣть въ виду долгъ и заботиться о его выполненіи.

Итакъ, Эрихъ и Роландъ по обыкновенію сѣли за урокъ. Они въ этотъ день читали о возвращеніи Улисса въ Итаку. Но Эрихъ, несмотря на всѣ свои усилія, никакъ не могъ вполнѣ отдаться труду. Мысль, что онъ опять съ матерью, сладко волновала его, и, смотря на Роланда, онъ думалъ: зачѣмъ и онъ не можетъ испытывать того же, что я? Всякую другую любовь въ жизни человѣкъ долженъ пріобрѣтать, заслуживать, завоевывать: одна материнская любовь можетъ даваться ему даромъ и никогда его не покидаетъ.

Эрихъ вспомнилъ между прочимъ и о Беллѣ. Онъ надѣялся, что успѣлъ побѣдить въ себѣ всякое предательское чувство въ отношеніи къ своей собственной личности, къ міру и ко всему чистому и благородному. Въ немъ возникла новая сила, тѣмъ болѣе прочная, что она выработалась въ немъ долгой и тяжелой борьбой, и онъ съ бо́льшимъ одушевленіемъ, чѣмъ когда-либо занялся своимъ урокомъ съ мальчикомъ. Они оба вскорѣ до того углубились въ чтеніе и такъ заинтересовались раскрывавшейся передъ ними чуждой жизнью, что забыли все окружающее.

За обѣдомъ они съ новымъ удовольствіемъ встрѣтились съ профессоршей, а потомъ гуляли съ ней въ саду. Но Церера все еще не показывалась и прислала извиниться за себя фрейленъ Пэрини. Зонненкампъ усмѣхнулся, зная, что Церера вовсе и не думала извиняться, но фрейленъ Пэрини сочла нужнымъ это объявить отъ ея имени. Церера упорствовала въ своемъ отчужденіи отъ гостей, общество которыхъ ей, по ея мнѣнію, навязывали, и фрейленъ Пэрини взяла на себя трудъ отдалять ихъ отъ нея. Вся ея сила въ домѣ заключалась именно въ умѣніи все улаживать и отстранять отъ Цереры малѣйшія затрудненія. Фрейленъ Пэрини явно старалась быть пріятной профессоршѣ, и когда та выучила ее какой-то новой ручной работѣ, благодарности ея не было конца.

Но больше всѣхъ способствовала къ сближенію хозяевъ и гостей совѣтница. Уваженіе, съ какимъ она относилась къ профессоршѣ, на всѣхъ имѣло хорошее вліяніе и разомъ доставило

той почетное мѣсто въ семьѣ, котораго она, конечно, со временемъ и сама достигла бы, но не такъ быстро, какъ теперь. Совѣтница иначе не говорила о профессоршѣ какъ о любимой статсъ-дамѣ при герцогскомъ дворѣ, гдѣ и по сю пору имя ея оставалось синонимомъ всего прекраснаго и благороднаго. Сначала нѣсколько преувеличенный почетъ, какимъ ее окружила совѣтница смущалъ и тревожилъ профессоршу, но потомъ она успокоилась, приписавъ его желанію сгладить для нея всѣ непріятности ея зависимаго положенія и самую бѣдность ея обратить въ новое для нея торжество.

Даже фрейленъ Пэрини,— и та не могла устоять противъ вліянія профессорши. Въ обращеніи этой женщины было столько кроткаго достоинства, простоты и въ тоже время изящества, лицо ея имѣло такое ясное и спокойное выраженіе, что въ присутствіи ея невольно умолкало всякое злое и порочное чувство. И при всемъ томъ профессорша еще сохранила въ сердцѣ своемъ много юношескаго жара, который сначала поддерживался въ ней идеальными воззрѣніями ея мужа, а теперь нашелъ себѣ новую пищу въ Эрихѣ. Доброта и привѣтливость профессорши были неисчерпаемы. Самыя обыкновенныя рѣчи въ ея устахъ получали новую цѣну и оригинальную свѣжесть, вслѣдствіе чего вамъ всегда казалось, будто вы ихъ слышали въ первый разъ.

За обѣдомъ пришло письмо изъ Вольфсгартена. Белла поздравляла профессоршу съ пріѣздомъ и увѣдомляла о своемъ намѣреніи завтра ее навѣстить.

Профессорша хотѣла отвѣчать графинѣ съ ея же посланнымъ, но тотъ, ко всеобщему удивленію, уже скрылся. Зонненкампъ поспѣшилъ его отправить назадъ, а когда профессорша вручила свое письмо для доставленія въ Вольфсгартенъ одному изъ домашнихъ слугъ, оно, прежде чѣмъ дойти до мѣста своего назначенія, попало въ руки того же Зонненкампа. Онъ его искусно распечаталъ и съ самодовольной улыбкой прочелъ столь же изящный по формѣ, сколько скромный по содержанію отвѣтъ профессорши. Она между прочимъ говорила, что, хотя и считаетъ себя на виллѣ только гостьей, тѣмъ не менѣе осмѣливается просить друзей своихъ хозяевъ удѣлить также и ей часть ихъ расположенія. Улыбка не сходила съ лица Зонненкампа. Онъ не ошибся въ своемъ разсчетѣ: профессорша привлечетъ къ нему въ домъ всю окрестную знать, и самъ онъ, наконецъ, вступитъ въ высшее общество на правахъ равнаго.

ГЛАВА II.

НИКОГДА НИЧЕМУ НЕ УЧИЛАСЬ, А ХОЧЕТЪ УЧИТЬСЯ.

Изъ кабинета Зонненкампъ отправился къ своей женѣ. Въ прихожей его встрѣтила служанка и объявила ему, что ея госпожа никого теперь не желаетъ видѣть. Но Зонненкампъ не обратилъ на это вниманія и пошелъ далѣе. Церера по обыкновенію лежала на диванѣ. Окна въ ея комнатѣ были завѣшаны, и въ большой залѣ царствовали сумерки. Церера взглянула на мужа, широко раскрывъ свои большіе черные глаза и молча протянула ему маленькую изящную руку, украшенную длинными, точно выточенными ногтями. Зонненкампъ поцѣловалъ руку и сѣлъ возлѣ жены.

Съ минуту длилось молчаніе, а потомъ Зонненкампъ началъ объяснять женѣ, что присутствіе въ ихъ домѣ профессорши можетъ ускорить осуществленіе ихъ плановъ. Рука этой женщины, говорилъ онъ, должна раскрыть передъ нами двери герцогскаго дворца. Послѣднія слова, повидимому, произвели впечатлѣніе на Цереру. Она приподнялась и хотя все еще продолжала молчать, однако взоръ ея оживился, и въ немъ точно мелькнула надежда. Зонненкампъ, находясь по ту сторону океана и во время своего продолжительнаго путешествія, не переставалъ ублажать жену разсказами о придворныхъ празднествахъ и постоянно возбуждалъ въ ней желаніе пожить жизнью, которая будто бы составляетъ величайшее благо въ мірѣ. Съ тѣхъ поръ мечтой Цереры сдѣлалось попасть въ тотъ заколдованный кругъ, гдѣ все сверкаетъ и блеститъ, гдѣ люди уподобляются полубогамъ. Теперь она, правда, убѣдилась, что краски въ картинѣ, которую ей рисовало воображеніе, были нѣсколько преувеличены, но тѣмъ не менѣе всюду, гдѣ бы она ни бывала, ей только и приходилось слышать, какъ люди все свое счастье полагаютъ въ томъ, чтобъ имѣть доступъ ко двору. Все это возбуждало въ Церерѣ негодованіе противъ мужа, который только тѣшилъ ее обѣщаніями, а на дѣлѣ ни мало не заботился объ ихъ выполненіи. Вотъ они и въ Европѣ, а между тѣмъ все таки продолжаютъ жить въ уединеніи и ожидать той счастливой минуты, когда ихъ призовутъ ко двору.

Но отчего это такъ долго длится? Отчего люди ихъ чуждаются? Даже Белла, единственная оказывающая имъ расположеніе, и та обращается съ ней, какъ съ попугаемъ, какъ съ заморской птицей, блестящими перьями которой восхищаются,

но съ которой ничего не хотятъ имѣть общаго, — развѣ только изрѣдка бросаютъ ей кусокъ сахару, въ видѣ комплимента. Самое воспоминаніе о томъ, какъ она всѣхъ затмила на праздникѣ барона фонъ-Эндлиха, перестало радовать и удовлетворять Цереру.

Несмотря на наружную лѣнь и безучастность ко всему, что̀ вокругъ нея происходило, голова Цереры была постоянно занята мыслью, брошенной въ нее Зонненкампомъ и пустившей въ ней корни гораздо глубже, чѣмъ даже онъ самъ того желалъ. Мысль эта овладѣла всѣмъ существомъ Цереры и не давала ей ни минуты покоя.

Теперь Зонненкампъ старался доказать своей женѣ, что присутствіе въ ихъ домѣ профессорши, сообщая ему новый блескъ, приближаетъ ихъ къ цѣли, къ которой они такъ давно стремятся. Ужъ чего совѣтница, говорилъ онъ, и та признаетъ ея превосходство надъ собой. Профессорша пользовалась всеобщей любовью, уваженіемъ при дворѣ; она считалась тамъ важнымъ лицомъ и была другомъ вдовствующей герцогини.

Убѣдительные доводы Зонненкампа, наконецъ, оказали свое дѣйствіе на Цереру.

— Вы, дѣйствительно, очень умны, сказала она. Хорошо, я повидаюсь съ матерью учителя.

Зонненкампъ попробовалъ-было дать ей нѣсколько наставленій, на счетъ того, что̀ ей слѣдуетъ говорить съ профессоршей. Но Церера начала, какъ капризное дитя, или лучше сказать, какъ разъяренный звѣрь, кричать, размахивать руками и топать ногами.

— Я не нуждаюсь въ наставленіяхъ! восклицала она: — Ни слова болѣе, и скорѣй пришлите сюда эту женщину.

Зонненкампъ въ сильной тревогѣ отправился къ профессоршѣ. Онъ хотѣлъ предупредить ее на счетъ того, какъ лучше обращаться съ Церерой, но побоялся, чтобъ она его нечаянно не выдала и сказалъ только:

— Моя милая жена немного избалована, и нервы у ней сильно возбуждены.

Профессорша вошла въ комнату Цереры. Та, какъ лежала на диванѣ, такъ и осталась. Она не безъ лукавства разсудила, что лучшій способъ сохранять свое достоинство въ глазахъ другихъ, это оказывать имъ какъ можно менѣе вниманія.

Профессорша привѣтствовала ее граціознымъ поклономъ, отъ котораго всѣ соображенія Цереры мгновенно разлетѣлись въ прахъ. Гостья ея еще не успѣла промолвить слово, какъ она уже воскликнула:

— Вы меня должны этому научить, я хочу точно также кланяться. Не правда ли, такъ кланяются при дворѣ?

Профессорша не знала, что ей отвѣчать. Неужели это только нервное возбужденіе? Ужъ не сумасшедшая ли передъ ней? Однако ей вскорѣ удалось совладать съ собой, и она сказала:

— Вамъ, какъ уроженкѣ свободной республики, совершенно естественно должны казаться странными наши церемонные нравы и обычаи. Впрочемъ, я готова, при первомъ же свиданіи, пожать вамъ руку.

И онѣ обмѣнялись крѣпкимъ пожатіемъ. Церера, точно забывшись, вдругъ приподнялась съ дивана.

— Вы больны, сказала профессорша: я не стану васъ долго безпокоить.

Церера находила для себя удобнымъ слыть за больную и отвѣчала:

— Ахъ, да! Я постоянно хвораю. Но не уходите, останьтесь пожалуйста.

Звуки голоса профессорши, задушевный тонъ ея словъ, все это произвело на Цереру глубокое впечатлѣніе. Она на мгновеніе закрыла глаза и на ея длинныхъ рѣсницахъ повисли крупныя слезы.

Профессорша извинилась, что невольно заставила ее какъ будто прослезиться. Но Церера покачала головой и воскликнула:

— Нѣтъ, нѣтъ, я, напротивъ, вамъ очень благодарна! Я такъ давно — уже въ теченіи многихъ лѣтъ, не плакала.... Эти слезы стояли у меня здѣсь.... здѣсь! прибавила она, сильно ударяя себя въ грудь. Благодарю васъ!

Профессорша хотѣла уйдти, но Церера быстро вскочила съ дивана и бросилась къ ней. Профессорша въ испугѣ отступила шагъ назадъ, а Церера упала передъ ней на колѣни, и цѣлуя ей руку, воскликнула:

— Защитите меня! Замѣните мнѣ мать, которой я никогда не знала!

Профессорша подняла ее и сказала:

— Дитя мое, я охотно буду вамъ матерью.... я это могу и сдѣлаю. Я счастлива тѣмъ, что мнѣ предстоитъ такая высокая обязанность — говорю вамъ это отъ души. Но, прошу васъ, успокойтесь.

Она отвела Цереру на диванъ, уложила ее и заботливо покрыла шалью. Диванъ представлялъ кучу въ безпорядкѣ набросанныхъ мягкихъ подушекъ, въ которыхъ Церера буквально утопала.

Теперь она крѣпко сжала руку профессорши и громко за-

рыдала. Дорнэ старалась ее утѣшить, говоря, какъ онѣ обѣ счастливы тѣмъ, что имѣютъ такихъ прекрасныхъ сыновей. Она только слегка упомянула объ Эрихѣ, но о Роландѣ съ любовью распространилась и разсказала, какъ онъ ей въ первый разъ явился на порогѣ ея собственнаго дома и какъ она его тогда приняла за своего умершаго сына. Церера повернулась къ ней и снова поцѣловала ей руку, а профессорша продолжала говорить все въ томъ же спокойномъ тонѣ и замѣтила, что она сама тоже подвержена кое-какимъ странностямъ, съ которыми ей вовсе не легко справляться. Она, между прочимъ, слишкомъ привыкла къ уединенію и сомнѣвалась, чтобы года ея и вкусы могли сдѣлать ее пріятной собесѣдницей для женщины, которая все счастье полагала въ блескѣ и удовольствіяхъ свѣтскаго образа жизни.

Церера попросила отдернуть занавѣсъ у одного изъ оконъ и пристально взглянула на профессоршу. Легкая улыбка скользнула у ней по лицу, но затѣмъ ротъ ея опять принялъ свое обычное выраженіе недовольства. Она схватила вѣеръ и стала имъ обмахиваться.

— Вы себѣ представить не можете, заговорила она наконецъ, какъ я глупа. А было время, когда я очень желала учиться, но онъ объ этомъ и слушать не хотѣлъ, и всегда говорилъ: ты мнѣ милѣе въ твоемъ невѣдѣніи! Для него, я можетъ, быть и дѣйствительно была милѣе такою, но не для себя. Еслибъ не фрейленъ Пэрини, я теперь просто не знала бы, что̀ мнѣ дѣлать.... Играете вы въ вистъ? Любите вы природу? Не правда ли, я очень глупа?

Церера повидимому ожидала, что профессорша станетъ это опровергать, но та ей, напротивъ, сказала:

— Если вы думаете, что можете у меня чему-нибудь научиться, то я къ вашимъ услугамъ. Мнѣ уже случалось видѣть женщинъ подобныхъ вамъ, и я полагаю, что знаю причину вашего нездоровья.

— Въ самомъ дѣлѣ? Она вамъ извѣстна? Вамъ?

— Да, только въ ней нѣтъ ничего лестнаго.

— Ахъ, говорите пожалуйста.

— Милое дитя мое, вы хвораете отъ праздности. Когда человѣку нечего дѣлать, онъ по неволѣ начинаетъ слишкомъ много заниматься самимъ собой.

— О, вы очень умны! воскликнула Церера. А я такъ слаба!

И дѣйствительно въ ней было что-то̀ въ высшей степени безпомощное и беззащитное. Зонненкампъ смотрѣлъ на нее, какъ на игрушку, да и сама она считала себя чѣмъ-то въ родѣ того. Къ тому же она была отъ природы страшно лѣнива, и малѣйшій

трудъ стоилъ ей невѣроятныхъ усилій. Она не знала, что̀ хуже: слушать или смотрѣть, и наконецъ рѣшила, что послѣднее невыносимѣе перваго. Она никогда не читала сама. При чтеніи необходимо держать книгу въ рукахъ и оставаться въ извѣстномъ положеніи, а это ее утомляло, и она всегда заставляла фрейленъ Пэрини читать вслухъ, причемъ сама нерѣдко засыпала.

Такъ было и теперь. Руки Цереры вдругъ опустились, и профессорша вскорѣ замѣтила, что она спитъ. Мать Эриха еще долго сидѣла въ этой роскошной комнатѣ, дивясь всему, что̀ видѣла и слышала. Что̀ все это означаетъ? Въ этомъ домѣ на каждомъ шагу встрѣчаются новыя загадки. Она удерживала дыханіе и не смѣла пошевельнуться, боясь разбудить Цереру. Но та вдругъ сдѣлала движеніе и проговорила:

— Пойдите теперь.... пойдите. Я сама скоро туда приду.

Профессорша ушла. Зонненкампъ встрѣтилъ ее въ прихожей.

— Какъ она съ вами обошлась? не безъ страха освѣдомился онъ.

— Какъ милое, доброе дитя, отвѣчала профессорша. Но у меня есть до васъ просьба. Мнѣ кажется, что я нашла способъ вылечить вашу жену отъ ея раздражительности, или лучше сказать, отъ ея лѣни. Объ одномъ только прошу васъ: если мнѣ удастся пріобрѣсти ея довѣріе, то не отнимайте у меня возможности всегда, съ спокойной совѣстью говорить ей, что ни слово изъ нашей бесѣды не будетъ мною никому повторено. Обѣщаетесь ли вы оставить насъ, женщинъ, въ покоѣ?

— Хорошо, отвѣчалъ Зонненкампъ. Но видно было, что это согласіе стоило ему большихъ усилій.

ГЛАВА III.

ВНОВЬ ПРІОБРѢТЕННОЕ СОСѢДСТВО.

На слѣдующій день явился Пранкенъ, и привѣтствовалъ профессоршу со всей ловкостью свѣтскаго человѣка, а она обошлась съ нимъ, какъ съ членомъ семьи, въ которой гостила, и сдѣлала это такъ мило, просто и естественно, что молодой человѣкъ остался ею въ высшей степени доволенъ. Когда же она выразила ему свою признательность за то, что онъ доставилъ Эриху такое хорошее мѣсто,—Пранкенъ поспѣшилъ отклонить отъ себя всякую благодарность. Это было съ его стороны, говорилъ онъ, только уплатой стариннаго долга, такъ какъ онъ всѣмъ своимъ образованіемъ обязанъ покойному профессору. Эти слова мгновенно

расположили въ его пользу профессоршу, которая, хотя и понимала, что многое въ нихъ слѣдовало приписать свѣтской любезности, въ тоже время однако хорошо знала, что въ сущности въ нихъ заключалась и своя доля правды. Всякій, кто находился въ сношеніяхъ съ ея мужемъ, если онъ не былъ вполнѣ испорченнымъ человѣкомъ, непремѣнно на всю жизнь сохранялъ о немъ свѣтлое воспоминаніе.

Пранкенъ завелъ рѣчь о своемъ зятѣ, о сестрѣ и о томъ, какимъ расположеніемъ пользовался Эрихъ въ Вольфсгартенѣ. Затѣмъ онъ осторожно выразилъ надежду, что общество профессорши возвратитъ Беллѣ утраченныя ею спокойствіе и самообладаніе. Онъ въ послѣднее время замѣтилъ въ сестрѣ какую-то тревогу и раздражительность, и слегка намекнулъ на трудности жизни вдвоемъ съ человѣкомъ, хотя и въ высшей степени благороднымъ, но уже достигшемъ извѣстныхъ лѣтъ. Въ такомъ положеніи, говорилъ онъ, не легко сохранять всегда одно и тоже спокойное, ровное расположеніе духа.

Профессорша поняла изъ словъ Пранкена гораздо болѣе, нежели онъ полагалъ, и отъ души радовалась тому, что молодой человѣкъ и въ деревенскомъ затишьѣ не потерялъ способности серьезно вглядываться въ различныя явленія нравственнаго міра.

Пранкенъ не могъ удержаться, чтобы хотя отчасти не высказать религіознаго переворота, которому онъ подвергся. Передъ глазами его вдругъ точно мелькнуло видѣніе и показало ему профессоршу рядомъ съ Манной, которая раскрывала ей всю свою душу. Пусть же она разскажетъ молодой дѣвушкѣ, думалъ онъ, какъ я откровенно передъ всѣми сознаюсь въ перемѣнѣ, происшедшей въ моихъ убѣжденіяхъ. Пранкенъ вспомнилъ, что настоятельница въ присутствіи Манны хвалила профессоршу. Улыбка мелькнула у него на губахъ при мысли, что съ помощью матери Эриха можно будетъ заставить Манну отказаться отъ ея ребяческаго намѣренія вступить въ монастырь. Жаль только, что эти двѣ женщины различныхъ вѣроисновѣданій.

Пранкенъ, по порученію Зонненкампа, пригласилъ профессоршу участвовать въ поѣздкѣ на виллу, которую совѣтница.... нѣтъ, поспѣшилъ онъ поправиться, — совѣтникъ имѣлъ намѣреніе купить. Безъ сомнѣнія, профессорша не откажется содѣйствовать Зонненкампу въ его стараніяхъ пріобрѣсти себѣ пріятныхъ сосѣдей. Возраженія по этому случаю профессорши были отклонены разными лестными для нея замѣчаніями.

Подали экипажъ. Въ немъ помѣстились совѣтница, Зонненкампъ, Пранкенъ и профессорша. Дорогой всѣ весело разговаривали, но въ головѣ профессорши внезапно мелькнуло подозрѣніе,

что ее вмѣшиваютъ въ какую-то интригу и пользуются ея невѣдѣніемъ для достиженія вовсе ей непонятныхъ цѣлей. Ею овладѣлъ страхъ, который еще болѣе усилился, когда Зонненкампъ объявилъ, что продаваемая вилла принадлежитъ ему, и что его несказанно радуетъ возможность уступить ее пріятнымъ и благороднымъ сосѣдямъ.

«Чтò это? Неужели имъ удалось ее поймать? Ужъ не ей ли хотятъ они передать этотъ домъ?»

Однако профессорша скоро увидѣла свою ошибку, благодаря совѣтницѣ, которая немедленно приступила къ распредѣленію комнатъ между различными членами своей семьи. У ней было два сына въ военной службѣ и одна замужняя дочь, дѣтямъ которой, своимъ внучатамъ, она тоже позаботилась отвести комнату. Затѣмъ она выбрала себѣ любимое мѣстечко въ саду, которое Зонненкампъ обѣщался украсить новыми разсадниками. Всѣ изумятся, говорилъ онъ, когда увидятъ, какъ много я съумѣю извлечь изъ этой почвы.

Зонненкампъ былъ очень любезенъ. Онъ сначала намѣревался уступить виллу совѣтницѣ только послѣ того, какъ самъ получитъ желаемое возвышеніе въ свѣтѣ. Сумма, которую изъ приличія предполагалось за нее взять съ совѣтника, оказывалась ужъ очень ничтожной. Но Пранкену наконецъ удалось убѣдить Зонненкампа въ томъ, что планъ его никуда не годится. Во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучше поскорѣе водворить могущественнаго человѣка въ своемъ сосѣдствѣ, и тогда уже дѣйствовать исподоволь, такъ чтобъ все могло совершиться естественнымъ порядкомъ.

Совѣтница сидѣла съ профессоршей въ саду и вела съ ней задушевную бесѣду. Какое удовольствіе, говорила она между прочимъ, было бы для матери Эриха, еслибъ она могла своимъ вліяніемъ возвысить положеніе въ свѣтѣ семейства Зонненкампа. Но совѣтница коснулась опаснаго предмета очень осторожно. Она имѣла въ виду сдѣлать во всемъ этомъ профессоршу главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а сама съ мужемъ намѣревалась спрятаться за нее. Еслибъ ихъ планъ не удался, они бы отъ этого нисколько не пострадали, и вся вина пала бы на ученую вдову, которая и безъ того слыла за особу въ высшей степени эксцентричную.

Совѣтница ловко съумѣла скрыть всю эту интригу среди разговоровъ, гдѣ одна возвышенная мысль смѣняла другую.

Оставшись вдвоемъ съ Пранкеномъ, Зонненкампъ улыбнулся какъ человѣкъ, который согласился еще разъ допустить, чтобы его перехитрили. Онъ терпѣливо слушалъ, какъ Пранкенъ ему

доказывалъ, что совѣтница немедленно должна вступить во владѣніе виллой, потому что, если она ее пріобрѣтетъ вскорѣ послѣ того, какъ Зонненкампъ получитъ дворянское достоинство, это можетъ подать поводъ къ толкамъ.

Зонненкампъ усмѣхнулся и сказалъ, что его молодой другъ обладаетъ замѣчательными дипломатическими способностями. Пранкенъ отъ этого не только не отговаривался, но даже замѣтилъ, что въ самомъ скоромъ времени собирается отказаться отъ своего празднаго существованія на дачѣ и вновь вступить на службу по дипломатической части. Конечно, онъ это сдѣлаетъ не иначе, какъ съ согласія близкихъ ему людей и въ особенности дорогого друга, котораго онъ любитъ какъ отца. Подъ этимъ послѣднимъ онъ подразумѣвалъ Зонненкампа.

Пранкенъ зналъ очень ловкаго нотаріуса, который въ тотъ же вечеръ былъ призванъ на виллу заключить купчую крѣпость. Такимъ образомъ совѣтникъ сдѣлался сосѣдомъ Зонненкампа.

Нѣсколько позже, Зонненкампъ и Пранкенъ прогуливались по саду—и тутъ молодой человѣкъ въ первый разъ почувствовалъ страхъ къ своему будущему тестю.

— Мой юный другъ, сказалъ Зонненкампъ, вы конечно на вашемъ вѣку уже имѣли дѣло съ ростовщиками и барышниками. Что до меня касается, то мнѣ хорошо знакомы всѣ ихъ продѣлки. Эти люди крѣпко держатся одинъ другого и какъ бы составляютъ особаго рода таинственную секту. Вы себѣ представить не можете, какое забавное зрѣлище представляетъ человѣческая душа, если ее разсматривать съ точки зрѣнія подкупа. Мнѣ знакомы всевозможныя породы націй и людей, я всюду прилагалъ свою собственную систему подкупа, и она почти вездѣ мнѣ удавалась.

Пранкенъ въ недоумѣніи на него посмотрѣлъ. Онъ зналъ, что этотъ человѣкъ на многое способенъ, но тѣмъ не менѣе никакъ не ожидалъ отъ него подобной выходки. Внутри его даже что-то возмутилось, и онъ съ неудовольствіемъ подумалъ о времени, когда сдѣлается сыномъ Зонненкампа, который между тѣмъ весело продолжалъ:

— Вы вѣроятно еще придерживаетесь стариннаго понятія, будто подкупъ есть вещь предосудительная, и смотрите на него съ такимъ же предубѣжденіемъ, какъ еще недавно всѣ смотрѣли на ростовщиковъ. А въ сущности подкупъ есть не что иное, какъ дѣловой оборотъ. Весьма нелѣпо со стороны правительства требовать отъ своихъ чиновниковъ присяги въ томъ, что они ни съ кого не будутъ брать взятокъ. Ну пусть, пожалуй, присягаютъ судьи, да и тамъ это одна пустая формальность: богатый

человѣкъ всегда съумѣетъ передъ ними оправдаться, если ловко возьмется за дѣло. Какихъ только чудесъ не бываетъ на свѣтѣ! У народовъ романскаго и славянскаго происхожденія чиновники сами берутъ взятки и даже, въ той или другой формѣ, не рѣдко сами назначаютъ, какъ велика должна быть предлагаемая имъ сумма. Не такъ поступаютъ жеманные германцы: они предоставляютъ это женщинамъ. Что же: они совершенно правы! Ни одинъ народъ въ мірѣ не употребляетъ при хлѣбопашествѣ столько коровъ, какъ нѣмцы: ну, они и въ дѣло подкупа также впрягли коровъ. Съ женщинами слѣдуетъ обращаться мягко и нѣжно, и я предпочитаю съ ними имѣть дѣло. Онѣ по крайней мѣрѣ держатъ свое слово, а то сплошь да рядомъ случается, что взявшій взятку ничего не сдѣлаетъ, если ему ее не удвоятъ. Мой отецъ....

Пранкенъ навострилъ уши. Зонненкампъ въ первый разъ упоминалъ при немъ о своемъ отцѣ.

— Мой отецъ, спокойно продолжалъ тотъ, былъ настоящій виртуозъ въ искусствѣ подкупа. Когда ему случалось въ Польшѣ кого-нибудь подкупать, то онъ выдавалъ сотню или тысячу гульденовъ и разрывалъ вексель на двѣ половины, изъ которыхъ одну оставлялъ у себя, и возвращалъ только послѣ того, какъ исполнялось его желаніе. Неправда ли, вѣдь мнѣ нѣтъ надобности такъ же поступить съ совѣтницей: какъ вы думаете?

Подобный отзывъ о женщинѣ, занимавшей высокое положеніе въ свѣтѣ, задѣлъ Пранкена за живое. Онъ поспѣшилъ успокоить Зонненкампа самыми убѣдительными доводами на счетъ чистоты намѣреній совѣтницы.

— По моему, все это въ порядкѣ вещей, снова началъ Зонненкампъ. То, что̀ называютъ устарѣлымъ словомъ подкупа, есть не что иное, какъ естественное слѣдствіе высшаго развитія народа. Лишь только между людьми устанавливаются сложныя отношенія, тотчасъ же является и подкупъ, который дѣйствуетъ то тайно, то явно. Ничто въ мірѣ не подвергается столькимъ видоизмѣненіямъ, какъ подкупъ,—мнѣ это хорошо извѣстно.

Пранкенъ въ изумленіи на минуту остановился, а Зонненкампъ, взявъ его подъ руку, продолжалъ:

— Не все ли равно, мой другъ, покупаю я себѣ голосъ, который бы содѣйствовалъ выбору меня въ члены парламента и конгресса, или покупаю я агента для того, чтобы быть возведеннымъ въ дворянское достоинство? Сущность дѣла въ словѣ *покупаю*, а затѣмъ все сводится къ одному и тому же. Мы въ Америкѣ поступаемъ откровеннѣе. Отчего этому совѣтнику съ его женой и не извлекать выгодъ изъ своего положенія? Вѣдь

въ немъ заключается все ихъ богатство. Я, съ своей стороны очень радъ имъ служить. Вы въ Германіи считаете нужнымъ набрасывать на это покровъ приличія... пусть будетъ по вашему! Когда вы, какъ я надѣюсь, исполните ваше намѣреніе и поступите на службу по дипломатической части, я васъ многому еще научу.

Пранкенъ отвѣчалъ, что онъ будетъ очень радъ воспользоваться совѣтами Зонненкампа, но внутренно чувствовалъ къ нему непреодолимый страхъ, смѣшанный съ презрѣніемъ. Онъ далъ себѣ слово, лишь только женится на Маннѣ, какъ можно дальше отъ него держаться.

Но Зонненкампъ былъ очень доволенъ собой. Ему еще разъ удалось выказать свое знаніе человѣческаго сердца, и онъ даже вздумалъ подѣлиться имъ и съ сыномъ. На слѣдующее утро, послѣ завтрака, за которымъ присутствовала и совѣтница, онъ увелъ Роланда въ паркъ и тамъ сказалъ ему:

— Видишь ли ты эту знать?..—все въ ней ложь и обманъ! Совѣтникъ и его семья, благодаря мнѣ, изъ нищихъ дѣлаются людьми богатыми. Знай это про себя, но не давай имъ ничего замѣтить. Всѣ люди дрянь, какъ знатные, такъ и простые; всѣ только и ждутъ какъ бы имъ продать свою душу. Нѣтъ вещи, которую бы нельзя было достать за деньги...

Онъ съ удовольствіемъ еще долго распространялся объ этомъ предметѣ, не подозрѣвая, какое глубокое впечатлѣніе производитъ на мальчика, какую бурю поднимаетъ въ его сердцѣ. Роландъ ни слова не говорилъ, и Зонненкампа взяло раздумье, хорошо ли онъ сдѣлалъ, все это ему сказавъ? Но сомнѣнія его не долго длились. «Религія, добродѣтель, думалъ онъ, все это иллюзіи! Одни, и въ томъ числѣ капитанъ Дорнэ, еще въ нихъ вѣрятъ, другіе только притворяются, будто вѣрятъ. Я предпочитаю, чтобы Роландъ зналъ истину...» И съ этимъ послѣднимъ словомъ Зонненкампъ окончательно успокоился.

ГЛАВА IV.

НОВАЯ АТМОСФЕРА НА ВИЛЛѢ.

Профессорша вскорѣ поняла, почему ея сынъ жаловался на трудность поддерживать въ Роландѣ одно и тоже настроеніе духа, давать его уму какое-нибудь одно опредѣленное направленіе. Ему приходилось постоянно бороться съ наклонностью мальчика къ разнообразію, къ перемѣнѣ мѣста и занятія. Въ богатомъ домѣ, гдѣ ежедневно происходило что́-нибудь новое, ока-

зывалось невозможнымъ сосредоточиться, углубиться въ науку, которая безъ этого не дается. При такомъ разнообразіи событій и встрѣчъ, трудно самому въ нихъ не затеряться. Профессорша, вообще жившая просто и вовсе не бывшая педанткой, однако взяла себѣ за правило заботиться о сохраненіи въ собственной душѣ равновѣсія между нравственными и умственными силами. Только тотъ, кто самъ спокоенъ духомъ, и можетъ имѣть благотворное вліяніе на другихъ.

Эрихъ и Роландъ каждое утро, такъ сказать, освящали наступающій день бесѣдой съ профессоршей. Всякій, кто къ ней приближался, становился чище, благороднѣе и невольно заражался возвышеннымъ тономъ ея рѣчей. Профессорша была очень образована, но безъ малѣйшей претензіи на геніальность. Умъ ея поражалъ не столько блескомъ, сколько логичностью, и все, что онъ себѣ усвоивалъ, носило характеръ какой-то особенной прочности. Она также мало гордилась своими познаніями, какъ и нарядомъ: само собою разумѣется, что надо быть опрятно одѣтой.

Поверхностное сравненіе профессорши съ Беллой, почти всегда оказывалось въ пользу послѣдней. Но при ближайшемъ знакомствѣ съ ними, всякій находилъ въ обществѣ профессорши гораздо болѣе удовлетворенія, чѣмъ въ обществѣ Беллы, которая однако была очаровательна. Белла постоянно требовала къ себѣ вниманія, щеголяла своею наружностью и образомъ мыслей, любила наводить разговоръ на возвышенные предметы и озадачивать своихъ собесѣдниковъ мудреными вопросами,—однимъ словомъ, стремилась возбуждать удивленіе. У нея всегда былъ на все готовый отвѣтъ, и она умѣла блестящимъ образомъ поддерживать разговоръ. Все это на первый взглядъ казалось очень мило, но потомъ обнаруживало легкій характеръ и поверхностный умъ, прикрытый только внѣшнимъ лоскомъ. Профессорша, напротивъ, никогда не старалась привлечь на себя вниманія, никогда ничего не требовала, но съ благодарностью принимала то, что ей давали и съ своей стороны предлагала много такого, что вызывало на серьезныя размышленія.

Въ наружности этихъ женщинъ не было ни малѣйшаго сходства. Профессорша никакъ не могла похвастаться тѣмъ, что называется аристократическимъ видомъ. Довольно полная, съ волосами пепельнаго цвѣта, она производила впечатлѣніе миловидной опрятности, которая такъ часто встрѣчается въ картинахъ фламандской школы. Въ обращеніи ея проглядывала большая сдержанность. Она спокойно выслушивала все, что ей ни говорили, и безъ всякаго нетерпѣнія выжидала минуты, когда наста-

нетъ ея очередь выражать свое мнѣніе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда къ ней прямо обращались съ вопросомъ, на который она не хотѣла отвѣчать, она дѣлала видъ, что его не слышитъ, а затѣмъ, когда это не удавалось, отвѣчала по возможности коротко, никогда не высказываясь болѣе, чѣмъ того желала. Вообще она рѣдко выходила изъ предѣловъ благоразумнаго спокойствія, и при всемъ томъ почти всегда была центромъ того общества, въ которомъ находилась. Отличительную черту ея характера составляла безграничная правдивость. Она никогда, изъ желанія блеснуть, ни на шагъ не отступала отъ истины, не улыбалась тому, что́ не было смѣшно, всякой вещи придавала надлежащій смыслъ, всякую рѣчь выслушивала съ соотвѣтствующимъ ея значенію вниманіемъ. Эта правдивость нисколько не противорѣчила ея сдержанности. Она никогда не произносила ни слова неправды, но ничуть не считала нужнымъ говорить все, что̀ знаетъ и думаетъ. Эта послѣдняя черта, которую никакъ нельзя отнести къ хитрости, напротивъ, служитъ несомнѣннымъ признакомъ ума, а умъ есть добродѣтель, равняющаяся добротѣ. Сама природа умна потому, что облечена нѣкоторою таинственностью.

Профессорша была очень счастлива тѣмъ, что ей наконецъ встрѣтилась возможность удовлетворять своему вкусу къ ботаникѣ. Оранжереи Зонненкампа представляли большое обиліе дорогихъ и рѣдкихъ растеній, а самъ онъ не скупился на разнаго рода объясненія.

Мать и тетка Эриха были очень дружны, не смотря на различіе характеровъ, которое вполнѣ отразилось въ ихъ пристрастіи къ двумъ, не имѣющимъ ничего между собою общаго отраслямъ науки. Профессорша съ любовью изучала ботанику, а тетушка Клавдія астрономію. Послѣдняя особенно тщательно скрывала свои познанія. Она нерѣдко проводила цѣлыя вечера на башнѣ, вооруженная маленькимъ телескопомъ и дѣлала тамъ свои наблюденія. Съ другой стороны, профессорша ежедневно удалялась на нѣсколько часовъ въ оранжерею или гуляла въ паркѣ, изучая разные образчики растеній. Зонненкампъ однажды показалъ ей свой разсадникъ фруктовыхъ деревьевъ. Профессорша, вмѣсто того, чтобы выказать удивленіе, къ которому его пріучили другіе посѣтители, съ такимъ знаніемъ дѣла распространилась о французскомъ садоводствѣ, что онъ былъ до крайности изумленъ. Ей казалось въ высшей степени страннымъ, что именно безпокойные французы, отвлекаясь на мгновеніе отъ бурнаго потока своего политическаго существованія, съ такой заботливостью занимаются мирнымъ дѣломъ садоводства. Лицо Зонненкампа просіяло, когда она замѣтила, что его способъ раз-

веденія плодовъ свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ административномъ талантѣ. Онъ такъ хорошо умѣетъ угадывать, какой плодъ требуетъ или заслуживаетъ болѣе тщательнаго ухода, какой долженъ быть принесенъ въ жертву и сорванъ еще незрѣлымъ.

Зонненкампъ очень любезно поблагодарилъ за похвалу, но мысленно восхищался своею проницательностью, которая заставляла его подозрѣвать въ словахъ профессорши ловкую лесть. Эта женщина, думалъ онъ, передъ своимъ пріѣздомъ сюда, явно постаралась нахвататься кое-какихъ свѣдѣній въ ботаникѣ, съ цѣлію ему понравиться. Онъ сдѣлалъ видъ, будто принимаетъ ея познанія за чистую монету, но въ то же время далъ себѣ слово не поддаваться такого рода уловкамъ.

Желая однако отплатить любезностью за любезность, онъ весьма дружелюбно предоставилъ весь свой домъ въ полное распоряженіе матери и тетки Эриха.

Съ женой Зонненкампа профессорша держала себя очень осторожно и вообще рѣдко ее навѣщала. Но это только побудило Цереру, почти никогда не выходившую изъ своихъ комнатъ, самой къ ней являться. Впрочемъ и она не замедлила ощутить на себѣ благотворное вліяніе прекрасной души профессорши. Мать Эриха можно было по справедливости назвать жрицей, которая постоянно поддерживаетъ на алтарѣ священный огонь. Когда Церера приставала къ ней съ разспросами о придворной жизни, она мало-по-малу обращала ея мысли и на другіе, болѣе серьезные предметы и старалась пробуждать въ ней къ нимъ интересъ.

Тетушка Клавдія, не смотря на то, что всегда держалась въ сторонѣ, тоже не мало содѣйствовала къ оживленію дома. Большой ройяль, такъ долгое время безмолвно стоявшій въ концертной залѣ, вдругъ пробудился и сталъ издавать вдохновенные звуки. Роландъ, было совсѣмъ переставшій заниматься музыкой, умолялъ тетушку давать ему уроки. Домъ, который Эрихъ называлъ мертвымъ, потому что въ немъ не было музыки, внезапно наполнился новой, свѣжей жизнью. Въ немъ, съ пріѣздомъ матери и тетки Эриха, водворилось дотолѣ неизвѣстное ему довольство, и съ лица Зонненкампа не сходило пріятное выраженіе, какого въ немъ до сихъ поръ еще никто не замѣчалъ. Церера, сидя однажды около мужа въ концертной залѣ, сказала:

— Не понимаю, какъ это мы до сихъ поръ жили безъ нихъ.

Разъ какъ-то тётушка Клавдія играла съ особеннымъ воодушевленіемъ и, снисходя на просьбу Эриха, два раза повторила одну и туже пьесу. Церера шепнула профессоршѣ:

— Я вамъ завидую, что вы все такъ глубоко понимаете и умѣете изъ всего извлекать наслажденіе.

Она явно хотѣла порисоваться этой заученной фразой, но профессорша ее невольно изобличила.

— Всякій чѣмъ-нибудь да наслаждается въ жизни, сказала она: кто природой, кто искусствомъ. Вся сила въ томъ, чтобъ быть искреннимъ и не притворяться. Для наслажденія тѣмъ или другимъ предметомъ нѣтъ необходимости, ни его вполнѣ понимать, ни быть ученымъ. Видъ этихъ горъ доставляетъ мнѣ удовольствіе, однако я не знаю, изъ какихъ слоевъ онѣ состоятъ, и не имѣю ни малѣйшаго понятія о многомъ изъ того, что̀ извѣстно о нихъ ученымъ. Такъ точно и вы можете наслаждаться музыкой, будьте только искренни, а затѣмъ все остальное придетъ само собой.

Никто, не исключая самой Цереры, не подозрѣвалъ, что она въ этотъ вечеръ вышла изъ концертной залы другою, чѣмъ была. Въ сердце ея упало сѣмя: кто знаетъ, что̀ изъ него выростетъ? Никогда нельзя опредѣлительно сказать, въ какую минуту и какое именно слово, запавъ человѣку въ душу, отзовется на его потребности. Церера ни о чемъ подобномъ не думала, но тѣмъ не менѣе ощущала какое-то безсознательное довольство, узнавъ, что можно, не будучи ученой, многимъ наслаждаться въ жизни и природѣ.

Мирное существованіе обитателей виллы было внезапно нарушено. Въ одинъ прекрасный день на дворѣ виллы, усыпанной крупнымъ пескомъ, раздался шумъ колесъ; немного спустя на лѣстницѣ послышался шелестъ длиннаго шелковаго платья, и въ комнату вошли Белла и ея мужъ.

ГЛАВА V.

ДВОЙНАЯ ИГРА.

Встрѣча съ добрыми друзьями, посреди новой обстановки, всегда возбуждаетъ самыя пріятныя ощущенія. Пріѣздъ Клодвига и Беллы доставилъ профессоршѣ большое удовольствіе. Белла обняла ее съ не совсѣмъ естественной горячностью, а Клодвигъ взялъ ее за обѣ руки.

— Но гдѣ же Эрихъ? не замедлила спросить Белла, и крѣпко сжала руку тетушки. Она казалось чувствовала потребность въ опорѣ.

Тревожно поглядывая, то на Клодвига, то на Беллу, про-

фессорша объявила, что въ этомъ домѣ строго придерживаются правила, ни подъ какимъ предлогомъ не прерывать занятій Роланда, хотя бы то было ради такого пріятнаго семейнаго событія, какъ пріѣздъ столь дорогихъ гостей. Она сдѣлала особенное удареніе на словѣ: семейное событіе. Зонненкампъ, любезно кланяясь, замѣтилъ, что на этотъ разъ можно бы сдѣлать исключеніе, но Клодвигъ просилъ не нарушать заведеннаго порядка. Белла отпустила руку тетушки и стояла съ опущенными глазами. Профессорша пристально на нее смотрѣла. Графиня имѣла свѣжій и бодрый видъ. Ея нарядное платье прикрывалось большимъ шелковымъ голубымъ платкомъ, изъ-подъ котораго по временамъ выглядывали прекрасныя обнаженныя руки.

Общество отправилось въ паркъ, Зонненкампъ съ наслажденіемъ слушалъ, какъ профессорша выставляла на показъ его искусство въ дѣлѣ садоводства. Онъ вскорѣ раскланялся и пошелъ къ женѣ объявить ей о пріѣздѣ гостей, порѣшивъ, что она въ этотъ день не должна быть больна.

Клодвигъ шелъ съ тетушкой Клавдіей, Белла съ профессоршей. Между первыми вскорѣ завязался оживленный разговоръ. Тетушка не только отлично играла на фортепьяно, но и сама уподоблялась этому инструменту. Чуткость души ея была поразительна. Всякій, кто къ ней прикасался, будь онъ виртуозъ или ребенокъ, какъ бы извлекалъ изъ нея звуки, соотвѣтствующіе его вкусамъ и наклонностямъ.

Белла начала распрашивать профессоршу объ ея хозяевахъ, но замѣтивъ, что та отвѣчала неохотно, сама начала безъ умолку говорить. Щеки ея горѣли, платокъ спустился съ плечъ и обнажилъ изящной формы руки.

— Жаль, сказала она вдругъ, что Клодвигъ раньше не зналъ вашей невѣстки.

— Графъ съ ней, какъ вамъ извѣстно, давно знакòмъ, отвѣчала профессорша. Онъ находилъ въ ея обществѣ большое удовольствіе до тѣхъ поръ, пока при дворѣ не явилось другое свѣтило, которое всѣхъ затмило. Онъ зналъ ее прежде васъ.

Белла замолчала. Профессорша мелькомъ на нее взглянула. Чтò такое съ этой женщиной? думала она. Чтò означаетъ ея тревога и эти быстрые переходы отъ одного предмета къ другому?

Между тѣмъ пришли Эрихъ и Роландъ. Белла быстро надернула на плечи платокъ и протянула Эриху только кончики пальцевъ.

Роландъ былъ очень веселъ, а Эрихъ, напротивъ, серьезенъ. Всякій разъ, что онъ взглядывалъ на Беллу, взглядъ его быстро

по ней скользилъ и опускался въ землю. Она поздравила его съ пріѣздомъ матери и сказала:

— Мнѣ кажется, что если бы васъ кто-нибудь встрѣтилъ въ путешествіи, и тотъ, по одному вашему виду, догадался бы, что у васъ еще есть мать — и какая мать! Когда человѣкъ лишается такой матери, надъ нимъ точно надвигается мрачная туча.

Белла говорила задушевнымъ тономъ, но въ то же время съ странною улыбкой на губахъ, а взоръ ея какъ будто вызывалъ похвалы за то, что въ головѣ ея таились такія прекрасныя мысли.

Пришелъ Зонненкампъ и, поглаживая себѣ подбородокъ, пригласилъ дамъ къ женѣ, на здоровье которой, прибавилъ онъ, пріѣздъ дорогихъ гостей благотворно подѣйствовалъ. А мужчинамъ онъ предложилъ прогуляться въ крѣпость, взглянуть на успѣхи работъ и на вновь открытыя римскія древности. Белла мимоходомъ шутливо побранила Зонненкампа за то, что онъ отнялъ у нее профессоршу и тетушку Клавдію, а потомъ послѣдовала за другими дамами въ залу близъ оранжереи. Мужчины поѣхали въ крѣпость. Немного спустя, Церера была готова сопровождать гостей въ концертную залу, гдѣ тетушка Клавдія не заставила себя долго просить и сѣла за фортепьяно. Белла помѣстилась между профессоршей и Церерой, а фрейленъ Пэрини стала у рояля. Когда тетушка окончила первую пьесу, Белла спросила:

— Фрейленъ Дорнэ, часто вы акомпанируете пѣнію вашего племянника?

Тетушка отвѣчала отрицательно, прибавивъ, что Эрихъ никогда не поетъ въ обществѣ, ссылаясь на невозможность удовлетворить всѣмъ требованіямъ.

Профессорша снова пристально посмотрѣла на Беллу. Графиня думала объ Эрихѣ и, казалось, не могла, да и не хотѣла, этого скрыть. Тетушка заиграла новую пьесу, а Белла сказала профессоршѣ:

— Вы непремѣнно должны мнѣ что-нибудь отъ себя удѣлить. Пожайлуста, отпустите ко мнѣ въ Вольфсгартенъ вашу belle-soeur.

— Я не имѣю никакого права распоряжаться своей belle-soeur. Но прошу васъ, не будемъ разговаривать. Тетушка вообще очень невзыскательна, но не любитъ, когда говорятъ во время ея игры.

Въ залѣ водворилось молчаніе. Слушая блестящее исполненіе одного изъ произведеній Моцарта, обѣ женщины погрузились въ размышленіе. Трудно опредѣлить, о чемъ думала Белла.

Мысли ея носились туда и сюда, попеременно возбуждая въ ней радость и печаль и погружая ее то въ отчаяніе, то въ восторгъ. Профессорша между тѣмъ извлекала изъ своихъ наблюденій грустныя заключенія, которыя заставляли ее глубоко страдать.

Музыка прекратилась, а Белла воскликнула:

— Какъ счастливъ былъ Моцартъ и какое глубокое счастье доставляетъ онъ другимъ. Онъ, конечно, тоже много страдалъ, но его печаль и жалобы сложились въ такіе стройные, величавые звуки! А вашъ покойный мужъ любилъ музыку?

— О, да! Онъ часто говаривалъ: новѣйшее человѣчество выражаетъ въ музыкѣ самыя поэтическія стремленія своего духа и изливаетъ въ ней тотъ избытокъ энергіи, который въ былое время находилъ себѣ отголосокъ въ миѳическихъ сказаніяхъ древности. Музыка пораждаетъ ощущенія, которыя, унося насъ за предѣлы дѣйствительнаго, видимаго міра, поддерживаютъ въ насъ возвышенное настроеніе духа.

Затѣмъ дамы отправились на веранду и занялись попугаями. Белла обратилась къ одному изъ нихъ съ разсказомъ о его собратѣ, живущемъ въ Вольфсгартенѣ, въ роскошной клѣткѣ, изъ которой его часто выпускаютъ на волю. Онъ улетаетъ въ лѣсъ, но не долго тамъ остается. Онъ слишкомъ знатенъ для того, чтобы самому добывать себѣ пищу, и потому всегда добровольно возвращается въ свою позолоченную тюрьму.

Румянецъ на щекахъ Беллы все сгущался, губы ея дрожали, и она рѣшилась немедленно привести въ исполненіе свой планъ на счетъ тетушки Клавдіи. Она такъ горячо стала ее упрашивать, въ словахъ ея звучало такое дѣтское довѣріе и въ тоже время настойчивость, что тетушка Клавдія наконецъ согласилась и дала обѣщаніе пріѣхать къ ней на нѣсколько дней.

— Вы увидите, съ торжествомъ замѣтила Белла профессоршѣ: фрейленъ Дорнэ отлично сойдется съ Клодвигомъ: они точно другъ для друга созданы.

Профессорша быстро на нее взглянула. Неужели дѣло зашло уже такъ далеко, и эта женщина теперь хлопочетъ о томъ, чтобы вознаградить мужа за нанесенное ему зло?

ГЛАВА VI.

ТОСКУЮЩАЯ, НО МУЖЕСТВЕННАЯ МАТЬ.

Передъ обѣдомъ дамы разошлись по своимъ комнатамъ, чтобы немного пріодѣться.

Профессорша сидѣла у себя въ уборной, сложивъ руки на колѣнахъ и опустивъ глаза въ землю. Все, чему ей въ этотъ день привелось быть свидѣтельницей, ее сильно поразило. Ей былъ нанесенъ жестокій ударъ, сердце ея болѣзненно сжималось, а къ глазамъ подступали слезы, которымъ она однако не хотѣла дать воли. «Неужели, думала она, мы для того лелѣемъ и воспитываемъ нашихъ дѣтей, стараемся пробуждать въ нихъ мысль и чувство, чтобъ они кончали..... или нѣтъ, чтобъ они, лишь только станутъ на ноги, начинали злоупотреблять своими силами и волей? Къ чему развивать ихъ умъ и обогащать его познаніями, если все это должно служить только прикрытіемъ, маской для всякаго рода низкихъ поступковъ?»

«О Боже мой, Боже мой!» восклицала она, закрывъ лицо руками. Бѣдная мать мысленно представляла себѣ чистоту Эриха запятнанной, его честность, возвышенныя стремленія, благородство—навсегда погибшими, и ей казалось, будто она сама погибаетъ. Сынъ ея измѣнилъ правдѣ — какъ могла она послѣ этого радоваться его красотѣ, уму и краснорѣчію? Она вспомнила о мужѣ и не была въ силахъ долѣе удерживать слезы. Покойный профессоръ часто говаривалъ: «всякій человѣкъ считаетъ свѣтъ въ конецъ испорченнымъ и думаетъ про себя, зачѣмъ же я одинъ буду составлять исключеніе и чуждаться наслажденій, которымъ другіе такъ необузданно предаются? И вслѣдствіе этого число дурныхъ людей все увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число страждущихъ....» Великодушный Клодвигъ питаетъ къ нимъ безграничную дружбу и довѣріе.... Они ему въ отвѣтъ улыбаются, пожимаютъ ему руки, а въ душѣ желаютъ его смерти.... И ко всему этому Эрихъ еще воспитываетъ другого, учитъ его самообладанію, честности.... а самъ!... страшно подумать! Что̀ станется съ этой пылкой женщиной, которую гордость до сихъ поръ не допускала никому вполнѣ отдаться?... Что̀ скажутъ Зонненкампъ, его жена, фрейленъ Пэрини, патеръ? Смотрите, заговорятъ они въ одинъ голосъ: смотрите, вотъ онѣ, эти гордыя души, эти свободно-мыслящіе люди, которые то и дѣло толкуютъ о благѣ человѣчества, о добродѣтели, а въ тайнѣ

предаются разврату, не стыдятся ни лжи, ни измѣны, ни лицемѣрія.

Во дворъ въѣхалъ экипажъ. Профессорша быстро вскочила съ мѣста и сильно дернула за звонокъ. Явился слуга, и она приказала ему, какъ можно скорѣе, позвать къ ней сына.

Эрихъ не заставилъ себя долго ждать. Онъ казался взволнованнымъ и въ недоумѣніи смотрѣлъ на мать.

— Садись, сказала она ему. Эрихъ повиновался.

Профессорша приложила руку ко лбу. Она колебалась, высказать ли ей прямо всѣ свои сомнѣнія сыну, или только слегка предупредить его на счетъ угрожавшей ему опасности. Чтò можетъ мать, или чтò могутъ вообще родители, когда ихъ взрослый сынъ внезапно сворачиваетъ съ пути добродѣтели? Разъ совершивъ проступокъ, онъ по неволѣ продолжаетъ лгать: онъ долженъ ложью прикрывать и себя, и свою сообщницу.

— Милый сынъ, начала профессорша дрожащимъ отъ волненія голосомъ, прости меня, если я, внезапно вызванная изъ уединенія, не буду въ состояніи скоро свыкнуться съ здѣшнимъ образомъ жизни. Я удивляюсь твоей силѣ и мужеству.... Ну, хорошо, хорошо, мы объ этомъ больше не будемъ говорить.... Что же я хотѣла тебѣ сказать? Да, графиня Вольфсгартенъ, жена нашего друга.... она сдѣлала особенное удареніе на послѣднихъ словахъ, на мгновеніе остановилась, затѣмъ спокойно продолжала: желаетъ, чтобы тетушка Клавдія у ней поселилась.

— Ахъ, какъ это хорошо, какъ я этому радъ!

— Почему? Ты вѣрнò забываешь, что я останусь совершенно одна въ чужомъ домѣ.

— Ахъ, милая матушка, ты не одна, а тетушку Клавдію ожидаетъ въ Вольфсгартенѣ серьезное дѣло. Графиня Белла, не смотря на то, что жизнь ея такъ полна, находится въ постоянной тревогѣ, терзается сомнѣніями, безплодными желаніями, и я полагаю, что ясная, твердая душа тетушки Клавдіи на нее успокоительно подѣйствуетъ. Разстаться съ ней, конечно, большая для тебя жертва, но подумай, какъ многое отъ этого зависитъ.

Лицо матери приняло болѣе спокойное выраженіе, и она съ улыбкой сказала:

— Здѣсь, какъ видно, каждому изъ насъ предстоитъ свое особенное дѣло. Мы всѣ превратились въ воспитателей и наставницъ. Но скажи мнѣ, какого ты мнѣнія о графинѣ Беллѣ, женѣ нашего друга?

Эриха точно кольнуло въ сердце. Онъ понялъ, какъ глубоко страдала его мать. Ужъ не проговорилась ли какъ-нибудь Белла, не вырвалось ли у нея неосторожное слово о томъ, чтò не должно

быть, и вслѣдствіе чего мать теперь вправѣ подозрѣвать его въ обманѣ и измѣнѣ. Настало молчаніе. Лицо профессорши снова омрачилось, и она повторила вопросъ:

— Отъ чего ты мнѣ не отвѣчаешь? сказала она.

— Ахъ матушка, я считалъ себя гораздо болѣе готовымъ къ жизни, а на дѣлѣ выходитъ, что я безпрестанно ошибаюсь! Я съ нѣкоторыхъ поръ пересталъ довѣрять своему сужденію о людяхъ, убѣдившись, что, подъ впечатлѣніемъ минуты, не рѣдко произношу ошибочныя мнѣнія. Мое знаніе людей весьма ограниченно, хотя покойный отецъ и увѣрялъ, будто я особенно силенъ въ физіогноміи. Можетъ быть и такъ. Я въ состояніи изслѣдовать въ его прошломъ и настоящемъ всякое явленіе нравственнаго міра, я могу съ точностью опредѣлить его послѣдствія, но тѣмъ не менѣе настоящаго знанія людей не имѣю.

Профессорша спокойно, съ опущеннымъ взоромъ выслушала это длинное вступленіе и, когда Эрихъ кончилъ, сказала:

— Со мной тебѣ нечего бояться. Мнѣ ты можешь безопасно сказать что́-нибудь и не совсѣмъ зрѣлое.

— Хорошо. Дѣло въ томъ, — по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется, что въ этой, щедро надѣленной отъ природы, впечатлительной женщинѣ еще не улеглась борьба между различными стремленіями къ добру и злу, между желаніемъ казаться и потребностью дѣйствительно быть чѣмъ-нибудь прекраснымъ. Развитіе ея нравственныхъ силъ, какъ будто, было до сихъ поръ чѣмъ-то стѣснено, и въ моихъ глазахъ она еще не достаточно подготовлена для выполненія той серьезной задачи, которая выпала ей на долю, а именно украшать собой закатъ жизни человѣка, подобнаго Клодвигу.

— Да, графъ Клодвигъ дѣйствительно прекрасный человѣкъ и оскорбить его было бы все равно, что совершить кощунство, замѣтила профессорша.

Она какъ-то особенно рѣзко произнесла послѣднее слово и продолжала:

— Ты вѣрно угадалъ. Пранкены вообще отличаются смѣлымъ и предпріимчивымъ нравомъ. Жизнь Беллы, повидимому, прошла спокойно, но одно событіе имѣло на нее роковое вліяніе. Въ молодости, или лучше сказать въ возрастѣ, когда она еще могла считаться молодой, но еще не была замужемъ.... ей тогда минуло 23 года.... ей пришлось сопровождать къ вѣнцу ея младшую сестру. Она, повидимому, перенесла это съ большой покорностью, но съ тѣкъ поръ въ ней произошла какая-то странная перемѣна, она вдругъ состарѣлась и стала держать себя какъ-то ужъ черезъчуръ скромно. Это было въ ней не искренно, и въ глу-

бинѣ ея души таилась горечь. Сестра ея вскорѣ умерла, не оставивъ дѣтей. Белла никогда ее не любила, а между тѣмъ постоянно притворялась, будто по ней сильно тоскуетъ. У Беллы не было матери.... или нѣтъ, она имѣла мать, но величайшимъ торжествомъ этой женщины было слушать, какъ ей говорили: «ваша дочь прекрасна, но далеко не такъ хороша, какъ были вы въ молодости!» Красота въ глазахъ Пранкеновъ всегда играла главную роль. Белла, къ сожалѣнію, есть не что иное, какъ продуктъ несчастнаго положенія вещей, въ силу котораго извѣстный классъ общества стремится исключительно къ тому, чтобы блистать въ свѣтѣ. Они посѣщаютъ театры, съ цѣлію запастись тамъ остроуміемъ,—церкви, чтобъ прослыть религіозными. Все значеніе женщины въ этомъ кругу заключается въ ея красотѣ, и съ приближеніемъ старости ей ничего больше не остается, какъ заниматься интригами, или ханжествомъ. Стòитъ ли жить для того, чтобы быть въ состояніи сказать: я въ теченіи моей жизни вышила шерстью и шелками отъ восьми сотъ до тысячи аршинъ канвы, изъ которой сдѣлала столько-то диванныхъ подушекъ. У Беллы нѣтъ дѣтей, нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ обязанностей....

— Поэтому-то же самому, перебилъ Эрихъ свою мать, я и желаю, чтобы тетушка Клавдія на время поселилась въ Вольфсгартенѣ. Нѣтъ надобности сообщать ей нашихъ соображеній. Спокойствіе составляетъ отличительную черту ея характера. Она никогда ни съ чѣмъ не боролась, потому что никогда не желала ничего такого, чтó бы противорѣчило законамъ чести и здраваго смысла. Вслѣдствіе этого, уже одно ея присутствіе должно успокоительно дѣйствовать на окружающихъ. Высоко цѣня графиню Беллу, жену нашего друга, я въ тоже время желалъ бы исполнить долгъ въ отношеніи великодушнаго Клодвига и сохранить ему во всей чистотѣ и прелести главное счастіе его жизни.

— Хорошо, пусть тетушка Клавдія ѣдетъ въ Вольфсгартенъ. А теперь, сынъ мой, оставь меня..... ахъ, нѣтъ, погоди: я хочу тебѣ еще чтò-то сказать. Выслушай меня терпѣливо, хотя бы мои слова и показались тебѣ ребяческими. Когда я сегодня видѣла, какъ ты проворно бѣжалъ по саду, я вспомнила, съ какимъ удовольствіемъ твой отецъ разсказывалъ о своемъ странствіи съ тобой по швейцарскимъ горамъ. Тебѣ было тогда всего одиннадцать лѣтъ, но отецъ твой не могъ налюбоваться на проворство и ловкость, съ какими ты взбирался на крутизны и снова спускался въ долины. Твой младшій братъ то и дѣло спотыкался, получалъ ушибы и царапины — ты же никогда не падалъ.

Она съ особеннымъ выраженіемъ посмотрѣла на сына, и провела ему рукой по лицу.

— Но довольно болтать, иди, мнѣ пора одѣваться къ обѣду.

Она поцѣловала его въ лобъ, онъ ушелъ, но за дверью остановился и сложивъ руки, воскликнулъ:

— Благодареніе Вѣчной Силѣ, за то, что она мнѣ сохранила мать! Мать всѣхъ насъ спасаетъ!

ГЛАВА VII.

СТАТИСТИКА ЛЮБВИ.

Когда все общество снова собралось въ столовой, къ нему какъ будто случайно присоединился докторъ. Но дѣйствительно ли онъ случайно пріѣхалъ и не руководило ли имъ желаніе поближе взглянуть на отношенія Эриха къ Беллѣ?

Онъ съ большимъ уваженіемъ поклонился профессоршѣ, но та принуждена была сознаться, что никогда не слышала отъ своего покойнаго мужа имени доктора Рихарда. Это ее тѣмъ болѣе удивляло, что профессоръ никогда не забывалъ своихъ отсутствующихъ друзей и часто съ любовью о нихъ вспоминалъ.

— Но, тѣмъ не менѣе, я былъ его другомъ! громко воскликнулъ докторъ, а вслѣдъ за тѣмъ тихонько замѣтилъ:—передъ вами я не намѣренъ даже самымъ невиннымъ образомъ лгать: вашъ мужъ меня очень мало зналъ, но я былъ ученикомъ его отца. Это мнѣ не помѣшало отрекомендоваться вашему сыну другомъ покойнаго профессора, потому что я могъ такимъ образомъ скорѣе всего быть ему полезенъ. Онъ здѣсь окруженъ многими опасностями.

Профессорша ласково его поблагодарила, но въ душѣ ея снова возникли сомнѣнія. Этотъ человѣкъ тоже явно намекалъ на Беллу.

Въ числѣ гостей находился художникъ, дѣлавшій портретъ «виннаго графа». Патеръ, котораго ожидали, тоже не замедлилъ явиться. Всѣ сожалѣли объ отсутствіи маіора, уѣхавшаго куда-то праздновать Ивановъ-день. Маіоръ всегда съ точностью исполнялъ предписанія масонскаго братства, уважая ихъ наравнѣ съ военными законами.

За обѣдомъ шелъ оживленный разговоръ. Докторъ освѣдомился у художника, скоро ли онъ окончитъ свою картину, изображающую Пентефріеву жену, а тотъ воспользовался случаемъ и пригласилъ все общество взглянуть на мастерскую, которую ему на лѣто устроилъ въ своемъ домѣ баронъ фонъ-Эндлихъ.

— Странно! воскликнулъ докторъ, всѣ такъ много толкуютъ о Пентефріевой женѣ, а между тѣмъ никто не знаетъ, какъ ее звали. Она вообще извѣстна только подъ именемъ своего мужа, и всякій разъ, что вы, господа художники, желаете изобразить роскошное тѣло, вы рисуете ее въ болѣе или менѣе скромномъ видѣ.

— Этотъ разсказъ изъ Ветхаго Завѣта, замѣтилъ патеръ, соотвѣтствуетъ разсказу о грѣшницѣ въ Новомъ Завѣтѣ. Въ нихъ обоихъ еще разъ проявляется та таинственная, нравственная связь, соединяющая все человѣчество въ одну семью, которая въ теченіи вѣковъ казалась какъ бы порванною и безслѣдно-пропавшею. Что̀ въ Ветхомъ Завѣтѣ представляется въ видѣ возбуждающаго тревожныя сомнѣнія вопроса, то въ Новомъ разъясняется самымъ удовлетворительнымъ, успокоивающимъ душу образомъ.

Клодвигъ былъ очень доволенъ оборотомъ, какой принималъ разговоръ. Онъ всегда бывалъ счастливъ, когда передъ нимъ открывалось новое поле для размышленій, и ему представлялась возможность чему-нибудь научиться.

— Достопочтенный патеръ и вы, многоуважаемая госпожа Дорнэ, снова началъ докторъ, который въ этотъ день казался еще разговорчивѣе обыкновеннаго: вы оба много видали на своемъ вѣку и могли бы оказать большую услугу одному изъ моихъ друзей.

— Я? спросилъ патеръ.

— И я? повторила профессорша.

— Да, вы. Нашъ вѣкъ вступилъ въ совершенно новый фазисъ изслѣдованія міровыхъ законовъ. Всякая вещь, положеніе и даже чувствованіе, которые прежде казались недоступными анализу, теперь подводятся подъ извѣстныя правила и покорно укладываются въ сѣть статистическихъ соображеній и выводовъ. Ужъ чего свободнѣе, неподатливѣе на изслѣдованіе, неуловимѣе любви и брака, а между тѣмъ и къ нимъ успѣли примѣнить цифры и извлечь изъ жизненнаго опыта законъ, среднимъ числомъ опредѣляющій, сколько ежегодно совершается разводовъ. Но мой другъ, о которомъ я говорю, идетъ еще далѣе. Онъ изъ ряда наблюденій выводитъ правило и подтверждаетъ его статистическими данными, что между браками, гдѣ мужчина гораздо старѣе женщины, среднимъ числомъ оказывается больше счастливыхъ, чѣмъ между тѣми, которые заключаются по, такъ-называемой, страстной любви. Теперь обращаюсь къ вамъ достопочтенный патеръ, и къ вамъ, госпожа Дорнэ, и прошу васъ, скажите

откровенно, вашъ собственный опытъ подтверждаетъ это заключеніе, или нѣтъ?

Профессорша молчала, но патеръ замѣтилъ, что одна религія освящаетъ бракъ и даетъ людямъ необходимыя силы для выполненія обязанностей, которыя онъ на нихъ возлагаетъ. Затѣмъ патеръ поспѣшилъ дать другое направленіе разговору.

Зонненкампъ объявилъ о намѣреніи маіора, лишь только въ крѣпости будетъ вполнѣ возстановлена рыцарская зала, устроить тамъ большой праздникъ для каменщиковъ. Потомъ онъ, обратясь къ Клодвигу, спросилъ, какъ смотритъ нынѣшній герцогъ на масонскія общества. Клодвигъ слышалъ, что герцогъ въ молодости самъ былъ членомъ этого братства, и теперь сильно ему покровительствовалъ.

Разговоръ пересталъ быть общимъ. По окончаніи обѣда всѣ весело встали изъ-за стола, а докторъ раскланялся и уѣхалъ.

Наконецъ было окончательно рѣшено, что тетушка Клавдія поѣдетъ въ Вольфсгартенъ, но такъ какъ она не могла немедленно собраться, то графъ и графиня согласились переночевать на виллѣ и завтра уже вмѣстѣ съ нею отправиться къ себѣ.

Белла была очень весела. Зонненкампъ подарилъ ей одного изъ попугаевъ, и она выбрала самаго дикаго и непокорнаго, говоря, что не замедлитъ сдѣлать его ручнымъ.

Насталъ вечеръ. Роландъ упросилъ Эриха покататься съ нимъ въ лодкѣ. Тетушка и Белла къ нимъ присоединились; Церера, въ сопровожденіи фрейленъ Пэрини, удалилась къ себѣ; Зонненкампъ извинился и ушелъ въ кабинетъ писать письма; профессорша осталась на-единѣ съ Клодвигомъ.

Съ лодки безпрестанно раздавались шутки и смѣхъ. Белла не отставала отъ другихъ, весело острила, и опустивъ руку въ воду, играла обручальнымъ кольцомъ.

— Понятенъ ли вамъ смыслъ рѣчей доктора? внезапно спросила она у Эриха.

— Еслибъ я захотѣлъ ихъ понять, отвѣчалъ онъ, то мнѣ бы за тѣмъ ничего болѣе не осталось, какъ обидѣться.

— Не можете ли вы мнѣ объяснить, почему меня, съ нѣкоторыхъ поръ, такъ сильно преслѣдуетъ тоска? опять спросила Белла.

— Возвышенныя натуры бываютъ часто этому подвержены— по крайней мѣрѣ такъ думалъ еще и Аристотель, возразилъ Эрихъ.

Белла глубоко вздохнула. Этотъ отвѣтъ показался ей слишкомъ педантическимъ и не удовлетворилъ ее.

Разговоръ у нихъ не вязался, но Белла вскорѣ снова обратилась къ Эриху и быстро проговорила:

— Присутствіе на виллѣ вашей матушки меня глубоко оскорбляетъ.

— Васъ оскорбляетъ?

— Да. Мнѣ невыносима мысль, что этотъ человѣкъ, съ помощью своихъ денегъ, можетъ по-произволу перемѣщать людей.

Слова Беллы навели на Эриха раздумье.

Между тѣмъ профессорша сидѣла съ Клодвигомъ и говорила ему, какъ ей пріятно видѣть Эриха въ кругу такихъ просвѣщенныхъ друзей. Мнѣніе, что молодой человѣкъ получаетъ окончательное воспитаніе въ кругу женщинъ, можетъ быть прежде и было справедливо, но теперь ему необходимо общеніе съ умными зрѣлыми мужчинами.

Между профессоршей и Клодвигомъ вскорѣ завязалась одна изъ тѣхъ дружескихъ бесѣдъ, которыя свидѣтельствуютъ, что, хотя собесѣдники до сихъ поръ и существовали совершенно отдѣльно, посреди совсѣмъ различныхъ обстоятельствъ, они тѣмъ не менѣе жили одною духовною жизнью.

Профессорша хорошо знала первую жену Клодвига и теперь сказала о ней нѣсколько задушевныхъ словъ. Клодвигъ оглянулся, какъ бы желая удостовѣриться, что по близости не было Беллы. Онъ никогда въ ея присутствіи не говорилъ о своей покойной женѣ. Многіе увѣряли, будто Белла обязала его къ этому клятвой. Но то была чистая клевета. Клодвигъ никогда не снизошелъ бы на подобнаго рода требованіе, а Белла никогда и не подумала бы на этомъ настаивать.

Разговоръ продолжался въ полголоса. Клодвигъ и профессорша находили одинъ въ другомъ отголосокъ собственныхъ мыслей и чувствованій. Оба полагали, что величайшее счастье человѣка заключается въ томъ, что онъ быстро забываетъ всѣ трудности жизни и напротивъ долго удерживаетъ въ памяти все, что можетъ содѣйствовать къ украшенію его земного существованія.

— Да, замѣтила профессорша, мой мужъ всегда говорилъ: счастіе людей, что имъ данъ этотъ даръ забвенія.

Профессорша и Клодвигъ предались воспоминаніямъ прошлаго, на которое взирали съ невозмутимымъ спокойствіемъ, какъ люди, достигшіе высшей степени нравственнаго просвѣтленія. На высотѣ, гдѣ они стояли, умолкали всѣ личныя желанія и скорби, и жизнь ихъ сливалась съ жизнью всего человѣчества. Но Клодвигъ не могъ себѣ простить одного, а именно, что онъ такъ долго ограничивался въ жизни только ролью зрителя, въ увѣренности, что всякая идея, какая бы она ни была, сама собой развивается и слагается въ событіе. Онъ искренно радовался тому, что молодое

поколѣніе въ этомъ отношеніи на него не походитъ, и съ восторгомъ говорилъ объ Эрихѣ, какъ о представителѣ этого поколѣнія, осмотрительность, мужество, сдержанность и дѣятельность котораго возбуждали въ немъ самыя отрадныя надежды.

Они незамѣтно снова перешли на вопросъ о статистикѣ любви, когда въ комнату вошла Белла. Она была блѣдна, но Клодвигъ этого не замѣтилъ. Помѣстившись рядомъ съ мужемъ, она просила продолжать разговоръ, однако ни профессорша, ни Клодвигъ не возвращались болѣе къ прежнему предмету.

Графъ заговорилъ о тетушкѣ Клавдіи, освѣдомился о ея вкусахъ и привычкахъ и сказалъ, что у него есть прекрасный телескопъ, который онъ отдаетъ въ ея полное распоряженіе.

Немного отдохнувъ, Белла снова ушла въ садъ.

ГЛАВА VIII.

БОРЬБА ДОЛГА СЪ ЛЮБОВЬЮ.

— Мнѣ необходимо сказать вамъ еще нѣсколько словъ. Приходите сегодня вечеромъ въ паркъ и ждите меня на скамьѣ подъ плакучей ивой, шепнулъ Эрихъ Беллѣ, выходя изъ лодки.

— Сегодня вечеромъ? переспросила она.

— Да.

— Въ паркѣ подъ плакучей ивой?

— Да.

Она подала ему руку, и они молча вернулись на виллу. Белла немедленно отправилась къ Клодвигу и профессоршѣ. Она сама не знала, зачѣмъ къ нимъ пошла, но почувствовала не малое облегченіе, увидя, какъ они дружески и спокойно бесѣдовали. Ему все равно, подумала она, съ кѣмъ бы ни говорить, лишь бы его внимательно слушали и время отъ времени давали ему толковые отвѣты. Она встала и пошла въ паркъ, гдѣ долго въ тревогѣ ходила взадъ и впередъ, стараясь умѣрить свое нетерпѣніе мыслью, что Эрихъ не можетъ такъ скоро оставить Роланда. Но она не подозрѣвала, какого это стоитъ ему труда, не потому, чтобы онъ не могъ совладать съ мальчикомъ, который всегда ему во всемъ охотно повиновался, а вслѣдствіе собственнаго возбужденнаго состоянія духа. Его упрекала совѣсть за то, что онъ усаживалъ мальчика за урокъ, единственно съ цѣлію отъ него отдѣлаться. Книгу, которую онъ передъ нимъ раскрылъ, мѣсто, которое онъ ему назначилъ для прочтенія въ свое отсутствіе, казались ему оскверненными. Но онъ видѣлъ себя къ тому вынужденнымъ

суровымъ долгомъ. Чего бы это ему ни стоило, онъ пойдетъ на это послѣднее свиданье и не измѣнитъ своей рѣшимости.

Наконецъ онъ отправился въ паркъ и засталъ Беллу на возвышеніи подъ плакучей ивой. На лицѣ ея были явные слѣды слезъ. Заслышавъ шаги Эриха, она отняла отъ лица платокъ, которымъ утирала глаза.

— Вы плакали? спросилъ онъ.

— Да, о вашей матери, о себѣ самой, о всѣхъ насъ! Сколько разъ приходилось мнѣ слышать, какъ смѣялись надъ профессоршей, какъ ее сожалѣли и порицали за то, что она послушалась влеченія своего сердца и вышла замужъ за человѣка, безъ состоянія и положенія въ свѣтѣ. Доходъ въ восемьсотъ талеровъ и въ придачу любовь—были долго поговоркой при дворѣ. И что же? она оказалась всѣхъ насъ мудрѣе и счастливѣе. Ей отрадно вспоминать о своемъ прошломъ и мечтать о будущемъ, которое вы для нее олицетворяете. А мы всѣ не болѣе какъ куклы, вся задача которыхъ въ жизни пѣть, танцовать, играть на фортепіано и болтать вздоръ. Мы съ презрѣніемъ отворачиваемся отъ человѣка, который обогатился торговлей невольниками, и не замѣчаемъ, что наши знатные отцы торгуютъ собственными дѣтьми, а дѣти, въ свою очередь, продаютъ себя за лошадей, за экипажи, за наряды и за роскошныя жилища. На бѣдномъ дворянствѣ лежитъ проклятіе, наложенное на него гордостью и деспотизмомъ предковъ. Крестьянка, подбирающая въ полѣ забытые жнецами колосья, несравненно счастливѣе и свободнѣе знатной дамы, которая, откинувшись на мягкія подушки роскошнаго экипажа, прогуливается но главнымъ улицамъ столицы.

— У меня есть до васъ просьба, началъ Эрихъ дрожащимъ голосомъ. Согласны ли вы мнѣ подарить часъ изъ вашей жизни?

— Одинъ часъ?

— Да. Хотите ли вы меня выслушать?

— Говорите, я васъ слушаю.

Она смотрѣла на него, широко раскрывъ глаза, надъ которыми особенно рѣзко выдѣлялись брови; углы рта ея опустились, а полуоткрытыя губы слегка дрожали. Головѣ ея, для полнаго сходства съ Медузой, недоставало только пары крыльевъ и двухъ змѣй, сходящихся подъ подбородкомъ. Эрихъ взглянулъ на нее и невольно вздрогнулъ. Но онъ поспѣшилъ оправиться и съ внезапной рѣшимостью заговорилъ.

— Два вопроса терзаютъ мнѣ сердце. Неужели, думаю я, строгое пониманіе жизни и наука ставятъ мнѣ въ обязанность чуждаться любви? Неужели человѣкъ долженъ безпрекословно приносить себя въ жертву судьбѣ и не стараться отмѣнять ея же-

стокихъ рѣшеній? И оба эти вопроса сливаются въ одинъ и составляютъ чудовищный узелъ, подобный тому, какой образуютъ змѣи подъ подбородкомъ Медузы.

— Дальше, дальше! въ нетерпѣніи проговорила Белла.

— Знайте, что была минута, когда я едва удержался, чтобъ не броситься въ объятія къ сидѣвшей около меня прекрасной женщинѣ и не воскликнуть: люблю тебя! Эрихъ стиснулъ зубы и приложилъ руку къ сердцу.... Но вслѣдъ за тѣмъ я бы пустилъ себѣ въ лобъ пулю!

Белла опустила глаза въ землю, а Эрихъ продолжалъ:

— Эта минута лишила бы меня покоя, чести, гордости, всего на свѣтѣ. Онъ на минуту остановился, съ трудомъ перевелъ духъ и снова началъ:

— Но я не признаю за любовью права все разрушать на своемъ пути. Во мнѣ нѣтъ достаточно мужества, чтобы лгать, какъ то вообще принято въ свѣтѣ. Вы видите, на краю какой пропасти я стоялъ? Но я опомнился вò-время и сказалъ самому себѣ: Мы посланы въ міръ не для того, чтобы безславно и безслѣдно умирать. Знанія и воля даны намъ какъ орудія жизни, а не смерти. Какъ бы я могъ выносить солнечный свѣтъ, смотрѣть въ глаза честному человѣку, пользоваться любовью матери, толковать съ моимъ воспитанникомъ о правдѣ и добродѣтели и все врéмя носить въ душѣ сознаніе своего проступка?

Эрихъ остановился и приложилъ руку ко лбу. Голосъ его внезапно оборвался, а на глазахъ у него навернулись слезы.

— Продолжайте, я васъ слушаю, шепотомъ проговорила Белла.

— Благодарю васъ. Я въ первый и въ послѣдній разъ такъ говорю съ вами. У васъ хватитъ мужества до конца выслушать слова правды. То, что̀ насъ съ вами связываетъ, не есть любовь, не можетъ и не должно быть любовью. Любовь не порождаетъ ни смерти, ни лицемѣрія, ни измѣны. Я беру васъ за руку.... нѣтъ, я этого не сдѣлаю, потому что въ противномъ случаѣ не могъ бы съ вами разстаться. Я здѣсь стою.... говорю съ вами.... вы меня слушаете, а между тѣмъ, я далекъ отъ васъ, какъ будто бы находился за много миль отсюда. Я для васъ умеръ, и то, что̀ въ насъ до сихъ поръ таилось, пусть тоже умретъ въ самомъ зародышѣ.

— Чего вы отъ меня хотите? спросила Белла, и взглянула на Эриха, какъ бы ожидая увидѣть въ его рукѣ ножъ. Онъ глубоко вздохнулъ и продолжалъ:

— Я убѣжденъ, что человѣкъ, который созналъ свои заблужденія, можетъ снова выйдти на истинный путь. Другъ мой, вы будете счастливы, лишь только сознаете, въ чемъ состоитъ

ваше благо. И хотя теперь сердце мое разрывается на части, я тѣмъ не менѣе знаю, что тоже буду счастливъ, какъ только научусь повиноваться долгу. Я до сихъ поръ былъ гордъ и надѣялся покорить весь міръ, — вы тоже самое думали о себѣ. Наша встрѣча съ вами должна не погубить насъ, но пробудить къ сознанію новой жизни. Я предвижу, что настанетъ день, когда мы протянемъ другъ другу руку и скажемъ.... или нѣтъ, не скажемъ, а въ глубинѣ души почувствуемъ, какъ счастливъ былъ тотъ часъ, въ который мы одержали надъ собой побѣду и возвысились въ собственныхъ глазахъ. Настоящая минута тяжела, но впереди насъ ожидаетъ спокойная и мирная будущность. Займемся серьезно выполненіемъ нашихъ обязанностей. Отецъ мой всегда говорилъ: разумный и честный человѣкъ также страстно желаетъ исполнять свой долгъ, какъ другіе стремятся наслаждаться. Другъ мой, надъ нами сверкаютъ звѣзды — вы для меня тоже звѣзда, чистоту которой я хочу сохранить незапятнанной.... Ахъ, я самъ не знаю, что̀ говорю? Довольно. Теперь прощайте, и когда мы съ вами опять свидимся....

— Нѣтъ, останьтесь! воскликнула Белла и схватила его за руку, потомъ быстро ее отпустила, какъ будто коснулась змѣи. Отойдя отъ него на нѣсколько шаговъ и гордо закинувъ голову назадъ, она проговорила: благодарю васъ!

Эрихъ хотѣлъ отвѣчать, но остановился, думая, что ему лучше уйдти, не произнося болѣе ни слова.

— Еще одинъ вопросъ, сказала Белла, правда ли, что вы прежде, чѣмъ сюда пріѣхать, видѣли Манну Зонненкампъ?

— Да.

— И вы любите ее, и пріѣхали сюда ради нее?

— Нѣтъ.

— Я вѣрю вамъ и благодарю васъ.

Ей было пріятно знать, что ее по крайней мѣрѣ не приносятъ въ жертву другой. Она дико оглянулась вокругъ, нетерпѣливо покачала головой, потомъ сказала:

— Вы правы, пусть будетъ такъ.

Она задумалась, какъ будто отыскивая въ памяти, что̀ еще могла дать на прощанье Эриху. Затѣмъ, какъ будто пораженная новою мыслью, воскликнула:

— Будьте осторожны съ моимъ братомъ! Берегитесь его, онъ можетъ надѣлать вамъ много зла.

Эрихъ ушелъ. Ему тяжело было вернуться къ Роланду; и онъ нѣсколько времени сидѣлъ, рукой защищая глаза отъ свѣта, который, казалось, причинялъ имъ боль. Онъ, повидимому, не смѣлъ взглянуть на Роланда. Немного спустя, пришелъ слуга и доло-

жилъ, что графъ Клодвигъ и графиня Белла перемѣнили свое намѣреніе и сегодня же уѣзжаютъ домой. Они просятъ Эриха и Роланда придти съ ними проститься.

Молодые люди немедленно сошли внизъ.

Тетушка Клавдія пока оставалась на виллѣ. За ней на слѣдующій день хотѣли прислать экипажъ.

Белла протянула Эриху руку, обтянутую перчаткой и тихо проговорила:

— Доброй ночи, капитанъ.

Карета уѣхала.

ГЛАВА IX.

ПОСЛѢ БОРЬБЫ.

На возвратномъ пути въ Вольфсгартенъ, Белла и Клодвигъ долго молчали, погруженные каждый въ свои размышленія. Наконецъ, Клодвигъ проговорилъ:

— На сердцѣ у меня такъ отрадно! Какое счастье встрѣтить женщину, которая, доживъ до шестидесяти лѣтъ, не имѣетъ нужды раскаяваться не только ни въ одномъ изъ своихъ поступковъ, но даже ни въ одной изъ мыслей.

Белла почти съ ужасомъ на него посмотрѣла. Что это? Ужъ не подозрѣваетъ ли онъ ее? Быть не можетъ, иначе онъ бы этого не сказалъ. Или великодушіе побуждаетъ его, намекомъ на чужую незапятнанную жизнь, пробудить въ ней сознаніе собственной слабости?

Она видѣла себя въ необходимости что̀-нибудь отвѣтить, но мысли ей не повиновались. Наконецъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, она быстро возразила:

— Эта женщина, не смотря на всю свою бѣдность, очень счастлива: у нея прекрасный, благородный сынъ.

Настала очередь Клодвига смутиться и въ недоумѣніи на нее посмотрѣть. Ужъ не проникла ли какъ-нибудь Белла въ глубину его души, гдѣ за минуту передъ тѣмъ мелькнула мысль: а что, если бы она, профессорша.... была твоей женой, а Эрихъ твоимъ сыномъ?

Клодвигъ оставилъ замѣчаніе Беллы безъ отвѣта, но въ глубинѣ души жестоко упрекалъ себя за эту, хотя и мимолетную, но дурную мысль.

Въ теченіи всей дороги они не обмѣнялись болѣе ни словомъ. Беллѣ казалось, что какая-то сверхъ-естественная сила вле-

четъ ее въ глубокую бездну, гдѣ ее ожидаетъ конечная погибель. Колеса издавали такой странный звукъ, а служанка и кучеръ на козлахъ казались при лунномъ свѣтѣ фантастическими существами. Карета быстро мчалась, а сердце Беллы разрывалось отъ гнѣва, стыда и гордости. Ей, повидимому, еще не скоро суждено было успокоиться.

Белла чувствовала себя жестово оскорбленной въ собственномъ достоинствѣ. Она полагала, что уже покончила съ жизнью, а между тѣмъ сдѣлалась жертвой такого незрѣлаго, безумнаго чувства: она продолжала называть его незрѣлымъ и безумнымъ. Самолюбію ея былъ нанесенъ жестокій ударъ. Она въ первый разъ въ жизни протягивала руку и со стыдомъ видѣла, какъ ее отталкивали. Ей на минуту показалось, будто Эрихъ, изъ желанія пощадить ея самолюбіе, преувеличилъ свою любовь къ ней. Она замѣтила въ немъ что̀-то натянутое, какую-то фальшивую ноту. «Что съ нимъ? Гдѣ онъ? О чемъ думаетъ? Онъ, конечно, тоже глубоко страдаетъ.... Онъ меня испугался, внезапно шепнуло ей самолюбіе, и поспѣшилъ спастись отъ угрожавшей ему опасности.» Белла встрепенулась. Къ ней возвратилась ея обычная самоувѣренность. «Все это вздоръ, думала она, съ горькой улыбкой: то было легкое испытаніе, шутка, смѣлая игра. Она, Белла, сильная и неуязвимая, хотѣла только принудить молодого человѣка упасть къ ея ногамъ. И если бы ей это удалось, съ какимъ презрѣніемъ она бы его оттолкнула! Да, это было такъ.... Кому придетъ въ голову ей противорѣчить? Развѣ все ея прошлое не говоритъ за нее....» Но вдругъ Белла устыдилась своихъ усилій самое себя втянуть въ обманъ. Что̀ теперь будетъ? думала она. Ей оставалось только спокойно, равнодушно встрѣтиться съ Эрихомъ, котораго она все-таки успѣла предостеречь на счетъ любви къ Маннѣ. А, вотъ оно, гдѣ таилось жало, вотъ что̀ было причиной ея пораженія! И Белла мысленно поклялась вырвать изъ своей души всякое нѣжное чувство. Природа не даромъ надѣлила ее такой энергіей и силой воли. Добродѣтель ея теперь закалилась въ пламени, и ничто болѣе не будетъ въ состояніи ее сломить.

Белла откинула вуаль, и взглянувъ на небо, какъ бы призывала звѣзды въ свидѣтельницы ея твердой рѣшимости, изгнать изъ своего сердца все слабое, малодушное, ребяческое, недостойное его. Она съ благодарностью вспомнила слова Эриха: «знаніе и сила воли даны намъ какъ орудіе жизни, а не смерти.» Съ помощью ихъ мы должны бороться со своими страстями и побѣждать ихъ.

Но пока карета медленно взбиралась на гору, Белла опять впала въ уныніе. Ей казалось, что она навсегда утратила свободу, и она быстро приподняла руки, какъ бы стараясь стряхнуть

съ нихъ цѣпи. Клодвигъ подумалъ, что это движеніе относилось къ нему, быстро взялъ ее за руку и молча пожалъ.

Они такимъ образомъ пріѣхали въ Вольфсгартенъ. Войдя въ ярко освѣщенную залу, Клодвигъ сказалъ женѣ:

— Намъ позволено молчать, когда мы вмѣстѣ: это лучшее доказательство нашихъ дружескихъ отношеній.

Белла утвердительно кивнула головой. Она съ удивленіемъ озиралась вокругъ. Гдѣ она? Чье все это? Какая сила ее сюда перенесла? Откуда она вернулась? Какъ бы она могла теперь стоять рядомъ съ мужемъ, еслибъ....

Еще минута, и она упала бы передъ нимъ на колѣни, моля о прощеніи.

— Нѣтъ, подумала она, не надо — не для меня.... я готова на всякое униженіе.... но для него. Ему лучше ничего не знать.

Она наклонила голову, Клодвигъ поцѣловалъ ее въ лобъ и замѣтилъ:

— Какой у тебя горячій лобъ.

Затѣмъ всѣ разошлись по своимъ комнатамъ.

Белла отослала свою горничную, говоря, что сама раздѣнется.

Между тѣмъ, какъ Белла и Клодвигъ катились по дорогѣ въ Вольфсгартенъ, профессорша съ Эрихомъ шла по направленію къ обвитому виноградникомъ домику. Она вела его за руку, какъ маленькаго ребенка, чувствовала, какъ сильно онъ взволнованъ, но ни слова не говорила. Взойдя на лѣстницу, она сказала:

— Эрихъ, поцѣлуй меня.

Эрихъ понялъ, что мать хотѣла его испытать, и не медля ни минуты, поцѣловалъ ее. Ни онъ, ни она ни слова болѣе не произнесли.

Съ души Эриха точно свалилась тяжесть, но его еще тревожило одно сомнѣніе: ужъ не черезчуръ ли совѣстливо онъ поступилъ съ Беллой и нельзя ли назвать его педантомъ? Онъ оттолкнулъ отъ себя прекрасную женщину, которая была расположена любить его со всѣмъ пыломъ своей страстной натуры. Эта мысль дѣлала его несчастнымъ. Сознаніе своей правоты, гордость, самоувѣренность, все это его покинуло, и онъ чувствовалъ себя безъ вины виноватымъ. Онъ думалъ возвыситься въ собственныхъ глазахъ, когда, говоря съ Беллой о своей любви, преувеличивалъ ее съ цѣлью сильнѣе подѣйствовать на молодую женщину. Теперь отверженная имъ любовь жестоко за себя мстила, и онъ все болѣе и болѣе падалъ въ собственномъ мнѣніи.

Онъ въ этотъ вечеръ долго бродилъ по окрестностямъ. Не одни только физическія, но и нравственныя раны производятъ въ человѣкѣ лихорадку. Эрихъ, во имя добродѣтели, принесъ въ

жертву часть своего сердца и жестоко отъ этого страдалъ. Но подобно тому, какъ вечерняя роса, ложась на деревья и травы, ихъ освѣжала, такъ точно роса невѣдомой благодати, проникая въ душу Эриха, его ободряла и подкрѣпляла. Слезы раскаянія омыли въ немъ послѣдніе слѣды преступныхъ желаній, онъ вспомнилъ дни своей юности и снова какъ бы превратился въ ребенка. Съ любовью глядя на обвитый виноградомъ домикъ, онъ думалъ: «Я и въ зрѣломъ возрастѣ постараюсь сохранить въ себѣ младенческую чистоту души». Мысли его шли далѣе. «Ты устоялъ противъ соблазна — шепталъ ему внутренній голосъ—потому что въ тебѣ было сильно сознаніе долга. Будь же снисходителенъ къ богатымъ и сильнымъ міра сего, которымъ такъ много дано, что въ нихъ невольно умолкаетъ голосъ совѣсти и слабѣетъ сознаніе долга.»

Онъ поздно вернулся домой, и ночью во снѣ ему все казалось, будто онъ борется съ волнами Рейна, которыя его одолѣваютъ, несмотря на то, что онъ былъ такой искусный пловецъ. Онъ закричалъ, но голосъ его исчезъ въ пространствѣ. Мимо плылъ буксирный пароходъ, у руля стояла лоцманша и смотрѣла на него съ злой усмѣшкой. Вдругъ она исчезла, и на ея мѣстѣ появилась фигура молодой дѣвушки съ крыльями и черными, блестящими глазами.

ГЛАВА X.

ПОМОЩНИЦА И СОВѢТНИЦА.

На слѣдующее утро, изъ Вольфсгартена пріѣхала карета за тетушкой Клавдіей и за попугаемъ. Профессорша въ теченіи почти тридцати лѣтъ, что была замужемъ, ни разу не разставалась съ сестрой своего мужа. Имъ обѣимъ казалось невозможнымъ жить одной безъ другой, но отъѣздъ тетушки былъ рѣшенъ, и имъ ничего болѣе не оставалось, какъ покориться.

Зонненкампъ разсыпался въ любезностяхъ, просилъ тетушку считать его домъ за свой собственный и выразилъ надежду, что она пробудетъ въ Вольфсгартенѣ всего нѣсколько дней. Онъ вручилъ кучеру тщательно увязанную корзинку съ виноградомъ и бананами, а клѣтка съ попугаемъ была поставлена въ карету, рядомъ съ тетушкой. Попугай всю дорогу кричалъ и сердился. Онъ, повидимому, неохотно разставался съ виллой.

Зонненкампъ предложилъ профессоршѣ небольшую прогулку въ окрестности, говоря, что ей такимъ образомъ легче будетъ

перенести первую минуту разлуки. Профессорша отвѣчала, что не въ развлеченіи слѣдуетъ искать утѣшенія, а въ силахъ собственной души, и что одно только размышленіе можетъ закалить человѣка противъ всѣхъ непріятныхъ случайностей. Роландъ съ удивленіемъ на нее посмотрѣлъ: это были мысли и даже самыя слова Эриха.

Нѣсколько дней прошло въ невозмутимой тишинѣ. Обитатели виллы не предпринимали никакихъ прогулокъ и только изрѣдка посѣщали обвитый виноградомъ домикъ. Посѣщеніе Беллы повергло всѣхъ въ какое-то тревожное состояніе, отъ котораго никто еще не могъ оправиться, тѣмъ болѣе, что о немъ постоянно напоминало отсутствіе тетушки. Белла въ лицѣ фрейленъ Дорнэ увезла изъ дома Зонненкампа одинъ изъ наиболѣе оживлявшихъ его элементовъ, и рояль въ концертной залѣ снова погрузился въ безмолвіе.

Эрихъ и Роландъ были прилежнѣе, нежели когда-либо. Профессорша, подъ предлогомъ, что она вовсе незнакома съ способомъ преподаванія своего сына, просила позволенія присутствовать при ихъ урокахъ. Эрихъ понялъ, что мать хотѣла побудить его къ бо̀льшей сосредоточенности и самообладанію. Профессорша угадывала, что между нимъ и Беллой произошло что-то тяжелое, но ни слова объ этомъ не говорила, а только старалась оживить сына своимъ присутствіемъ и помочь ему выполнить его обязанности къ Роланду.

Она съ ранняго утра приходила въ комнату Эриха и Роланда и проводила тамъ большую часть дня. Отправляясь туда, она никогда не запасалась никакой работой, изъ боязни отвлекать вниманіе мальчика, и молча, притаивъ дыханіе, слѣдила за урокомъ. Ея присутствіе сильно возбуждало какъ ученика, такъ и наставника. Оба испытывали надъ собой вліяніе ея свободнаго духа, который такъ хорошо все понималъ и такъ вѣрно оцѣнивалъ все прекрасное.

Сначала Роландъ часто на нее взглядывалъ, но она всякій разъ неодобрительно качала ему головой. Эрихъ вздумалъ-было такъ расположить занятія мальчика, чтобъ и профессорша могла извлечь изъ нихъ кое-что новое. Но онъ вскорѣ примѣтилъ на себѣ ея пристальный взглядъ, который ясно говорилъ: «это не годится», — и поспѣшилъ вернуться къ своему обычному, простому изложенію.

Профессорша была очень довольна методическимъ способомъ преподаванія Эриха и тѣмъ, какъ онъ умѣлъ поддерживать въ мальчикѣ интересъ. Она съ удовольствіемъ слушала его толкованія насчетъ склонности людей безпечныхъ и лѣнивыхъ, ссы-

-латься на то, что одинъ человѣкъ будто бы ничего не въ состояніи сдѣлать. Но вѣдь народъ и человѣчество, пояснялъ онъ, состоятъ изъ отдѣльныхъ личностей, ученикъ пріобрѣтаетъ познанія въ одиночку, плодъ зрѣетъ подъ вліяніемъ отдѣльныхъ лучей солнца,—все въ мірѣ единицы, но изъ этихъ отдѣльныхъ единицъ составляется громадное цѣлое. Эрихъ сопровождалъ свои толкованія цитатами изъ Цицерона, Ксенофонта и Сократа. Онъ хотѣлъ, чтобы Роландъ постоянно чувствовалъ себя въ общеніи съ величайшими умами древняго и новаго міра.

Оставшись наединѣ съ Эрихомъ, профессорша ему сказала:

— Я нахожу, что ты, стремясь какъ можно болѣе развивать и обогащать умъ твоего воспитанника, слишкомъ раскидываешься, черезчуръ вдаешься въ подробности и тѣмъ самымъ мѣшаешь ему сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ и прочно усвоить себѣ основныя истины.

Эрихъ смутился. Онъ надѣялся, что мать безусловно его похвалитъ, а она вмѣсто того находила въ его преподаваніи существенные недостатки. Однако онъ успѣлъ оправиться, пока она съ улыбкой продолжала:

— Меня въ твоихъ занятіяхъ съ Роландомъ поразили двѣ особенности. Во-первыхъ, я считаю вреднымъ для мальчика, что ты ему даешь именно все то, чего онъ желаетъ. Ты слишкомъ снисходительно подчиняешься требованіямъ его юнаго, капризнаго ума. Впрочемъ, это—неудобство, какому подвергаются всѣ юноши, воспитывающіеся дома, а не въ общественномъ заведеніи. Молодой умъ балуется снисходительностью наставника и воспринимаетъ только то, что̀ ему нравится, а не то, что̀ слѣдуетъ. Воспитательная дисциплина въ томъ именно и заключается, чтобы пріучать мальчика къ послѣдовательному труду, останавливая его вниманіе исключительно на томъ, что̀ стоитъ на очереди, хотя бы оно ему вовсе не нравилось. Это въ тоже время служитъ и подготовкой къ жизни, которая рѣдко даетъ человѣку именно то, къ чему онъ имѣетъ наклонность, но гораздо чаще ставитъ его въ положеніе, вовсе не соотвѣтствующее его вкусамъ.

— Продолжайте, матушка, въ чемъ же состоитъ моя вторая особенность? спросилъ Эрихъ.

— Я помню, какъ твой отецъ говорилъ, что первую и главную основу воспитанія составляютъ изрѣченія: «ты долженъ», или «ты не долженъ», безъ всякихъ дальнѣйшихъ изъясненій и комментарій. Теперь подумай самъ, не слишкомъ ли ты обременяешь Роланда разсужденіями? Не знаю, насколько они могутъ быть ему полезны въ борьбѣ и полагаю, что ему тогда гораздо бо-

лѣе пригодилось бы незатѣйливое: «ты долженъ», или «ты не долженъ». Говорю тебѣ все это для твоихъ соображеній. Другіе могутъ тебя хвалить, мое же дѣло тебя предостерегать. Но, тѣмъ не менѣе, я нахожу, что ты уже достигъ въ твоихъ занятіяхъ важнаго результата: мальчикъ проникся глубокимъ уваженіемъ ко всему, что̀ носитъ на себѣ слѣды исторіи.

Эрихъ взялъ мать за руку и долго шелъ молча. Потомъ онъ началъ объяснять ей свое намѣреніе сдѣлать изъ Роланда не только человѣка образованнаго, но и такого, который бы имѣлъ точку опоры въ жизни и могъ бы во всемъ на самого себя полагаться.

— Сынъ мой, возразила профессорша, ты задался слишкомъ трудной задачей. Ты хочешь разомъ достигнуть трехъ цѣлей — это невозможно. Выслушай меня терпѣливо. Ты стремишься пополнить пробѣлы плохого воспитанія, дать мальчику лучшее направленіе, вооружить его нравственными началами, не прибѣгая для этого къ избитымъ средствамъ, — однимъ словомъ, ты желаешь сдѣлать изъ этого юноши, которому уже знакомы всѣ преимущества богатства, человѣка полезнаго, добраго, чуждаго всякаго личнаго эгоизма.... Но чего ты смѣешься?... Подожди, дай мнѣ окончить: ты хочешь въ мальчикѣ, безъ семьи и безъ отечества, пробудить любовь къ семьѣ и къ отечеству. Вотъ теперь скажи мнѣ, надъ чѣмъ ты смѣешься?

— Ахъ, матушка, извини меня, пожалуйста. Тебя не даромъ зовутъ профессоршей. Ты сейчасъ, точь-въ-точь профессоръ съ каѳедры, изложила свои мысли. Но позволь мнѣ замѣтить тебѣ, что моя двойная, или лучше сказать многосложная задача, въ сущности очень проста. Признаюсь тебѣ, я уже не разъ думалъ, не слѣдуетъ ли мнѣ легче смотрѣть на вещи? Но затѣмъ являлся вопросъ: не есть ли это внушеніе лѣни, которая, подъ благовиднымъ предлогомъ, совѣтуетъ мнѣ заботиться о собственномъ удобствѣ болѣе, нежели о чужомъ? Я долженъ сдѣлать этотъ опытъ и хочу все пустить въ ходъ, чтобы твердо поставить мальчика на почву свободнаго знанія.

— Знаніе! воскликнула профессорша. Оно можетъ дать спокойствіе, но не счастіе. Къ тому же знаніе,—пища не всегда пригодная для молодой души. Мясо отличное кушанье, но новорожденный младенецъ не можетъ его ѣсть и питается исключительно молокомъ. Понимаешь ли ты, что̀ я хочу сказать?

— Какъ нельзя лучше. Ты полагаешь, что религія есть именно та пища, то молоко, въ которомъ нуждается молодая душа.

— Такъ точно, съ торжествующимъ видомъ произнесла профессорша. Не даромъ говорилъ твой отецъ: человѣкъ, не вѣрую-

щій въ Бога, никогда не можетъ создать ничего великаго. Богъ есть источникъ творческой фантазіи. Пока философія не выработаетъ прочныхъ нравственныхъ законовъ, которые, подобно десяти заповѣдямъ, могли бы быть начертаны на двухъ каменныхъ скрижаляхъ, — до тѣхъ поръ въ основаніи всякаго воспитанія должна лежать религія.

— Матушка, перебилъ ее Эрихъ, мы съ тобой гораздо болѣе вѣруемъ въ Бога, чѣмъ тѣ, которые поклоняются ему, сообразно съ постановленіями той или другой церкви....

— Довольно, сынъ мой, перебила его профессорша, я для тебя не достаточно сильна. Твой отецъ, еслибъ онъ былъ живъ, одинъ могъ бы тебѣ помочь.

Разговоръ, коснувшись смерти отца, самъ собою принялъ другое направленіе.

ГЛАВА XI.

НЕОЖИДАННАЯ РЕВИЗІЯ.

Церера начала ревновать профессоршу ко всѣмъ домашнимъ, находя, что та слишкомъ мало посвящала ей своего времени. Она вдругъ всѣхъ изумила внезапною рѣшимостью также присутствовать при урокахъ сына, говоря, что ей болѣе нежели кому либо есть чему учиться. Немного спустя и Зонненкампъ послѣдовалъ за нею въ классную комнату. Но онъ ни минуты не могъ оставаться въ бездѣйствіи и, когда не курилъ, вырѣзалъ ножомъ изъ дерева разнаго рода фигуры. Онъ для этого преимущественно употреблялъ корень розоваго дерева, и ему особенно удавались комическія фигуры. Только занятый такимъ образомъ онъ могъ сидѣть спокойно.

Присутствіе столькихъ лицъ при его урокахъ смущало Эриха и мѣшало ему вполнѣ отдаваться своему ученику. Мать поняла всю неловкость его положенія и начала держаться въ сторонѣ отъ классной комнаты. Вслѣдъ за ней, сначала Церера, а потомъ и Зонненкампъ, тоже перестали посѣщать уроки сына.

Между тѣмъ какъ Эрихъ строгимъ выполненіемъ своихъ обязанностей старался заглушить въ себѣ страданіе, причиненное ему Беллой, матерью его тоже овладѣла тревога, съ которой она напрасно боролась. Для нея вдругъ осуществилось желаніе всей ея жизни: она могла цѣлые дни проводить въ обширномъ саду и изучать самыя разнообразныя породы растеній. Но это, столь любимое ею занятіе, далеко не удовлетворяло ее. Однажды рано утромъ, гуляя въ паркѣ съ Эрихомъ, она сказала:

— Я теперь на опытѣ убѣдилась, что лишена способности быть гостьей.

Эрихъ воздержался отъ распросовъ, зная, что мать хотя и не вдругъ, но мало-по-малу выскажетъ все, чтò было у ней на душѣ. И дѣйствительно, она продолжала:

— Меня преслѣдуетъ желаніе быть здѣсь полезной и давать чтò-нибудь взамѣнъ того, чтó я получаю. Особенность богатыхъ людей заключается въ томъ, что они живутъ на свѣтѣ, какъ въ гостяхъ. Они сами ничѣмъ не занимаются, за нихъ все дѣлаютъ другіе. Но я, сынъ мой, не могу такъ жить. Мнѣ необходимо какое-нибудь дѣло. Вы, мужчины, можете творить, передъ вами раскрыты всѣ пути, и вы, вашей дѣятельностью, постоянно поддерживаете и возобновляете въ себѣ бодрость духа. Но мы, женщины, находимъ полноту жизни только въ любви.

Эрихъ отвѣчалъ, что вездѣ, гдѣ бы она ни была, уже одно ея присутствіе приноситъ пользу и отраду. Профессорша съ жаромъ на это возразила:

— Меня постоянно возмущаетъ одно изрѣченіе Шиллера, которое ему ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало бы произносить. «Посредственныя натуры, говоритъ онъ, знаменуютъ свое существованіе тѣмъ, чтò онѣ дѣлаютъ, возвышенныя—тѣмъ, чтò онѣ есть.» Это какъ будто даетъ право ничего не дѣлать всѣмъ тунеядцамъ, будь они низкаго или благороднаго происхожденія.

Эрихъ замѣтилъ, что она могла бы имѣть благодѣтельное вліяніе на Цереру. Профессорша ничего не отвѣчала, а только уныло покачала головой. Она прежде сама это имѣла въ виду, но ей приходилось имѣть дѣло съ такимъ страннымъ, загадочнымъ характеромъ, что она потеряла всякую надежду на успѣхъ. Она не хотѣла въ томъ сознаться сыну, но ей было неловко въ этомъ домѣ, гдѣ она какъ будто задыхалась отъ недостатка воздуха. Весь блескъ, вся гордость семьи Зонненкампа заключались во внѣшнемъ богатствѣ. Въ ней, повидимому, не было никакой внутренней поддержки, никакой силы, которая, исходя изъ нея самой, служила бы прочнымъ основаніемъ ея положенія въ свѣтѣ. Она, казалось, все заимствовала отъ другихъ и существовала только отраженіемъ посторонняго свѣта.

Фрейленъ Пэрини всегда говорила о Церерѣ съ состраданіемъ, какъ о бѣдной страждущей... но чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, страдала Церера?

Профессорша однажды замѣтила, что ей должна быть очень тяжела разлука съ дочерью. Церера вдругъ, съ сверкающими глазами, приподнялась на подушкахъ и услала фрейленъ Пэрини въ садъ, а затѣмъ робко, озираясь вокругъ, сказала профессоршѣ:

— Она не виновата, я сама всему причиной... я хотѣла его наказать и открыла все дочери... но я этого не ожидала.

Профессорша стала убѣждать Цереру, чтобы она ей вполнѣ довѣрилась, но та съ страннымъ смѣхомъ отвѣчала:

— Нѣтъ, нѣтъ, вторично я уже не проговорюсь и ничего вамъ не скажу.

Страхъ, какой профессорша испытала во время своего перваго свиданія съ Церерой, снова ее охватилъ. Ей казалось, что она отчасти угадала болѣзнь этой, то лѣнивой, то страстной женщины. Она явно страдала отъ какой-то тайной мысли, которую не рѣшалась никому довѣрить, но въ то же время и не могла вполнѣ скрыть.

Церера очень любила слушать разсказы о придворныхъ балахъ и часто приставала къ профессоршѣ съ распросами о нихъ. Она жадно, какъ ребенокъ, которому разсказываютъ волшебную сказку, слѣдила за каждымъ словомъ, не пропуская ни малѣйшей подробности. Ей можно было нѣсколько разъ сряду повторять одно и тоже, и вниманіе ея отъ этого нисколько не утомлялось. Профессорша однако съумѣла дать ей понятіе о трудностяхъ положенія герцогини, каждый часъ для которой имѣетъ свои особенныя обязанности. Она старалась также объяснить ей различныя отношенія между людьми, прибавляя, что все это, конечно, должно казаться страннымъ Церерѣ, родившейся въ республикѣ и выросшей посреди совершенно другихъ условій. Это все равно, говорила профессорша, какъ еслибъ мы были внезапно перенесены въ другое столѣтіе.

— Васъ, замѣтила Церера, вашего сына, да еще маіора, я понимаю, а затѣмъ, слушая разговоры другихъ, я все какъ-то не разберу, что̀ они хотятъ сказать. Но, представьте себѣ, я сначала васъ боялась.

— Въ самомъ дѣлѣ? Меня до сихъ поръ еще никто не боялся.

— Я вамъ послѣ разскажу, какъ это случилось, а теперь я больна. Ахъ, я никогда не бываю здорова!

Профессорша, какъ ни старалась, не могла произвести никакой перемѣны въ образѣ жизни Цереры, которая по прежнему только и дѣлала, что вставала, ложилась, спала, просыпалась и снова засыпала.

Обращеніе Зонненкампа съ профессоршей было въ высшей степени мягкое и почтительное. Онъ какъ будто упражнялся съ ней въ великосвѣтскихъ пріемахъ и трудился надъ пріобрѣтеніемъ себѣ внѣшняго аристократическаго лоска. Встрѣтясь однажды съ ней, когда она выходила отъ Цереры, онъ остановилъ

ее и заговорилъ съ ней вкрадчивымъ тономъ. Скромно обративъ ея вниманіе на то, какъ онъ до сихъ поръ строго выполнялъ свое обѣщаніе не вмѣшиваться въ ея сношенія съ его женой, онъ осмѣливался теперь просить ее объ одномъ, а именно, сказать ему, не упоминала ли когда-нибудь Церера въ своихъ бесѣдахъ съ ней о Маннѣ?

— Очень часто, но всегда коротко.

— А будетъ мнѣ позволено узнать именно что̀?

— Мнѣ самой трудно это сказать. Намеки вашей жены на Манну до сихъ поръ остаются для меня загадочными. Но, прошу васъ, оставимъ это и не принуждайте меня болѣе измѣнять оказанному мнѣ довѣрію.

— Оказанному вамъ довѣрію! рѣзко перебилъ ее Зонненкампъ. У него отъ страха даже побѣлѣли губы.

— Ахъ, я не такъ выразилась! ваша жена мнѣ, собственно говоря, ничего не повѣряла. Мнѣ самой показалось... пожалуйста не примите моихъ словъ въ дурную сторону... мнѣ показалось, будто она втайнѣ боится, или ненавидитъ фрейленъ Пэрини. Но поймите, прошу васъ, что я далека отъ всякаго желанія повредить этой особѣ и почти раскаяваюсь, зачѣмъ вамъ все это сказала.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ Зонненкампъ. Жена моя готова нѣсколько разъ въ день удалять изъ своего дома фрейленъ Пэрини и снова призывать ее. Я не знаю никого, не исключая и васъ самихъ, кто бы ей былъ нужнѣе и полезнѣе фрейленъ Пэрини.

Профессорша томилась желаніемъ вырваться изъ этого дома, но не находила предлога, который могъ бы приличнымъ образомъ объяснить ея внезапный отъѣздъ. Кромѣ того, въ глубинѣ ея души таилось какое-то неопредѣленное чувство, которое почти вопреки ей самой удерживало ее на виллѣ. Она вообще не была любопытна и не имѣла ни малѣйшей склонности вмѣшиваться въ чужія дѣла, или проникать въ чужія тайны, но тѣмъ не менѣе ее неотступно преслѣдовала мысль о Маннѣ. Ей казалось необъяснимымъ, почему молодая дѣвушка, привыкшая къ нѣгѣ и роскоши, почти ребенокъ, вдругъ съ такой твердостью рѣшилась покинуть родительскій домъ. Профессорша собиралась распросить объ этомъ маіора, Клодвига, Пранкена, но послѣдній уже въ теченіи нѣсколькихъ недѣль не показывался на виллу. Разъ какъ-то она попросила Іозефа проводить ее въ комнату Манны. Оставаясь передъ каминомъ, она впала въ глубокое раздумье. Ей казалось, будто она слышитъ голосъ молодой дѣвушки,

которая призываетъ ее къ себѣ на помощь, и она мысленно дала себѣ слово сдѣлать все, что̀ можетъ, для ея спасенія.

Профессорша въ тотъ же день написала настоятельницѣ монастыря письмо, въ которомъ извѣщала о своемъ намѣреніи въ самомъ скоромъ времени ее навѣстить.

ГЛАВА XII.

ФРАУ ПЕТРА.

Прогуливаясь по саду и по оранжереямъ, или сидя въ кабинетѣ передъ шкапомъ съ отдѣленіями, гдѣ хранились сѣмена, Зонненкампъ всегда бывалъ въ отличномъ расположеніи духа. У него въ эти минуты не сходила съ лица торжествующая улыбка, которую вызывала мысль, что люди и обстоятельства ему одинаково повинуются, что онъ распоряжается ими по произволу и гнетъ ихъ въ какую сторону хочетъ, подобно фруктовымъ деревьямъ въ своемъ саду.

Лѣнь Цереры и упорство, съ какимъ она отказывалась выходить изъ своей комнаты, сначала много содѣйствовали тому, чтобъ поставить домъ Зонненкампа на аристократическую ногу. Чтобы выиграть въ глазахъ свѣта, надо смотрѣть на него свысока. Кто не заискиваетъ въ людяхъ, тотъ, подразумѣвается, въ нихъ не имѣетъ нужды, слѣдовательно довольствуется самимъ собою. Все, что̀ является со стороны, въ такихъ случаяхъ, принимается милостиво, но безъ особенныхъ изъявленій радости, какъ нѣчто, въ чемъ не ощущается ни малѣйшей потребности. Зонненкампъ все это очень хорошо понималъ, но въ тоже время предвидѣлъ, что ему не на долго придется озадачить общество своей аристократической въ отношеніи къ нему сдержанностью. И дѣйствительно, его уединенный образъ жизни вскорѣ всѣмъ началъ казаться таинственнымъ и загадочнымъ, въ сосѣдяхъ пробудилось любопытство, пошли толки, но — и тутъ Зонненкампъ жестоко ошибся въ своемъ разсчетѣ — къ сближенію съ нимъ никто не дѣлалъ шага. Это послѣднее обстоятельство его сильно тревожило и сердило. Ему стоило большихъ усилій не выказывать своего раздраженія передъ сосѣдями и дѣлать видъ, будто онъ не замѣчаетъ ихъ пренебреженія къ себѣ.

Конюшни и лошади послужили поводомъ къ первому знакомству Зонненкампа съ Отто фонъ-Пранкеномъ. Знакомство это не замедлило принять довольно интимный характеръ и даже обѣщало превратиться въ родственную связь, но, не смотря на это,

домъ и паркъ Зонненкампа продолжали стоять по прежнему одиноко, а на него самого во всей окрестности смотрѣли какъ на чужеземное растеніе, которому врядъ ли суждено привиться на туземной почвѣ. Теперь же ему, съ помощью Эриха и его семьи, внезапно открывалась возможность окончательно пустить корни въ странѣ. Эрихъ сдѣлалъ то, чего не могъ сдѣлать Пранкенъ, а именно сблизилъ Зонненкампа съ Клодвигомъ и съ Беллой. Профессоршѣ предстояло докончить начатое сыномъ и привлечь на виллу всѣхъ, сколько-нибудь значительныхъ сосѣдей. Для этого ей слѣдовало всѣмъ имъ сдѣлать визиты, а затѣмъ принимать ихъ у себя.

Зонненкампъ въ присутствіи профессорши жаловался на то, что его жена вовсе неспособна поддерживать сношеній съ окрестными семействами. Мать Эриха съ своей стороны выразила желаніе поближе познакомиться съ прирейнской жизнью и поблагодарить всѣхъ тѣхъ, которые оказали дружбу и вниманіе ея сыну. Во главѣ послѣднихъ она ставила доктора, а Зонненкампъ посовѣтовалъ ей между прочимъ навѣстить также и семью мирового судьи. Затѣмъ онъ съ любезной готовностью отдалъ въ ея распоряженіе весь домъ на случай, если бы она захотѣла пригласить къ себѣ гостей.

Въ одно воскресное утро позднимъ лѣтомъ профессорша снарядилась въ путь. Церера, сначала обѣщавшая сопровождать ее, въ минуту отъѣзда объявила, что это ей рѣшительно невозможно, и тутъ профессорша въ первый разъ замѣтила въ ней дѣйствительно какую-то злость. Церера первоначально согласилась на желаніе мужа, единственно съ цѣлью избавиться отъ непріятныхъ для нея толковъ, а въ рѣшительную минуту прибѣгла къ обычной своей уловкѣ и сказалась больной. Фрейленъ Пэрини, само собою разумѣется, осталась съ ней.

Общество прежде всего отправилось на виллу барона фонъ-Эндлиха, хотя всѣмъ было извѣстно, что онъ съ семействомъ путешествовалъ. Но, тѣмъ не менѣе, визитъ ему былъ сдѣланъ, а потомъ Зонненкампъ, предоставивъ профессоршѣ, Эриху и Роланду ѣхать въ городокъ безъ него, самъ вернулся на виллу. Уходя, онъ закричалъ имъ вслѣдъ, чтобъ они были осторожнѣе съ виномъ и не пили его безъ разбору вездѣ, гдѣ ихъ станутъ угощать.

Въ головѣ профессорши вдругъ мелькнула догадка, что она дѣлаетъ визиты вовсе не отъ себя и не для себя, а повинуется при этомъ чьему-то постороннему плану. Но она была хорошо настроена и подумала, отчего бы ей и не оказать этой маленькой услуги своимъ гостепріимнымъ хозяевамъ.

Дорогой имъ попался на встрѣчу Клаусъ. Роландъ приказалъ кучеру остановиться и представилъ ловчаго профессоршѣ. Та подала ему руку и ласково замѣтила, что собирается и его также навѣстить. Клаусъ весело на нее взглянулъ и, указывая на Роланда, сказалъ:

— Еслибъ отъ меня зависѣло дать ему бабушку, я выбралъ бы ему точь-въ-точь такую, какъ вы.

Всѣ засмѣялись и поѣхали далѣе.

При въѣздѣ въ городокъ, они были встрѣчены колокольнымъ звономъ, раздававшимся съ башни построенной на возвышеніи протестантской церкви. Профессорша вышла изъ экипажа и въ сопровожденіи Эриха и Роланда направилась къ паперти. Мальчикъ первый разъ въ жизни переступалъ за порогъ протестантскаго храма, въ которомъ происходило богослуженіе. Онъ сказалъ это профессоршѣ, и та посовѣтовала ему съ Эрихомъ немедленно отправиться въ городокъ, говоря, что сама не долго останется въ церкви и скоро ихъ догонитъ. Но Роландъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ и настоялъ на томъ, чтобъ съ ней не разставаться.

Они вошли въ церковь, отличавшуюся большой простотой. Въ ту минуту, какъ они переступили черезъ ея порогъ, раздававшееся тамъ пѣніе умолкло и его замѣнила проповѣдь, но такая напыщенная и преисполненная такихъ неумѣстныхъ обращеній къ паствѣ, что профессорша не на шутку смутилась и пожалѣла, зачѣмъ уступила просьбѣ Роланда и взяла его съ собой.

Они поспѣшили выйти на свѣжій воздухъ и долго любовались прелестнымъ ландшафтомъ, разстилавшимся съ холма, на которомъ стояла церковь. Профессорша, взявъ за руку Роланда, сказала:

— Когда ты выростешь и умственно окрѣпнешь, я тебя познакомлю съ однимъ изъ твоихъ соотечественниковъ, высокія возрѣнія на жизнь котораго пробудятъ въ тебѣ совсѣмъ особаго рода мысли и ощущенія.

— Это Веньяминъ Франклинъ: я его хорошо знаю.

— Нѣтъ, человѣкъ, о которомъ я говорю, духовнаго званія и умеръ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онъ отличался высокими качествами ума и сердца. Не могу выразить, какъ я счастлива тѣмъ, что лично его знала. Онъ посѣщалъ нашъ домъ, садился за нашъ столъ и былъ очень друженъ съ твоимъ отцемъ, Эрихъ.

— Ты, безъ сомнѣнія, говоришь о Теодорѣ Паркерѣ?

— Да, и меня несказанно утѣшаетъ мысль, что подобный человѣкъ нѣкогда жилъ съ нами.

— Отчего ты мнѣ до сихъ поръ никогда о немъ не говорилъ? спросилъ Роландъ Эриха.

— Я остерегался заводить съ тобой рѣчь о вѣроисповѣданіи, къ которому ты не принадлежишь по своему рожденію.

Хотя слова эти были сказаны безъ малѣйшаго упрека въ тонѣ, онѣ тѣмъ не менѣе смутили профессоршу. Она еще разъ повторила, что Роландъ долженъ познакомиться съ этимъ человѣкомъ не прежде, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, когда его разсудокъ вполнѣ созрѣетъ и окрѣпнетъ. Но мальчикъ этимъ не удовлетворился. Ему показали что-то новое и вслѣдъ затѣмъ быстро спрятали. Онъ не привыкъ къ отказамъ, и мысль его упорно устремилась на предметъ, который отъ него пока желали скрыть.

Между тѣмъ богомольцы начали расходиться изъ церкви и многіе изъ нихъ, проходя мимо Эриха и Роланда, обмѣнивались съ ними поклонами. Эрихъ представилъ своей матери директора училища, лѣсничаго съ женой и свояченицей, и они всѣ вмѣстѣ пошли по главной улицѣ городка. Врядъ ли какое другое зрѣлище представляетъ столь оживленный видъ, какъ прилежащія къ церкви улицы, усѣянныя пестрыми группами богомольцевъ, возвращающихся домой въ мирномъ и благочестивомъ настроеніи духа.

— А докторши не было въ церкви? спросила профессорша.

Ей отвѣчали, что докторша никогда по воскресеньямъ не ходитъ въ церковь. Она остается дома и принимаетъ больныхъ, которые каждое праздничное утро стекаются къ доктору изъ сосѣднихъ деревень. Многіе изъ нихъ страдаютъ простыми, несложными болѣзнями, требующими для излеченія самыхъ обыкновенныхъ домашнихъ средствъ. Докторша въ такихъ случаяхъ сама отъ себя прописываетъ лекарства, а за тѣмъ назначаетъ порядокъ, въ которомъ больные допускаются къ доктору по возвращеніи его домой. Тутъ Эрихъ въ первый разъ услыхалъ, что докторшу звали фрау Пéтра, потому что она, выслушивая и сортируя больныхъ, прежде чѣмъ открывались передъ ними двери докторскаго кабинета, какъ бы выполняла обязанности св. Петра, встрѣчающаго души людей въ преддверіи рая.

Профессорша съ молодыми людьми вошла въ жилище доктора. Все въ немъ сіяло чистотой. На лѣстницѣ и въ комнатахъ всюду висѣли по стѣнамъ хорошія картины, съ консолей граціозными гирляндами спускались вьющіяся растенія. Комната съ швейной машиной у окна, на которомъ стояло дерево камеліи въ цвѣту, имѣло особенно праздничный видъ. Сквозь затворенныя двери слышался голосъ докторши, говорившей: «Вы, ми-

лая Трудхенъ, постоянно толковали о религіи, да о покорности волѣ Божіей, а теперь, когда съ вами приключилась бѣда, вы отчаяваетесь и вслѣдствіе нетерпѣнія дѣлаетесь ни на что не годной. Мой мужъ можетъ прописать вамъ лекарство, но вы сами должны запастись кротостью и терпѣніемъ... А вы, Анна, слишкомъ много даете ѣсть вашему ребенку и всякій разъ, что онъ объѣстся, приходите за лекарствомъ, но вѣдь разсудка нельзя добыть въ аптекѣ. А вы, Петръ, ступайте домой и дѣлайте себѣ примочки изъ теплаго уксуса.»

Голосъ вдругъ замолкъ. Безъ сомнѣнія, служанка доложила о пріѣздѣ гостей и прервала занятіе своей госпожи.

Дверь растворилась, и на порогѣ явилась докторша. Она привѣтливо поздоровалась съ профессоршей и немедленно велѣла подать бутылку рейнвейна и три стакана. Напрасно гости отказывались. она настояла, чтобы они отвѣдали ея вина.

Профессорша съ большимъ уваженіемъ отозвалась о воскресномъ занятіи своей хозяйки и выразила свое удивленіе ея медицинскимъ познаніямъ.

— Въ теченіи сорока лѣтъ по неволѣ кое-чему научишься, отвѣчала докторша. Сначала такого рода занятіе меня пугало, затѣмъ невѣжество и упорство этихъ людей меня сердило, а теперь я научилась съ ними справляться, перенявъ отъ мужа нѣчто въ высшей степени полезное.

— Что такое?

— Нѣкоторую рѣзкость и даже грубость въ обращеніи. Вы не повѣрите, какъ она дѣйствительна съ людьми, которые только и думаютъ, что о себѣ... Но довольно обо мнѣ говорить!

Докторша выразила свое удовольствіе по случаю того, что ей, наконецъ, удалось познакомиться съ матерью Эриха. Обѣ женщины невольно улыбнулись, когда Роландъ вдругъ сказалъ:

— Мы сейчасъ были въ церкви, но я нахожу, что здѣсь гораздо лучше.

Между тѣмъ подали вино. Эрихъ и Роландъ выпили за здоровье хозяйки и отправились въ кабинетъ доктора, гдѣ оба погрузились въ разсматриваніе анатомическихъ таблицъ.

Профессорша, оставшись на-единѣ съ докторшей, пригласила ее на виллу, при чемъ замѣтила, что ея твердый и рѣшительный характеръ, безъ сомнѣнія, благотворно подѣйствуетъ на Цереру.

— Я боюсь, ужъ не слишкомъ ли я груба, сказала докторша, характеръ которой напротивъ отличался большой мягкостью, а обращеніе привѣтливостью. Она составила профессоршѣ листъ семействъ, которыхъ совѣтовала ей навѣстить.

— Простите меня за нескромный вопросъ, снова заговорила докторша: правда ли, что Манна оставляетъ монастырь, а вы дѣлаетесь ея воспитательницей?

Профессорша изумилась. Мысль, которая едва успѣла промелькнуть въ ея умѣ, уже была на всѣхъ устахъ и служила предметомъ толковъ. Но кто распустилъ этотъ слухъ? Докторша не могла припомнить, какимъ путемъ онъ до нея дошелъ.

На распросы профессорши о Маннѣ докторша отвѣчала, что изо всей семьи Зонненкампа знаетъ только Роланда. Но Лина, дочь мирового судьи, прибавила она, была дружна съ Манной и отъ нея можно собрать нѣкоторыя свѣдѣнія объ интересовавшей ихъ молодой дѣвушкѣ.

Вскорѣ пришелъ докторъ, выслушалъ отчетъ жены о больныхъ и немедленно къ нимъ отправился.

Профессорша тоже стала прощаться, и докторша ее не удерживала. Ей еще со многими надо было повидаться и переговорить о ихъ недугахъ и нуждахъ.

Общество вышло отъ доктора въ отличномъ расположеніи духа.

У мирового судьи гостямъ пришлось довольно долго ожидать появленія хозяекъ. Судейша и дочь ея дѣлали свой туалетъ и когда наконецъ вышли въ гостиную, извиненіямъ ихъ не было конца. У нихъ въ домѣ, говорили онѣ, все еще въ такомъ безпорядкѣ и сами онѣ едва-едва успѣли одѣться. А между тѣмъ все въ комнатахъ и на нихъ самихъ блистало чистотой и свѣжестью.

Судья отправился куда-то по сосѣдству выпить свою воскресную порцію рейнвейна. За нимъ послали слугу, а профессоршу усадили на диванъ, до такой степени заваленный шитыми и вязанными подушками, что на немъ едва оставалось мѣсто для гостя. Между хозяйками и гостями не замедлилъ завязаться довольно оживленный разговоръ. Судейша, конечно, не преминула упомянуть о своемъ отцѣ, и ко всеобщему удовольствію оказалось, что онъ былъ хорошо знакомъ профессоршѣ. Послѣдней наконецъ удалось втянуть Лину въ разговоръ о монастырѣ. Молодая дѣвушка, по обыкновенію, живо и весело разсказывала о своемъ пребываніи тамъ, и примѣтя одобрительное вниманіе, съ какимъ ее слушала профессорша, до того увлеклась своей болтовней, что даже не замѣчала изумленныхъ и строгихъ взглядовъ матери.

Наконецъ явился судья, который какъ будто ужъ черезчуръ поспѣшилъ выпить свою обычную порцію вина. Лицо его, обыкновенно серьезное, на этотъ разъ сіяло весельемъ, и онъ, съ особеннымъ чувствомъ пожимая профессоршѣ руку, обѣщалъ ей

свое судейское покровительство. Затѣмъ онъ разсказалъ Эриху и Роланду о бѣгствѣ изъ тюрьмы польскаго конюха. Его тщательно отыскивали, послали за нимъ въ разныя стороны опытныхъ сыщиковъ, и судья выразилъ надежду, что его не поймаютъ.

Судейша и Лина нарядились въ шляпки и не безъ нѣкотораго удовольствія, что показываются въ такомъ обществѣ, пошли проводить своихъ гостей къ директору училища, который жилъ въ домѣ за изгибомъ, образуемымъ Рейномъ. Эрихъ шелъ съ судейшей, судья съ Роландомъ, а Лина съ профессоршей.

Лина сама завела рѣчь о Маннѣ, говорила, что бѣдная дѣвушка, прежде такая живая и неукротимая, теперь сдѣлалась очень грустна и тиха. Она страстно любила своего отца, и всѣ полагали, что она никакъ не могла бы перенести съ нимъ разлуку. Въ заключеніе Лина стала просить профессоршу употребить все свое вліяніе на то, чтобъ возвратить Манну домой. Профессорша осторожно молчала и не рѣшалась болѣе распрашивать Лину. Ее поразила мысль, что визитъ, сдѣланный ею единственно изъ учтивости, вдругъ оказался для нея такимъ многозначительнымъ и какъ будто даже возлагалъ на нее новую обязанность. Еслибъ она могла знать, что сегоднишняя поѣздка въ городъ была устроена Зонненкампомъ, она бы еще болѣе подивилась странному стеченію обстоятельствъ, въ которыхъ внезапно очутилась.

Семействъ директора и лѣсничаго не было дома, и профессорша не безъ чувства облегченія сѣла въ карету, чтобъ ѣхать обратно на виллу. Когда они проѣзжали мимо жилища доктора, на порогѣ его стояла фрау Пе́тра. Она сдѣлала знакъ кучеру, чтобъ тотъ остановился, и, подойдя къ экипажу, сказала профессоршѣ, что забыла предупредить ее на счетъ одного обстоятельства. Госпожа Дорнэ, говорила она, хорошо бы сдѣлала, еслибъ сегодня же навѣстила маіора и фрейленъ Милькъ. Маіоръ, во всемъ остальномъ такой снисходительный, былъ очень взыскателенъ на счетъ уваженія, оказываемаго фрейленъ Милькъ. Онъ никогда не прощалъ тому, кто провинялся противъ нея хоть въ малѣйшемъ невниманіи. А сама фрейленъ Милькъ, не смотря ни на что, была особа въ высшей степени почтенная и достойная.

Затѣмъ общество безпрепятственно вернулось на виллу.

На дворѣ ихъ встрѣтилъ не кто иной, какъ маіоръ. Онъ казался въ дурномъ расположеніи духа, но лицо его мгновенно просіяло, лишь только профессорша объявила о своемъ намѣреніи послѣ обѣда посѣтить фрейленъ Милькъ. Она, между прочимъ, просила замѣнить чашкой кофе обычное угощеніе виномъ, ко-

тораго не могла пить безразлично во всякое время дня. Маіоръ весело закивалъ головой и немного спустя послалъ мальчика, сына кастеляна, къ фрейленъ Милькъ съ извѣстіемъ объ ожидавшемъ ее посѣщеніи. Профессорша была очень весела, и Эрихъ замѣтилъ, какъ ему пріятно видѣть, что и мать его наконецъ испытываетъ на себѣ ободряющее, живительное вліяніе прирейнскаго воздуха, который вообще такъ благотворно дѣйствуетъ на природу и на людей.

Садясь за столъ, Роландъ шепнулъ профессоршѣ:

— Сегодня двадцать-четвертое августа, день рожденія Теодора Паркера. Я это только-что вычиталъ въ энциклопедическомъ словарѣ.

Профессорша въ отвѣтъ посовѣтовала мальчику ни съ кѣмъ, кромѣ нея, объ этомъ не говорить.

ГЛАВА XIII.

КИСЛОЕ МОЛОКО ПРЕВРАЩАЕТСЯ ВЪ СЛАДКОЕ.

Еще никогда маіоръ не былъ такъ веселъ и разговорчивъ за обѣдомъ на виллѣ, какъ въ это воскресенье. Онъ даже позабылъ вторично спросить у Іозефа своего любимаго бургундскаго.

Церера съ смущенной улыбкой слушала разсказъ профессорши о ея утреннемъ посѣщеніи городка, гдѣ ей привелось видѣть столько хорошихъ людей. Пріятное зрѣлище, говорила Дорнэ, представляетъ видъ этой рѣки и тѣснящихся вдоль нея горъ, но ничто не можетъ сравниться съ прелестью, таящейся въ глубинѣ честнаго, благороднаго сердца. По ея мнѣнію, ни одна страна въ мірѣ не представляетъ такой полноты и такого разнообразія жизненныхъ силъ, какъ Германія, и нигдѣ образованіе не проникло такъ глубоко въ массы, какъ у нѣмцевъ. Города и села, которые для путешественниковъ имѣютъ значеніе, сообразное только съ своими болѣе или менѣе звучными именами, хранятъ въ себѣ сокровища ума и сердца.

— Я убѣжденъ, что во всей окрестности сегодня не было произнесено лучшей проповѣди, сказалъ маіоръ Эриху. Потомъ онъ всталъ и предложилъ тостъ:

— За здоровье профессорши! громко произнесъ онъ: давайте всѣ за нее пить..... Многія лѣта профессоршѣ! Она не только живетъ, но и украшаетъ собой жизнь и указываетъ намъ на то, чтò въ ней есть высокаго и прекраснаго, и чего мы сами, можетъ

быть, въ ней и не примѣтили бы. Зиждитель вселенной да благословитъ ее за то! Братья мои.... ахъ нѣтъ, я хотѣлъ сказать мои.... мои.... однимъ словомъ, да здравствуетъ профессорша!

Маіору еще никогда не случалось произносить такой длинной заздравной рѣчи и никогда еще онъ не былъ такъ доволенъ собой, какъ сегодня. Онъ тотчасъ послѣ обѣда отправился домой и всю дорогу твердилъ про себя свою рѣчь, имѣя въ виду ее съ буквальной точностью повторить въ присутствіи фрейленъ Милькъ. Вся слава въ мірѣ ничего не значитъ въ сравненіи съ однимъ словомъ одобренія изъ ея устъ. Она все знаетъ и понимаетъ лучше всѣхъ.

Дòма фрейленъ Милькъ встрѣтила его жалобой, что у ней скисли сливки, и что она нигдѣ не могла достать другихъ свѣжихъ. Во все время, что она говорила, маіоръ неистово махалъ руками, стараясь заставить ее замолчать. Онъ боялся позабыть свою рѣчь и, ставъ передъ фрейленъ Милькъ въ приличную позу, произнесъ:

— Вотъ чтò я сегодня говорилъ за обѣдомъ: слушайте!

Собачка Леди пристально смотрѣла на своего хозяина и повидимому внимательно его слушала. Когда же онъ окончилъ свою рѣчь, она весело залаяла, какъ бы въ знакъ того, что вполнѣ ее поняла. Маіоръ, безъ сомнѣнія, не хотѣлъ лгать, но теперешняя его рѣчь вышла гораздо красивѣе, и во всякомъ случаѣ гораздо длиннѣе той, которую онъ произнесъ за обѣдомъ. Когда онъ наконецъ замолчалъ, фрейленъ Милькъ сказала:

— Мнѣ пріятно думать, что ваши слова между прочимъ слышали и хорошіе люди.

Фрейленъ Милькъ сильно не долюбливала, какъ самого Зонненкампа, такъ и его жену, а въ особенности фрейленъ Пэрини.

— Отъ чего вы не накрыли столъ нашей лучшей бѣлой скатертью? спросилъ маіоръ, увидя приготовленный въ саду кофейный приборъ.

— Отъ того, что на бѣлое больно смотрѣть при солнечномъ свѣтѣ.

— Правда... правда. Какъ вы думаете, не запереть ли мнѣ Леди? Она иногда бываетъ несносна своей навязчивостью?

— Нѣтъ, оставьте собаку на свободѣ.

Маіоръ былъ въ отчаяніи отъ того, что не могъ ничего придумать для лучшаго пріема гостей.

Онъ на мгновеніе куда-то скрылся, а затѣмъ вернулся съ торжествующимъ видомъ. Ему наконецъ удалось что-то совершить

и даже нѣчто такое, что составляло для него настоящую жертву. Маіоръ уговорилъ кухарку старшины уступить ему горшечекъ сливокъ. Онъ обыкновенно строго держался правила никогда ничего ни у кого не просить и не занимать, но для настоящаго случая можно было сдѣлать и исключеніе.

Онъ украдкой отъ фрейленъ Милькъ поставилъ сливки на столъ и зажалъ себѣ ротъ рукой, чтобъ не расхохотаться при мысли объ ея удивленіи, когда она увидитъ, какой онъ ей приготовилъ сюрпризъ. Затѣмъ онъ притащилъ въ садъ свое большое кожаное кресло, намѣреваясь усадить въ него профессоршу. Но явилась фрейленъ Милькъ, указала ему на недостатки кресла, которые особенно ярко выдавались при солнечномъ сіяніи, и они, уже вдвоемъ, его опять унесли обратно въ кабинетъ.

— Не пойти ли намъ къ нимъ на встрѣчу? спросилъ маіоръ, направляя на дорогу свою подзорную трубу. Посмотрите-ка и вы въ нее... Погодите, я ее только для васъ наведу... вотъ такъ! Мнѣ кажется, тамъ кто-то идетъ внизу, у подножія горы.

Фрейленъ Милькъ просила его успокоиться. Вдругъ лицо маіора омрачилось, и онъ повидимому даже готовъ былъ прослезиться. Положивъ руку на плечо фрейленъ Милькъ, онъ сказалъ:

— Это больно.... очень больно.... жестоко.... дурно.... очень дурно... очень жестоко съ вашей стороны! Чтó бы я далъ, чтобъ быть въ состояніи представить васъ профессоршѣ въ качествѣ маіорши, моей жены.

Фрейленъ Милькъ быстро на него оглянулась, лицо ея приняло суровое выраженіе и она строго проговорила:

— Ради Бога, чтó вы дѣлаете?

Собака жалобно залаяла, точно спрашивая: чтò случилось? Отчего это вы такъ сердито смотрите?

— Ну... ну, хорошо... Я ужъ успокоился. Молчи Леди! воскликнулъ маіоръ, стараясь заставить собаку молчать. Имъ вдругъ овладѣла такая усталость, что онъ принужденъ былъ сѣсть, и не смотря на всѣ свои усилія не могъ закурить трубку.

Немного спустя онъ вышелъ въ садъ и, стоя у забора, задумчиво барабанилъ пальцами по doскамъ. Онъ такъ былъ погруженъ въ себя, что даже не замѣтилъ приближенія гостей, которые вдругъ точно выросли передъ нимъ изъ земли.

Первая встрѣча профессорши съ фрейленъ Милькъ далеко не была такъ дружественна, какъ надѣялся маіоръ. Обѣ женщины съ недовѣріемъ смотрѣли одна на другую и зорко одна за другой наблюдали. Но маіоръ ничего не замѣчалъ и съ трудомъ

удерживался отъ смѣха, смотря, какъ серьезно та разливала по чашкамъ свѣжіе сливки, повидимому, ни мало не удивляясь ихъ появленію на столѣ. Впрочемъ онъ не замедлилъ ударить себя рукой по лбу, гдѣ у него внезапно мелькнула догадка.

— Да, это она только при постороннихъ не хочетъ показать виду, будто произошло что-нибудь необыкновенное... Ахъ, какъ она умна! Ее не приходится ничему учить!

Маіору очень хотѣлось подѣлиться своими мыслями съ профессоршей, но онъ далъ себѣ слово вообще какъ можно менѣе говорить въ этотъ день и предоставить фрейленъ Милькъ вести разговоръ, какъ она найдетъ лучшимъ.

Но разговоръ долго не клеился, и только когда зашла рѣчь о докторшѣ, фрейленъ Милькъ немного оживилась и выразила свое уваженіе къ этой женщинѣ, которую считала за образецъ истиннаго достоинства.

— Что́ вы подразумѣваете подъ истиннымъ достоинствомъ?

— Сочетаніе честности съ умомъ и характеромъ, однимъ словомъ то, что́ наиболѣе заслуживаетъ уваженія.

— Всѣмъ этимъ и еще многимъ другимъ обладаетъ также и профессорша, сказалъ маіоръ. Ему показалось, что въ тонѣ фрейленъ Милькъ звучала какая-то холодность, не-то, недоброжелательство къ гостьѣ, и онъ хотѣлъ смягчить впечатлѣніе, какое могли произвести ея слова.

Профессорша спросила у фрейленъ Милькъ, здѣшняя ли она уроженка. Та очень коротко и даже сухо отвѣчала, что нѣтъ.

Маіоръ наконецъ нашелъ лучшее средство къ сближенію этихъ женщинъ, а именно, рѣшился оставить ихъ въ обществѣ одна другой. Двѣ незнакомыя лошади у одного стойла, думалъ онъ, можетъ быть слегка и полягаются, но въ концѣ концевъ все-таки сойдутся и даже подружатся. Онъ нарочно завелъ рѣчь о виноградникахъ, которые въ нынѣшнемъ году должны были дать первое, такъ-называемое «дѣвственное вино», и пригласилъ Эриха и Роланда пойдти на нихъ посмотрѣть.

Женщины остались однѣ. Профессорша хотѣла-было начать разговоръ похвалой фрейленъ Милькъ, о которой она слышала столько хорошаго, но потомъ сочла за лучшее сказать нѣсколько словъ о себѣ самой и о своихъ нуждахъ и затрудненіяхъ. Она какъ разъ попала въ тонъ, на который была настроена и сама фрейленъ Милькъ. Добрая старушка никогда не являлась въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, какъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ у нея требовали помощи и совѣта. Такъ и теперь она выразила изумительную по своей глубинѣ мысль, что только тотъ стоитъ твер-

дой ногой въ жизни и никогда не падаетъ, кто дѣйствуетъ всегда сознательно и ничего не предпринимаетъ, не уяснивъ себѣ сначала цѣли, которую можетъ и долженъ при этомъ имѣть въ виду. Профессорша была поражена скромной сдержанностью, но въ тоже время и опредѣлительной точностью, съ какими выражалась фрейленъ Милькъ. Она ожидала найти нѣсколько ограниченную, болтливую, погруженную въ мелочныя хозяйственныя заботы старушку, и вмѣсто того видѣла передъ собой женщину съ просвѣщеннымъ образомъ мыслей, съ огромнымъ запасомъ здраваго смысла и опытности.

«Вы не то, чѣмъ кажетесь», хотѣла сказать профессорша, и опять завела рѣчь о красотѣ прирейнской природы и о нравственной и физической крѣпости тамошняго населенія. Здѣсь, говорила она, въ горахъ сокрыто много прелестныхъ тѣнистыхъ уголкòвъ, а въ людяхъ много прекрасныхъ качествъ ума и сердца, которыя они въ тиши и уединеніи тщательно въ себѣ развиваютъ.

Фрейленъ Милькъ, помѣстившаяся-было со своей чашкой нѣсколько въ сторонѣ отъ стола, теперь къ нему приблизилась и съ большимъ тактомъ заговорила сначала объ Эрихѣ, а потомъ о Зонненкампѣ и его семействѣ. О фрейленъ Пэрини она впрочемъ ни слова не сказала, и между прочимъ пожалѣла, что Зонненкампъ, у котораго въ сущности было доброе сердце, ограничивался только мелкими благодѣяніями и не предпринималъ въ большихъ размѣрахъ ничего такого, чтò могло бы оказать дѣйствительную пользу и добро странѣ. Фрейленъ Милькъ хорошо знала всѣхъ бѣдныхъ, разсѣянныхъ по окрестностямъ, и яркими чертами изобразила ихъ нужды и страданія.

— Благодарю васъ, сказала профессорша, вы напоминаете мнѣ о главной причинѣ моего пріѣзда сюда, которую я было совсѣмъ упустила изъ виду. Но если мнѣ удастся склонить Зонненкампа на нашу сторону, вы не должны мнѣ отказывать въ вашемъ содѣйствіи.

Фрейленъ Милькъ обѣщалась сдѣлать все, чтò будетъ отъ нея зависѣть, но въ тоже время замѣтила, что профессоршѣ всего лучше было бы заинтересовать въ пользу этого дѣла дочь Зонненкампа. Манна одарена твердымъ характеромъ и пылкой душей: какъ хорошо было бы вернуть ее изъ монастыря домой и поставить во главѣ замышляемыхъ добрыхъ дѣлъ. Богатство Зонненкампа, подкрѣпляемое авторитетомъ его дочери, могло бы сдѣлаться источникомъ благосостоянія цѣлой страны.

Профессорша съ изумленіемъ глядѣла на фрейленъ Милькъ.

Тамъ докторша, здѣсь скромная ключница какъ бы указываютъ ей на ея призваніе, которое, по ихъ мнѣнію, заключается въ томъ, чтобъ вызвать Манну изъ монастыря и пробудить въ ней любовь къ полезной, общественной дѣятельности.

Профессорша обратилась-было къ фрейленъ Милькъ за дальнѣйшими свѣдѣніями объ окрестныхъ жителяхъ, но та отказалась ей отвѣчать подъ предлогомъ, что при своемъ уединенномъ образѣ жизни, не можетъ имѣть правильнаго на нихъ взгляда. Она видитъ людей только при солнечномъ свѣтѣ, въ праздничныхъ нарядахъ гуляющихъ по крутизнамъ, слышитъ ихъ пѣніе, смѣхъ, веселый говоръ, но ничего не знаетъ о ихъ внутренней жизни и будничной обстановкѣ, въ которой они ежедневно вращаются. Кто наблюдаетъ за людьми изъ окна своей комнаты, не выходя за предѣлы крошечнаго палисадника, тотъ не имѣетъ права произносить о нихъ своего сужденія. Зритель, непосвященный въ тайныя пружины дѣйствій и поступковъ людей, можетъ часто находить безсмысленнымъ то, что̀ на дѣлѣ имѣетъ и смыслъ и значеніе. Это все равно, что слѣдить издали за движеніемъ танцующихъ, но не слышать звуковъ музыки, съ которою они сообразуютъ эти движенія.

Профессорша снова обратилась къ Маннѣ, и фрейленъ Милькъ, забывъ всю свою сдержанность, съ жаромъ начала о ней распространяться. Молодая дѣвушка, по ея мнѣнію, подверглась какому-нибудь сильному нравственному потрясенію: иначе ничѣмъ нельзя было объяснить ея внезапнаго перехода отъ крайней гордости къ безграничному смиренію.

О Пранкенѣ фрейленъ Милькъ не могла говорить равнодушно. Она призналась, что̀ ненавидитъ его за высокомѣріе, съ какимъ онъ позволяетъ себѣ забавляться на счетъ маіора, котораго избралъ предметомъ своихъ остроумныхъ выходокъ. Его настоящее благочестивое настроеніе духа казалось ей очень подозрительнымъ. Она полагала, что онъ не спроста прикидывается религіознымъ, и опасалась для Манны какой-нибудь ловушки.

Въ разговорахъ такого рода обѣ женщины скоро поняли и оцѣнили одна другую. Профессорша обладала большимъ запасомъ легко пріобрѣтенныхъ, такъ сказать доставшихся ей по наслѣдству свѣдѣній. Сама она съ своей стороны давала много, но это не стоило ей ни малѣйшаго усилія. Знаніе фрейленъ Милькъ, напротивъ, не легко ей далось и было слѣдствіемъ многолѣтней опытности и терпѣливаго труда. Слушая плавную, изящную рѣчь профессорши, она многозначительно кивала головой и думала про себя: Не мудрено ей такъ говорить! Она вкушала духовную

пищу прямо, съ роскошно убраннаго стола уже готоваго образованія,—мнѣ же приходилось самой и стряпать и варить и собирать на столъ.

Маіоръ издали видѣлъ, какъ женщины подали и пожали одна другой руки. Онъ въ порывѣ радости обратился къ Леди съ ласковой рѣчью, которая явно предназначалась фрейленъ Милькъ.

— Другого подобнаго тебѣ существа, говорилъ онъ, не найти въ цѣломъ мірѣ. Ты умнѣе и добрѣе всѣхъ... ты правдива, кротка, мужественна, постоянна... Не ты, не ты, Леди: ну, чего ты на меня таращишь глаза?

У него было легко и весело на душѣ, когда онъ опять вступилъ въ свой маленькій садикъ. Эрихъ и Роландъ за нимъ слѣдовали.

Маіоръ непремѣнно хотѣлъ проводить профессоршу хоть часть дороги домой.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ ей между прочимъ, что я теперь знаю двухъ, не только лучшихъ, но и счастливѣйшихъ людей въ здѣшней мѣстности.

Маіоръ еще долго стоялъ на дорогѣ, провожая взоромъ удалявшихся гостей. Затѣмъ онъ поднялъ глаза къ небу и промолвилъ:

— Слава и благодареніе Зиждителю вселенной... Ему извѣстно, что̀ я хочу этимъ сказать.

Б. Ауэрбахъ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ
РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787 — 1795.

VII *).

Сеймъ въ 1790 году. Финансовыя затрудненія.—Политическій договоръ съ Пруссіею.—Толки объ уступкѣ Гданска и Торуня.—Недоразумѣнія Пруссіи съ Австріею.—Письмо прусскаго короля къ польскому.—Рейхенбахская конференція.—Новые толки объ уступкѣ Гданска и Торуня.—Законъ о запрещеніи предлагать уступки.—Судьба Понинскаго.—Отозваніе Штакельберга.—Булгаковъ.—Виды Россіи.—Вопросъ о наслѣдственности.—Обращеніе къ народу.—Временное закрытіе сейма [1]).

8-го февраля 1790 года, сеймъ открылся снова. Маршалъ Малаховскій проговорилъ восторженную рѣчь въ пользу Пруссіи и совѣтовалъ пользоваться поскорѣе расположеніемъ добраго сосѣда, чтобы заключить съ нимъ оборонительный договоръ и умножить войско. О стотысячной арміи перестали думать, ограничились комплектомъ 65,000, но на лицо могли собрать только 44,000; на содержаніе ихъ оказывалось нужнымъ 43,421,645 зл. да на амуницію 5,785,350 зл. Этихъ денегъ требовали отъ скарбовой коммиссіи, но скарбовая коммиссія препроводила въ войсковую только 13,000,000. «Дѣла идутъ плохо, полки отдалены отъ границы» говорилъ на сеймѣ Нѣмцевичъ, «отдѣлы ихъ стоятъ

---

*) См. выше, февр. 685; мар. 154; апр. 618; май, 138—153 стр.

[1]) См. источн. №№ 21. 18. 81. 1. 53. 115. 104. 113. 78. 26. 25. 14. 36 47. 49. 118. 35. Проток. сейма хран. въ Лит. метрикѣ.

въ такомъ другъ отъ друга разстояніи, что при первомъ вторженіи непріятеля должны будутъ разсыпаться. Войску нѣтъ жалованья, а въ казнѣ дефицитъ; о магазинахъ для продовольствія войска никто не думаетъ; между тѣмъ обыватели отправляютъ въ большомъ количествѣ за границу хлѣбъ изъ Польши.»

Обратились снова къ разсужденіямъ о предполагаемомъ займѣ. Безъ залога не давали Польшѣ нигдѣ денегъ; стали думать, какъ бы обезпечить заемъ. Думали поставить на гипотеку десятую часть стоимости королевщинъ, но этотъ проектъ возбудилъ противъ себя сильную оппозицію, потому что многіе изъ присутствовавшихъ имѣли въ рукахъ своихъ королевщины. Кублицкій предлагалъ умножить раздачу шляхетскихъ дипломовъ за деньги.

«Напрасно искать косвенныхъ источниковъ—сказалъ Станиславъ Потоцкій—ничего не будетъ, пока не устроится хорошо и пропорціонально сборъ податей. Мы установили сборъ десятаго гроша со шляхетскихъ имѣній; и что же? Одинъ мой пріятель говорилъ, что съ имѣнія въ Руси ему приходится платить десять процентовъ, а съ имѣнія въ Мазовіи только два. Надобно уравнять подати.»

Волынскіе и Подольскіе послы поднялись противъ уравненія въ наслѣдственныхъ имѣніяхъ; они желали взвалить всю тяжесть взносовъ на королевщины.

Патріоты стояли за всеобщее уравненіе. Чарторыскій подалъ проектъ объ этомъ. Въ немъ предлагалось средство для достиженія вѣрныхъ свѣдѣній о доходахъ: ввести опись и оцѣнку дворянскихъ имѣній, тогда какъ прежде, при взиманіи налоговъ или пожертвованій съ дворянскихъ имѣній, довольствовались показаніями владѣльцевъ подъ присягою.

«Я вижу, говорилъ Зелинскій, въ этомъ проектѣ нарушеніе шляхетской вольности, оскорбленіе религіи, попираніе присяги, которая до сихъ поръ считалась достаточною для рѣшенія споровъ; вижу уничтоженіе общественнаго довѣрія и подрывъ гражданскаго спокойствія.»

«Нѣтъ края въ мірѣ—возражалъ Ваврженцкій — гдѣ бы при такомъ населеніи и пространствѣ, какъ въ нашей Польшѣ, были такіе ничтожные доходы, какіе показываются нашими обывателями. Если бы у насъ имѣнія въ самомъ дѣлѣ давали такіе скудные доходы, то невозможна была бы никакая торговля, и паны не могли бы держать у себя во дворахъ столькихъ людей. Ясно, что большею частью доходы показываются фальшиво.»

Защитникъ правъ и чести шляхетскаго сословія, Сухоржевскій говорилъ: «Могутъ быть ошибки въ подачѣ сказокъ о доходахъ, но не умышленныя и не подъ фальшивой присягой. Если

бы у насъ было столько играющихъ присягою, сколько неправильно платящихъ подати, то Рѣчь-Посполитая была бы недостойна существованія и благословенія Божьяго.»

Послѣ споровъ о разныхъ подробностяхъ, принятъ былъ проектъ о назначеніи депутаціи для уравненія податей въ имѣніяхъ шляхетскихъ и духовныхъ. Она должна была сдѣлать оцѣнку въ имѣніяхъ шляхетскихъ и духовныхъ, руководствуясь собранными свѣдѣніями за шесть лѣтъ о всякаго рода отчужденіяхъ имуществъ (о продажахъ, залогахъ, контрактахъ и т. д.), вывести изъ нихъ доходъ и по этому доходу наложить подати, принявъ во вниманіе количество доходныхъ статей, указанныхъ самыми владѣльцами въ поданныхъ сказкахъ.

«Все это прекрасно—сказалъ 26 февраля король—только законъ объ уравненіи требуетъ времени, а войско нуждается въ жалованьи теперь же. Пополнить казну можно только немедленными пожертвованіями; не хочу отставать отъ другихъ. У меня нѣтъ въ наличности денегъ, но есть на полмилліона украшеній и драгоцѣнностей, все отдаю въ руки сеймоваго маршала.»

По примѣру короля, маршалъ Малаховскій предложилъ Рѣчи-Посполитой милліонъ злотыхъ безъ процентовъ. Въ томъ соображеніи, что сборъ вѣчнаго пожертвованія десятаго и двадцатаго гроша не можетъ состояться скоро, на предстоящую четверть года наложили въ Великой Польшѣ двойное подымное, въ Малой обыкновенное, а евреи должны были заплатить за цѣлый годъ поголовное не въ счетъ.

Вечеромъ въ тотъ день, когда король на сеймѣ сдѣлалъ пожертвованіе, онъ былъ встрѣченъ въ театрѣ громкими рукоплесканіями публики. Это былъ важный день для него; патріоты, которые до сихъ поръ относились къ нему враждебно, или по крайнѣй мѣрѣ косились на него, съ этого для начали съ нимъ сближаться и переставали считать врагомъ отечества.

Люккезини, ѣздившій въ Берлинъ, по возвращеніи, въ концѣ февраля, привезъ отвѣтъ прусскаго короля на предложеніе заключить торговый и оборонительный союзъ съ Польшею. Пруссія предлагала сбавить два процента съ польскихъ продуктовъ, переходящихъ черезъ Силезію и Саксонію, и четыре процента съ тѣхъ товаровъ, которые идутъ по Вислѣ, и обѣщала въ случаѣ нужды, доставлять такое же количество пѣхотнаго войска, какое Польша будетъ доставлять конницею. За это Пруссія требовала уступить ей города Гданскъ и Торунь, да староство Дыбовъ, а въ вознагражденіе Польшѣ уступала клочекъ польской же земли около озера Гопло въ Куявіи.

Долго не смѣла депутація предложить этого сейму, зная

раздраженіе, которое можетъ произвести всякая попытка къ уступкѣ земель. Депутація старалась войти въ соглашеніе съ Люккезини и прибѣгала къ такому извороту: она предложила отдѣлить союзнооборонительный трактатъ (alliance) отъ коммерческаго; такъ какъ уступка Польшею Гданска и Торуня предлагалась въ вознагражденіе торговыхъ выгодъ, предоставляемыхъ Пруссіею, то этотъ щекотливый вопросъ признавался сущностью коммерческаго договора, а не политическаго, слѣдовательно послѣдній могъ быть заключенъ независимо отъ всякихъ территоріальныхъ уступокъ. Поляки думали, что они этимъ совершаютъ дѣло великой политической мудрости, но можно было предвидѣть, что въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находилась Польша съ Пруссіею, политическій договоръ безъ торговаго былъ безплоденъ; такъ какъ отъ торговаго зависѣло благосостояніе Польши, то поляки неизбѣжно, вслѣдъ за политическимъ, должны были домогаться торговаго договора, на который Пруссія никакъ не согласилась бы иначе, какъ только получивши отъ Польши новыя владѣнія. Всей Польшѣ было очень тяжело отъ Пруссіи, потому что послѣдняя обложила польскіе товары чрезмѣрными пошлинами, но городу Гданску въ особенности; этотъ городъ, ради собственныхъ выгодъ и спокойствія, готовъ былъ отойти добровольно къ Пруссіи. Въ глазахъ многихъ поляковъ казалось, что уступка Гданска и Торуня скорѣе было пріобрѣтеніе, чѣмъ потеря, если отъ этого выигрывала польская торговля. Люккезини объяснялъ имъ, что Пруссія должна же вознаградить себя за потери, которыя понесетъ, даровавши полякамъ торговыя льготы: прежде Пруссія брала съ товаровъ 12 процентовъ, теперь понижаетъ ихъ на четыре и на два, и черезъ то теряетъ около 200,000 талеровъ: естественно желать ей вознагражденія за эти утраты. Но при существованіи партіи, противной прусскому вліянію, при щекотливости патріотической чести, невозможно было склонить къ этимъ видамъ большинство на сеймѣ: депутацію иностранныхъ дѣлъ обвинили бы въ измѣнѣ. Потому единственнымъ средствомъ къ соглашенію съ Пруссіею казалось отдѣлить коммерческое дѣло отъ политическаго. Люккезини согласился, и по сношеніи со своимъ дворомъ сдѣлалъ замѣчаніе депутаціи, что предложеніе объ уступкѣ Гданска и Торуня дано было только въ видахъ вознагражденія Пруссіи за доставленіе Польшѣ новыхъ торговыхъ видовъ, а никакъ не въ видахъ политической необходимости. Уступая полякамъ, онъ въ тоже время надѣялся мало-по-малу склонить ихъ къ уступкѣ. Говорятъ, что Люккезини тогда интриговалъ между послами, нельзя ли устроить правительственнаго совѣта изъ небольшого числа членовъ, которымъ бы

дать власть въ родѣ той, какую имѣлъ недавно уничтоженный постоянный совѣтъ, помѣстить въ немъ благопріятелей Пруссіи и провести дѣло объ уступкѣ городовъ. Но маршалъ Малаховскій, хотя благопріятель Пруссіи, объяснилъ ему однако, что это невозможно, и даже далъ ему тонко замѣтить, что прусскому послу неумѣстно вмѣшиваться во внутреннія учрежденія страны.

Въ то же время Австрія дѣлала попытки отклонить Польшу отъ союза съ Пруссіей и привлечь къ себѣ. Главный министръ Кауницъ говорилъ польскому уполномоченному при вѣнскомъ дворѣ Войнѣ, что было бы хорошо, если бы Польша заключила союзъ съ Австріею; въ такомъ случаѣ Австрія сбавила бы пошлины съ величковской соли ввозимой въ Польшу; вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ освободить подданныхъ австрійской имперіи въ присоединенныхъ отъ Польши земляхъ отъ контрибуціи платимой ими тогда, когда они жительствовали за предѣлами Австрійскаго государства. Депутація не поддалась на австрійскія обѣщанія и болѣе довѣряла Пруссіи. За Пруссію было вліяніе другихъ иностранныхъ пословъ. Гэльсъ продолжалъ увѣрять поляковъ въ готовности помогать Польшѣ въ случаѣ враждебныхъ столкновеній съ Россіею и Австріею. Еще сильнѣе подстрекалъ тогда депутацію шведскій посланникъ Энгерстромъ, указывалъ ей на честолюбивые виды русской императрицы, хотѣвшей господствовать на всемъ сѣверѣ, представлялъ, что Польшѣ, какъ слабѣйшей, достанется отъ Россіи прежде всѣхъ, и потому ей слѣдуетъ предупредить опасность и вступить въ оборонительный союзъ противъ Россіи съ Пруссіею, Англіею и Швеціею: только общими силами можно сломить опаснаго общаго врага.

15-го марта, депутація объявила сейму, что его величество король прусскій предлагаетъ заключить коммерческій трактатъ и въ видахъ вознагражденія за потери, неизбѣжные для него при дарованіи Польшѣ торговыхъ выгодъ, желаетъ, чтобы Польша уступила ему Гданскъ и Торунь, да староство Дыбовъ, но узнавъ, что такое соображеніе уже начинаетъ толковаться поляками въ дурную сторону, устраняетъ заранѣе свое требованіе, для облегченія же польской торговли обѣщалъ сбавить 6 процентовъ на форданской таможнѣ; это произвело всеобщее одобреніе. Наканунѣ дня, когда сдѣлано было представленіе сейму, король имѣлъ свиданіе съ Люккезини въ Виlановѣ; прусскій посланникъ обворожилъ его; король въ то время боялся русскихъ козней, хотя въ тоже время не довѣрялъ и Пруссіи. Изъ письма его къ посланнику польскому въ Лондонѣ Букатому видно, что въ то время распространилась вѣсть, будто Россія приказывала всѣмъ православнымъ священникамъ въ польскихъ владѣніяхъ прися-

гать уже не только на духовную зависимость отъ Россіи, но и на подданство императрицѣ. На короткое время опять возникъ было страхъ, подобный прошлогоднему. Такимъ образомъ, послы сейма въ это время, испугавшись Россіи, спѣшили предупредить опасность, ожидаемую отъ нея союзомъ съ прусскимъ королемъ. Въ то же время начали толковать какъ бы сойтись съ константинопольскимъ патріархомъ, подданнымъ Турціи, и поручить ему въ вѣдѣніе православную церковь, избавивъ ее отъ санктпетербургскаго синода. Самъ король, склоняясь къ прусской партіи, въ бесѣдахъ съ русскимъ посланникомъ увѣрялъ его, что желаетъ заключить съ Пруссіей только торговый договоръ и всѣми силами препятствуетъ политическому, который былъ бы неугоденъ русской императрицѣ.

Подъ вліяніемъ страха русскихъ козней, а особенно возмущенія хлоповъ по интригамъ Россіи, которое не переставало мерещиться полякамъ, договоръ съ Пруссіею пріобрѣталъ сторонниковъ. Противники его замѣчали, что не слѣдуетъ приступать къ союзнооборонительному трактату иначе, какъ напередъ обезпечивъ себя въ торговлѣ. Прусскіе сторонники возражали на это такъ: положимъ, что нашей торговлѣ не станетъ лучше послѣ союза; но оставаясь безъ союзника, мы все-таки не избавимся отъ прежнихъ тягостей, а еще скорѣе навлечемъ на себя бòльшія опасности и оскорбленія. Еслижъ мы войдемъ въ союзъ съ Пруссіею, то вмѣстѣ съ нею войдемъ въ союзъ съ Англіею, Голландіею, Швеціею, Турціею и почти со всею нѣмецкою имперіею, и это спасетъ насъ отъ захватовъ, отъ мести, отъ военныхъ переходовъ, отъ усиленія того вліянія, которое снова замышляетъ держать насъ въ зависимости. Въ такомъ союзѣ столько союзныхъ государствъ будутъ защищать наши владѣнія и независимость, и мы постепенно дойдемъ до того значенія въ Европѣ, котораго такъ желаемъ.

Сильнѣе всѣхъ за союзъ раздавался голосъ Игнатія Потоцкаго. «Заключая какой бы то ни было договоръ—говорилъ онъ—слѣдуетъ прежде всего себѣ уяснить: кто тотъ, съ кѣмъ договоръ заключается. Безъ предубѣжденія скажемъ: прусскій король держитъ въ своихъ рукахъ судьбу войны и равновѣсія всего сѣвера. Если мы, вопреки примѣру другихъ государствъ, станемъ медлить союзомъ съ нимъ, если, такимъ образомъ, станемъ отклонять средства, которыя этотъ монархъ готовитъ для своихъ высокихъ цѣлей, то не навлечемъ ли холодности и недовѣрія этого посредника народовъ? Не подадимъ ли тѣмъ, которымъ противно наше возрожденіе, наши труды, замыслы и стремленія, повода считать правительство наше непослѣдовательнымъ, край

нашъ годнымъ только для того, чтобъ чужіе могли вознаградить имъ себѣ понесенныя утраты? Сознаюсь, что мнѣ трудно спорить противъ тѣхъ, которые хотятъ торговыхъ выгодъ; но совѣсть говоритъ мнѣ, что я спасаю отечество. Я не желаю себѣ за то никакой награды, кромѣ его благополучія. Моя обязанность для меня выше всего на свѣтѣ. Намъ нельзя оставаться безъ союза, который бы обезпечивалъ существованіе имени и народа польскаго: иначе, это значило бы оставаться жертвою чуждаго могущества, чуждыхъ соображеній, подвергаться тягости приговора, изреченнаго въ св. писаніи словами: vae soli! (горе единому!)

Рѣчь Игнатія произвела энтузіазмъ. Напрасно противники пытались доказывать, что какими превосходными качествами ни обладалъ бы прусскій король, но договоръ заключается не съ лицомъ, а съ государствомъ; напрасно другіе представляли, что такого важнаго дѣла нельзя рѣшать опрометчиво, и требовали предварительнаго обсужденія (делибераціи): всякое возраженіе патріоты относили къ московскому внушенію и дѣлали на счетъ этого намеки. Проектъ договора былъ принятъ 15 марта.

Депутація иностранныхъ дѣлъ по порученію сейма заключила его 29 марта [1]).

---

[1]) Его содержаніе таково:

1) Отселѣ да пребываетъ дружба и искреннее постоянное согласіе между его величествомъ королемъ прусскимъ и его наслѣдниками съ одной стороны и его величествомъ королемъ польскимъ, его преемниками и всею наияснѣйшею польскою Рѣчью-Посполитою съ другой; въ силу чего высокія договаривающіяся стороны приложатъ всевозможнѣйшее стараніе, чтобы между ихъ государствами и ихъ подданными поддерживалось совершенное дружество и взаимныя добрыя сношенія, почему они обязываются всѣми возможными силами защищать другъ друга и сохранять обоюдно въ мирѣ и согласіи.

2) Вслѣдствіе обязательства указаннаго предъидущею статьею, обѣ высокія договаривающіяся стороны учинятъ всевозможное, дабы упрочить и сохранить ненарушимое обладаніе краями, провинціями, городами и всѣми землями, какими они владѣютъ во время заключенія настоящаго трактата. Эта гарантія существующихъ владѣній не должна однако мѣшать дружелюбному разрѣшенію нѣкоторыхъ недоразумѣній, существовавшихъ прежде заключенія договора о рубежахъ, еще не приведенныхъ въ ясность.

3) Если бы случилось, что одна изъ высокихъ договаривающихся сторонъ была угрожаема непріятельскимъ нападеніемъ отъ кого бы то ни было, то другая сторона безотлагательно употребитъ дѣятельнѣйшее стараніе, чтобы предотвратить непріязненныя дѣйствія, доставить оскорбленной сторонѣ удовлетвореніе и привести спорное дѣло на путь примиренія; если же такое стараніе не произведетъ желаемаго успѣха впродолженіи двухъ мѣсяцевъ, и если одна изъ высокихъ договаривающихся сторонъ будетъ въ это время непріязненно затронута, обезпокоиваема и оскорбляема въ своихъ краяхъ, правахъ и владѣніяхъ, и во всѣхъ своихъ выгодахъ, то другая обязывается безотлагательно помогать своей союзницѣ, чтобы поддержать взаимное обладаніе

Польскіе патріоты на первыхъ порахъ послѣ заключенія этого договора были въ восторгѣ; имъ казалось, что теперь Рѣчь-Посполитая вдругъ стала изъ слабой державы сильною, и смѣлѣе

всѣми краями, территоріями, городами и мѣстами, принадлежавшими имъ до начала непріятельскихъ дѣйствій; почему, если польское королевство потерпитъ нападеніе, то его величество король прусскій доставитъ его величеству королю польскому помощь въ 14,000 пѣхоты и 4,000 кавалеріи съ артиллерійскимъ снарядомъ, соотвѣтственнымъ такому количеству войскъ; а если его величество король прусскій потерпитъ нападеніе, то его величество король польскій и наияснѣйшая Рѣчь-Посполитая доставитъ ему помощь въ 8,000 кавалеріи и 4,000 пѣхоты съ соразмѣрнымъ артиллерійскимъ снарядомъ: такая помощь должна быть доставлена въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, считая со дня, когда будетъ заявлено требованіе отъ нуждающейся стороны, и это войско будетъ находиться въ распоряженіи послѣдней до окончанія войны. Эта военная сила должна получать жалованье и содержаніе на счетъ требовавшей ее стороны повсюду, гдѣ союзница захочетъ съ нею дѣйствовать, и нуждающаяся въ ней сторона должна безплатно доставлять ей хлѣбъ и фуражъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ обычно даетъ собственнымъ войскамъ. Если же оскорбленная и нуждающаяся сторона предпочтетъ военной силѣ денежную помощь, то въ такомъ случаѣ эта денежная помощь должна имѣть стоимость 20,000 голландскихъ червонцевъ въ годъ на тысячу человѣкъ пѣхоты и 26,666 голл. червон. на тысячу человѣкъ конницы на годъ, или же по соразмѣрному разсчету по-мѣсячно. Если польская Рѣчь-Посполитая предпочтетъ въ такомъ случаѣ оказать помощь доставкою въ продовольственные магазины хлѣбнаго зерна, то его величество прусскій король согласится на это, насколько его собственныя выгоды на то дозволятъ, и тогда хлѣбъ оцѣнивается по текущимъ въ Польшѣ цѣнамъ.

4) Въ случаѣ если установленная помощь будетъ недостаточною для защиты нуждающейся стороны, то союзная просимая сторона умножитъ ее сообразно необходимости, и такое умноженіе можетъ доходить со стороны е. в. прусскаго короля до 30,000, а со стороны его величества короля польскаго и наияснѣйшей Рѣчи-Посполитой до 20,000. Если же, кромѣ того, не смотря на указанное количество вспомогательнаго войска, одна изъ договаривающихся сторонъ будетъ нуждаться въ пособіи всѣхъ силъ другой, тогда обѣ стороны будутъ совѣщаться о такой чрезвычайной помощи.

5) Войска, доставленныя просимою стороною, будутъ находиться подъ начальствомъ генерала командующаго арміею нуждающейся стороны, но должны оставаться въ сборѣ въ вѣдѣніи собственныхъ генераловъ и офицеровъ; они не должны быть выставляемы на опасность болѣе собственныхъ войскъ и обращеніе съ ними должно быть въ равной степени внимательное, какъ съ собственными войсками нуждающейся стороны.

6) Если какое бы то ни было государство на основаніи какихъ бы то ни было актовъ и предшествовавшихъ договоровъ, будетъ присвоивать себѣ право вмѣшиваться во внутреннія дѣла польской Рѣчи-Посполитой и ея владѣній, въ какое бы то ни было время и какимъ бы то ни было образомъ, его величество прусскій король сначала употребитъ самое дѣятельное стараніе предупредить непріязненныя дѣйствія по отношенію къ такого рода притязаніямъ, но если его старанія останутся безъ успѣха, противъ Польши начнутся непріятельскія дѣйствія, то его величество прусскій король, признавая этотъ случай подходящимъ къ условіямъ союза, заступится за Рѣчь-Посполитую, сообразно содержанію четвертой статьи настоящаго договора.

7) Обѣ договаривающіяся стороны порѣшили, для обоюдныхъ выгодъ, заключить торговый договоръ, но такъ какъ такой договоръ, по своему существу, требуетъ вре-

стали отпускать на счетъ Россіи колкости и угрозы, даже самому Штакельбергу въ глаза, думая досадить ему. Штакельбергъ съ обычной своею сдержанностію и мягкостію въ обращеніи сказалъ: «Императрица далека отъ всякаго мщенія и никакъ не можетъ негодовать и досадовать, если Польша въ самомъ дѣлѣ усиливается и ея правительство укрѣпляется; напротивъ, дружественная Россія, заботясь о сохраненіи Польши, можетъ только радоваться мѣрамъ, ведущимъ къ ея прочности.» Въ своихъ депешахъ къ Остерману Штакельбергъ выражался такъ: «Намъ нужно выигрывать время, пока окончится наша война съ Турціею; будемъ пока бросать кости на грызеніе патріотической жадности.» Что касается до Пруссіи, то заключая доворъ съ Польшею, Герцбергъ ближайшимъ образомъ имѣлъ въ виду на ту пору болѣе Австрію, чѣмъ Россію. Вѣрный политикѣ Фридриха II, этотъ министръ держался той системы, что Пруссія при каждомъ удобномъ случаѣ должна не допускать Австрію до возвышенія. Обстоятельства для Австріи стали тогда неблагопріятны. Война съ Турціею шла не такъ удачно какъ предполагалось. Іосифъ II своими реформами возбудилъ противъ себя разнородныхъ подданныхъ своей имперіи. Бельгія была въ открытомъ возстаніи. Чехи и венгры волновались. Шляхетство въ новопріобрѣтенной Галиціи стремилось къ возсоединенію съ Польшею. Въ такомъ положеніи дѣлъ, Пруссіи выгодно было наброситься на Австрію. Люккезини устроивалъ союзъ съ Польшею; прусскій посланникъ въ Константинополѣ, Діецъ, 31 января, послѣ долгой возни съ турецкою дипломатіею, устроилъ договоръ Пруссіи съ Турціею: по этому договору, слѣдовало принудить Россію уступить Турціи завоеванный Крымъ, а Австрію—Польшѣ Галицію. Герцбергъ былъ недоволенъ этимъ договоромъ; онъ обвинялъ Діеца, что тотъ превысилъ данное ему полномочіе. Герцбергу не хотѣлось выступать по-непріятельски противъ Россіи. Ему даже вообще не хотѣлось втягивать Пруссію въ дѣйствительную войну, онъ разсчитывалъ только застращать Австрію и заставить ее понести потери, съ тѣмъ, чтобы

мени, то они не хотѣли, чтобъ чрезъ то происходила задержка въ заключеніи оборонительнаго союзнаго договора, желаемаго равномѣрно обѣими сторонами, однако будутъ продолжать сношенія съ цѣлію открыть и исправить злоупотребленія, вкравшіяся въ послѣдній торговый трактатъ, а равнымъ образомъ для того, чтобы заключить новый договоръ, который долженъ наилучшимъ образомъ утвердить взаимныя торговыя выгоды для благосостоянія обѣихъ націй.

8) Настоящій союзнооборонительный договоръ будетъ одобренъ и ратификованъ е. в. королемъ прусскимъ и е. в. королемъ польскимъ и наияснѣйшею польскою Рѣчью-Посполитою, а потомъ достодолжнымъ порядкомъ послѣдуетъ выдача и обмѣнъ ратификацій въ продолженіи четырехъ недѣль, или ранѣе, если возможно, считая со дня подписи настоящаго трактата.

Пруссія при этомъ осталась въ выигрышѣ. За уступку Польшѣ Галиціи, отъ Австріи, прусскій министръ хотѣлъ пріобрѣсти для Пруссіи Гданскъ и Торунь; Герцбергъ сталъ умышленно тянуть ратификацію договора съ Турціею. Между тѣмъ, дѣла стали измѣняться нежданно.

Императоръ Іосифъ II умеръ 20 февраля; преемникъ его, бывшій тосканскій великій герцогъ Леопольдъ, былъ человѣкъ совсѣмъ другихъ свойствъ и правилъ, чѣмъ его покойный братъ. Онъ полагалъ, что преждевременныя и крутыя реформы, упорно проводимыя Іосифомъ II, могутъ довести Австрію до разложенія, а потому, тотчасъ же по принятіи правленія, началъ дѣйствовать обратно: въ Венгріи и Чехіи возвратилъ большую часть отнятыхъ Іосифомъ II привилегій дворянству и духовенству, возстановилъ старинныя учрежденія, уничтоженныя Іосифомъ II, давалъ обѣщанія и надежды такимъ же образомъ успокоить Бельгію, показывалъ себя защитникомъ стараго феодализма и клерикальнаго порядка, хотя въ сущности былъ не таковъ по своимъ убѣжденіямъ и наклонностямъ, и обратился къ прусскому королю съ письмомъ, въ которомъ заявлялъ, что не желаетъ новыхъ пріобрѣтеній, довольствуясь тѣмъ, если Австрія, по отношенію къ Турціи, останется въ границахъ пожаровацкаго мира. Сначала Пруссія не довѣряла ему или показывала видъ, что не довѣряетъ: Герцбергу хотѣлось вовсе не того, чтобъ все утишилось на старинныхъ основаніяхъ, онъ домогался при всеобщемъ успокоеніи пріобрѣсти отъ Польши города. Но тутъ Англія вдругъ заговорила съ Пруссіею инымъ языкомъ и стала предлагать, чтобъ война прекратилась на основаніи statu quo. Англія была недовольна договоромъ, который устроилъ въ Константинополѣ Діецъ. Англія не противилась пріобрѣтенію Пруссіею Гданска и Торуня, но желала бы, чтобъ это произошло добровольною уступкою со стороны Польши, а вовсе не хотѣла раздувать войну на Востокѣ, въ которой она не могла получить прямыхъ выгодъ и должна была тратиться и трудиться на пользу Пруссіи, въ качествѣ ея союзницы.

Въ такомъ положеніи дѣлъ, Герцбергъ пытался склонить Австрію путемъ переговоровъ на уступку Польшѣ хоть части Галиціи, съ тѣмъ, чтобы за это Польша уступила Пруссіи Гданскъ и Торунь, или по крайней мѣрѣ хоть Гданскъ. Леопольдъ былъ непреклоненъ и стоялъ за statu quo. Старанія прусскаго посланника при австрійскомъ дворѣ, Якоби, остались напрасными. Австрійскій министръ Кауницъ былъ еще непреклоннѣе своего государя и изъявлялъ готовность воевать съ Пруссіею, если последней угодно. «Мы вамъ не мѣшаемъ овладѣть Гданскомъ и

Торунемъ — говорилъ онъ прусскому посланнику — но зачѣмъ Австрія будетъ терять изъ-за этого?»

Послѣ напрасныхъ усилій достичь желаемаго путемъ переговоровъ, Пруссія рѣшилась принять относительно Австріи угрожающее положеніе, съ цѣлію принудить ее уступить Польшѣ Галицію за Гданскъ и Торунь. Въ концѣ мая, прусскій король отправилъ войска въ Силезію, а въ іюнѣ отправился туда и самъ лично. Корпусъ генерала Калькреута вступилъ въ Польшу для совмѣстнаго съ поляками вторженія въ Силезію.

Но Англія не допустила до непріятельскихъ дѣйствій. При ея посредствѣ, условились съѣхаться на конференцію въ Рейхенбахѣ.

Между тѣмъ поляки не оказывали желанія сдѣлать угодное своему союзнику мирнымъ путемъ, какъ хотѣла Англія. По заключеніи союзнооборонительнаго договора съ Пруссіею, сеймъ поручилъ королю Станиславу-Августу вести съ прусскимъ королемъ переговоры о торговомъ трактатѣ. Польскій король написалъ къ прусскому собственноручное письмо. Онъ разсыпался въ похвалахъ Фридриху-Вильгельму. «Много затрудненій—писалъ онъ между прочимъ — пришлось мнѣ преодолѣть въ день 15 марта. Однако, всѣ они исчезли отъ одной мысли, что мы имѣемъ дѣло съ вами, король. Я сказалъ моему народу, что самъ лично обращусь къ вашему величеству и представлю жалобы и желанія моего народа, и сеймъ единогласно воскликнулъ: поскорѣе станемъ союзниками этого короля, истинно великаго, истинно справедливаго: онъ не употребитъ во зло наше довѣріе къ нему. Онъ, конечно, прикажетъ своимъ министрамъ поскорѣе удовлетворить справедливыя жалобы поляковъ; онъ скажетъ: желаю, чтобъ съ этихъ поръ поляки не испытывали напрасныхъ стѣсненій и лишеній; я желаю, чтобъ они были довольны, потому что они объявили себя моими союзниками».

Станиславъ-Августъ лгалъ, увѣряя Фридриха-Вильгельма, будто онъ убѣждалъ сеймъ согласиться на союзъ съ прусскимъ королемъ. Онъ, напротивъ, побаиваясь Россіи, вилялъ и держалъ себя такъ, чтобы, впослѣдствіи, когда окажется нужно, можно было увѣрять всѣхъ, что онъ былъ противъ союза съ Пруссіею. Но прусскій король зналъ это хорошо и написалъ польскому такой отвѣтъ:

«Вы просите меня быть справедливымъ, я готовъ, но прошу также ваше величество и весь польскій народъ быть съ своей стороны справедливымъ и ко мнѣ. Если вы припомните все, что происходило со времени уступки западной Пруссіи, то должны сознаться, что тягости и затрудненія, испытываемыя польскою

торговлею на Вислѣ и у Балтійскаго моря, имѣютъ свое начало и источникъ въ томъ, что города Гданскъ и Торунь были исключены изъ уступки, хотя и находятся посреди западной Пруссіи. Обстоятельства въ 1775 году вынудили такую конвенцію между Пруссіею и Польшею, по силѣ которой всѣ товары, отправляемые поляками въ Гданскъ и привозимые изъ Гданска, были облагаемы тою же пошлиною двѣнадцати процентовъ со ста, какая собиралась прежде, при польскомъ владѣніи западною Пруссіею. Если въ сборѣ пошлинъ таможенные чиновники допускали нѣкоторыя злоупотребленія, то я, какъ и король, мой предшественникъ, старался по возможности, исправить ихъ, въ случаѣ, когда возникали жалобы. Сверхъ того, я приказалъ понизить таксу съ польскихъ продуктовъ на пограничной таможнѣ и уменьшить три процента транзитной пошлины со всѣхъ товаровъ, которые поляки провозятъ изъ-за границы черезъ мои земли. Кромѣ того, я сдѣлалъ то, чего не сдѣлалъ ни одинъ государь, и чего даже самъ польскій народъ не могъ домогаться. Я снесъ сборъ пошлинъ и оплаты съ большей части продуктовъ и товаровъ, доставляемыхъ литвинами въ мои порты Кролевецъ и Мемель, уничтоживъ таможни, которыя издавна существовали между Пруссіею и Литвою. Я полагаю, что сдѣлалъ все, и даже болѣе того, сколько отъ меня можно было требовать для облегченія польской торговли въ моихъ владѣніяхъ. Торговля эта можетъ производиться безпошлинно до моихъ портовъ Кролевца и Мемля, и съ оплачиваніемъ восьми процентовъ со ста въ моихъ приморскихъ городахъ Эльблонгѣ и Штетинѣ. Если же поляки, желая вести торговлю со Гданскомъ, обязываются оплачивать свои товары двѣнадцатью процентами, то это естественное и неизбѣжное слѣдствіе существованія давнихъ польскихъ пошлинъ конвенціи 1775 г. и положенія города Гданска. Нельзя по справедливости требовать отъ меня, чтобъ я допустилъ къ такому же тарифу и къ такимъ же льготамъ, какими пользуются мои собственные города, такой городъ, который окруженъ моими владѣніями и не принадлежитъ къ нимъ, тѣмъ болѣе, что контрабанда его жителей и представленія объ этомъ магистрату мнѣ причиняютъ много хлопотъ. Я понимаю, что польскій народъ отъ этого терпитъ, но въ этомъ его собственная вина, а не короля прусскаго, и онъ долженъ былъ бы вспомнить, что не менѣе терпѣлъ и отъ монополіи города Гданска, который присвоивалъ ее еще при польскомъ владычествѣ надъ прусскимъ краемъ, съ ущербомъ прусскихъ городовъ. Это неудобство для торговли поляковъ по Вислѣ не можетъ быть устранено до тѣхъ поръ, пока города Гданскъ и Торунь останутся отдѣлен-

ными отъ моей территоріи, и въ особенности первый изъ этихъ городовъ. Для устраненія такихъ вредныхъ условій, не видя иного средства, я приказалъ предложить вашему величеству и почтенному сейму учинить со мною новую сдѣлку, по которой бы я могъ уменьшить установленный на Вислѣ двѣнадцати-процентный сборъ на такую цифру, которою народъ польскій могъ быть доволенъ, а потому желалъ, чтобы въ вознагражденіе большихъ убытковъ, долженствующихъ произойти отъ этого въ моихъ доходахъ на таможняхъ, была мнѣ уступлена власть надъ городами Гданскомъ и Торунемъ, принадлежащими, по естественному положенію, къ территоріи западной Россіи и при уступкѣ послѣдней оставленными за Польшею по частнымъ и маловажнымъ причинамъ. Я полагалъ, что сдѣлавши такое предложеніе, я избѣгну несправедливаго обвиненія въ жадности и въ желаніи неправаго завладѣнія, потому что города Гданскъ и Торунь находятся посреди моей территоріи и власть надъ ними приличнѣе всего владѣтелю Западной Пруссіи, и союзнику Польши, который, увеличивая свои силы, сдѣлаетъ ихъ полезными какъ Пруссіи, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Польшѣ; притомъ же обладаніе этими городами не приноситъ никакой пользы, а напротивъ мѣшаетъ Польшѣ и отягощаетъ ея торговлю установленными пошлинами. Я же, безъ пріобрѣтенія Гданска и Торуня, не могу уменьшить этихъ пошлинъ; иначе, я понесу убытка въ годовомъ доходѣ до двухсотъ тысячъ талеровъ. Если бы ваше величество понесли какіе-нибудь убытки въ своемъ годовомъ доходѣ, то, конечно, старались бы вознаградить ихъ для себя. Я не считалъ себя вправѣ надѣяться, чтобъ сеймъ, такимъ образомъ, принялъ мое предложеніе, еще менѣе могъ предвидѣть, чтобъ государь просвѣщенный и добрый патріотъ сталъ сопротивляться этому, какъ поступили ваше величество. Признаюсь, я ожидалъ другого пріема отъ сейма и потому, какъ скоро увидѣлъ, что предложеніе, въ сущности полезное для Польши, непріятно вашему величеству и сейму, тотчасъ приказалъ моему министру Люккезини ограничиться единственно заключеніемъ союзно-оборонительнаго договора; считаю себя обязаннымъ вашему величеству за то, что предложили своему народу заключеніе этого договора, и вмѣняю себѣ въ честь быть союзникомъ такого благороднаго и мужественнаго народа.

«Не сомнѣваюсь, что этотъ народъ пойметъ, что̀ я для него сдѣлалъ, и что̀ мнѣ еще остается сдѣлать для пользы и выгоды обѣихъ сторонъ. Если ваше величество желаете отъ меня дальнѣйшихъ соглашеній относительно торговли, я не замедлю содѣйствовать этому со всѣмъ моимъ доброжелательствомъ, но надѣюсь, что съ польской стороны будетъ такая же уступчивость и

отъ меня не станутъ требовать того, что́ не умѣстно по самой природѣ вещей даже для самого польскаго народа. Я согласенъ на пересмотръ существующаго торговаго договора и на учиненіе новаго, съ увѣренностію, что скоро будетъ понято, что предложенное мною вознагражденіе мнѣ за уменьшеніе значительной пошлины остается и будетъ оставаться единственнымъ средствомъ къ возрожденію торговли польскаго народа, и что я требовалъ себѣ не уступки, а обмѣна, приносящаго Польшѣ выгоды. Этотъ обмѣнъ уменьшилъ бы мои доходы, но послужилъ бы мнѣ къ загражденію входа въ мои владѣнія и способствовалъ бы моему усиленію, а тѣмъ самымъ далъ бы мнѣ возможность сдѣлаться полезнѣйшимъ союзникомъ Польши. Я полагаю, что мнѣ слѣдовало войти въ эти подробности и предложить вашему величеству соображенія, которыя въ Варшавѣ не были приняты съ такимъ вниманіемъ, съ какимъ бы слѣдовало.»

Фридрихъ Вильгельмъ, такимъ образомъ, давалъ знать полякамъ, что ему, во что бы то ни стало, хочется пріобрѣсть Гданскъ и Торунь, и, безъ уступки этихъ городовъ для Польши, ничего не выйдетъ изъ заключеннаго союзно-оборонительнаго договора: англичане, подсмѣиваясь надъ нимъ, называли его договоромъ волка съ бараномъ.

Станиславъ-Августъ продолжалъ вилять: въ бесѣдахъ съ людьми нерасположенными къ Пруссіи, онъ говорилъ, что не слѣдуетъ дѣлать уступокъ Пруссіи, а въ своихъ интимныхъ письмахъ къ Букатому дѣлалъ соображенія, что Польшѣ приходится уступить Пруссіи по крайней мѣрѣ одинъ Гданскъ безъ Торуня, но съ тѣмъ, чтобы король прусскій снялъ обременительныя пошлины и сверхъ того отдалъ Польшѣ часть торунской территоріи, захваченной покойнымъ прусскимъ королемъ Фридрихомъ II, да сверхъ того, чтобъ содѣйствовалъ Польшѣ въ пріобрѣтеніи отъ Австріи Галиціи. Люккезини, освѣдомившись, что Станиславъ-Августъ однимъ говоритъ то, а другимъ иное, замѣтилъ ему въ глаза, что сестры королевскія имѣютъ надъ королемъ вліяніе. «Я глава и первый гражданинъ Рѣчи-Посполитой—сказалъ король—я обязанъ наблюдать какъ торговыя, такъ и политическія выгоды моей націи. Не скрою отъ васъ: меня безпокоитъ то, что, не получивъ отъ васъ торговыхъ выгодъ, мы подвергаемся опасности отъ императорскихъ дворовъ». Этимъ онъ давалъ знать, что понимаетъ безплодность политическаго договора Польши съ Пруссіею, потому что Пруссія не станетъ защищать Польши въ случаѣ опасности, не получивъ отъ нея желаемаго по торговому договору. Люккезини, утѣшая его, ска-

залъ: «У Пруссіи достаточно войска, чтобъ заступиться за Польшу и защитить ее отъ опасностей».

Польскіе обыватели продолжали испытывать тягость положенія, въ какомъ находилась Польша относительно Пруссіи. Литвины подали на сеймъ жалобу и изложили въ ней, что прусскій король своими распоряженіями въ Кролевцѣ стѣсняетъ ввозъ хлѣба, и отъ этого литовскіе землевладѣльцы несутъ потери доходовъ. Письмо прусскаго короля къ польскому, прочитанное въ Избѣ въ засѣданіи 7 іюля, возбудило неблагопріятныя для прусскаго короля замѣчанія. О пониженной имъ пошлинѣ съ транзитныхъ товаровъ говорили, что это совсѣмъ не благодѣяніе для поляковъ, что и полпроцента было бы достаточно. Вопреки обѣщаніямъ понизить пошлины на фορданской таможнѣ, заявленнымъ Люккезини при заключеніи союзно-оборонительнаго договора, тамъ явились такія распоряженія, которыя еще болѣе обременяли торговлю. Плывшимъ по Вислѣ польскимъ судамъ отказывали въ билетахъ для проплытія въ Гданскъ и направляли ихъ на Эльблонгъ (Эльбингенъ). Прусскій король въ своемъ письмѣ называлъ двѣнадцатипроцентную пошлину старинною, существовавшею еще при польскомъ обладаніи западною Пруссіею, а члены сейма замѣчали, что такой пошлины прежде не было. «Прусскій король — говорили послы — желаетъ Гданска и Торуня потому, что эти города принадлежатъ Западной Пруссіи, а Западная Пруссія его владѣніе. А что же это за владѣніе? Развѣ это древнее владѣніе? Это печальное слѣдствіе раздѣла, эпохи, о которой воспоминаніе тяжело и нестерпимо для Рѣчи-Посполитой.» Вся Изба, за исключеніемъ самыхъ отъявленныхъ обожателей Пруссіи, была тогда противъ отдачи городовъ.

Тогда патріоты приписывали неудачу заключенія торговаго договора съ Пруссіею русскимъ интригамъ и говорили, что для спокойствія Рѣчи-Посполитой слѣдовало бы удалить изъ Варшавы русскаго посланника и не принимать его вовсе. Такимъ образомъ, ярые сторонники Пруссіи опять готовы были вызывать Россію на войну. Но въ тоже время нѣкоторые изъ нихъ находились со Штакельбергомъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ: маршалъ Потоцкій входилъ съ нимъ даже въ соображеніе о выгодахъ, какія извлечетъ Польша изъ союза съ Пруссіей. «Вотъ — говорилъ онъ — дѣло политической мудрости! Этотъ оборонительный союзъ съ Пруссіей навсегда пресѣкъ Пруссіи путь къ расширенію границъ ея на счетъ Польши, и Польша перестанетъ быть цѣлью ея политическихъ спекуляцій».— «Вы очень обманываетесь, — говорилъ Штакельбергъ: — какой пользы вы можете ожидать отъ Пруссіи, пока Висла въ ея рукахъ. Разрушенія вашей

торговли? Развѣ не видите, что ваше обнищаніе будетъ обогащеніемъ Пруссіи. Сложная организація этого государства не можетъ себя поддерживать иначе, какъ уменьшая цѣнность польскихъ произведеній, съ цѣлью обогатить свои магазины дешевой цѣной, а потому она будетъ всегда поддерживать высокія пошлины, которыя вамъ будутъ приносить разореніе.» Штакельбергъ смѣялся надъ политическими соображеніями поляковъ и не давалъ вѣса никакимъ союзамъ Польши съ кѣмъ бы то ни было. Въ апрѣлѣ, когда, повидимому, близко подходило къ тому, что могла возникнуть вражда между Пруссіею и Австріею, Штакельбергъ въ своихъ депешахъ замѣчалъ: «нужно только денегъ, да вступленія русскаго корпуса въ польскія владѣнія, и въ Польшѣ составится конфедерація противъ Пруссіи за Австрію».

Въ іюнѣ, прусскій король стоялъ въ воинственномъ строѣ въ Шенвальдѣ, а между тѣмъ въ Рейхенбахѣ собрались прусскіе и австрійскіе дипломаты на совѣщанія при посредствѣ пословъ англійскаго и голландскаго. Тамъ на конференціи съ австрійскими уполномоченными, Шпильманомъ и графомъ Рейсомъ, Герцбергъ объявилъ, что Пруссія желаетъ пріобрѣсти Гданскъ и Торунь, съ ихъ округами и сверхъ того земли за рѣкою Оброю, отъ ея впаденія въ Варту до предѣловъ Силезіи, и округъ между Нотецою и Вартою до Оборника, а оттуда, по прямой линіи къ Торуни или до впаденія въ Вислу Древеницы; Герцбергъ считалъ на этомъ пространствѣ 120,000 жителей и до 600,000 талеровъ доходу. Отъ Австріи требовали уступки для Польши куска Галиціи, заключавшаго 300,000 жителей и приносившаго 343,000 гульденовъ доходу. Сверхъ того домогались возвращенія Бохни и Велички. Австрійскіе уполномоченные послали въ Вѣну спрашивать рѣшенія. Между тѣмъ пріѣхалъ Люккезини и сообщилъ королю, что поляки ни за что не хотятъ отдавать городовъ. Прусскій король сильно разсердился на поляковъ, упрекалъ ихъ въ неблагодарности, и рѣшился не требовать болѣе отъ Австріи никакихъ уступокъ и соглашался, чтобы все оставалось in statu quo, какъ было до войны съ Турціей. На этомъ, къ досадѣ Герцберга, покончились Рейхенбахскія конференціи. Прусское войско оказалось ненужнымъ въ Польшѣ, и генералъ Калькрейтъ получилъ приказаніе воротиться въ Пруссію. Рейхенбахскій конгрессъ принесъ Польшѣ только ту временную выгоду, что съ тѣхъ поръ Россія принуждена была вести войну съ Турціею одна, безъ Австріи. Герцбергъ не терялъ однако надежды пріобрѣсти Гданскъ и Торунь. «Хотя бы—говорилъ онъ—эти города прикованы были къ облакамъ, все-таки они должны были оторваться и достаться Пруссіи». Маркизъ Люккезини

замѣчалъ, что если поляки не понимаютъ своего положенія и путемъ дружелюбнаго согласія отъ нихъ нельзя ничего выиграть, то удобнѣе будетъ доставить Пруссіи желаемое пріобрѣтеніе посредствомъ соглашенія съ императорскими дворами. Такимъ образомъ, союзно-оборонительный договоръ съ Пруссіею не принесъ пока Польшѣ ничего: Польша, желая себѣ покровительства, помощи и выгодъ отъ Пруссіи, ровно ничего не хотѣла дать послѣдней. А Пруссія отъ союза съ Польшею, кромѣ пріобрѣтенія территоріи, ничего и желать не могла.

Въ августѣ опять возникъ вопросъ объ отдачѣ городовъ. Пруссія все-таки снова давала знать, что Польшѣ необходима ея дружба, а эта дружба можетъ быть куплена только цѣною территоріальнаго пожертвованія. Гэльсъ уговаривалъ поляковъ уступить Пруссіи и доказывалъ, что Польша черезъ это не потеряетъ, а выиграетъ. Во-первыхъ, Пруссія не даромъ возьметъ эти города, а за сбавку пошлинъ; во-вторыхъ, онъ отъ имени Англіи предлагалъ Польшѣ такія выгоды, которыя сами по себѣ покроютъ потерю городовъ: вся торговля Англіи съ Россіею перейдетъ къ Польшѣ. 10-го августа, Гэльсъ имѣлъ съ королемъ длинный разговоръ объ этомъ. «Вамъ извѣстно—сказалъ король—какъ назадъ тому тридцать лѣтъ ваши министры находили, что содержаніе Гибралтара сопряжено съ большими издержками, и готовы были уступить его. Испанія предлагала за него Англіи разныя выгоды, но никто изъ вашихъ министровъ не рѣшился представить этого предложенія на обсужденіе народа, зная, что народъ прочь отъ этого».—«Я понимаю ваше сравненіе—сказалъ Гэльсъ — только мое предложеніе происходитъ не по наущенію Пруссіи, но въ силу того убѣжденія, что, пока прусскій король не овладѣетъ Гданскомъ, до тѣхъ поръ мы, англичане, не въ силахъ склонить его даровать Польшѣ торговыя льготы, а намъ онѣ нужны также, какъ и Польшѣ».—«Я не принимаю предложенія—сказалъ король—не обѣщаю выхлопотать принятія его на сеймѣ, а только предположительно спрошу васъ, можете ли вы выхлопотать намъ, чтобъ и въ Кролевцѣ, какъ и въ Гданскѣ, были уничтожены стѣснительныя постановленія для нашей торговли? Будетъ ли Голландія за одно съ вами? Даруется ли намъ свобода торговли въ Силезіи и торговый транзитъ въ Саксоніи и во всей Германіи? Примутъ ли наконецъ Англія и Голландія на себя гарантію даже до того, чтобы объявить войну прусскому королю, если онъ будетъ стѣснять нашъ транзитъ до Гданска и обратно, и вообще устраивать намъ разныя затрудненія на Вислѣ». На второй и третій вопросы Гэльсъ отвѣчалъ утвердительно, но относительно перваго и четвертаго не могъ дать

рѣшительнаго отвѣта безъ предварительнаго соглашенія со своимъ дворомъ. «Англія—сказалъ онъ—дорожитъ торговлею съ Польшей, ей нужно получать дерево для судовъ и мачтъ, ленъ, коноплю, смолу, деготь и желѣзо, словомъ все, что̀ нужно для мореходства по низшей цѣнѣ, чѣмъ эти продукты получаются изъ Россіи, съ которою Англія не хотѣла бы дружить; но торговля съ Польшею не состоится, пока прусскій король не уничтожитъ пошлинъ, пока не получитъ Гданска, вотъ почему Англія и совѣтуетъ вамъ потерять Гданскъ, который безъ того не приноситъ вамъ никакой пользы, а вы за то пріобрѣтете выгоды, какихъ не имѣли.» Король мало-по-малу склонялся къ мысли о необходимости отдать города, по крайней мѣрѣ Гданскъ. «Наша Рѣчь-Посполитая больна—говорилъ онъ на сеймѣ, и лучше ей сдѣлать ампутацію и пріобрѣсть за то дружбу сильнаго сосѣда, чѣмъ упорнымъ отказомъ возбудить въ немъ холодность, а можетъ быть и нажить въ немъ врага, тѣмъ болѣе опаснаго, что, по близости, онъ имѣетъ возможность вступить во владѣнія Рѣчи-Посполитой прежде, чѣмъ далекіе союзники могутъ прійти къ полякамъ на помощь. Намъ предстоитъ что́-нибудь одно изъ двухъ, или допустить перемѣну въ судьбѣ Гданска и Торуня, или подвергать Рѣчь-Посполитую опасности разрушенія». Маршалъ Малаховскій былъ за отдачу. Игнатій Потоцкій кричалъ, что Польшѣ представляется великое счастье и надобно имъ пользоваться, пока можно уступкою двухъ городовъ купить расположеніе сильнаго сосѣда. Но большинству пословъ казалась противною и страшною одна мысль отдавать что̀-нибудь послѣ того, какъ Польшу насильно принудили къ уступкамъ по первому ра̀здѣлу. Послы твердили, что у поляковъ есть только одинъ приморскій городъ, и ка̀къ съ нимъ разстаться: тогда все море будетъ отъ нихъ отрѣзано. Прусская партія находила смѣшными и дѣтскими такіе доводы. «Странно думать—говорили люди этой партіи—о приморскомъ городѣ, когда дѣло идетъ о спасеніи цѣлаго государства». Были и такіе, которые были во всемъ прочемъ за одно съ Игнатіемъ Потоцкимъ, но на отдачу Пруссіи городовъ ни за что не соглашались. Наконецъ, 5-го и 6-го сентября, на сеймѣ состоялся законъ, по которому впредь запрещалось дѣлать какія бы то ни было предложенія объ уступкахъ или обмѣнахъ владѣній Рѣчи-Посполитой. Этому закону назначали заранѣе мѣсто въ числѣ коренныхъ законовъ будущей конституціи. Послѣ этого долго никто не смѣлъ заикнуться объ отдачѣ Гданска и Торуня. Изъ лицъ, составлявшихъ полный комплектъ Избы, большая половина отлынула отъ дѣлъ. Въ засѣданіи было не болѣе 130 человѣкъ, и тѣхъ большая часть слѣдовала за

нѣкоторыми крикунами. Прусской партіи не удалось на этотъ разъ перекричать противныхъ ей крикуновъ. Масса пословъ не хотѣла входить въ размышленія о выгодахъ или невыгодахъ такой отдачи, а просто по чувству національнаго самолюбія волновалась при одной мысли уступать что-нибудь изъ польской территоріи.

Князь Понинскій сдѣлался тогда истиннымъ «козломъ отпущенія грѣховъ», тяготѣвшихъ на многихъ. Процессъ его тянулся до сентября 1790 года. Его выпустили изъ-подъ ареста и отдали на поруки иноврацлавскому послу Лещинскому. Когда, по поводу Гданска и Торуня, сеймъ вообще былъ раздраженъ противъ уступокъ въ чужія руки польскихъ земель, налегли на него, какъ на виновнаго въ подобномъ дѣлѣ въ былое время. Понинскій, предвидя, что ему не сдобровать, убѣжалъ снова изъ Варшавы на почтовыхъ лошадяхъ, но случилось, что тотъ самый офицеръ, который въ первый разъ упустилъ его, встрѣтился съ нимъ въ Гнѣвошевѣ, ѣдучи по дѣламъ службы, задержалъ и доставилъ въ Варшаву. Это второе покушеніе ускорило приговоръ надъ нимъ. Черезъ нѣсколько дней, Понинскаго присудили къ лишенію всѣхъ титуловъ и шляхетскаго достоинства и къ изгнанію изъ отечества. Самое фамильное прозваніе у него было отнято. Для примѣра и назиданія современникамъ и потомкамъ, его хотѣли-было водить по варшавскимъ улицамъ при звукѣ трубъ, со всенародными возгласами: «вотъ измѣнникъ»! Но члены его семейства просили избавить ихъ фамилію отъ такого поношенія: ходатайство ихъ было уважено тѣмъ болѣе, что одна изъ сестеръ его была за братомъ курляндскаго герцога. Преступника отправили за городъ въ каретѣ, подъ прикрытіемъ военнаго караула, съ тѣмъ, чтобъ черезъ четыре недѣли его уже не было въ границахъ Рѣчи-Посполитой. Но Понинскій, какъ бы въ насмѣшку надъ судомъ и надъ цѣлымъ сеймомъ, прибылъ въ свое имѣніе не далеко отъ Варшавы, и тамъ задалъ великолѣпный пиръ, надѣвши мундиръ русскаго генерала и навѣсивъ русскіе ордена. Его осужденіе не помѣшало многимъ съѣхаться къ нему по его приглашенію; онъ все-таки былъ вельможа, покровительствуемый Россіею. Понинскій удалился въ Галицію, гдѣ у него были имѣнія.

Въ сентябрѣ, Штакельбергъ попрощался съ Польшею. Екатерина была недовольна этимъ старымъ и осторожнымъ слугою, въ особенности за совѣты примириться съ Турціею. Вмѣсто него прибылъ Яковъ Булгаковъ, бывшій посломъ въ Константинополѣ и при началѣ войны засаженный тамъ въ Семибашенный замокъ. Система дѣйствій, предписанная ему, была система выжиданія и

видимаго невмѣшательства. «Я мыслю—писала ему Екатерина—что въ ихъ дѣлѣ, по злобѣ націи польской къ Россіи, мѣшаться не должно, дондеже часть націи меня не призоветъ; развѣ откроется впередъ случай такой, гдѣ съ пристойностью къ тому приступить могу, котораго не уступлю конечно». Императрица приказывала приласкать поляковъ, замѣчать: «если они сходны къ реконфедераціи и обнадеживать доброжелающихъ, но не ходить за ними и не показывать, что сіе нужно, либо на сердцѣ лежитъ». Екатерина считала поляковъ продажными, была увѣрена, что всегда можно будетъ подкупить вліятельныхъ лицъ, и оставляла рѣшеніе своихъ плановъ до будущаго времени. Наклонность къ Пруссіи она объясняла исключительно подкупомъ. «Пусть поляки поживутъ на счетъ короля прусскаго», писала она. Игнатія Потоцкаго она почитала вполнѣ продажнымъ и выражалась о немъ въ письмѣ къ Булгакову такъ: «Понеже надворный маршалъ Потоцкій, несмотря на присягу свою, къ деньгамъ оказался лакомъ, гдѣ полезенъ быть можетъ, вы то къ случаю не оставьте сіе употребить въ нашу и друзей нашихъ пользу». Россіи непріятна была связь Польши съ Пруссіею, а равно и замыслы ввести наслѣдственное правленіе. Булгаковъ долженъ былъ мѣшать и тому и другому. Канцлеръ Остерманъ объ этомъ предметѣ такія писалъ наставленія Булгакову: «Надо стараться всѣми силами, чтобы выборъ не палъ ни на котораго изъ принцевъ прусскихъ, ниже на кого либо изъ преданныхъ двору тамошнему; сего-то событія отвращеніе ея императорское величество поручаетъ бдѣнію и попеченію вашему.... И потому остерегать благомыслящихъ поляковъ и умѣющихъ о пользѣ своей разсуждать отъ такого хитраго берлинскимъ дворомъ ихъ уловленія. Вы можете изъяснить, что при выборѣ кандидата, надобнаго сему двору, Польша подвергнется тому жребію, каковый постигъ республику Голландскую, по принятіи королемъ прусскимъ въ дѣлахъ ея участія подъ предлогомъ свойства со статгальтеромъ, и надежнымъ пріятелямъ внушать словесно, коль не основательно удостовѣреніе соотчичей ихъ въ великодушіе и безкорыстіе двора берлинскаго, приводя имъ на память учиненное республикѣ о уступкѣ ему городовъ Торуня и Гданска предложеніе и всѣ происходившіе въ Рейхенбахѣ переговоры, гдѣ не столько настояло дѣло о выгодѣ его союзниковъ, сколько о распространеніи его собственныхъ областей, и хотя онъ объявилъ, что отъ требованія своего на тѣ города отрицается, однако извѣстно, что присвоеніе ихъ и нынѣ не упускаетъ изъ вида». При этомъ Остерманъ поручилъ Булгакову показать, кому нужно, письмо русскаго посланника Алопеуса въ Берлинѣ, дока-

зывающее, что прусскій король такъ или иначе, а все-таки помышляетъ о пріобрѣтеніи Гданска и Торуня.

Булгаковъ, пріѣхавъ въ Польшу, нашелъ, что тамъ въ публикѣ господствуетъ неблагопріятное расположеніе къ Россіи. «Всѣ почти чуждаются насъ — писалъ онъ въ своихъ донесеніяхъ; — быть врагомъ Россіи сдѣлалось модою; иной и не чувствуетъ къ ней вражды, а притворяется человѣкомъ прусской партіи». Враждебное настроеніе къ Россіи нѣсколько ослабѣло послѣ рейхенбахскаго конгресса, но осенью опять усилилось. «Причина та — писалъ Булгаковъ, — что Пруссія пожертвовала тогда 150,000 червонцевъ для раздачи посламъ, поручивъ раздавать ихъ Игнатію Потоцкому [1]). Оттого, по замѣчанію Булгакова, внезапно появилось въ Польшѣ множество прусской монеты. Поляковъ манили обѣщаніями, что Пруссія соединяется съ Австріею; другія европейскія страны пристанутъ къ союзу; всѣ пойдутъ на Россію за Польшу и отнимутъ у Россіи Бѣлую Русь, Кіевъ и пр. «Теперь — писалъ Булгаковъ — послы прожились и разорились, и многіе только и живутъ что прусскими деньгами; не безъ основанія можно думать, что всѣ падки на деньги и продадутъ себя тому, кто дороже заплатитъ.»

Вопросъ о наслѣдственности престола долго не смѣлъ появляться въ сеймовой Избѣ, но давно уже кружился въ обществѣ; у маршала Малаховскаго и у Игнатія Потоцкаго часто совѣщались объ этомъ. Въ началѣ 1790 года, поляки, толкуя объ этомъ вопросѣ, сами недоумѣвали, откуда онъ явился; иные говорили, что мысль эта навѣяна отъ Россіи: ее считали плодомъ честолюбивыхъ замысловъ Потемкина, которому, какъ утверждали, хотѣлось быть государемъ или княжества, составленнаго изъ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи, или же Польши. Указывали на гетмана Браницкаго, что онъ, по свойству съ Потемкинымъ, распространялъ эту мысль. Браницкій, чтобъ снять съ себя это обвиненіе, тотчасъ заявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ наслѣдственности. Сченсный Потоцкій и Ржевускій показали себя ярыми врагами этого замысла, и оба удалились изъ Варшавы. Ржевускій, проживая въ Дрезденѣ, напечаталъ брошюру, гдѣ порицалъ наслѣдственность и защищалъ избирательное правленіе. Браницкій распространялъ въ Польшѣ это сочиненіе въ тысячахъ экземпляровъ. Сторонники стараго порядка полагали, что мысль о наслѣдственности внушилъ Люккезини, въ надеждѣ, что поляки выберутъ на престолъ принца изъ прусскаго дома, и Прус-

---

[1]) Трудно рѣшить, въ какой степени справедливо это извѣстіе, не имѣвъ подъ рукою секретныхъ прусскихъ дѣлъ.

сія таким образомъ современемъ, если не тотчасъ, овладѣетъ Польшею. Король Станиславъ-Августъ старался уклоняться отъ этого вопроса, а когда его наводили на разговоръ объ этомъ, то онъ соображался, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и прогрессистамъ онъ говорилъ, что, по его мнѣнію, упадокъ Польши начался со введеніемъ избирательнаго правленія. Штакельбергъ при всякомъ случаѣ, сообразуясь со своими инструкціями, отклонялъ короля и пановъ отъ этой мысли. Главный аргументъ его состоялъ въ томъ, что Польша никакъ не можетъ избѣжать войнъ, которыя будутъ для нея разрушительны. «Но ужъ если поляки рѣшатся ввести у себя наслѣдственное правленіе—говорилъ онъ—то пусть вводятъ не иначе, какъ съ согласія императорскихъ дворовъ, и дадутъ корону тому, на чей выборъ оба двора будутъ согласны. Штакельбергъ думалъ-было воспользоваться ссорою, которая произошла между Игнатіемъ Потоцкимъ и Казимиромъ-Несторомъ Сапѣгою и нѣсколько времени занимала весь городъ, но не успѣлъ ни въ чемъ. Люккезини такъ настроилъ пановъ-патріотовъ, что они, если и не ладили между собою, то все-таки не выходили изъ-подъ вліянія прусскаго посланника. Люккезини, однако, не давалъ имъ прямыхъ совѣтовъ ввести наслѣдственное правленіе и прямо говорилъ, что прусскій король не потерпитъ его, какъ только увидитъ въ немъ небезопасность для спокойствія Пруссіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настраивалъ ихъ на введеніе такихъ перемѣнъ, которыя шли въ разрѣзъ съ избирательнымъ правленіемъ. Въ Петербургѣ понимали дѣло такъ, что мысль о наслѣдственности считали внушеніемъ прусскаго двора, желавшаго посадить на польскій престолъ своего принца. Послѣ отъѣзда Штакельберга, Булгаковъ, сначала видя, что все настроено противъ Россіи, посыпалъ русскими полуимперіалами и тѣмъ открылъ себѣ путь къ дружескимъ бесѣдамъ съ послами. «Вѣдь прусскому королю — говорилъ онъ полякамъ — хочется обмануть васъ, вы отдадите ему города, онъ свое возьметъ и покинетъ васъ». Отвѣдавши русскихъ денегъ, нѣкоторые послы начали сильнѣе кричать противъ прусской жадности и двоедушія.

Работы по разсмотрѣнію конституціи шли чрезвычайно вяло, и для внутреннихъ улучшеній сеймъ не сдѣлалъ ничего. Финансы не поправлялись: обыватели не вносили исправно установленныхъ сеймомъ налоговъ. Налогъ на шкуры потерпѣлъ великое посрамленіе. По распоряженію правительства учрежденные для этого писаря брали шкуры отъ мясниковъ и доставляли въ нарочно устроенные по городамъ сараи: постройка сараевъ, жалованье чиновникамъ, перевозка шкуръ, ихъ размѣщеніе потребовали сразу значительныхъ затратъ. Отъ плохого присмотра шкуры портились

и наполняли воздухъ въ городахъ заразительнымъ смрадомъ. Отъ порчи множества шкуръ цѣны на кожевенные товары возвысились. Они вздорожали еще и оттого, что для удобства продажи изъ казны опредѣлено было продавать ихъ только тѣмъ, которые покупали не менѣе 60-ти шкуръ за-разъ. Большая часть ремесленниковъ, занимавшихся выдѣлкою шкуръ, были люди бѣдные и не могли дѣлать большихъ закупокъ; поэтому шкуры покупали въ казнѣ евреи и высылали ихъ за границу, или продавали по одиночкѣ очень дорого. Такимъ образомъ, дороговизна кожевенныхъ издѣлій дошла до того, что простые мужичьи сапоги стоили никакъ не менѣе 12 злотыхъ, что по тогдашнимъ цѣнамъ было неслыханно дорого. Казна сама почувствовала скоро неудобство своихъ операцій: войско нуждалось въ обуви, въ конской сбруѣ и вообще въ разныхъ принадлежностяхъ изъ кожи, и скарбовая коммиссія понуждала ремесленниковъ доставлять въ войско необходимыя издѣлія; тогда ремесленники доставляли заказы изъ дурного матеріала и отговаривались тѣмъ, что изъ казны получаютъ испорченныя шкуры. Правительство нашло, что писаря, учрежденные для отбиранія у мясниковъ шкуръ, дѣлаютъ злоупотребленія, а это еще болѣе умножило неудобство, потому что потребовалось содержаніе новыхъ чиновниковъ. Съ дороговизною на кожи возникла дороговизна на мясо: за фунтъ платили 10 гр., скотъ, напротивъ, дешевѣлъ. Много мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ лишились средствъ пропитанія. Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемой по разсчету прибыли десяти милліоновъ, казна не получила и трехъ; за то эта мѣра возбудила всеобщій ропотъ и негодованіе. Въ то время носилась молва, будто оставшіеся безъ куска хлѣба рабочіе производили пожары. Дѣйствительно, въ теченіи лѣта 1790 года, по всѣмъ областямъ Рѣчи-Посполитой было множество пожаровъ, но надобно принять во вниманіе, что лѣто было чрезвычайно сухое, горѣли лѣса и болота.

Установленная, 10-го сентября 1789 года, депутація для составленія проекта формы правленія подала часть своего проекта, о сеймикахъ; противъ нея поднялись голоса. Находили, что депутація не соблюдаетъ предписаній сейма. Ей предписано было изложить кардинальные законы Рѣчи-Посполитой, обязанности верховныхъ магистратуръ и ихъ отношенія между собою. Депутація умышленно проминула кардинальные законы. Это сдѣлано было потому, что въ число кардинальныхъ законовъ входило избирательное правленіе, а большинство членовъ депутаціи склонялось къ наслѣдственности. Тогда въ публикѣ болѣе и болѣе развивалась мысль о необходимости замѣнить избирательное пра-

вленіе наслѣдственнымъ или, какъ говорилось, ввести избирательное правленіе по фамиліямъ, а не по лицамъ. Депутація думала, что, подавая проектъ по частямъ, она успѣетъ обратить въ законъ многое касающееся управленія, а кардинальные законы оставитъ на послѣдокъ, а между тѣмъ, умы болѣе подготовятся, и освоятся съ мыслію о наслѣдственности. Но этого ей не удалось. Сеймъ предписалъ ей изготовить проектъ начиная съ кардинальныхъ правъ. Въ іюнѣ, онъ постановилъ продолжать свою дѣятельность до 1-го марта 1791 года, въ тѣхъ видахъ, что много изъ старыхъ учрежденій уничтожено, новыя еще не установлены, или не приведены въ дѣйствіе, а чтобъ не стали говорить, что сеймъ самовольно захватываетъ въ свои руки верховную власть на многіе годы, безъ воли націи, то многіе тогда заявляли мысль просить собранные сеймики выбрать новыхъ пословъ и присоединить къ старымъ, такъ, чтобы сеймъ былъ въ двойномъ числѣ. Присутствіе старыхъ въ сеймовой Избѣ представлялось необходимымъ потому именно, что много важныхъ дѣлъ, ими начатыхъ, оставалось не оконченными; казалось благоразумнымъ, чтобъ ихъ кончали непремѣнно прежніе, которые начали, хотя и вмѣстѣ съ новыми. Въ августѣ, депутація для составленія проекта формы правленія подала вновь свой проектъ и прибѣгла къ другого рода увερткѣ. Ей предписывали начать съ кардинальныхъ правъ, но сдѣлать такъ значило заранѣе объявить кардинальными правами такіе законы, которыхъ измѣненія они домогались, поэтому она представила конституціонныя права, обозначивъ въ рубрикѣ: права конституціонныя, въ число которыхъ входятъ и кардинальныя. Такимъ образомъ, депутація предоставляла сейму порѣшить, что̀ признавать кардинальнымъ; между тѣмъ по дѣламъ, касающимся, такъ-называемыхъ, конституціонныхъ законовъ необходимо было двухъ третей голосовъ, для измѣненія же кардинальныхъ нужно было единогласіе. При извлеченіи кардинальныхъ законовъ изъ представленной массы конституціонныхъ, выступилъ наружу вопросъ объ избирательности и наслѣдственности престола, и сдѣлался предметомъ преній. Но потомъ оставили его и начали заниматься другими, составлявшими также сущность кардинальныхъ законовъ. Въ сентябрѣ коснулись религіи. Сперва сеймъ рѣшилъ принять господствующими три вѣроисповѣданія: римско-католическое, греко-уніятское и дизунитское (православное); но черезъ нѣсколько дней, 25 сентября, сеймъ сдѣлалъ измѣненіе, призналъ господствующею одну римско-католическую религію обоихъ обрядовъ: латинскаго и греко-славянскаго; православная религія наравнѣ съ протестантствомъ допускалась только въ качествѣ терпимой. Одинъ изъ

кардинальныхъ законовъ долженъ былъ опредѣлить, должна ли законодательная власть Рѣчи-Посполитой сосредоточиваться исключительно въ шляхетскомъ сословіи? Тогда отъ прогрессивной партіи послѣдовало новое домогательство даровать городамъ право посылать представителей, но еще разъ было отвергнуто. Такое неблагопріятное для городовъ настроеніе произошло также и оттого, что въ Варшавѣ въ это время случились безпорядки. Какой-то портной поймалъ на улицѣ шедшаго съ работой еврея, не записаннаго въ цехъ и слѣдовательно, не имѣвшаго права заниматься ремесломъ. Онъ потащилъ его въ цехъ. Евреи стали отбивать своего единовѣрца и прибили портного. Тогда толпа ремесленниковъ бросилась на евреевъ, грабила ихъ домы и бросала въ колодцы ихъ пожитки. Городская маршалковская стража бросилась унимать свалку, мѣщане прогнали ее и кидали на нее каменьями, это дало на сеймѣ поводъ указывать неодобрительно на мѣщанское сословіе вообще и находить, что мѣщане недостойны чести, какую имъ хочетъ дать прогрессивная партія.

На предварительныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ домѣ маршала Малаховскаго, а также и въ собраніяхъ, бывшихъ у разныхъ пословъ, членовъ сейма, разговоры и пренія всѣ сходились къ одному вопросу о томъ: должно ли быть въ Польшѣ избирательное или наслѣдственное правленіе? Сторонниковъ наслѣдственнаго становилось все болѣе и болѣе, но между ними еще не составлялось единогласія, относительно выбора лица, достойнаго открыть рядъ наслѣдственныхъ польскихъ королей. Игнатій Потоцкій расположенъ былъ отдать польскую корону прусскому принцу или даже самому прусскому королю. Однажды, находясь въ домѣ княгини Сангушковой, гдѣ часто собирались лица высшаго круга, Потоцкій проповѣдуя свои идеи говорилъ: «Ахъ, если бы намъ убѣдить прусскаго короля принять польскую корону; это трудно, потому что онъ боится отважиться на войну, которая послѣдуетъ съ Россіею и Австріею. Ахъ, если бы можно было успѣть въ этомъ! Вотъ былъ бы наилучшій для насъ исходъ. Польша соединилась бы съ Пруссіею, какъ нѣкогда соединилась съ Литвою, съ равнымъ правомъ, какъ для католиковъ, такъ и для диссидентовъ, покупать въ Польшѣ и Пруссіи имѣнія, занимать мѣста и должности, съ открытіемъ свободной торговли между обѣими соединенными странами. Можно, мнѣ кажется, усыпить Россію и Австрію, дозволя имъ расширить свои владѣнія насчетъ Турціи, а со временемъ, когда мы окрѣпнемъ, можно будетъ войной отнять тѣ земли, которыя отъ насъ отторгнули эти государства. Европа не будетъ препятствовать сое-

диненію Пруссіи съ Польшей. Напротивъ, царствующій въ Европѣ духъ свободы встрѣтитъ хорошо идею соединенія двухъ государствъ подъ конституціоннымъ правленіемъ». Ему замѣчали, что невозможно согласить на это польское дворянство. «Правда— отвѣчалъ Потоцкій—но въ крайнемъ случаѣ мы поднимемъ мѣщанъ и освободимъ крестьянъ». Но слова остались словами. Дѣло было черезъ-чуръ трудное, и самъ Потоцкій остановился бы, когда бы встрѣтился въ области дѣла съ тѣмъ, что̀ льстило его воображенію. Надобно было, во-первыхъ, принять во вниманіе, что прусскій король былъ протестантъ и по отношеніямъ, привязывавшимъ его къ своей наслѣдственной странѣ, не могъ сдѣлаться католикомъ; этого уже было достаточно, чтобы поляки отвергли его кандидатуру; во-вторыхъ, Фридрихъ-Вильгельмъ властвовалъ въ своемъ государствѣ неограниченно, и ужъ конечно былъ склоненъ скорѣе въ Польшѣ властвовать такимъ же образомъ, чѣмъ вводить въ свое государство что-нибудь новое, похожее на польское, какъ того хотѣлъ Потоцкій, выражаясь о соединеніи Польши и Пруссіи подъ однимъ конституціоннымъ правленіемъ. Что же касается до поднятія мѣщанъ и крестьянъ, то на это недостало бы у Игнатія Потоцкаго дѣятелей; а если бы возможно было начать такое волненіе, то оно ничего не подѣлало бы противъ организованныхъ войскъ сосѣднихъ государствъ, которыя тотчасъ бы наводнили Польшу.

Другіе говорили, что Польшѣ лучше всего слѣдуетъ пріобрѣсть союзъ съ сильной Англіей, и выбрать въ наслѣдственные короли англійскаго принца. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, это казалось самымъ здравымъ предположеніемъ, но оно не имѣло за собою популярности; не находилось охотниковъ взяться энергически за эту мысль. Притомъ было два препятствующихъ обстоятельства: во-первыхъ, англійскому принцу надобно было перемѣнять вѣру, во-вторыхъ, онъ былъ бездѣтенъ. Король Станиславъ-Августъ думалъ еще объ одномъ кандидатѣ— о внукѣ Екатерины; объ этомъ у него, какъ кажется, и было говорено съ государынею еще въ Каневѣ, но въ тѣ времена трудно было рѣшиться заговорить объ этомъ, да и король сталъ не тотъ, что былъ прежде. Большинство склонялось къ выбору въ преемники Станиславу-Августу саксонскаго князя-избирателя, родственника покойнаго польскаго короля Августа III, католика по вѣрѣ, знавшаго даже по-польски. Этотъ принцъ болѣе чѣмъ всякій другой казался подходящимъ; притомъ поляки думали, хотя ошибочно, что берлинскій дворъ не будетъ препятствовать его выбору; даже тѣ, которые ни за что не хотѣли наслѣдственнаго правленія, готовы были признать его преемникомъ Станиславу-Августу, въ качествѣ

будущаго избирательнаго короля. Когда объ этихъ вопросахъ толковали у Малаховскаго, то казалось, дѣло о наслѣдственности брало верхъ. Подъ вліяніемъ хлѣбосольства послы снова потакали рѣчамъ о преимуществѣ наслѣдственнаго правленія; другіе, покрайней мѣрѣ, уклонялись отъ рѣзкихъ возраженій, но какъ скоро начали говорить объ этомъ въ сеймовой Избѣ, тотчасъ оказывалось, что большинство стоитъ за сохраненіе старины. Какъ лучшій и законнѣйшій исходъ этого дѣла, предлагали обратиться къ народу съ вопросомъ о преемничествѣ и спросить на сеймикахъ все польское шляхетство, желаетъ ли оно назначить преемникомъ Станиславу-Августу саксонскаго князя-избирателя Фридриха Августа. Противъ этого стали-было возражать, что такое обращеніе несообразно съ законами государства, недозволявшими открывать сеймиковъ въ то время, когда сеймъ собранъ или находится въ дѣйствіи. Брестскій посолъ Матушевичъ далъ такую мысль: надобно прекратить дѣятельность сейма на ту пору, когда соберутся сеймики, и въ такомъ случаѣ нужно считать сеймъ распущеннымъ. Предложили выбрать на сеймикахъ новыхъ пословъ и на сеймъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить на дальнѣйшій срокъ представительство за старыми такъ, чтобы сеймъ отправлялся двойнымъ числомъ голосовъ. Король согласился на это изъ первыхъ, и вообще старался въ то время заслужить расположеніе прогрессивной партіи, не объявляя впрочемъ себя рѣшительно за наслѣдство, и постоянно твердя, что онъ соображаетъ свои убѣжденія съ волею народа.

Кіевскій посолъ Трипольскій, говоря противъ намѣренія назначать польскому королю преемника при жизни царствующаго лица привелъ анекдотъ о каноникѣ, который заранѣе составилъ завѣщаніе въ пользу своихъ родныхъ и служителей, а они за это ускорили его кончину. «Я люблю отечество болѣе самого себя и потому не боюсь ничего подобнаго», сказалъ король, и заслужилъ одобреніе прогрессистовъ за хорошую фразу. Послѣ восьмидневныхъ споровъ и горячихъ криковъ, наконецъ, 20 сентября, порѣшили открыть сеймики для выбора новыхъ пословъ, которые бы составляли сеймовую Избу вмѣстѣ съ прежними, и предложить къ обсужденію и рѣшенію вопросъ въ такой формѣ: можно ли при жизни настоящаго короля избрать ему преемника въ особѣ князя-избирателя. Нѣкоторые прогрессисты долго боялись этого; они знали, что̀ такое польскіе сеймики, какъ легко ими руководить богатымъ и ловкимъ панамъ, и какъ крѣпко укоренена была въ шляхетствѣ рутина старо-польской вольности, но потомъ на эту мѣру согласились съ большинствомъ въ надеждѣ, что, быть можетъ, эта мѣра послужитъ въ пользу и имъ, какъ противникамъ: и они со своей стороны имѣли въ виду

разъѣхаться по воеводствамъ, и настраивать сеймики на свою сторону. Формула вопроса о преемникѣ составлена уклончиво: спрашивали только о преемничествѣ, а никакъ не о наслѣдственности; такимъ образомъ можно было въ нѣкоторыхъ воеводствахъ настроить сеймики до того, чтобы они сами, какъ будто по своему произволенію, потребовали наслѣдственнаго правленія; въ другихъ же если не скажется объ этомъ ничего ни за, ни противъ, то потомъ можно будетъ на сеймѣ установить наслѣдство, опираясь на то, что нѣсколько сеймиковъ заявили желаніе, а другіе не заявили своего нежеланія. Такимъ образомъ, маршалъ сейма отъ 8 октября издалъ универсалъ о собраніи сеймиковъ на 16-е ноября, а сеймъ закрывался до 16 декабря, когда долженъ былъ открыться съ двойнымъ числомъ пословъ. Въ универсалѣ не только не было ничего о наслѣдствѣ, но ясно было заявлено, что избирательное правленіе останется ненарушимымъ.

Такое послѣднее рѣшеніе было противоположно совѣтамъ саксонскаго министра Эссена, который говорилъ полякамъ: «установите прежде твердый порядокъ правленія, потомъ уже выбирайте преемника, потому что вашимъ сосѣдямъ, особенно Россіи, въ вашихъ реформахъ непріятнѣе всего то, что вы пытаетесь вводить наслѣдственное правленіе; избѣгайте преждевременно раздражать сильныхъ, пока вы сами не усилились.» Но полякамъ казалось, что они достаточно сильны: уже они заручились союзомъ съ Пруссіею, посланникъ польскій въ Константинополѣ, Петръ Потоцкій, заключилъ въ концѣ года договоръ съ Турціею. Въ немъ, кромѣ статей въ сущности не важныхъ, были три статьи такого содержанія: такъ какъ Россія захватила владѣнія Порты и Польши, и Порта ведетъ войну съ Россіею, то Польша въ согласіи съ прусскимъ королемъ, который со своей стороны нападетъ на Россію, будетъ всѣми силами вести противъ Россіи войну. Ведущія взаимно войну государства будутъ сообщать другъ другу военныя операціи и направленія своихъ войскъ, какъ условились между собою Порта и Пруссія. Обѣ договаривающіяся стороны не будутъ заключать ни перемирія, ни мира безъ предварительнаго сообщенія прусскому королю и безъ участія этого государя, но будутъ продолжать войну неутомимо, пока оба государства, Порта и Польша, не получатъ отъ Россіи полнаго удовлетворенія, и пока при участіи прусскаго короля не будетъ заключенъ постоянный и твердый миръ; если же послѣдній не состоится, то оба государства никакъ не перестанутъ вести войну противъ Россіи. Прусскій король, какъ союзникъ Польши и Порты, приглашается обѣими договаривающимися сторонами приступить

къ настоящимъ условіямъ, почему настоящій договоръ и сообщался прусскому министру, находящемуся въ Константинополѣ.

Понадѣявшись на заключенный прежде оборонительный союзъ Пруссіи съ Портою, Потоцкій впуталъ въ свой договоръ прусскаго короля; а между тѣмъ прусскій король уже измѣнилъ свои планы, прекратилъ недоразумѣнія съ Австріею и сближался съ Россіею: послѣдняя, будучи принуждена воевать противъ Турціи одна, соглашалась на примиреніе при посредствѣ Пруссіи. Прежній другъ Польши, Люккезини, отправился въ Турцію примирителемъ и хлопоталъ о томъ, что̀ шло въ разрѣзъ съ желаніями и видами Польши. Онъ уговаривалъ турокъ уступить требованіямъ Россіи. Въ видахъ Пруссіи было устроить этотъ миръ для того, чтобы потомъ можно было вмѣстѣ съ Россіею пріобрѣсть на счетъ Польши тѣ выгоды, которыхъ Пруссія не могла получить добровольно по причинѣ упрямства поляковъ; не зная этого, поляки хлопотали о продолженіи войны, мечтали не только обезопасить отъ Россіи свое государство, но напомнить «москалямъ» былыя побѣды, унизить, наказать, потоптать враждебную Москву. Этотъ договоръ съ Портою сдѣлался впослѣдствіи самымъ благовиднымъ предлогомъ для Россіи. Россія не показывала непріязненныхъ дѣйствій въ Польшѣ, вывела свои войска изъ польскихъ владѣній по требованію сейма, удерживалась отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши. Екатерина предвидѣла, что поляки сами объявятъ ей вражду. Ожидать пришлось недолго. Безсильная держава легкомысленно задирала сильную и, конечно, должна была ожидать себѣ за то возмездія.

VIII.

Варшавское общество и нравы во время сейма [1]).

Характеръ сейма—медленность въ работахъ, широкіе замыслы и узкое пониманіе способовъ ихъ осуществленія, богатство затѣй и скудость средствъ, мало дѣла и много словъ, все—чѣмъ отличался тогдашній сеймъ, шло какъ нельзя болѣе въ уровнѣ съ образомъ жизни пословъ за предѣлами сеймовой Избы и съ характеромъ общества тогдашней польской столицы. Живой и легкій нравъ поляковъ располагалъ ихъ къ тому, чтобы начинать и не кончать, спѣшить къ цѣли и внезапно останавливаться на полдорогѣ, и, главное, убѣгать тяжелаго труда, когда послѣдній дол-

[1]) См. Источники: № 117, 118, 89, 80, 75, 47.

женъ былъ смѣнять краснорѣчіе. У поляковъ всегда, гдѣ только собиралось большое общество, являлись кутежи, пиры и битье въ баклуши. Никогда еще Варшава не видала въ стѣнахъ своихъ такого стеченія шляхетства, и никогда не предавалась съ такою забывчивостью широкому разгулу. Въ прежнія времена Варшава не славилась шумнымъ обществомъ; паны не любили жить въ столицѣ, какъ и вообще польское дворянство не жаловало городовъ. Дѣдовскія привычки располагали пановъ предпочитать городамъ свои наслѣдственные палаццы въ имѣніяхъ, гдѣ жилось имъ такъ весело; если же кто чувствовалъ однообразіе такой жизни, тотъ ѣхалъ не въ польскій городъ и не въ польскую столицу, а куда-нибудь во Францію, или Италію, гдѣ поляки своею расточительностью и податливостью всякому надувательству произвели даже пословицу: «far viaggio alla Polacca» — странствовать по-польски. Только во время сеймовъ, въ продолженіи шести недѣль, Варшава оживлялась, когда съѣзжались туда послы, а за ними всякіе любопытные обыватели и евреи, которымъ только въ это время дозволялось торговать въ Варшавѣ; отовсюду привозились товары для прельщенія панскихъ глазъ. Неудивительно, что вообще Варшава, въ былыя времена, казалась скучнымъ и заброшеннымъ городомъ. Съ Августа III, она начала мало-по-малу оживляться, но блистательное ея положеніе наступило при Станиславѣ-Августѣ. Городъ расширялся, пролагались цѣлыя новыя улицы, воздвигались зданія за зданіями, обновлялись ветхія и пришедшія въ упадокъ отъ долгаго небреженія. Заброшенный дворецъ Яна-Казимира, на Краковскомъ предмѣстьи, былъ возобновленъ, украшенъ и отданъ подъ корпусъ кадетъ. Королевскій зàмокъ, на который мало обращали вниманіе при Августахъ, жившихъ больше въ Дрезденѣ, былъ отдѣланъ, наряженъ и украшенъ картинами художниковъ, пользовавшихся покровительствомъ польскаго короля. Построены красивыя казармы для гвардіи и артиллеріи. Явилось нѣсколько новыхъ красивыхъ церквей: кармелитскій монастырь, двѣ протестантскія церкви и уніятскій монастырь на Медовой улицѣ; выстроено зданіе публичнаго театра на площади Красинскихъ; за городомъ распространенъ дворецъ въ Бѣлянахъ и построены великолѣпныя Лазенки съ прекраснымъ садомъ: король особенно объ нихъ заботился. Подражая ему, паны начали поправлять свои палаццы и воздвигать новые; сдѣлалось модою содержать ихъ въ столицѣ, щеголять ими и проживать въ нихъ отъ времени до времени, расточая свое гостепріимство. Такой характеръ Варшавы дошелъ до своего апогея въ эпоху конституціоннаго сейма; какъ будто чувствуя, что надъ Польшей ви-

ситъ роковой приговоръ судьбы, всѣ спѣшили пожить, какъ можно необузданнѣе и размашистѣе; всеувлекающее, всеопьяняющее веселье охватило польскую столицу.

Если мы перенесемся воображеніемъ въ Варшаву конца XVIII вѣка, то не найдемъ въ ней того европейскаго образа, который дѣлаетъ ее теперь похожею на всѣ вообще столицы и большіе города Европы. Несмотря на важныя улучшенія во времена Станислава-Августа, она все еще усѣяна была бѣдными деревянными постройками съ гонтовою крышею, нерѣдко снабженною живописными щелями, обросшими травою, которыя хозяева отъ бѣдности и безпечности не могли починить. Такимъ образомъ, улица Новый-свѣтъ, составляющая продолженіе Краковскаго предмѣстья, красивѣйшей части города, въ то время еще вся почти состояла изъ такихъ зданій. Такъ-называемое «Старое-Място» наполнено было каменными строеніями съ виду поразительно грязными, обыкновенно въ два этажа, но иногда и въ три; дома эти принадлежали торговому классу, внизу были погреба и лавки, вверху лишніе покои отдавались въ наёмъ, и здѣсь гнѣздилась бѣдность и нечистота. Всѣхъ улицъ, большихъ и малыхъ, считалось тогда 190, но изъ нихъ не болѣе десяти были порядочно вымощены; на остальныхъ, если и была мостовая, то въ такой степени дурно устроенная и плохо содержимая, что скорѣе препятствовала ѣздѣ, чѣмъ способствовала ея удобствамъ. Осенью и во время большихъ дождей, грязь была невылазная; — переходить улицы можно было не иначе, какъ въ большихъ сапогахъ. Впрочемъ, сколько-нибудь зажиточный полякъ не ходилъ по городу, а ѣздилъ въ экипажѣ, или верхомъ, стараясь при этомъ щегольнуть лошадьми. Отъ этого, во время конституціоннаго сейма, въ Варшавѣ была такая безпрерывная ѣзда, что лошадей могло казаться на улицѣ больше, чѣмъ людей, въ особенности потому, что если какой-нибудь господинъ подумаетъ погарцовать по улицамъ столицы верхомъ, то за нимъ ѣхало три, четыре гайдука, а когда выѣзжала знатная дама въ каретѣ, то ее везли восемь и даже двѣнадцать лошадей. Варшавскіе модники, сверхъ того, любили щеголять гоньбою во весь духъ въ кабріолетахъ, запряженныхъ превосходными лошадьми, которыми они въ такомъ случаѣ управляли сами безъ кучера, представляя изъ себя подобіе древнихъ римскихъ авригъ; даже дамы отваживались прокатиться въ такихъ кабріолетахъ и сами управляли иногда шестью, а иногда и восемью лошадьми. Этимъ отличались особы высшаго круга; иногда барыни невысокаго полета, и даже мѣщанки, задумывали тоже дѣлать, но часто имъ это вовсе не удавалось, и лошади у нихъ были хуже, и сами онѣ

не имѣли такой ловкости. Зимою таким образомъ катались по городу на саняхъ разнообразной конструкціи, съ яркими украшеніями изъ серебра и даже золота, и съ малиновыми или голубыми сѣтками, закрывавшими господъ и госпожъ отъ снѣга, взбиваемаго конскими копытами. Упряжь также, какъ и сани, блистала серебромъ съ насѣчкою изъ золота. Между ними мелькали верхомъ кавалеры, выказывая богатство сѣделъ, сбруй и собственныхъ нарядовъ.

Франтовство одеждою доходило до страсти; старались одѣться какъ можно фигурнѣе и оригинальнѣе; пріѣзжій въ Варшаву европеецъ поражался разнообразіемъ и часто безвкусіемъ видѣнныхъ на улицѣ костюмовъ. Старый польскій нарядъ у знатныхъ пановъ въ XVIII вѣкѣ почти вышелъ изъ употребленія; только немногіе оригиналы, въ родѣ Panie Kochanku, не разставались съ нимъ. Большинство предпочло ему французскіе кафтаны и пудру. Теперь патріоты, которыхъ помышленія направлялись къ прошедшимъ временамъ отечества, стали показываться въ публикѣ въ тафтяныхъ и атласныхъ жупанахъ, застегнутыхъ частыми пуговками и подпоясанныхъ серебристымъ или золотистымъ поясомъ, въ накинутыхъ сверху кунтушахъ яркаго цвѣта, съ прорѣзными рукавами, откинутыми назадъ, въ четвероугольной народной шапкѣ и со старо-польскою карабелею, оправленною въ золото и камни. Этотъ костюмъ составлялъ противоположность съ костюмомъ франта, одѣтаго въ цвѣтной фракъ, съ длинными до пятъ фалдами, въ расшитомъ золотомъ жилетѣ, на которомъ болтались толстыя золотыя часовыя цѣпи со множествомъ печатей, ключиковъ и побрякушекъ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, въ треуголкѣ на напудренной головѣ, съ толстымъ и высокимъ галстукомъ, завязаннымъ огромнымъ бантомъ въ видѣ розетки. Многіе надѣвали польскій костюмъ для временного щегольства и опять облекались въ европейскій; многимъ хотѣлось быть и поляками и европейцами въ полномъ смыслѣ; отъ этого можно было встрѣтить польскую четвероугольную шапку на напудренномъ французскомъ произведеніи и, наоборотъ, треуголку на бритой головѣ; съ европейскимъ фракомъ сочетались высокіе красные сапоги и польскіе усы, нафабренные до того, что стояли, какъ деревянные.

Среди блеска упряжи, экипажа и нарядовъ, сновали но Варшавѣ многочисленныя толпы бѣдняковъ: исхудалые, чахлые отъ плохой пищи и болѣзней; они были покрыты самыми пестрыми лохмотьями, какіе трудно было увидѣть въ другихъ мѣстахъ Европы, даромъ, что нищихъ, въ XVIII вѣкѣ, было вездѣ вдоволь, благодаря заботамъ тогдашнихъ правительствъ о благосостояніи

и воспитаніи народа. То были безобразнѣйшія сшивки различныхъ кусковъ всякихъ тканей, всякихъ цвѣтовъ; кусокъ истертаго малиноваго бархата пришивался къ куску грязнаго полотна или сѣраго сукна; иные бродили босикомъ, иные безъ штановъ. Между ними были женщины съ грудными младенцами, мальчишки и дѣвчонки босые, полунагіе, дрожащіе отъ холода, пискливымъ голосомъ просящіе хлѣба; жиды въ длинныхъ черныхъ кафтанахъ и ермолкахъ, изъ-подъ которыхъ торчали вьющіеся пейсы, жидовки въ пестрыхъ платьяхъ и черныхъ передникахъ, обшитыхъ галунами; солдаты въ мундирахъ своихъ полковъ и поразительное множество монаховъ и монахинь въ одеждахъ своихъ орденовъ.

Въ массѣ бѣдныхъ и грязныхъ лачугъ возвышались монастыри со своими тѣсно замкнутыми каменными корпусами келій, и панскіе палаццы съ широкими дворами и со множествомъ флигелей и пристроекъ. Наружность ихъ была очень разнообразна; ихъ хозяева хотѣли показать въ нихъ свой вкусъ и свои наклонности. Иной палаццо напоминалъ суровое аббатство, другой греческіе и римскіе портики. На Краковскомъ предмѣстьи ихъ было одиннадцать: между ними, по величинѣ и богатству, отличались палаццы Браницкихъ, Малаховскаго, Тышкевичей, Радзивилла, краковскаго епископства, примаса и др.; на Сенаторской улицѣ ихъ было тринадцать, и въ томъ числѣ великолѣпный дворецъ Любомирскихъ; на Медовой шесть, и между прочимъ дворецъ банкира Теппера и домъ русскаго посольства; на Долгой — пять; сверхъ того возвышались тамъ-и-сямъ палаццы на другихъ улицахъ и, кромѣ того, было нѣсколько лѣтнихъ, загородныхъ; число всѣхъ панскихъ палацповъ въ описываемое время доходило до 80.

Эти дворцы, снаружи разукрашенные лѣпною работою, внутри богато омеблированные, блиставшіе позолотою, зеркалами, люстрами, гобленовскими коврами, итальянскими и французскими картинами и статуями, имѣли въ то время громады обитателей. Польскій панъ переселялся въ столицу, какъ владѣтельный принцъ. Отправивъ впередъ громоздкія вещи, значительную часть прислуги и даже цѣлый табунъ лошадей, панъ ѣхалъ въ Варшаву въ сопровожденіи пятнадцати и даже двадцати экипажей. На дорогѣ онъ не останавливался въ гостинницахъ, въ Польшѣ онѣ были грязны до-нельзя, никто объ нихъ не заботился; когда нужно было отдохнуть, разбивали шатры, устраивали спальню, столовую, готовили кушанье, накрывали на столъ, однимъ словомъ, возникалъ походный домъ. По окончаніи отдыха или ночлега, все это убиралось, свертывалось, укладывалось, и панъ слѣдовалъ дальше. Съ нимъ поселялись въ Варшавѣ повара, кучера,

лакеи, истопники, музыканты, разные придворные чины, маршалки, подскарбіи, конюшіе, домашніе секретари, врачи, учителя, придворные поэты, резиденты и резидентки, не имѣвшіе никакого опредѣленнаго занятія — все люди шляхетнаго достоинства, потому что, кромѣ истопниковъ и водовозовъ, вся панская прислуга была изъ шляхты.

Пребываніе пановъ въ столицѣ на этотъ разъ было для нихъ истиннымъ разореніемъ. Издержки ихъ превышали безмѣрно не только то, что̀ они могли прожить въ собственныхъ имѣніяхъ, но даже то, что̀ они могли пропутешествовать за границею. Никогда еще они не были въ такомъ положеніи, какъ теперь; отъ каждаго требовалось показать себя, не только не скупѣе, но роскошнѣе и гостепріимнѣе другихъ. Средства имъ доставлялись изъ имѣній, но ихъ пленипотенты, дозорцы и экономы безжалостно ихъ обманывали, обкрадывали. Въ XVIII столѣтіи въ Польшѣ считался бы пошлымъ дуракомъ тотъ, кто, управляя панскими имѣніями, не съумѣлъ нажить состоянія настолько, чтобы самому купить хорошее имѣнье. У главнаго управляющаго, завѣдывавшаго нѣсколькими селами, были субалтерны, экономы и дозорцы; изъ нихъ каждый въ своей населенной мѣстности старался обратить панское достояніе въ свою пользу, въ надеждѣ со временемъ купить имѣніе. У послѣднихъ были распорядители изъ панскихъ хлоповъ; и эти слѣдовали общимъ нравамъ и выжимали изъ народа сокъ, такъ чтобы, передавая слѣдуемое экономамъ и пленипотентамъ, что̀ нибудь доставалось и для нихъ. Такой хлопъ, облеченный отъ эконома довѣріемъ, обыкновенно былъ величайшимъ тираномъ надъ своею братіею. Такъ управлялись панскія имѣнія. Панъ старался, чтобъ ихъ было много въ разныхъ воеводствахъ и хвастался тѣмъ, что у него по всей Польшѣ были разсѣяны имѣнія, отъ этого онъ имѣлъ право участія на сеймикахъ разныхъ воеводствъ, и вездѣ у него были кліенты изъ шляхты, подававшіе голоса по его волѣ. Во многихъ имѣніяхъ своихъ онъ не бывалъ никогда и зналъ ихъ только по представленнымъ отчетамъ, въ которыхъ была ложь. Владѣлецъ мало интересовался узнать, какъ идутъ у него дѣла; довольно было съ него и того, что ему присылались доходы, даромъ, что эти доходы составляли менѣе половины того, что̀ въ дѣйствительности получалось. Если ему казались присылаемые доходы уже черезъ-чуръ малыми, то онъ дѣлалъ замѣчанія своимъ пленипотентамъ, и послѣ того ему начинали присылать больше, но писали, что для этого принуждены были наложить на крестьянъ болѣе прежняго тягостей; и въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ случаѣ обременяли крестьянъ больше прежняго работами и приглашали евреевъ выдумывать новые ис-

точники пріобрѣтенія для пана; но это дѣлалось не для того, чтобы имѣть возможность прислать пану столько, сколько онъ требуетъ, а для того, чтобы, за отсылкою того, что̀ онъ требовалъ, не уменьшались воровскіе доходы управлявшихъ и надзиравшихъ за имѣніями.

У польскаго пана, очень богатаго, часто былъ недостатокъ въ деньгахъ; въ Варшавѣ въ описываемое время это бывало почти со всѣми, потому что сколько ни посылалось пану денегъ изъ дохода имѣній, все оказывалось мало, всегда возникали новыя нужды; доставленныя суммы сейчасъ ускользали, и экономія панскаго дома терпѣла недостатокъ; всего было хуже, когда панъ проигрывалъ въ карты, а этою болѣзнью страдали очень многіе: тогда наличныя деньги требовались немедленно и панъ обращался къ банкиру; банкиръ ссужалъ его въ счётъ будущихъ доходовъ, но вычиталъ при этомъ большіе проценты за всю выданную сумму. Такимъ образомъ, кромѣ того, что плутовство управляющаго и эконома лишало пана значительной части слѣдуемыхъ ему доходовъ съ имѣній, онъ много тратился на платежъ процентовъ банкирамъ.

Отъ этого рядомъ съ панскими палаццами въ Варшавѣ выростали пышные дома банкировъ; дѣла ихъ шли такъ хорошо, что они забыли прежнюю мѣщанскую бережливость и стали спорить съ панами въ гостепріимствѣ и мотовствѣ. Изъ нихъ особенно выступали по богатству и роскоши дома̀ Теппера, Бланка и Кобрита. Какъ всегда бываетъ съ выскочками, эти господа чванились своимъ богатствомъ, надувались изъ всѣхъ силъ, чтобы походить на родовитыхъ аристократовъ. Въ первое время дѣятельный, разсчетливый, Тепперъ, разжившись, началъ корчить изъ себя знатнаго пана, перестал заниматься дѣлами, оставилъ ихъ на волю своимъ прикащикамъ и дошелъ до того, что вовсе не слѣдилъ за ними, не повѣрялъ ихъ счетовъ, чтобы не навлечь на себя укора въ дурномъ тонѣ, самъ бралъ горстями изъ кассы червонцы и предоставлялъ конторщикамъ записывать сколько угодно; отъ этого его прикащики, получая отъ него жалованья тысячи по двѣ червонцевъ, жили такъ, какъ можно только жить на десять тысячъ. Тепперъ купилъ себѣ за большія суммы дворянство, украсился за деньги мальтійскимъ орденомъ, меблировалъ великолѣпно свой домъ и задавалъ роскошнѣйшіе обѣды и блистательные балы. На обѣдахъ у него бывалъ самъ король. Знатные паны, поневолѣ, должны были дѣлать ему честь потому, что были его должниками. Его дочери до такой степени изнѣжили себя и позволяли себѣ разныя прихоти, что говорили, будто не могутъ пить кофе на польскихъ угольяхъ, а нужно привозить имъ уг-

лей изъ Англіи. По примѣру пановъ, Тепперъ былъ любитель прекраснаго пола и содержалъ трехъ любовницъ, которыя ему очень дорого стоили, но его всего болѣе разоряло то, что онъ, подражая родовитому панству, пустился въ карточную игру и потому окончилъ свою карьеру печальнѣйшимъ образомъ: его дворецъ, мебель, картины, лошади, все продано было за долги съ публичнаго торга, и онъ принужденъ былъ ходить по Варшавѣ пѣшкомъ, потому что не на что было нанять извощика. Онъ умеръ въ бѣдности, посмѣшищемъ тѣхъ, которые его обыгрывали, и предметомъ ненависти тѣхъ, которые ввѣрили ему свои капиталы и понесли черезъ то потери. Кобритъ былъ, хотя и природный нѣмецъ, но также поддался обаянію польской жизни и промотался въ пухъ. Бланкъ былъ счастливѣе ихъ. Кромѣ главныхъ банкировъ, въ Варшавѣ было довольно мелкихъ изъ евреевъ; къ нимъ обращались обыватели не первой руки: съ ними было удобнѣе сладить и можно было больше получить подъ залогъ, за то они брали больше процентовъ, чѣмъ первоклассные банкиры, дававшіе взаймы только большія суммы. Проценты брались огромные, именно потому, что банкиръ плохо вѣрилъ въ честь польскаго дворянина и старался устроить дѣла такъ, чтобы, получивъ нѣсколько разъ проценты на выданный капиталъ, можно было воротить самый капиталъ, такъ, что если съ должника трудно было получить, то заимодавецъ не остался бы въ большихъ убыткахъ. Сверхъ процентовъ брали еще и за коммиссію. Мелкіе ростовщики, какъ и большіе банкиры всѣ, не исключая и евреевъ, увлекались общимъ порывомъ мотовства и какъ только чувствовали, что въ ихъ руки приходитъ много денегъ, тотчасъ пускались жить весело.

Варшавское мѣщанство не отставало отъ шляхетства. Купцы расширили и разукрасили свои домы, задавали обѣды, балы, веселились въ своемъ кругу, пріобрѣтали средства всякимъ обманомъ и неправдою и клонились къ упадку и разоренію.

Тогда въ Варшавѣ было много иностранцевъ, и они-то наживались на счётъ поляковъ. Всѣ предметы роскоши и комфорта приходили изъ-за границы. Мотовство и кутежи увеличили привозъ до чрезмѣрности; вездѣ нуженъ былъ пану иностранный товаръ; дѣлаетъ онъ обѣды—ему нужны иностранныя вина, иностранныя приправы, иностранные сервизы; для украшенія палацца онъ покупаетъ картины за границей; мебель выписываетъ изъ-за границы, или заказываетъ иностранцамъ; одежды—изъ иностраннаго товара, сшитыя иностранцами. Около дѣтей онъ держитъ иностранныхъ гувернёровъ и гувернантокъ, камердинеры у него иностранцы, у пани прислуга—иностранки; наконецъ, у знатныхъ

пановъ проживали иностранцы на правѣ резидентовъ, ради суетнаго желанія, чтобы уѣхавши за границу, они ославляли радушіе, великодушіе, щедрость и великолѣпіе польскихъ пановъ. За все иностранное панъ платилъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ то же самое покупалось нѣмцами и французами; даже когда панъ заводилъ библіотеку, что̀ нужно было для хорошаго тона, онъ и за книги платилъ дороже, чѣмъ они были въ продажѣ.

Когда для панскаго тщеславія нуженъ былъ орденъ—требовались особыя издержки, и панъ давалъ съ этой цѣлью нѣсколько почетныхъ обѣдовъ и баловъ. Въ управленіе своего дома въ Варшавѣ онъ не входилъ, его жена тѣмъ менѣе. Все лежало на маршалкѣ (дворецкомъ): онъ приказывалъ закупать все что нужно было для обѣдовъ, баловъ, освѣщенія, отопленія, содержаніе прислуги, и все это покупалось такъ, что въ карманахъ его субальтерновъ оставалась значительная часть той суммы, которая ставилась пану на счетъ. Прислуги, чѣмъ было больше, тѣмъ это считалось сообразнѣе съ хорошимъ тономъ. Панская челядь отличалась повальною лѣнью и всегда отбивалась отъ дѣла; всякъ, кто чувствовалъ возможность ничего не дѣлать, бѣжалъ въ трактиръ, гдѣ пьянствовалъ съ подобною себѣ челядью изъ другихъ дворовъ, и тамъ происходили безпрестанно буйства и драки.

Находясь на сеймѣ, вельможи заботились о томъ, чтобы поддержать свою партію, раздавали пенсіоны менѣе богатымъ посламъ, которые составляли въ Избѣ громаду, не имѣвшую собственныхъ твердыхъ убѣжденій, готовую пристать къ той или другой сторонѣ, смотря по выгодамъ. Исключая знатныхъ, богатыхъ пановъ и немногихъ пословъ съ извѣстными убѣжденіями, всѣ остальные послы составляли такого рода толпу. Съѣхавшись въ Варшаву, они прежде всего думали какъ бы хорошо пожить, повеселиться; имѣнья ихъ не доставляли для этого удовлетворительныхъ средствъ, и вотъ они пополняли этотъ недостатокъ жалованьемъ и подачками отъ знатныхъ пановъ и чужеземныхъ посланниковъ. За это имъ приходилось говорить и поддерживать такое мнѣніе, какого держались ихъ благодѣтели. Наслажденіе было для нихъ цѣлью жизни, какимъ бы образомъ оно ни покупалось, чего бы оно ни стоило впослѣдствіи. Многіе послы прибывали съ семьями; ихъ жены, дочери, сестры требовали денегъ на наряды, балы и спектакли. Еще болѣе требовали денегъ любовницы. Вдобавокъ, въ Варшаву съѣзжалось множество обывателей, не принадлежавшихъ къ сейму и составлявшихъ публику, цѣнившую дѣйствія сейма, такъ-называемые арбитры, посѣщавшіе сеймовыя засѣданія. Ими очень дорожили послы; они были для нихъ все равно, что публика для актеровъ въ театрѣ. Эти арбитры также жили весело, роскошно, при-

глашали къ себѣ пословъ и были угощаемы послами. Празднества шли за празднествами, обѣды за обѣдами, балы за балами, и съ этимъ всегда соединялись политическіе виды; тутъ составлялись и поддерживались партіи, составлялись замыслы проводить такой или иной проектъ, или не дать пройти противнымъ проектамъ.

Роскошнѣйшій и расточительнѣйшій, высокомѣрнѣйшій и необузданнѣйшій изъ магнатовъ Карлъ Радзивиллъ, Panie Kochanku, божокъ всей Литвы, преклонявшейся передъ его остроуміемъ, когда онъ разсказывалъ о томъ, какъ онъ лазилъ по снурку на небо и пилъ кофей съ богородицею, приводилъ поляковъ въ благоговѣйное изумленіе своимъ хлѣбосольствомъ; балъ и ужинъ, данныя въ день св. Екатерины 1789 года, въ годовщину королевской коронаціи, сдѣлались у нихъ историческимъ событіемъ. Пригласительныхъ билетовъ роздано было четыре тысячи; король, сенаторы, послы, вся знать обоего пола тамъ участвовали. Балъ происходилъ въ огромной залѣ, гдѣ прежде устраивался театръ; король съ курляндской княгинею открылъ его. Въ боковыхъ покояхъ происходила игра. Ужинъ приготовленъ былъ въ трехъ большихъ залахъ, расположенныхъ анфиладою: тамъ черезъ всѣ эти три комнаты поставленъ былъ столъ, оказавшійся до того длиннымъ, что съ одного конца нельзя было различить человѣка на другомъ; кромѣ того, четыре боковыя залы заставлены были столами, а пятая назначена была для короля и знатнѣйшихъ дамъ. Стѣны дворца были обиты богатою камкою съ золотыми позументами и кистями. На столахъ блистало множество серебра филигранной работы; кубки, блюда, тарелки припоминали, какъ говорили, времена Ольгерда; до двухъ тысячъ восковыхъ свѣчъ въ богатыхъ старинныхъ подсвѣчникахъ освѣщали залу. Несмотря на огромные столы, гостей набралось такъ много, что третья часть удостоивалась насыщать себя панскою трапезою не иначе, какъ стоя у боковыхъ столовъ, густо уставленныхъ кабаньими головами, всякаго рода дичиною, заливными рыбами и т. п., и всевозможнѣйшими напитками. «Невозможно было,—говоритъ Охотскій—сосчитать выпитыхъ бутылокъ одного шампанскаго, разносимаго слугами, одѣтыми въ желтые атласные жупаны, а сверхъ ихъ въ голубые кунтуши: всѣ они были съ саблями, потому что всѣ были изъ шляхты. Самъ Радзивиллъ безпрестанно ходилъ между гостьми, одѣтый въ пунцовый жупанъ и сверхъ того въ гранатовый кунтушъ, рукоятка его карабели блистала большими бриліянтами, а за поясомъ у него были лосиныя перчатки: издавна велось въ обычаѣ, что каждый шляхтичъ долженъ былъ носить такія перчатки. Подбритая чуприна и большіе висячіе усы придавали Радзивиллу сарматскую наружность, какъ выражались

тогдашніе риторы. Хлѣбосольный вельможа безпрестанно обращался то къ тому, то къ другому: «Panie kochanku ничего не кушаете, и не пьете, какіе вы недобрые!» Чтобы угодить гостепріимному кутилѣ, гости спѣшили въ глазахъ его осушать кубки и кричали: «здоровье пана князя»!

Вожаки партій, паны-патріоты, блиставшіе на сеймѣ краснорѣчіемъ и вчинаніемъ дѣлъ: маршалъ Малаховскій, Казимиръ Сапѣга, братья Потоцкіе, Чарторыскіе, Огинскіе, дѣлали у себя постоянно шумныя собранія, чтобы расположить къ себѣ и привлечь пословъ и публику. У маршала Малаховскаго каждый вторникъ собирались послы и постороннія лица. На эти вторники не посылалось приглашеній; двери гостепріимнаго палацца были отворены всѣмъ безъ разбора, лишь бы только входящій былъ въ приличномъ видѣ. Гостей занимали музыкой, устраивались танцы, производилась игра. Передъ ужиномъ незнакомые обыкновенно расходились; ужинать оставались только знакомые. Казимиръ-Несторъ Сапѣга каждую недѣлю давалъ у себя обѣдъ и балъ. У гетманши Огинской каждый день, съ полудня до ночи, домъ былъ отворенъ для всѣхъ: приходили званые и незваные, обѣдали, послѣ обѣда танцовали или играли въ карты; княгиня не различала кто къ ней входилъ, всѣхъ одинаково радушно принимала. Три знатныя дамы, Ляндскоронская, вдова княгиня Радзивиллъ и княгиня Сангушкова въ своихъ палаццахъ давали балы для огромнаго числа публики, хотя не для всѣхъ безъ различія, какъ Огинская. Ляндскоронская славилась своимъ остроуміемъ и многостороннимъ воспитаніемъ; у ней всегда толпились иностранцы; здѣсь можно было услышать разомъ много языковъ, сюда приходили щеголять тѣ поляки, которые говорили со всякимъ иностранцемъ на его языкѣ также хорошо, какъ на природномъ. Домъ княгини Сангушковой, украшенный старинною красивою мебелью, персидскими коврами и рѣдкими картинами, славился превосходнымъ оркестромъ; здѣсь было сходбище молодыхъ людей обоего пола, мѣсто любовныхъ затѣй; свобода и непринужденность царствовали здѣсь вмѣстѣ съ изяществомъ обращенія. У вдовы Радзивиллъ собирались любители музыки. Ея двѣ дочери блистали красотой и любезностью и превосходно исполняли музыкальныя пьесы; имъ помогали братья и сама мать: все семейство было музыкальное. Княгиня Сапѣга, мать Казимира-Нестора, въ своемъ дворцѣ на Новомъ-Мѣстѣ, давала великолѣпные балы и домашніе спектакли. У примаса, королевскаго брата, каждую пятницу происходили собранія, называвшіяся cosetta, и всегда оканчивались роскошнымъ ужиномъ. У сестры короля, которая носила титулъ краковской госпожи (M-me

de Cracovie — Pani Krakowska) каждый понедѣльникъ давался обѣдъ, гдѣ былъ самъ король; послѣ обѣда начинались танцы, и домъ ея былъ открытъ для всѣхъ. Туда нарочно приходили всѣ тѣ, которые желали представиться королю или имѣть случай поговорить съ нимъ. Въ восемь часовъ всѣ разъѣзжались; гостямъ оставалось время поспѣть и на другія собранія. Виленскій епископъ Масальскій былъ одинъ изъ гостепріимнѣйшихъ вельможъ, но въ его домѣ происходила отчаянная игра. Самъ король дѣлалъ часто обѣды для пословъ; лѣтомъ онъ устраивалъ въ Лазенкахъ собранія съ танцами; съѣзжались гости въ полдень, завтракали въ саду, потомъ танцовали, затѣмъ обѣдъ и снова танцы; иностранные послы также давали у себя обѣды, балы и праздники. При всей нѣмецкой экономіи, прусскій посланникъ принужденъ былъ собирать и угощать у себя гостей въ надеждѣ вернуть въ сто разъ затраченное; но всѣхъ гостепріимнѣе были русскіе посланники, особенно Булгаковъ, умѣвшій въ высшей степени обворожить поляковъ роскошью, веселостью и радушіемъ. Въ моменты сильнаго раздраженія противъ Россіи посѣщать русскіе балы и обѣды считалось предосудительнымъ для патріотической партіи, но Булгаковъ умѣлъ ладить съ самыми восторженными противниками Россіи. Онъ избѣгалъ разговоровъ о политикѣ и, повидимому, заботился только объ общемъ удовольствіи. Трудно было пересчитать тѣ дома, которые другъ передъ другомъ хотѣли отличиться гостепріимствомъ. Всякій сколько-нибудь видный членъ сейма, всякій состоятельный обыватель, проживавшій въ Варшавѣ въ числѣ арбитровъ, непремѣнно давалъ въ теченіи года обѣды и балы и привлекалъ къ себѣ толпу гостей. Самый скромный праздникъ такого рода обходился не менѣе трехъ тысячъ червонцевъ. На любомъ панскомъ балѣ гостей бывало человѣкъ до восьми сотъ и болѣе. Изобиліе въ кушаньяхъ и питьяхъ, роскошь въ посудѣ, убранство покоевъ — доходили до крайнихъ предѣловъ; считалось нужнымъ, чтобъ не только всего доставало, но чтобъ какъ можно болѣе оставалось, такъ что дворецкіе и служители могли продавать остатки въ свою пользу.

Танцы у поляковъ слѣдовали непосредственно за обѣдомъ; такъ велось издавна и такъ еще соблюдалось въ это время; съ четырехъ часовъ начинался балъ и продолжался до десяти часовъ вечера, а иногда и до полуночи, и оканчивался ужиномъ. Въ огромныхъ серебряныхъ сосудахъ варились кофе и шеколадъ. Прислуга разносила это на серебряныхъ подносахъ, вмѣстѣ съ оржадомъ, лимонадомъ, плодами и всякими лакомствами; въ одной комнатѣ ставились батареи бутылокъ венгерскаго, шампанскаго

и другихъ винъ, и туда безпрестанно заглядывали охотники, и вино развязывало имъ языкъ для комплиментовъ или для политическихъ разговоровъ; хотя иностранные танцы и входили въ Польшѣ въ употребленіе, но полонезъ съ его величавостью и мазурка съ ея разнообразною прелестью господствовали въ пляшущемъ свѣтѣ. Иностранцы, видѣвшіе эти танцы, въ одинъ голосъ сознавались, что въ мірѣ нѣтъ и не можетъ быть ничего изящнѣе польскихъ танцевъ. Тогда въ модѣ было переодѣваться; каждый польскій танецъ требовалъ соотвѣтствующаго наряда, и потому знатные кавалеры и дамы являлись въ одномъ нарядѣ въ полонезѣ, въ другомъ въ мазуркѣ. Для полонеза мужчины надѣвали длинный кунтушъ съ откидными рукавами, дамы длинныя платья съ хвостомъ; напротивъ, для мазурки мужчина надѣвалъ такъ-называемую куртку (кафтанъ съ полами до бедръ), а женщина узкій корсетъ и короткую юбку. Въ тогдашнемъ высшемъ кругу лучшимъ мазуристомъ считался племянникъ короля, Іосифъ Понятовскій. Онъ былъ замѣчательно хорошо сложенъ, въ самой цвѣтущей порѣ жизни, съ большими блестящими глазами, съ густыми усами, придававшими ему воинственный видъ; узкіе панталоны такъ ловко обхватывали его ноги, что нельзя было замѣтить ни одной складки. Его куртка была расшита узорами и застегнута напереди частыми золотыми пуговицами вплоть до горла. Славу первой мазуристки своего времени пріобрѣла Юлія Потоцкая, жена Яна, извѣстнаго путешественника и археолога, писавшаго ученыя разысканія о скиѳахъ и сарматахъ. Въ то время, какъ супругъ плѣнялъ общество разсказами объ отдаленныхъ краяхъ земного шара, которые онъ посѣтилъ, жена плѣняла всѣхъ мазуркою. «Юлія — говоритъ одинъ очевидецъ—была воплощенная красота; когда въ мазуркѣ ея гибкое тѣло кружилось съ необычайной быстротой, едва прикасаясь землѣ; когда она изъ рукъ одного кавалера бросалась въ руки другого, вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько разъ оборачивалась, а потомъ возвращалась къ первому кавалеру, который обхватывалъ ее и съ быстротою молніи кружился съ нею въ вальсѣ; когда ея прелестная головка, какъ будто утомленная, лѣниво склонялась къ нему на плечо и дыша пыломъ наслажденія, слитаго съ легкою стыдливостью, опускалась на грудь, а глаза, встрѣчаясь съ глазами кавалера, какъ будто выражали одолѣвающую страсть..... зрители, сбившись въ кружокъ, затаивали дыханіе, жадно впивались въ нее глазами, и изъ стѣсненной груди невольно вырывалось восклицаніе: «Боже, какъ прекрасна Юлія!» Но не долго эта красавица очаровывала Варшаву. Ея жизнь кончилась вмѣстѣ съ польскими затѣями о возрожденіи отечества. Другая красавица плѣняла всѣхъ въ ме-

нуэтѣ съ Іосифомъ Бѣлинскимъ, какъ Юлія въ мазуркѣ съ Іосифомъ Понятовскимъ: то была Христина, дочь Игнатія Потоцкаго, молоденькая дѣвушка, рѣдкой красоты, прелести и ума: и она недолго пожила на свѣтѣ, и умерла дѣвицей. Кокетство польскихъ свѣтскихъ дамъ въ то время доходило до крайности: въ высшемъ кругу вошло въ моду одѣваться въ греческій костюмъ, нарушавшій скромность. То была тонкая, чуть не прозрачная туника, обыкновенно бѣлаго цвѣта, надѣваемая прямо на тѣло; всѣ формы тѣла ясно обрисовывались; ноги оставались обнаженными въ сандаліяхъ, а на пальцы ногъ надѣвались богатые перстни. Въ такомъ костюмѣ щеголихи являлись въ общество.

Изъ кавалеровъ славился также красотою и любезностью принцъ Виртембергскій, женатый на дочери Чарторыскаго, братъ великой княгини (будущей императрицы русской); онъ получилъ индигенатъ (право дворянства въ Польшѣ), всегда одѣвался по-польски, превосходно танцовалъ и ѣздилъ верхомъ; на балахъ и на улицахъ поляки, глядя на него, восклицали: «ахъ, какой молодецъ!»

Но всѣ эти лица прославились оттого только, что высоко были поставлены въ свѣтѣ; въ варшавскомъ обществѣ было много неуступавшихъ имъ мужчинъ и дамъ, когда приходилось отличиться въ танцахъ, верховой ѣздѣ и свѣтской любезности. Поляка и польку знатнаго круга воспитывали такъ, какъ будто танцы и веселость были главною цѣлью ихъ земной жизни. Французы и француженки, которымъ они были отданы подъ надзоръ, пріучали ихъ къ суетной и праздной жизни. Дѣвочкамъ матери рано вбивали въ голову кокетство, заставляли ихъ обращать вниманіе, какой нарядъ имъ больше къ лицу, какое положеніе тѣла красивѣе, какъ съумѣть понравиться мальчикамъ, ихъ ровесникамъ; въ десять или двѣнадцать лѣтъ онѣ уже перенимали всѣ пріемы, нужные для того, чтобы блистать въ свѣтѣ. Школою для нихъ были дѣтскіе балы, которые давались съ такою же обстановкою, какъ и балы для взрослыхъ: съ блистательнымъ освѣщеніемъ, съ роскошью угощенія. Взрослые пріѣзжали на дѣтскіе балы не только для того, чтобы посмотрѣть на дѣтей, но чтобъ и самимъ повеселиться; на этихъ дѣтскихъ балахъ франты потѣшали публику такими танцами, которые не принято было танцовать на обыкновенныхъ балахъ. Такъ, въ то время нѣкто панъ Стась Развалсовскій прославился въ Варшавѣ умѣньемъ танцовать казачка на дѣтскихъ балахъ.

Сравнивая характеръ свѣтскаго обращенія этого времени съ прежнимъ, можно было сразу замѣтить большое измѣненіе, касавшееся впрочемъ больше наружности. Прежде паны держали

себя надменно; въ ихъ гостепріимствѣ всегда слышалось высокомѣріе къ низшимъ себя; теперь современные французскіе пріемы начали входить въ общество; паны, побывавшіе не та́къ давно за-границею и хотѣвшіе показать, что они не отстаютъ отъ вѣка, начали изгонять изъ своихъ домовъ старинную чопорность; въ особенности отличались этимъ тѣ, которые говорили съ голоса французовъ о равенствѣ правъ человѣческихъ. У такихъ всякій, кто умѣлъ прилично держать себя, какого бы происхожденія онъ ни былъ, допускался въ домъ господъ уже не въ качествѣ полу-лакея, какъ бывало прежде: съ нимъ обращались, какъ и со всякимъ другимъ гостемъ. Въ такихъ домахъ не важной породы шляхтичъ садился за столъ рядомъ съ княземъ и даже осмѣливался танцовать съ дочерью вельможи, если чувствовалъ, что не ударитъ лицомъ въ грязь передъ другими. Свобода обращенія въ разговорахъ казалась даже странною иноземцамъ; иногда подымались живые споры, и если кому случалось иногда выходить изъ-себя за свои убѣжденія послѣ хорошаго пріема венгерскаго — все прощалось тому, особенно, если хозяинъ раздѣлялъ его убѣжденія. Панамъ нужны были партіи, поэтому, для того, чтобы привлечь къ себѣ пословъ и вліятельныхъ лицъ публики, они были снисходительны къ своимъ гостямъ. Иногда паны дѣлали обѣды не въ своемъ домѣ, а за-городомъ, особенно когда имѣли дѣло не съ лицами своей партіи. Нужно, напримѣръ, чтобы на слѣдующій день противные голоса не мѣшали проведенію какого-нибудь проекта; панъ пригласитъ человѣкъ двадцать или тридцать за-городъ на обѣдъ и нагрузитъ ихъ до того, что они на другой день дѣлаются неспособными и не являются въ засѣданіе; тутъ безъ нихъ подсунутъ проектъ, и онъ обращается въ законъ за отсутствіемъ оппозиціи. Такъ поступлено было въ дѣлѣ о староствахъ, какъ увидимъ впослѣдствіи.

Публичный театръ былъ явленіемъ недавнимъ въ Варшавѣ. Поляки, хотя и были охотники до театральныхъ представленій, но устроивали спектакли у себя въ домѣ. Это естественно мѣшало процвѣтанію публичнаго театра; тѣмъ не менѣе мало-помалу стало почитаться требованіемъ хорошаго тона, заглянуть, хотя разъ въ недѣлю, въ театръ; но это дѣлалось не столько ради любви къ искусству, сколько для показа нарядовъ. Самое зданіе, построенное на площади Красинскихъ, было красиво. Обстановка сцены по своему времени безукоризненна. Иностранцы находили, что во многихъ отношеніяхъ варшавскій театръ былъ выше другихъ европейскихъ, но сочувствія въ высшемъ обществѣ было такъ мало, что нерѣдко всѣ ложи были пусты. Кромѣ польскихъ пьесъ, въ которыхъ отличались талантливые ак-

теры, антрепренеръ Богуславскій, Витковскій, Овсинскій, Трускулавская, нѣсколько позже на варшавскомъ театрѣ давались италіянскія оперы. Но нельзя сказать, чтобы италіянская опера была очень хороша, притомъ же примадонны были не красивы, а это очень отталкивало публику въ такомъ царствѣ прекрасныхъ женщинъ, какимъ была Польша. Тизенгаузъ положилъ начало балету; онъ составилъ труппу изъ своихъ крѣпостныхъ, нанялъ французскаго балетмейстера Леду обучить ихъ, потомъ подарилъ королю, а король отпустилъ ихъ на волю; новая забава очень понравилась варшавской публикѣ. Но вообще знатное панство не очень горячо относилось къ публичнымъ представленіямъ, и предпочитало домашніе спектакли любителей. Юлія Потоцкая очаровывала всѣхъ также на сценѣ, какъ и въ мазуркѣ; кромѣ того, двѣ знатныя дамы, жена Северина Потоцкаго и жена Тышкевича, племянница короля, пріобрѣли славу своимъ драматическимъ талантомъ; но онѣ играли болѣе французскія пьесы. Достойно замѣчанія, что превосходная комедія Бомарше, «Свадьба Фигаро», была сыграна первый разъ варшавскими любителями: ее досталъ у автора князь Нассау, вступившій въ бракъ съ Масальскою и, наравнѣ съ природными поляками, расточавшій гостепріимство въ своемъ богато-убранномъ дворцѣ.

Кромѣ всѣхъ этихъ удовольствій, лѣтомъ происходили шумныя и многолюдныя гулянья въ Саксонскомъ саду и за городомъ, между прочимъ въ Виляновѣ. Эти гулянья имѣли политическое значеніе. Окончивъ засѣданіе, послы собирались тамъ толковать о своихъ дѣлахъ, встрѣчались со знакомыми и направляли ихъ на свою сторону, распространяя такимъ образомъ свои убѣжденія. Зимою два раза въ недѣлю бывали такъ-называемые редуты въ большой залѣ Радзивилловскаго палацца. Это были маскарады, открытые для всѣхъ съ платою нѣсколькихъ злотыхъ за входъ, и съ единственнымъ условіемъ оставлять при входѣ оружіе. Здѣсь царствовала чрезвычайная свобода. Знатныя дамы позволяли себѣ посѣщать эти собранія не иначе, какъ въ маскахъ, а безъ масокъ приходили туда только женщины сомнительной нравственности.

Самое распространенное послѣ танцевъ и самое гибельное по послѣдствіямъ удовольствіе въ Варшавѣ была карточная игра, и она-то чрезвычайно способствовала матеріальному разоренію и нравственному разстройству польскаго общества. Любимая игра того времени была такъ-называемый банкъ фараона. Играли вездѣ и въ частныхъ домахъ, и въ трактирахъ, и въ редутахъ, и знатные паны, и средней руки обыватели, и епископы, и прелаты, и евреи, и убогая шляхта, бравшая во всемъ примѣръ со своихъ божковъ; прекрасный полъ не отставалъ отъ мужчинъ и

часто побуждалъ къ игрѣ и заправлялъ ею. Десятки тысячъ червонцевъ переходили въ одно мгновеніе изъ рукъ въ руки; нерѣдко утромъ богатый, вечеромъ оставался безъ гроша и наоборотъ. Выигравшій не думалъ обогащаться, а спускалъ все на удовольствія также скоро, какъ и пріобрѣталъ; проигравшійся не унывалъ; если нельзя было ему угощать другихъ, то угощался самъ на чужой счетъ и не очень стѣснялся выборомъ средствъ поправить свое положеніе. Это была одна изъ причинъ, почему знатные паны и послы такъ легко могли быть подкупаемы иностранными министрами. Проигравшійся въ пухъ бѣжалъ къ Штакельбергу, Булгакову, Люккезини и продавалъ имъ свое законодательное право, чтобъ можно было еще на нѣсколько времени пуститься въ вихрь наслажденій.

Среди этой лихорадочной страсти къ удовольствіямъ, семейная нравственность въ столицѣ упала также низко, какъ и гражданская. На супружескій союзъ смотрѣли только, какъ на сдѣлку для взаимныхъ видовъ. Въ знатныхъ домахъ обыкновенно мужъ жилъ на одной половинѣ, жена на другой; панъ содержалъ трехъ, четырехъ любовницъ, пани имѣла разомъ трехъ, четырехъ любовниковъ. Все это дѣлалось почти явно, никто этимъ не соблазнялся. Ревность была качествомъ наименѣе роднымъ поляку; онъ склоненъ былъ выходить на поединокъ за малѣйшее слово, которымъ задѣнутъ его самолюбіе, но уважалъ женскую свободу, какъ свою, и рѣдко ополчался за нарушеніе своихъ супружескихъ правъ. «Между нашими великими панами — говоритъ современникъ (Китовичъ)—почти нѣтъ настоящихъ поляковъ, такихъ, которые бы дѣйствительно принадлежали тѣмъ, которыхъ считаютъ отцами. Все это дѣти танцмейстеровъ, фехтмейстеровъ, гувернеровъ, нерѣдко дѣти камердинеровъ и гайдуковъ».

При многолюдствѣ и разгулѣ въ Варшавѣ во время конституціоннаго сейма господствовала большая дороговизна. Необходимость усилить расходы заставила пановъ сбыть въ большомъ количествѣ свои произведенія за-границу по дешевой цѣнѣ; отъ этого въ краѣ сдѣлался недостатокъ, падавшій тяжелыми послѣдствіями на бѣдныхъ людей. Число нищихъ значительно увеличилось. Почти на всѣ потребности цѣны удвоились, а на иныя утроились. Даже дрова были дороги, несмотря на то, что Варшава окружена лѣсами. Обѣдъ въ ресторацiи нельзя было имѣть менѣе шести злотыхъ, что̀ составляло вдвое противъ прежнихъ цѣнъ и втрое противъ того, за сколько можно было имѣть обѣдъ въ Германіи. Наѣздъ пановъ изъ провинцій вздорожилъ квартиры до ужасающей степени. Лучшая отель въ то время была на Тлумацкой площади—гостинница «Бѣлаго Орла», чрезвычайно

дорогая; другая, уступавшая ей, но также приличная, считалась «Польская» на Сенаторской улицѣ. Всѣ прочія, кромѣ того, что были дороги, были еще и крайне грязны. Прислуга нанятая получала по червонцу въ день. Всѣ заграничные товары поднялись на 30% выше прежняго. За бутылку обыкновеннаго краснаго вина платили отъ 4-хъ до 8-ми злотыхъ. Дороговизна винъ была очень чувствительна для поляковъ, привыкшихъ потреблять ихъ въ нещадныхъ размѣрахъ. Это вздорожаніе происходило главнымъ образомъ оттого, что другъ и благодѣтель Польши — прусскій король налагалъ огромную пошлину на польскую торговлю.

Какъ скоро мы себѣ ясно представимъ образъ тогдашней варшавской жизни, гдѣ сеймовые послы играли тогда главную роль, станетъ понятно, отчего сеймовыя работы шли такъ вяло и поляки на каждомъ шагу оказывали неспособность подвигать великое дѣло спасенія и возрожденія отечества. Втянувшись въ пустоту забавъ, возненавидѣвъ трудъ, снявши съ себя строгость семейной чистоты, гоняясь за мимолетными удовольствіями и отдавая за нихъ совѣсть и честь, нельзя было вести дѣло иначе, какъ оно велось, нельзя было привести его къ иному концу, кромѣ такого, къ какому оно дошло. Послы не вникали въ дѣла, о которыхъ болтали; имъ приходилось составлять проекты безъ всякой подготовки и необходимыхъ знаній: не было времени ихъ обдумать и ясно изложить; другимъ приходилось читать эти проекты, имъ некогда было въ нихъ хорошенько вдуматься, оцѣнить и обсудить. Дѣлами законодательства и землестроенія приходилось заниматься за бутылками венгерскаго или на переѣздахъ съ обѣда на балъ, сидя въ коляскѣ и прерывая углубленіе въ государственныя дѣла мыслію о томъ, какъ бы сохранить свою фигуру поинтереснѣе для прохожихъ и проѣзжающихъ, или же въ бесѣдахъ съ дамами: случалось, посолъ, собиравшійся громить противный проектъ, прочтетъ свою демосѳеновскую филиппику дамѣ своего сердца; даму вовсе не занимаетъ такое не-дамское чтеніе; она ему говоритъ то, что̀ ей въ голову взбредетъ, а любезникъ дѣлаетъ поправки, сообразно дамскимъ замѣткамъ, и на другой день представляетъ это на сеймъ. Случалось и такъ, что посолъ приготовитъ проектъ, а тутъ его позовутъ обѣдать и расточаютъ ему знаки вниманія, а между тѣмъ направляютъ его къ противному; голова патріота наполняется винными парами, сердце умягчается отъ фразъ и лести, и патріотъ выходитъ совсѣмъ съ иными намѣреніями и взглядами. Бывало и такъ, что посолъ подаетъ голосъ, самъ не зная о чемъ идетъ дѣло; голова его не въ состояніи освободиться отъ похмѣлья; онъ смотритъ на другихъ и ему кажется,

что эти другіе за проектъ, тогда какъ эти другіе противъ проекта, и потомъ уже онъ разберетъ, что ошибался, и тутъ же перемѣняетъ свое мнѣніе. Штакельбергъ, слѣдившій за ходомъ засѣданій, не разъ отзывался, что сеймовая Изба походитъ на домъ умалишенныхъ. Охота блистать риторствомъ была неудержимая, но такъ какъ нужно было все-таки время для того чтобъ составить рѣчь и обдумать ее, а у пословъ за пирами, танцами и картами времени не было, то нѣкоторые заказывали писать рѣчи другимъ, обыкновенно монахамъ, и читали ихъ на сеймѣ съ бумажкою въ рукѣ. Съ однимъ такимъ ораторомъ произошла смѣшная сцена: ему за два червонца написалъ рѣчь піаръ; въ надеждѣ блеснуть краснорѣчіемъ, посолъ потребовалъ у маршала голоса, всталъ и произнесъ обращеніе: «Наияснѣйшій король и вы, почтенные чины Рѣчи-Посполитой», и вслѣдъ затѣмъ полѣзъ въ свой карманъ за рѣчью,—но рѣчи не оказалось; товарищъ, провѣдавши о его продѣлкѣ, утащилъ у него рѣчь изъ кармана. Цицеронъ сталъ втупикъ; поднялся всеобщій смѣхъ; но на счастье оратора вошли въ залу депутаты отъ городовъ и члены обратили на нихъ вниманіе; такимъ образомъ онъ избавился отъ дальнѣйшихъ насмѣшекъ.

Одною изъ особенностей сейма было безпрестанное учрежденіе коммиссій и депутацій; чуть только подастся проектъ о какомъ-нибудь головоломномъ дѣлѣ, члены, чтобы избавить себя отъ труда, поболтавши о немъ нѣсколько времени, назначали коммиссію для разсмотрѣнія его, и дѣло откладывалось въ долгій ящикъ. Такимъ образомъ въ то время наплодилось такое множество коммиссій, что сама Изба потеряла имъ счетъ.

Всегда почти сеймовая Изба наполнена была арбитрами, которые шумѣли, апплодировали, шикали и вообще оказывали вліяніе на ходъ дѣла. Только тѣ засѣданія, гдѣ разсуждали о сношеніяхъ съ иностранными государями, отправлялись безъ арбитровъ; но и то, что́ говорилось тамъ, не составляло впослѣдствіи тайны для публики, которая слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ дѣлъ сейма. Въ особенности вопросы о томъ: должно ли быть въ Польшѣ избирательное или наслѣдственное правленіе, должна ли законодательная власть по прежнему находиться исключительно въ шляхетскомъ сословіи,—занимали умы. Появилось множество брошюръ и въ консервативномъ и прогрессивномъ духѣ. Образцикомъ прогрессивной публицистики того времени могутъ служить сочиненія Сташица, того самаго, который въ 1785 г. написалъ «Размышленія о Замойскомъ». Это былъ писатель, чуть ли не единственный въ свое время, происходящій не изъ шляхетскаго, а изъ мѣщанскаго зва-

нія и потому болѣе, чѣмъ всякій другой, способный выступить съ духомъ, противнымъ старо-шляхетской исключительности. Въ 1790 г. онъ напечаталъ «Предостереженіе Польшѣ» (Przestrogi dla Polski). Изложивъ ученіе о правахъ человѣка и объ основахъ человѣческихъ обществъ по Жанъ-Жаку Руссо, онъ, переходя къ Польшѣ, обращаетъ вниманіе преимущественно на экономическое состояніе страны, совѣтуетъ отдать въ потомственное пользованіе, за установленную годичную плату, староства, столовыя королевскія имѣнія и имѣнія духовныхъ, замѣнивъ доходы короля и духовенства жалованьемъ изъ казны. Для правильной оцѣнки этихъ имѣній онъ предлагаетъ принимать количество производимаго хлѣба и думаетъ, что такимъ образомъ можно установить на вѣчныя времена правильный налогъ: авторъ забываетъ, что и самая земля отъ лучшей обработки можетъ давать болѣе, отъ худшей менѣе. Въ шляхетскихъ имѣніяхъ онъ совѣтуетъ уничтожить паньщину, даровать крестьянамъ не только личную свободу, но и грунты ихъ, съ опредѣленнымъ платежомъ панамъ, а тамъ, гдѣ найдутъ удобнымъ замѣнить платежъ работою, установить правила для такихъ работъ, съ тѣмъ, чтобы крестьянинъ былъ огражденъ отъ произвольнаго принужденія къ работѣ. Онъ требуетъ также уничтоженія, такъ-называемыхъ, женскихъ имѣній, хочетъ совершеннаго равенства въ имущественныхъ правахъ между мужчинами и женщинами, называетъ неравный раздѣлъ между братьями и сестрами варварскимъ обычаемъ, требуетъ также, чтобы жена владѣла своимъ имѣніемъ независимо отъ мужа. Сташицъ вовсе не сторонникъ монархическаго правленія, онъ считаетъ его зломъ, слѣдствіемъ человѣческой неразвитости, но сознаетъ его необходимость до времени и потому требуетъ для Польши наслѣдственной монархіи, ограниченной прочной конституціей, съ тѣмъ, чтобы къ законодательству были допущены, вмѣстѣ съ шляхетствомъ, и мѣщане. Съ большимъ чувствомъ и жаромъ заступается онъ за польскаго крестьянина. «Предъ моими глазами—говорилъ онъ—пять частей польскаго народа; вижу милліоны несчастныхъ твореній, полунагіе, прикрытые шкурами и жесткими сермягами, высохшіе, обросшіе, корявые, закоптѣлые, со впалыми глазами, безпрестанно задыхающіеся, угрюмые, одурѣлые, оглупѣлые; они мало чувствують, мало думають—едва можно въ нихъ подмѣтить разумную душу. По наружному виду это болѣе животныя, чѣмъ люди. Хлѣбъ съ мякиной ихъ обыкновенная пища, а впродолженіе четверти года одно зелье; пьютъ они воду, да жгучую водку, живутъ въ землянкѣ, или въ хижинѣ, чуть-чуть не вравнѣ съ землею; солнце туда не проникаетъ; смрадъ и дымъ тамъ ду-

шать человѣка и нерѣдко убиваютъ его до смерти въ маломъ возрастѣ. Изнуренный дневнымъ трудомъ, хозяинъ вмѣстѣ съ своими нагими ребятишками спитъ на гнилой соломѣ, на томъ самомъ логовищѣ, на которомъ стоитъ его корова со своимъ теленкомъ и лежитъ свинья со своими поросятами. Вотъ, добрые поляки, какъ роскошествуетъ та часть вашего народа, отъ которой зависитъ судьба Рѣчи-Посполитой! Вотъ, что̀ такое человѣкъ, который васъ кормитъ!... Привычка заглушила въ вашемъ сердцѣ врожденное чувство состраданія; воспитаніе сдѣлало васъ тиранами; вы отняли у равнаго вамъ человѣка землю и права, и не помышляете объ этомъ и не чувствуете этого. 5,200,000 рабовъ въ вашемъ краѣ: мнѣ стыдно становится, когда я подумаю, что я полякъ. И такая жестокость посреди христіанства, а вы вѣрите, что есть Богъ, и каждый день васъ убѣждаетъ въ томъ что придетъ смерть. Религія васъ учитъ, что вы предстанете на судъ божій. Вы продаете людей, какъ скотъ, промѣниваете, какъ коровъ. Тираны, богохульцы, вы не боитесь, что наконецъ переполняется мѣра беззаконій вашихъ! Долго терпѣло небо, разгнѣвается Богъ и повергнетъ васъ въ самое тяжкое рабство. И теперь уже, для приведенія васъ въ память, Онъ попустилъ суровой рукѣ деспотовъ налечь на васъ. Ни нравственное ученіе, ни религія уже не въ силахъ возбудить въ васъ любви къ ближнему, и потому онъ приводитъ васъ къ ней грозою иноземнаго могущества.» Касаясь польскаго духовенства, Сташицъ говоритъ: «Нѣтъ,—поругатели, а не учители вѣры Христовой, всѣ священники, которые говорятъ вамъ, что, будучи безчестными и жестокими, вы имѣете возможность соединиться съ Богомъ и содѣлаться участниками милостей Его, Бога, умершаго изъ любви къ человѣку. Искренно говорю вамъ: если Богъ справедливъ, то предъ очами Его не можетъ быть большей мерзости, какъ ваша мерзость!»

Н. Костомаровъ.

БИРЖЕВОЙ ОЛИМПЪ

и

АКЦІОНЕРНАЯ МИѲОЛОГІЯ.

Histoire du Crédit Mobilier. 1852—1867. Par M. Aycard. Paris, 1867.
La spéculation devant les tribunaux. Pratique et théorie de l'agiotage. Par Georges Duchêne. Paris, 1867.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

Вредъ биржевой игры возрастаетъ до колоссальныхъ размѣровъ, когда предметомъ ея становятся не бумаги, а дѣйствительныя промышленныя предпріятія, какъ напримѣръ, желѣзныя дороги. Тутъ биржевая игра, какъ мы уже замѣтили, является простымъ обманомъ, которому служитъ прикрытіемъ то или другое полезное общественное предпріятіе.

Для раскрытія этого обмана обратимся опять къ самой вершинѣ биржевого Олимпа, а именно къ Парижу. Тамъ это дѣлается по слѣдующему рецепту. Спекулянты, захвативъ мысль (иногда они же и авторы мысли, но рѣдко; это не ихъ спеціальность: они не сѣятели, а жнецы на чужомъ полѣ), начинаютъ въ смыслѣ ея агитацію въ своихъ газетахъ. Мы уже видѣли, что въ Парижѣ газеты, существующія на акціяхъ и живущія объявленіями, принадлежатъ денежной аристократіи. Спекулянты такъ сильны этими газетами, что могутъ убѣдить публику и въ нелѣпомъ предпріятіи. Но, положимъ, мысль въ са-

---

*) См. выше: янв. 209—248 стр.

момъ дѣлѣ хороша; напримѣръ, рѣчь идетъ о проведеніи желѣзной дороги въ мѣстности, которой этотъ путь такъ нуженъ, что постройка его легко вознаградится и обѣщаетъ большой доходъ; или объ учрежденіи такого банка, который помогалъ бы спеціально общественнымъ работамъ, и вмѣстѣ представлялъ бы такія удобства помѣщенія въ немъ временно капиталовъ, отлагаемыхъ для чего либо до срока, что его билеты могли бы замѣнить деньги, принося ежедневный доходъ, такъ что всѣ капиталы, лежащіе безъ употребленія мѣсяцъ или недѣлю, стекались бы въ этомъ банкѣ, получая въ немъ доходъ и принося ему барышъ. Понятно, что когда газеты, принадлежащія спекулянтамъ, начнутъ агитацію въ смыслѣ мысли дѣльной, то и вся пресса скоро пристанетъ къ нимъ.

Но этого мало; спекулянты ищутъ еще болѣе широкой гласности: они издаютъ брошюры, наводняютъ страну афишами, такъ-называемыми prospectus, пишутъ о своемъ предпріятіи въ провинціи, даже обращаются съ циркулярами къ сельскимъ священникамъ, чтобы вспахать всю страну, до самой глуши, для принятія своей мысли.

Когда все это сдѣлано, спекулянты «основатели предпріятія» получаютъ концессію или привилегію, при чемъ они опираются передъ правительствомъ на сознанную обществомъ потребность, на важность самого дѣла, а общество прибираютъ въ свои руки посредствомъ повозможности деспотическихъ условій, къ которымъ они склоняютъ правительство чрезъ свои связи. Къ сожалѣнію, особой главы «о связяхъ спекулянтовъ и ихъ вліяніи», главы, для которой можно было бы найти интересные матерьялы въ промышленной исторіи не одной Франціи, но напр. хотя бы въ исторіи нашихъ желѣзныхъ дорогъ (Главное общество, коммерческое агентство и контрактъ съ американцами на николаевской дорогѣ)—мы написать не можемъ, по самой сущности этой матеріи, которая, даже при имѣніи на лицо матерьяльныхъ доказательствъ (что уже очень трудно), сама собою внушаетъ скромность.

Но читателямъ не безъизвѣстно, какъ говорятъ рекламы, что связи у большихъ спекулянтовъ бываютъ большія. О роли, какую играетъ денежная феодальность во французскомъ обществѣ мы уже говорили.

Выгодная концессія или привилегія получена. Надо составить компанію на паяхъ или акціяхъ и затѣмъ приняться за *дѣло*. Но дѣло для спекулянтовъ, основателей предпріятія, вовсе не въ самомъ предпріятіи. Предпріятіе интересуетъ ихъ только въ томъ смыслѣ, что они могутъ эксплуатировать *его по-*

становку. Затѣмъ, дѣло будутъ дѣлать другіе. Кто? Кто хочетъ! Кому есть охота работать по-муравьиному, а не летать по орлиному надъ презрѣннымъ человѣчествомъ,—этой же толпою, которая желаетъ быть вѣчно эксплуатируемою, битою за тѣ тарелки, которыя она моетъ и на которыхъ ѣдятъ, которыя бьютъ другіе. Кто-нибудь да возьмется же за дѣло, когда оно будетъ высосано геніальными паразитами. Во всякомъ случаѣ, возьмутся за него тѣ, кого они втянули въ предпріятіе, кто въ конечномъ результатѣ останется владѣльцемъ акцій. Эти муравьи, эта толпа купила акціи съ огромною преміею, такъ что даже если предпріятіе и можетъ впослѣдствіи приносить большой доходъ, онъ будетъ все-таки умѣреннымъ, обыкновеннымъ процентомъ для нихъ. А премія осталась въ карманахъ спекулянтовъ, которые *поставили дѣло*, то-есть продали акціи, и нажились на поставкахъ, на подрядахъ по тому же дѣлу. Положимъ, вы купили акціи Сѣверной желѣзной дороги въ то время, когда вся Франція бросалась на нихъ, когда онѣ стоили до 1,000 франковъ. Допустимъ преувеличенный дивидендъ, дивидендъ въ 15% [1]). Но что для васъ дивидендъ въ 60 франковъ? На вашъ капиталъ это — 6%. А Ротшильдъ, Готтингеръ, Лафиттъ и Блоунтъ, основатели предпріятія, нажили на постановкѣ этого предпріятія милліоны и затѣмъ оставили его вамъ и вамъ подобнымъ.

Положимъ, вы заплатили за акціи Движимаго кредита четверную ихъ цѣну [2]) и получали потомъ дивиденды по 100 франковъ, т. е. въ 20% [3]). Но и это представляло все-таки не болѣе, какъ 5% на вашъ капиталъ; а Перейры нажили на Движимомъ кредитѣ десятки милліоновъ и ушли, оставивъ его вамъ и вамъ подобнымъ.

Дѣло въ томъ, что Ротшильды, Готтингеръ, Блоунтъ, Лафиттъ, Перейры вовсе и не думали навсегда остаться предпринимателями. Основатели Сѣверной дороги обязывались только составить компанію на акціяхъ для устройства и пользованія желѣзною дорогою, и вовсе не обязывались сами построить ее и управлять ею навсегда. Основатели Движимаго кредита вовсе не думали обратить свое предпріятіе въ солидный, вѣковой банкъ, который бы доставлялъ имъ умѣренный процентъ, какъ все солидное и добросовѣстное: положеніе дѣлъ этого общества во

---

[1]) Съ оплаченной 400 франковъ акціи.

[2]) Онѣ доходили до 2,200 фр. Номинальная цѣна акцій, какъ Сѣверной дороги, такъ и Движимаго кредита, 500 фр.

[3]) Это было въ хорошіе года; потомъ дивидендъ былъ и въ 5% и наконецъ дѣло пало, какъ будетъ разсказано ниже.

время его паденія, когда Перейры и другіе равные имъ бросили его, показываетъ, что они скорѣе напротивъ именно имѣли въ виду паденіе общества и дѣйствовали такъ, что оно не могло не пасть.

Итакъ, выгода основателей и администраторовъ не все-равно, что выгода акціонеровъ, по большей части — совсѣмъ наоборотъ. И когда г. Мартенъ или Дюпонъ, или Семеновъ съ Ивановымъ берутъ акціи, благодаря звучности именъ основателей предпріятія, а потомъ покорно молчатъ въ общихъ собраніяхъ, полагаясь на администраторовъ — «они-де самые крупные акціонеры, стало быть наши интересы и ихъ интересы одни и тѣже», — то гг. Мартенъ, Дюпонъ, Семеновъ и Ивановъ, ихъ же имя Легіонъ, жестоко ошибаются. Основатели и администраторы такъ же солидарны съ ними, какъ солидаренъ поваръ съ курицей, которую онъ покупаетъ: интересъ его въ самомъ дѣлѣ требуетъ, чтобы она была жирна; но солидарность для курицы прекращается въ то время, когда ее кладутъ въ супъ.

Спекулянтъ-банкиръ видитъ въ промышленномъ предпріятіи только свой товаръ и относится къ нему такъ, чтобы произвесть ему какъ можно болѣе выгодный для себя *учетъ*. Онъ учитываетъ впередъ всѣ его благопріятные шансы. Вся будущность концессіи, которая дана на 40, на 90 лѣтъ, учитывается основателемъ банкиромъ-спекулянтомъ. Всю эту будущность онъ положитъ себѣ въ карманъ при самой постановкѣ дѣла, въ видѣ преміи на акціи и въ видѣ займовъ. Онъ возьметъ съ предпріятія лажъ, и затѣмъ оно останется въ рукахъ акціонеровъ, которые или лопнутъ, или должны будутъ прибѣгнуть къ снисходительности правительства, просить отсрочки или добавочной гарантіи, или продленія концессіи. Эта премія, поглощающая впередъ выгоду десятковъ лѣтъ, этотъ учетъ будущности сдѣлали предпріятіе невыгоднымъ, поставили его въ условія невозможныя для тѣхъ, кому придется дѣлать самое дѣло. «Учетъ коммерческихъ цѣнностей» — говоритъ одинъ изъ нашихъ авторовъ, — «это барышъ добываемый отъ затрудненія настоящей минуты; но учетъ долговременныхъ работъ, это — гибель будущаго». И вотъ, правительство даетъ отсрочку, продляетъ концессію. Что же? Каждое такое снисхожденіе въ свою очередь обращается въ предметъ спекуляціи, учитывается впередъ тѣми администраторами, которымъ оно дается; а будущее остается все-таки гибельнымъ или по меньшей мѣрѣ стѣсненнымъ. Вся эта премія, эта громадная разность уносимая основателями и администраторами, не прибавляетъ ни на волосъ къ работамъ или къ матерьяльному обзаведенію предпріятія.

Итакъ, основатели-предприниматели вскипятятъ дѣло, сольютъ съ него «самый цвѣтъ», или «снимутъ съ него пѣнку», и потомъ оставятъ расхлебывать его тѣмъ, кто купилъ кострюлю. Это и есть то, что называется *ажіотажемъ въ промышленности;* ажіотеры по этой части такъ и называются во Франціи «кипятители» или «пѣньщики» (écumeurs). Ясно, что ажіотажъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ и общественныхъ работахъ еще гораздо вреднѣе, чѣмъ сама биржевая игра. Хуже всего, что оба эти ажіотажа соединяются, такъ что на биржѣ происходитъ игра на запродажу товаровъ, а акціи промышленныхъ обществъ и особенно желѣзныхъ дорогъ служатъ предметами для биржевой игры.

Настоящая характеристика составлена, конечно по французскимъ оригиналамъ; нѣтъ сомнѣнія, что въ странахъ, гдѣ промышленность и духъ спекуляціи развиты менѣе чѣмъ во Франціи и гдѣ этотъ духъ не поддерживается самою политическою системою,— изложенныя черты не всѣ могутъ быть принимаемы за общія правила. Громадное развитіе собственно биржевой игры составляетъ спеціальность Парижа. Но нѣчто подобное промышленному ажіотажу есть вездѣ; и у насъ положено также не малое начало такимъ порядкамъ, и у насъ замѣчается большая склонность къ такому ажіотажу; достаточно вспомнить краткую исторію большинства нашихъ акціонерныхъ компаній и уяснить себѣ коечто изъ исторіи нашихъ желѣзныхъ дорогъ, — которыя у насъ, какъ и вездѣ, служатъ главною приманкою для спекуляціи и доставляютъ ажіотажу всякаго рода наиболѣе выгодныхъ случаевъ. У насъ только дѣла ведутся погрубѣе, по-патріархальнѣе; за то и дѣла нашихъ спекулянтовъ мельче.

Мы съ намѣреніемъ привели выше въ примѣръ акціи двухъ важныхъ, можно сказать самыхъ важныхъ промышленныхъ предпріятій во Франціи въ новѣйшее время: Сѣверной дороги и Движимаго кредита. Эти предпріятія разнородны, и каждое изъ нихъ представляетъ цѣлую группу тѣхъ дѣлъ, на которыя особенно кинулся ажіотажъ, которыя онъ, можно сказать, проѣлъ насквозь: предпріятія желѣзныхъ дорогъ и предпріятія кредитныя. Ихъ примѣры объяснятъ намъ на практикѣ весь механизмъ и результаты промышленнаго ажіотажа, смѣшаннаго съ биржевою игрою навѣрняка или почти навѣрняка.

Желѣзно-дорожное дѣло находится у насъ еще въ самомъ началѣ періода частной предпріимчивости. Вотъ почему особенно поучительно изучить, во что грозитъ обратить это дѣло спекуляція. Исторію Движимаго кредита мы разскажемъ съ особенною подробностью, какъ потому, что оно представляетъ самый новѣйшій и вмѣстѣ самый краснорѣчивый примѣръ кредит-

ной спекуляціи въ Парижѣ, настоящій и спеціяльный продуктъ второй имперіи, съ которой это общество было солидарно,— такъ потому, что и у насъ устройство частныхъ банковъ стоитъ на очереди.

Сѣверная линія (Chemin de fer du Nord) была уступлена банкирамъ, которыхъ мы назвали выше, въ 1845 году, на 38 лѣтъ [1]). Общество обязывалось окончить начатыя работы на свой счетъ, возвратить казнѣ издержки, уже произведенныя государствомъ, наконецъ, поставить достаточное матерьяльное обзаведеніе для эксплуатаціи. Общество тотчасъ же составило компанію на акціяхъ, съ капиталомъ въ 200 милліоновъ, составленнымъ изъ 400 тысячъ акцій, по номинальной цѣнѣ — 500 франковъ. Основатели взяли:

Ротшильды	102,000	акцій
Лафиттъ, Блоунтъ и К°	78,000	—
Готтингеръ	22,485	—
Всего .	202,485	акцій.

Компанія получила въ дѣйствительности готовую дорогу, которой постройка обошлась казнѣ въ 142 милліона фр. Потребовалось три года, чтобы привесть ее въ готовность для эксплуатаціи. Для пользованія ею оставалось всего 35 лѣтъ. Въ теченіи этого времени прежде всего слѣдовало погасить капиталъ въ 142 милліона съ процентами. Итакъ, съ самаго начала дѣло было поставлено въ условія невозможныя. Почему же это было сдѣлано? А потому именно, что учредителямъ вовсе не было дѣла до того, ка̀къ пойдетъ эта дорога и что̀ доставитъ ея эксплуатація: имъ нужно было только вырвать концессію для себя, хотя бы посредствомъ крайней, невозможной уступки, воспользоваться популярностью, которую именно тогда начинали пріобрѣтать желѣзныя дороги во Франціи, продать акціи съ преміею—и потомъ быть въ сторонѣ отъ хода самаго дѣла.

Учредители, разумѣется, сбыли свои акціи. Они внесли за акціи только по 400 франковъ [2]), а акціи эти разошлись, т. е. были куплены по столь высокимъ курсамъ, что вмѣсто 160 милліоновъ дѣйствительно внесенныхъ учредителями, онѣ

---

[1]) Три побочныя вѣтви были отданы особымъ компаніямъ, которыя потомъ слились съ главною, съ компаніею дороги.

[2]) Номинальная цѣна была 500 р. Но акціи были оплачены не вдругъ, а декретъ 1852 года, выговоривъ уступки въ пользу правительства, призналъ достаточнымъ внесеніе 400 фр. всего, для полной оплаты акціи.

доставили учредителямъ 340 милл. франковъ. Итакъ, съ предпріятія, которое еще не сдѣлало ни шагу впередъ, была взята въ пользу банкировъ, безъ всякой пользы для самаго дѣла, чистая премія въ 180 милліоновъ франковъ. Сверхъ того, на немъ лежало погашеніе капитала затраченнаго казною. Вотъ эти 180 милліоновъ, взятые съ предпріятія учредителями даромъ, и составляютъ тотъ лажъ, который разоряетъ промышленность, обогащая банкировъ - спекулянтовъ. Такъ - то желѣзно - дорожное дѣло уже очень скоро послѣ своего начала во Франціи, именно въ 1847 году [1]), было испорчено и потеряло популярность. Такимъ образомъ, произошолъ тотъ странный фактъ, что по мѣрѣ того, какъ на Сѣверной дорогѣ эксплуатація линіи развивалась, и стало быть приближался моментъ поступленія дѣйствительнаго дохода, дохода съ самаго предпріятія,—акціи его падали. Онѣ стояли 860 фр. въ 1845 году, а въ 1847 году уже только 497 фр. Онѣ значительно поднялись только въ 1851 году, вслѣдствіе ожиданія слитія побочныхъ линій съ главною.

Декреты 1852 года составили новую эпоху въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ во Франціи. Они продлили привилегіи, которымъ первоначальный срокъ былъ 38—45 лѣтъ, еще на 99 лѣтъ, считая для Сѣверной дороги съ 1848 года, т. е. до 1947 года. Вслѣдствіе такой мѣры, составлявшей добровольное отреченіе государства отъ права пользованія дорогою еще почти на двѣ трети первоначальнаго срока, акціи Сѣверной дороги, стоявшія въ концѣ 1852 года, уже подъ вліяніемъ благопріятныхъ ожиданій, по 575 фр., вдругъ поднялись, въ первые мѣсяцы 1853 года, до 975 фр. Итакъ, публика, въ лицѣ новыхъ покупателей акцій переплачивала компаніи новую премію въ 280 милл. франковъ. Въ 1854 году, когда будущность такимъ образомъ подверглась новому учету, акціи Сѣверной дороги упали опять до 680 фр.

Но взиманіе такого лажа, или премій еще не составляетъ всей поживы, какою спекуляція пользуется съ желѣзно-дорожнаго дѣла. Затѣмъ, идутъ покупка земель подъ линію, подряды чрезъ нѣсколько рукъ по устройству полотна, по подвижному составу и т. д. Далѣе, спекуляція хватается за слитіе линій, выпускъ облигацій, удвоеніе капитала, присоединеніемъ къ каждой ста-

---

[1]) Начало можно считать съ декрета 1842 года. Въ 1846 году, во Франціи было готово всего 986 километровъ готовыхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ Германіи въ то время было 3,250; въ Англіи 3,400; въ Соедин. Штатахъ 8,500 километровъ (километръ= 0,937 версты). Въ январѣ 1867 года во Франціи было въ эксплуатаціи 14,506 километровъ (Annuaire de l'Econ. pol. 1867).

рой акціи одной новой, за раздачу преувеличенныхъ дивидендовъ насчетъ капитала, для того, чтобы искусственно поднять курсъ акцій и потомъ сбыть ихъ, а когда онѣ спадутъ, купить ихъ снова, для новой спекуляціи. Наконецъ, подвергается учету всякая помощь, всякая гарантія или снисхожденіе, какое компаніи удастся выхлопотать у правительства: все это служитъ предметомъ игры навѣрняка, ажіотажа, все это ложится тяжкимъ бременемъ на самое предпріятіе.

На огромномъ протяженіи производятся тяжелыя земляныя работы; выростаютъ насыпи, пробиваются тоннели; цѣлые лѣса дубовъ тащатъ къ насыпямъ и бросаютъ ихъ въ видѣ безконечной горизонтальной лѣстницы поперечинъ; кладутъ два пути рельсовъ; наконецъ готовъ подвижной составъ, и дорога приходитъ въ дѣйствіе.

Смотрите: поѣзды снуютъ въ обоихъ направленіяхъ, смотрите, съ какой заботливостью вѣсятъ на вѣсахъ всѣхъ этихъ станцій грузы товаровъ; съ какой хлопотливой тщательностью у каждаго вагона кондукторъ отбираетъ билеты, оберъ-кондукторъ повѣряетъ кондукторовъ, кассиръ повѣряетъ начальника поѣзда, контролеры повѣряютъ кассировъ: какъ бы одинъ человѣкъ не проскользнулъ даромъ, какъ бы лишній пудъ товара не проѣхалъ неоплаченный въ пользу предпріятія.

Для чего работаютъ всѣ эти массы людей, для чего ходятъ эти поѣзды? Для самаго дѣла? Для того, чтобы оно развивалось, улучшалось, удешевляло свои тарифы, приносило пользу странѣ? Нѣтъ; для того, чтобы все это служило предлогомъ, кулиссою для спекуляціи, которая сама не производитъ ничего. Для тѣхъ, кто наживетъ наиболѣе денегъ со всего этого—желѣзная дорога хоть бы и не существовала; пусть бы вмѣсто нея была просто столь искусно поддѣланная колода картъ, что ею бы можно играть съ полной безопасностью. Контролируйте каждый билетъ въ четвертакъ, съ котораго и доходу-то всего одна копѣйка. А спекулянты возьмутъ разъ 45 милліоновъ рублей, да другой разъ 70 милліоновъ рублей, съ тѣхъ, кто разсчитываетъ на эти копѣйки, да еще возьмутъ съ тѣхъ полуторную или двойную цѣну за всѣ поставки, да навалятъ на нихъ неоплатный долгъ. А тамъ, пусть акціонеры дѣлаютъ, что знаютъ. Отчего и имъ не попросить снисхожденія у правительства въ свою очередь?

Да, но какъ же акціонеры позволяютъ обирать себя такимъ образомъ? Зачѣмъ, во-первыхъ, они покупаютъ акціи по безумному курсу; во-вторыхъ — зачѣмъ терпятъ такое высасываніе своего дѣла тѣми господами, которые какъ только увидятъ, что въ предпріятіи явился шансъ, которымъ можно воспользоваться, — тот-

часъ явятся въ немъ, высосутъ этотъ шансъ и убѣгутъ, до новаго подобнаго свиданія?

Зачѣмъ покупаютъ по безумнымъ цѣнамъ? На это отвѣчать легко: большинство покупаетъ акціи не для того, чтобы держать ихъ, а чтобы взять на нихъ премію; акціи повышаются — надо купить сегодня и продать завтра съ выгодою. Остаются же акціи, при паденіи, въ рукахъ тѣхъ, кто поограниченнѣе, или неопытнѣе. Ловкіе въ игрѣ обдѣлываютъ неловкихъ; вотъ и все.

Такимъ образомъ, большинство акціонеровъ остаются акціонерами противъ своей воли и остаются только временно. Вотъ этимъ и объясняется отчасти та апатія акціонеровъ къ отчетамъ и предложеніямъ администраторовъ, которая представляетъ дѣйствительно монументальныя свидѣтельства о глупости девятнадцатаго вѣка. Акціонеры сами — сообщники игры; любую мѣру, если только она соединена съ выдачею высокаго дивиденда или съ шансомъ повышенія акцій, они вотируютъ съ восторгомъ, потому что намѣреваются сами учесть этотъ шансъ въ свою пользу, продавъ акціи. Но игроки мелкіе, не знающіе подтасовки картъ, они, конечно, и проигрываютъ игрокамъ крупнымъ, тѣмъ, кто карты тасуетъ.

Кромѣ естественной апатіи игроковъ къ ходу самаго предпріятія, на которомъ они играютъ, крупные игроки, администраторы пользуются еще и особою тактикою для узаконенія своихъ дѣйствій общими собраніями акціонеровъ. Они не только подтасовываютъ карты предпріятія, они подтасовываютъ и общія собранія.

Право голоса въ собраніяхъ акціонеровъ, какъ извѣстно, обусловливается опредѣленнымъ количествомъ акцій. Большее число акцій даетъ право на нѣсколько голосовъ, хотя и не пропорціонально цензу. Администраторы, желающіе прикрыть планы положенія дѣлъ и вредныя свои дѣйствія, раздаютъ требуемое цензомъ количество акцій своимъ пріятелямъ и служащимъ въ конторахъ управленія. Подтасованному такимъ образомъ собранію читаютъ отчетъ, составленный въ самыхъ общихъ и темныхъ выраженіяхъ [1]. За тѣмъ, малѣйшее возраженіе со стороны серьезнаго акціонера принимается администраторами какъ личная для нихъ обида, какъ оскорбительное подозрѣніе. Прикащики показываютъ видъ, что они обижаются, когда хозяева хотятъ приняться за счеты. Это — самый употребительный пріемъ. За нимъ вся масса мнимыхъ акціонеровъ, вся эта челядь, приведенная

[1]) Этимъ, какъ увидимъ далѣе, особенно отличался «Движимый кредитъ».

администраторами-кулаками, начинаетъ шумѣть и заглушаетъ нескромное требованіе.

Когда все прочтено и предложено, тогда эта челядь начинаетъ вотировать, машинальнымъ способомъ, все: и утвержденіе счетовъ, и избраніе своихъ же, или постороннихъ, но идіотовъ [1]), въ наблюдательный комитетъ, и благодарность, и вторичное избраніе въ директоры, и выпускъ новыхъ облигацій и даже иногда — не выдачу дивиденда.

Между тѣмъ, рѣшенія принятыя большинствомъ въ общемъ собраніи акціонеровъ, рѣшаютъ судьбу капитала не только тѣхъ акціонеровъ, у которыхъ нѣтъ голоса, т. е. 20 — 40 акцій, но и тѣхъ, которые, съ правомъ голоса, не явились, и тѣхъ, которые явились и подали голосъ *противъ* предложеній совѣта управленія. Стало быть, поддѣланнымъ большинствомъ, директоры просто захватываютъ въ произвольное распоряженіе и пользованіе чужіе капиталы.

Замѣчательно, что въ сороковыхъ годахъ, во Франціи, еще не рѣдки были протесты и жалобы акціонеровъ, какъ не рѣдки они были и у насъ; это доказываетъ, что въ то патріархальное время еще было много акціонеровъ серьезныхъ, которые въ самомъ дѣлѣ считали себя участниками предпріятія. По мѣрѣ того, какъ ажіотажъ охватывалъ болѣе и болѣе все французское общество, число такихъ жалобъ все уменьшалось, такъ какъ акціонеры болѣе и болѣе превращались въ игроковъ.

При такомъ либерализмѣ собраній акціонеровъ, директоры могутъ отдѣлываться какими угодно объясненіями. Такъ, напримѣръ, отчетъ Сѣверной дороги за 1856 годъ, сообщая акціонерамъ объ издержкѣ слишкомъ въ 4 милліона фр. для поддержанія подвижного состава «въ видѣ новаго», увѣрялъ ихъ, «что издержки производимыя съ этой цѣлью доставляютъ обществу богатство, которое возрастаетъ пропорціонально самымъ этимъ издержкамъ», т. е., что если много разъ чинить, то починенное будетъ возрастать въ цѣнности на всю сумму истраченную на починку.

Издержки по исправленію пути представляются столь же правильно. Въ 1856 году, на Сѣверной дорогѣ было уже починено около 500 верстъ одиночнаго пути [2]). Но администраторы не за-

---

[1]) Какъ мы видѣли выше въ дѣлѣ общества Lignéenne.

[2]) Онъ продержался стало быть всего около 10 лѣтъ. Считаютъ, что рельсы могутъ держаться 20 лѣтъ, но поперечины служатъ не болѣе 10 — 12 лѣтъ (здѣсь разумѣются дубовыя). Одинъ изъ авторитетныхъ инженеровъ во Франціи, Жюльенъ полагаетъ, что на поддержаніе пути необходимо разсчитывать по 4,000 фр. въ годъ на километръ двойного пути. Интересно бы узнать, издерживали-ли на нашей Нико-

хотѣли сдѣлать такого признанія. Они увѣряли, что рельсы были еще не испорчены, что пришлось ихъ перемѣнить только болѣе сильными, которыхъ метръ вѣситъ 30—37 килограммовъ, и которыя будутъ прочнѣе. Но администраторы умалчивали, что въ тоже время они увеличили грузъ вагоновъ съ 6 тоннъ до 10, а вѣсъ локомотивовъ съ 20 тоннъ до 64, такъ, что новымъ рельсамъ очевидно предстояло прослужить еще менѣе, чѣмъ старымъ.

Вопросъ объ издержкахъ на ремонтъ пути и подвижного состава желѣзныхъ дорогъ — имѣетъ огромную важность. Всѣ французскія компаніи рѣшаютъ его неправильно именно потому, что имѣютъ въ виду гораздо болѣе спекуляцію, чѣмъ самое дѣло. Вмѣсто того, чтобы отдѣлять резервный фондъ для этой цѣли, онѣ ждутъ когда наступитъ крайняя нужда поправки и тогда дѣлаютъ для нихъ заемъ. Затѣмъ еще, относятъ половину издержки на общій счетъ первоначальныхъ работъ, то-есть на стоимость постройки (compte d'établissement) вмѣсто того, чтобы отнесть ее на счетъ текущей эксплуатаціи; такимъ образомъ эта издержка оказывается какъ бы произведенною на самое обзаведеніе, и ее, вмѣстѣ со всѣмъ основнымъ расходомъ, приходится оплачивать (платить проценты и погашать капиталъ) втеченіи всего времени пользованія концессіею. Другую половину той же издержки покрываютъ особою раскладкою на нѣсколько лѣтъ, относя ее на доходъ. Такимъ образомъ, вся такая временная издержка относится не на настоящее, когда она потребовалась, а на будущее. А вѣдь въ будущемъ опять потребуются такія издержки, и ихъ опять относить на будущее?

Все это — не что иное какъ учетъ будущихъ выгодъ, высасываніе впередъ соковъ предпріятія. Ясно, что счетъ основного расхода, употребленнаго на постройку дороги, слѣдовало бы закрыть окончательно, когда дорога готова. Причислять *поправки* къ *постройкѣ* — нелѣпо; это можно дѣлать только на основаніи вышеприведенной теоріи управленія Сѣверной дороги, что «чѣмъ болѣе чинили вещь, тѣмъ сама она сдѣлалась цѣннѣе». Почему же дѣлается эта фальсификація счетовъ, эта расточительность будущаго? А потому, что надо назначить акціонерамъ преувеличенный дивидендъ. Разумѣя желѣзнодорожное дѣло какъ ажіотажъ, гораздо выгоднѣе поднимать акціи дороги высокимъ дивидендомъ, хотя бы въ ущербъ будущему, и дѣлать дѣла на этихъ

лаевской желѣзной дорогѣ на поддержаніе пути по 1,000 рублей въ годъ, наши инженеры, такъ какъ ремонтъ на этой дорогѣ производился хозяйственнымъ образомъ? Должно быть, издерживали; у насъ не отстанутъ отъ науки, особенно *въ такомъ случаѣ*. А дорога пришла въ полную ветхость.

акціяхъ, чѣмъ оплачивать сегодняшнюю потребность изъ сегодняшнихъ же доходовъ, чтобы сохранить предпріятію силы на будущее время.

Такъ, та починка на Сѣверной дорогѣ, о которой мы говорили выше, обошлась въ $12^1/_2$ милліоновъ франковъ. На что̀ отнесли ее? Вотъ на что: 1) 1.800.000 фр. на пять лѣтъ, на счетъ эксплуатаціи; 2) 4.600.000 фр. на прежній резервный фондъ погашенія; и 3) остальные шесть милліоновъ — на счетъ первоначальной постройки дороги. Значитъ: изъ доходовъ настоящаго не дали ничего, изъ доходовъ ближайшихъ пяти лѣтъ предоставили только седьмую часть издержки, и затѣмъ остальнымъ — вмѣстѣ, и ослабили погашеніе, и увеличили капиталъ, который предстоитъ погасить къ концу концессіи.

Повтореніемъ такихъ пріемовъ, управленія Сѣверной дороги способствовали достиженію того результата, что въ 1863 году въ *активъ* предпріятія былъ уже дефицитъ слишкомъ въ 143 милліона франковъ, т. е. 143 милліона, забранные впередъ! Зато дивиденды были хорошіе, и акціи Сѣверной дороги могли служить отличнымъ матерьяломъ для спекуляцій ея собственныхъ администраторовъ и знаменитаго Движимаго кредита.

Въ отчетѣ 1865 года, управленіе Сѣверной дороги высказало съ ясностью, которая наивно-дерзка, что «поднятъ былъ вопросъ, не слѣдуетъ ли составлять резервнаго фонда для производства крупныхъ обновленій подвижного состава и пути»; что «спеціальная коммиссія старательно изучила этотъ вопросъ, справляясь съ мнѣніями спеціалистовъ, и въ результатѣ спеціалисты отвѣчали коммиссіи, что подобный резервный фондъ не имѣетъ причины быть, ибо нельзя предвидѣть, на что̀ онъ былъ бы нуженъ; вся матерьяльная часть содержится такъ, что ее можно считать *постоянно новою*.... что стало быть *никогда* не придется возобновлять вполнѣ или частями какъ матерьяльную часть, такъ и пути.» (!!) [1])

---

[1]) Приведемъ здѣсь нѣсколько данныхъ расходовъ на французскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Стоимость постройки километра двойного пути составляетъ:

Въ Англіи	530.000 фр.
— Франціи	391.000 —
— Бельгіи	270.000 —
— Германіи	201.000 —
— Америкѣ	96.500 — (одиночный путь)

Впрочемъ, постройка главныхъ линій во Франціи обошлась дороже, именно въ 463.000 фр. километръ. Интересно раздѣленіе этой суммы по статьямъ. При постройкѣ обошлись на *километръ*:

Управленіе и общія издержки . .	17.000 фр.
Покупка земель	65.000 —

Такъ-то желѣзнодорожныя компаніи ведутъ свои дѣла. Государство оказало имъ огромную помощь, въ видѣ ссудъ, субсидій, гарантій и уступки произведенныхъ имъ земляныхъ работъ и мостовъ, наконецъ, самою монополіею, которая имъ предоставлена.

Компаніи всѣ вмѣстѣ взятыя издержали на постройку дорогъ (по 1 января 1867 г.) . . . . 6,173,195,000 фр.

Помощь, оказанная имъ государствомъ ссудами и субсидіями составляетъ за все время . . . . . . 1,444,831,260 фр.

Вычтя всѣ возвраты суммъ, уже произведенные компаніями, мы получимъ чистой издержки, произведенной государствомъ въ пользу желѣзныхъ дорогъ (на работы и субсидіи), и еще не возвращенной компаніями—978,753,377 фр., т. е. почти милліардъ.

Вотъ какими суммами воспользовалась спекуляція на желѣзныя дороги; матерьяломъ для ажіотажа здѣсь представлялась вся сумма произведенныхъ издержекъ, т. е. около *восьми милліярдовъ* франковъ, или двухъ слишкомъ милліардовъ рублей[1])! Здѣсь спекуляція, ажіотажъ, производились преимущественно и именно на средства государства, въ видѣ премій взятыхъ съ повышенія акцій при каждой помощи, при каждомъ снисхожденіи отъ правительства. Акціонеры играли на монополію и на субсидіи, какія государство предоставляло компаніямъ. Они унесли громадную премію съ предпріятія, которое безъ нихъ обошлось бы дешевле государству и было бы выгоднѣе для общества, такъ какъ возвышенность тарифовъ и затруднительность ихъ пониженія зависятъ именно отъ громаднаго барыша унесеннаго съ желѣзнодорожнаго дѣла спекуляціею.

Самое положеніе дѣла, за всѣмъ тѣмъ, таково, что оно, только благодаря правительственнымъ субсидіямъ, и можетъ приносить по 10—15% на акцію[2]). Въ сущности, т. е. если отстранить эту правительственную, бюджетную помощь, то желѣзныя дороги во Франціи, на затраченный на нихъ капиталъ приносятъ 6—7%. Правительству еще приходится приплачивать по инымъ линіямъ недоимку гарантированнаго дохода[3]). Въ настоящее время, когда всѣ компаніи уже эксплуатируютъ главныя, наиболѣе выгодныя

Земляныя и искусственныя работы	150.000 фр.
Строенія	48.000 —
Двойной рельсовый путь . . .	122.000 —
Подвижной и механическій составъ	61.000 —

[1]) Annuaire d'Ec. Pol. 1867., p. 179 et suiv.

[2]) Что еще не значитъ: 10—15% *акціонеру*, такъ какъ нынѣшніе акціонеры купили свои акціи не по номинальной цѣнѣ.

[3]) Въ послѣдніе годы на эту гарантію казна издержала впрочемъ только около 30 мил. франковъ. Annuaire, 180.

вѣтви своихъ линій, и когда имъ остается уже только достроить вѣтви менѣе выгодныя, для полнаго окончанія предположенной сѣти французскихъ желѣзныхъ дорогъ — можно ожидать только уменьшенія дохода. Итакъ, не слѣдуетъ видѣть въ дивидендахъ 10 — 15%, выдаваемыхъ компаніями на акцію, дѣйствительнаго дохода съ желѣзныхъ дорогъ. Очень можетъ быть, что онѣ приносили бы такой и даже высшій доходъ, если бы ихъ не разорило то гибельное начало, изученію котораго посвященъ этотъ очеркъ—спекуляція, ажіотажъ.

Мы остановились съ нѣкоторою подробностью на изученіи дѣйствій этого начала въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ именно потому, что Россіи, можно сказать, еще только предстоитъ значительная иниціатива частной предпріимчивости въ этомъ дѣлѣ. Теперь мы возвратимся къ болѣе общей характеристикѣ ажіотажа въ промышленныхъ предпріятіяхъ, характеристикѣ, которую мы должны дополнить еще нѣкоторыми чертами.

Извѣстно, что промышленныя компаніи, кромѣ акцій, составляющихъ капиталъ предпріятія, предлагаютъ публикѣ еще облигаціи. Облигаціи это — ихъ заемныя письма; акція — доля въ предпріятіи, поэтому на нее получается дохода болѣе или менѣе, смотря по результатамъ эксплуатаціи,—этотъ неопредѣленный доходъ и есть дивидендъ. Облигація есть просто — участіе въ займѣ, сдѣланномъ для предпріятія; доходъ съ облигаціи, опредѣленный при выпускѣ ея—обязательный процентъ. Заключеніе такихъ займовъ, само по себѣ, естественно, но при немъ являются иногда странные феномены, принадлежащіе къ самой сущности спекуляціи. Напримѣръ, когда компанія на акціяхъ, составляющихъ 100 милліоновъ, выпускаетъ, положимъ, облигацій на 50 милліоновъ — то это естественно: капиталъ въ 100 милл. служитъ достаточнымъ обезпеченіемъ 50-ти милліонамъ. Но спекуляція идетъ дальше. Чрезъ нѣкоторое время, та же компанія дѣлаетъ еще заемъ, выпускаетъ новыя облигаціи уже на 100 милл. Желѣзнодорожныя компаніи во Франціи всѣ выпустили облигацій на суммы бо̀льшія, чѣмъ тѣ, какія представляются ихъ капиталомъ въ акціяхъ. Странно тутъ то, что владѣльцы перваго выпуска облигацій не могутъ ничего возразить, да и не возражаютъ противъ этого второго выпуска; между тѣмъ, ихъ же обезпеченіе представляется вѣдь въ равной степени и въ обезпеченіе новыхъ заимодавцевъ. Одинъ и тотъ же капиталъ служитъ обезпеченіемъ двумъ займамъ, которые, вмѣстѣ взятые, превышаютъ его цѣнность. Это уже странно.

Не менѣе странно и то, что облигаціи обыкновенно выдаются предпочтительно тѣмъ же акціонерамъ, и тѣ охотно берутъ ихъ, видя въ этомъ предоставляемую имъ выгоду. На самомъ же дѣлѣ, можно допустить только одно изъ двухъ: 1) или облигаціи выпускаются вмѣсто увеличенія капитала новымъ количествомъ акцій потому, что выпускать облигаціи, на которыя придется платить только опредѣленный процентъ, а не долю всего дохода отъ предпріятія — выгодно для компаніи, которая такимъ образомъ, на счетъ владѣльцевъ облигацій, наживетъ бòльшій дивидендъ на акцію; — въ такомъ случаѣ непонятно, зачѣмъ тѣ же акціонеры берутъ облигаціи? Стало быть, они хотятъ наживаться на свой же счетъ, брать барышъ съ самихъ себя; 2) или облигаціи, получающія опредѣленный процентъ, выгоднѣе самихъ акцій, имѣющихъ право на дивидендъ; въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же акціонеры отнимаютъ у своего же предпріятія выгоду въ свою пользу?

Возьмемъ примѣры изъ того же желѣзнодорожнаго дѣла. Компанія Орлеанской желѣзной дороги имѣетъ капиталъ 60 милл. фр. Но этотъ капиталъ составился не 120 тысячами акцій, въ 500 фр. каждая, а изъ 80 тысячъ акцій и 20 милліоновъ полученныхъ выпускомъ облигацій. Теперь возьмемъ чистый доходъ полученный компаніею — 6.295,865 франковъ. Если бы его раздѣлить въ видѣ дивиденда на 120 т. акцій, то каждая изъ нихъ получила бы только по 52 фр. 46 сант. Но такъ какъ на 20 милліоновъ, занятыхъ посредствомъ выпуска облигацій, платится опредѣленнаго дохода всего 1.217,450 фр., то владѣльцамъ 80 тысячъ акцій приходится дѣлить между собою уже 5.078,415 франковъ, то-есть получить на каждую акцію не $52^1/_2$ франка, а $63^1/_2$ франка. Барышъ на каждую акцію — 11 фр. 64 сант.

Выпишемъ еще примѣръ для практическаго ознакомленія съ дѣломъ: компанія Ліонской желѣзной дороги, въ 1852 году, выпустила 80 тысячъ $5^0/_0$ облигацій, которыя должны быть уплачены въ теченіи концессіоннаго времени по цѣнѣ 1,250 франковъ каждая. Выпустили ихъ по цѣнѣ 1,050 франковъ. Поэтому случаю, отчетъ компаніи объяснилъ: «Если бы мы допустили къ подпискѣ на эти облигаціи постороннихъ лицъ, то сумма нашего займа въ 80 милліоновъ была бы значительно превзойдена. Продано 68,160 облигацій акціонерамъ. Оставшіяся непроданными имъ 11,840 облигацій мы рѣшились не продавать до 1 мая 1863 года (на сторону), иначе, какъ по цѣнѣ 1,125 фр.» Итакъ, компанія предоставляетъ выгоду своимъ акціонерамъ; имъ она даетъ облигаціи за 1,050 фр., а постороннимъ не уступаетъ дешевле 1,125 франковъ. На взятыя акціонерами 68,160 облигацій это

составляетъ выгоды (по 75 фр.) въ ихъ пользу 5,112,000 франковъ.

Повидимому, какая же тутъ выгода? Вѣдь акціонеры все-таки будутъ получать за свои 1,050 франковъ только 50 франковъ въ годъ и больше ничего, т. е. нѣсколько менѣе 5%. Эти 5 милліоновъ насчитываемой выгоды, которою будто-бы пользуются акціонеры — мечта. Они бы и остались мечтою, еслибы акціонеры удержали облигаціи въ своихъ рукахъ. Но въ томъ и дѣло, что все это разсчитано на ажіотажъ: акціонеры завтра же продали свои облигаціи на сторону, пользуясь тѣмъ, что подписка пріостановлена, продали съ преміею, быть можетъ именно по 1,125 фр., стало быть — дѣйствительно получили барыша 5 слишкомъ милліоновъ.

Выпускъ облигацій предпочитается даже требованію полной оплаты акцій. Напримѣръ, акціонеры при подпискѣ на акціи внесли 750 фр. Съ нихъ остается получить, когда понадобится то компаніи, по 250 фр. Но вмѣсто того, чтобы потребовать этой доплаты, выпускаютъ облигаціи, которыя предоставляютъ тѣмъ же акціонерамъ. При этомъ тѣже деньги стало быть берутъ съ нихъ же; но разница большая, съ точки зрѣнія ажіотажа: акціи уже котированы давно, на нихъ не подѣлаешь новыхъ дѣлъ; а облигаціи — это новая бумага, которая тотчасъ будетъ съ преміею, и этою-то преміею воспользуются акціонеры, продавъ ихъ. И дѣйствительно, приведенный примѣръ взятъ изъ дѣятельности компаніи парижско-страсбургской дороги: когда она объявила подписку на 125,000 облигацій, то поступило требованій на 237,521, почти на двойное количество.

Кто же платитъ всѣ эти разницы, на кого онѣ падаютъ, въ конечномъ результатѣ. На менѣе ловкихъ, на менѣе опытныхъ, которые не успѣваютъ сбыть ихъ во̀ время. Все это — игра.

Спекуляція на промышленныхъ предпріятіяхъ развита во всѣхъ странахъ, гдѣ развита сама промышленность. Въ игрѣ биржевой, Парижъ занимаетъ первое мѣсто; это, такъ сказать, столица биржевой игры; но въ спекуляціи на промышленныхъ предпріятіяхъ Англія и Америка навѣрное превосходятъ Францію, потому именно, что въ двухъ первыхъ изъ названныхъ странъ, масса промышленныхъ дѣлъ значительнѣе и духъ предпріимчивости болѣе развитъ. Въ одномъ изъ сочиненій, которыя служатъ намъ источниками, приведенъ такой отзывъ «Edinburgh-Review» объ англійскихъ желѣзно-дорожныхъ компаніяхъ:

Большинство публики, — говоритъ этотъ журналъ — которая никогда не заглядываетъ въ спеціальныя газеты желѣзныхъ дорогъ и, читая газеты политическія, пропускаетъ отчеты о собраніяхъ акціонеровъ, воображаетъ, что всѣ про-

дѣлки, порой получающіе широкую гласность, — не что иное, какъ исключенія, относящіяся къ фантастическимъ спекуляціямъ лихорадочной эпохи, переходной, какъ всѣ кризисы.

Общественное мнѣніе не хочитъ вѣрить, что крупные капиталисты и вліятельныя лица, управляющіе дѣлами компаній, способны наживаться косвеннымъ образомъ насчетъ своихъ довѣрителей. Но изложеніе тайной исторіи компаній скоро разувѣрило бы простодушныхъ. Оно показало бы имъ, какъ директоры въ одной компаніи раздѣлили между собою 15 тысячъ новыхъ акцій, продававшихся съ преміею, уплативъ первые взносы по этимъ акціямъ изъ наличныхъ суммъ этой же компаніи, при чемъ одинъ директоръ забралъ, такимъ образомъ, въ кассѣ общества болѣе 80,000 фунтовъ. Исторія эта разсказала бы, какъ въ другомъ обществѣ акцій на полмилліона фунтовъ были записаны подъ вымышленными именами; какъ въ третьемъ обществѣ директоры имѣли болѣе акцій, чѣмъ было выпущено; какъ во многихъ компаніяхъ, директоры выкупали свои собственныя акціи для компаніи, расплачиваясь съ самими собою деньгами акціонеровъ. Оказалось бы, что директоры компаній производятъ займы по низкому проценту на резервы текущихъ счетовъ, находящіеся въ банкахъ, и пускаютъ деньги въ оборотъ, когда курсъ высокъ; другіе производятъ себѣ содержаніе больше противу назначеннаго, относя разность на счетъ и подъ наименованіе «разныхъ издержекъ»; оказалось бы, что иногда, для полученія полномочій на мѣры сомнительныя, они представляютъ невѣрные доклады; что они употребляютъ формальную довѣренность данную имъ на одно дѣло — на дѣло совсѣмъ иное.... Директоры компаній были бы уличены въ томъ, что нѣкоторыя рѣшенія они исторгали посредствомъ раздачи акцій подставнымъ лицамъ, станціоннымъ начальникамъ и т. д.

Итакъ, и въ Англіи практикуется тоже, что во Франціи. Разница только въ томъ, что такъ какъ въ Англіи и Америкѣ учрежденіе компаній связано гораздо меньшими условіями, чѣмъ во Франціи, и контроль правительства надъ дѣйствіями ихъ правленій не полагается, то мало развитая масса относится къ нимъ осторожнѣе, чѣмъ во Франціи, гдѣ всякая компанія, разрѣшенная правительствомъ, слыветъ за *утвержденную*, то-есть какъ будто одобренную правительствомъ (какъ и у насъ). Англійское законодательство принимаетъ общую предосторожность по отношенію къ компаніямъ на акціяхъ, требуя, чтобы къ названію такихъ компаній непремѣнно присоединялось слово «limited» (ограниченный кредитъ). Этимъ публика предупреждается, что въ такой компаніи отвѣтственность за положеніе дѣлъ падаетъ только на капиталы внесенные въ эту компанію, не касаясь прочаго имущества ея членовъ; прежде, чѣмъ имѣть съ нею дѣло — смотрите что̀ тамъ есть, ибо это — просто сундукъ, а не торговый домъ.

Этотъ очеркъ ажіотажа, примѣнимаго къ промышленнымъ предпріятіямъ, мы заключимъ однимъ итогомъ и анекдотомъ. Итогъ этотъ краснорѣчивъ, какъ примѣръ бремени, налагаемаго на эти предпріятія эксплуатаціею ихъ компаніями. Анекдотъ ха-

рактеризуетъ нравы, установившіеся въ современномъ французскомъ обществѣ подъ вліяніемъ безпощадной игры.

Въ 1866 году, шесть главныхъ компаній желѣзныхъ дорогъ уплатили своимъ акціонерамъ, въ сложности, сумму *160 милліоновъ* фр. [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что предоставленіе желѣзнодорожнаго дѣла частнымъ компаніямъ, каковъ бы ни былъ вредъ нанесенный дѣлу ихъ ажіотажемъ, сильно способствовало развитію желѣзныхъ дорогъ во Франціи. Примѣры Америки и Австріи подтверждаютъ, что только частная предпріимчивость и можетъ быть достаточно могущественнымъ рычагомъ для произведенія столь великихъ результатовъ. Но, при обсужденіи этого вопроса, не надо терять изъ виду и другой его стороны: эти 40 милліоновъ рублей, взимаемыхъ компаніями въ теченіи одного года съ одной изъ главныхъ, можно сказать первыхъ потребностей общества—потребности въ быстромъ, дешевомъ и удобномъ сообщеніи, не представляютъ ли явленія анормальнаго? Если бы доходъ съ затраченнаго акціонерами на желѣзныя дороги капитала въ 1.477 милліоновъ франковъ имѣлъ размѣры простой ренты (потому что онъ и есть главнымъ образомъ *только рента*, взимаемая на капиталъ при помощи монополіи и правительственныхъ субсидій), напр. 5%, то акціонеры, т. е. капиталисты, получили бы 70 милл., а 90 милл. франковъ остались бы въ рукахъ пассажировъ и торговцевъ, за одинъ 1865 годъ, можно было бы понизить тарифы на цѣлую половину. Общество имѣло бы тогда предъ собою такое положеніе дѣлъ: 1) тарифы дешевые, на половину низшіе противъ нынѣшнихъ,—явленіе въ высшей степени благотворное; и 2) вознагражденіе капитала, помѣщеннаго въ желѣзныя дороги по 5%,—вознагражденіе справедливое, такъ какъ, повторяемъ, доходъ акціонеровъ въ сущности таже рента, преувеличиваемая только при помощи тѣхъ долгосрочныхъ концессій и тѣхъ дополнительныхъ, стѣснительныхъ для государства и общества правъ и пособій, какія предоставлены компаніямъ.

Одно можно сказать навѣрное, именно, что чрезмѣрное продленіе сроковъ концессій—было большою ошибкою и большою несправедливостью; это были дѣла второй имперіи, которая вообще преувеличила во Франціи всѣ аномаліи современнаго экономиче-

---

[1])

Ліонская	48.000,000	фр.
Сѣверная	37.500,000	»
Орлеанская . . .	33.600,000	»
Западная	11.250,000	»
Южная	10.000,000	»
Восточная	19.160,840	»
Итого . . .	159.410,840	фр.

скаго положенія обществъ, покровительствовала монополистамъ, создавала съ политической цѣлью преданную себѣ аристократію—аристократію денежную, и разоряла Францію.

Теперь анекдотъ [1]). Одинъ ученый, совсѣмъ не свѣдущій въ «дѣлахъ», получилъ изъ провинціи отъ пріятеля 8,000 фр. для выгоднѣйшаго помѣщенія. Онъ обратился за совѣтомъ къ своимъ знакомымъ и натолкнулся именно на такихъ, которые задумывали въ то время свое предпріятіе. Они взяли у него деньги и выбрали его же въ число членовъ наблюдательнаго совѣта. Дѣла компаніи оставались для него тайною; повѣрка счетовъ производилась по запискамъ доставленнымъ кассою. Итоги были всегда вѣрны. Когда ученый вздумалъ возразить противъ такого способа контроля, то друзья сказали ему: «Да это вездѣ такъ дѣлается. Развѣ ты намъ не довѣряешь?» Но вотъ прошло нѣкоторое время, и друзья говорятъ ему:

— Теперь мы съ преміею; скорѣе продавай.

— Зачѣмъ я стану продавать, разсуждалъ ученый и добродушный человѣкъ, вы мнѣ говорили, что дѣло—вѣрное, и перемѣны курсовъ, происходящія по два раза въ мѣсяцъ, до меня не касаются.

— Не умничай, а дѣлай что тебѣ говорятъ.

На слѣдующемъ засѣданіи, ему запросъ:

— Ну что, продалъ? Мы всѣ ликвидировали.

— Нѣтъ, я остаюсь вѣрнымъ предпріятію.

— Ахъ, ты неосторожный человѣкъ! Да вѣдь акціи сошли ниже пари; онѣ падаютъ и не остановятся въ паденіи.

— Мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Предпріятіе вѣрно или нѣтъ?

— Да нѣтъ-же, нѣтъ! Дѣло—пустое. Пользуйся остаткомъ тумана, который прикрываетъ его пока, и продавай во что бы то ни стало, а то все потеряешь.

Бѣдный ученый былъ пораженъ. Но такъ какъ онъ былъ въ дѣлахъ не свѣдущъ, то произнесъ такую рѣчь:

— Вы завлекли меня въ ловушку. Я виновенъ передъ акціонерами въ томъ, что довѣрился вашей честности и не исполнялъ лучше своего назначенія—наблюдателя. Совѣсть не позволяетъ мнѣ продать другимъ клочки бумаги, о которыхъ я знаю, что они не представляютъ никакой цѣнности. Я потеряю все, и возвращу своему другу деньги изъ моихъ собственныхъ средствъ. Прощайте.

«Дѣльцы — заключаетъ цитуемый нами авторъ — были сами поражены. Имъ и въ голову не пришло, что они сдѣлали просто мошенническую продѣлку; и къ геройской честности ученаго они отнеслись приговоромъ: *дуракъ!*»

У насъ въ настоящую минуту всего важнѣе имѣть полную сѣть желѣзныхъ дорогъ, для излеченія главной немощи Россіи—

[1]) У Дюшена.

громаднаго пространства; для этого, конечно, мы должны обратиться къ тому могущественному рычагу, который представляется частною предпріимчивостью, компаніями на акціяхъ. Но, какъ мы ни заняты теперь исключительно мыслью о томъ, чтобы желѣзныя дороги *были*, во что̀ бы то ни стало, — намъ не слѣдуетъ пренебрегать чужимъ опытомъ и терять изъ виду тѣхъ анормальныхъ результатовъ, къ которымъ привелъ способъ построенія и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ другихъ странахъ.

Спекулятивная аристократія, какъ мы уже видѣли, и какъ увидимъ еще яснѣе на исторіи разныхъ промышленныхъ и кредитныхъ предпріятій, эксплуатируетъ массу; это—настоящая феодальность, для которой работаетъ народъ, съ тѣмъ только различіемъ, что феодальный баронъ эксплуатировалъ народъ силою, а бароны финансовые ловятъ народъ на удочку спекуляціи. Въ этомъ, какъ и въ томъ случаѣ, въ спекулятивной эксплуатаціи, какъ и въ феодальномъ игѣ, дѣйствуетъ соціальное недоразумѣніе, непросвѣщенность массы, отсутствіе въ ней сознанія или знанія, ощущаемый ею слѣпой страхъ, повергавшій ее къ ногамъ феодальнаго сюзерена, или еще болѣе слѣпая алчность, которая влечетъ ее подъ тотъ прессъ, которымъ спекулянтъ выжимаетъ изъ нея соки.

Какая сила разсѣяла мракъ и свергла политическое иго? Печать! Посмотримъ, что̀ же дѣлаетъ печать во Франціи для разсѣянія тумановъ, напускаемыхъ спекулянтами, для ознакомленія общества съ механизмомъ уловокъ, ложностью счетоводства спекулянтовъ, для уясненія нелѣпости отчетовъ, представляемыхъ компаніямъ, для внушенія обществу здравыхъ экономическихъ стремленій?

За послѣдніе лѣтъ пятнадцать можно насчитать во французской литературѣ до десятка сочиненій, разоблачающихъ эту тьму и обличающихъ творцовъ этой тьмы; но не болѣе десяти.

Что же касается печати періодической, которая одна имѣетъ вліяніе на массу и одна имѣетъ возможность дѣйствовать въ этомъ отношеніи не теоретически, а практически, во̀-время обличая злоупотребленія и подвергая критикѣ ходъ предпріятій, то она не только не исполняетъ этого назначенія, но служитъ прямо противоположной цѣли. Она—главный проводникъ обмана, она—реклама, сулящая золотыя горы, она—шутъ, бьющій въ барабанъ на повозкѣ шарлатана, который обѣщаетъ дать да̀ромъ два леденца̀, если вы купите у него за десять копѣекъ мыло, которое стоитъ грошъ. Дѣло въ томъ, что газеты во Франціи принадлежатъ капиталистамъ-спекулянтамъ.

Этотъ фактъ обусловился прежде всего законодательствомъ,

существовавшемъ до сихъ поръ, а отчасти и теперь еще оставшимся для печати. Самое внесеніе огромнаго залога, 50,000 фр., за право издавать политическую газету, дѣлаетъ предпріятіе болѣе зависящимъ отъ капитала, чѣмъ бы было естественно. Но сверхъ того, законъ во Франціи окружилъ печатаніе газетъ и даже книгъ такими условіями, которыя дѣлали полную независимость и полную гласность совершенно немыслимыми. Говорить всю правду о предпріятіяхъ, въ которыхъ участвуютъ лица вліятельныя, нельзя было; за намекомъ на что либо щекотливое въ такихъ дѣлахъ, слѣдовало или приглашеніе отвѣтственнаго редактора въ комитетъ по дѣламъ печати, гдѣ ему внушалось молчаніе, или даже просто записка отъ комитета съ конфиденціальнымъ сообщеніемъ: «правительство не желало бы, чтобы было говорено о спекуляціи, сдѣланной такимъ-то, или о процессѣ такого-то.» Вслѣдствіе подобнаго приглашенія газеты всѣ молчали о запрещенномъ предметѣ. Иногда, объ этомъ высказывался намекъ въ какой-нибудь газетѣ. Такъ, въ Siècle, 1 апрѣля 1864 года, помѣщена была статья о *пактѣ молчанія*, заключенномъ газетами съ большими компаніями подъ вліяніемъ свыше. Вліятельныя лица бѣгали куда слѣдуетъ и жаловались, или требовали наложенія молчанія на печать, подъ разными предлогами. Такъ Миресъ, въ то время, когда онъ спекулировалъ на римскія желѣзныя дороги, бѣгалъ къ папскому нунцію и просилъ его исходатайствовать запретъ гласности по его процессамъ, подъ предлогомъ, что разглашеніе ихъ можетъ повредить дѣлу римскихъ дорогъ.

Иногда въ печати вдругъ появлялось опроверженіе дурныхъ слуховъ со стороны самыхъ спекулянтовъ, и тогда публика впервые находила въ газетахъ свѣдѣніе о такомъ фактѣ, который искусственнымъ путемъ избѣгнулъ гласности. Такъ, осенью 1858 года, тотъ же Миресъ напечаталъ въ Siècle опроверженіе отъ своего имени слуховъ по его процессу съ гг. Робленомъ и Планти, и такимъ образомъ подтвердилъ существованіе такого процесса, о которомъ газета рѣшилась упомянуть только въ видѣ слуха.

Но и независимо отъ административнаго «давленія», которое теперь во Франціи утратило главное свое орудіе—предостереженія,—полной гласности не можетъ быть тамъ, гдѣ дѣйствуетъ монополія. Кружокъ можно подкупить, или если подкупить не всѣхъ его членовъ, то остальныхъ поставить въ невозможность говорить, по разнымъ отношеніямъ. А періодическая печать во Франціи, при прежнемъ законодательствѣ второй имперіи, да и при нынѣшнемъ, которое требуетъ высокихъ залоговъ, хотя и отмѣнило

«предварительное разрѣшеніе», находилась, отчасти и доселѣ находится въ положеніи монополіи. Спекулянты сами закупили себѣ газеты, такъ какъ газеты — тоже предпріятія на акціяхъ, или же скупили у нихъ финансовый отдѣлъ, или, наконецъ, задобряютъ газеты не купленныя ими — присылкою издателямъ акцій въ своихъ предпріятіяхъ. Это не исключеніе, а *общее правило* во Франціи. Благодаря ему, спекулянты ту самую силу, которая должна была бы, по самому своему назначенію, держать ихъ подъ своимъ контролемъ и открывать глаза обществу, обратили въ новое, могущественное орудіе для эксплуатаціи этого общества, посредствомъ *рекламы*, т. е. обмана въ бо́льшей или меньшей степени.

Вотъ что значитъ стѣсненіе печати! Буржуà, который радовался, что вторая имперія «спасла общество», который побѣдою Кавеньяка и государственнымъ переворотомъ 2 декабря окончательно успокоился насчетъ общественныхъ вопросовъ, ни во что̀ не ставитъ унизительнаго, сдавленнаго положенія печати, а думаетъ только, какъ бы сорвать гдѣ-нибудь барышъ,—вотъ онъ-то, этотъ самый благонамѣренный гражданинъ, буржуà-пріобрѣтатель, буржуà-столбъ общества, онъ-то и идетъ на удочку. Карасю не пристало жаловаться на свою судьбу, когда онъ самъ подписывалъ адресы о запрещеніи ловли щукъ.

Когда Эмиль Жирарденъ вышелъ изъ газеты «Presse» [1]), то долю и мѣсто свое въ этой газетѣ онъ уступилъ нѣкоему Миллѝ. Миллѝ—одинъ изъ самыхъ безцеремонныхъ спекулянтовъ, бывшій товарищъ по дѣламъ пресловутаго Миреса, сдѣлалъ тотчасъ «Presse» органомъ и показнымъ столбомъ своихъ спекуляцій. На первой же страницѣ стали появляться объявленія въ самой шарлатанской формѣ, напр. «Achetez du Midi!» (покупайте акціи Южной дороги), которыя вошли въ поговорку во Франціи, какъ рекламы нѣкоторыхъ, болѣе мелкихъ спекулянтовъ у насъ. Оффиціальный редакторъ Руи не стерпѣлъ наконецъ такого униженія для газеты и пересталъ помѣщать велерѣчивые зазывы главнаго владѣльца. Возникъ процессъ, въ которомъ Милльо́ наивно утверждалъ, что такъ какъ онъ—главный акціонеръ, то газета должна служить ему; судъ, однако, рѣшилъ дѣло противъ него. Милльо̀ новымъ процессомъ былъ принужденъ возвратить акціонерамъ нассаускихъ желѣзныхъ дорогъ внесенныя ими деньги, на томъ основаніи, что объявленія его по этому предпріятію судъ призналъ лживыми. Тогда онъ продалъ «Presse» Солару. Впослѣдствіи ему была разрѣшена новая, еженедѣльная газета.

[1]) Вмѣсто которой онъ потомъ сталъ издавать «Liberté». Послѣ банкротства Миреса и Солара, «Presse» была куплена самимъ Миресомъ.

Процессы выставляютъ много примѣровъ купли газетъ спекулянтами, собственно съ цѣлью поддержки ихъ спекуляцій. Въ 1858 году, въ дѣлѣ Про̀ (Prost), который растратилъ въ два года до 8 милліоновъ денегъ, собранныхъ съ акціонеровъ, оказалось, что онъ поддерживалъ свои «дѣла» газетою «Journal du crédit public», а потомъ купилъ съ тою же цѣлью «Messager de Paris». Въ процессѣ общества наемныхъ экипажей (Petites voitures) оказалось, что администраторы Кромьё и д'Оріоль скрыли отъ акціонеровъ сумму въ 53,000 фр., на которую они купили «Courrier de Paris».

Но никто не умѣлъ такъ пользоваться печатью, какъ знаменитый Миресъ. Чрезъ товарища своего, Солара, онъ господствовалъ надъ «Presse»—газетою оппозиціонною. Въ тоже время, будучи главнымъ владѣльцемъ «Pays» и «Constitutionnel», онъ непосредственно господствовалъ надъ этими важными правительственными газетами. Сверхъ того, онъ самъ редактировалъ «Journal des chemins de fer», въ которомъ выхвалялъ предпріятія свои и своихъ союзниковъ и которымъ угрожалъ тѣмъ, кто думалъ обойтись безъ него. Мало того: залоги демократической и—вначалѣ шестидесятыхъ годовъ—столь талантливо редижируемой Прево̀ Парадолемъ, Ассоланомъ, Ганеско, газеты «Courrier du Dimanche» были поставлены банкирами Миресъ, Соларъ и К°. Стало быть, и «Courrier du Dimanche» находился въ зависимости отъ нихъ, потому что съ ихъ стороны достаточно было бы одной угрозы взять залоги обратно, для того, чтобы вынудить какую угодно уступку въ финансовыхъ статьяхъ.

Не правда-ли, назидательно? «Presse» громитъ вторую имперію, а «Pays» и «Constitutionnel» всѣми силами ее защищаютъ; «Courrier du Dimanche» призываетъ французовъ къ союзу со всемірною демократіею, а «Journal des Chemins de fer» громко вопіетъ противъ *нѣкоторыхъ* злоупотребленій спекуляціи. Читатели думаютъ, что эти органы принадлежатъ серьезнымъ, искреннимъ политическимъ партіямъ и ведутъ между собою войну за священныя убѣжденія... Разочаруйтесь! Всѣ они принадлежатъ одному и тому же Миресу, который закупилъ нарочно органы пріятные для людей всѣхъ убѣжденій, чтобы всѣхъ ихъ сманить къ подпискѣ на его спекулятивныя предпріятія. Вотъ до чего упала Франція при отсутствіи свободы: люди принциповъ, люди таланта: Прево̀-Парадоль, Ассоланъ, Илья Реньо̀ (въ «Presse»), наравнѣ съ Грангилльо̀ (Pays) и Лимейракомъ («Constitutionnel») работаютъ въ пользу настоящаго «кулака», каковъ Миресъ. Ихъ слово, ихъ совѣты народу, ихъ бойкая критика или горячее сѣ-

тованіе — все это въ дѣйствительности только *приманка* для покупки акцій у Миреса, рамка для его рекламы!

Послѣ банкротства, этотъ спекулянтъ долженъ былъ продать свои газеты; но когда онъ выступилъ снова съ проектомъ всемірнаго займа, газеты разныхъ мнѣній тотчасъ привѣтствовали его и запѣли ему прежніе гимны. Дюшенъ указываетъ на статьи «Constitutionnel», «Opinion Nationale» и «Siècle» въ пользу этого предпріятія, которое однакоже не разрѣшено правительствомъ.

Самихъ журналистовъ, которые видятъ лучше всѣхъ, что «вся политика — пустяки», что она бываетъ только для показа, а что настоящее дѣло — дѣло денежное, увлекаетъ спекуляція. Въ 1857 году, редакторы газеты «Union» — Спинелли и Фонтэнъ придумали основать при газетѣ банкирскую контору. «Union» — газета легитимистская, стало быть деньги ей привлечь было не трудно. Они объявили подписку на капиталъ сперва въ 200 тысячъ фр., потомъ до 600,000 фр., наконецъ довели сумму до милліона. Деньги эти Спинелли и Фонтэнъ разметали въ разныя стороны, большую часть проиграли, остальную издержали. Такъ, втеченіи всего двухъ недѣль, они проиграли на биржѣ 183,000 фр., а къ апрѣлю 1858 года потери ихъ простирались уже до 565,000 фр. Они успѣли заблаговременно бѣжать.

Но если журналисты не сами предпринимаютъ спекуляціи, то они продаютъ свой финансовый отдѣлъ спекулянту. Въ процессѣ Серра, бывшемъ въ 1862 году, открылось, что этотъ господинъ, тоже спекулировавшій на деньги дворянъ и епископовъ, купилъ финансовый отдѣлъ, столь уважаемой легитимистами и едва ли не старѣйшей во Франціи газеты: «Gazette de France», и тотъ же отдѣлъ въ газетахъ: «Ami de la Religion» [1]) и «Journal des villes et des campagnes», или *снялъ*

---

[1]) Представленные на судѣ контракты такъ любопытны, что мы помѣщаемъ ихъ текстъ:

1) Обязательство, подписанное издателемъ «Gazette de France» Лурдуэ: «Вслѣдствіе бывшихъ между нами переговоровъ, я соглашаюсь, чтобы положеніе, которое вамъ *присвоено* въ Gazette контрактомъ отъ... послужило вамъ для основанія банка, соглашаюсь также рекомендовать непосредственно и лично этотъ, вами управляемый домъ, моимъ подписчикамъ и моимъ друзьямъ (!).

Между нами условлено, что вы и этотъ банкъ—обезпечиваете газетѣ: 1) 25% барыша въ предпріятіи (!); и 2) ежегодная плата ей въ 24,000 франковъ, которую вы обязываетесь платить помѣсячно, будетъ засчитываема въ эту долю барыша и представитъ minimum доли барыша въ пользу газеты. Въ какомъ бы положеніи ни находились дѣла означеннаго общества, уплата 24,000 фр. въ мѣсячныхъ взносахъ, впередъ остается обязательною» и т. д. *Подп.* Лурдуэ (Lourdoueix). Парижъ, 8 января 1858 года.

эти отдѣлы, съ платою первымъ двумъ газетамъ по 24,000 фр., а третьей по 10,000 фр. въ годъ. Итакъ, издатели этихъ газетъ (едва ли не всѣ такъ поступаютъ) не только ничего не платили за составленіе въ ихъ газетахъ статей по финансовымъ вопросамъ, положенію биржи и т. д., но еще получали за это отъ самого автора до 500 рублей въ мѣсяцъ, на одну газету! Это — одинъ изъ тѣхъ результатовъ прогресса, который конечно и въ другихъ странахъ нѣкоторыя газеты смѣкнутъ.

Итакъ, журналисты за деньги дѣлаются или прямыми участниками, или сообщниками спекуляцій. Продавшаяся газета нарекомендуетъ втеченіи года на сотни милліоновъ франковъ разорительныхъ для страны предпріятій, лишь бы воспользоваться нѣсколькими тысячами франковъ.

Но можно спросить: откуда происходитъ то трогательное единогласіе всѣхъ главныхъ газетъ, самыхъ различныхъ мнѣній и, повидимому, враждебныхъ лагерей, когда на сцену выступаетъ съ какимъ либо новымъ проектомъ какой-нибудь Миресъ? Почему вся печать до времени молчитъ о предпріятіяхъ братьевъ Перейровъ и начинаетъ говорить о нихъ только тогда, когда уже поздно предупреждать кого либо? Вѣдь не могли же эти люди пріобрѣсть всѣ газеты или формально купить во всѣхъ ихъ финансовые отдѣлы?

На этотъ вопросъ надо отвѣтить новыми примѣрами. Конечно, нельзя сдѣлаться собственникомъ всѣхъ газетъ, нельзя скупить по контракту финансовые отдѣлы всѣхъ ихъ, уже потому нельзя, что прежніе контрагенты ихъ не уступятъ. Но когда газета не предназначается спеціально служить такому-то предпріятію, а требуется только сочувствіе ея къ нему, или даже одно только *молчаніе* ея о его слабыхъ сторонахъ, въ такомъ случаѣ, подкупъ бываетъ дешевле и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ облекается не въ дѣловыя, а, такъ сказать, въ «граціозныя» формы. Журналистамъ разсылается подачка въ видѣ великодушныхъ даровъ меценатовъ новѣйшаго времени. Въ этомъ отношеніи Миресъ отличался особенною даровитостью и вмѣстѣ «граціозностью», съ какою онъ умѣлъ давать взятки газетчикамъ.

---

2) Контрактъ съ газетою «Ami de la Religion»: «Аббатъ Сиссань поручаетъ г. Серру, съ его согласія, составленіе ежедневной финансовой хроники и ежедневнаго биржевого обозрѣнія. Сверхъ того, г. Серру предоставляется право печатать въ газетѣ разныя статьи по финансовымъ и инымъ общеполезнымъ вопросамъ. Въ вознагражденіе *нравственной выгоды* (bénéfice moral) и гласности, такимъ образомъ ему предоставляемой, г. Серръ обязывается вносить въ кассу газеты ежемѣсячно, впередъ, сумму 2,000 фр., всего 24,000 фр. въ годъ. Контрактъ этотъ заключенъ на 5 лѣтъ, съ 1 марта 1860 г.».

Либеральный банкиръ Лаффиттъ, какъ извѣстно, славился покровительствомъ литературѣ тридцатыхъ годовъ. Ротшильдъ, Перейры, Миресъ и т. д. ухватились за такой примѣръ и стали, въ свою очередь, меценатами. Была только небольшая разница. Лаффиттъ поддерживалъ свою партію или просто помогалъ несчастнымъ. Это былъ Фукé, но Фукé съ бóльшимъ правомъ на такую роль относительно литературы, чѣмъ министръ Людовика XIV, потому именно, что Лаффиттъ въ людяхъ, которымъ онъ помогалъ, сочувствовалъ идеѣ и ее поддерживалъ. Новѣйшіе же меценаты сѣяли, чтобы жать, давали деньги, чтобы наживать бóльшія деньги. Помощь, оказанная Лаффиттомъ, была просто помощью,—подарки Миреса и ему подобныхъ журналистамъ были настоящія взятки.

Сколько-нибудь вліятельнымъ журналистамъ почти всѣмъ случалось получать отъ Миреса письмо такого рода: «М. г., имѣю честь васъ увѣдомить, что я предоставилъ вамъ *столько-то* акцій *въ такомъ-то предпріятіи* и по вашему распоряженію (счастливецъ ровно ничего не зналъ) продалъ ихъ. Вслѣдствіе того, прошу васъ пожаловать въ мою кассу и получить вашу *разность*, которая составляетъ...»

До какой степени нравственнаго паденія дошла эта пресса, выросшая на полѣ, вспаханномъ насиліемъ, удобренномъ всѣмъ отребьемъ десятка революцій, можно видѣть изъ того, что нѣкоторые «специмены» ея рѣшались открыто хвалить такое великодушіе г. Миреса и хвастаться полученіемъ отъ него даровъ, представляя самое молчаніе объ этомъ въ видѣ предразсудка, и заявленію своего продажничества придавая видъ подвига свободомыслія [1]).

---

[1]) Оцѣнить всю наглость, все безстыдство этихъ литературныхъ промышленниковъ можно по слѣдующей статьѣ модной (въ то время еще чисто-фельетонной) газеты «Figaro» Вильмессана. Приводимъ ее in extenso; въ ней каждое слово любо-дорого.

«Я радъ, что представляется случай поговорить со всею откровенностью о нашихъ богачахъ новѣйшаго времени и высказать отъ всего сердца все то хорошее, что я о нихъ думаю. Не слыхалъ я что-то, чтобы встарину банкиры ощущали непреодолимую потребность допускать къ участію въ новомъ барышѣ людей извѣстныхъ имъ только по имени (!). Но такой установился обычай тому всего нѣсколько лѣтъ. Систему распредѣленія милостей на литераторовъ и журналистовъ,—систему, которой держался бы Меценатъ, если бы въ его время существовали компаніи на паяхъ — изобрѣлъ этотъ славный баронъ Ротшильдъ; къ счастію онъ на свое изобрѣтеніе не взялъ привилегіи, такъ, что товарищи его по банкирству могутъ подражать ему, и за эту контрафакцію никто не будетъ въ претензіи.

«Когда было учреждено общество Сѣверной желѣзной дороги, баронъ Ротшильдъ не удовольствовался выпускомъ хорошихъ акцій, но еще пожелалъ дѣлать добрыя дѣла (bonnes *actions*); онъ внесъ въ свою подписную книгу писателей книжныхъ и газетныхъ, поэтовъ, авторовъ драматическихъ, всѣхъ людей остроумныхъ и талантли-

Эти «князья капитала» раздаютъ подачки изъ денегъ обобранныхъ ими бѣдняковъ, и печать поетъ имъ хвалебные гимны. Кто былъ формально купленъ, законтрактованъ, тотъ захваливалъ предпріятіе и набрасывался съ бѣшенствомъ цѣпной собаки на всякаго, кому приходило въ голову заглянуть сквозь заборъ въ вертоградъ спекуляціи; остальные работали для своихъ *господъ*, но о чужихъ *господахъ* молчали потому, что и тѣ, мимоходомъ, бросали имъ по куску.

Вотъ причина единогласія прессы относительно предпріятій въ родѣ Движимаго кредита Перейровъ и общей кассы желѣзныхъ дорогъ Миреса.

Весь этотъ спертый воздухъ такъ зараженъ спекуляціею, что французское общество нашего времени въ значительной степени потеряло инстинктъ добра и зла въ отношеніи къ промышленнымъ продѣлкамъ. Когда судили Миреса, нашлось много людей, которые, не будучи заинтересованы, съ убѣжденіемъ утверждали, что къ человѣку съ такими огромными предпріятіями нельзя примѣнять тѣсной рамки обыкновенныхъ правъ добросовѣстности.

Въ комедіи «Question d'argent», одинъ изъ героевъ постоянно выдѣляетъ дѣла изъ подсудности общей морали: les affaires sont les affaires—вотъ отговорка безпрестанно употребляемая имъ — и едва ли отговорка эта не сдѣлалась общею *поговоркою*, выражающею духъ Франціи при второй имперіи.

выхъ, всѣхъ тѣхъ, чьи сочиненія бросали блескъ на имена своихъ творцовъ. Дѣлалъ онъ это со всею граціозностью, всею деликатностью, тактомъ и рыцарствомъ (gentilhommerie), какихъ слѣдовало ожидать отъ милліонщика, который, живя постоянно среди остроумнѣйшихъ людей своего времени, могъ оцѣнить (!) ихъ по достоинству. Онъ раздавалъ по первоначальной цѣнѣ акціи, которыя можно было тотчасъ продать съ барышомъ; но можно было и оставить ихъ за собою и сдѣлаться такимъ образомъ компаньономъ барона; человѣкъ становился уже не только обязаннымъ барону, но и его акціонеромъ; самыя щепетильныя гордости не могли обижаться щедростью, которая дѣйствовала съ такой вѣжливостью.

«Впослѣдствіи, г. Миресъ, когда онъ повелъ большія дѣла, сталъ подражать благородному примѣру г. Ротшильда, а гг. Перейры усвоили туже привычку.

«И вотъ такъ-то, отъ времени до времени, на литературную степь спускается благодѣтельная манна, въ формѣ подарковъ, предлагаемыхъ деликатно, и вызванныхъ мыслью, которая ни по цѣли, ни по пріемамъ своимъ не можетъ обидѣть ничьей гордости.

«Что же слѣдуетъ изъ этихъ ободреній, даваемыхъ писателямъ милліонерами? А вотъ что: милліонерамъ прощаютъ ихъ милліоны за эти барскіе (princières) пріемы, и зависть не смѣетъ кусать ихъ, когда ихъ охраняетъ благодарность». «Figaro», 16 décembre 1860.

И пресса не отвѣчала уничтожающимъ протестомъ на эту наивно-дерзкую апологію продажнаго писаки, настоящій обвинительный актъ противъ всѣхъ лучшихъ писателей современной Франціи!

— Да что же это, наконецъ, такое — les affaires? спрашиваетъ другое лицо.

— «Les affaires — c'est l'argent des autres», отвѣчаетъ моралистъ пьесы.

Въ процессѣ Миреса, генеральный адвокатъ Сенаръ, на упомянутый доводъ въ его пользу, сказалъ: «А! вы были великодушны, говорятъ намъ; ваша рука была открыта для просителей. Да, вы разсыпали милости, но разсыпали вы деньги бѣдняковъ: деньги вотъ этого кучера, этой старой служанки, этого несчастнаго фактора, который сошелъ съ ума. Можно ли вмѣнить въ вашу пользу подобныя благодѣянія?»

Въ статьѣ, трактующей о развитіи въ современной Франціи спекуляціи и игры въ кредитныя и промышленныя цѣнности, должна занять видное мѣсто дѣятельность Общества Движимаго кредита. Дѣятельность этого Общества важна для насъ уже по тому, что это общество было однимъ изъ главныхъ спекулянтовъ и игроковъ на парижской биржѣ въ теченіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ и имѣло огромное вліяніе на самыя условія игры для другихъ спекулянтовъ. Общество это «создало» нѣсколько десятковъ разныхъ цѣнностей, то-есть бумагъ, на сумму всего около *четырехъ милліардовъ* франковъ, бумагъ, которыя были предметомъ самой отчаянной спекуляціи. Итакъ, уже сама по себѣ дѣятельность этой компаніи важна для насъ.

Но она важна для насъ еще преимущественно въ другомъ смыслѣ: она представляетъ крупнѣйшій примѣръ спекуляцій собственно-банковыхъ или кредитныхъ. О размѣрахъ, въ какихъ вращалась эта игра на бумаги, выпущенныя Движимымъ кредитомъ, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе уже изъ того факта, что на 21 главныхъ изъ этихъ бумагъ потеряно, по сравненію цѣнъ настоящихъ съ высшими цѣнами, до какихъ онѣ доходили въ разное время—до *1,740 милліоновъ* франковъ! Въ одни послѣдніе три года, эти цѣнности, вмѣстѣ взятыя, упали на 650 милліоновъ. Вотъ, во что̀ обошлась дѣятельность общества Движимаго кредита его участникамъ и имѣвшимъ съ нимъ дѣла.

Всѣ ли участники общества понесли такой убытокъ, или были и такіе, которые, напротивъ, обдѣлали свои дѣла на счетъ остальныхъ—это мы увидимъ ниже, и это-то обнаружитъ одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ торговли кредитомъ вообще и спекуляціи въ акціонерныхъ компаніяхъ по преимуществу.

Весьма любопытно и поучительно было бы изслѣдовать, какими путями составляются громадныя личныя состоянія посред-

ствомъ спекуляціи; еслибы можно было прослѣдить, какъ образовались страшные капиталы Ротшильдовъ, Фульдовъ и другихъ князей биржи. Но предметъ этотъ такъ щекотливъ и вѣрныхъ данныхъ можетъ быть такъ мало относительно лицъ единичныхъ, сохраняющихъ дѣла свои втайнѣ, что сдѣлать подобное изслѣдованіе сколько-нибудь основательно нельзя. Другое дѣло—изслѣдовать дѣйствія администраторовъ акціонернаго общества; они все-таки принуждены къ нѣкоторой гласности, именно къ представленію годичныхъ отчетовъ своимъ акціонерамъ.

Мы уже упоминали въ началѣ этого очерка имя братьевъ Перейровъ, имя громкое, и читателямъ, конечно, давно знакомое. Мы встрѣтили ихъ въ числѣ главныхъ денежныхъ феодаловъ современной Франціи, и видѣли, какъ они умѣютъ захватывать себѣ выгодныя и вліятельныя мѣста, монополизировать управленіе дѣлами всѣхъ главныхъ предпріятій. Мы видѣли также, какимъ почетомъ они пользуются въ оффиціальномъ мірѣ Франціи. Теперь намъ нужно познакомиться съ двумя главными изъ этихъ пресловутыхъ братьевъ поближе, и узнать, какимъ образомъ пріобрѣтаются эти скороспѣлые, громадные капиталы, дающіе право на всѣ остальныя блага.

Перейры — португальскіе евреи, давно уже поселившіеся во Франціи. Въ семействѣ ихъ прославился филологъ Хосѐ-Родригесъ Перейра, спеціалистъ въ дѣлѣ воспитанія глухонѣмыхъ.

Эмиль и Исаакъ Перейры — главные изъ знаменитыхъ братьевъ — приходятся внуками этому почтенному педагогу. Они родились въ Бордо̀ и начали, какъ говорится, почти что съ ничѣмъ, но начали именно съ той профессіи, которая служитъ спеціальностью коммерческому генію ихъ племени: съ посредничества, маклерства и куртажа по вексельной части. Еще помнятъ, какъ Эмиль Перейръ бѣгалъ по торговымъ кварталамъ Бордо̀, занимаясь учетомъ и продажею векселей. Братья Эмиль и Исаакъ переселились въ Парижъ и продолжали тамъ свое дѣло. Они — люди образованные и не оставались «внѣ движенія идей», хотя умѣли изъ всякаго движенія и обмѣна мыслей извлечь практическую пользу для себя. Такъ, они вступили въ сен-симонистскую секту, которой члены были тѣсно связаны другъ съ другомъ, и сблизились тамъ съ Мишелемъ Шевалье́, Биксіо и другими извѣстными людьми, а посредствомъ ихъ и сами выдвинулись впередъ. Эмиль Перейръ сдѣлался сотрудникомъ газетъ «Globe» и «National» и сталъ вести въ нихъ финансовый отдѣлъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ. Участіе братьевъ Перейровъ въ основаніи первой французской желѣзной дороги [1]) впервые поставило ихъ на ноги, вы-

[1]) Изъ Парижа въ Сен-Жерменъ; построена 1835—1837. Эта дорога, съ капита-

вело ихъ на путь финансоваго величія. Впослѣдствіи они же предприняли постройку Сѣверной дороги, затѣмъ стали принимать участіе въ разныхъ важныхъ предпріятіяхъ. Они славились какъ необыкновенно способные и изумительно-смѣлые спекулянты. Въ 1852 году, Эмиль былъ, между прочимъ, однимъ изъ директоровъ компаніи Сѣверной дороги, а Исаакъ — Ліонской.

Въ спекулятивной горячкѣ, которая проявилась съ возстановленіемъ имперіи, быстрота сдѣлокъ и разсчетовъ, и многочисленность возникавшихъ предпріятій и спекуляцій—все это благопріятствовало и развитію кредита, и установленію такихъ кредитныхъ знаковъ, которые, принося постоянно, день за день, доходъ, могли бы удовлетворять потребности легкаго обращенія.

Въ это время братьямъ Перейрамъ пришла мысль основать такое общество, которое, служа банкомъ для промышленныхъ предпріятій и для биржевой спекуляціи, громадностью своихъ средствъ подчиняло бы себѣ парижскую биржу и затѣмъ могло бы произвольно распоряжаться самыми условіями биржевой спекуляціи, то-есть *играть на биржѣ навѣрняка* и въ огромныхъ размѣрахъ. Само собою разумѣется, что такой цѣли нельзя было заявить открыто. Оффиціально объявленныя цѣли Движимаго кредита были самыя благотворныя. Оно должно было служить банкомъ для промышленныхъ предпріятій, банкомъ вкладовъ, ссудъ и займовъ, финансовою компаніею, коммиссіонерскимъ банкомъ для выпуска кредитныхъ цѣнностей. Вотъ какъ описывали основатели вѣрныя послѣдствія своего громаднаго дѣла: «содѣйствовать развитію національной промышленности, облегчать устройство и дѣятельность большихъ предпріятій, принимать участіе въ предпріятіяхъ уже существующихъ посредствомъ пріобрѣтенія въ нихъ акцій или подписки на ихъ облигаціи, отдавая предпочтеніе именно тѣмъ изъ предпріятій, которыя представляютъ бо́льшую общественную пользу. Во времена благосостоянія, общество должно служить руководителемъ для капиталовъ, ищущихъ производительнаго помѣщенія; въ эпохи затруднительныя — оно можетъ предоставить драгоцѣнныя средства для поддержанія труда и умѣренія кризисовъ, бывающихъ слѣдствіями внезапнаго исчезновенія съ рынка капиталовъ». Вотъ та блестящая программа, которая была заявлена публикѣ, но истинною цѣлью, какъ оказалось послѣ, было именно монополизированіе кредита и игра навѣрняка.

Понятно, что эти цѣли надо было заботливо скрыть; вотъ

ломъ въ $13^1/_2$ милл. фр., была впослѣдствіи соединена съ большою сѣтью, причемъ капиталъ ея былъ оцѣненъ уже въ $47^1/_2$ милл.

почему въ уставъ общества былъ внесенъ параграфъ безусловно воспрещавшій ему *открытыя* продажи (marchés à découvert) и покупки на премію, т. е., какъ мы объяснили выше, именно тотъ родъ спекуляціи, который составляетъ самую сущность биржевой игры. Понятно также, что тайныхъ цѣлей, которыя мы только что назвали, основатели могли достигнуть только для себя самихъ, а не для акціонеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, цѣли эти могли быть достигаемы только прямо въ противность уставу и тайными продѣлками, о которыхъ нельзя было даже упоминать въ отчетахъ. Общество Движимаго кредита было осуждено заранѣе на тотъ возмутительный лаконизмъ и ту дерзкую лживость отчетовъ, которыми оно впослѣдствіи отличилось. Иначе быть не могло потому именно, что главною дѣятельностью компаніи должно было быть нѣчто постороннее дѣятельности его явной, оффиціальной. Но при такихъ условіяхъ отсутствія гласности и тайнаго отклоненія отъ оффиціальной задачи, съ какой же стати директора стали бы дѣлиться барышами съ акціонерами? Тотъ, кто втайнѣ отъ своего довѣрителя пускаетъ его деньги въ игру, не станетъ, да и не можетъ справедливо дѣлиться съ нимъ барышомъ. Мало того: понятно, что для достиженія своихъ тайныхъ цѣлей, основатели и директоры Движимаго кредита должны были рисковать и даже жертвовать выгодами общества своимъ личнымъ, тайнымъ выгодамъ. Такъ это и случилось, и въ настоящемъ очеркѣ будетъ освѣщена преимущественно именно эта сторона дѣла, сторона, представляющая самый полный примѣръ *спекуляціи*, самое блистательное примѣненіе девиза: les affaires— c'est l'argent des autres...

Декретъ утверждавшій общество Движимаго кредита (Société générale du Crédit mobilier) былъ подписанъ 18 ноября 1852 года, по докладу бывшаго въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія и торговли Персиньи. Въ этомъ декретѣ поставлено было обществу въ обязанность 1) каждые шесть мѣсяцовъ представлять министру, сенскому префекту, префекту полиціи, торговой парижской палатѣ и коммерческому суду по экземпляру своего балансоваго отчета (плачевные результаты дѣятельности Движимаго кредита служатъ, между прочимъ, доказательствомъ, какъ ничтожна гарантія обѣщаемая этимъ избыткомъ административнаго контроля); 2) представлять такіе же отчеты министру финансовъ, по его требованію, и періодически; 3) допускать въ свою отчетность и операціи ревизію уполномоченныхъ министра финансовъ; 4) не участвовать безъ разрѣшенія правительства въ подпискахъ на иностранные государственные фонды; и 5) представлять на утвержденіе правительства составъ своего правленія.

Какая роскошь бюрокративной предусмотрительности и осторожности! Но такъ какъ ясно, что вліятельными директорами должны были быть люди, одобренные правительствомъ, а въ дѣйствительности даже близкіе къ нему, то къ чему же вела вся эта роскошь контроля? Не къ тому ли, чтобы увѣрить публику въ благонадежности предпріятія.

Такъ какъ, несмотря на то, что вся Франція полнилась слухомъ о безстыдныхъ спекуляціяхъ, въ свою личную пользу, директоровъ Движимаго кредита, о спекуляціяхъ, при которыхъ они даже искусственно роняли сами курсъ акцій своего общества, а между тѣмъ администрація, несмотря на предоставленныя ей всевозможныя контрольныя права, нисколько не предупредила результатовъ дѣятельности членовъ правленія, — то нѣтъ ли основанія видѣть въ упомянутомъ декретѣ просто рекламу въ пользу компаніи близкой правительственнымъ лицамъ?

Въ уставѣ, въ числѣ основателей общества, кромѣ Перейровъ, названо было нѣсколько банкировъ, французскихъ и иностранныхъ, и нѣсколько знатныхъ лицъ. Цѣль въ уставѣ была опредѣлена въ слѣдующихъ словахъ: «содѣйствіе развитію промышленности, общественныхъ работъ и консолидація въ одинъ общій фондъ кредитныхъ цѣнностей разныхъ предпріятій.» Такимъ образомъ, движимый кредитъ долженъ былъ заниматься обширными операціями: пріобрѣтать французскіе фонды, акціи и облигаціи всякихъ кредитныхъ и промышленныхъ компаній, въ особенности желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и рудниковъ, выпускать свои облигаціи на сумму равную своему активу, состоящему изъ пріобрѣтенныхъ цѣнностей, продавать или закладывать эти цѣнности, принимать на коммиссію и реализировать какъ правительственные займы, такъ и концессіи по общественнымъ работамъ, дѣлать ссуды подъ залогъ государственныхъ и частныхъ бумагъ и открывать текущіе счеты по такимъ залогамъ или вкладамъ наличными деньгами, принимать на свою обязанность всю финансовую часть промышленныхъ компаній, то-есть получать за нихъ срочныя поступленія, уплачивать проценты или дивиденды по купонамъ ихъ обязательствъ, и принимать ихъ суммы на храненіе.

За то, кромѣ этихъ операцій, Движимому кредиту уставомъ прямо воспрещались всякія иныя, и изъ нихъ особо поименованы именно открытыя запродажи, т. е. обязательство поставить къ сроку по опредѣленной цѣнѣ такія цѣнности, которыми контрагентъ еще не владѣетъ въ минуту заключенія контракта.

Капиталъ общества былъ опредѣленъ въ шестьдесятъ милліоновъ франковъ, и составлялся изъ 120 т. акцій въ 500 фр.

каждая; первоначально было выпущено только 40 т. акцій. По числу взятыхъ акцій, главные участники движимаго кредита представляются въ такомъ порядкѣ: домъ Бенуà Фульдъ и Фульдъ-Оппенгеймъ (11,445 акцій), Эмиль Перейръ (5,773 акціи), Исаакъ Перейръ (5,673 акціи), братья Маллè (800), Біеста (750), Бенуà Фульдъ (730) [1]). Для удобства спекуляціи, акціи Движимаго кредита были писаны просто на предъявителя, т. е. ихъ можно было передавать безъ всякихъ формальностей.

По уставу, изъ барышей отчислялось ежегодно: 5% со всего капитала акцій, и 5% чистаго барыша въ резервный фондъ. Остальное дѣлилось такъ, что *одна десятая* всего чистаго дохода предназначалась въ пользу директоровъ, а девять десятыхъ по акціямъ. Уставъ допускалъ возможность увеличенія компанейскаго капитала, составленнаго изъ акцій, т. е. выпускъ новыхъ акцій, сверхъ суммы 60 милліоновъ. Общество было учреждено на 99 лѣтъ.

Теперь упомянемъ о нѣкоторыхъ чертахъ управленія опредѣленнаго уставомъ, чтобы показать, какъ легко было главнымъ участникамъ захватить въ свои руки безконтрольное распоряженіе громадными суммами, которыя довѣряла имъ спекуляція. Совѣтъ правленія составлялся изъ 15 членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ акціонеровъ. Но составъ перваго совѣта [2]), опредѣленный уже уставомъ, не могъ быть измѣняемъ ранѣе шестого года. Совѣтъ долженъ былъ назначить правленіе (comité d'execution) изъ пяти членовъ, для веденія дѣлъ, подъ его руководствомъ. Общія собранія должны были состоять изъ двухъ сотъ значительнѣйшихъ акціонеровъ, которымъ списокъ составлялъ самъ совѣтъ правленія *за мѣсяцъ* до созванія собранія. Чтобы попасть въ этотъ списокъ надо было внести свои акціи въ кассу общества за *два мѣсяца* до составленія списка. Одинъ членъ собранія могъ имѣть до пяти голосовъ на свое имя и до десяти голосовъ съ довѣренностями. Смѣнять директоровъ, собранія могли только въ сроки.

Приведенныхъ нами положеній устава достаточно, чтобы по-

---

[1]) По 500 акцій взяли: римскій банкиръ Торлонія, гамбургскій банкиръ Саломонъ Гейне, кёльнскій банкиръ Оппенгеймъ, герцогъ Муши, герцогъ Галліера, парижскіе банкиры баронъ Селльеръ, Эйхталь, Агирревенгоа, Миресъ и др. Въ числѣ первоначальныхъ подписчиковъ назовемъ знакомыя имена: еще четырехъ Фульдовъ, Тюрнейссена, Пинаро, Лессепса.

[2]) Въ уставѣ были поименованы. гг. Абароа. Андрè, Біестà, Дез-Аръ, Эйхталь, Б. Фульдъ, герцогъ Галліера, Гринингеръ, Маллè, герцогъ Муши, И. Перейръ и бар. Селльеръ. Имъ было предоставлено пополнить узаконенное число членовъ, по ихъ выбору.

казать, какъ облегчено было установленіе среди Общества Движимаго кредита настоящей, безсмѣнной олигархіи, какъ удобно было искусственною раздачею акцій «обдѣлывать» составъ общихъ собраній, наконецъ, въ этихъ собраніяхъ захватывать, посредствомъ довѣренностей, большинство голосовъ, набирая ихъ по десяти для каждаго, вооружаемаго въ защиту совѣта члена.

Общество Движимаго кредита примѣнило къ своимъ дѣламъ весь запасъ искусственнаго «обдѣлыванія конституціонной кострюли», какъ выражался Поль-Луи Курье о реставраціи, запасъ значительно пріумноженный во времена «отеческаго» правленія Людовика-Филиппа, — времена глубоко-развратныя, въ смыслѣ политическомъ. Въ первые годы существованія у насъ Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, оно преподало и намъ эти полезные уроки; и неудивительно, такъ какъ это Общество было дѣтищемъ того же самаго Движимаго кредита, выработавшаго въ себѣ образцовую парламентскую тактику, которой могъ только завидовать самъ Наполеонъ III.

Основаніе Движимаго кредита приписывали всегда не одному изобрѣтательному генію братьевъ Перейровъ. По общему мнѣнію, изъ *гораздо высшей сферы* истекла мысль основать такое финансовое предпріятіе, которое соперничало бы съ парижскимъ домомъ Ротшильдовъ, домомъ, сохранившимъ связи съ орлеанскою фамиліею. Перейры, какъ ловкіе дѣльцы, только подвернулись кстати со своимъ проектомъ. Извѣстный докторъ Веронъ, въ своемъ сочиненіи «Quatre ans de règne» разсказываетъ, что объ утвержденіи Движимаго кредита хлопоталъ въ особенности Персиньи, и что хотя всѣ министры, и во главѣ ихъ Ашилль Фульдъ, были рѣшительно противъ этого предпріятія, но императоръ согласился съ Персиньи [1]. Что Персиньи принималъ въ дѣлѣ горячее участіе, этого не оспариваетъ никто; но Айкаръ замѣчаетъ, что едва ли свѣдѣнія Верона точны относительно Фульда, такъ какъ домъ Фульдовъ былъ въ числѣ главныхъ участниковъ Движимаго кредита. Но, какъ бы то ни было, для насъ важно собственно то показаніе, что совѣтъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ императора, обсуждалъ не только мысль, но весь планъ этого пред-

---

[1]) «Онъ выступилъ—говоритъ Веронъ, —горячимъ ходатаемъ за это учрежденіе, которое должно было разрушить монополію займовъ, родъ диктатуры на иностранныхъ рынкахъ и въ особенности на парижской биржѣ, принадлежавшіе одному первостепенному, прочному, честному банкирскому дому, который однако, по мнѣнію, г. Персиньи, имѣлъ тотъ недостатокъ, что сохранилъ дружбу съ однимъ изъ отъявленныхъ враговъ всенароднаго избранника. Въ Движимомъ кредитѣ, онъ видѣлъ опасную конкурренцію для этого дома.... однимъ словомъ, предполагалъ въ немъ большой *правительственный* банкирскій домъ.»

пріятія прежде того, чѣмъ учредители его повели дѣло оффиціальнымъ путемъ. Солидарность высшихъ сферъ съ Движимымъ кредитомъ, а стало быть и доля ихъ нравственной отвѣтственности за результаты его дѣятельности не могутъ подлежать сомнѣнію.

Акціи Движимаго кредита появились на парижской биржѣ съ самаго начала, какъ нѣкая буря или водоворотъ, которыхъ измѣненій нельзя предвидѣть и которыя обѣщали или почти мгновенное обогащеніе или гибель, такъ внезапны и сильны были измѣненія курса этихъ акцій въ каждый биржевой день. Еще до выпуска ихъ, самыя промессы на акціи Движимаго кредита продавались по 995 фр., 1,100 фр., возвышались или падали ежедневно на нѣсколько десятковъ и даже болѣе сотни франковъ, наконецъ достигли даже баснословной цѣны *2,110* франковъ. 2,110 франковъ за акцію, по которой было внесено всего 100 франковъ при подпискѣ!

При самомъ появленіи акцій Движимаго кредита на биржѣ, онѣ вызвали нѣчто въ родѣ той горячки, которою ознаменовалось время Лоу. Нѣсколько спекулянтовъ вдругъ нажили большіе капиталы, другіе потеряли милліоны, такъ сильны и внезапны были измѣненія въ курсѣ этихъ акцій. Въ биржевой бюллетень онѣ были внесены въ первый разъ 23 ноября 1852 года, и первый курсъ ихъ былъ 1,100 фр. Затѣмъ, онѣ пошли возвышаться и падать такъ, что, напр., въ промежутокъ между двумя биржевыми днями, возвышеніе было на 315 франк. Съ конца ноября до 1 января 1853 года, цѣна акцій поднималась до 1,785 фр. и падала до 830 фр. Вотъ въ какихъ отдаленныхъ предѣлахъ происходила здѣсь игра: на ста акціяхъ можно было въ одинъ день потерять 100 тысячъ франковъ! Для массы спекулянтовъ это была настоящая игра, игра еще болѣе азартная, чѣмъ рулетка, потому именно, что ставка здѣсь была неопредѣленна, и проигрышъ или выигрышъ могли быть вдвое противъ нарицательной цѣны акцій.

Кто могъ предвидѣть эти ежедневныя, быстрыя и сильныя колебанія, кто могъ разсчитывать шансы хоть съ какою-нибудь увѣренностью? Никто, кромѣ самихъ участниковъ предпріятія. Они одни были посвящены въ ходъ дѣлъ, они одни предвидѣли измѣненія, могли даже *дѣлать* ихъ сами; однимъ словомъ, они играли навѣрняка.

Что касается до положенія дѣлъ самаго Общества при концѣ года, то надо замѣтить, что при курсѣ акціи въ 1,000 фр., оно на каждую было въ барышѣ на 500 фр. На весь акціонерный капиталъ это составило бы 60 милліоновъ фр. барыша; на курсъ

1,500 фр. (курсъ, какъ мы видѣли, бывалъ и выше), барышъ составилъ бы 120 милл.

Будущность Движимаго кредита, очевидно, была обречена на жестокую, многообразную спекуляцію, которая и составляла тайную цѣль его основателей. Но прежде, чѣмъ продолжать исторію этого учрежденія, мы должны различить въ самыхъ тѣхъ цѣляхъ предпріятія, которыя заявлялись открыто, двѣ главныя: во-первыхъ, оно должно были централизовать въ себѣ финансовые обороты большихъ компаній, преимущественно же компаній желѣзныхъ дорогъ; во-вторыхъ — создать и ввести въ обращеніе новый обмѣнный кредитный знакъ, новую кредитную монету, которая, принося ежедневно доходъ, въ тоже время находилась бы постоянно въ обращеніи. Вотъ эта-то вторая цѣль наиболѣе занимала основателей Движимаго кредита; имъ хотѣлось прибрать къ рукамъ всѣ лежащія временно безъ употребленія суммы компаній и частныхъ лицъ, всѣ даже мелкія сбереженія такъ-называемыхъ «шкатулочныхъ хозяевъ».

Итакъ, Движимый кредитъ долженъ былъ служить банкомъ съ кредитными, мѣновыми билетами, которые были бы обезпечены не векселями — какъ то существуетъ въ правительственныхъ и коммерческихъ банкахъ — а государственными фондами и бумагами акціонерныхъ обществъ. Чтобы усвоить этимъ билетамъ полное значеніе мѣновыхъ, предполагалось установить для нихъ размѣнную кассу, съ тѣмъ только, чтобы размѣнъ, т. е. уплата по нимъ звонкою монетою, производилась не по предъявленіи, а въ опредѣленные сроки. Какая заманчивая мысль: ассигнаціи, подлежащія размѣну и приносящія доходъ ежедневный [1])! Основатели Движимаго кредита чрезвычайно дорожили этой мыслью о «карманной сберегательной кассѣ».

Осуществленіе этой мысли привлекло бы въ распоряженіе директоровъ суммы колоссальныя, сбереженія всей Франціи, Движимый кредитъ сдѣлался бы ассигнаціоннымъ банкомъ. Что основатели имѣли въ виду эту мысль съ самаго начала, и что правительство не имѣло ничего противъ осуществленія ея ими, — это доказывается громадною непропорціональностью дозволеннаго уставомъ выпуска облигацій общества, въ сравненіи съ его акціонернымъ капиталомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Обществу предоставлено было выпустить облигацій на сумму *въ десять разъ* бо̀льшую противъ его акціонернаго капитала. Такимъ образомъ, когда

[1]) Эта остроумная мысль принадлежитъ Эмилю Жирардену. Ею воспользовались основатели «Ліонскаго кредита». Они выпустили билеты на предъявителя, и уплачиваемые по предъявленію, приносящіе 1 сантимъ дохода на 100 фр. въ день, то-есть 3 фр. 65 сант. процентовъ въ годъ.

былъ бы реализованъ весь акціонерный капиталъ 60 милл. фр., то облигацій Движимаго кредита могло быть выпущено на 600 милл. фр. Заемъ, въ десять разъ превышающій обезпеченіе!

Но въ 1853 году, капиталъ Движимаго кредита составлялъ еще только 30 милл. [1]). Первая серія облигацій была уже выпущена, но такъ какъ по уставу итогъ облигацій вмѣстѣ съ итогомъ текущихъ счетовъ не могъ превышать двойной суммы реализованнаго акціонернаго капитала, а уже однихъ текущихъ счетовъ было въ это время открыто на 60 милл., то пришлось даже выкупить часть уже выпущенныхъ облигацій. Сверхъ того, акціонеры отнеслись неблагопріятно къ проекту «карманной сберегательной кассы», и основатели Движимаго кредита должны были отложить осуществленіе своей мысли, объясняя встрѣченное ими затрудненіе тѣмъ, что финансовое воспитаніе страны еще слишкомъ «незрѣло» [2]).

Въ теченіи 1853 года, Движимый кредитъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 90—95 милл. фр., для оборотовъ. Онъ оказалъ содѣйствіе учрежденію земельнаго кредита, принявъ сильное участіе въ подпискѣ на выпущенныя имъ облигаціи, участвовалъ въ операціи слитія трехъ линій желѣзныхъ дорогъ, взялъ на себя заемъ центральной дороги (Grand central) и вступилъ въ сношенія съ разными другими желѣзнодорожными компаніями; южная и центральная дороги поручили ему свои кассы, уплату своихъ дивидендовъ, реализацію займовъ и т. д. Отъ компаніи силезскихъ рудниковъ и другихъ Обществъ онъ получилъ также подобныя порученія, дѣлалъ ссуды, участвовалъ въ основаніи дармштадтскаго банка и проч.

Но, кромѣ всѣхъ этихъ операцій, входившихъ въ оффиціяльную его программу, не занимался ли Движимый кредитъ спекуляціями иного рода? Въ отчетѣ за 1853 годъ, представленномъ въ 1854 году, есть такое разсужденіе: «когда средства Движимаго кредита получатъ все то развитіе, которое опредѣлено въ уставѣ, то конечнымъ результатомъ нашихъ операцій будетъ, за исключеніемъ дохода съ капитала, — разность въ процентѣ платимомъ нами по нашимъ займамъ и полученномъ нами съ помѣщенія нашихъ капиталовъ. Тогда измѣненія курса не бу-

---

[1]) Въ теченіи 1853 г., акціи Движимаго кредита были еще оплачены только 250-ю фр. Дополнительный взносъ 250 фр. былъ потребованъ уже только въ концѣ декабря 1853 года.

[2]) Уставъ опредѣлялъ, чтобы наименьшій срокъ облигацій былъ 40 дней; директоры предлагали ходатайствовать объ отмѣнѣ этого пункта; они хотѣли выпустить оборотные билеты въ видѣ ликвидаціонныхъ облигацій, по которымъ сроки платежей были бы по 15 дней, т. е. соотвѣтствовали бы биржевымъ ликвидаціямъ.

дутъ важны для насъ, такъ какъ наши выгоды будутъ составляться изъ доходовъ, а не изъ колебаній въ цѣнности самого капитала. Но до того времени, мы не могли пренебрегать *разностями*, какія представлялись намъ по такимъ употребленіямъ капитала, которыя не имѣли еще характера окончательныхъ помѣщеній». Спрашивается, какія же назначенія капиталовъ директоры считали окончательными и какія только временными? Здѣсь уже открыто поле для предположеній, что окончательными записывались на Общество тѣ операціи, которыя не принесли выгоды, а тѣ, на которыхъ директоры наживались, считались временными... Сверхъ того, отчетъ не упоминалъ, какимъ образомъ *разности* были собираемы Обществомъ: не посредствомъ ли запрещенныхъ биржевыхъ сдѣлокъ? Наконецъ, въ отчетѣ не упоминалось и того, какъ распредѣлялись эти разности по разнымъ счетамъ Общества [1]).

Отчетъ не упоминалъ и объ операціи съ дармштадскимъ банкомъ, не упоминалъ и о концессіи центральной желѣзной дороги, хотя акціи перваго изъ этихъ предпріятій продавались съ 100 фр. преміи, а второго съ 93 фр. преміи. Должно быть, операціи съ ними Движимаго кредита, именно потому, что давали до 100 фр. преміи, и не были причтены къ числу «окончательныхъ» помѣщеній капиталовъ, по которымъ слѣдовало бы дѣлиться барышами съ акціонерами по уставу, а не по произволу.

Дѣла съ центральною желѣзною дорогой были поводомъ къ вступленію въ совѣтъ Движимаго кредита герцога Морни [2]).

Гласныя биржевыя операціи Движимаго кредита заключались въ ссудахъ на отсрочку (reports). Мы уже объяснили выше, что для большого капитала, это самое выгодное и самое вѣрное помѣщеніе. Движимый кредитъ употреблялъ на эту операцію громадныя суммы, получаемыя имъ по текущимъ счетамъ.

Такихъ суммъ, въ теченіи 1853 года, поступило въ общество болѣе 147 милліоновъ фр. и вотъ онѣ-то и доставляли громадные барыши при отдачѣ на репортированіе, обстоятельство, ко-

---

[1]) «Но—замѣчаетъ по этому поводу Айкаръ — въ то время на такія мелочи не смотрѣли; акціонеровъ занимало только одно: количество дивиденда. Они читали въ концѣ отчета мѣсто, въ которомъ говорилось о количествѣ дивиденда и времени уплаты... и затѣмъ, успокоивались. Такъ иные читатели прямо обращаются въ романахъ къ послѣднимъ страницамъ: они хотятъ знать только развязку.» Что во Франціи *было*, то у насъ *есть*.

[2]) Президентомъ совѣта общества былъ Бенуà Фульдъ, но болѣзнь заставила его выйти, и 1858 году онъ умеръ; замѣненъ онъ не былъ втеченіи 1854 года; вице-президентами были Исаакъ Перейръ и Шарль Малле.

торое не осталось безъ вліянія на пониженіе самаго процента репортажа на биржѣ.

Результаты операцій Движимаго кредита въ 1853 г. были:

Выдано акціонерамъ . .	4.830,000 фр.
Отчислено въ резервъ .	179,708 —
Выдано директорамъ . .	341,445 —

Но цѣны акцій его уже были гораздо ниже существовавшихъ въ первые мѣсяцы выпуска [1]). Это зависѣло не столько отъ реакціи собственно противъ первоначальныхъ преувеличеній достоинства акцій Движимаго кредита, сколько отъ реакціи курсовъ вообще. Со времени государственнаго переворота и до провозглашенія имперіи, курсы все повышались; биржа, такъ сказать, учитывала впередъ грядущіе годы спокойствія. Но по провозглашеніи имперіи учитывать уже было болѣе нечего; должна была естественно послѣдовать реакція по всѣмъ кредитнымъ цѣнностямъ, которыя всѣ, начиная съ ренты, а въ особенности бумаги желѣзно-дорожныхъ компаній были доведены до крайнихъ предѣловъ дороговизны, пробудившеюся въ 1852 году горячкою спекуляціи. Паденію курсовъ содѣйствовали и политическія обстоятельства: крымская война 1853 и 1854 годовъ.

При заключеніи счетовъ за 1853 годъ, въ апрѣлѣ 1854 г., дивидендъ былъ опредѣленъ въ 25 фр. на акцію. Считая проценты на капиталъ и дивидендъ, акціонеры Движимаго кредита получили: 1-го іюля 1853 — 6 фр. 25 сант.; 1 января 1854 г.—9 фр., да 1 іюля 1854 года—25 фр., всего 40 фр. 25 сант. процентовъ и дивиденда. Такъ какъ, втеченіи года, взносы на акцію составили по 300 фр., то съ этого капитала, стало быть, было получено чистаго дохода 13,4%.

Новый періодъ повышенія дѣлъ Общества насталъ не ранѣе 1855 года, который, какъ мы увидимъ въ слѣдующей статьѣ, былъ апогеемъ и для дѣятельности Движимаго кредита.

---

[1]) Въ теченіи 1853 года курсъ акцій не превзошолъ 1000 фр.; низшая цѣна была даже 640 фр. Разность 320 фр. Итакъ, сильныя колебанія оставались отличительною чертою бумагъ Движимаго кредита, и упрочивали за ними значеніе по преимуществу спекулятивнаго, рискованнаго помѣщенія капиталовъ. Айкаръ высчитываетъ, по измѣненіямъ курса, что еслибы какой либо спекулянтъ на акціи Движимаго кредита постоянно въ 1853 году покупалъ по низшимъ цѣнамъ, а продавалъ по высшимъ, то въ теченіи года, онъ выигралъ бы на 100 акціяхъ 162,250 фр., а на 1000 акціяхъ—1.622,500 фр.

СОНЪ
БАБУШКИ и ВНУЧКИ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Лѣтъ шесть тому назадъ, около центра Москвы, стоялъ небольшой каменный домъ Екатерининскихъ временъ между церковнымъ погостомъ и широко-раскинувшимся запущеннымъ садомъ. Домъ этотъ смотрѣлъ дряхло, почти угрюмо. Видно было съ перваго взгляда, что хозяева, запуганные поправками, которыя не обошлись бы безъ большихъ издержекъ, не рѣшились къ нимъ приступиться, махнули рукой и успокоились на мысли, что «по ихъ вѣкъ станетъ».

Въ ту пору, когда начинается мой разсказъ, наружная штукатурка дома мѣстами обвалилась; первобытный цвѣтъ крыши такъ порыжѣлъ, что трудно было его опредѣлить; ржавчина пробилась повсюду, а на каменныхъ ступеняхъ крыльца образовались трещины, которыя заростали травой въ лѣтнее время.

Полночь давно пробила и въ домѣ наступило сонное царство; — войдемъ. Изъ передней, обставленной по старинному обычаю, за лавками, ходъ въ залу или такъ-называемую столовую, освѣщенную рядомъ оконъ, обращенныхъ на дворъ. Напротивъ оконъ, посреди внутренней стѣны, отворена дверь въ гостиную. Здѣсь такъ темно, что лишь съ трудомъ можно разглядѣть портретъ Екатерины II, испещренный тѣнью голыхъ, покрытыхъ инеемъ и освѣщенныхъ мѣсячными лучами, садовыхъ деревъ. На право

другая, непритворенная дверь выходитъ въ слабо освѣщенную спальню. Въ спальнѣ горитъ лампада, зажженная передъ угольнымъ кіотомъ. Черные лики угодниковъ, ихъ длинныя и сухія руки рѣзко отдѣляются отъ золотыхъ ризъ и вѣнчиковъ, украшенныхъ драгоцѣнными каменьями и тщательно вычищенныхъ къ празднику.

Глубокій смыслъ сокрытъ въ этихъ суровыхъ изображеніяхъ, умышленно отбросившихъ яркіе тоны и всѣ линіи, ласкающія глазъ. Въ вѣка апостольскіе достоинство иконописца обусловливалось не мастерствомъ его, а степенью его просвѣтленія. Древнѣйшія изображенія, оставленныя въ катакомбахъ, начерчены не художниками, а мучениками аскетами, которымъ не было дѣла до совершенства линій. Живопись была не цѣлью ихъ жизни, а выраженіемъ ея праведности; они жертвовали красотой, даже естественностью земныхъ формъ для того, чтобы въ несложныхъ линіяхъ, со всевозможной абстрактностью передать прочувствованный ими идеалъ неземного величія, простоты и кротости.

Написать икону считалось у насъ въ старину подвигомъ благочестія. Задумавъ дѣло, мастеръ шелъ за благословеніемъ къ своему духовному отцу, который, въ знакъ непосредственнаго участія церкви въ благомъ предпріятіи, самъ вколачивалъ гвоздь въ заготовленную доску; тогда мастеръ оставлялъ всякое мірское занятіе, налагалъ на себя постъ и молитву для освященія мысли, и принимался за работу. Такимъ образомъ, понятія о святости соединились не только съ предметомъ изображенія, но и съ условными формами письма и съ самымъ происхожденіемъ древней иконы. Она оставалась въ церкви или становилась семейнымъ достояніемъ, и окруженная трогательными легендами, переходила въ дальнія поколѣнія...

Много такихъ легендъ переданныхъ изустно бабушками и дѣдами знала Маргарита Борисовна Полибина, хозяйка стариннаго дома. Давно покинула она свѣтъ, и по долгимъ часамъ утромъ и вечеромъ молилась своимъ чудотворнымъ иконамъ. На утро Рождества Христова, Маргарита Борисовна засвѣтила передъ образами лампаду, которая слабо освѣщаетъ комнату. Можно однако разглядѣть довольно грубыя фрески, изображающія болотистый тростникъ, въ которомъ стоитъ охотникъ съ ружьемъ на плечѣ. Взглядъ невольно останавливался на каждомъ предметѣ, потому что каждый предметъ довершалъ собой незатѣйливое убранство горницы; но любопытство было въ особенности возбуждено портретомъ мужчины въ цвѣтѣ лѣтъ.

Этотъ портретъ, написанный пастелемъ и обрамленный золотымъ медальономъ, висѣлъ противъ кіота, и свѣтъ лампады раз-

ливался янтарнымъ отливомъ на вызолоченной рамкѣ. Должно быть ее недавно поновили, но видно, что живопись осталась нетронута. На лицѣ поблекли краски какъ на комнатномъ цвѣткѣ, и одинъ только очеркъ необыкновенно благородныхъ линій не пострадалъ отъ времени.

Въ наши дни портретъ утратилъ свою цѣнность. Дорого то, что̀ добывается съ трудомъ, и будущія поколѣнія будутъ холодно разсматривать мертвыя и бо̀льшей частью изуродованныя фотографическія изображенія предковъ. Не даромъ же старинный портретъ намъ представляется связанный съ поэтическимъ преданіемъ; не разъ передъ нимъ —

> Утѣшилась безмолвная печаль
> И рѣзвая задумалася радость...

Кровать Маргариты Борисовны упиралась въ жарко натопленную лежанку, а вдоль другой стѣны стоялъ диванъ современнаго фасона, и на немъ спала молодая дѣвушка. Около дивана лежали на столикѣ ея кольца и возвышалось восковое, неопредѣленной формы изображеніе. Съ вечеру она топила воскъ, и по ея словамъ онъ изображалъ брачный вѣнецъ надъ прихотливыми фигурками, застывшими въ водѣ.

Бабушка и внучка долго и дружелюбно бесѣдовали, ложась спать. Еля (такъ звали внучку) распрашивала, какъ это въ старину, по родительскому приказанію, сватали невѣсту за незнакомца? А Маргарита Борисовна разсказала какъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, ее самою нарядили въ новое платье, причесали, нарумянили, и велѣли ждать Полибина, котораго она видала мелькомъ и даже съ нимъ не говорила. Онъ явился уже нареченнымъ женихомъ; она заплакала и прикинулась дурочкой, чтобъ ему не понравиться; — но, не смотря на то, понравилась и вышла за него. За то тяжело и сказалась ей супружеская жизнь.

— Бабушка, я бы на вашемъ мѣстѣ другого полюбила, замѣтила Еля.

— Что ты это говоришь?! Спаси тебя Богъ отъ такого грѣха! возразила бабушка. Развѣ ты думаешь легко полюбить другого?...

— Легко не легко, — а можетъ случиться, если выйдешь замужъ безъ любви. Вы, конечно, дѣло другое... вы святая.

— Святая?... Святая?... повторила Маргарита Борисовна. А кто это тебѣ сказалъ?... Съ чего ты это взяла, что я святая?.. Не повторяй ты мнѣ этого слова, ради самого Бога, не повторяй. А сама не накликивай на себя бѣду. Вотъ выйдешь за̀мужъ — поймешь, легко ли полюбить другого! Ну, ложись-ка, ложись, пора спать.

Еля раздѣлась и легла.

«Я-то за святую прослыла?.. Господи! согрѣшила я передъ тобой и передъ своей совѣстью, но ее спаси отъ грѣха», прошептала Маргарита Борисовна, перебирая четки, составленныя изъ богородицыныхъ слезокъ. Она закрыла глаза и задремала съ четками въ рукѣ.

Но въ ея головѣ все еще бродили послѣднія слова Ели. «Обо- рони ее, Боже, отъ грѣха, думалось Маргаритѣ Борисовнѣ. А долго ли до грѣха?..»

Вотъ ей въ дремотѣ приснился монахъ; онъ подалъ ей просфору, а она узнала въ немъ своего духовника, хотя онъ даже на ея духовника и не былъ похожъ. Приснилась ей и Еля, но и монахъ и Еля исчезли какъ тѣни, оставляя по себѣ двѣ черныя точки. Маргарита Борисовна открыла на минуту глаза и опять заснула.

И слышитъ она, что Еля ей говоритъ: «бабушка, къ вамъ гость идетъ». Маргарита Борисовна заторопилась, хотѣла сойти съ постели, чтобъ принять гостя, — а между тѣмъ гость уже вошелъ въ ея горницу...

Онъ былъ блѣденъ, блѣденъ какъ пастель, висѣвшій на стѣнѣ, и одежда на немъ вся истлѣла.

— Ты меня не ожидала? спросилъ онъ. Я къ тебѣ и во снѣ не приходилъ цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ.

Онъ оглянулся и прибавилъ: «Здѣсь ничто неизмѣнилось... Боже мой! эта комната сохранила свой прежній видъ!»

Маргарита Борисовна всплеснула руками и проговорила:

— Голубчикъ мой! какъ ты это изъ гроба вышелъ?

— Я ужъ въ гробъ не возвращусь, отвѣчалъ онъ. Ты замолила и мои, и свои грѣхи. Богъ слезки считаетъ, богородицыны слезки... Завтра я тебѣ просвирку пришлю... А самъ за тобой скоро приду, и мы уже не разстанемся...

Онъ протянулъ къ ней руки... Маргарита Борисовна хотѣла за нихъ ухватиться, но онѣ были прозрачны какъ воздухъ.

Она проснулась и не скоро могла придти въ себя. «Завтра я тебѣ просвирку пришлю, повторяла она, озираясь кругомъ. Богъ слезки считаетъ... я скоро за тобой приду»...

И ей казалось, что прозрачныя руки простираются къ ней; эти руки она точно видитъ, ужъ не во снѣ, а на яву, и неопредѣленный, блѣдный обликъ, какъ мерцающая звѣзда, еще не успѣлъ исчезнуть...

Вдругъ Еля вскрикнула.

Ей приснилось, что она зашла въ незнакомый домъ, раздѣ-

ленный на безчисленное множество пустыхъ комнатъ, въ которыхъ она бродила какъ въ лабиринтѣ.

«Какъ же я отсюда выйду»? думаетъ со страхомъ Еля; — и вдругъ у окна показывается лицо съ широкой бородой и огромными сѣрыми глазами, и во всю ширину этихъ глазъ смотритъ на Елю. Еля вспоминаетъ, что она полуодѣта, и бросается въ другую комнату, — но бородатая голова ее преслѣдуетъ и показывается, то у одного окна, то у другого. Она дрожитъ всѣмъ тѣломъ и ищетъ глазами диванъ, ширмы, шкафъ, за который могла бы укрыться, но передъ ней однѣ голыя стѣны.

Въ домѣ все пусто и засорено, словно постояльцы только-что выѣхали. Еля начинаетъ рыдать, обернувшись спиной къ окнамъ... Но вотъ чей-то голосъ вдали окликнулъ ее по имени: она встрепенулась и, не смѣя оглянуться, бросилась въ ту сторону, гдѣ раздался голосъ; вдругъ передъ ней, словно изъ земли выростаетъ, огромная лѣстница: надъ ней мелькаетъ синее небо и на верхней ступенькѣ, отдѣляясь на воздушномъ фонѣ, обрисовывается во весь ростъ фигура молодого человѣка. Увидавъ Елю, онъ простираетъ къ ней свои объятія. «Еля!» повторяетъ онъ.

Еля къ нему рванулась, но ноги подъ ней подкосились, и она упала со страшной высоты на̀-земь и вскрикнула.

— Еля, Еля! что съ тобой? спросила Маргарита Борисовна, подходя къ ея постели.

— Бабушка, я васъ испугала? отвѣчала Еля, сбрасывая съ себя одѣяло... Ахъ, бабушка, я видѣла, что я упала... я зажгу свѣчу... такъ жарко!

Она отыскала спички, комната мигомъ освѣтилась. Еля опустила голову на подушку; но долго ей грезились простертыя къ ней объятія и долго тревожный сонъ не смыкалъ ея глазъ.

А Маргаритѣ Борисовнѣ и заснуть не хотѣлось. Она думала о чудномъ снѣ и давнымъ-давно не испытывала такого успокоительнаго чувства. Взоръ ея съ неописанно-яснымъ выраженіемъ благодарности останавливался на портретѣ и переносился на образа.

«Одинъ Богъ могъ прислать такого гостя и съ такою вѣстью», думала она. «Милосердый Боже! ты простилъ грѣхъ моей юности и скоро насъ соединишь!.....» и слезы радости выступали на ея глазахъ....

II.

Утромъ Маргарита Борисовна вернулась отъ обѣдни въ одиннадцатомъ часу и устроилась съ Елей въ гостиной за чайнымъ столомъ. Она надѣла праздничную блузу синяго цвѣта и чепчикъ съ бѣлыми лентами, который придавалъ ея лицу восковую бѣлизну. Ей было подъ шестьдесятъ лѣтъ, но миніатюрный станъ ея не сгорбился, каштановые волосы не совсѣмъ посѣдѣли; черты лица, измѣнившись съ годами, сохранили прежнее прекрасное выраженіе. Не года, а свойства человѣка измѣняютъ выраженіе его лица. Голубые глаза Маргариты Борисовны глядѣли также бархатно, какъ въ молодости, и всякое мимолетное впечатлѣніе отражалось на ея подвижной физіономіи. Житейскія испытанія, пощадившія наружность Маргариты Борисовны, не состарили ее и нравственно. Ей довелось оплакивать разомъ и любимаго человѣка, и грѣшную свою любовь, оставшуюся тайной для свѣта. Какъ бо̀льшая часть своихъ сверстницъ, она получила воспитаніе полу - боярское, полу-европейское; ее убаюкивали пѣсни сѣнныхъ дѣвушекъ, сказки няни, а между тѣмъ французскому языку и свѣтскости ее обучала чопорная француженка - эмигрантка. Эти разнородные элементы выработали однако прекрасную личность, въ которой соединялась патріархальность съ женской граціей; но воспитаніе и обстоятельства удалили ее съ ранней молодости отъ всего житейскаго, практическаго: до самой старости Маргарита Борисовна плохо знала людей, а въ хозяйки и вовсе не годилась. При жизни мужа она не только не входила въ дѣла, но едва ли могла опредѣлить сумму своихъ доходовъ; овдовѣвъ, она ввѣрилась управляющимъ, которые безбожно пользовались ея невѣжествомъ въ хозяйствѣ и вели ее прямымъ путемъ къ разоренію, чего она и не подозрѣвала. Правда, носились слухи, что у ней лежатъ деньги въ опекунскомъ совѣтѣ, но объ этихъ деньгахъ Маргарита Борисовна никогда не говорила и молчаніемъ своимъ опровергала догадки людей, привыкшихъ судить вкривь и вкось о чужихъ дѣлахъ. Лишнихъ расходовъ она себѣ не позволяла—въ этомъ свидѣтельствовалъ приходившій въ упадокъ старинный ея домъ. Въ ненастные осенніе и зимніе дни безпощадно несло въ полы и въ окна; штофъ на мебели и занавѣскахъ не только слинялъ, но мѣстами истлѣлъ, а потолки истрескались. Несмотря на эти признаки разрушенія, комнаты не наводили унынія; онѣ были оживлены предметами, уцѣлѣвшими отъ прежней роскоши и уцѣлѣвшими должно быть отъ того, что Маргарита Борисовна не подозрѣвала ихъ цѣнности. Такъ, портретъ Екатерины, напи-

санный Боровиковскимъ, и по обѣимъ сторонамъ параллельныхъ дверей огромныя японскія вазы на пьедесталахъ стоили нѣсколькихъ тысячъ; зеркала, висѣвшія надъ диванами въ старинныхъ, превосходной рѣзьбы, рамахъ, на глазъ знатока стоили также большихъ денегъ; — но рядомъ съ этими остатками роскоши стояла мебель разрозненная, а ковры, разостланные около дивановъ для защиты отъ простуды, были куплены въ рядахъ и къ тому же порядкомъ протерлись.

Ровесники стариннаго дома, садовыя деревья такъ густо разрослись возлѣ оконъ, что въ самый полдень солнечные лучи скупо проникали въ комнаты; это отсутствіе свѣта придавало всему дому нѣкоторую мрачность, но зато въ лѣтнюю ночь, когда деревья шумѣли своими безчисленными листьями около открытыхъ рамъ и такія же безчисленныя звѣзды мелькали между листьевъ, — воображеніе невольно увлекалось и вамъ вспоминался стихъ:

«Qu'avez-vous vu, Sylvain, quand vous étiez heureux?»

У Маргариты Борисовны не было дѣтей, но она взяла на свое попеченіе Елю, внучку своей единственной и давно умершей сестры, безпріютную круглую сироту, на шестнадцатомъ году попавшую въ домъ своей бабушки.

— Бабушка, какой сонъ я видѣла! сказала Еля, разливая чай. Будто меня преслѣдуетъ незнакомый человѣкъ, и такой страшный. Глаза на выкатъ и съ огромной бородой. Чтобъ это значило?

— Мало ли что̀ иногда приснится! отвѣчала Маргарита Борисовна. Молодое воображеніе и во снѣ играетъ. Но зато иные сны Богъ посылаетъ. Иной сонъ такъ утѣшитъ, что имъ, кажется, проживешь до конца жизни!

— Ахъ нѣтъ, бабушка, сномъ не проживешь, возразила Еля, вздохнувъ.

Маргарита Борисовна улыбнулась. Она въ этотъ день смотрѣла особенно спокойно и свѣтло — ей хотѣлось всякому улыбнуться.

— Ты — дѣло другое, сказала она. Можетъ быть, Господь Богъ и тебя обрадуетъ сегодня, и Глѣбъ пріѣдетъ съ хорошей вѣстью.

Еля покачала головой.

— Еслибъ хорошая вѣсть, мнѣ кажется, онъ уже былъ бы здѣсь.... или по крайней мѣрѣ написалъ бы.

— Мы еще не знаемъ, переговорилъ ли онъ вчера съ матерью.

Но несмотря на эти слова, сказанныя чтобъ ободрить Елю,

Маргарита Борисовна сама не могла отдѣлаться отъ глухого безпокойства. Обѣ замолкли; въ передней раздался звонокъ.

«Любовь Ивановна», доложилъ лакей. Кто такая была Любовь Ивановна? Право, пе знаю. Звали ее Любовь Ивановной, а о фамиліи не спрашивали. Изъ ея разсказовъ — а она была словоохотлива—люди, встрѣчавшіе ее въ первый разъ, узнавали всю ея жизнь. У нея былъ когда - то небольшой капиталъ, но онъ пропалъ въ чужихъ рукахъ; она была замужемъ, и замужество ей не удалось; содержала маленькій пансіонъ, и тотъ не удался; наконецъ, она была смолоду хороша собой, утратила красоту и состарѣлась — и хоть бы насколько-нибудь измѣнилъ ей веселый нравъ! Хоть бы она поменьше надоѣдала своими вѣчными, невинными и неудачными шутками! Въ пятьдесятъ лѣтъ она процвѣтала какъ въ двадцать-пять, и жила скромно, пробавляясь то уроками музыки, то работой.

— Пришла *васъ* поздравить съ праздникомъ, сказала она, цѣлуя въ плечо Маргариту Борисовну; а *васъ*, моя красавица, съ праздникомъ души, обратилась она къ Елѣ. Слышите? бабушку я поздравляю *просто* съ праздникомъ, а васъ съ душевнымъ праздникомъ...... И Любовь Ивановна разсмѣялась своимъ собственнымъ словамъ.

— Еля, чаю Любовь Ивановнѣ — или кофею не хотите-ли? Сядьте на диванъ, вамъ будетъ покойнѣе, сказала Маргарита Борисовна, которая, какъ всѣ пожилые люди высшаго круга, была утонченно-учтива со всѣмъ и каждымъ, безъ разбора званія или общественнаго положенія. Спасибо вамъ, что вы не забыли сегодняшняго дня.

— Когда же я его забывала?... отвѣчала съ упрекомъ Любовь Ивановна, покачала головой и значительно посмотрѣла на Маргариту Борисовну. Ну, а вы что̀ мнѣ скажете, charmante rose du Bengale?

— Почему я rose du Bengale! спросила Еля.

— Такъ! мнѣ кажется, что вы похожи на бенгальскую розу. Любовь Ивановна опять разсмѣялась.—Похожи, похожи, угадайте почему!

— Я не угадаю, сказала Еля, и покраснѣла.

— А?... покраснѣли?... Знаетъ кошка, чьё мясо съѣла. — Любовь Ивановна залилась смѣхомъ. — Я все, все узнала. Вчера вечеромъ была у одной дамы.... у одной дамы.... — растянула Любовь Ивановна — и сынъ этой дамы сказалъ, что цвѣтъ вашего лица можно сравнить съ бенгальской розой. Да-съ! все, все узнала!

— Вы были у Матвѣевыхъ? спросила Маргарита Борисовна.

— Вы всевидящее око, отвѣчала съ неистощимой игривостью Любовь Ивановна. Анна Алексѣевна ничего не возразила своему сыну, но вдругъ обратилась ко мнѣ—слышите? ко мнѣ — и говоритъ: «бѣдность, говоритъ, большой недостатокъ»! и сама вздохнула. А я, славу Богу, баба не промахъ—положила передъ ней театральную афишку, на которой была объявлена комедія Островскаго: «Бѣдность не порокъ». Что, бенгальская роза, вы скажете, я не догадлива?

Еля слушала съ напряженнымъ вниманіемъ болтовню Любовь Ивановны и переглянулась съ бабушкой.

— А что Глѣбъ на это сказалъ? спросила Маргарита Борисовна.

— О! онъ хитеръ! замѣтила Любовь Ивановна. Онъ ничего не сказалъ, а нахмурился, и вышелъ вонъ изъ комнаты. А я думаю: ты со мной не финти; я все, все знаю!

За этими словами Любовь Ивановны послѣдовало молчаніе. Еля захлопотала около самовара, а Маргарита Борисовна задумалась.

— Анна Алексѣевна настойчива, женщина съ характеромъ, промолвила она наконецъ.

— Ну ужъ извините меня, Маргарита Борисовна, возразила Любовь Ивановна, выраженіе къ ней не идетъ. Съ характеромъ?.. скажите настоящая Баба-Яга! Помилуйте! вчера у нихъ всѣ ходили какъ въ воду опущенные. Думаю — это не даромъ, была вспышка. Спрашиваю у Варвары Александровны: что̀ у васъ такое было? «Братъ, говоритъ, сражался съ маменькой цѣлый день». А у самой слезы на глазахъ. Я говорю: Баба-Яга!

Еля взглянула на бабушку и поблѣднѣла. Богъ знаетъ, кому было тяжелѣе въ эту минуту, бабушкѣ или внучкѣ. Въ первый разъ Маргаритѣ Борисовнѣ страшна стала отвѣтственность за будущность дѣвочки, которая до той минуты была для нея предметомъ однихъ радостей и тихихъ заботъ. «Состоянія у нея нѣтъ, разсуждала иногда сама съ собой Маргарита Борисовна; но Богъ милостивъ: хорошій человѣкъ ее полюбилъ за чистую душу и за доброту.»

— И какъ не совѣстно Аннѣ Алексѣевнѣ, заговорила Любовь Ивановна. Она живетъ хорошо, а при жизни дѣтей не раздѣлитъ. «Я, говоритъ, дочерей своихъ награжу, если онѣ выйдутъ за̀мужъ—а сыновей, говоритъ, не даромъ учила и образовала; сами себѣ дорожку пробьютъ, да богатыхъ невѣстъ возьмутъ. Я, говоритъ....»

— Ну, полноте, Любовь Ивановна, она можетъ быть грознѣе на словахъ чѣмъ на дѣлѣ, перебила Маргарита Борисовна. Она

сама не вѣрила въ истину своихъ словъ: ясно было, что Анна Алексѣевна на отрѣзъ отказала въ своемъ согласіи на женитьбу сына, но Маргаритѣ Борисовнѣ было слишкомъ больно сразу разрушить надежды Ели; особенно въ этотъ день, когда какой-то голосъ ей самой посулилъ вѣчное счастье, ей такъ хотѣлось, чтобъ и кругомъ ея всѣ были счастливы. Она задумалась и тоскливо сложила руки..... Но судьба рѣшилась ее побаловать.

Пожилая женщина въ кисейномъ чепцѣ и въ тафтяномъ праздничномъ платьѣ вошла въ гостиную. Она родилась крѣпостной Маргариты Борисовны, ходила за ней уже лѣтъ сорокъ— и ее привыкли считать членомъ семейства.

— Вотъ вамъ, матушка-барыня, Богъ прислалъ, сказала она, подавая ей вынутую просфору.

— Отъ кого это? кто это принесъ? тревожно спросила Маргарита Борисовна.

— Юродивый принесъ, моя родная. «Отдай, молъ, говоритъ, просвирку своей барынѣ». Я его чайкомъ напоила.

Маргарита Борисовна обомлѣла.

— Гдѣ онъ? я хочу его видѣть! Приведи его сюда, поскорѣе приведи, сказала она, поспѣшно вставая.

Глафира Матвѣвна отправилась за юродивымъ, но онъ уже успѣлъ уйти. Побѣжали его догонять на улицу, но напрасно.

Маргарита Борисовна разспрашивала, не приходилъ ли онъ когда-нибудь прежде? Не зналъ ли его кто изъ домашнихъ? Ей отвѣчали, что никто его не зналъ и что онъ приходилъ въ первый разъ.

— Ахъ, Глафира, какъ же ты его ко мнѣ не привела! говорила съ горемъ Маргарита Борисовна. Она смотрѣла на просфору, не вѣря своимъ собственнымъ глазамъ, и поставила ее передъ кіотомъ. Взглядъ ея, устремленный на образа, сіялъ неземнымъ счастьемъ.

Она упала на колѣни и проговорила:

«Сдержалъ слово, мой голубчикъ, обѣщалъ мнѣ прислать просвиру—и прислалъ! И заслужила ли я, чтобъ Господь Богъ совершилъ для меня такое чудо!»

Помолясь, Маргарита Борисовна заглянула въ гостиную и позвала Любовь Ивановну, а Еля пошла на верхъ въ свою комнату.

III.

Въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ Любовь Ивановна въ праздникъ Рождества Христова являлась къ Маргаритѣ Борисовнѣ и оставалась съ ней наединѣ; во всемъ домѣ одна Глафира Матвѣвна была посвящена въ тайну этихъ свиданій. Затворивъ двери, Маргарита Борисовна отперла небольшую шкатулку краснаго дерева и вынула изъ нея пачку ассигнацій, лежавшихъ въ особенномъ пакетѣ.

— Вотъ, сказала она, подавая пакетъ Любовь Ивановнѣ, мнѣ удалось удѣлить нынѣшній годъ пятьсотъ рублей для благого дѣла. Перечтите, моя милая.

Любовь Ивановна сочла деньги.

— Ровно пятьсотъ рублей, очень хорошо-съ. Исправно ихъ доставлю въ опекунскій совѣтъ.

—Никогда еще я не отдавала этихъ денегъ съ такимъ усердіемъ, съ такою радостью, продолжала Маргарита Борисовна. А вамъ, моя милая, вотъ—мой подарокъ на праздникъ.

Она достала изъ комода кусокъ шелковой матеріи и положила его на колѣни Любовь Ивановны. Любовь Ивановна сконфузилась, покраснѣла, а глаза разбѣжались на дорогой подарокъ!

— Маргарита Борисовна, что это, право.... Мнѣ до смерти совѣстно, пробормотала она.

— Полноте! ужъ отъ меня-то вамъ совѣстно принять бездѣлицу! А я такъ рада, что могла кому-нибудь сегодня сдѣлать хоть маленькое удовольствіе. Не совѣстно же мнѣ обязываться вамъ. Вы мой неизмѣнный повѣренный.

Кому же назначались эти таинственныя деньги?

Маргарита Борисовна была еще молода, когда лишилась человѣка, котораго любила такъ страстно, что пожертвовала ему и обязанностями и спокойствіемъ совѣсти. Она впала въ отчаяніе, а отъ отчаянія перешла къ еще болѣе страшному унынію: и домъ, и люди, и свѣтъ Божій, и даже молитва—все ей опостыло.

Рѣдко когда ее видали въ церкви, а если, бывало, и придетъ къ обѣдни, то стоитъ, смотритъ на образà,—ни молитвы не скажетъ, ни слезы не проронитъ. Съ самаго утра вплоть до ночи сидѣла она подгорюнившись, не бралась ни за книгу, ни за работу, а когда ее навѣщали родные и знакомые: «Смотрѣть на меня пріѣхали, думала она съ ожесточеніемъ. Слава Богу, рѣдкостью стала. Адъ въ душѣ и говорить разучилась».

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Маргарита Борисовна ис-

худала, состарѣлась на десять лѣтъ, а доктора, на ея счастье, объясняли ея состояніе небывалыми болѣзнями. Весной мужъ ея отправился въ деревню по дѣламъ, а она, оставшись въ Москвѣ, вдругъ рѣшилась исполнить замыселъ, который съ той поры казался ей несбыточнымъ: она собралась посѣтить то мѣсто, гдѣ лежалъ священный для нея прахъ.

Малѣйшая неосторожность могла возбудить подозрѣнія и погубить ее въ общественномъ мнѣніи. Но въ отсутствіи мужа представлялась возможность, прибѣгнувъ къ хитрости, обмануть свѣтъ— и возможность эта точно воскресила Маргариту Борисовну: задушевное ея желаніе проснулось съ новой силой и она принялась устраивать свое путешествіе.

Всѣмъ знакомымъ было объявлено, что она ѣдетъ на богомолье въ Ростовъ; лошадей она велѣла нанять (тогда еще всѣ ѣздили на своихъ) и взяла съ собой одну Глафиру Матвѣвну. Выѣхали чѣмъ свѣтъ. Монастырь, который былъ цѣлью поѣздки, находился въ 80-и верстахъ отъ Москвы, по проселочной, т. е. адской дорогѣ. Маргаритой Борисовной овладѣло страшное безпокойство; въ первый разъ отъ роду она путешествовала, не сопровождаемая цѣлой свитой горничныхъ и лакеевъ. Она боялась всего, что̀ могло задержать ее на пути, или выдать свѣту ея завѣтную тайну. Ей чудились и встрѣча съ московскимъ знакомымъ, и сломаная карета, и даже нападеніе разбойниковъ въ лѣсу или въ широкомъ полѣ, гдѣ такъ легко сбиться съ дороги; а между тѣмъ нетерпѣніе добраться до монастыря—все усиливалось, и она, то и дѣло, торопила ямщиковъ. Давно въ ней не обнаруживалось столько жизни....

Весенній дождь шелъ ливнемъ цѣлый день; но къ вечеру тучи разошлись, и заходящее солнце безпредѣльными лучами обняло горизонтъ. Облитая золотомъ, монастырская колокольня вдругъ за̀сіяла надъ рощей; крутой поворотъ дороги — и она близко, близко мелькнула сквозь пахучія, отягощенныя каплями дождя, березовыя вѣтви... Маргарита Борисовна, задыхаясь, крикнула: «стой!» Дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ, она выскочила изъ кареты, бросилась къ церковной оградѣ и, громко рыдая, упала на могилу. Часа два, она, не помня себя, плакала: ея скрытое, безутѣшное горе рвалось наружу; она бы и не замѣтила, что наступила ночь, еслибъ Глафира Матвѣевна, слѣдившая за нею издали, не рѣшилась подойти, умоляя ее не возбуждать любопытства монастырскихъ жителей. Нѣсколько монаховъ уже успѣли освѣдомиться, какъ она доводится покойнику, и цѣлая стая ребятишекъ, столпившись у ограды кладбища, розиня рты, глазѣли на Маргариту Борисовну. Волей-неволей она должна

была отправиться на постоялый дворъ. Она была разбита нравственно и физически — и несмотря на то, ей какъ будто стало легче. Ее даже поразила необыкновенная красота вечера и, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ совершилось ея несчастіе, она заснула крѣпкимъ сномъ. На слѣдующій день она начала говѣть.

Монахъ, который ее исповѣдывалъ, былъ кроткій и мягкій сердцемъ старикъ. Онъ увѣщевалъ ее не предаваться унынію и совѣтовалъ наложить на себя обѣтъ, чтобъ облегчить душу отъ грѣха передъ Богомъ и мужемъ. Маргарита Борисовна ухватилась за эту мысль и долго думала о томъ, какой наложитъ она на себя обѣтъ во искупленіе грѣха? Наканунѣ своего отъѣзда, тихо проливая слезы надъ могилой, успокоенная тишиной лѣтняго вечера и надеждой на свиданіе въ другомъ мірѣ—она обѣщалась выстроить богатую церковь въ честь Воздвиженія Креста, праздника, ознаменованнаго для нея незамѣнимой утратой.

Цѣль жизни была найдена и исполненіе даннаго Богу обѣта стало тайнымъ двигателемъ всѣхъ дѣйствій и помышленій Маргариты Борисовны. Съ лихорадочной поспѣшностью приступила она къ дѣлу, тотчасъ по возвращеніи въ Москву продала нѣсколько брилліантовъ, полученныхъ ею въ приданое, и деньги положила въ опекунскій совѣтъ. Случай ей помогъ: родная тетка, умирая, подарила ей ломбардный билетъ, и совѣтовала не сообщать объ этомъ мужу, который распорядился бы имъ по-своему. Этотъ совѣтъ пришелся какъ нельзя болѣе по̀ сердцу племянницѣ; у ней составилась разомъ значительная сумма, но Маргарита Борисовна ею не довольствовалась и дала себѣ слово добавлять эту сумму до конца жизни, предоставляя своему душеприкащику обязанность выстроить церковь по готовому уже плану.

Со смертью мужа доходы Маргариты Борисовны значительно уменьшились: его состояніе законнымъ порядкомъ отошло въ его родъ, а собственное ея имѣніе стало оскудѣвать за недостаткомъ присмотра. Непрактическое воспитаніе и природныя свойства удаляли ее отъ занятій требующихъ разсчета, соображеній и въ особенности непріятныхъ объясненій съ управляющимъ, которому она слѣпо ввѣрилась. Главной заботой она себѣ поставила, удѣлять отъ годового дохода тысячи ли, сотни ли рублей, и присоединять ихъ къ завѣтной суммѣ; а какими средствами добывался доходъ — въ это она не входила.

Съ тѣхъ поръ, какъ она начала копить капиталъ, она перестала давать деньги взаймы или дарить ихъ, какъ бывало прежде, и во избѣжаніе нескромныхъ просьбъ тщательно скрывала отъ всѣхъ свое сокровище. «Узнаютъ, что деньги есть, бѣда будетъ:

отъ просителей не уйдешь», думала она, и жаловалась вслухъ на недостатокъ средствъ.

Ей самой не малыми жертвами отзывалось исполненіе обѣта. Привычки комфорта перевелись мало-по-малу въ ея вседневной жизни. Хорошаго повара замѣнила кухарка, горничныя и лакеи были отпущены на волю, а экипажъ отмѣненъ. Маргарита Борисовна ходила пѣшкомъ къ обѣднѣ и только въ случаѣ необходимости выѣзжала въ наемной каретѣ.

Такъ прошли годы и годы, и незамѣтно подкралась старость, а Маргарита Борисовна, съ рвеніемъ, обратившимся въ привычку, все копила деньги для постройки церкви.

Судьба ея двоюродной внучки, Ели, иногда ее безпокоила. Дѣвочка росла въ провинціи, на глазахъ записного игрока отца, вдали отъ родныхъ своей бѣдной и рано умершей матери. Маргарита Борисовна посылала ей гостинцы, за что̀ и получала благодарственныя письма. Одно изъ такихъ писемъ пришло съ черной печатью: Еля извѣщала бабушку о кончинѣ отца и посылала ей нѣсколько строкъ, найденныхъ ею въ бумагахъ матери и явно начерченныхъ умирающей рукой. Мать умоляла Маргариту Борисовну не оставлять ея маленькой Ели.

На другой же день Глафира Матвѣвна была отправлена за сироткой и въ скоромъ времени привезла ее въ Москву. Права, завѣщанныя Маргаритѣ Борисовнѣ матерью Ели, сдѣлали переворотъ въ жизни старушки. Ея любящее, но давно безучастное къ земнымъ заботамъ сердце наполнилось жалостью и сочувствіемъ къ безпріютной дѣвочкѣ. Заключивъ Елю въ свои объятія, она сказала:

— Живи у меня на правахъ дочери, а я постараюсь, насколько возможно, замѣнить тебѣ мать.

Елѣ жилось хорошо въ новомъ гнѣздѣ: лелѣянная, береженная, задаренная, она замѣтно расцвѣтала, и Маргарита Борисовна радовалась совершавшейся въ ней перемѣнѣ. Но ей и въ умъ не приходило позаботиться о главномъ: о незавидной долѣ, ожидающей безприданную невѣсту. «Боже мой! съ ужасомъ сказала она сама себѣ, когда наконецъ эта мысль мелькнула въ ея головѣ,—неужели же ей придется отказаться отъ любви и выйти замужъ по разсчету?»—слово, такъ благозвучно переведенное въ свѣтѣ словомъ: «по разсудку».

IV.

Бѣлое платье, которое Еля собиралась обновить въ этотъ день, лежало на креслахъ, только что принесенное изъ магазина, и еще пахло воздухомъ. Еля на него взглянула и тихо заплакала. Должно быть не на радость ей приходилось его обновить.

Еля не скоро привязалась къ Глѣбу Александровичу Матвѣеву, но привязалась всей душей, на жизнь и смерть. Онъ любилъ ее также глубоко, и казалось все ей улыбалось съ тѣхъ поръ, какъ она жила у Маргариты Борисовны. Самая красота ея разцвѣла: высокій станъ выпрямился, коса погустѣла, отъ маленькаго личика дышало свѣжестью. Она была слишкомъ счастлива, насталъ и черный день.

— Пора одѣваться, барышня, гости пріѣхали, сказала горничная.

Еля только успѣла сбросить блузу, какъ на лѣстницѣ, ведущей вверхъ, уже зашелестило шелковое платье; полный, но пріятный, женскій голосъ спросилъ:

— Гдѣ Елена Васильевна? и женщина лѣтъ тридцати шести шумно вошла къ Елѣ. Она считалась родствомъ съ Маргаритой Борисовной; ее звали Катерина Павловна Немирова.

— Ты еще неодѣта? сказала она, скидывая перчатку съ своей маленькой, правильной руки, и прибавила по-французски:

— Поспѣши; внизу я застала гостя. Онъ говоритъ съ тетушкой.... Заперлись.

Еля дрожащей рукой принялась застегивать свой корсажъ.

— Мы видѣлись вчера, и разумѣется, все говорили о тебѣ. Я ему совѣтовала все разсказать Маргаритѣ Борисовнѣ.

— Онъ хотѣлъ вчера переговорить съ своей матерью, промолвила Еля.

— То-то и есть что переговорилъ.

Еля вопросительно взглянула на Катерину Павловну.

— У ней свои виды.... Она требуетъ приданаго. Глѣбъ вышелъ изъ себя; дѣло дошло до ссоры. Анна Алексѣевна, хоть она удавись со злости, не заставитъ его жениться на другой.... Но, зная тебя, я предвижу, что ваша свадьба не легко устроится. Она тебя сокрушитъ.

— Меня-то — ничего, а его?... отвѣчала Еля едва слышно.

— Ну что она съ нимъ сдѣлаетъ? Все, видишь ли, зависитъ отъ личнаго характера. Я бы вышла замужъ на зло старой вѣдьмѣ.

— Полно, тетя Катя, перебила Еля тономъ, которому по-

виновалась Катерина Павловна. Онъ знаетъ, что нашей свадьбѣ не бывать безъ согласія его матери.

Хотя родства между ними не было, Еля привыкла ее звать ласкающимъ именемъ *тети*, въ память горячей дружбы, завязавшейся еще въ дѣтствѣ между ея матерью и Катериной Павловной. Онѣ вмѣстѣ воспитывались, вышли замужъ въ одно время, и тогда только разстались.

Въ эту минуту симпатичное лицо Катерины Павловны дышало той почти страстной привязанностью, которую съ умершей своей подруги она перенесла на Елю. Ей хотѣлось сказать утѣшительное слово, но такого слова она не находила, понимая, что положеніе было почти безвыходное. Къ тому же она хорошо знала, что у Ели, не смотря на ея восемьнадцать лѣтъ, былъ свой взглядъ на вещи, и что она умѣла отстаивать свое убѣжденіе молча, но за то упорно.

— Что̀ онъ скажетъ бабушкѣ? спросила Еля, послѣ продолжительнаго молчанія.

— Онъ ей передаетъ все свое объясненіе съ матерью.

— На что? Что̀ можетъ сдѣлать бабушка?

— Не знаю.... я вовсе не знаю, что̀ она можетъ сдѣлать, но Маргарита Борисовна такого рода женщина, что кажется, звѣря укротитъ своей добротой.

Еля грустно покачала головой. Не доброты требовала Анна Алексѣевна — а денегъ.

— Катерина Павловна, барыня васъ проситъ къ себѣ, доложила Глафира Матвѣевна.

— Сейчасъ, отвѣчала Катерина Павловна, и мигомъ спустилась внизъ.

Еля въ нерѣшительности простояла нѣсколько минутъ у дверей. Она ощущала агонію ожиданія чего-то недобраго; наконецъ, она не устояла противъ желанія взглянуть на Глѣба, и медленно сошла.

Любовь Ивановна расхаживала взадъ и впередъ по залѣ; дверь въ гостиную была затворена, и въ запертой комнатѣ возвышался по временамъ мужской голосъ. Во всемъ домѣ было такъ тихо, что казалось, будто всѣ понимали важность вопроса, рѣшающаго судьбу Ели. Гостямъ велѣно было отказывать, а богадѣленокъ, сиротъ, бѣдныхъ мѣщанокъ, которыя пользовались щедротами Маргариты Борисовны и приходили ее поздравить съ праздникомъ, Глафира Матвѣвна не допускала къ барынѣ и угощала чаемъ въ дѣвичьей.

Даже Любовь Ивановна притихла и долго вертѣлась около Ели, не зная, какъ съ ней заговорить. Смѣкнувъ, что посторонній разговоръ ее не займетъ, она рѣшилась затронуть обиняками

вопросъ о Матвѣевѣ, и начала съ того, что обняла Елю и поцѣловала. Молодая дѣвушка ей внушала искреннее участіе, да кромѣ того она была очень рада, что случай привелъ ее быть свидѣтельницей семейной драмы. Любовь Ивановнѣ до смерти хотѣлось играть въ ней какую бы то ни было роль, а за отсутствіемъ болѣе серьезной довольствовалась ролью зрителя.

— Позвольте это поправить, — начала она, осторожно снимая шелковинку, приставшую къ платью Ели. Посмотришь—какъ все къ вамъ идетъ! — Повѣрьте, моя красавица, что бѣдность не то что порокъ, а даже добродѣтель въ глазахъ *иныхъ людей. Онъ* такой примѣрный сынъ, что будетъ и примѣрнымъ мужемъ. Вы знаете ли, что его отецъ скончался на моихъ глазахъ?... Вы этого не знаете?... Я какъ теперь гляжу на эту сцену. Анна Алексѣевна стоитъ у изголовья блѣдная, словно полотно, а я стою въ двухъ шагахъ отъ нея и держу пузырекъ съ уксусомъ,— а Глѣбъ Александровичъ на колѣняхъ у кровати. Покойникъ-то ему сказалъ: «Глѣбъ, говоритъ, я всѣмъ, говоритъ, пожертвовалъ для семейнаго спокойствія, я надѣюсь на тебя, иди по моимъ стопамъ». Потомъ обернулся къ Аннѣ Алексѣевнѣ: — «а ты, говоритъ, береги дѣтей и всѣмъ жертвуй для ихъ счастья....» и ужъ больше ничего не сказалъ, Богу душу отдалъ. А ужъ какъ Глѣбъ Александровичъ отца-то любилъ! тосковалъ, тосковалъ о покойникѣ, даже опасались что занеможетъ. Бывало примешься его утѣшать. «Ахъ! говоритъ, Любовь Ивановна, отступитесь, голубушка. Предоставь, молъ, меня моей несчастной участи». Ну ужъ изо всѣхъ дѣтей онъ любимецъ Анны Алексѣевны, и вы не сомнѣвайтесь, что она дастъ свое согласіе.

Еля тихимъ движеніемъ облокотилась на окно и, отвернувшись отъ Любовь Ивановны, оперлась подбородкомъ на ладонь. Ея воображенію представлялись неопредѣленное и грозное лицо Анны Алексѣевны и предсмертная сцена описанная Любовь Ивановной, и та сцена, которая въ настоящую минуту происходила въ запертой комнатѣ..... и между тѣмъ, Еля безсмысленно глядѣла на стаю галокъ, которыя съ дикимъ крикомъ собирались на сосѣднюю крышу, подымались вверхъ и опять принимались кричать и усаживаться.

Вдругъ въ головѣ Ели мелькнула мысль, которая разогнала всѣ другія. Маргарита Борисовна не разъ называла внучку своей наслѣдницей. «Все, что̀ у меня есть, будетъ твое», говорила она. Эти слова вспомнились Елѣ и въ первый разъ наполнили ея сердце неожиданной радостью. Въ ея понятіяхъ Маргарита Борисовна была очень богата. Она слыхала много разсказовъ о селѣ Вознесенскомъ, единственномъ, правда, имѣніи Маргариты

Борисовны, но имѣніи въ пятьсотъ душъ, съ большимъ количествомъ лѣса на берегахъ Оки, съ богато-обстроенной господской усадьбой, съ стариннымъ садомъ, прудами и саженными рощами. Елѣ еще не довелось видѣть эти чудеса, но она часто объ нихъ мечтала, и лѣто проведенное съ Глѣбомъ, въ Вознесенскомъ, представлялось ей земнымъ раемъ. Тайное предчувствіе вдругъ сказало ей, что Маргарита Борисовна не захочетъ обусловить своей смертью ея счастье, и въ Елѣ совершился такой мгновенный переходъ отъ горя къ радости, что она закрыла лицо руками, и вся погруженная въ сладкую думу, ожидала трепетно конца разговора Глѣба съ бабушкой.

Наконецъ, дверь изъ гостиной отворилась. Маргарита Борисовна въ капорѣ и большой турецкой шали вышла въ залу.

— Еля, сказала она вполголоса, я ѣду къ Аннѣ Алексѣевнѣ; я сама переговорю съ ней о предложеніи Глѣба, и скажу ей, что ты у меня.... не бѣдная невѣста.

Еля бросилась ей на шею.

— А *мы* пока останемся съ тобой, шепнула Катерина Павловна.

Она велѣла подать свою карету Маргаритѣ Борисовнѣ и вернулась въ гостиную, гдѣ Любовь Ивановна уже успѣла завязать разговоръ съ Матвѣевымъ.

Иныя женщины не могли понять, чѣмъ оправдывалась глубокая привязанность Ели къ ея нареченному жениху. Что̀ она въ немъ нашла особеннаго? спрашивали онѣ. На это имъ могъ быть одинъ только отвѣтъ: «Вѣдь онъ васъ не любилъ». Любимая женщина всегда умѣетъ найти что̀-нибудь *особенное* въ человѣкѣ, самомъ безцвѣтномъ для другой. Она силой собственнаго чувства и воображенія надѣлитъ его совершенствами, въ которыхъ ему отказала природа. Но любовью Матвѣева точно можно было гордиться. Онъ не только былъ славный малый, но до щепетильности доходившая честность и рѣдкія свойства характера и сердца съ избыткомъ замѣняли въ немъ не слишкомъ блистательныя способности ума.

Анна Алексѣевна прочила его въ министры или въ посланники, но онъ не увлекался невозможной будущностью, и готовился въ адвокаты съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи заговорили о гласномъ судопроизводствѣ.

Любовь Ивановна устроилась у стола и принялась за вязанье, не замѣчая отчаяннаго взгляда, который Глѣбъ бросилъ на Елю; но Еля только покачала головой и указала ему глазами мѣсто возлѣ себя. Катерина Павловна не садилась, выжидая удобнаго предлога, чтобъ избавить молодыхъ людей отъ присутствія Любовь

Ивановны, которая, запустивъ руку въ карманъ за клубкомъ шерсти, обратилась шутливо къ молодой женщинѣ:

— А вы, милостивая государыня, всегда веселы и нарядны? и всѣ мужчины отъ васъ безъ ума. Да! да! Это вещь извѣстная, они васъ предпочитаютъ любой красавицѣ. А вы имъ все-таки наклеиваете носъ.

Любовь Ивановна вдругъ прервала свою рѣчь; любезное выраженіе ея лица исчезло, и она воскликнула:

— Господи! чтò это значитъ? Куда *они* дѣвались?

Какъ растерянная, она оглядывалась во всѣ стороны, — вывертывала карманъ на изнанку, шарила на диванѣ, на столѣ и подъ столомъ.

— Чтò вы потеряли? Чтò вы ищете? нетерпѣливо допрашивала Катерина Павловна. Вы видите, здѣсь ничего нѣтъ.... Но Любовь Ивановна продолжала съ отчаяніемъ передвигать и перевертывать книги и вещи, попадавшіяся ей подъ руку.

Катеринѣ Павловнѣ не безъ труда удалось положить конецъ этимъ розыскамъ, убѣдивъ Любовь Ивановну, что надо искать пропажу въ другихъ комнатахъ.

V.

Глѣбъ былъ любимецъ своей матери и единственное существо, для котораго она иногда смягчала свой крутой нравъ; но любя сына по-своему, она рѣшила, что этому браку не бывать. «Послѣ самъ скажетъ спасибо», думала она. Глѣбу, дожившему до двадцати-пяти лѣтъ, въ первый еще разъ предстоялъ случай доказать, что какъ онъ ни уступчивъ въ бездѣлицахъ, но въ важныхъ жизненныхъ вопросахъ онъ способенъ отстоять свои права. Онъ рѣшился жениться безъ согласія матери, т. е. шелъ на разрывъ съ матерью, — но предвидѣлъ, какъ трудно будетъ склонить на это Елю, и боялся борьбы, разрушительной для нѣжной природы молодой дѣвушки. Ему хотѣлось заранѣе придать ей бодрости. Анна Алексѣевна принадлежала къ числу тѣхъ неугомонныхъ и настойчивыхъ женщинъ, которыя привыкли брать верхъ надъ всѣми, и тяжело приходилось тому, кто пересѣкалъ ей дорогу.

Маргарита Борисовна, уѣзжая, не сказала Глѣбу, на чемъ она основала свои надежды, и онъ разсчитывалъ лишь на Елю и на свои собственныя силы.

Какъ только молодые люди остались наединѣ, ихъ руки соединились.

— Глѣбъ, Глѣбъ, другъ мой! сказала Еля.

Ея маленькое, миленькое личико озарилось радостью.

— Вы не веселы, Глѣбъ? начала она опять. Вы все думаете о вчерашнемъ днѣ. Забудьте о немъ. Все устроится.

— Маргарита Борисовна и мнѣ сказала, что она надѣется все устроить; но на что̀ она разсчитываетъ?

— На что́ бы ни разсчитывала, лишь бы устроила. Вѣрьте мнѣ, Глѣбъ. Да не смотрите такъ грустно. Я васъ люблю. Слышите, я вамъ говорю, что я васъ люблю!

Глѣбъ осыпалъ поцѣлуями ея руки.

— Никто насъ не разлучитъ? Не правда ли, Еля, спросилъ онъ.

— Никто, никто! Вы этому вѣрите? Вы счастливы?

— Я счастливъ, Еля, я знаю, что вы меня любите. Однако, допустимъ, что Маргарита Борисовна не успѣетъ....

Еля его перебила:

— Стало быть вы мнѣ не повѣрили?

Глѣбъ взялъ ее за руки и посмотрѣлъ ей прямо въ глаза.

— Послушайте, Еля, началъ онъ, я не могу быть счастливъ, пока вы не отвѣчали на одинъ вопросъ.

— Ну, на какой вопросъ?

— Если Маргарита Борисовна устроитъ дѣло — все сказано, но я знаю мою мать: ее переубѣдить трудно. Еля, если она не согласится, вы не забудете, что̀ сказали сейчасъ? Насъ никто не разлучитъ. Даже мать не разлучитъ?

— Не говорите такъ, Глѣбъ, возразила Еля, стараясь придать своему лицу строгое выраженіе. Еслибъ я могла думать, что наше счастье васъ поссоритъ съ матерью — оно для меня было бы испорчено. Но вѣрьте мнѣ, когда я вамъ говорю, что бабушка все устроитъ.... Мы будемъ счастливы! заключила она съ такой увѣренностью и съ такой улыбкой, что Глѣбъ началъ догадываться въ чемъ дѣло. Онъ не рѣшился, однако, коснуться вопроса столь щекотливаго; гордость его страдала за мать, не за собственное чувство. Онъ любилъ Елю слишкомъ искренно, чтобъ отказаться отъ нея съ приданымъ или безъ приданаго.

Какъ бы то ни было, но тяжелый камень свалился съ его сердца; послѣ нѣкотораго молчанія, онъ ясно взглянулъ на Елю и протянулъ ей обѣ руки....

Пусть же они живутъ этими минутами, единственными, можетъ быть, которыя дастъ имъ судьба, — а мы возвратимся къ Любовь Ивановнѣ.

Выходя изъ гостиной, она бросилась въ корридоръ, оттуда

въ спальню, а вслѣдъ за ней спѣшила и Катерина Павловна, допрашивая, что̀ она такое потеряла.

— Деньги, деньги! пятьсотъ рублей, да не мои, тётушки вашей деньги, почти простонала Любовь Ивановна, напрасно обшаривъ всѣ углы спальни. Господи! да это не спроста! Маргарита Борисовна вынула изъ шкатулки, вотъ здѣсь у кровати, а я ихъ положила въ карманъ.... Параша, спросила она у вошедшей дѣвочки, ты не видала здѣсь пакета, перевязаннаго черной ленточкой?... Что ты на меня смотришь? Слышишь, спрашиваю, не видала ли пакета?... Ты убирала комнату?...

— Я убирала, ничего не видала, отвѣчала дѣвочка.

— Господи! грѣхъ какой! проговорила съ отчаяніемъ Любовь Ивановна.

— На что-жъ это вамъ тётушка дала столько денегъ? спросила Катерина Ивановна.

— Да, Господи, чтобъ ихъ свезти въ опекунскій совѣтъ. Развѣ мнѣ въ первый разъ, и никогда такой бѣды не случалось. Слава Богу, двадцать слишкомъ лѣтъ Маргарита Борисовна никому, кромѣ меня, не поручаетъ этихъ денегъ. Какъ нарочно, сегодня отдаетъ мнѣ ихъ да говоритъ: «Любовь Ивановна, еще никогда я не дополняла своего сокровища съ такимъ удовольствіемъ.»

«Что это значитъ?—подумала Катерина Павловна—неужели правда, что у Маргариты Борисовны водятся капиталы?»

— Параша! куда ты дѣвалась, пострѣлёнокъ? продолжала Любовь Ивановна, забывая тонкое общежитіе, которымъ она любила щеголять. Глафира Матвѣвна ввѣрилась въ эту дѣвчонку...

— Да успокойтесь, Любовь Ивановна, перебила ее Катерина Павловна; деньги отыщутся — свои не возьмутъ, а чужіе сюда не входили....

— Какъ не входили! возразила Любовь Ивановна. Я, чай, человѣкъ десять перебывало и богадѣленокъ, и бѣдныхъ дворянокъ и всякой всячины. За всѣхъ не поручишься. Ну, если, оборони Боже, я не найду этихъ денегъ, что̀ мнѣ дѣлать?...

И Любовь Ивановна всплеснула руками.

— Тётушка такъ добра.... вы же сами знаете, что денегъ много, внушительно сказала Катерина Павловна.

— То-то и больно, что она добра, отвѣчала Любовь Ивановна, которая отъ природы не была лишена деликатности. Другая бы оборвала, изъ дому бы выгнала—а она, можетъ, ничего не скажетъ, а горько ей будетъ, моей голубушкѣ! Денегъ много! Вѣдь она нужду терпитъ, чтобъ только въ опекунскій совѣтъ отложить. Кажется, Успенскій соборъ на такую сумму можно вы-

строить, а ей все кажется мало!... Легко-ль, пятьсотъ рублей!... Матушки! хоть узелочекъ на платкѣ завязать!... ужъ не обронила ли я ихъ подъ лѣстницей, когда юбку подвязывала....

И Любовь Ивановна бросилась подъ лѣстницу, а Катерина Павловна въ себя не приходила ото всего, что̀ слышала. Она угадывала, что Маргарита Борисовна могла копить деньги только для пожертвованія въ церковь или для раздачи бѣднымъ. Катерина Павловна слыхала о существованіи капитала, о которомъ, въ минуту отчаянія, проговорилась Любовь Ивановна, но она не придавала значенія темнымъ слухамъ, считая ихъ сущими сплетнями. Ее смущала тайна, хранимая насчетъ этихъ денегъ: въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ она не позволила бы себѣ нарушить ее нескромнымъ вмѣшательствомъ, но теперь отъ щедрости Маргариты Борисовны зависѣло счастье Ели, и оно было ей слишкомъ дорого.

— Нашлись! воскликнула, врываясь въ спальню, Любовь Ивановна, уже успѣвшая перейти отъ отчаянія къ шумной радости. Я пакетъ-то положила на шелковую матерію, что̀ мнѣ подарила Маргарита Борисовна, да въ нее и завернула. Вотъ ужъ грѣхъ попуталъ! Вѣдь чуть-было съ ума не сошла! Поклялась бы, что пакетъ у меня въ карманѣ. Катерина Павловна, голубушка, а вы, ради Бога, не выдавайте. Себя не вспомнила—проболталась. Чтобъ до Маргариты Борисовны какъ-нибудь не дошло, что я... насчетъ денегъ-то.... вѣдь она объ нихъ никому на свѣтѣ, кромѣ меня да Глафиры Матвѣвны....

— Вы не проболтались; я давно знала о существованіи этихъ денегъ, перебила Катерина Павловна.

— Знали? Ну и слава Богу! душу мою развязали! Что же, Маргарита Борисовна сама вамъ сказала?

— Нѣтъ! но объ этомъ многіе знаютъ. Говорятъ, у нее тысячъ на̀ сорокъ ломбардныхъ билетовъ.

— Ужъ полно не больше ли?... А я согрѣшила, заподозрила богадѣленку Мавру Савишну.... она съ виду водой не замутитъ, а сама тонкая штука....

— Вотъ вы человѣкъ дѣльный и дальновидный, перебила Катерина Павловна, объясните мнѣ, съ какой цѣлью тетушка скрываетъ, что у ней капиталъ, назначенный для добраго дѣла?

— Какъ этого не понять? отвѣчала съ улыбкой самодовольствія Любовь Ивановна. Узнаютъ, что у ней есть деньги—просить будутъ, а отказывать непріятно. Вы знаете, Маргарита Борисовна высокая христіанка: не только чужимъ, родной племянницѣ отказала, Елиной-то матери. Покойница за годъ до своей кончины писала къ Маргаритѣ Борисовнѣ: просила три тысячи

рублей взаймы. Маргарита Борисовна и покушалась ей дать денегъ, совсѣмъ-было рѣшила...

— И не дала? спросила Катерина Павловна, едва переводя духъ.

— Вдругъ раздумала. Ужъ и меня выписала и отправила-было въ опекунскій совѣтъ, да и раздумала. «Что, говоритъ, дѣлать, Любовь Ивановна, ей дамъ и другому нельзя будетъ отказать; а вѣдь это не мои деньги, я ихъ Богу пожертвовала». И сама плачетъ—послала ей сто цѣлковыхъ въ имянины. Ну, ужъ за то церковь выстроимъ на славу: одинъ планъ стоилъ пятьсотъ рублей!

«Церковь собирается строить, подумала Катерина Павловна, а бѣдной моей Сонѣ не дала денегъ на поѣздку за границу.... она была бы жива теперь! А какъ ей жить хотѣлось....»

Звонокъ, раздавшійся въ передней прекратилъ разговоръ.

VI.

Маргарита Борисовна давнымъ давно знала Анну Алексѣевну Матвѣеву, но ихъ отношенія ограничивались утренними визитами, и двумя-тремя оффиціальными вечерами за карточнымъ столомъ. Онѣ не сблизились потому, что между ними не было ничего общаго, но оставались въ хорошихъ отношеніяхъ. Въ первый разъ имъ приходилось имѣть дѣло другъ съ другомъ, и хотя Маргарита Борисовна крѣпко разсчитывала на дѣйствіе, даже на эффектъ своего объясненія съ Анной Алексѣевной, она испытала непріятное смущеніе, когда лакей, доложившій объ ея пріѣздѣ, громко сказалъ: «приказали просить».

Въ домѣ Матвѣевыхъ поражалъ съ перваго взгляда порядокъ, доходящій до сухости; казалось, что кресла никогда не сдвигались съ мѣста; все смотрѣло оффиціально, и зеркала, развѣшанныя между оконъ въ рамахъ орѣховаго дерева съ перекладинкой по срединѣ, и овальный столъ противъ дивана, и у двери трельяжъ съ плющемъ. На столѣ не было ни книги, ни рукодѣлья, ни журнала; одна только возвышалась на немъ огромная лампа. Симпатичной физіономіи не доставало у этого дома: отъ него вѣяло холодомъ.

Три дѣвушки, очень обрадованныя, удивленныя неожиданнымъ повидимому посѣщеніемъ Маргариты Борисовны, вышли къ ней на встрѣчу.

— Maman нездорова и проситъ васъ въ свою комнату, сказала старшая, которой было уже лѣтъ тридцать.

— Она нездорова? повторила Маргарита Борисовна.

— Maman больше разстроена и не принимаетъ сегодня; только васъ пожелала видѣть, только васъ...

Ей хотѣлось еще что́-то сказать, но она не рѣшилась и робко смотрѣла на Маргариту Борисовну.

Вторая сестра молчала, опустивъ глаза.

— Милочки мои, Богъ дастъ, мы сговоримся и все устроимъ къ лучшему, сказала Маргарита Борисовна.

— У насъ и такъ, слава Богу, все устроено, подхватила младшая, черноглазая восьмнадцати-лѣтняя дѣвочка, которая смотрѣла отчаяннымъ бойцомъ: — Варенька и Даша проплакали всю ночь, Глѣбъ на себя не похожъ, словомъ, все какъ слѣдуетъ!

— Маша! перебили старшія, и сконфузились.

Маргарита Борисовна покачала головой и погрозилась, но Маша схватила ея руку и поцѣловала.

— Пожалуйте сюда, сказала Варенька, и отворивъ дверь въ спальню матери — удалилась.

Анна Алексѣевна была однихъ лѣтъ съ Маргаритой Борисовной, но казалась несравненно старше: ея типическая наружность бросалась въ глаза. Черты ея сморщеннаго и словно тронутаго копотью лица, были крупны и правильны, но высохли какъ руки ея и станъ. Она держалась прямо, спѣсиво. Ежедневный ея нарядъ состоялъ изъ шелковой блузы и горностаевой душегрѣйки, которую даже и лѣтомъ она снимала рѣдко. Сверхъ чепца она носила шелковую косынку.

— А!... Маргарита Борисовна! сказала она, приподнимаясь съ своихъ креселъ. Вотъ ужъ не ждала васъ сегодня! Видно, сердце сердцу вѣсть подаетъ; вѣдь я сама собиралась къ вамъ.

— Вашъ сынъ мнѣ сказалъ объ этомъ, но я желала отстранить Елю отъ нашихъ переговоровъ, и предупредила васъ, отвѣчала Маргарита Борисовна. Мы потолкуемъ мирно и на единѣ.

— Очень, очень рада. Садитесь-ка сюда, задомъ къ свѣту, а то тяжело глазамъ на снѣгъ смотрѣть. Глѣбъ у васъ былъ сегодня?

— Былъ, отвѣчала Маргарита Борисовна, которой понравилось это радушное вступленіе въ разговоръ. Я давно подозрѣвала, что онъ къ Елѣ неравнодушенъ, но признаюсь, думала, что это простое волокитство, а не серьезное чувство.

Анна Алексѣевна съ аффектаціей разсмѣялась, и смѣялась довольно долго.

— Нѣтъ молодого человѣка, который бы не испытывалъ мно-

гое множество серьезныхъ чувствъ, голубушка моя, Маргарита Борисовна, сказала она, продолжая смѣяться и слегка ударяя по колѣнямъ свою гостью. А мой серьезникъ и подавно всюду суется съ серьезными чувствами. Пройдетъ кринолинъ, пококетничаетъ, вотъ и серьезное чувство. Въ немъ серьезныхъ чувствъ не оберешься. Да и пусть его серьезничаетъ! Богъ съ нимъ, благо ему забавно! а вотъ намъ, старухамъ, слѣдуетъ во́-время положить конецъ серьезнымъ-то чувствамъ, чтобъ онѣ не повели къ большимъ непріятностямъ.

Маргарита Борисовна слыхала о крутомъ нравѣ Анны Алексѣевны и приготовилась заранѣе перенести смиренно первую вспышку; но вспышки не было, и этотъ аффектированный смѣхъ, это подтруниванье подѣйствовали на нее чрезвычайно непріятно.

— Оставьте пожалуйста этотъ тонъ, сказала она прямо и серьезно. Мы принимаемъ въ этомъ дѣлѣ одинаковое участіе, и я хочу говорить о немъ просто, безъ намековъ. Мнѣ очень непріятно, что вашъ сынъ посватался за мою внучку противъ вашего желанія; но вѣдь мы пережили тотъ вѣкъ, когда молодые люди женились по волѣ родителей...

— Они прекрасно дѣлали, перебила Анна Алексѣевна. Гм! ну — да это въ сторону. Я нисколько не запрещаю моему сыну жениться, но я не даромъ дожила до пятидесяти восьми лѣтъ, надо подумать и о будущемъ. У Глѣба нѣтъ состоянія.

— А кромѣ недостатка состоянія, въ чемъ Еля не невѣста вашему сыну? Она, кажется, и вамъ всегда нравилась.

— Она очень хорошая дѣвушка, довольно кротко замѣтила Анна Алексѣевна.

— Вотъ это главное. А что касается до приданаго, то съ завтрашняго дня я ей законнымъ актомъ передамъ все свое состояніе. Довольны ли вы?

— Позвольте, возразила Анна Алексѣевна, ужъ коли говорить о дѣлахъ, надо говорить дѣльно. Въ чемъ состоитъ ваше состояніе?

— А Вознесенское? Вы его знаете? имѣніе хорошее, полторы тысячи десятинъ земли, и лѣсу двѣсти десятинъ. Оно немного разстроено; но если Глѣбъ въ немъ поживетъ годика два, онъ легко приведетъ имѣніе въ порядокъ; а я буду рада-радехонька, если онъ мнѣ удѣлитъ въ своемъ домѣ теплый уголокъ...

Сморщенныя щеки Анны Алексѣевны слегка раскраснѣлись.

— Милая моя Маргарита Борисовна, начала она, покачивая головой, кто же кромѣ васъ не знаетъ, что ваше именитое Вознесенское не стоитъ третьей доли того, что̀ оно стоило при жизни вашего мужа?... Какъ мнѣ не знать Вознесенскаго и ва-

шего хозяйства? Мы—сосѣди. Лучшая часть лѣса вырублена вашимъ управляющимъ; онъ на вашъ счетъ выстроилъ себѣ домъ хоть куда на Покровкѣ; а хорошая земля при раздѣлѣ досталась мужикамъ. Вы, слава Богу, и не заглянули въ уставныя грамоты? Вотъ вамъ и ваше Вознесенское!

На хозяйственныя свѣдѣнія Анны Алексѣевны можно было положиться; Маргарита Борисовна это знала, и пораженная ея словами, вспыхнула въ свою очередь.

— Преувеличенія! промолвила она, преувеличенія! я знаю, что мое хозяйство запущено...

Она растерялась. Тонъ Анны Алексѣевны оскорблялъ ее, тѣмъ болѣе, что возраженія были невозможны и могли только обличить ея полное незнаніе практической стороны жизни. Маргарита Борисовна стыдилась отсутствія положительности, зная, что оно во многихъ возбуждаетъ насмѣшку и даже нѣкотораго рода презрѣніе.

— Позвольте мнѣ вамъ сказать, если ужъ дѣло пошло на правду, продолжала Анна Алексѣевна, что вы ничего не знаете и не смыслите въ хозяйствѣ. Ужъ въ этомъ случаѣ положитесь на мою опытность. Мужъ мой предоставилъ мнѣ одной управленіе имѣніемъ, и я надѣюсь, что онъ не раскаялся въ своемъ довѣріи ко мнѣ. А вы? вы при жизни вашего покойника привыкли жить какъ у Христа за пазухой и послѣ него такъ запустили дѣла, что вамъ, пожалуй и до разоренія не далеко. Вы думаете, что Глѣбу достаточно прожить два года въ Вознесенскомъ, чтобъ привести имѣніе въ порядокъ? Нѣтъ, милая моя Маргарита Борисовна, такъ судятъ малыя дѣти, позвольте вамъ сказать. Чтобъ ваше имѣніе привести въ порядокъ, надо положить на него цѣлый капиталъ — у меня денегъ нѣтъ, какъ я и сказала Глѣбу. Я васъ очень уважаю, Маргарита Борисовна, но вѣдь вы съ молоду жили такъ себѣ — dans les nuages, и до сихъ поръ не имѣете понятія о томъ, что дѣлается у насъ грѣшныхъ. Что бы вамъ подумать заранѣе о будущности вашей внучки? Она у васъ одна осталась и давно осиротѣла. Вамъ извѣстно, что ея отецъ былъ игрокъ и негодяй...

— Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что я не за наставленіями къ вамъ пріѣхала, перебила Маргарита Борисовна, и выслушивать ихъ не намѣрена.

— Я не хотѣла сказать вамъ ничего обиднаго, продолжала, не смущаясь, Анна Алексѣевна; я только вамъ замѣтила, что мы, люди практическіе, обязаны считать и разсчитывать, а вы?... Ядовитая старуха подняла руку и сдѣлавъ движеніе пальцами прибавила: «выспреннія». То-то вы и потеряли изъ виду, что

еслибъ Глѣбъ женился на вашей внучкѣ, то ему пришлось бы работать, чтобъ достать кусокъ хлѣба для своего семейства; а мнѣ сдается, что Матвѣеву не съ руки работать какъ какому-нибудь чиновнику — изъ куска хлѣба... Позвольте, Маргарита Борисовна, еще одно слово: ваша внучка была причиной раздора между мной и моимъ сыномъ; я желаю, чтобъ такія столкновенія не повторялись, и потому прошу васъ, какъ честную женщину, не принимать его къ себѣ...

— Будьте вполнѣ увѣрены, перебила Маргарита Борисовна, что моя внучка не разстроитъ спокойствія вашей завидной семейной жизни. Въ невѣстахъ она не засидѣлась, и не я буду ее навязывать кому бы то ни было на свѣтѣ. Она встала и сухо поклонилась; но Анна Алексѣевна осталась такъ довольна ея обѣщаніемъ, что попыталась загладить свои дерзости примирительными словами.

— Вы на меня сердитесь, сказала она, но я надѣюсь, что со временемъ мы встрѣтимся пріятельницами. Вы поймете, что я не корыстолюбива, а желаю счастья моего сына.

— Въ этомъ я и теперь не имѣю права сомнѣваться, не безъ усмѣшки отвѣчала Маргарита Борисовна. Прощайте.

Анна Алексѣевна поднялась съ мѣста, чтобъ ее проводить. Сестры Глѣба, со страхомъ ожидавшія рѣшенія его участи, угадали ее въ строгомъ взглядѣ, который бросила на нихъ мать, когда онѣ поспѣшно подошли проститься съ Маргаритой Борисовной...

VII.

Маргарита Борисовна была внѣ себя. Она такъ привыкла къ общему уваженію, къ общему баловству; ея жизнь текла такъ мирно и ровно, что столкновеніе съ Анной Алексѣвной ее привело въ неописанное раздраженіе. И вѣсть о потерѣ состоянія, и разбитое счастье Ели, которую она сама только-что обнадежила, и глупая роль не то надувательницы, не то школьницы, невольно ею разыгранная — все это возбуждало въ ней досаду на самое себя и злобу на Анну Алексѣевну, злобу отчасти несправедливую: Анна Алексѣевна говорила правду, хотя и выражала ее грубо.

Когда Маргарита Борисовна вернулась домой и все семейство вышло къ ней на встрѣчу, сдержанный гнѣвъ ея разразился, несмотря на присутствіе Глѣба.

— Я ничего не сдѣлала, ничего не устроила, другъ мой, сказала она Елѣ; я говорю тебѣ въ присутствіи Глѣба, что

если ты себя насколько-нибудь уважаешь, ты должна отъ него отказаться. Ваша мать, обратилась она къ Глѣбу, слышать не хочетъ о вашей женитьбѣ.

— Я женюсь для себя, а не для матери, возразилъ-было Глѣбъ...

— Она испортитъ жизнь и вамъ и несчастной дѣвушкѣ, которая станетъ между вами и ею, перебила Маргарита Борисовна — вы должны пощадить Елю, вы, какъ честный человѣкъ, должны избѣгать случая ее видѣть... Я обѣщала вашей матери, что не буду васъ принимать.

Никто не видывалъ Маргариты Борисовны въ такомъ раздраженномъ состояніи.

— Ma tante, заговорила Катерина Павловна, мнѣ кажется, что вы сгоряча принимаете такія мѣры... Еще нечего отчаяваться...

— Молчи, пожалуйста, перебила Маргарита Борисовна; тебѣ бы слѣдовало меня поддержать. Анна Алексѣевна не измѣнится въ шестьдесятъ лѣтъ. Разсказывай побасенки, а вотъ кто за нихъ поплатится...

Она указала на Елю; та встала и шатаясь вышла. Глѣбъ бросился за ней.

— Куда онъ, сказала Маргарита Борисовна, вставая вслѣдъ за Глѣбомъ.

— Оставьте ихъ, остановила ее Катерина Павловна. Дайте имъ проститься, можетъ быть навсегда. Разскажите-ка мнѣ лучше, чтó васъ такъ сильно разстроило?

Маргарита Борисовна только успѣла передать ей подробности своего свиданія съ Анной Алексѣевной, какъ Глѣбъ вернулся. Онъ былъ очень блѣденъ.

— Пойдите къ ней пожалуйста, не надо оставлять ее одну, сказалъ онъ Катеринѣ Павловнѣ.

— Что вамъ говорила матушка? спросилъ онъ у Маргариты Борисовны. Ей стало жаль Глѣба, и отвѣтъ ея былъ кротокъ.

— Голубчикъ мой, она меня очень оскорбила и я вамъ повторяю, поберегите Елю; мы должны съ вами разстаться. Но не ссорьтесь съ матерью — любите и почитайте ее по прежнему.

— Почтителенъ къ ней я буду, но любить мать послѣ нашего вчерашняго объясненія — я не властенъ: оно уничтожило ту слабую тѣнь привязанности, которую я всѣми силами старался въ себѣ поддержать. А избѣгать Елю я вамъ обѣщать не могу: я слова не сдержу.

— Какъ не сдержите? строго повторила Маргарита Борисовна.

— Нѣтъ! я напротивъ буду искать случая съ ней видѣться или писать къ ней, отвѣчалъ Глѣбъ.

— Такъ вы хотите ее погубить!—Анна Алексѣевна не смолкнетъ, она и въ свѣтѣ ее не пощадитъ.

— Ручаюсь вамъ, что никто, какъ я, не дорожитъ ея добрымъ именемъ, возразилъ Глѣбъ. Что же касается ея спокойствія, то оно уже нарушено — только не мною. И на какомъ же я у васъ счету, Маргарита Борисовна, что вы мнѣ совѣтуете оставить ее теперь?

— Голубчикъ мой, да на что же вы надѣетесь? Между вами все кончено.

— Я надѣюсь современемъ пріучить Елю къ мысли, что я въ правѣ жениться помимо воли моей матери.

— Ни Еля, ни я, на это не согласимся.

— Этотъ вопросъ рѣшитъ время. Маргарита Борисовна, вы слишкомъ умны и слишкомъ добры, чтобъ стать за одно съ моей матерью противъ меня.

— Охъ! перестаньте, Глѣбъ, дайте мнѣ опомниться, сказала Маргарита Борисовна. Вы не знаете, какъ мнѣ тяжело обойдётся сегодняшній день!

Простившись съ Глѣбомъ, который спѣшилъ домой, чтобъ объявить матери свое окончательное рѣшеніе, и оставшись одна, Маргарита Борисовна задумалась не на шутку. Въ первый разъ съ незапамятныхъ временъ, она была отвлечена отъ самой себя и съ невольнымъ страхомъ сознавала, что на ней лежитъ отвѣтственность чужой судьбы, чужой жизни. Въ ея ушахъ раздавались жёсткія, но справедливыя слова Анны Алексѣевны: «что бы вамъ подумать заранѣе о будущности вашей внучки? она у васъ одна осталась.»

«Легко сказать, съ горькой усмѣшкой думала Маргарита Борисовна, какъ бы въ защиту самой себѣ; я не рождена управляющимъ, какъ Анна Алексѣевна. И рада бы, да не могу. Я не виновата, что меня разорили. Но неужели же правда, что я разорена? Господи помилуй — разорена!...»

VIII.

Въ гостиную, только-что не на цыпочкахъ, вошла Любовь Ивановна и сѣла въ уголокъ.

— Уѣхалъ Глѣбъ Александровичъ? спросила Маргарита Борисовна.

— Уѣхалъ, отвѣчала Любовь Ивановна. Былъ на верху, про-

щался съ Елей, а теперь съ ней осталась Катерина Павловна.

— Ну, что̀ Еля?

— Послѣ отъѣзда Глѣба Александровича съ ней сдѣлалась дурнота; такъ и повалилась... ничего, теперь ей лучше.

Маргарита Борисовна уже встала, чтобъ идти къ Елѣ — но вдругъ остановилась. Ей было слишкомъ тяжело быть свидѣтельницей горя, отъ котораго она могла бы спасти молодую дѣвушку. Маргаритѣ Борисовнѣ казались несправедливыми упреки Анны Алексѣевны, но тѣмъ не менѣе они возбуждали въ ней безотчетное угрызеніе совѣсти. Да! ей было бы слишкомъ тяжело видѣть Елю, и чувство, не лишенное эгоизма, остановило ее на мѣстѣ.

— Любовь Ивановна, сказала она, позовите ко мнѣ Катерину Павловну... Постойте... нѣтъ... вы ее не зовите, а посмотрите, что̀ Еля?

Маргарита Борисовна возвратилась на свое мѣсто, подождала нѣсколько минутъ; потомъ, встревоженная продолжительнымъ отсутствіемъ Любовь Ивановны, вышла въ залу, къ которой примыкалъ ходъ на верхъ. Она стала прислушиваться, не спускается ли Любовь Ивановна съ лѣстницы; но вездѣ было тихо, такъ тихо, что Маргаритѣ Борисовнѣ стало страшно: эта тишина подѣйствовала болѣзненно на ея раздраженные нервы. Сердце старушки билось тоскливо и замирало отъ какого-то неопредѣленнаго предчувствія. Ей все казалось, что вотъ-вотъ отворятся двери, и ей принесутъ недобрую вѣсть...

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Онѣ длились для Маргариты Борисовны какъ цѣлый часъ. Наконецъ Любовь Ивановна вошла осторожно и сказала вполголоса:

— Я помогала Катеринѣ Павловнѣ ее раздѣть.

— Ну, что̀?.. промолвила едва слышно Маргарита Борисовна.

— Ну — раздѣли. Она какъ будто успокоилась.

Маргарита Борисовна вздохнула свободнѣй.

— Бога вы не боитесь! я васъ заждалась, сказала она, и скорымъ шагомъ пошла на верхъ.

Еля сидѣла на диванѣ, поджавши ноги подъ себя; руки ея были скрещены надъ грудью, а глаза смотрѣли сухо и неподвижно. Она была очень блѣдна послѣ обморока. Увидавъ бабушку, она хотѣла встать.

— Сиди, сиди, душенька, сказала Маргарита Борисовна, взяла ее за голову и со слезами прижала къ груди. Но Еля не отвѣчала на ея ласки и не промолвила ни одного слова.

— Уйдемте, ma tante, сказала Катерина Павловна. Ей хо-

чется остаться одной. Онѣ сошли. Столъ уже былъ накрытъ, и доложили, что кушанье готово.

За обѣдомъ всѣ молчали; одна Любовь Ивановна кушала на здоровье и осторожно клала вилку и ножикъ на тарелку, какъ будто боялась кого-нибудь разбудить. Она сильно желала доказать свое сочувствіе къ семейному горю, но тѣмъ не менѣе, вставъ изъ за стола отправилась на верхъ, чтобъ заснуть; а Маргарита Борисовна ушла къ себѣ въ спальню, сказавъ:

— Пожалуйста, Катя, не уѣзжай, не оставляй насъ. Дай мнѣ подушку, да сходи къ Елѣ.

Въ домѣ опять все успокоилось, затихло. Прислуга собралась около самовара, разсуждая по-своему о неудавшемся сватовствѣ Глѣба Александровича. Набѣгали зимніе сумерки. Маргарита Борисовна прилегла на диванѣ. Блуждающіе ея глаза остановились наконецъ на просфорѣ, принесенной юродивымъ и стоящей на образномъ шкапѣ. Радость, возбужденная въ ней чуднымъ сновидѣніемъ и появленіемъ юродиваго была подавлена въ ея сердцѣ всѣми тревогами дня. Однако воспоминанія о протекшей ночи ее оторвали отъ новыхъ заботъ и наполнили ея душу ласкающимъ и успокоительнымъ чувствомъ.

«Завтра я тебѣ просвирку пришлю», повторяла она мысленно, и старалась припомнить всѣ подробности своего сна. Ей вздумалось вписать въ молитвенникъ и самый сонъ, и исторію принесенной просфоры.

— Глафира, спросила она у Глафиры Матвѣвны, которая вошла провѣдать барыню; какой онъ лицемъ, этотъ юродивый, что̀ приходилъ сегодня?

— И-и-и-и! худой такой, испитой, отвѣчала Глафира Матвѣвна, волосы длинные, а кафтанъ весь въ лохмотьяхъ. Другой бы, кажется, какъ вышелъ на такой морозъ, такъ бы и замерзъ.

— Почему же ты знаешь, что онъ юродивый?

— Ужъ какъ не узнать, матушка-барыня? Я ему говорю: подожди, барыня тебѣ что̀-нибудь вышлетъ. А онъ только тепленькаго чайку хлѣбнулъ, да и скрылся — какъ же не юродивый!

— Диво, просто диво! промолвила Маргарита Борисовна.

Глафира Матвѣвна одѣла душегрѣйкой ноги барыни, и сказала:

— Мнѣ жаль, что я не успѣла у него о барышнѣ спросить. Что̀ бы онъ объ ней-то сказалъ?

— Да, вотъ ужъ намъ горе-то Богъ послалъ, Глафирушка!

— Просто горе, барыня. Женишекъ-то хоть куда. Ну, только

что мать бѣдовая — а барышня наша смирная, ее и извести не долго...

Долго еще разсуждала Глафира Матвѣвна, но Маргарита Борисовна не отвѣчала и едва ее слушала. Подъ однообразнымъ говоромъ старушки она впала въ полудремоту и рада была хоть на минуту успокоиться, забыться. Глафира зажгла лампу и блѣдный ликъ, нарисованный пастелемъ, озарился матовымъ свѣтомъ.

Дверь спальни отворилась подъ рукой Катерины Павловны.

IX.

Катерина Павловна была чрезвычайно счастлива два-три первые года своего замужества, но ея жизнь измѣнилась вдругъ. У Немирова была связь, о которой узнала случайно его жена. Ударъ былъ страшный. Она страстно любила мужа и ослѣплялась въ немъ; за разочарованьемъ послѣдовало ожесточеніе, которое развило въ Катеринѣ Павловнѣ невыносимую сухость. Она принялась кокетничать со всѣми мужчинами безъ разбора и вмѣняла себѣ въ особенное наслажденіе смѣяться надъ ихъ любовью. Одинъ изъ ея обожателей, доведенный до отчаянія, сказалъ ей, что онъ рѣшился покончить съ жизнью. Катерина Павловна засмѣялась и послала ему заряженный пистолетъ. Онъ приложилъ дуло пистолета ко лбу и спустилъ курокъ... Къ счастью, выстрѣлъ не убилъ его, а только сильно ранилъ. Узнавъ о послѣдствіяхъ своей шутки, Катерина Павловна бросилась къ молодому человѣку и дала ему право располагать ея судьбой. Но онъ не воспользовался счастьемъ, которымъ былъ обязанъ не искреннему чувству, а порыву раскаянія и самопожертвованія... со временемъ онъ сдѣлался лучшимъ другомъ Катерины Павловны. Что до нея касается — то она совершенно измѣнилась, отстала отъ кокетства, составила себѣ довольно обширный пріятельскій кружекъ и была, повидимому, довольна своей судьбой.

Она нравилась очень многимъ, хотя и не была хороша собой. Что̀ именно въ ней нравилось? Этотъ вопросъ женщинѣ рѣшить трудно, но вѣрно то, что когда Катерина Павловна являлась на вечеръ, шурша своимъ длиннымъ шелковымъ платьемъ, молодые люди прекращали разговоръ съ другими женщинами, въ тысячу разъ ее красивѣе, и образовывали кружекъ около нея. Грудь ея впала, но талія поражала своею гибкостью. Продолговатые глаза съ поволокою выдавали тайну горячей природы; ротъ ея былъ немного великъ, но зубы замѣчательной красоты блестѣли сквозь улыбку, то нѣжную, то насмѣшливую.

Душевная теплота Катерины Павловны обнаруживалась преимущественно въ привязанности къ Елиной матери. Соня принадлежала къ числу тѣхъ ангельскихъ душъ, которыя страдаютъ и умираютъ безропотно. А какъ не хотѣлось ей умирать! Когда доктора̀ объявили ей о необходимости ѣхать на воды и оттуда въ теплый климатъ, она попыталась обратиться за помощью къ Маргаритѣ Борисовнѣ, но скрыла отъ дочери и отъ Катерины Павловны свои надежды на щедрость тётки и отказъ, разрушившій ихъ.

Катерина Павловна была съ мужемъ за-границей, когда получила послѣднее письмо умирающей и вслѣдъ за нимъ, тотчасъ извѣстіе о ея кончинѣ.

«Не пеняй на меня за то, что я скрыла отъ тебя опасность моего положенія, писала Соня; ты измучилась бы понапрасну. Другое дѣло, еслибъ ты была богата... Видно мнѣ было суждено умереть»!... Катерина Павловна на первыхъ порахъ съ горя чуть не сошла съ ума; она спѣшила возвратиться въ Россію, чтобъ повидаться съ Елей и горькими намеками дала почувствовать ея отцу, что считаетъ его виновникомъ смерти Сони. Съ тѣхъ поръ онъ не допускалъ Катерину Павловну до Ели, но онѣ переписывались тайно. Понятно, какое страстное участіе принимала Катерина Павловна въ судьбѣ молодой дѣвушки. Зная чуткость, сосредоточенность ея природы, она была убѣждена, что Еля не въ силахъ будетъ пережить разрыва съ Матвѣевымъ или вынести супружество, отравленное преслѣдованіемъ злой тёщи. Она рѣшилась во что́ бы то ни стало устроитъ Елино счастіе—не будь этой задушевной мысли, она бы дала волю негодованію, которое пробудили въ ней слова Любовь Ивановны: неосторожно выданная тайна о просьбѣ Сони и о полученномъ ею отказѣ, вѣроятно, навсегда поссорила бы ее съ Маргаритой Борисовной.

— Ну, что́, она заснула? спросила Маргарита Борисовна, когда Катерина Павловна вошла въ спальню.

— Куда заснула! ни на минуту не заснула. По моему, она не хороша, отвѣчала Катерина Павловна, и покачала головой.

— Не послать ли за докторомъ?

— Къ чему? докторъ не поможетъ. Теперь она не больна, а вотъ увидимъ что́ будетъ. — Ma tante, прибавила она помолчавъ, я надѣюсь, что Анна Алексѣевна не позволила себѣ сказать что̀-нибудь оскорбительное для Ели?

— Нѣтъ, вся ея грубость оборвалась на мнѣ. Она говоритъ прямо, съ цинической откровенностью, что не позволитъ сыну жениться на бѣдной невѣстѣ. Я съ своей стороны сдѣлала все,

что́ могла: предлагала отдать Елѣ Вознесенское. Ну, такъ изволишь видѣть, Вознесенское никуда не годится!.. и разорено, и лѣсъ вырубленъ, и безъ капитала имѣнія не поправишь, и во всемъ я виновата. Однѣ придирки! Ей бы только разстроить свадьбу сына, да меня оскорбить.

— Нѣтъ, она пожалуй что и правду сказала, задумчиво проговорила Катерина Павловна. Вашъ управляющій мошенникъ...

— А ты почему это знаешь?..

— Братъ мой купилъ имѣніе возлѣ Вознесенскаго въ прошломъ году и не разъ могъ убѣдиться, что васъ дѣйствительно обираютъ кругомъ.

— А если такъ, почему ты мнѣ этого давно не сказала? съ сердцемъ спросила Маргарита Борисовна.

— Во-первыхъ, я сама недавно узнала... да и къ чему бы это привело? Вы бы не повѣрили и разсердились... Вотъ вы и теперь сердитесь на меня.

Маргарита Борисовна не скоро отвѣчала.

— Развѣ я на тебя сержусь? Я страдаю. Что я теперь сдѣлаю для Ели? Не могу же я мигомъ поправить дѣла. Могла ли я предвидѣть, что отецъ ея промотаетъ до послѣдняго куска хлѣба и что она останется на моихъ рукахъ?

Маргарита Борисовна говорила дрожащимъ голосомъ, съ трудомъ удерживая слезы; когда она замолчала, онѣ покатились по ея щекамъ.

«Не попытаться ли теперь? подумала Катерина Павловна; но какъ рѣшиться нарушить тайну, хранимую столько лѣтъ?..» Она мо́лча стояла у кушетки, на которой отдыхала Маргарита Борисовна, и боролась съ мучительнымъ недоумѣніемъ.

— Вы говорили, сказала она наконецъ, что не будете уважать Елю, если она войдетъ въ семейство...

— Въ семейство, гдѣ ее уже ненавидятъ, гдѣ ее ожидаютъ всякія униженія, перебила Маргарита Борисовна. Да! я не буду ее уважать! А если она рѣшится, то я этого не допущу!

«И прекрасно! подумала Катерина Павловна. Мать уморили—теперь очередь за дочерью».

— Это легко говорится, сказала она съ горечью... Чего легче сказать: не выходи замужъ, разбей себѣ сердце и прибавила:—Ma tante, нѣтъ! это невозможно. Надо устроить счастье Ели. Боже мой! И подумать, что у меня нѣтъ своего гроша!

Она прошлась по комнатѣ, не зная какъ приступить къ щекотливому вопросу.

— Въ жизни моей, начала она, были двѣ драмы: разрывъ

съ мужемъ и смерть Сони... Но я не знаю, право не знаю, что̀ для меня было тяжеле. Въ измѣнѣ мужа я утѣшилась—а Соню я никогда, никогда не забуду!

— Едва ли ты утѣшилась въ невѣрности мужа, отвѣчала Маргарита Борисовна, которой хотѣлось прекратить разговоръ объ Елѣ.

— Вполнѣ утѣшилась. Когда прошла первая пора отчаянія, онъ мнѣ сталъ чужой. Я ему сказала, что буду хозяйкой въ его домѣ и имени его не запятнаю—я сдержала слово и совершенно сжилась съ своей судьбой.

— Гмъ! то̀-ли дѣло сестра! продолжала она нетерпѣливо. Соня была мнѣ сестрой... Отъ васъ, отъ васъ одной зависитъ судьба ея дочери, заключила Катерина Павловна, и остановилась противъ Маргариты Борисовны.

— Отъ меня? развѣ я не все сдѣлала, что̀ отъ меня зависитъ?

— Еслибъ я не была увѣрена, что вы на все готовы для Ели... что вы безгранично добры... я бы не рѣшилась, не осмѣлилась вамъ сказать... проговорила, запинаясь и заминаясь, Катерина Павловна.

— Что́ такое?.. спросила со смущеніемъ Маргарита Борисовна и привстала, не спуская глазъ съ Катерины Павловны.

Катерина Павловна вдругъ собралась съ духомъ.

— У васъ есть деньги... сказала она.

— У меня?.. деньги? Какія деньги?

— Вы ихъ бережете не для себя, я это знаю. Еслибъ вы ихъ берегли для себя, я бы не рѣшилась о нихъ заговорить. Но вы ихъ назначили для постройки церкви... Еслибъ вы ихъ пожертвовали этой сиротѣ...

Она не договорила. Маргарита Борисовна мѣнялась въ лицѣ, и красныя пятна выступали на ея щекахъ.

— Отдать эти деньги? сказала она задыхаясь, эти деньги?.. Ты съ ума сошла. Развѣ онѣ мои! Онѣ принадлежатъ Богу. Да еслибъ Еля была моя родная, единственная дочь, я бы и тогда гроша не тронула!

— Какъ! собственная дочь погибла бы въ вашихъ глазахъ, и вы бы ей не отдали вашихъ денегъ?

— Ни за что!

— О! какія ужасныя деньги! воскликнула Катерина Павловна, схвативъ себя за голову.

— Не отдала бы, не отдала бы! повторяла съ жаромъ Маргарита Борисовна.

Настало молчаніе.

— Скажи пожалуйста, какъ ты узнала, что у меня есть деньги?

— Не помню... я давно объ нихъ слышала... Но онѣ васъ на недоброе наставили, сказала Катерина Павловна.

— На недоброе?

— Да, на недоброе; какой тяжелый грѣхъ вы на душу взяли изъ-за этихъ денегъ! Соня передъ смертью просила у васъ три тысячи рублей, чтобъ ѣхать за границу; вы ей отказали—а она могла бы жить! заключила Катерина Павловна, и зарыдала.

Маргарита Борисовна была такъ поражена, что въ первую минуту не нашлась отвѣчать. Катерина Павловна испугалась дѣйствію своихъ словъ и хотѣла взять ее за руку, но Маргарита Борисовна ее оттолкнула.

— Такихъ вещей не говорятъ! ты только-что не назвала меня убійцей.

— Вы сами не знали, чѣмъ вы жертвовали, возразила Катерина Павловна. Но теперь... вы можете искупить ошибку...

— Замолчи! я тебѣ приказываю замолчать! громко и грозно перебила Маргарита Борисовна, и опустила судорожно голову на подушку.

Она лежала безъ движенія нѣсколько минутъ. Катеринѣ Павловнѣ опять стало страшно. Она опустилась на колѣни передъ Маргаритой Борисовной, которую любила за то именно, за что другіе ее осуждали: за непрактичный складъ ея природы. Катерина Павловна давно разгадала много недоговореннаго въ ея словахъ и много неразгаданнаго другими въ ея прошедшемъ.

— Вы мнѣ не простите моей смѣлости? сказала она.

— Ты меня страшно смутила, страшно смутила, отвѣчала Маргарита Борисовна. Я бы измучилась отъ твоихъ словъ, еслибъ я была виновата передъ Соней. Оставь меня пожалуйста... Уйди ради самого Бога, дай мнѣ опомниться.

— Вы приказываете мнѣ уѣхать? спросила Катерина Павловна.

— Да! да! пожалуйста оставь меня... Ты говорила объ этомъ Елѣ?

— Объ этихъ деньгахъ? нѣтъ, ни слова.

— Ни слова?.. Ну, и впередъ прошу не говорить. Слышишь? я это положительно требую.

— Слышу, отвѣчала Катерина Павловна; и вышла сильно взволнованная. Но въ сосѣдней комнатѣ она остановилась. Ей казалось невозможнымъ разстаться съ Маргаритой Борисовной ничего не добившись, и разстаться, можетъ быть, врагами. По-

дождавъ немного, она вернулась въ спальню подъ предлогомъ, что забыла свою шаль.

— Извините, ma tante, не отыщу своей шали, сказала она, оглядываясь во всѣ стороны; извините, пожалуйста... Признаюсь, я не думала, что вы когда-нибудь выгоните меня изъ своего дома.

— А я не думала, что услышу отъ тебя такія слова. Я преступница, злодѣйка!—ты меня убила, безъ ножа зарѣзала!

Катерина Павловна схватила ея руку и насильно поцѣловала.

— Я всегда на васъ смотрѣла какъ на олицетворенную доброту, и умоляю васъ не забывать нашего разговора. Приметъ ли Богъ ваши деньги?.. Они могутъ спасти Елю...

Она вышла съ такой поспѣшностью, что Маргарита Борисовна не успѣла сказать слова, и долго не могла опомниться.

Смерть Сони, которой она была отчасти невольной причиной, судьба Ели, находившаяся въ ея рукахъ, возможность утратить сокровище накопленное годами,—эти мысли путались въ ея головѣ, сокрушали ее, бросали въ жаръ и въ холодъ. Довольно долго лежала она до такой степени запуганная, что ей было страшно пошевелиться, оглянуться, какъ будто она боялась встрѣтиться лицомъ къ лицу съ привидѣніемъ. Наконецъ она рѣшилась позвонить, вошла Любовь Ивановна.

— Дайте мнѣ капель, проговорила Маргарита Борисовна.

— Что это съ вами? спросила Любовь Ивановна; вы на себя не похожи.

— Я очень разстроена... Катерина Павловна мнѣ того наговорила...

— Охота же вамъ разстраиваться словами Катерины Павловны! Она, конечно, хорошая дама, но горяча! ужъ какъ горяча! Я ей всегда говорю: вы просто горячка, примите-ка капель... А дѣвочка-то наша, героиня-то, успокоилась; кажется, заснула. Вѣдь это должно быть все изъ-за нее? Катерина Павловна въ ней души не знаетъ. Помилуйте! у кого не было такихъ непріятностей? Такъ всѣмъ на стѣны и лѣзть?

Успокоительныя капли произвели желанное дѣйствіе; нервы Маргариты Борисовны отдохнули, и на сердцѣ вдругъ стало легче; ей показалось въ первый разъ отъ роду, что Любовь Ивановна умѣетъ здраво судить; она даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ слушала ея болтовню.

— Если свадьба и разстроится, на то воля Божія, говорила между прочимъ Любовь Ивановна, а вы не обращайте вниманія

на толки. Говорятъ: чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу.

— Ужъ подлинно такъ! отозвалась Маргарита Борисовна.

— Да еще бы! Вотъ и самоваръ подали, и героиня наша сошла чай разливать... бенгальская роза-то. Пожалуйте чай кушать.

Еля сидѣла за самоваромъ; выраженіе ея лица было грустно и серьезно, она изъ приличія сказала нѣсколько словъ; Маргарита Борисовна поглядывала на нее съ безпокойствомъ и невольнымъ чувствомъ непріязни; а Еля, невольная причина страха и смущенія, которыя наполняли сердце бабушки, и не подозрѣвала зародившагося въ ней недобраго чувства. Когда, напившись чаю, Любовь Ивановна уѣхала, она стала на колѣни передъ Маргаритой Борисовной и прижала губы къ ея рукамъ.

— Merci, grand'maman, сказала она тихо.

Маргарита Борисовна была тронута.

— За что́ ты меня благодаришь? Что̀ я для тебя сдѣлала? я ничего не сдѣлала, сказала она торопливо.

— Вы хотѣли мнѣ отдать все свое состояніе: больше вы бы не могли сдѣлать для родной дочери.

— Встань, садись... я хочу съ тобой поговорить, сказала Маргарита Борисовна.

Еля сѣла возлѣ нея. Маргарита Борисовна не знала съ чего начать, и не скоро спросила:

— Скажи мнѣ, душенька, что ты думаешь объ этой несчастной развязкѣ? Т. е., я хочу сказать, какъ ты намѣрена поступить?

— Я ничего не думаю, бабушка. У меня здѣсь такой хаосъ. Она показала на голову.

— Однако, если Глѣбъ будетъ настаивать, чтобъ ты вышла за него безъ согласія его матери?

— Ахъ, бабушка, нѣтъ! Я не рѣшусь. Развѣ возможно безъ согласія матери?...

— Я знала, что ты на это не пойдешь, душа моя, радостно отозвалась Маргарита Борисовна. Безъ материнскаго благословенія нельзя ему жениться. И что же васъ ожидаетъ? Скандалъ, семейная вражда, которой ты будешь причиной.

— Вотъ этого-то я и боюсь и за него, и за себя. Въ особенности за него.

И помолчавъ нѣсколько минутъ, она продолжала:

— А опять.... если онъ будетъ настаивать, требовать, просить?... Какъ я ему откажу?... оттолкну его?... Вотъ голова моя и идетъ кругомъ.

— Это на первыхъ порахъ, моя милочка.... разумѣется, голова идетъ кругомъ. Богъ дастъ, успокоишься. Признаюсь тебѣ, я одного боюсь.... тебя собьютъ съ толку.... Хоть Катерина Павловна: она необдуманно судитъ объ этомъ дѣлѣ.

— Никто меня съ толку не собьетъ.... Я знаю, что противъ судьбы не пойдешь.

— Сегодня я обо всемъ передумала, тихо продолжала Еля; все прошедшее мнѣ вспомнилось. Мало ли я уже видѣла горя? Мать моя умирала на моихъ глазахъ, да и умирать-то ей не давали. Съ охоты, бывало, пріѣдутъ: крикъ, шумъ подымутъ. А она мечется, мечется на постели, все сердце изноетъ на нее глядя. Разъ она положила руку мнѣ на голову и сказала: за то, можетъ быть, Богъ тебѣ счастье пошлетъ!

Маргарита Борисовна измѣнилась въ лицѣ, когда Еля заговорила о своей матери.

— Зачѣмъ думать о прошедшемъ, другъ мой, замѣтила она. Право, довольно и настоящаго горя.

— Зачѣмъ?... потому что всему одна причина, воскликнула Еля. Деньги, все деньги. Вѣдь какъ она рвалась изъ деревни! Что̀ ей помѣшало уѣхать? Почему она промучилась столько лѣтъ на моихъ глазахъ? Денегъ не было. Будь у насъ деньги — мы бы съ ней уѣхали куда-нибудь подальше, и она бы еще была жива. Что̀ меня разлучитъ съ Глѣбомъ? Опять деньги, и все деньги. Безъ нихъ нѣтъ спасенія. Однимъ богатымъ счастье, любовь, житье на землѣ! А намъ, бѣднякамъ — одна участь, — ложись да умирай.

Еля сказала эти слова съ отчаяніемъ, не подозрѣвая, какъ тяжело онѣ ложились на сердце Маргариты Борисовны. О, еслибъ ее не связывалъ священный обѣтъ, съ какой радостью она осыпала бы Елю золотомъ! Маргарита Борисовна такъ страстно умѣла любить когда-то, что не могла не сочувствовать молодой дѣвушкѣ; но понимая ее всей душой, она все-таки не допускала возможности пожертвовать ей своимъ сокровищемъ.

Пробило полночь. Еля сѣла на постель.

— Еля, замѣтила Маргарита Борисовна, ты сегодня не помолилась.

Еля встала и машинально прошептала молитву.

— Еля, заговорила опять Маргарита Борисовна, ты не думаешь о молитвѣ.

— Нѣтъ, бабушка, я не могу молиться сегодня.

— Принудь себя, другъ мой. Вѣдь и святые не всегда были расположены къ молитвѣ.

— Ахъ, бабушка! Мнѣ вмѣнится въ молитву сегодняшній день, отвѣчала Еля. Вы никогда не разставались съ любимымъ человѣкомъ.

Маргарита Борисовна не возражала: она стала на колѣни передъ семейными иконами, умоляя ихъ послать спокойствіе скорбящимъ; но молитва не разсѣяла смущенія, которое наполняло ея душу.

XI.

Еля во всю ночь не сомкнула глазъ и до разсвѣта вышла на цыпочкахъ изъ спальни.

Она взяла перо и написала къ Катеринѣ Павловнѣ:

«Тётя Катя, я вспомнила, что черезъ два дня разыгрывается лотерея; выигрышъ въ пятьдесятъ тысячъ. Сегодня еще можно достать билетъ. Умоляю тебя, какъ ты получишь мою записку, отправляйся, не теряя ни минуты къ Юнкеру и возьми для меня билетовъ. Къ счастью, я не истратила сорока цѣлковыхъ, которые вы съ бабушкой мнѣ подарили на имянины. Посылаю ихъ тебѣ.

«Представь себѣ, что всю ночь меня преслѣдовала лотерея, и какой-то внутренній голосъ мнѣ говорилъ, что я должна взять билетъ. Кто знаетъ?... Ахъ! еслибъ я выиграла».

Еля не дождалась, чтобъ всѣ встали въ домѣ; она разбудила горничную и немедленно отправила ее съ запиской къ Катеринѣ Павловнѣ.

А между тѣмъ благодатный сонъ овладѣлъ Маргаритой Борисовной. Когда она проснулась, ей показалось, что всѣ тревожныя чувства протекшаго дня мучили ее во снѣ, и она пришла въ ужасъ отъ одной мысли, что кто-нибудь могъ попытаться отнять у нея завѣтное сокровище. За то слова Анны Алексѣевны она должна была признать горькой дѣйствительностью. Собравшись съ духомъ, она написала къ управляющему приказаніе немедленно явиться въ Москву и пожалѣла въ душѣ, что вчерашняя размолвка съ Катериной Павловной лишитъ ее помощи Немирова, въ трудномъ дѣлѣ многолѣтняго учёта. Но просить у ней услуги Маргарита Борисовна не согласилась бы ни за что̀ на свѣтѣ— разговоръ съ Катериной Павловной залегъ ей въ душу.

Еля, съ нетерпѣніемъ ожидавшая пробужденія бабушки, сообщила ей свои предчувствія и надежды; Маргарита Борисовна ухватилась за нихъ съ юношескимъ увлеченіемъ, и сама взяла еще лотерейныхъ билетовъ.

До розыгрыша оставалось два дня; Еля въ эти дни бродила какъ тѣнь по дому, нигдѣ не находя себѣ мѣста. То она молилась, то гадала въ карты, то садилась къ ногамъ Маргариты Борисовны и спрашивала въ сотый разъ: какъ она думаетъ, достанутся ли ей пятьдесятъ тысячъ?... Потомъ она вставала, принималась ходить, и ходила до упада. Ея разстроенное воображеніе довело ее до полной увѣренности, что ей, непремѣнно ей, достанется выигрышный билетъ. Свое лихорадочное нетерпѣніе она сообщила и Маргаритѣ Борисовнѣ. Онѣ вдругъ зажили одной жизнью; никогда еще онѣ не были такъ близки другъ къ другу.

Еля получила письмо отъ Глѣба и отвѣчала загадками, въ которыхъ онъ ничего не понялъ, кромѣ того, что она ждетъ отъ судьбы чего-то необыкновеннаго. Отсутствіе Катерины Павловны было для Ели необъяснимо, и она собралась идти къ ней.

— Ступай, душа моя, сказала Маргарита Борисовна. Но я тебѣ скажу, что Катя меня очень оскорбила: она упрекнула меня въ холодности къ тебѣ.... ожидала ли я этого?

— Я съ ней поссорюсь за такую выходку, отвѣчала Еля; я скажу ей, что̀ вы были для меня всегда и въ особенности теперь.

У Катерины Павловны ее ждалъ Глѣбъ. Съ чуткостью, свойственной всѣмъ влюбленнымъ, онъ пришелъ къ Немировымъ, увѣренный, что встрѣтитъ Елю и получитъ объясненіе ея загадочнаго письма. Но ни онъ, ни Катерина Павловна не раздѣляли ея надеждъ, и когда она вернулась домой, замѣтно было, что ея увѣренность значительно поколебалась.

Тяжело показалось Катеринѣ Павловнѣ явиться къ ней съ лотереи и объяснить, что выигрышъ достался купцу милліонеру.

Извѣстіе это такъ сильно потрясло Елю, что подѣйствовало на весь ея организмъ. Тоска ее преслѣдовала, и ея умомъ овладѣла *idée fixe:* лотерея, деньги, выигрышъ и проигрышъ. Эта мысль сдѣлалась фокусомъ соединенія всѣхъ ея чувствъ и дѣйствій.

— Возьму непремѣнно билетъ на будущую лотерею, думала или говорила Еля, и тётя Катя мнѣ привезетъ двѣсти тысячъ. Кто-то сказалъ, что не въ деньгахъ счастье. Видно, много было денегъ у того, кто это сказалъ!... Какъ мнѣ привезетъ тетя Катя 200 тысячъ, тотчасъ напишу Глѣбу: мы счастливы! мы богаты! Съ кѣмъ же я пошлю записку?... Ее пожалуй перехватитъ Анна Алексѣевна! Тётя Катя отвезетъ. Остановится у подъѣзда, велитъ вызвать Глѣба и отдастъ ему записку. Я буду ихъ ждать въ столовой, у окна, и выбѣгу на крыльцо.... брошусь къ нему на

шею... Тогда, во снѣ.... онъ стоялъ на верху высокой лѣстницы....

И съ сладко-потрясающимъ смущеніемъ Еля видѣла около себя сіяющія радостью лица Глѣба, Катерины Павловны и бабушки. Въ ея воображеніи рисовался тяжелый сундукъ, кованый желѣзомъ и весь набитый грудами золота и серебра. Она отсчитывала нѣсколько тысячъ для раздачи бѣднымъ и улыбалась радости, которую вызывала. Иногда радужныя мечты смѣнялись тревожными. Ей казалось, что у ней украдутъ сундукъ; она требовала со слезами, чтобъ приняли мѣры для сбереженія ея клада, и увѣряла, что его возьметъ юродивый, который принесъ просфору Маргаритѣ Борисовнѣ.

— Бабушка, голубушка, говорила она цѣлуя ея руки, ради Бога не пускайте сюда юродиваго, онъ унесетъ мои деньги. Онъ въ заговорѣ противъ меня и Глѣба. Вы тогда посылали Глафиру Матвѣвну его догнать, а она не пошла. И она въ заговорѣ противъ насъ; Анна Алексѣевна всѣхъ подкупила. Всю душу мою бѣдную истерзала, бабушка!

По долгимъ часамъ заглядывалась она на высокую липу, которая росла въ саду, и почти отъ самаго корня обросла вѣтвями. Елѣ казалось, что голыя вѣтви липы покрываются молодыми весенними листочками, а листочки обращаются въ червонцы и горятъ сплошной, золотой массой подъ солнечными лучами. То они шевелятся подъ взрывомъ сильнаго вѣтра, и сотнями, тысячами сыплются на землю, сыплются съ металлическимъ шумомъ, который вдругъ переходитъ въ оглушающій громъ.... Иногда Еля хватала себя за голову и говорила съ ужасомъ:

— Ужъ не сошла ли я съ ума?

Маргарита Борисовна была сильно поражена ея состояніемъ, и слова Катерины Павловны воскресли въ ея памяти.

По ночамъ ей являлся образъ умирающей Сони, просящей свободы, здоровья, теплаго воздуха; Маргарита Борисовна металась въ постели, стараясь забыться; но отъ Сони мысли ея переносились на Елю, которой угрожала участь хуже смерти, и глаза ея съ невольнымъ страхомъ останавливались на молодой дѣвушкѣ: Еля сидѣла на постели и бредила о лотерейномъ выигрышѣ, а къ утру засыпала горячечнымъ сномъ и опять бредила.

Ея состояніе утаили отъ всѣхъ, преимущественно отъ Глѣба, и гостепріимный домъ Маргариты Борисовны закрылся для посѣтителей, за исключеніемъ Катерины Павловны: личная непріятность была забыта передъ общей заботой о больной. Катерина

Павловна пріѣзжала съ ранняго утра и нерѣдко сидѣла до поздней ночи; она ни разу не упомянула о разговорѣ, который измѣнилъ ея отношенія къ Маргаритѣ Борисовнѣ, но каждое ея слово, каждый взглядъ были нѣмымъ укоромъ старушкѣ. Нѣсколько разъ Маргарита Борисовна принималась говорить о тяжеломъ бремени, лежавшемъ на ея душѣ — Катерина Павловна умышленно молчала и выраженіе ея лица ясно говорило:

— Я не умѣю сочувствовать безплодному горю.

Обѣ женщины съ одинаковымъ рвеніемъ ухаживали за Елей, но ихъ усилія были напрасны: мысли молодой дѣвушки путались все больше и больше. Наконецъ Катерина Павловна съѣздила за докторомъ умалишенныхъ, и со всѣми возможными предосторожностями привезла его къ Елѣ.

Докторъ распросилъ подробно о причинахъ нервнаго разстройства, и переговоривъ съ больной, объявилъ, что она на волосъ отъ полнаго помѣшательства.

Когда онъ уѣхалъ, Катерина Павловна заплакала, а Маргарита Борисовна съ громкимъ воплемъ упала на постель.

— Господи! сказала она вслухъ, внуши мнѣ, что̀ мнѣ дѣлать! Не въ силахъ я выдержать такую пытку.

Она встала вдругъ, и какъ растерянная остановилась посреди комнаты. Катерина Павловна на нее смотрѣла съ мучительнымъ замираніемъ сердца, понимая, что борьба, давно начавшаяся въ ней, разрѣшается въ эту минуту.

— Поѣду я къ своему духовнику, сказала Маргарита Борисовна, какъ будто разсуждая сама съ собой. Пусть онъ рѣшитъ что̀ дѣлать.

— А если онъ не рѣшитъ въ ея пользу? замѣтила Катерина Павловна.

— И то! сказала Маргарита Борисовна.

Она одумалась и остановилась передъ старинными иконами.

— Что̀ мнѣ дѣлать? мысленно вопрошала она ихъ.

Но ни одного слова не отвѣтили ихъ постные, равнодушные, безучастные лики; а Маргарита Борисовна ждала чего-то, ждала живого слова, которое бы отозвалось на внутренній голосъ, говорившій въ пользу Ели. — Она взглянула на просфору, чудеснымъ случаемъ принесенную юродивымъ, и воспоминаніе того кто говорилъ во снѣ: «Богъ слезки считаетъ», охватило все ея существо. И вспомнила она не горькія свои слезы, а радостныя, пролитыя въ неправедныя ночи.... «Законное и тихое счастье Ели не скорѣе ли молитвы и поста искупитъ ея грѣшное счастье?...»

Маргарита Борисовна открыла дрожащей рукой Евангеліе, лежавшее возлѣ образовъ, и прочла первую строчку попавшуюся ей на глаза:

«Милости хочу, а не жертвы».

— Катя! Катя! крикнула она, приведи сюда Елю.

Катерина Павловна бросилась на шею Маргаритѣ Борисовнѣ, потомъ побѣжала на верхъ. Нѣсколько приготовивъ Елю, она сказала ей, что бабушка желаетъ сообщить ей хорошую вѣсть.

— Бабушка, что̀ такое?... мой билетъ выигралъ?.... спросила Еля поблѣднѣвъ.

— Нѣтъ, — а юродивый тебѣ принесъ шестьдесятъ тысячъ, отвѣчала Маргарита Борисовна.

— Еля вскрикнула и упала безъ чувствъ.

Къ вечеру у ней открылась горячка, которая спасла ее отъ помѣшательства, — и, Боже мой! какъ хорошо было выздоровленіе!

Анна Алексѣевна узнавъ, что Маргарита Борисовна накопила шестьдесятъ тысячъ, пріѣхала къ ней извиниться въ своей горячности, и сама сдѣлала предложеніе для Глѣба.

— Не ожидала я отъ нее такого подвига! говорила Анна Алексѣевна; — не ожидала! Кто-жъ ее пойметъ? Домъ въ упадкѣ, имѣніе разорено, а какъ и путная, деньги откладывала въ опекунскій совѣтъ.

Ольга Н.

ТУРКЕСТАНЪ

И

ЕГО РЕФОРМЫ.

Изъ записокъ очевидца.

Въ концѣ 1867 года, изъ части бывшей Семипалатинской области и вновь пріобрѣтенныхъ владѣній нашихъ въ Средней Азіи, учреждено Туркестанское генералъ-губернаторство, и тогда наступили въ этомъ краѣ преобразованія. Такъ составились двѣ области Сыръ-Дарьинская и Семирѣченская, въ-которой укр. Вѣрное, какъ резиденція военнаго губернатора, обращается въ областной городъ. Области раздѣлились на уѣзды, вмѣсто прежнихъ округовъ и другихъ административныхъ дѣленій, далеко не одинаковыхъ по пространству и населенію, и еще болѣе различныхъ по устройству въ нихъ управленій, не соотвѣтствовавшихъ времени, нуждамъ края и видамъ правительства. Наконецъ, предстояло ввести новое управленіе киргизами въ уѣздахъ, провѣрить число юртъ, переписать юртовладѣльцевъ, составить вновь волости и аулы, избрать волостныхъ, аульныхъ старшинъ и біевъ (народныхъ судей), распредѣлить между волостями и аулами мѣста зимнихъ стойбищъ, чего прежде не бывало, установить на новыхъ началахъ сборъ подати, прежде не равномѣрной въ разныхъ частяхъ края и, словомъ, реорганизовать все согласно правиламъ «Проекта положенія объ управленіи въ Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областяхъ». Для выполненія послѣдней задачи,. были командированы въ каждый уѣздъ особыя коммиссіи на нихъ возложили дѣло реорганизаціи въ кочевомъ населеніи.

«Но всѣ эти права — выразился Туркестанскій генералъ-губернаторъ въ предписаніи своемъ, данномъ по этому случаю коммиссіямъ — не принесутъ надлежащей пользы, если члены коммиссій не съумѣютъ пріобрѣсти у туземцевъ уваженія къ себѣ и довѣрія къ своимъ намѣреніямъ. Того и другого можно достигнуть только безукоризненною честностію, терпѣливымъ и мягкимъ обращеніемъ съ киргизами и искреннимъ желаніемъ, опираясь на новые законы, улучшить ихъ положеніе. Я требую, чтобы члены коммиссіи, понявъ всю важность настоящаго порученія, вложили бы душу въ дѣло, за которое берутся, и работали честно, энергично и сознательно».

Реорганизація должна была окончиться въ продолженіе зимы потому, что киргизы, съ наступленіемъ весны, оставляютъ зимнія стойбища и расходятся по всему пространству извѣстнаго района, перемѣшиваясь между собою и мѣняя мѣста кочевокъ.

Между прочими свѣдѣніями, какія коммиссіи обязаны были представить по окончаніи порученія своего, имъ предложено было пріобщить къ донесенію и всякаго рода собранныя ими свѣдѣнія, имѣющія административный или научный интересъ. Мнѣ пришлось быть участникомъ одной изъ подобныхъ коммиссій, а именно Вѣрненскаго уѣзда.

Наша коммиссія, въ составѣ двухъ членовъ, переводчика и 5 казаковъ, съ тяжестями на 8-и верблюдахъ, несчитая вьючныхъ лошадей, прислуги и проводниковъ, отправилась изъ Вѣрнаго въ степь 6-го декабря 1867 года. Казачья станица Надежинская, въ 50-ти верстахъ отъ города къ востоку, есть послѣдній пунктъ русской осѣдлости. Выѣзжая отсюда, и минуя кладбища съ полунаклонившимися надъ сыпучими сугробами скромными крестами, вы вступаете въ пустыню. До ближайшаго китайскаго города Кульджи, разореннаго дунгенями, какъ и прочіе города западной части Небесной имперіи, этой Сибири Китая, не ближе 400 верстъ, съ переправами чрезъ высокія каменистыя горы и частію безводныя пространства. Да еще развѣ при озерѣ Иссыкъ-Куль (300 верстъ слишкомъ отъ Вѣрнаго) стоитъ уединенно, далеко вправо отъ этой дороги, подъ хребтомъ горъ, русскій отрядъ, имѣющій деревянную казарму, магазины, два-три домика, построенные офицерами... и весьма достаточную долю скуки.

До дня нашего выступленія изъ станицы Надежинской (въ декабрѣ) было еще сухо, какъ лѣтомъ, и такъ тепло, что мы ходили въ кителяхъ, но 8-го декабря вдругъ настала зима. —

Не мало и перенесла эта коммиссія, проведя зиму и весну

въ степи: многіе изъ членовъ подобныхъ коммиссій, бывшихъ во всѣхъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края, поплатились здоровьемъ, а одинъ изъ нихъ и жизнію за дѣло преобразованія. Пишущій эти строки также не забудетъ роковой для него рѣчки Таргапъ, журчащей между снѣгами гористой пустыни, гдѣ, въ бреду начинающейся горячки, напрасно отъ жажды онъ протягивалъ руку къ стакану, наполненному сплошнымъ до дна кускомъ льда, замѣнившимъ воду въ холодной юртѣ...

Итакъ, Вѣрненская коммиссія тронулась въ путь. Снѣгъ, закрѣпленный послѣ бурана морозомъ, уже покрывалъ безграничное пространство ослѣпительнымъ однообразнымъ колоритомъ; по сторонамъ тянулись каменистые кряжи горъ, мерцающіе тѣмъ же яркимъ бѣлымъ блескомъ, а въ ущельяхъ, по которымъ въ другое время года проходятъ тропинки, для проѣзда верхомъ по берегамъ потоковъ, теперь замерзшія массы выпуклаго льда, нависшія неподвижными каскадами, упирались въ оба каменистые берега, дѣлая проѣздъ не только крайне затруднительнымъ, но иногда и рискованнымъ. Только сапоги съ подковками на шипахъ и палка съ желѣзнымъ остріемъ на концѣ могли предохранять непривычнаго отъ безпрестанныхъ паденій. Эта картина зимы въ степи, гдѣ, вмѣсто привѣтливаго огонька изъ теплой избы, перезябшаго путника ожидаетъ остановка на снѣгу, нерѣдко безъ дровъ, хотя и разнообразилась иногда волнистою мѣстностію и прекрасными видами среди самыхъ горъ, но, можно сказать, никогда не сбрасывала съ себя общаго характера дикости и безлюдности, представлявшихъ весьма мало данныхъ для преодолѣнія невольнаго чувства унынія, усиленнаго ощущеніями постояннаго неудовлетворенія организма, стынувшаго день-ото-дня все болѣе, днемъ на конѣ, а ночью въ юртѣ, гдѣ морозъ вступалъ въ свои права тотчасъ по прекращеніи огня изъ вѣточекъ карагайника или тезека (кизяка), тутъ же собираемаго по степи.

Такъ коммиссія провела всю зиму, занимаясь организаціею кочевого населенія, которую, несмотря на неизбѣжную медленность небывалой здѣсь прежде переписи всѣхъ юртовладѣльцевъ по именамъ и отчествамъ (киргизскимъ) и другія непредвидѣнныя сначала затрудненія, слѣдовало окончить въ три мѣсяца. Предстояло объѣхать нѣсколько тысячъ верстъ, верхомъ, съ верблюдами, чтобы побывать хотя разъ на всемъ пространствѣ уѣзда; но требовалось повторить объѣздъ и даже думали о пользѣ третьяго объѣзда. Поэтому коммиссія, имѣя въ виду всю важность возложеннаго на нее порученія, громадность пространства и относительную краткость времени, дорожила каждымъ днемъ и часомъ, разсчитывая ихъ единственно для окончанія, по возможности, въ срокъ хотя

перваго своего объѣзда, съ которымъ сопряжено было также удовлетвореніе любопытства народа, возбужденнаго толками о реформѣ, и успокоеніе умовъ безотлагательнымъ введеніемъ повсюду администраціи и суда, временно парализованныхъ періодомъ между одряхлѣвшимъ старымъ порядкомъ и установленіемъ новаго преобразованія.

При такихъ условіяхъ, можно ли было ожидать отъ коммиссіи, чтобы она, въ столь неблагопріятное время года для экскурсій — еслибъ она имѣла возможность ими заниматься, — наблюденій и даже письменныхъ занятій (когда не только руки зябли, но и чернила мерзли), могла собрать обильный запасъ свѣдѣній, добросовѣстно провѣрить ихъ и, по строгому критическому обсужденію, составить записки съ серьезнымъ значеніемъ въ смыслѣ интереса научнаго, или административнаго?

Но если и немногія замѣтки, схваченныя коммиссіею налету и частію возникшія отъ прежнихъ впечатлѣній, могутъ принести хотя малую пользу администраціи, или пополнить свѣдѣнія о краѣ, столь недостаточно еще извѣданномъ и описанномъ, то уже одна надежда на такой утѣшительный исходъ труда ободряетъ на предпріятіе его.

Дѣйствительно, коммиссія такъ близко была сопоставлена съ бытомъ народа, его нравами, желаніями, что отзывы ея не лишены интереса. На долю ея выпало: посреди сборищъ, нерѣдко въ 1,000 человѣкъ и болѣе, въ долгихъ и терпѣливыхъ бесѣдахъ съ народомъ, внушать ему довѣріе не только къ могуществу, но и къ справедливости, превосходству умственнаго и нравственнаго развитія покорителей, требующихъ прежде всего уваженія къ гражданственности, общечеловѣческимъ правамъ, пробужденія умственной и промышленной дѣятельности,—для подготовленія къ переходу отъ кочевого порядка жизни къ осѣдлому, къ группировкѣ, какъ первому условію зачатковъ общества и цивилизаціи, невозможной—какъ это доказано и опытомъ—при разсѣянномъ размѣщеніи населенія, хотя бы даже и не кочевого. Зимнія же стойбища киргизовъ представляли именно это разсѣяніе на огромномъ пространствѣ, по 2, по 3 юрты, отдаленныя отъ другихъ какъ значительнымъ разстояніемъ, такъ и трудностію сообщеній зимою, при истощеніи скота отъ скуднаго подножнаго, или лучше, подснѣжнаго корма; а изъ киргизовъ развѣ самый несчастный бѣднякъ ходитъ пѣшкомъ.

Кажется, многими киргизами были поняты наши убѣжденія строить курганы[1]) на зимнихъ стойбищахъ, по примѣру болѣе

[1]) Огороженные склады хлѣба, сѣна и проч., при чемъ возникаютъ землянки и дома.

уже обрусѣвшихъ ихъ соплеменниковъ въ Средней ордѣ, съ загонами хотя сначала для мелкаго скота и съ запасами сѣна на случай букановъ или «джута» [1]). Подобные курганы построены уже, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ, нѣкоторыми киргизами, но преимущественно сартами, по р. Чилику и по направленію караванной дороги изъ Кульджи въ гор. Вѣрный, а также и вблизи послѣдняго. Къ курганамъ пристаютъ проходящіе караваны, покупая сѣно, дрова зимою, провизію и проч. Недавно показались въ степи 3, 4 деревянные дома, частью уже отстроенные, а частію неоконченные, и принадлежащіе киргизамъ; но убѣжденіе послѣднихъ въ удобствѣ дома еще не глубоко укоренилось. Едва ли построенные дома вблизи Вѣрнаго не представляютъ явленія азіятскаго тщеславія; по крайней мѣрѣ ни одинъ еще изъ нихъ не обитаемъ.

Вблизи копальской дороги виднѣется пикетъ Терсаканскій, упраздненный вслѣдствіе перенесенія дороги на другое мѣсто. Это зданіе было подарено одному изъ вліятельнѣйшихъ и богатыхъ киргизовъ, лицу, которое давно уже хвалится передъ русскими, что скоро будетъ строить себѣ домъ. Однако пикетъ обращенъ въ помѣщеніе для скота, а потомокъ знаменитаго Аблая предпочитаетъ оставаться въ юртѣ, въ виду подареннаго ему дома. И не удивительно. Съ 1853 года, когда появились едва ли не первыя землянки русскаго отряда на урочищѣ Алматы—будущіе домики гор. Вѣрнаго—прошло слишкомъ немного времени, чтобы кочевники могли оцѣнить выгоды осѣдлой жизни и хотя отчасти усвоить ихъ себѣ.

Киргизы Большой орды болѣе магометане, чѣмъ многіе русскіе это думаютъ. Они, правда, не читаютъ корана, потому что почти всѣ безграмотны, но чтутъ праздники и посты, въ которые, случалось намъ видѣть не разъ при захожденіи солнца, они цѣлыми группами становятся на колѣни и читаютъ молитвы, поглаживая лица и бороды и дѣлая земные поклоны. Цѣлый мѣсяцъ поста (уразà) почти всѣ киргизы—исключенія были очень рѣдки — оставались по цѣлымъ днямъ, до вечера, безъ всякой пищи, даже безъ глотка воды. Коранъ разрѣшаетъ въ дорогѣ не держать поста, но киргизы, которые были съ нами, несмотря на холодъ, постились постоянно до заката солнца. Нерѣдко бѣдняки, созванные коммиссіею за 15-ть верстъ изъ окрестныхъ ауловъ, возвращались вечеромъ домой, по обыкновенію шагомъ

[1]) Бѣдствіе въ степи, когда, послѣ оттепели, земля покрывается ледяною корою и скотъ не можетъ копытомъ добывать себѣ корма, отъ чего и гибнетъ иногда десятками тысячъ.

(да и лошади зимою тощи и слабы) и, по разсчету времени, могли прибывать на мѣсто далеко послѣ захожденія солнца. А въ юртахъ, зимою, развѣ только самые богатые имѣютъ казы [1]) и копченую баранину, чтобы положить въ казанъ, гдѣ кипитъ кужà, т. е. вода съ пшенною крупою, приготовляемою чрезъ поджариваніе проса и толченіе его потомъ въ ступкѣ. Съ наступленіемъ лишь весны стало появляться молоко, которое будучи влито въ кужу, съ прибавкою соли, превращаетъ это скудное, повидимому, блюдо въ весьма вкусное и довольно питательное. Только лѣтомъ голодающая, можно сказать, степь поправляетъ свою отощалость: скотъ—сочною травою, а люди—благодѣтельнымъ кумысомъ, почти замѣняющимъ въ степи всѣ кушанья, даже и для европейца, привыкающаго къ этому здоровому и питательнсму напитку.

Когда коммиссія объясняла народу, какъ важны для блага страны новые законы, то нерѣдко толпа, съ восклицаніями неподдѣльнаго чувства, молилась за падишаха, какъ они называютъ государя, по-мусульмански. Это же случалось и при напутствованіи отъѣзжающей коммиссіи, возвѣстившей народу о новыхъ милостяхъ. То же поглаживаніе бородъ и всѣ пріемы правовѣрныхъ.

Къ счастію, въ Большой ордѣ не были введены правительствомъ указные муллы, за исключеніемъ одного, безвыѣздно живущаго въ Вѣрномъ и наставляющаго законамъ Магомета преимущественно татаръ особой слободки и сартовъ. Мечетей также вовсе нѣтъ на пространствѣ отъ Копала до Токмака, за исключеніемъ одной въ Вѣрномъ. За тѣмъ, можно сказать, что религіознаго фанатизма между киргизами уѣзда не замѣчается.

Киргизъ чрезвычайно переносливъ; ему не въ диковинку. напримѣръ, нѣсколько дней оставаться безъ пищи. Не говоря о бѣдныхъ, даже зажиточные, собираясь въ дорогу, хотя бы и за 300 верстъ, никогда почти не берутъ съ собою съѣстныхъ припасовъ; рѣдко у какого-нибудь джигита замѣтишь привязанную къ сѣдлу баранью копченую ногу, а ѣдетъ компанія человѣкъ въ 7 и болѣе. Они заѣзжаютъ обыкновенно въ первый попавшійся аулъ и пользуются тѣмъ угощеніемъ, какое имъ предложитъ хозяинъ, изъ гостепріимства, иногда и очень бѣдный.

При мнѣ изъ Борохудзирскаго отряда посылались за границу, въ разъѣздъ, за 20 и болѣе верстъ, два охотника-киргиза; имъ поручено было пробраться въ китайскій городъ Аккентъ, гдѣ, по слухамъ, появилось сборище таранчей, и привезти свѣ-

---

[1]) Колбаса изъ лошадинаго мяса съ жиромъ.

дѣнія въ отрядъ. На тощихъ маленькихъ лошаденкахъ, одинъ съ пикой, другой съ заржавленною саблею, стариннаго образца, собрались молодцы, передъ вечеромъ, въ опасный путь, и когда я замѣтилъ, что у нихъ нѣтъ ничего съ собою съѣстного — а между тѣмъ всѣ почти западные китайскіе города и селенія разорены и обращены въ пустынныя развалины, среди которыхъ истлѣваютъ только трупы людскіе, жертвы жестокости дунгеней и таранчей — то они весело отвѣчали, что *уже пообѣдали*. Черезъ сутки удальцы вернулись. Ночью они подползали къ непріятельскому посту и, воспользовавшись безпечной бесѣдой таранчей у огня, похитили у нихъ двѣ лошади съ сѣдлами и прибыли въ отряды съ требуемыми свѣдѣніями и добычей, которую имъ же и подарили. Одинъ изъ старшихъ султановъ Большой орды разсказывалъ мнѣ, что ему случалось въ молодости, на барантѣ, быть безъ пищи по 8 дней. Кстати о барантѣ. Въ прежнія времена, до прибытія сюда русскихъ, баранты были безпрерывны, какъ единственное развлеченіе, дающее исходъ праздным силамъ и духу удальства джигитовъ, а также какъ потребность мщенія, не говоря о приманкѣ легкаго обогащенія насчетъ оплошнаго врага. Въ одинъ изъ скучныхъ переѣздовъ нашихъ по тающему снѣгу, среди глубокой тишины степи, отражающей сверкающими алмазами блёстки снѣга и мѣстами обнаженной уже отъ полуденныхъ лучей весенняго солнца, мы заставили проводника киргиза, порядочно говорящаго по-русски (что здѣсь рѣдко встрѣчается), разсказать что-нибудь о своей прежней жизни, бывалъ ли онъ на барантахъ и проч. Здоровый дѣтина, лѣтъ 33-хъ, показавъ сначала свои какъ слоновая кость зубы, при улыбкѣ вызванной, вѣроятно, воспоминаніемъ, дѣйствительно разсказалъ одно изъ своихъ похожденій. Содержаніе его, вкратцѣ, слѣдующее.

Еще далеко до прибытія сюда русскихъ, онъ, съ партіею товарищей изъ рода чапраштовъ, былъ на барантѣ у сарыбагишей, за р. Чу, но неудачно: попался въ плѣнъ. Посадили молодца, по обыкновенію, совершенно нагого въ яму, вырытую въ юртѣ, и накрыли. Тамъ онъ сидѣлъ нѣсколько сутокъ, довольствуясь молокомъ съ водою, что ему давалъ хозяинъ. Ночью, на керегахъ [1]), застилавшихъ юрту, ложились спать хозяева, позволяя себѣ, предъ тѣмъ, всякія безчинства съ плѣнникомъ въ ямѣ. Но вотъ, въ одно утро, во время отсутствія родителей, семилѣтняя дочка ихъ, сжалившись надъ страдальцемъ, освободила его, и онъ побѣжалъ въ степь безъ оглядки, въ томъ же

[1]) Деревянная рѣшетка, составляющая стѣнки юрты.

видѣ, какъ сидѣлъ въ ямѣ, т. е. безъ всякой одежды, и такъ наткнулся онъ на двухъ женщинъ; старая схватила его, чтобы выдать, но молодая, поглядѣвъ на джигита, засмѣялась и упросила старую не задерживать его. Она же принесла ему еще и халатъ на дорогу. Продолжая за тѣмъ бѣжать, разсказчикъ къ вечеру увидалъ вдали табунъ, дождался ночи и, подкравшись къ спящему пастуху съ чумбуромъ[1] въ рукѣ отъ пасущейся возлѣ лошади, перегрызъ чумбуръ и былъ таковъ—на украденной лошади. Этотъ разсказъ даетъ нѣкоторое понятіе о бытѣ киргизовъ до водворенія здѣсь русской власти. Съ тѣхъ поръ баранты стали несравненно рѣже. Въ послѣднюю осень — а въ это время, при темныхъ ночахъ, они наиболѣе бывали часты—баранты случались лишь изрѣдка, и то вблизи китайской границы, какъ слѣдствіе неурядицы въ западномъ Китаѣ отъ инсуррекціи и частью по враждѣ нашихъ киргизовъ съ откочевавшими туда родовичами; въ другихъ же мѣстахъ кочевокъ Большой орды баранта становится рѣдкимъ исключеніемъ.

Между киргизами, особенно сарыбагишами изъ рода Бӧгу, мнѣ случалось слышать музыку на духовомъ инструментѣ, въ родѣ свирѣли, съ мѣднымъ раструбомъ на концѣ. Музыкантъ выдѣлывалъ съ большою легкостью затѣйливые пассажи, далеко нелишенные блеска и пріятности. Между прочимъ онъ мнѣ съигралъ условный вызовъ на баранту — небольшая мелодія очень бойкаго, суетливаго характера. Вообще музыка этого удалого виртуоза, въ киргизскомъ войлочномъ колпакѣ, на тощей лошади, переливами своими и длинными нотами, какъ эхо, напоминала швейцарскія аріи, и какъ это случилось между высокими живописными горами, по дорогѣ на Иссыкъ-Куль, то очарованіе казалось еще полнѣе. По сигналу къ барантѣ, обыкновенно въ глухую ночь, раздавались крики «Атанъ Аблай[2]» — и все воскресало: всадники вооружались длинными пиками, союлами, айбалтами[3], а кто и длиннымъ ружьемъ, снабженнымъ вилообразною подстановкою и фитильнымъ замкомъ, и дружина отправлялась за сотни верстъ отгонять табуны враждебнаго племени, пробираясь опасными горными тропинками и скрываясь днемъ въ трущобахъ болѣе пустынной мѣстности.

Но баранты собираются и безъ сигналовъ на сказанномъ

---

[1]) Чумбуръ—длинная шерстяная веревка, для привязыванія лошади.

[2]) Атанъ—оконяйся. Аблай былъ знаменитый ханъ Большой орды. Потомки его Аблайхановы были старшими султанами.

[3]) Союла—здоровая палка съ утолщеніемъ на концѣ; айбалта—топорикъ на длинной древкѣ.

музыкальномъ инструментѣ, который встрѣчается въ степи довольно рѣдко. Вообще нельзя сказать, чтобы киргизы имѣли большую склонность къ музыкѣ. Соскучившійся въ обратномъ пути почтарь бывшаго Алатовскаго управленія, болѣе или менѣе расторопный джигитъ, котораго вся степь знаетъ, затянетъ бывало громкую пѣсню, сочиняя текстъ экспромтомъ и почти всегда на извѣстный уже киргизскій мотивъ, протяжный, но не унылый; мальчикъ-пастухъ, въ теплую лѣтнюю ночь, карауля барановъ, пасущихся на зеленыхъ холмахъ вокругъ аула, зальется своимъ звонкимъ, младенческимъ голосомъ—все на тотъ же мотивъ — чтобы отогнать слипающій его вѣки неотступный сонъ, да записной киргизскій пѣвецъ, настроивъ свою трехъструнную гитару, или лучше, балалайку, сочиняетъ вамъ куплеты — опять на тотъ же мотивъ — съ припѣвами и прелюдіями своего изобрѣтенія.... вотъ и вся музыка, какую мнѣ удавалось слышать въ Большой ордѣ. Въ куплетахъ импровизаторъ воспѣваетъ какое-нибудь приключеніе романтическое, или удалое изъ жизни степной, или комическое, со вставленіемъ иногда смѣшно произносимыхъ русскихъ словъ, а въ присутствіи начальника считаетъ долгомъ любезно сочинить ему похвалы, воспѣвая его достоинства и могущество власти. Коммиссіи удалось слышать пѣсни и по поводу преобразованія; въ нихъ повторялись наиболѣе поразившія публику слова, сказанныя ей коммиссіею по-киргизски. Напримѣръ: «ага-султанъ джокъ! улау джокъ! тюэ джокъ! кой джокъ, канча джокъ!» т. е. старшихъ султановъ не будетъ, не будетъ сбора подводныхъ лошадей, верблюдовъ, барановъ! не будетъ нагайки!...

Совершенно другого рода музыку удалось мнѣ слышать въ той же степи, на равнинѣ, окружающей великолѣпное озеро Иссыкъ-Куль, но это было въ походной молельнѣ китайскихъ эмигрантовъ, разсѣявшихся въ послѣдніе годы весьма значительными массами на пространствѣ нынѣшнихъ уѣздовъ Вѣрненскаго, Иссыкъ-кульскаго и Копальскаго. Молельня состояла изъ длинной зеленой палатки, къ которой, въ видѣ алтаря, приставлена была юрта, завѣшанная внутри рисованными на матеріяхъ образами, со множествомъ свѣчъ предъ маленькимъ мѣднымъ раскрашеннымъ и благообразнымъ бурханчикомъ, по сторонамъ котораго были еще два, уродливые, въ позахъ, какъ бы угрожающихъ карою неба. Предъ входомъ въ палатку курился фиміамъ на нѣсколькихъ треножныхъ мѣдныхъ курилкахъ. По длинѣ молельни, въ два ряда, расположилось на полу духовенство, преимущественно въ желтыхъ одеждахъ, безъ косъ и съ бритыми усами и бородами. Всѣ эти ламы, человѣкъ до 20,

имѣли въ рукахъ либо колокольчики, на подобіе тѣхъ, какіе употребляются въ католическихъ костелахъ, либо мѣдныя тарелки— очень звонкія, либо другіе музыкальные инструменты въ родѣ кларнетовъ и трубъ; были и раковины, широкое отверстіе которыхъ распространяло особый глухой звукъ, производимый надуваніемъ въ продѣланное отверстіе съ противоположнаго конца. Наконецъ по обѣ стороны сидящихъ ламъ протягивались двѣ исполинскія мѣдныя трубы, поддерживаемыя на подставкахъ, и производили, при надуваніи ихъ двумя здоровыми молодцами, со всей силы, одинъ и тотъ же звукъ, весьма почтенный по числу сотрясеній, производимыхъ имъ въ воздухѣ, а при входѣ возвышались, на подставкахъ, два огромныхъ размѣровъ барабана, въ которые мѣрно колотили особою палочкою, съ утолщеніемъ на концѣ, обтянутымъ мягкою оболочкою. При приближеніи къ молельнѣ, доносился оттуда очень странный шумъ, похожій на тотъ, какой издаетъ паровая машина, до начала поѣзда по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ. Этотъ эффектъ производили допотопныя трубы, раковины и сверхъ всего этого десятки тарелокъ своими мѣрными ударами. Богослуженіе состояло изъ пѣнья какъ бы риѳмованныхъ псалмовъ, важнымъ, набожнымъ напѣвомъ, при чемъ всѣ инструменты, съ тарелками, отбивали тихо тактъ. По временамъ старшіе ламы звонили въ колокольчики, а музыка дѣлала forte, которое, съ освобожденными отъ нажатія рукою тарелками и возвышеніемъ голосовъ, становилось очень разительно; потомъ опять все стихало на прежній мягкій тонъ, и это, при дикости и разнообразіи инструментовъ, хотя и не давало правильнаго аккорда, но не было противно уху. Пѣніе же, унисономъ, было правильно и выражало осмысленную мелодію своеобразнаго характера. Послѣ пѣнія, продолжавшагося безпрерывно съ полчаса, ко мнѣ подошли калмыки съ вопросомъ, не будетъ ли довольно? Потомъ объяснили, что богослуженіе было за царя и Россію, пріютившую ихъ, разоренныхъ и обиженныхъ дунгенями. Въ алтарѣ приличіе требовало положить нѣсколько денегъ въ маленькія блюдца, разставленныя предъ образами и бурханомъ, а потомъ принять угощеніе отъ духовенства. Въ особой юртѣ, зажаренный цѣликомъ баранъ, съ рогатою головою, красовался среди стола, уставленнаго яствами и лакомствами на блюдечкахъ. При этомъ пришлось намъ попробовать чаю, чуть ли не съ бараньимъ саломъ и безъ сахару.

Описанная молельня теперь находится между станицами Софійскою и Надежинскою, въ горахъ.

Киргизы Большой орды, такъ недавно начавшіе освоиваться съ русскою властію (можно сказать, съ 1847 года), до сихъ

поръ если и терпѣли нерѣдко отъ своеволія безцеремонныхъ съ ними казаковъ, въ отрядахъ, при передвиженіяхъ войскъ и, въ особенности, при посылкахъ за верблюдами и юртами (почему казаковъ и боятся), то, съ другой стороны, русскіе начальники, желая приблизить къ себѣ киргизовъ кротостью, постоянно ласкали ихъ, особенно же людей вліятельныхъ, щедро осыпая ихъ наградами и даже офицерскими чинами, до полковника включительно. При этомъ киргизы переняли отъ русскихъ и обычай рукопожатія, съ примѣненіемъ его къ обращенію съ начальниками. Теперь, кажется, киргизы не боятся уже русскаго чиновника и, если послушны строгому приказанію прямого начальства, то, по-немногу, становятся иногда несовсѣмъ уважительными къ проѣзжающимъ по степи офицерамъ, затрудняя ихъ въ наймѣ перевозочныхъ средствъ за приличную плату. Въ послѣднее время даже въ казну нанимались верблюды съ большимъ затрудненіемъ, несмотря на утроенную противъ прежнихъ годовъ плату. По понятіямъ орды, русская власть, лишенная права давать, по прежнему, свое рѣшеніе по тяжбамъ и жалобамъ, съ которыми все еще они пробуютъ обращаться ко всякому начальнику, а также, не требующая ни верблюдовъ и ничего съ киргиза безплатно, какъ бы потеряла въ ихъ глазахъ прежнее обаяніе полнаго патріархальнаго господства, и это же обаяніе еще болѣе и быстрѣе потеряли теперь старшіе султаны и другія лица, пользовавшіеся прежде вліяніемъ на народъ. Такая внезапная перемѣна естественно произвела въ умахъ кочевниковъ, давно запуганныхъ и раболѣпныхъ предъ всякою властію, впечатлѣніе какъ бы нравственнаго опьяненія. Личныя качества русскаго начальника и прежняя еще привычка народа уважать въ немъ силу могутъ, конечно, сглаживать эти впечатлѣнія, а развитіе понятій эмансипированной орды докончитъ дѣло.

Нельзя не замѣтить еще одной черты киргизскихъ нравовъ. Болѣе лукавые изъ нихъ, особенно съ отличіями, нерѣдко выражаютъ наружно слишкомъ ужъ большую преданность къ русскому начальнику, безпрестанно являются къ нему съ пожеланіемъ здоровья, протягивая безцеремонно неопрятную руку свою, пристроиваются къ свитѣ его въ пути, и для неопытнаго чиновника могутъ показаться дѣйствительно усердными и полезными. Но, большею частію, эти люди съ испорченною нравственностію, которые, показывая предъ народомъ, что они въ милости, эксплуатируютъ его при всякомъ удобномъ случаѣ, нерѣдко даже во время самаго слѣдованія съ начальникомъ. Честный, умный киргизъ держитъ себя солидно, почтителенъ и остороженъ, онъ и руки не протянетъ; вліяніе этихъ-то скромныхъ

людей на орду, кажется, болѣе всего важно и можетъ послужить видамъ правительства, если соприкасающіеся съ народомъ русскія власти пріобрѣтутъ къ себѣ довѣріе ихъ и искреннее уваженіе. Но слѣдуетъ замѣтить, что искренность чувствъ киргиза иногда трудно отличить отъ ловкой лести, которая составляетъ почти общую принадлежность киргизскихъ нравовъ.

Много могутъ принести пользы кочевому населенію, въ отношеніи его развитія умственнаго и нравственнаго, просвѣщенные уѣздные врачи, если отнесутся къ своимъ обязанностямъ сочувственно, и оказывая пользу безпомощнымъ больнымъ, съ выдачею лекарствъ безмездно и научая гигіеническимъ правиламъ жизни, не будутъ устранять себя отъ бесѣдъ съ компаніей киргизской, которая, по всей вѣроятности, будетъ постоянно окружать ихъ, жадно вслушиваясь въ каждую новую мысль, въ умное разсужденіе, схватывая доступное для нихъ свѣдѣніе. Кажется, эти сыны природы, какъ и малыя дѣти, съ первобытнымъ инстинктивнымъ чувствомъ, очень чутко отличаютъ малѣйшую неискренность въ рѣчи, съ которою обращается къ нимъ русскій чиновникъ, и потому было бы предпочтительнѣе избѣгать мистификаціи и говорить всегда только прямую истину. Притомъ успѣху рѣчи съ киргизами часто много содѣйствуетъ облеченіе мысли въ образность, украшеніе ея «цвѣтами воображенія», примѣрами, съ спокойною твердостію тона, или сарказмомъ. Такія рѣчи болѣе нравятся и, оставляя по себѣ глубже впечатлѣнія, вѣрнѣе могутъ убѣдить киргиза. Было бы весьма полезно изданіе для народа книжекъ на его языкѣ, приспособленныхъ къ его понятіямъ и нравамъ. Интересъ этихъ изданій, побуждалъ бы къ грамотности, которая въ Большой ордѣ крайне мало распространена, а между тѣмъ любопытство составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ нравовъ этого народа. Но почти необходимо раздать въ волости достаточное количество печатныхъ экземпляровъ новаго положенія, насколько оно ихъ касается, — на татарскомъ языкѣ.

Въ 1867 году, мнѣ случилось быть зимою въ Борохудзирскомъ пограничномъ отрядѣ. При возвращеніи оттуда, въ концѣ февраля, прямымъ путемъ, по степи, въ гор. Вѣрный, я долженъ былъ или рискнуть переправиться, гдѣ пришлось, чрезъ р. Илю, ледъ на которой уже готовъ былъ тронуться, или слѣдовать далеко по берегу до Илійскаго выселка, чтобы перебраться на паромѣ. Ледъ отъ берега отошелъ, по рѣкѣ блестѣли полыньи, а противоположный берегъ былъ на разстояніи развѣ только голоса [1]).

---

[1]) Киргизы нашихъ верстъ не понимаютъ, а версту называютъ «чакрымъ» — зовъ, какъ достигнетъ голосъ.

Подумавъ, посмотрѣвъ, храбрый джигитъ Чуюмбай съѣхалъ въ воду, съ трудомъ поднялся на ледъ и пробрался на ту сторону, за нимъ послѣдовалъ его родственникъ Чаготай, котораго лошадь едва уже вскарабкалась некованными копытами на гладкій ледъ, обломленный далѣе отъ берега первымъ смѣльчакомъ; за ними бросился офицеръ, меня сопровождавшій и такъ мы переправились всѣ. Но непріятно было первому испробовать крѣпость льда, чтобы указать другимъ путь, тѣмъ болѣе, что наканунѣ провалился уже киргизъ-почтарь, отдѣлавшійся потерею лошади, но не сумки съ казенными бумагами. Притомъ мы переправлялись рано поутру и морозъ еще не уступалъ лучамъ солнца, но джигиты не задумались снять съ себя обувь и проч., чтобы легче было и менѣе скользко на льду; каждый, взявъ по аркану [1]) съ петлею, слѣдовалъ около меня съ готовностію, въ случаѣ бѣды, захватить меня веревкой. Промокшіе, они долго возились еще съ переправою верблюдовъ, не помышляя о собственной простудѣ и еще менѣе объ опасности. Я позволилъ себѣ упомянуть эти два почтенныя имени изъ особаго уваженія къ ихъ постоянной отвагѣ и рѣдкому усердію. Къ несчастію, первый изъ нихъ уже поплатился жизнію за свое рвеніе во что̀ бы ни стало исполнить данное ему порученіе. Красивый атлетъ, съ добродушнымъ, умнымъ лицомъ, онъ былъ два раза посылаемъ въ прошломъ году изъ Вѣрнаго въ Нарынскій отрядъ къ полковнику П. съ деньгами серебряною монетою. Хотя сумма не превышала каждый разъ 150 рублей, но бѣдный джигитъ скорѣе бы разстался съ жизнію, чѣмъ съ завѣтною суммою. Въ первый разъ съѣздилъ онъ благополучно, но только замѣтно похудѣлъ, а во второй, при возвращеніи, уже на немъ лица не было: въ самый зной, объѣзжая подалѣе сомнительные аулы дикокаменныхъ киргизовъ, Чуюмбай, голодный, какъ и лошадь его, блуждалъ 18 дней по каменистымъ пустынямъ, пока отыскалъ отрядъ. Тронутый этимъ усердіемъ полковникъ П. подарилъ молодцу лошадь и два хорошіе халата, но батырь, послѣ того, таялъ какъ свѣча и чрезъ полгода умеръ отъ чахотки. Племянникъ же его, Чаготай, оба раза сопровождавшій перваго на Нарынъ, отличался еще недавно удалью при коммиссіи; но и этотъ жалуется на боль въ груди, вслѣдствіе поѣздокъ съ бумагами на Нарынъ. На возвратномъ пути отъ китайской границы, чрезъ уроч. Сартъ-тогой, коммиссія должна была переправиться чрезъ глубоко-врѣзанную въ берега, быструю, какъ всѣ горныя рѣчки, и довольно глубокую р. Чарынъ, берега которой, до полуверсты

---

[1]) Веревка изъ шерсти.

въ ширину, съ обѣихъ сторонъ, по всей длинѣ ея, покрыты весьма порядочнымъ лѣсомъ, представлявшимъ тогда дикую и грандіозную картину подъ покрываломъ густого тумана, засѣвшаго надъ клокочущею рѣкою и лѣсистыми берегами. Переправа въ бродъ представлялась незаманчивою. Знающій хорошо эту мѣстность, мой спутникъ и сотрудникъ капитанъ Б. предупредилъ меня, что придется намъ, спустившись въ рѣку, гдѣ берегъ поотложе, слѣдовать по самой рѣкѣ, стороною, съ $^1/_2$ версты до того мѣста, гдѣ можно перерѣзать теченіе и подняться на противуположный берегъ. Какъ дѣйствуетъ на голову быстрота теченія, мерцаніе и шумъ воды въ подобныхъ рѣчкахъ, хотя бы и въ нѣсколько саженей ширины, мнѣ уже по опыту было извѣстно. Поэтому, казавшееся невѣроятнымъ извѣстіе, полученное неожиданно чрезъ проводника, что вблизи есть *киргизскій мостъ*, по которому можно проѣхать верхомъ, было принято съ понятнымъ удовольствіемъ. Переночевавъ подъ сѣнію огромныхъ ясеней, валежникомъ отъ которыхъ мы согрѣвали свою юрту, любуясь красивыми узорами дерева въ расколотыхъ кускахъ его, мы рано утромъ приблизились къ самой рѣкѣ, третья часть которой, по ширинѣ, была покрыта отъ берега льдомъ, а чрезъ остальное пространство, гдѣ мчались шумныя волны, былъ дѣйствительно устроенъ мостикъ изъ набросанныхъ кое-какъ и покрытыхъ землею вѣтвей, которыя сплелись между собою, какъ лучше не могъ бы этого придумать американскій механикъ, и хотя живой мостъ этотъ качался подъ ногами лошади, но выдержалъ весь поѣздъ нашъ и бо́льшую часть верблюдовъ съ тяжестями. Верблюды всегда затрудняютъ переправу чрезъ воду. Переводъ ихъ чрезъ рѣку и теперь продолжался не менѣе двухъ часовъ и стоилъ джигитамъ не только хлопотъ и трудовъ до изнуренія, но и холодной ванны. Одинъ изъ этихъ сухопутныхъ кораблей, сдѣлавъ шагъ на мостикъ и поглядывая пристально своими умными глазами на быстроту рѣки, глубину которой можетъ быть предчувствовалъ, рѣшительно отказывался послѣдовать за товарищами, которыхъ нарочно держали у самого мостика, на другой сторонѣ, чтобы приманить нерѣшительнаго; тянули его арканами за переднія ноги — безуспѣшно; завязали глаза — тоже; развьючили, били, кричали, пихали общими силами впередъ — кричитъ, ложится и, притомъ обламывая ледъ, еще болѣе дѣлаетъ дальнѣйшія попытки безнадежными. Тогда обливающійся потомъ Чаготай снимаетъ съ себя всю одежду и въ видѣ Адама садится верхомъ на свою смѣлую лошадку, держа въ рукѣ конецъ аркана, а другой джигитъ, у котораго на рукѣ огромный

вередъ, причиняющій ему боль до стоновъ, въ такомъ же полномъ неглиже, садится на верблюда, съ арканомъ на шеѣ. Затѣмъ, при общемъ крикѣ энергическихъ понуканій, лошадь Чаготая соскакиваетъ со льда въ воду и плыветъ, скрываясь до головы, а верблюда сталкиваютъ въ пучину и перетаскиваютъ на другой берегъ пѣшкомъ, причемъ оба киргиза принимаютъ весьма холодную ванну. Къ счастію, стаканчикъ водки и огонь, разведенный на берегу, обогрѣли джигитовъ, которые остались однакожъ совершенно здоровыми.

По такимъ мостикамъ киргизы, пользуясь меньшею глубиною рѣчекъ во время зимы, прогоняютъ барановъ, когда имъ нужны свѣжія мѣста для корма, а въ веснѣ эти мостики уносятся поднявшеюся водою и затѣмъ только отважный и привычный ордынецъ можетъ переправиться раздѣтый, вплавь, чрезъ такую рѣчку, хотя и случалось это и нашимъ офицерамъ, но только не зимою.

Останавливаясь на ночлегъ нерѣдко среди самаго аула, случалось намъ видѣть, какъ мать-киргизка обмываетъ на морозѣ холодною водою свое дитя, не обращая никакого вниманія на крикливые протесты будущаго батыря. Полунагія, необутыя дѣти зачастую весело играютъ передъ юртами, пренебрегая стужею и снѣгомъ. Немудрено, что киргизы такъ крѣпки здоровьемъ и переносливы. Оригинально киргизское леченіе головной боли: сначала страждущій проситъ кого либо изъ сильныхъ товарищей полечить его; силачъ со всей мочи жметъ ему голову руками по разнымъ направленіямъ и потомъ паціентъ стягиваетъ ее московскимъ бумажнымъ платочкомъ, обыкновенно краснымъ. Но если и это не помогаетъ, то онъ начинаетъ щипать себѣ кожу надъ бровями до крови, такъ что слѣды этой операціи долго остаются на лбу въ видѣ багровыхъ возвышеній. Видѣть киргизовъ больныхъ, или слышать даже о нихъ, намъ доводилось рѣдко, а потому и о способѣ леченія другихъ болѣзней намъ основательно неизвѣстно. Утомленный дорогою, измокшій и проголодавшійся киргизъ, нашъ спутникъ, однажды, по прибытіи на ночлегъ, отказывался отъ всякой пищи *до утра*, говоря, что онъ «присталъ». Извѣстно, что лошадямъ и верблюдамъ они не даютъ послѣ перехода никакого корма всю ночь и даже часто до утра не разсѣдлываютъ коней, оставляя ихъ привязанными къ юртамъ, несмотря ни на какую погоду; это убѣжденіе въ необходимости столь продолжительной выстойки для приставшихъ лошадей сыны степи примѣняютъ и къ себѣ.

Замѣчательная, по протяженію своему, рѣка, называемая *Чарыномъ* отъ мѣста впаденія въ нее трехъ Мерке до соединенія

съ р. Или, — выше *Кегеномъ*, а еще выше *Чалкадысу* — нигдѣ не имѣетъ постоянныхъ мостовъ, что много затрудняетъ необходимые пути сообщенія. Такъ наши отряды ежегодно двигаются по дорогѣ, пересѣкающей эту рѣку, при уроч. Актогой, гдѣ ширина ея, и лѣтомъ значительная глубина, при быстротѣ теченія, часто не даютъ возможности переправиться даже въ бродъ, при которомъ обозъ можетъ пройти чуть не подъ водою. Поэтому роты и артиллерія предпочитаютъ дальнѣйшій путь, черезъ три Мерке, о которыхъ уже одно воспоминаніе производитъ непріятное содроганіе у лицъ, знакомыхъ съ этими Мерке, особенно же проходившихъ съ обозами и артиллеріею; столько затрудненій испытывается по этой мнимо-телѣжной дорогѣ. Всѣ три Мерке протекаютъ въ такихъ глубочайшихъ и обширныхъ рытвинахъ, образованныхъ, можетъ быть, болѣе чѣмъ тысячелѣтіями, что берега рѣкъ пріобрѣли видъ и характеръ высокихъ каменистыхъ горъ, съ чрезвычайно крутыми и длинными спусками и подъемами, а рѣчки серебрятся внизу, какъ въ далекихъ пропастяхъ. Спускъ въ нижнюю Мерке, со стороны Иссыкъ-Куля, такъ крутъ, что послѣ дождя, по скользкой глинистой дорогѣ, невозможно даже идти пѣшкомъ, безъ явной опасности покатиться внизъ безостановочно на весьма почтенную глубину. Каково же спускаться здѣсь повозкамъ и полевой артиллеріи [1])! Конечно, ихъ спускаютъ люди на своихъ рукахъ. Впрочемъ мостъ на Актогоѣ проектированъ еще въ прошломъ году и, сколько мнѣ извѣстно, составляетъ въ послѣднее время особенную заботу высшей мѣстной администраціи, какъ и устройство моста чрезъ р. Чиликъ, оглушительный шумъ котораго и особенно бурное стремленіе по огромнымъ камнямъ такъ дѣйствуетъ на непривычнаго, что имъ овладѣваетъ головокруженіе, при чемъ люди, берега и самъ всадникъ кажется мчатся въ обратную сторону, а ложное стараніе удержаться на сѣдлѣ въ равновѣсіи можетъ быть причиною серьезнаго несчастія: упавшаго человѣка съ трудомъ спасаютъ, преслѣдуя его въ скачъ по берегамъ. Упущенное однажды солдатское ружье въ одной изъ подобныхъ рѣчекъ, отыскалось зимою изогнутымъ, какъ желѣзный прутикъ.

Многіе ключи, особенно въ восточной части Вѣрненскаго уѣзда, изобилуютъ солью. Случалось, что поѣздъ нашъ, съ нетерпѣніемъ ожидая необходимаго, по времени и разстоянію своего дневного перехода, отдыха, достигалъ обильнаго водою ручья, но, начавъ рас-

---

[1]) Такія дороги встрѣчаются здѣсь повсемѣстно. Нужна ли въ Вѣрномъ *конная* артиллерія? Нужна ли *полевая*? Не естественнѣе ли бы было имѣть при отрядахъ одни горныя орудія и тѣмъ сдѣлать не малое сбереженіе для казны?.....

полагаться на ночлегъ, встрѣчалъ горькое разочарованіе, потому что вода оказывалась до того соленою и горькою, что даже безъ отвращенія нельзя было убѣдиться въ ея негодномъ вкусѣ, что̀ и заставляло двигаться впередъ для отысканія чистой воды. Но въ особенности снабжаетъ окрестныхъ киргизовъ солью рѣчка Джель-Каркара, впадающая въ Большую Каркару; при этомъ ея впаденіи, по берегамъ видны бѣловатыя массы нагромоздившейся соли. Для выварки ея, обыкновенно на мѣстѣ, посылаются не рѣдко команды изъ пограничныхъ нашихъ отрядовъ, если они располагаются недалеко. Соль эта, годная для употребленія въ пищу, менѣе солена, чѣмъ собираемая на р. Караталѣ и нѣсколько горьковата.

Подъѣзжая къ развалинамъ бывшаго китайскаго пикета Чунджи, взоры и чувства путника, утомленные однообразіемъ пустынныхъ равнинъ или каменистыхъ горъ, пріятно поражаются пейзажемъ, вдалекѣ, сада, разбросаннаго на пространствѣ, приблизительно, до версты въ окружности. Между деревьями, впрочемъ рѣдко растущими, возвышаются во многихъ мѣстахъ развалины глинобитныхъ построекъ. Видны еще раздѣленія небольшихъ зданій на комнаты, огороженные дворы для скота, мѣстами возвышаются отдѣльныя стѣнки, какъ щиты передъ воротами дворовъ, но ничего въ этихъ развалинахъ замѣчательнаго не осталось. Можно полагать, что кромѣ стоянки китайскаго отряда, здѣсь зарождалось и поселеніе, которое, по сказанію туземцевъ, было китайцами основано въ 1864 году, а можетъ быть и ранѣе, какъ слишкомъ удаленное отъ китайскихъ городовъ и подверженное нападеніямъ киргизовъ китайской протекціи и, вѣроятно, также нашихъ. Въ послѣднее время этотъ пограничный пунктъ былъ занимаемъ нашимъ отрядомъ, какъ удобный для наблюденія за путями, идущими изъ Кульджи въ наши предѣлы и представляющій, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе благопріятныя для расположенія отряда условія въ хозяйственномъ отношеніи.

Мѣстность Чунджи (или вѣрнѣе Джунджи, по имени китайскаго подданнаго, изъ племени таранчи, когда-то проживавшаго здѣсь) орошена изобильно арыками и, слѣдовательно, удобна для поддержанія на ней растительности. — Къ сожалѣнію, много уже деревъ уничтожено киргизами на топливо, между тѣмъ еще нѣкоторые помнятъ большія и вкусныя груши и яблоки, привозимыя киргизами изъ Чунджи. Теперь еще сохранилось нѣсколько десятковъ фруктовыхъ деревьевъ, частію также съ обломанными вѣтвями; къ счастію, у киргизовъ нѣтъ топоровъ, сломить же цѣлое дерево трудно.—Коммиссія приняла нѣкоторыя мѣры для охраненія этой рощи отъ окончательнаго истре-

бленія. Волостной управитель, умный и хорошій человѣкъ, обязался помѣстить здѣсь надежное семейство киргизовъ, которое, оберегая деревья, будетъ имѣть право продавать плоды, сѣять табакъ и заводить огороды. При этомъ всѣ деревья приказано сосчитать и записать, а кочевникамъ строго запрещено ломать деревья, о чемъ коммиссія неоднократно внушала киргизамъ, напоминая имъ, что и одно отдѣльное деревцо въ степи нерѣдко набожными людьми считается священнымъ, какъ особый даръ неба, посылающаго истомленному зноемъ путнику и его животному прохладный отдыхъ въ тѣни, которая такъ отрадна среди степи. Выгоднѣе было бы поселить на Чунджи кого-либо изъ желающихъ сартовъ, любящихъ вообще садоводство и огородничество, но пока охотниковъ на это еще не оказалось: слишкомъ близко сосѣдство неурядицы, еще не прекратившейся въ западномъ Китаѣ.

По берегамъ р. Или также не мало лѣса. Мы его видѣли зимою.—Это небольшія искривленныя деревья, которыхъ стволы и вѣтви какъ бы перекручены; они состоятъ изъ продольныхъ, идущихъ спирально слоевъ, какъ веревки.—Нельзя предположить, по жалкому виду этихъ деревъ, чтобы онѣ имѣли листья; говорятъ, будто нѣкоторыя имѣютъ ихъ лѣтомъ, но большая часть сухія, выросшія при лучшихъ условіяхъ мѣстности, вѣроятно прежде шире орошенной рѣкою, хотя въ весенній разливъ, теперь представляются скелетами, обреченными уже природою на гибель безъ потомства. Почва же береговъ большею частію песчаная.—Это дерево, называемое киргизами «саксаулъ», доставляетъ имъ лучшее топливо. Дѣйствительно, въ юртѣ даже зимою, жаръ отъ костра изъ саксаула невыносимъ. Куски дерева очень тяжелы. Оно впрочемъ встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ степи, но не имѣетъ такой вышины и ближе подходитъ къ разряду кустарниковъ.—Видъ такой рощи, сопровождающей р. Или, наводитъ уныніе своею безжизненностію и ненатуральною кривизною торчащихъ во всѣ стороны рогулекъ.

Не то встрѣчаетъ взоръ въ живописныхъ ущельяхъ алатавскаго хребта, особенно лѣтомъ. По покатостямъ, обращеннымъ на сѣверъ, вообще не мало виднѣется лѣса, особенно еловаго, но его трудно добыть; по сторонѣ же южной, или солнечной, («Кунчей» по-киргизски) хребетъ лишенъ растительности, за исключеніемъ развѣ береговъ извилистыхъ потоковъ. Въ ущельяхъ обращенныхъ къ Вѣрному, оглашаемыхъ весело и шумно несущимися рѣчками, то въ видѣ каскадовъ по круто-наклоненному и сжатому скалами руслу, то волнистыми серебряными лентами, пробивающимися сквозь роскошную зелень, отражаемую

прозрачною влагою, — въ этихъ ущельяхъ, кромѣ ели, осины и тополя, встрѣчается много фруктовыхъ деревьевъ, въ особенности урюка (дикій абрикосъ) и яблони. Плоды перваго, величиною съ небольшую сливу, довольно вкусны и напоминаютъ запахомъ садовые абрикосы. — Есть рябина и изрѣдка попадается ясень и береза, недостатокъ которой, впрочемъ, очень ощущается въ Вѣрномъ. Для исправленія экипажей и для мебели береза вывозится не ближе, какъ за 70 верстъ, добываемая съ трудомъ въ ущельи р. Тургеня. — Недавно однимъ изъ жителей найдена въ горахъ дикая слива, и пересаженная въ Вѣрный, говорятъ, вполнѣ уже принялась.

Въ ущельяхъ множество малины и облѣпихи, которая растетъ иногда на огромныхъ кустарникахъ, облѣпляя своими желтыми сладкими ягодками (на подобіе смородины) всякую вѣточку съ необыкновенною щедростью. Изъ этой ягоды приготовляютъ довольно ароматныя наливки, уподобляемыя охотниками сотерну.

Почва Вѣрненскаго уѣзда, особенно полосы ближайшей къ горамъ, вообще достаточно влажной отъ рѣчекъ и подземныхъ ключей; если еще при этомъ орошается искусственною ирригаціею, т. е., по здѣшнему, «арыками», необходимыми для избѣжанія крайней сухости верхнихъ слоевъ земли въ долгое и знойное лѣто, — вѣроятно способна къ разведенію многихъ сортовъ лѣса.

Хлѣбъ здѣсь растетъ и разводятся сады не иначе, какъ при условіяхъ существованія арыковъ, которые издавна проведены киргизами, очень искусными въ дѣлѣ ирригаціи полей и проведенія этихъ каналовъ, стоющихъ громаднаго, терпѣливаго труда.

Въ настоящее время, при новомъ, несравненно лучшемъ устройствѣ организаціи края и съ подчиненіемъ сословія казаковъ одной власти военнаго губернатора, представляется гораздо болѣе возможности озаботиться объ увеличеніи садовъ въ городѣ и станицахъ и разведеніи мѣстами искусственныхъ рощъ, что и не упущено изъ виду мѣстною администраціею Семирѣченской области: сады и рощи возникаютъ теперь, какъ по волшебному мановенію и, кажется, сочувствіе къ этому благому дѣлу пробудилось не только у болѣе образованныхъ классовъ жителей, но и между казаками; а киргизы, можно сказать, пока еще озадачены выполненіемъ требованій начальства о разведеніи рощей на своихъ пашняхъ. Можно надѣяться, однако, что съ приведеніемъ къ окончательному устройству волостей и освоеніемъ степи съ новымъ порядкомъ, распредѣляющимъ земли разъ навсегда между киргизами, не знавшими до сихъ поръ

безспорныхъ правъ на это владѣніе, начнутся и у нихъ заботы объ улучшеніи своего быта, не ради одного лишь выполненія приказаній русскихъ начальниковъ.

Коммиссія заключила всѣ свои занятія въ іюлѣ мѣсяцѣ 1868 г., и кажется не безъ успѣха. Юртовладѣльцы (болѣе 23,000) переписаны во всемъ уѣздѣ, организовано 111 ауловъ, и изъ нихъ 17 волостей, избраны всюду лица киргизской администраціи и суда, объявлено объ увеличеніи ясака, съ 1 р. 70 к. до 3 рублей, введено, кромѣ того, денежное содержаніе волостнымъ и аульнымъ старшинамъ отъ народа, по общественнымъ приговорамъ, вмѣсто прежняго порядка неравномѣрныхъ сборовъ ими съ народа, и въ неопредѣленномъ количествѣ, просомъ, баранами и проч. Увеличеніе ясака принято безъ всякаго ропота; за тѣмъ распредѣлены зимовки между волостями и аулами съ точнымъ опредѣленіемъ границъ и, словомъ, введенъ повсюду новый порядокъ; а къ бывшему, по свѣдѣніямъ 1867 года, числу юртъ въ уѣздѣ, 10,943, добавлено коммиссіею еще 12,815 юртъ, скрываемыхъ прежде.

Обращаясь, въ заключеніе, къ дѣлу реорганизаціи края вообще и не касаясь подробностей проекта новаго положенія, которыя могутъ частію измѣниться при дальнѣйшемъ развитіи основныхъ идей, по примѣненіи ихъ къ дѣлу на практикѣ, нельзя не отозваться съ глубокимъ сочувствіемъ, во-первыхъ, о введеніи, на болѣе правильныхъ началахъ, въ странѣ самоуправленія между киргизами, и особенно народнаго суда. Предоставленное суду біевъ право рѣшать дѣла даже по барантѣ и убійствамъ спасетъ многія жертвы, быть можетъ иногда и невинныя, отъ преждевременной смерти, такъ часто постигавшей киргизовъ при продолжительномъ заточеніи ихъ на гауптвахтахъ во время производства слѣдствія и суда. Въ послѣднее время, напримѣръ, изъ числа 5 киргизовъ, захваченныхъ лѣтомъ 1867 года нашимъ отрядомъ, и ожидавшихъ суда за откочеваніе въ китайскіе предѣлы, одинъ умеръ подъ арестомъ, другой также, спустя нѣкоторое время по освобожденіи его, а третій жалуется на зловѣщую боль въ груди... Излишне распространяться о томъ, что судъ народный будетъ быстръ, разслѣдованіе, производимое біями, несравненно успѣшнѣе, виновный понесетъ заслуженную и чувствительную кару, а обиженный всегда получитъ вознагражденіе въ видѣ «куна», т. е. штрафа, если не съ отвѣтчика, то, по шаригату, съ родственниковъ его; самая администрація менѣе будетъ обременена дѣлами и, главное, менѣе возьметъ на свою

совѣсть отвѣтственности за ошибки, медленность и неправосудіе, хотя бы и неумышленное, но такъ вредно дѣйствующее на умы, на кредитъ русской власти!

Затѣмъ, отраднымъ, святымъ дѣломъ преобразованія представляется отмѣна насильственнаго сбора съ киргизъ верблюдовъ, лошадей, юртъ... Тотъ лучше можетъ оцѣнить все значеніе и пользу этой милости, кто видѣлъ самъ кровавыя сцены собственной защиты киргизовъ отъ этого насилія, кто былъ свидѣтелемъ плача женщинъ, обнимавшихъ съ отчаяннымъ воплемъ своихъ верблюдовъ, кому, вмѣсто полученія казенной прежде платы, по 5 рублей за жиръ верблюда на мѣсяцъ, престарѣлый родоначальникъ, увѣшанный русскимъ золотомъ, серебромъ и бриліантами, вынужденный стенаніями народа, хотя и съ боязнію, и чрезъ другихъ, но рѣшался предлагать, по секрету, готовность народа заплатить по 10 рублей съ верблюда, для найма ихъ на сторонѣ, на предметъ перевозки тяжестей въ пограничные отряды!! Факты эти, не придуманные, не преувеличенные, быть можетъ будутъ взвѣшены и при допущенныхъ положеніемъ исключеніяхъ, когда дозволяется прибѣгать къ нарядамъ верблюдовъ, не по взаимнымъ условіямъ съ хозяевами, а способомъ какъ бы реквизиціоннымъ.

Въ прежніе годы дѣйствительно торговые люди находили между киргизами охотниковъ давать «подъ жиръ» верблюдовъ, съ платою 5 руб. за каждаго въ мѣсяцъ, и безъ всякихъ условій вознагражденія за павшихъ животныхъ. Въ этомъ же году казна наняла, и то съ большимъ трудомъ, верблюдовъ по 15 руб. за каждаго въ мѣсяцъ, кромѣ жалованья лаучамъ (проводникамъ) по 5 р., сухарей имъ и приварочныхъ денегъ; да, сверхъ того, обязалась уплатить за каждаго павшаго верблюда по 45 рублей. Такая, сравнительно съ прежнею, высокая условная плата съ казною указываетъ на то, что верблюды въ частныхъ караванахъ сберегаются, а отданные на попеченіе казны, если не падаютъ въ пути, то возвращаются къ хозяевамъ до того изнуренными и на половину больными отъ дурного присмотра и обращенія съ ними, что ихъ и поправить трудно, и значительная часть ихъ зимою падетъ на мѣстѣ. Старожиламъ извѣстно, какой громадной цифры этихъ неоцѣненныхъ въ здѣшней мѣстности кораблей пустыни стоили Большой ордѣ всѣ наши экспедиціи со времени занятія края. Коммисіи случилось нагнать транспортъ съ провіантомъ, перевозимымъ чрезъ подрядчика, богатаго татарина, который самъ слѣдовалъ съ караваномъ. Спускаясь къ вечеру съ горъ на желаемую для ночлега долину, мы предположили остановиться съ караваномъ вмѣстѣ и раскинули

у рѣчки наши юрты; но люди подрядчика и самъ онъ, сойдя съ лошадей, стали руками разгребать снѣгъ и разсматривать землю, суха ли она, или слишкомъ влажна, и въ разныхъ мѣстахъ долго повторяли это изслѣдованіе, пока не избрали, наконецъ, удобной площади, гдѣ бы положить верблюдовъ. На другой день коммиссія разсталась съ караваномъ потому, что въ немъ производился тщательный осмотръ всѣхъ верблюдовъ, причемъ снимались чомы [1]), и если спина животнаго оказывалась потертою, то принимались мѣры къ излеченію, а лекарства были съ собою; кромѣ того, при караванѣ имѣлись и запасные верблюды, а для ослабѣвшихъ силами везлась при караванѣ, въ кускахъ, особая пища, составленная изъ выжимокъ конопли, послѣ приготовленія изъ нея масла.

Но такова ли заботливость о верблюдахъ въ нашихъ отрядахъ? Въ коммиссіи ихъ было только восемь, но и за тѣми невозможно было добиться должнаго присмотра: лаучи [2]) попались нерадивые, казаки неопытные, а хозяина нѣтъ; верблюдовъ укладывали гдѣ пришлось, чомы никогда не снимались — хорошо, что была еще зима — и не только не было заботы о лекарствахъ, но и часто вьючили дурно, обременяя одну сторону животнаго грузомъ несравненно тяжелѣйшимъ, чѣмъ съ другой стороны, или нагромождали кладь непомѣрно высоко, отчего она качается, мѣшаетъ ходу верблюда и сбиваетъ ему спину.

Если только можно изыскать средства къ должному уходу за верблюдами при здѣшнихъ войскахъ, то несравненно разсчетливѣе было бы для казны содержать ихъ постоянно въ извѣстномъ числѣ, чѣмъ ежегодно нанимать за столь высокую цѣну и, притомъ, въ случаѣ экстренномъ, не имѣть подъ рукою въ готовности перевозочныхъ средствъ. Бываютъ періоды времени, когда табуны верблюдовъ угоняются киргизами очень далеко отъ мѣстъ квартированія войскъ, или расположенія отряда; тогда способъ найма сопряженъ съ крайнею медленностію, которая можетъ случиться очень некстати... А переносливаго, не требующаго телѣги и шагающаго по всякимъ горамъ верблюда, лошадьми здѣсь замѣнить нельзя.

Н. Фридерихсъ.

---

[1]) Родъ сѣдла для вьюковъ.

[2]) Проводники, погонщики верблюдовъ.

НЕРОНЪ

ТРАГИКОМЕДІЯ.

(К. Гуцкова.)

КАРТИНА ШЕСТАЯ *).

У Цезаря.

Большая галлерея Золотого дворца съ нѣсколькими боковыми выходами и одною главною дверью на заднемъ планѣ. Въ срединѣ трибуна.

Выходитъ КАПИТАНЪ съ солдатами.

КАПИТАНЪ.

Команду слушай! лѣвой, правой, маршъ!
Шагай разъ въ разъ, не выступай изъ ряда
И грудь на вытяжкѣ держи впередъ!
Солдаты маршируютъ.
Стой! Молодцы! — Да, нечего сказать,
Нашъ полкъ воспитанъ въ послушаньи палкѣ,
И, право, только онъ одинъ и держитъ
Шатающійся въ стороны порядокъ! —
Гдѣ каждый можетъ дѣлать все, что́ хочетъ,
Какъ государству тамъ существовать?
Гм... вотъ у насъ опять мятежъ затѣянъ;
Какъ кажется Пизонъ, мошенникъ, былъ

*) См. выше: мартъ, 304; май, 194 и слѣд.

Зачинщикомъ въ проклятомъ этомъ дѣлѣ;
Да заговоръ открылся, и въ судѣ
Измѣнники попляшутъ на допросѣ:
Запрется кто — тому придется плохо,
Признается — такъ все одинъ конецъ!
Однакоже болтать теперь не время.
Солдаты, слушайте приказъ: сюда
Придетъ сейчасъ великій цезарь; онъ
Займется здѣсь — чѣмъ онъ займется — я
Не знаю этого, да и не надо знать мнѣ —
Вы стойте тутъ за этими дверями
Въ готовности на случай нападенья.
Вамъ цезарь раздаетъ награды; и онъ
Васъ кормитъ хлѣбомъ и солдатской кашей:
Усердствуйте-же въ вѣрной службѣ вашей...
Маршъ! Поворачивай направо батальонъ!

Солдаты расходятся по боковымъ комнатамъ.

Входятъ ПОЭТЫ.

ХОРЪ ПОЭТОВЪ.

Мы — пѣвцы настоящіе,
Вѣрность власти хранящіе,
Отъ измѣны ей огражденные,
Высочайше въ славѣ утвержденные!
Мы поэты придворные,
Этикету покорные,
Лести душу предавшіе,
И безсмертіе этимъ стяжавшіе!
Порицать наше пѣніе
Это есть преступленіе
Противъ власти, всѣмъ правящей,
На вершину величья насъ ставящей!
Храмъ нашъ тѣмъ отворяется,
Кто въ извѣстности утверждается
Документомъ съ печатью казеннымъ, —
А для прочихъ стоитъ затвореннымъ!

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Совершенно справедливо, милостивые государи, совершенно справедливо! Намъ, издателямъ, пріятнѣе всего слышать, что поэты довольствуются славой и орденами.

ПЕРВЫЙ ПОЭТЪ.

Да, это такая умѣренность, которая, конечно, вамъ обойдется дешево.

ВТОРОЙ ПОЭТЪ.

Я думаю, что если бы вы вздумали когда-нибудь воздвигнуть золотую колонну, отливъ ее изъ гонорарія, выплаченнаго вами искусству поэзіи, то она вышла бы не особенно колоссальна?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

О, конечно, конечно! Не толще и не выше чубука! Вы правы, вы совершенно правы. Однако же, сознайтесь, вѣдь вы не стали бы писать стихи хуже, если бы вамъ платили менѣе приличный гонорарій? Гомеръ, милостивѣйшіе государи, не сдѣлался бы болѣе геніальнымъ поэтомъ, если бы онъ получалъ лишній луидоръ за листъ.

ТРЕТІЙ ПОЭТЪ.

Что пользы въ храмѣ славы, если полъ его не вымощенъ кронталерами.

ЮМОРИСТЪ — многозначительно проталкиваясь.

Въ какомъ стилѣ, по вашему мнѣнію, построенъ храмъ славы? Въ дорическомъ или въ іоническомъ?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Вотъ это юмористическое замѣчаніе, истинно юмористическое! И, я долженъ сказать, оно забавляетъ публику. Да, да! обращаться съ фигуральными предметами, какъ съ дѣйствительными — это премило! Позвольте предложить вамъ что-нибудь еще для остроумія. Напримѣръ: что можно сказать о красотѣ, когда она б р о с а е т с я въ глаза?

ЮМОРИСТЪ.

Что она очень н е л о в к а.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Прелестно! Вы именно человѣкъ въ моемъ вкусѣ — вы соединяете пріятное съ полезнымъ. А со стихами только рискъ одинъ. Когда я издаю стихи, то строю на воздухѣ...

ЮМОРИСТЪ — прежнимъ тономъ.

Опять! Какими основными правилами вы руководствуетесь, когда строите на воздухѣ? Чтó можно сказать вообще объ архитектурѣ воздушныхъ зáмковъ?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Пожалуйста, скажите еще чтò-нибудь, пожалуйста! — Вынимаетъ изъ кармана дощечку и скрытно записываетъ слова юмориста.

ЮМОРИСТЪ — откашливается и начинаетъ.

Кромѣ видимаго міра, существуетъ еще обширнѣйшій невидимый, весьма часто смѣшивающійся съ нашимъ. Говорятъ же иногда о царствѣ свободы, о царствѣ правды — о двухъ царствахъ, которыя въ нашемъ земномъ царствѣ положительно неизвѣстны. Вотъ вы сейчасъ упоминали о воздушныхъ замкахъ. Ихъ обыкновенно предполагаютъ въ Испаніи, какъ будто Испанія — мѣсяцъ, на которомъ какой-нибудь дворянинъ имѣетъ помѣстья. Но дѣло не въ этомъ. Я васъ спрашиваю: какъ вы представляете себѣ настоящій воздушный зàмокъ? Имѣетъ онъ боковыя крылья? Безъ сомнѣнія — крылья надежды. Имѣетъ онъ высокую кровлю? Безъ сомнѣнія, потому что многіе съ высоты воздушныхъ зàмковъ падаютъ на землю. Всего замѣчательнѣе, что блестящее великолѣпіе воздушныхъ зàмковъ преобладаетъ тамъ, гдѣ скверно живется — въ хижинахъ бѣдняковъ, или воздвигается тѣми, кто наклоненъ скорѣе разрушать, чѣмъ строить — именно юношами.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ — продолжая писать.

Преинтересно! Увлекательно!

ЮМОРИСТЪ.

Откуда беретъ свой волшебный матеріалъ это искусство, которое, какъ бобры, созидаетъ не учась, для котораго не нужно ни патента, ни разрѣшенія и въ которомъ каждый невѣжда есть геніальнѣйшій мастеръ? Оно беретъ его изъ невидимыхъ нитей полунадежды, изъ взгляда любимой дѣвушки, изъ фразы покровителя, сказавшаго, что онъ желаетъ намъ добра, изъ лотерейнаго билета, изъ кашля стараго завѣщателя, — короче, изъ тысячи шелковыхъ ниточекъ судьбы, на которыя мы навѣшиваемъ свинцовый грузъ нашихъ надеждъ, нашихъ ночныхъ сновидѣній. Въ

воздушныхъ замкахъ царствуютъ музыка и танцы; прелестнѣйшія дѣвы мелькаютъ, вальсируя съ туго набитами мѣшками денегъ; малѣйшему желанію удовлетворяютъ тысячи слугъ; и въ заключеніе, кромѣ всего этого, каждый можетъ украшать воздушный замокъ по своему соображенію, и можетъ населить его какими угодно существами, заставить и ихъ, и себя разыгрывать какія угодно роли.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Безподобно! Вы просто — перлъ, сафиръ и притомъ необыкновенный человѣкъ. Ваше остроуміе бьетъ ключемъ и увлекаетъ. Вы мой, и я съ ужасомъ слышу, какъ эти признанные, увѣнчанные лаврами, юбилейно-казенные лирики острятъ на васъ свои клювы за то, что ваша проза сильнѣй ихъ поэзіи, и затягиваютъ свою, всѣмъ надоѣвшую пѣснь о неуваженіи въ наши дни къ чистому искусству, котораго представителями считаютъ они себя.

ХОРЪ ПОЭТОВЪ.

О, измѣнникъ Музѣ,
Съ прозою въ союзѣ
Хочешь ты поэзію уничтожить въ мірѣ;
Хочешь, чтобъ мы пѣли
Для полезной цѣли,
Хочешь, чтобъ не звуки — мысль скрывалась въ лирѣ.
Нѣтъ, досель творивъ, мы
На однѣ лишь риѳмы
Обращали наше строгое вниманье,
Воспѣвали розы,
Свѣтъ луны и грёзы,
Ручейковъ сверканье, страстныя лобзанья.
Наше вдохновенье,
Точно такъ, какъ пѣнье
Соловья свободно, не имѣетъ цѣли;
Мы въ искусствѣ видимъ
Цѣль — и ненавидимъ
Всѣхъ, кто говоритъ намъ о трудѣ и дѣлѣ!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ — тихо книгопродавцу.

Милостивый государь! Одно слово по секрету! Я сегодня здѣсь въ первый разъ, но.... но — я чувствую, что и я родился въ Аркадіи.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Я не спрашиваю у васъ свидѣтельство о крещеніи. Что̀ вы хотите сказать своею родословной?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ничего, милостивый государь, кромѣ одного простого слова̀: я также тутъ! Дѣйствительно, я вылетѣлъ изъ гнѣзда еще очень молодымъ, но могу уже летать весьма высоко и поэтому желалъ бы примкнуть къ классическимъ умамъ націи.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Милостивый государь, вы —

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Поэтъ! Да; но только, пожалуйста, не говорите объ этомъ. Моя поэзія касается совершенно новыхъ сюжетовъ; напримѣръ, я воспѣваю звѣзды и сдѣлалъ чрезвычайное открытіе, что слова̀: «неба» и «Феба», «любовь» и «кровь», «розы» и «грёзы» очень хорошо риѳмуютъ между собою. Я вообще на риѳмы обращаю тщательное вниманіе. Отыщите въ моихъ стихахъ хоть одну пьесу, гдѣ я бы риѳмовалъ «лопухъ» и «недугъ», «чудесно» и «неизвѣстный». Я воспѣваю еще никѣмъ не воспѣтые предметы: мою возлюбленную, предчувствіе весны, лазурь небесъ, томный блескъ луны...

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Да, да, мой любезнѣйшій. Я вижу, что вы еще только грѣшили стишками.... Однако, слышите ли, тамъ отворяются двери: можетъ быть, сюда идетъ его величество.

ХОРЪ ПОЭТОВЪ.

Онъ идетъ! онъ идетъ!
Заводите пѣсню хоромъ,
Завивайте хороводъ,
Чтобы слухомъ, чтобы взоромъ
Былъ властитель упоенъ,
Чтобъ съ улыбкой видѣлъ онъ,
Какъ любовь въ насъ неизмѣнна,
Какъ стремимся мы къ нему,

Будто къ солнцу своему.
Упадемте на колѣна
И, припавъ къ землѣ челомъ,
Кликъ привѣта вознесемъ:
Ты, богамъ въ величьи равный,
Переполнилъ славой свѣтъ,
О, живи во вѣкъ, державный
Нашъ властитель и поэтъ!

Становятся на колѣни.

НЕРОНЪ — выходитъ задумчивый, съ скрещенными на груди руками.

Тиранъ! Такъ всѣ зовутъ меня. О, еслибъ
Я былъ тираномъ, то за мной бы слѣдомъ
Носились тѣни, вѣстники изъ ада
И одиночество средь этихъ залъ роскошныхъ
Не открывало зѣвъ свой на меня!
На бой съ богами выйду я безъ страха!
Но этого безмолвія покой —
Меня онъ убиваетъ. Выходи
Страшнѣйшая изъ фурій предо мною,
Но говори, о говори, чтобъ это
Горячее, взволнованное сердце
Не вѣчно слышало свое волненье!
Да, говори такъ громко, будто мѣдь
Звенящая подъ пѣсни корибантовъ!
Лишь только въ суматохѣ нахожу
Довольство я. Толкуютъ, что повсюду,
Гдѣ я пройду, ложится слѣдъ кровавый,
Что волны красныя покрыли землю
Съ тѣхъ поръ, какъ я судьбой на тронъ поставленъ. —
Я ничего не вижу; гдѣ они,
Гдѣ эти тѣни, дышущія мщеньемъ,
Въ сіяньи блѣдныхъ мѣсяца лучей,
Пересѣкающія путь мой страшно?

ХОРЪ ПОЭТОВЪ — tremulando.

О, дивный,
Всесовершенный,
Объективный
Жрецъ вселенной!

НЕРОНЪ.

Чтó это? Кажется мнѣ, будто здѣсь
Лежатъ людскія существа, свернувшись
Подобно гадамъ? Но они недвижны,
Они молчатъ — о, какъ ужасно это!

ХОРЪ ПОЭТОВЪ.

Рабы твои покорные,
Поэты мы придворные,
При лирахъ состоящіе!
Отвѣть намъ сладкимъ пѣніемъ:
Почти благоволеніемъ
Хвалы, тебѣ звучащія!

НЕРОНЪ.

Такъ это вы? Примите мой привѣтъ.
Скажите, принесли-ль вы мнѣ оттуда,
Изъ-за ограды этихъ душныхъ стѣнъ,
Поэзіи чарующія грезы?
Скажите мнѣ, кàкъ соловей поетъ,
Чтó шепчетъ роза? При сіяньи лунномъ
Подслушали-ль вы тихій лепетъ мирта?
По прежнему-ли царствуетъ природа,
По прежнему-ль она любовью дышетъ?
Я долго съ вами не видался — да;
Я чувствую, какъ вдругъ изъ-за рѣшотокъ
Тюрьмы души моей вспорхнули мысли
И, отряхая смрадъ темницы, быстро
Летятъ на волю, на весенній воздухъ,
Сіяньемъ солнца ярко озаренный,
И къ небесамъ меня уносятъ яснымъ!
О подойдите; будемъ грезить: вотъ
Вокругъ насъ холмы, гдѣ такъ часто мы
На мягкую траву склонялись; станьте
Здѣсь, около меня; струей воздушной
Грудь освѣжите, локоны развѣйте
По вѣтру и начнемъ, какъ въ дни былые,
Подъ сѣнію акацій золотистыхъ,
Шептаться о природѣ, о невинныхъ
Волненіяхъ, о дружбѣ, о любви!

ПЕРВЫЙ ВѢСТНИКЪ — входитъ.

Рабы въ злодѣйскомъ умыслѣ Пизона
Не признаются.

НЕРОНЪ.

Разорвите пыткой
Суставы имъ, огнемъ подошвы жгите!
Зачѣмъ еще вамъ спрашивать меня?

. . . .

Вѣстникъ уходитъ. Неронъ говоритъ, какъ во снѣ. Поэты приходятъ въ ужасъ отъ двойной природы своего повелителя и отступаютъ. Онъ продолжаетъ не смущаясь, съ наивнымъ выраженіемъ, свои фантазіи.

Созданья лучшія поэзіи моей
Я написалъ въ великолѣпномъ томѣ,
Украшенномъ обрѣзомъ золотымъ,
Затѣмъ, что съ головы до ногъ поэтъ,
Тщеславлюсь я любимыми стихами!
Я написалъ ихъ для нея, моей
Красавицы застѣнчивой и робкой
Къ призыву страсти, и прочесть ей далъ
Листы завѣтные. Въ нихъ сердца тайну
Я разсказалъ волшебными словами,
Въ нихъ озарилъ ея прекрасный образъ
Сіяньемъ грезъ чарующихъ любви!
Она прочла и отдала мнѣ книгу
И не сказала ничего.... Но тамъ
Между листовъ пергамента нашелъ я
Ея кудрей роскошныхъ прядь и понялъ,
Все понялъ я! Она мнѣ говорила:
Со мной ты связанъ тонкимъ волоскомъ,
Но скоро, скоро вся твоя я буду!

ВТОРОЙ ВѢСТНИКЪ.

Признался Субрій; онъ открылъ, что много
Товарищей у нихъ средь легіоновъ,
Что заговоръ и тамъ распространенъ.

НЕРОНЪ.

О вѣчные бунтовщики! Друзья,
Позвольте приговоръ ему назначить:
Пусть онъ умретъ отъ собственной руки,

Коль имена сообщниковъ откроетъ;
А не откроетъ — пусть ему палачъ
Отрубитъ голову!

Поэты убѣгаютъ все дальше и дальше отъ Цезаря; Неронъ этого не замѣчаетъ.

Любовь! Любовь! Царишь надъ міромъ ты
Тысячелѣтія и всѣ твои страданья
И радости для міра драгоцѣнны!
Какъ море ты бездонна! Никогда
Твоихъ чарующихъ волненій сладость
Вполнѣ постигнуть невозможно; каждый,
Къ нимъ возвращаясь, вновь находитъ въ нихъ
Ему еще невѣдомую прелесть!
О, дайте снова мнѣ былыя грезы,
Игру желанья страстнаго съ надеждой,
О, дайте снова безпредѣльнымъ счастьемъ
Упиться сладко на груди у милой!

ТРЕТІЙ ВѢСТНИКЪ — входитъ.

Воздай богамъ благодаренье Цезарь:
Сцевинъ тебя убить намѣревался —
И умертвилъ отъ страха самъ себя,
И Виндекса на тибрскихъ берегахъ,
Въ отчаяньи смотрящаго на волны,
Недавно видѣли. Еще одно, властитель:
Учитель твой Сенека безъ сомнѣнья
Замѣшанъ въ заговоръ.

НЕРОНЪ.

Бунтовщики!
Смерть мудрецу коварному! Послать
Ножъ въ домъ его: пускай онъ сядетъ въ ванну
И выпуститъ изъ жилъ изсохшихъ кровь!

Неронъ остается уже одинъ; поэты, дрожа, удалились отъ него; онъ этого не замѣчаетъ.

Я одного боюсь, одною скорбью
Томлюся я: все въ этомъ мірѣ быстро
Идетъ — не къ рубежу могилы — нѣтъ,
Но къ старости мучительной и скучной!
Подумать страшно, что когда-нибудь
Грудь, полная еще желаній страстныхъ,
Не розами любви вѣнчаться будетъ,
А только дряхло кашлять и стонать!

Нѣтъ, старости не вынесу я! боги,
Молю я васъ послать мнѣ смерть, когда
Забудусь я восторгомъ упоенья!
Пускай въ вѣнкѣ изъ розъ, въ объятьяхъ милой,
Съ улыбкой наслажденья на устахъ,
Подъ звуки поцѣлуевъ сладострастныхъ
На вѣчный сонъ закрою я глаза!

ЧЕТВЕРТЫЙ ВѢСТНИКЪ — входитъ.

Признались заговорщики во всемъ:
Ихъ умыселъ подробно обнаруженъ.
О, Цезарь, приговоръ произнеси.

НЕРОНЪ.

Смерть, смерть Пизону, смерть его друзьямъ!
Пусть ужасъ и убійство поражаютъ
Всѣхъ, кто запутанъ въ замыслѣ злодѣйскомъ!
Промойте всѣ клоаки, отворите
Всѣ шлюзы, чтобы крови дать проходъ!
Сегодня кровью можете наполнить
Вы цѣлый Тибръ! Мнѣ солнце давитъ грудь,
И я хочу въ крови людской купаться!

Вѣстникъ уходитъ. Поэты, ожидая прыжка тигра, жмутся къ стѣнамъ и становятся отъ ужаса бѣлѣе ихъ мрамора.

НЕРОНЪ — проводя въ задумчивости рукою по лбу и отбрасывая волосы назадъ.

Что, что такое? Что случилось здѣсь?
Не говорилъ-ли я сейчасъ о смерти?
О крови? Нѣтъ. О розахъ? Или это
Я голосъ фуріи ужасной слышалъ?
Я не одинъ здѣсь? Вижу, тамъ стоитъ
Сонмъ блѣдныхъ призраковъ, къ стѣнѣ прижавшись.
Я чувствую, съ души моей слетаетъ
Туманъ, ее давившій тяжело.
Когда сюда вошелъ, я видѣлъ ихъ?
Да, такъ — нѣтъ — нѣтъ — не такъ —
Не ихъ я видѣлъ предъ собой. Вотъ люди,
Что вздоромъ занимаются, сплетая
Пустыя риѳмы о цвѣтахъ, о солнцѣ,
О мотылькахъ. Безмолвный ужасъ ихъ
Смутилъ мою фантазію. Я слышу,

Вновь что-то злое крадется ко мнѣ,
Чтобъ сердца моего подслушать шопотъ!
Собраться надо съ мыслями мнѣ.... Да,
Коль пѣснь моя звучала только страхомъ
Для этихъ жалкихъ и пустыхъ людей,
Такъ уведите-жъ ихъ, ничтожныхъ шельмъ!
Пять жребіевъ изъ шлема смерти выньте
Для переѣзда на челнѣ Харона;
Но лишь съ зарею объявите имъ
Судьбы рѣшенье: пусть они стенаютъ
Въ отчаяньи до утра, ожидая
Кого изъ нихъ постигнетъ черный рокъ!

Уходитъ.

Входятъ солдаты и уводятъ плачущихъ поэтовъ. Послѣдній солдатъ остается; это Юлій Виндексъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Завербовался въ легіоны я!
Имперіи наслѣдство въ ихъ рукахъ,
Они лишь только страшны для тиранства
Своею силой, и, придетъ пора,
Ихъ грозный судъ надъ Римомъ разразится!...
Мой легіонъ съ зарей уходитъ къ Альпамъ,
И я за нимъ послѣдую. Когда
Я спрошенъ былъ объ имени и предкахъ,
То далъ отвѣтъ: «ихъ отъискать себѣ
Хочу въ Германіи!» Рукою сильной
Копье я бросилъ, мечъ извлекъ изъ ноженъ
Стремительно — и вотъ теперь стою
Въ рядахъ солдатъ. Хоть римскіе орлы
Предводятъ нами, но въ строю у насъ
Все больше галлы, бритты да испанцы.
Я возмущу ихъ дикія толпы
На Цезаря — и послѣ будь что будетъ!..
Да, срокъ насталъ: на дѣло мщенья я
Рвусь, будто конь, летящій въ поле битвы!
Моя душа развила мощно крылья
И мечъ мой занесенъ уже надъ тѣмъ,
Кто отнялъ у меня: свѣтъ, воздухъ, землю,
Все, чѣмъ я жилъ, что я любилъ на ней!
Прощайте-же вы, пышные чертоги,
Гдѣ въ мраморѣ высокихъ стѣнъ живетъ

Ужасныхъ преступленій отголосокъ
И пробуждается при каждомъ звукѣ!
Я покидаю васъ; я ухожу
Отъ васъ туда на Альпы ледяныя,
Гдѣ вѣетъ холодъ, но сердца людей
Согрѣты пламенемъ любви къ свободѣ!
Среди лѣсовъ Германіи дремучихъ
Найду я скоро золотыхъ орловъ,
Надъ легіонами парящихъ шумно,
И сталь мечей, какъ будто солнца лучъ,
Засвѣтится во тьмѣ печальныхъ дебрей!
Я не замолкну звать къ отмщенью братьевъ,
Покуда кони наши не истопчутъ
Италію копытами своими!
Покуда мечъ мой не пронзитъ Нерона,
Покуда я не рушу въ прахъ величье
Чертоговъ этихъ—пусть на мнѣ лежитъ
Позоръ, чума, проказы отверженье!
Коль не достанетъ воиновъ мнѣ, я
Сзову звѣрей изъ дебрей, изъ пустынь,
И дикій зубръ, склонивъ рога, пойдетъ
Бойцомъ за насъ, и среди стогновъ Рима
Рычаніе медвѣдей разнесется,
Мѣшаясь съ крикомъ страшнымъ легіоновъ,
Принесшихъ казнь проклятому тиранству!
Знамена вѣютъ! Розовый закатъ
На высяхъ Альпъ уже ложится —
Въ Германію! Затѣмъ, чтобы назадъ
Съ мечемъ отмщенья воротиться!

Уходитъ.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ.

Въ домѣ Сенеки.

СЕНЕКА входитъ съ лѣстницею, которую отставляетъ.

СЕНЕКА.

Это не лѣстница понятій, нѣтъ. Это просто обыкновенная лѣстница къ курятнику, которую я долженъ носить за моимъ всемилостивѣйшимъ Цезаремъ, когда онъ влѣзаетъ въ окна своихъ красавицъ. Вотъ въ томъ-то и состоитъ проклятіе оффиціальной философіи, что она должна служить всѣмъ, чего отъ нея потребуютъ. Я не знаю, возможно-ли было бы выносить этотъ деспотизмъ, если не смотрѣть на него съ точки зрѣнія оригинальности, а всѣ его жестокости объяснять забавою. Жена, ты спишь?

ГОЛОСЪ за сценою.

Это, ты Энній? Вѣрно опять долженъ былъ ждать такъ долго? Твое вино стоитъ на столѣ.

СЕНЕКА.

Ну хорошо, хорошо. Спи себѣ, добрая женщина. Я не рискну лечь въ твою чистую постель пропитаннымъ нецѣломудренными испареніями. Въ какія трущобы пришлось мнѣ нынче странствовать за цезаремъ! Сладострастные вздохи Нерона долженъ, какъ часовой, стеречь Сенека! Предъ порокомъ должна склоняться съ почтеніемъ добродѣтель! Честность должна держать лѣстницу вору, лѣзущему въ чужое окно! Жена, ты кажется чтò-то сказала?

ГОЛОСЪ за сценою.

Ты что-то ворчишь, милый Энній. Я чувствую, тебя измучили ночью.

СЕНЕКА.

Я по возможности стараюсь удержать въ своихъ рукахъ узду нравственнаго вліянія на моего воспитанника? Не жалка-ли эта философія приспособленія учителя къ ученику? Будь постоянно игрушкой высочайшаго остроумія, вѣчно шути, разыгривай роль скорѣй придворнаго дурака, чѣмъ придворнаго совѣтника — ка-

ково все это выдерживать? Я начинаю думать, не пора ли мнѣ, наконецъ, взглянуть на все это съ другой стороны. Но, вѣчные боги, зачѣмъ ты оставила свою постель, жена?

ЖЕНА СЕНЕКИ входитъ со свѣтильникомъ, въ ночной одеждѣ.

Ахъ, какъ ты блѣденъ Энній! Этотъ ночной воздухъ вреденъ для тебя. Гдѣ это вы сегодня опять пропадали?

СЕНЕКА.

Во всевозможныхъ пріютахъ, гдѣ любовь похожа на стертую монету, прошедшую чрезъ столько страстныхъ рукъ, что на ней осталась одна ржавчина.

ЖЕНА СЕНЕКИ.

И ты ходилъ туда, Энній.

СЕНЕКА.

Нѣтъ, ты посмотрѣла бы на молодого, полнаго надеждъ, Цезаря! Вѣчно украшенъ рогами въ своихъ привязанностяхъ! Въ такіе дома, куда можно войти во всякое время ночи чрезъ дворъ, онъ пробирается въ окошко!

ЖЕНА СЕНЕКИ—боязливо.

Энній, помнишь-ли, ты оказывалъ участіе къ бывшему консулу Пизону? Не выговаривалъ-ли тебѣ его величество за это?

СЕНЕКА.

Мнѣ выговаривать за Пизона? Ну, его величество любитъ больше приговаривать, чѣмъ выговаривать. Нѣкоторыхъ приверженцевъ Пизона онъ навѣрно приговорилъ къ растерзанію дикими звѣрями. Однако, передъ сномъ не наводи меня на такія мрачныя мысли. Моя система — система притворства. Я такъ пріучилъ себя притворяться, что даже самого себя считаю толстякомъ, хотя я худощавъ, и бѣднякомъ, хотя я богатъ. Да, богатъ всѣмъ, но только не отвращеніемъ отъ жизни. Вотъ поэтому-то я и соглашаюсь во всемъ съ Нерономъ. Я знаю, что уступчивостью можно помѣшать разврату и въ случаѣ нужды маленькими преступленіями предупредить большія. Однако, ты что-то встревожена?

ЖЕНА СЕНЕКИ.

Я видѣла нынче дурной сонъ. Милый Энній, я думаю, что дѣло идетъ о нашей жизни. Твоя дружба съ Пизономъ...

СЕНЕКА.

Успокойся. Мы совершенно безопасны. Неронъ — благороднѣйшая и въ сущности наивнѣйшая натура — не дальше какъ въ эту ночь прощаясь обнималъ меня, цѣловалъ и даже далъ мнѣ обѣщаніе назначить на болѣе высокій постъ.

ЖЕНА СЕНЕКИ.

Постой: что́ это за шумъ?

ГОЛОСЪ СНАРУЖИ.

Проснитеся! Проснитеся! Вашъ домъ
Отмѣченъ знакомъ смерти, и съ зарею
Вамъ суждено оставить этотъ міръ.

СЕНЕКА.

Что тамъ кричатъ? я не могу разслышать?

ЖЕНА СЕНЕКИ.

А я разслышала, но не могу понять.

ГОЛОСЪ снаружи.

Надъ вашей кровлей саванъ распростертъ,
Могильный крикъ прокаркалъ мрачно воронъ,
И ласточка гнѣздо свое бросаетъ.

ЖЕНА СЕНЕКИ.

Какія предвѣщанія!

СЕНЕКА.

Запри
Скорѣй окно — невыносимо это!

ГОЛОСЪ снаружи.

Иль вы не слышите — стучатся къ вамъ,
Вашъ срокъ пришелъ — приготовляйтесь къ смерти.

СЕНЕКА.

Смотри, какая тамъ толпа внизу!

ЖЕНА СЕНЕКИ.

Они о смерти говорятъ — о чьей же?
Ужель о нашей?

ОБА.

О, смотри, смотри!
Къ намъ гробъ несутъ!

Входятъ друзья и сосѣди Сенеки. Палачъ съ гробомъ. Плачъ. СЕНЕКА, убѣдившись, какъ трудно обращаться съ остроумнымъ властителемъ, переходитъ отъ смѣшного къ высокому. Ему вручаютъ свертокъ бумаги: онъ развертываетъ — выпадаетъ кинжалъ.

СЕНЕКА.

Ну, старый дуралей,
Что̀ выигралъ ты шутовствомъ своимъ?
Пучина вынесла тебя высоко —
Теперь ты вновь во̀лнами будешь залитъ!
Уложится на эти вотъ носилки
То, чѣмъ я былъ и что̀ я нынѣ есть!
О смерть, ты не ждала меня: въ могилу
Схожу я въ маскѣ вздорнаго̀ фиглярства,
Которую всю жизнь носилъ изъ страха,
Съ румянами на сморщенномъ лицѣ,
Съ вѣнкомъ изъ розъ на волосахъ сѣдыхъ,
Со взоромъ лести, ждущей одобренья!
На самого себя я удивляюсь:
Такъ стало быть исчезло все теперь,
Чему училъ ты и во что̀ ты вѣрилъ?
Нравоученья гордыя твои
Разбиты въ прахъ! Прекраснѣйшій вѣнецъ
Изъ всѣхъ вѣнцовъ — сознанье, что ты жилъ
Согласно съ истиной твоихъ глаголовъ —
Самимъ тобой въ безуміи растоптанъ!
Позоръ тебѣ! свое существованье
Каррикатурой книгъ своихъ ты сдѣлалъ,
И среди бездны общаго разврата
Дно твердое тогда лишь отыскалъ,
Когда пришлось волною захлебнуться!

ЖЕНА СЕНЕКИ.

О мой супругъ, прими спокойно смерть
Со мною вмѣстѣ.

СЕНЕКА.

Нѣтъ, ты оставайся,
Ты жить должна... но что́ такое жизнь,
Когда дышать не можемъ мы свободно?
Не надо слезъ. Носилки эти также
Удобны будутъ намъ, какъ брачный одръ.
Не плачьте: кто къ богамъ отходитъ вѣчнымъ,
Тотъ счастливъ. Другъ мой, мы съ тобою снова
Сойдемся вмѣстѣ, но не въ этомъ мірѣ;
Пусть слезъ твоихъ потокъ прольется нынѣ
Въ честь радости грядущаго свиданья!

Оба входятъ въ ванну и открываютъ себѣ жилы.
Прощанье окружающихъ:

Прощайте! прощайте! отжившимъ
Снесите нашъ скорбный привѣтъ!
Какъ знать, можетъ быть уже скоро
И мы отойдемъ вамъ во слѣдъ!

СЕНЕКА.

О сердце, истекающее кровью,
Не ужасайся — эта жизнь была
Приготовленьемъ лишь для новой жизни!
Мы во хмѣлю земного бытія
Живемъ затѣмъ, чтобы познать себя;
Мы струны, на которыхъ божество
Мелодіи свои поетъ случайно.
О, милая, съ моихъ очей спадаетъ
Повязка лжи, и правды свѣтъ я вижу!

ЖЕНА СЕНЕКИ.

И мнѣ онъ блещетъ, дорогой мой Энній!
Слабѣю я... Скажи мнѣ: умираемъ
Для жизни мы, или живемъ для смерти?

СЕНЕКА.

Дай руку мнѣ: быть можетъ я согрѣю
Тебя своей рукою, если смерть
Къ тебѣ коснется раньше, чѣмъ ко мнѣ;
Дай руку мнѣ и въ трепетѣ одномъ
Окончимъ мы свое существованье!

А вы, друзья, не сѣтуйте о насъ:
Съ послѣднимъ мигомъ улетѣвшей жизни
Для насъ начнется вѣчность бытія!
Что чувствуешь ты милая?

ЖЕНА СЕНЕКИ.

Темнѣетъ
Въ моихъ глазахъ... На половину въ смерть
На половину въ жизнь я прозрѣваю...
Лишь ты одинъ, мой Энній, предо мною
И въ этотъ мигъ послѣдній — ты одинъ...
И тамъ, за рубежомъ могилы, я
Тебя такимъ же вижу, какъ въ тотъ день,
Когда съ тобой мы встрѣтились впервые...

СЕНЕКА.

Смѣняются теперь два міра: тотъ,
Въ которомъ пепломъ скоро будемъ мы,
И тотъ, который съ божескою силой
Не разъ стучался тихо въ наше сердце!
Изъ чувствъ, въ насъ исчезающихъ, всѣхъ прежде
Въ насъ потухаетъ зрѣніе, потомъ
Языкъ нѣмѣетъ, осязанье мретъ,
Дыханіе стѣсняется въ груди;
Лишь слухъ одинъ послѣднимъ остается,
Чтобъ каждый могъ передъ концемъ услышать,
Кто слезы льетъ по немъ, какъ вѣрный другъ,
И кто молчитъ съ враждебнымъ равнодушьемъ!...
Что̀ чувствуешь ты, милая? молчитъ
Она — поникла головою,
Какъ бы во снѣ. Предсмертный тихій сонъ!
Ты будто кормщикъ путника приводишь
Изъ жизненной рѣки въ ту пристань смерти,
Гдѣ ждетъ его Харона мрачный челнъ!
И я — я также холодѣю... кровь
Ушла изъ жилъ; какъ будто отнятъ я
Самъ у себя... я умираю... да...
Друзья, прощайте! Нѣкогда опять
Увидимся мы въ царствѣ правды вѣчной!

Ложь убѣгаетъ; геній Истины принимаетъ его въ свои объятія.

В. Буренинъ.

РУССКІЕ ЗАКОНЫ

о

ПЕЧАТИ.

II *).

Предварительное административное разрѣшеніе, какъ условіе для основанія новаго періодическаго изданія и для перемѣны редактора. — Періодическія изданія, подчиненныя предварительной цензурѣ. — Провинціальная періодическая пресса. — Залоги. — Розничная продажа періодическихъ изданій.

Мы разсмотрѣли одну сторону административной власти надъ періодическою печатью — систему административныхъ взысканій; другая сторона ея — это предварительное административное разрѣшеніе, какъ непремѣнное условіе для основанія журнала или газеты. Соединеніе въ однѣхъ рукахъ двухъ орудій власти, до такой степени сильныхъ, кажется намъ прежде всего, если можно такъ выразиться, *политическимъ плеоназмомъ*. Если отъ администраціи зависитъ остановить, во всякое время, выходъ въ свѣтъ журнала или газеты, то къ чему затруднять основаніе новыхъ періодическихъ изданій? И на оборотъ, если изданіе журнала разрѣшается только лицамъ, представившимъ достаточныя доказательства своей благонадежности, то къ чему подвергать такихъ благонадежныхъ людей всей строгости системы административныхъ взысканій? Даже допустивъ на минуту оспариваемую нами необходимость чрезвычайной гарантіи противъ злоупотребленій

*) См. выше: апр. 794 стр. и слѣд.

печатнаго слова, мы все-таки должны будемъ признать, что нѣтъ причины подкрѣплять одну мѣру предосторожности другою, что избытокъ гарантій ничуть не менѣе вреденъ, чѣмъ полное ихъ отсутствіе. Правда, французы говорятъ, что «abondance de biens ne nuit pas»; но вѣдь въ стѣсненіяхъ печатнаго слова даже защитники ихъ видятъ скорѣе неизбѣжное зло, чѣмъ абсолютное благо, — а неизбѣжное зло законно только подъ условіемъ доведенія его до возможно-меньшихъ размѣровъ. Повторяемъ, логическая послѣдовательность требовала бы полной свободы въ основаніи журналовъ, если они подчинены системѣ административныхъ взысканій, или уничтоженія системы административныхъ взысканій, если для основанія журнала необходимо предварительное согласіе администраціи. Почему же мы видимъ на практикѣ явленіе совершенно противуположное? Почему, напримѣръ, во Франціи система предварительнаго разрѣшенія была и установлена, и отмѣнена одновременно съ системой административныхъ взысканій? Откуда эта тѣсная связь между мѣрами, взаимно исключающими одна другую? Дѣло въ томъ, что онѣ обѣ—произведеніе одного и того же духа, духа недовѣрія и нерасположенія къ печати. Когда, напримѣръ, во Франціи законодатель, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ случайныхъ причинъ, боится печати и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы идти на-перекоръ потребности общества въ свободномъ печатномъ словѣ, онъ не останавливается на пол-дорогѣ и налагаетъ на печать столько оковъ, сколько она въ состояніи вынести въ данную минуту. Ему мало одного средства вліянія на печать; его можетъ успокоить только полная зависимость ея отъ администраціи. Такова была цѣль Наполеона III при изданіи февральскаго декрета 1852 года. Наше законодательство пришло къ тому же результату нѣсколько другимъ путемъ. Опасаться печати, какъ опасалось ея французское правительство послѣ декабрьскаго переворота, оно не имѣло никакихъ основаній; но оно не довѣряло ей, не довѣряло ни ея зрѣлости, ни ея направленію, и потому рѣшилось предоставить ей только minimum свободы, которой она до тѣхъ поръ была (de jure) лишена совершенно. Во Франціи одновременная отмѣна обѣихъ главныхъ опоръ административнаго полновластія надъ печатью была уступкой требованіямъ измѣнившагося общественнаго мнѣнія; въ Россіи — такова наша твердая надежда — онѣ должны исчезнуть вмѣстѣ съ предубѣжденіемъ противъ печати, достаточно опровергнутымъ ея исторіею послѣ 1 сентября 1865 года. Примѣръ современной французской прессы доказываетъ съ полною ясностью, что правительство, отказавшееся и отъ системы предварительнаго раз-

рѣшенія, и отъ системы административныхъ взысканій, сохраняетъ еще весьма обширную власть надъ періодическою печатью. Къ тому же заключенію ведетъ примѣръ Пруссіи, въ которой администрація лишена, съ 1848 года, чрезвычайной власти надъ печатью, — что̀ не помѣшало однако ни полному господству реакціи съ 1850 до 1858 года, ни новому торжеству ея при министерствѣ Бисмарка.

Что система предварительнаго административнаго разрѣшенія несправедлива и обременительна для печати — объ этомъ не можетъ быть никакого спора. Въ дѣлахъ печати, какъ и во всѣхъ другихъ, не должно быть осужденій, основанныхъ только на подозрѣніи, не должно быть стѣснительныхъ мѣръ, оправдываемыхъ только отдаленною возможностью вреда. Выборъ занятія или ремесла долженъ быть свободенъ для каждаго; запрещеніе заниматься извѣстнымъ дѣломъ есть важное ограниченіе гражданскихъ правъ, — а для ограниченія правъ необходимъ судебный приговоръ, въ основаніи котораго долженъ въ свою очередь лежать опредѣленный, признанный судомъ проступокъ. Не странно ли, что судъ, по нашимъ законамъ, имѣетъ право запретить лицу, обвиненному за проступокъ печати, исправленіе обязанностей издателя или редактора на срокъ не свыше пяти лѣтъ (Улож. о наказ. ст. 1,046 пун. 2), а администрація можетъ подвергнуть лицо, ни въ чемъ еще не оказавшееся виновнымъ, такому же запрещенію на неопредѣленное время, т. е. хоть навсегда? Съ перваго взгляда можетъ даже показаться, что система предварительнаго административнаго разрѣшенія еще болѣе неблагопріятна для правильнаго развитія періодической печати, нежели система административныхъ взысканій. Вооруженная правомъ предварительнаго разрѣшенія, администрація можетъ сдѣлать немыслимой всякую сколько-нибудь независимую прессу, уничтожить въ самомъ корнѣ все сколько-нибудь похожее на оппозицію, создать и поддержать въ журнальномъ хорѣ полный униссонъ, не знающій диссонансовъ. Въ теоріи все это не подлежитъ сомнѣнію; но въ дѣйствительности, къ счастію, теорія осуществляется далеко не вполнѣ. Администрація — за исключеніемъ только самыхъ тяжелыхъ, мрачныхъ моментовъ народной жизни — пользуется своимъ правомъ съ бо́льшею или меньшею умѣренностью; враговъ своихъ — или лучше сказать, тѣхъ, кого она считаетъ своими врагами — она конечно не допускаетъ въ журнальную сферу, но не ограничиваетъ ее и одними признанными своими друзьями, не требуетъ безусловно отъ своихъ избранниковъ оффиціальнаго или оффиціознаго взгляда на вещи. Она понимаетъ, что если пресса, окрашенная въ одинъ казенный цвѣтъ, безсильна какъ

орудіе оппозиціи, то столь же напрасно было бы ожидать отъ нея содѣйствія правительственнымъ цѣлямъ; она понимаетъ, что безъ извѣстной свободы мнѣній смѣшны и странны изліянія самаго благонамѣреннаго консерватизма. Съ другой стороны, соображенія, которыми руководствуется администрація при разрѣшеніи журнала, могутъ оказаться — и часто оказываются — отчасти ошибочными. Редакторъ, сегодня совершенно благонадежный, завтра можетъ измѣнить свой образъ мыслей или по крайней мѣрѣ свой образъ дѣйствій, подпасть подъ чье-нибудь постороннее вліяніе, или просто разсчитать, что выгоднѣе окружить себя сотрудниками изъ среды другой литературной партіи. Благодаря этимъ различнымъ причинамъ, система предварительнаго административнаго разрѣшенія не препятствуетъ, на практикѣ, довольно большому разнообразію въ направленіи періодическихъ изданій. При дѣйствіи этой системы, во Франціи появились вновь такія газеты какъ «Temps», «Avenir National», «Courrier du Dimanche», «Courrier Français»; «Liberté», основанная лицемъ угоднымъ администраціи (К. Мюллеромъ), перешла въ руки Э. Жирардена, въ самый разгаръ его нападеній на правительство. Тоже самое мы видимъ и у насъ въ Россіи; мы не хотимъ называть ничьихъ именъ, но стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на періодическую прессу послѣднихъ 3 — 4 лѣтъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что при дѣйствіи закона 6 апрѣля основано нѣсколько вполнѣ независимыхъ изданій, а нѣкоторыя другія сдѣлались независимыми, хотя редакторъ у нихъ остался прежній. Это приводитъ насъ къ убѣжденію, что система предварительнаго разрѣшенія — меньшее изъ двухъ золъ, сравнительно съ системой административныхъ взысканій, и что отмѣнить первую, не уничтоживъ послѣдней, не значило бы произвести существенную перемѣну къ лучшему въ положеніи русской печати.

Само собою разумѣется, что все сказанное нами о необходимости административнаго разрѣшенія для основанія журнала примѣняется, можетъ быть съ бо́льшей еще силой, и къ необходимости административнаго разрѣшенія для замѣны одного отвѣтственнаго редактора другимъ (законъ 6 апрѣля гл. II ст. 11). Съ помощью этого послѣдняго права, администрація можетъ остановить на неопредѣленное время изданіе любого журнала, если онъ имѣлъ несчастье потерять своего редактора; ей сто́итъ только отказывать въ своемъ утвержденіи всѣмъ тѣмъ, кто изъявитъ желаніе занять вакантное мѣсто. А между тѣмъ, остановка изданія уже существующаго, и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи гораздо вреднѣе, чѣмъ противудѣйствіе основа-

нію новаго журнала. Что опасность, указанная нами, не можетъ быть названа мнимой — это доказывается примѣромъ оппозиціонной французской газеты «Courrier du Dimanche», изданіе которой было, если мы не ошибаемся, пріостановлено на время именно вслѣдствіе невозможности найти новаго редактора, угоднаго администраціи. Въ частомъ злоупотребленіи своимъ правомъ администрацію обвинять нельзя, благодаря тѣмъ же причинамъ, по которымъ она разрѣшаетъ иногда основаніе независимыхъ журналовъ; но для осужденія системы достаточно и того, что изъ нея проистекаетъ *возможность злоупотребленій*. Что касается до неудобствъ, соединенныхъ съ необходимостью административнаго согласія на всякую перемѣну въ лицѣ редактора, даже временную, то они слишкомъ хорошо извѣстны каждому редактору, которому случалось уѣзжать для отдыха изъ С. Петербурга. Мы знаемъ примѣры, въ которыхъ ни одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ журнала не могъ получить дозволенія замѣнять редактора на время его отсутствія, такъ что приходилось обращаться для этого къ лицамъ совершенно постороннимъ.

Положеніе періодическихъ изданій, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры, не можетъ быть названо ни обезпеченнымъ, ни легкимъ, вслѣдствіе тяготѣющей надъ ними системы административныхъ взысканій; но еще менѣе завидно положеніе изданій, подчиненныхъ, на прежнемъ основаніи, предварительной цензурѣ. Если бы выборъ между тѣмъ и другимъ порядкомъ вещей зависѣлъ отъ самого издателя или редактора, если бы предварительная цензура служила только убѣжищемъ для тѣхъ, кто не можетъ внести залога или не хочетъ рисковать своею собственностью, — тогда существованіе цензуры, оставаясь конечно явленіемъ весьма не нормальнымъ, не нарушало бы по крайней мѣрѣ равноправности между журналами. Но освобожденіе или неосвобожденіе періодическаго изданія, вновь основываемаго, отъ предварительной цензуры предоставлено нашимъ закономъ усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Итакъ, даже система административныхъ взысканій, облекающая администрацію правомъ жизни и смерти надъ повременными изданіями, оказывается орудіемъ недостаточно сильнымъ для обузданія прессы! Существуютъ изданія, которыя, еще до выхода ихъ въ свѣтъ, признаются настолько опасными для правительства, что чувствуется потребность установить контроль надъ каждымъ отдѣльнымъ ихъ словомъ! Порядокъ вещей, несвоевременность котораго послужила поводомъ къ изданію закона 6 апрѣля, остается въ силѣ для цѣлой категоріи журналовъ, причисленіе къ которой зависитъ исключительно отъ усмотрѣнія администраціи. Если

это было сдѣлано въ видѣ опыта, если правительство не хотѣло окончательно разстаться съ прежней системой, пока не испытана новая, то испытаніе продолжается, кажется, уже довольно долго, и результатомъ его является скорѣе необходимость подвинуться впередъ, чѣмъ возвратиться назадъ, къ патріархальной опекѣ надъ печатью. Мы не можемъ представить себѣ ни одного случая, въ которомъ система административныхъ взысканій оставляла бы правительство безоружнымъ противъ журнала или газеты, въ которомъ былъ бы поводъ сожалѣть (съ административной точки зрѣнія) о несуществованіи предварительной цензуры. Не слѣдуетъ забывать, что господство системы административныхъ взысканій выражается не только въ формальныхъ предостереженіяхъ, со всѣми ихъ послѣдствіями, но и въ частныхъ внушеніяхъ, въ совѣтахъ, нерѣдко равносильныхъ приказанію. Отсюда возможность не только карать, но до извѣстной степени и предупреждать слишкомъ рѣзкое или слишкомъ откровенное отношеніе печати къ тѣмъ или другимъ щекотливымъ вопросамъ. Подчинять нѣкоторыя изданія предварительной цензурѣ, значитъ возбуждать сомнѣніе въ цѣлесообразности реформы, предпринятой самимъ правительствомъ — сомнѣніе, которое лишено всякаго основанія. Безспорно, освобожденіе отъ цензуры нѣкоторыхъ періодическихъ изданій не могло не имѣть вліянія и на положеніе остальныхъ, не могло не измѣнить пріемовъ и взглядовъ самой цензуры; но общій характеръ учрежденія все-таки остался и останется прежній — и обвинять за это отдѣльныхъ цензоровъ конечно никто не станетъ. Кто отвѣчаетъ за каждое слово, сказанное въ журналѣ, тотъ по необходимости долженъ обращать вниманіе не только на мысль, но и на способъ выраженія ея, и за невозможностью провести опредѣленную черту между дозволеннымъ и недозволеннымъ, подвигать ее все ближе и ближе къ себѣ, въ видахъ личной безопасности. Въ отношеніяхъ читающей публики къ журналу, издаваемому подъ цензурой, неизбѣжно проявляется одно изъ двухъ: или неудовольствіе на сдержанность и неполноту журнала сравнительно съ другими, или особенный интересъ ко всему тому, что остается въ журналѣ невысказаннымъ или недосказаннымъ. Въ первомъ случаѣ совершенно безвинно страдаетъ журналъ, во второмъ случаѣ происходитъ именно то, противъ чего былъ, между прочимъ, направленъ законъ 6 апрѣля: цензура не только не противудѣйствуетъ, но на оборотъ, способствуетъ распространенію нецензурнаго образа мыслей. Никто, конечно, не станетъ утверждать, чтобы въ настоящую минуту правительство было слабѣе, чѣмъ до введенія въ дѣйствіе закона 6 апрѣля; а между тѣмъ всѣ главные органы печати освобождены

уже съ тѣхъ поръ отъ предварительной цензуры. Совершенная ея отмѣна пройдетъ, въ этомъ отношеніи, такъ же безслѣдно, какъ и первый опытъ ограничить ея господство.

Дѣйствіе закона 6 апрѣля распространяется, за немногими и неважными исключеніями, только на С. Петербургъ и Москву. Столичная литература, безъ того уже поставленная въ положеніе особенно выгодное, пріобрѣла такимъ образомъ новое преимущество предъ провинціальной. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что преимущество это не имѣетъ правильнаго основанія. Для администраціи подчиненіе провинцій закону 6 апрѣля не представляетъ никакихъ серьезныхъ затрудненій. Внѣ губернскихъ городовъ у насъ еще почти немыслима періодическая пресса, а въ губернскихъ городахъ есть всѣ необходимыя средства для установленія постояннаго контроля надъ печатью. Каждый разъ, когда губернаторъ признаетъ нужнымъ принять противъ газеты какую-нибудь административную мѣру взысканія или возбудить судебное преслѣдованіе, разрѣшеніе центральной власти могло бы быть испрошено и получено, съ помощью телеграфа, въ два — три дня или еще скорѣе. Гдѣ еще не введена въ дѣйствіе судебная реформа, тамъ процессы по дѣламъ печати могли бы быть предоставлены разсмотрѣнію судебной палаты ближайшаго судебнаго округа. Что касается до интересовъ самой литературы, то для провинціальной прессы извѣстная доля свободы необходима, можетъ быть, еще больше, чѣмъ для столичной. Столичная пресса никогда не испытываетъ такой мелкой тираніи, какой слишкомъ легко можетъ подвергнуться провинціальная пресса. По характеру вопросовъ, обсужденіе которыхъ сосредоточивается въ столицахъ, по степени вліянія, которымъ пользуются нѣкоторые столичные журналы, по свойству организаціи центральнаго управленія дѣлами печати, по самой многочисленности своихъ органовъ, столичная пресса не можетъ подпасть безусловно подъ власть одного лица, не можетъ быть принуждена ни къ молчанію о всѣхъ предметахъ, занимающихъ въ данную минуту общественное мнѣніе, ни къ постоянно-хвалебнымъ отзывамъ о каждомъ дѣйствіи начальства. Въ провинціи, напротивъ того, такая зависимость періодической прессы возможна, даже вѣроятна, пока существуетъ предварительная цензура. Полное умственное господство столицъ надъ провинціей — господство, вредное не только для послѣдней, но и для первыхъ — прекратится лишь тогда, когда провинціальная пресса пріобрѣтетъ, по крайней мѣрѣ de jure, равноправность съ столичною (фактическая ихъ равноправность долго еще останется мечтою). Только тогда сдѣлается возможнымъ такое знакомство съ бытомъ, съ потреб-

ностями провинцій, безъ котораго гадательны и шатки бо̀льшая часть обобщеній столичной прессы. Мы знаемъ, что правильному развитію провинціальной прессы противодѣйствуетъ, независимо отъ закона, провинціальное общество, непривыкшее къ гласности и часто враждебное ея органамъ. Но эта привычка, эта вражда обусловливается именно жалкимъ положеніемъ, въ которомъ находилась и находится до сихъ поръ провинціальная періодическая пресса. Дайте ей окрѣпнуть, оживиться, пріобрѣсти значеніе для мѣстностей, среди которыхъ она существуетъ — и предубѣжденіе противъ нея исчезнетъ само собою.

Прежде, чѣмъ перейти къ другимъ отдѣламъ литературы, намъ остается еще разсмотрѣть двѣ законодательныя мѣры, относящіяся спеціально къ повременнымъ изданіямъ: постановленіе о залогахъ и правила о розничной продажѣ газетъ на улицахъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ. Взносъ залога обязателенъ для повременныхъ изданій, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры (за исключеніемъ изданій чисто ученыхъ, техническихъ и хозяйственныхъ). Размѣръ залога простирается для изданій ежедневныхъ или выходящихъ въ свѣтъ не менѣе шести разъ въ недѣлю — до пяти тысячъ, для всѣхъ остальныхъ — до двухъ тысячъ пятисотъ рублей. Залогъ отвѣтствуетъ за денежныя взысканія, налагаемыя на повременныя изданія; каждый разъ, когда часть его обращена на этотъ предметъ, онъ долженъ быть пополненъ въ опредѣленный срокъ (законъ 6 апрѣля, гл. II, ст. 15—19). Постановленія о залогахъ перешли къ намъ изъ западной Европы, гдѣ они, въ свою очередь, появились не раньше конца прошедшаго или начала нынѣшняго столѣтія; прежняя административная наука не знала такихъ замысловатыхъ учрежденій, да и не имѣла надобности въ нихъ. Назначеніе залога ограничивается, повидимому, пополненіемъ взысканій, могущихъ пасть на изданіе; но на самомъ дѣлѣ оно заключается въ томъ, чтобы затруднить основаніе новыхъ періодическихъ изданій. Убѣдиться въ этомъ нетрудно, сто̀итъ только припомнить, что съ каждымъ почти ремесломъ, съ каждой почти профессіей сопряжена возможность денежныхъ взысканій—а представленіе залога требуется только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, отъ лицъ, которыя, по самому положенію своему, постоянно хранятъ или получаютъ и передаютъ чужія денежныя суммы (напр. нотаріусы, судебные пристава). Издатели и редакторы повременныхъ изданій не находятся въ такомъ исключительномъ положеніи, и для обезпеченія взысканій, которыя могутъ быть на нихъ наложены, нѣтъ, кажется, никакой надобности прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Въ случаѣ неплатежа наложеннаго судомъ штрафа, осуж-

денное лицо подвергается, по нашимъ законамъ, личному задержанію; неужели это недостаточно сильное побужденіе къ уплатѣ штрафа? Много ли найдется журналистовъ, которые предпочтутъ просидѣть подъ арестомъ три мѣсяца, нежели заплатить штрафъ въ триста рублей (Улож. о наказ. ст. 84)? Самымъ лучшимъ доказательствомъ тому, что главное назначеніе залога — вовсе не пополненіе взысканій, можетъ служить слѣдующее простое соображеніе. По нашимъ законамъ maximum штрафа за проступокъ печати — пятьсотъ рублей. Въ случаѣ совокупности преступленій, наказанія, какъ извѣстно, не складываются, не присоединяются одно къ другому, а назначается только строжайшее изъ нихъ, въ высшей мѣрѣ. Отсюда слѣдуетъ, что сколько бы проступковъ печати ни совершилъ редакторъ журнала, онъ не можетъ быть приговоренъ за одинъ разъ къ денежному взысканію въ размѣрѣ болѣе пятисотъ рублей. Положимъ, что въ продолженіе срока предоставленнаго ему для пополненія залога, онъ успѣетъ совершить еще одинъ или нѣсколько проступковъ; и тогда оба штрафа, вмѣстѣ взятые, составятъ не болѣе тысячи рублей [1]). Между тѣмъ, размѣръ залога для ежедневныхъ изданій составляетъ сумму впятеро бо́льшую, для остальныхъ — сумму бо́льшую въ два съ половиною раза. Очевидно, что для пополненія взысканій — еслибы законъ заботился только объ этомъ — можно было бы ограничиться залогомъ несравненно ме́ньшимъ, не превышающимъ 1,000—1,500 рублей.

Установленіе высокаго залога можетъ быть оправдываемо аргументами другого рода. Можно утверждать, что оно служитъ гарантіею серьезности журнальнаго предпріятія, что оно предохраняетъ журнальный міръ отъ наплыва людей, ничего не имѣющихъ и потому ничѣмъ не дорожащихъ—однимъ словомъ, можно видѣть въ немъ нѣчто въ родѣ *имущественнаго ценза* для журналистовъ. Такой взглядъ на систему залоговъ, высказанный, между прочимъ, при введеніи этой системы въ Пруссіи, въ 1850 году, кажется намъ вполнѣ ошибочнымъ и даже не вполнѣ искреннимъ. Между имущественнымъ цензомъ и системой залоговъ нѣтъ ни-

---

[1]) Взысканіе болѣе значительное возможно только въ одномъ случаѣ, конечно, крайне рѣдкомъ — въ случаѣ ненапечатанія періодическимъ изданіемъ предостереженія, сообщенія, опроверженія или судебнаго опредѣленія, подлежащаго напечатанію въ назначенный закономъ срокъ (улож. о наказ. ст. 1,033): за каждый день просрочки взыскивается двадцать пять рублей, но просрочка не можетъ продолжаться долѣе трехъ мѣсяцевъ, такъ какъ по истеченіи этого срока изданіе, неисполнившее законнаго требованія, прекращается; слѣдовательно сумма взысканія не можетъ превышать, даже для ежедневнаго изданія, 2300 рублей, т. е. не можетъ дойти и до половины требуемаго отъ него залога.

чего общаго уже потому, что внесеніе залога вовсе не доказываетъ личную состоятельность того, кѣмъ онъ внесенъ. Законъ не требуетъ и не можетъ требовать, чтобы вносимая въ качествѣ залога сумма принадлежала непремѣнно самому издателю журнала. Онъ можетъ взять ее въ долгъ на какихъ угодно условіяхъ и приступить къ изданію журнала съ чужими средствами, не имѣя никакого собственнаго имущества, не питая, слѣдовательно, и тѣхъ чувствъ, которыя обыкновенно приписываются собственникамъ. Но пойдемъ далѣе; предположимъ, что внесенный залогъ составляетъ собственность самого издателя [1]). Какъ человѣкъ преимущественно-коммерческій, издатель, конечно, заинтересованъ въ томъ, чтобы журналъ его не подвергался запрещенію, но не менѣе заинтересованъ и въ томъ, чтобы у журнала было побольше подписчиковъ. Если для привлеченія подписчиковъ нужна извѣстная доза оппозиціи, то издатель, въ бо̀льшей части случаевъ, не задумается отпустить эту дозу, хотя бы она и не была вполнѣ согласна съ тенденціями его, какъ приверженца охранительныхъ началъ. Еще чаще встрѣчается на практикѣ другой случай: издатель не принимаетъ никакого участія въ веденіи журнала, которое сосредоточено вполнѣ въ рукахъ редактора и его постоянныхъ сотрудниковъ. Здѣсь, очевидно, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-то сдерживающемъ, умѣряющемъ вліяніи залога, внесеннаго издателемъ. Чтобы быть послѣдовательнымъ, слѣдовало бы брать залогъ и съ редактора, и съ сотрудниковъ журнала; а къ какимъ результатамъ привела бы такая система — это не требуетъ объясненій.

Все сказанное нами до сихъ поръ относится къ залогамъ вообще; но въ Россіи установленіе ихъ представляется съ одной стороны менѣе нужнымъ, съ другой — болѣе неудобнымъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Оно менѣе нужно, потому что зависимость нашей печати отъ администраціи поддерживается и усиливается всѣми особенностями нашего государственнаго строя; оно болѣе неудобно, потому что наша печать располагаетъ гораздо меньшими матеріальными средствами, чѣмъ западно-европейская пресса. Если смотрѣть на залогъ, какъ на способъ пополненія денежныхъ взысканій, то необходимость его обусловливается исключительно судебнымъ преслѣдованіемъ проступковъ печати; административныя карательныя мѣры съ денежными штрафами не сопряжены. Наша періодическая пресса можетъ подвергаться, по закону, и административнымъ мѣрамъ взысканія, и судебному

---

[1]) Обязанность внести залогъ возложена нашимъ закономъ именно на издателя, а не на редактора,—что, впрочемъ, и вполнѣ естественно.

преслѣдованію; но на практикѣ послѣднее случается чрезвычайно рѣдко. Если исключить изъ числа рѣшенныхъ до сихъ поръ процессовъ печати всѣ дѣла, начатыя по жалобамъ частныхъ лицъ или присутственныхъ мѣстъ, то останется только *одно* преслѣдованіе, возбужденное главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати—преслѣдованіе «Современника» за статью г. Жуковскаго: «Вопросъ молодого поколѣнія» [1]), окончившееся присужденіемъ гг. Жуковскаго и Пыпина (какъ редактора) къ трехнедѣльному аресту. Во всѣхъ другихъ случаяхъ,—какъ мы уже имѣли случай замѣтить, говоря о судьбѣ газеты «Москва»,—администрація предпочитала давать предостереженія даже за такія статьи, въ которыхъ она находила прямое нарушеніе уголовныхъ законовъ о печати (неуважительные отзывы о законѣ, возбужденіе одного сословія противъ другого и т. п.). Къ чему же, спрашивается, существованіе залоговъ, если въ продолженіе трехъ лѣтъ не было ни одного случая присужденія журнала, за проступокъ *политическаго* свойства, къ денежному взысканію? Приписывать малочисленность процессовъ печати какимъ-нибудь случайнымъ причинамъ—было бы, по нашему мнѣнію, явною ошибкой; мы видимъ въ ней неизбѣжный результатъ господства системы административныхъ взысканій. Пока администрація будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи двѣ формы преслѣдованія проступковъ печати, она всегда будетъ обращаться предпочтительно къ той изъ нихъ, которая вполнѣ и безусловно отъ нея зависитъ и не требуетъ вмѣшательства посторонней власти.

Размѣръ залога, опредѣленный закономъ 6 апрѣля, заимствованъ, вѣроятно, изъ прусскаго законодательства о печати (у насъ maximum залога 5,000 руб., въ Пруссіи, 5,000 талеровъ). Но развѣ положеніе нашей печати выдерживаетъ какое-нибудь сравненіе съ положеніемъ прусской печати? У насъ шесть, семь тысячъ подписчиковъ составляютъ цифру, о которой напрасно мечтаетъ большинство даже самыхъ распространенныхъ журналовъ; въ Германіи нѣсколько десятковъ тысячъ подписчиковъ—явленіе весьма обыкновенное. «Gartenlaube», издаваемая въ Лейпцигѣ, расходится въ количествѣ слишкомъ двухсотъ тысячъ экземпляровъ. Количество объявленій, печатаемыхъ въ Германіи, достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ; въ «Кёльнской Газетѣ» они часто наполняютъ собою четыре страницы и даже болѣе. Вознагражденіе за литературный трудъ въ Германіи ниже, чѣмъ у насъ. Изданіе журнала въ западной Европѣ обѣщаетъ, слѣдова-

---

[1]) Мы говоримъ здѣсь только о *періодической* печати, а не о другихъ отдѣлахъ литературы, чаще вызывавшихъ судебное преслѣдованіе со стороны правительства.

тельно, гораздо больше выгодъ, чѣмъ въ Россіи, и сопряжено во всѣхъ отношеніяхъ съ гораздо меньшимъ рискомъ. Если прибавить къ этому изобиліе свободныхъ капиталовъ и сравнительную умѣренность процента, то легко понять, что для берлинскаго издателя внесеніе залога въ 5,000 талеровъ не представляетъ серьезныхъ затрудненій — чего никакъ нельзя сказать о залогѣ въ 5,000 рублей для нашихъ вновь основываемыхъ періодическихъ изданій. У насъ существуетъ сильное недовѣріе къ журнальнымъ предпріятіямъ — недовѣріе, поддерживаемое воспоминаніемъ о многихъ разнообразныхъ неудачахъ и катастрофахъ; достать деньги для такого предпріятія — задача трудная, часто невозможная. Всего грустнѣе то, что спекулянтъ, желающій примкнуть къ сонму органовъ такъ-называемой маленькой или мелкой прессы — прессы скандаловъ и сплетень — скорѣе найдетъ средства для основанія новаго журнала, чѣмъ добросовѣстный труженикъ, задумавшій серьезное политическое или литературное изданіе. Въ первомъ случаѣ больше шансовъ матеріальнаго успѣха, меньше шансовъ административной невзгоды — больше, слѣдовательно, гарантій и приманокъ для капиталиста, пускающаго въ оборотъ свои деньги. Однихъ издателей невозможность представить требуемый залогъ заставляетъ совершенно отказаться отъ основанія журнала, другихъ — подчиняться предварительной цензурѣ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ остаются безъ употребленія или напрасно тратятся силы, въ дѣятельности которыхъ нуждается наше общество. Выводъ изъ всего сказаннаго нами тотъ, что при дѣйствіи системы административныхъ взысканій залоги по меньшей мѣрѣ совершенно излишни, и что размѣръ ихъ не соотвѣтствуетъ ни нашимъ уголовнымъ законамъ о печати, ни положенію и средствамъ нашей періодической прессы *).

Постановленіе о розничной продажѣ періодическихъ изданій, ставящее ее въ зависимость отъ усмотрѣнія администраціи, состоялось лишь въ прошедшемъ году, въ дополненіе къ закону 6 апрѣля. Въ основаніи его, очевидно, лежитъ предположеніе, что печать все еще недостаточно подчинена администраціи, что власть администраціи надъ печатью должна быть не уменьшена, а увеличена, что необузданность печати требуетъ новыхъ, чрезвычайныхъ мѣръ къ ея укрощенію. Откуда возникло такое предположеніе—этого мы объяснить не беремся; въ нашихъ глазахъ оно противорѣчитъ всѣмъ фактамъ, представляемымъ исторіею

*) О томъ, какой результатъ принесла система залоговъ во Франціи, см. выше, въ статьѣ: «Биржевой Олимпъ», на стр. 627 и слѣд. — *Ред.*

печати за послѣдніе три года. Правда, французская администрація также имѣетъ право запрещать розничную продажу періодическаго изданія; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что во Франціи уничтожена система административныхъ взысканій и что большинство французскихъ газетъ прямо враждебно правительству. Само собою разумѣется, что ни то, ни другое не оправдываетъ права, предоставленнаго французской администраціи относительно розничной продажи журналовъ; мы хотѣли только напомнить еще разъ, что примѣръ Франціи ничего не доказываетъ въ отношеніи къ Россіи. Всѣ соображенія, приведенныя нами противъ системы административныхъ взысканій, вполнѣ примѣнимы и къ праву администраціи запрещать, по своему усмотрѣнію, розничную продажу періодическаго изданія. И здѣсь администрація является судьею въ собственномъ дѣлѣ, судьею безапелляціоннымъ и безотчетнымъ; и здѣсь карательная мѣра падаетъ не только на виновнаго, но и на невинныхъ; и здѣсь суду и наказанію не предшествуетъ защита. По матеріальному вреду, имъ приносимому, запрещеніе розничной продажи, конечно, должно быть названо мѣрою болѣе легкою, чѣмъ предостереженія, если за ними слѣдуетъ временная пріостановка журнала; но съ другой стороны, предостереженія имѣютъ передъ запрещеніемъ розничной продажи нѣкоторыя довольно важныя преимущества. Въ предостереженіи объясняются мотивы, которыми оно вызвано, или, по крайней мѣрѣ, указывается статья, противъ которой оно направлено. Отсюда возможность критики, конечно, весьма ограниченная, но все-таки существующая; отсюда, хоть иногда, возможность догадаться, о какихъ вопросахъ слѣдуетъ говорить съ особою осторожностью. Запрещеніе розничной продажи объявляется безъ указанія причинъ: ни періодическое изданіе, ему подвергшееся, ни другіе журналы, ни публика — не знаютъ, чему приписать строгость администраціи. Первое, даже второе предостереженіе, само по себѣ взятое, можетъ обойтись для журнала безъ особенно вредныхъ послѣдствій; запрещеніе розничной продажи не имѣетъ приготовительныхъ степеней, постигаетъ журналъ внезапно, неожиданно, и сразу наноситъ тяжелый ударъ его интересамъ. Розничная продажа газетъ появилась у насъ весьма недавно, но пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры; запрещеніе ея, слѣдовательно, становится и будетъ становиться все болѣе и болѣе чувствительнымъ для журнала. Съ теченіемъ времени оно можетъ обратиться изъ карательной мѣры въ мѣру поощренія и поддержки *благонамѣренныхъ* періодическихъ изданій. Такою опасностью не угро-

жаетъ, или угрожаетъ въ гораздо меньшей степени, даже система административныхъ предостереженій.

Такова общая картина, представляемая современнымъ положеніемъ нашей періодической печати. Утѣшительныхъ сторонъ въ ней меньше, чѣмъ печальныхъ. Незавидна участь того, кто задумалъ основать періодическое изданіе. Кромѣ значительныхъ денежныхъ средствъ, которыхъ требуетъ всякое подобное предпріятіе, онъ долженъ добыть нѣсколько тысячъ рублей, для обращенія ихъ въ непроизводительный и никому не нужный залогъ, и платить за нихъ болѣе или менѣе обременительные проценты. Можетъ быть, всѣ его хлопоты останутся тщетными; можетъ быть, его просьба о разрѣшеніи журнала будетъ отклонена министерствомъ, и онъ не будетъ даже имѣть утѣшенія знать, что̀ послужило основаніемъ отказа. Но положимъ, что первый фазисъ дѣла окончился для него благополучно: онъ получилъ разрѣшеніе издавать журналъ, и притомъ безъ предварительной цензуры. Здѣсь начинается рядъ нескончаемыхъ тревогъ и затрудненій, отъ которыхъ свободны только счастливцы, плывущіе по теченію, съ постояннымъ попутнымъ вѣтромъ. Не говоримъ уже о разныхъ скрытыхъ подводныхъ камняхъ, хотя обходъ ихъ требуетъ большаго искусства, и лицевая сторона дѣла далеко не розоваго цвѣта. Кто изъ редакторовъ, прочитавъ корректуру своей газеты, можетъ заснуть съ увѣренностью въ томъ, что завтрашнее утро не принесетъ ему грозной вѣсти о предостереженіи? Кто изъ нихъ, составляя смѣту своихъ доходовъ, можетъ ручаться за то, что изъ нея не исчезнетъ статья розничной продажи? При полной зависимости отъ администраціи, въ журнальномъ дѣлѣ нѣтъ вѣрныхъ разсчетовъ, нѣтъ прочнаго будущаго; вездѣ и во всемъ неизвѣстность, столь вредная для всякаго предпріятія. «Служенье Музъ не терпитъ суеты», сказалъ поэтъ; служеніе обществу путемъ печатнаго слова не терпитъ постояннаго ожиданія какихъ-то непредвидѣнныхъ и неотвратимыхъ бѣдствій, постоянной заботы о формѣ, когда нужно думать о сущности дѣла.

III.

Непеtріодическая литература.—Сочиненія, освобожденныя отъ предварительной цензуры.—Спеціальныя цензуры: духовная, театральная и иностранная.

Неперіодическая литература раздѣлена закономъ 6-го апрѣля на два отдѣла, изъ которыхъ одинъ освобожденъ и отъ предварительной цензуры и отъ административныхъ взысканій, а другой безусловно подчиненъ предварительной цензурѣ. Къ первому отдѣлу принадлежатъ издаваемыя въ столицахъ оригинальныя сочиненія, объемъ которыхъ не менѣе десяти, и переводныя сочиненія, объемъ которыхъ не менѣе двадцати нечатныхъ листовъ; ко второму отдѣлу—всѣ остальныя сочиненія. Въ сравненіи съ прежнимъ, новый порядокъ вещей представляетъ огромныя достоинства и удобства: еслибы законъ 6-го апрѣля ограничился одною этою реформою, онъ все-таки послужилъ бы началомъ новой, болѣе счастливой эпохи въ исторіи нашей литературы. Множество сочиненій (въ особенности переводныхъ), составляющихъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе для нашего общества, могли появиться въ свѣтъ только благодаря закону 6-го апрѣля. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы новое положеніе дѣлъ, созданное этимъ закономъ для неперіодической литературы, было вполнѣ удовлетворительно и нормально. Разсмотримъ сначала самую характеристическую черту его—раздѣленіе литературы на два разряда, полноправный и (сравнительно) безправный. Въ основаніи этого раздѣленія лежитъ явное недовѣріе къ сочиненіямъ небольшого объема—недовѣріе, проявлявшееся и проявляющееся, впрочемъ, не въ одной Россіи. Когда Фридрихъ-Вильгельмъ IV-й, въ первые годы своего царствованія (1842 годъ), задумалъ облегчить положеніе литературы, онъ освободилъ отъ предварительной цензуры только тѣ сочиненія, объемъ которыхъ превышалъ двадцать печатныхъ листовъ. Въ настоящее время эти сочиненія должны быть представляемы въ мѣстную полицію за 24 часа до выпуска ихъ въ свѣтъ, чего не требуется отъ сочиненій бо̀льшаго объема (законъ 12 мая 1851 г., ст. 5). Во Франціи существуетъ до сихъ поръ другая мѣра предосторожности противъ сочиненій небольшого объема: они обложены штемпельнымъ сборомъ, подобно періодическимъ изданіямъ [1]). Чѣмъ меньше сочиненіе по объему, тѣмъ

[1]) До 1868 года, этотъ сборъ составлялъ 6 сантимовъ съ листа и распространялся на всѣ сочиненія, въ которыхъ менѣе десяти печатныхъ листовъ. Новый законъ о печати, изданный въ прошедшемъ году, понизилъ его до 4 сантимовъ и ограничилъ примѣненіе его сочиненіями, въ которыхъ менѣе 6 листовъ.

оно доступнѣе по цѣнѣ, въ большей части случаевъ—и по содержанію; чѣмъ доступнѣе сочиненіе, тѣмъ обширнѣе его вліяніе—а обширность вліянія, съ точки зрѣнія извѣстной политической доктрины, прямо пропорціональна опасности, которою угрожаетъ сочиненіе. Въ особенности опасными представляются, для послѣдователей этой доктрины, сочиненія, предназначенныя для народа. Кто считаетъ народъ, съ одной стороны, взрослымъ ребенкомъ, требующимъ строгой и бдительной опеки, съ другой стороны—громадной силой, одинаково легко подвигаемой къ самымъ противоположнымъ цѣлямъ, тотъ конечно не можетъ помириться съ мыслью о сколько-нибудь независимой народной литературѣ.

Мы не раздѣляемъ этого взгляда; мы убѣждены, что для предупрежденія того вреда, который безспорно можетъ принести дурно направленная народная литература, вполнѣ достаточно подчиненіе ея суду, на общемъ основаніи; мы думаемъ, что при разсмотрѣніи каждаго отдѣльнаго сочиненія судъ можетъ обращать вниманіе, между прочимъ, и на то, для какой части общества оно предназначено, и сообразоваться съ этимъ при произнесеніи приговора. Подробно развивать эту мысль мы не будемъ, потому что въ настоящую минуту это было бы дѣломъ совершенно излишнимъ; мы остановимся на другой сторонѣ вопроса и попробуемъ опредѣлить, при какихъ условіяхъ становится—если не необходимой, то по крайней мѣрѣ понятной удвоенная строгость надзора надъ печатью. Одинъ изъ аргументовъ въ пользу установленія такого надзора надъ всѣми сочиненіями небольшого объема заключается въ томъ, что они имѣютъ много общаго съ періодическою печатью, что они расходятся такъ же быстро, читаются такъ же легко и дѣйствуютъ также сильно, какъ и газеты. Противъ этого слѣдуетъ возразить, что главная сила газетѣ коренится вовсе не въ небольшомъ ихъ объемѣ или дешевой цѣнѣ, а въ ихъ періодичности, въ постоянномъ возвращеніи къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ, повтореніи однѣхъ и тѣхъ же мыслей, въ довѣріи, которое онѣ постепенно внушаютъ своимъ читателямъ, въ обаяніи привычки, которое онѣ надъ ними пріобрѣтаютъ. Неперіодическія изданія, даже самыя небольшія, не располагаютъ ни однимъ изъ этихъ средствъ вліянія; логично ли оставлять ихъ подъ цензурой, отъ которой освобождена большая часть періодической прессы? Правда, періодическая пресса подчинена системѣ административныхъ взысканій; но она подчинена ей только на время переходной эпохи, конецъ которой по всей вѣроятности уже близокъ. Другимъ и самымъ главнымъ аргументомъ противъ освобожденія отъ цензуры сочиненій небольшого объема служитъ сравнительно-дешевая цѣна ихъ. Намъ кажется, что этотъ

аргументъ грѣшитъ больше всего своею непримѣнимостью къ Россіи. Еслибы привычка и охота къ чтенію были у насъ распространены такъ же сильно, какъ въ Германіи или во Франціи, тогда можно было бы утверждать, что дешевыя книги найдутъ цѣлыя массы читателей, проникнутъ въ низшіе слои народа и произведутъ тамъ дѣйствіе тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ меньше развита въ народѣ критическая способность. Но народъ читаетъ у насъ очень мало, и читаетъ при томъ почти исключительно книги извѣстнаго содержанія — духовнаго, сказочнаго и т. д. Тратитъ онъ на покупку книгъ только самыя ничтожныя суммы. Можно сказать утвердительно, что книга въ 50, 40, даже 25 или 20 копѣекъ по цѣнѣ недоступна для народа. Изданія, расходящіяся въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, продаются по 5 коп. или еще меньшей цѣнѣ; но такія изданія не входятъ, собственно говоря, въ сферу настоящей литературы. При тѣхъ цѣнахъ, которыя существуютъ въ нашей книжной торговлѣ, оригинальное сочиненіе въ 5 — 10 печатныхъ листовъ рѣдко стоитъ дешевле 50 коп. — 1 рубля; переводное сочиненіе въ двадцать листовъ конечно не менѣе 1 р. 25 коп. или 1 р. 50 коп. Можно ли послѣ того утверждать, что подобныя сочиненія издаются для народа и расходятся въ его средѣ? Мы увѣрены, что огромное большинство книгъ, стоющихъ болѣе 25 коп., печатается въ количествѣ не свыше двухъ-трехъ тысячъ экземпляровъ, т. е. въ такомъ количествѣ, которое указываетъ уже само по себѣ, что изданіе предназначается для круга читателей не слишкомъ обширнаго. Если наше предположеніе справедливо, то гдѣ же основанія къ принятію особенныхъ мѣръ предосторожности противъ всѣхъ сочиненій, содержащихъ въ себѣ менѣе десяти печатныхъ листовъ? Неужели недостаточно было бы ограничить дѣйствіе этихъ мѣръ—если и признать въ принципѣ ихъ необходимость—сочиненіями, стоющими не болѣе 20 — 25 копѣекъ, или заключающими въ себѣ не болѣе двухъ — трехъ печатныхъ листовъ? При такомъ положеніи дѣлъ народная литература осталась бы въ тѣсной зависимости отъ администраціи, но изъ-за нея не приходилось бы, по крайней мѣрѣ, страдать другимъ отдѣламъ литературы, предназначаемымъ для другихъ классовъ общества. Сочинителю, желающему познакомить публику съ результатомъ своихъ изслѣдованій по какому-нибудь отдѣльному вопросу науки, незачѣмъ было бы наполнять свое разсужденіе безполезными фразами, чтобы только растянуть его на желанное количество печатныхъ листовъ. Между иностранными сочиненіями объ одномъ и томъ же предметѣ можно было бы выбирать для перевода болѣе удовлетворительное, а не болѣе длинное. Замѣтимъ въ заключеніе, что

для насъ не совсѣмъ ясны причины различія, сдѣланнаго закономъ между сочиненіями оригинальными и переводными. Если оно было вызвано желаніемъ поощрить оригинальные ученые труды, то нельзя не сочувствовать цѣли законодателя; но вѣдь и переводная литература заслуживаетъ поощренія, въ виду сравнительной бѣдности нашей отечественной литературы по многимъ отдѣламъ науки. Если оно было вызвано убѣжденіемъ, что между иностранными сочиненіями больше сочиненій *опасныхъ*, то съ этой точки зрѣнія нѣтъ, кажется, существенной разницы между сочиненіемъ въ пятнадцать и сочиненіемъ въ двадцать пять листовъ; репрессивныя мѣры, которыми располагаетъ правительство, въ обоихъ случаяхъ одинаково легко могутъ привести къ желанной цѣли.

Сочиненіе, напечатанное безъ предварительной цензуры, можетъ быть выпущено въ свѣтъ не прежде, какъ по истеченіи трехдневнаго срока съ полученія росписки въ принятіи его цензурнымъ комитетомъ. Въ тѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда по значительности вреда, предусматриваемаго отъ распространенія противузаконнаго сочиненія (или повременнаго изданія), наложеніе ареста не можетъ быть отложено до судебнаго о томъ приговора, совѣту Главнаго управленія по дѣламъ печати и цензурнымъ комитетамъ предоставляется право немедленно остановить выпускъ въ свѣтъ этого сочиненія, не иначе, впрочемъ, какъ начавъ въ тоже самое время судебное преслѣдованіе противъ виновнаго (законъ 6 апрѣля гл. III. отд. I, ст. 13 и 14). Это право администраціи должно быть признано чрезвычайно важнымъ и исключительнымъ. По прусскому закону арестъ на изданіе можетъ быть наложенъ не прежде, какъ по выпускѣ его въ свѣтъ. Принятіе этой мѣры зависитъ отъ мѣстной полиціи, которая въ данномъ случаѣ считается органомъ обвинительной власти. Распоряженіе полиціи въ продолженіи 24 часовъ должно быть представлено на разсмотрѣніе государственной прокуратуры, которая или снимаетъ арестъ, или въ продолженіе 24 часовъ сообщаетъ дѣло суду, а судъ въ свою очередь обязанъ въ продолженіе 8 дней постановить опредѣленіе о снятіи ареста или оставленіи его въ силѣ до окончательнаго судебнаго рѣшенія (законъ 12 мая 1851 г., ст. 29 и 31). Въ нашемъ законѣ не установлено никакихъ правилъ этого рода. Арестъ, наложенный администраціей, можетъ быть снятъ только въ случаѣ прекращенія дѣла или при произнесеніи судомъ окончательнаго рѣшенія по существу процесса. Отсюда возможность предварительнаго ареста, продолжающагося годъ и даже больше. Объ этомъ ненормальномъ явленіи, мы будемъ имѣть случай поговорить подробнѣе въ

главѣ о судопроизводствѣ по дѣламъ печати. Устранить подобную медленность могло бы только назначеніе сроковъ, въ продолженіе которыхъ вопросъ объ арестѣ долженъ быть представленъ на разсмотрѣніе судебной власти и разрѣшенъ ею, не ожидая приговора по существу дѣла. Для администраціи такой порядокъ вещей не представлялъ бы никакихъ серьезныхъ затрудненій, а положеніе печати было бы имъ улучшено весьма существенно. Въ настоящее время наложеніе ареста не всегда совпадаетъ съ началомъ судебнаго преслѣдованія; между тѣмъ и другимъ проходитъ иногда промежутокъ времени довольно значительный, а иногда судебное преслѣдованіе и не начинается вовсе (арестъ, въ такихъ случаяхъ, конечно, снимается). И это уклоненіе отъ смысла закона сдѣлается невозможнымъ только тогда, когда будутъ установлены упомянутые нами сроки.

Законъ 6 апрѣля 1865 года, ограничивъ кругъ дѣйствій предварительной цензуры, оставилъ въ силѣ постановленія о духовной цензурѣ, сохранилъ театральную цензуру и вовсе не коснулся цензуры иностранной. Разсмотрѣнію духовной цензуры подлежатъ по закону (уст. ценз. ст. 37) сочиненія и статьи собственно духовнаго содержанія, т. е. заключающія въ себѣ изложеніе догматовъ вѣры, толкованіе священнаго писанія, проповѣди и т. п. Книги, относящіяся къ нравственности вообще—сказано дальше въ цензурномъ уставѣ (ст. 38 и 39),—даже и тѣ, въ которыхъ разсужденія будутъ подкрѣпляемы ссылками на священное писаніе или приведеніемъ изъ него словъ, подлежатъ разсмотрѣнію свѣтской цензуры. Но если въ сочиненіи нравственномъ встрѣчаются мѣста совершенно духовнаго содержанія, относящіяся или къ догматамъ вѣры, или къ священной исторіи, то свѣтская цензура передаетъ ихъ, отдѣльно отъ прочаго, на разсмотрѣніе духовной цензуры. Свѣтской цензурѣ предоставлено было входить въ сношеніе съ духовною цензурою всякій разъ, когда могло возникнуть сомнѣніе, не подлежитъ ли книга, въ цѣлости или отчасти, разсмотрѣнію духовной цензуры, хотя бы по прямому закону она и должна была поступить на разсмотрѣніе одной свѣтской цензуры.

Пока предварительная цензура распространялась на всѣ сочиненія безразлично, примѣненіе этого закона не могло возбуждать никакихъ серьезныхъ затрудненій; разрѣшеніе вопроса о томъ, что̀ именно подлежитъ вѣдомству духовной цензуры, зависѣло отъ усмотрѣнія цензора, и малѣйшее сомнѣніе по этому предмету было достаточнымъ поводомъ къ отсылкѣ сомнительныхъ мѣстъ или книгъ въ духовную цензуру. Чтобы судить о томъ, какъ легко возникали подобныя сомнѣнія, достаточно припомнить, что значительная часть второго тома «Исторіи

цивилизаціи въ Англіи», Бокля, — въ которой огромное большинство читателей конечно не замѣтило ни одного мѣста «совершенно духовнаго содержанія»,—была разсмотрѣна духовною цензурою. Но съ изданіемъ закона 6-го апрѣля, въ этомъ положеніи дѣлъ неизбѣжно должна была произойти существенная перемѣна; неизбѣжно долженъ былъ возникнуть вопросъ, на комъ же лежитъ обязанность выдѣлять изъ сочиненій, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры, мѣста сомнительныя, могущія подлежать духовной цензурѣ? Рѣшеніемъ с.-петербургскаго окружнаго суда, по дѣлу объ изданіи г. Гайдебуровымъ книги Вундта: «Душа человѣка и животныхъ», была сдѣлана попытка возложить эту обязанность на сочинителя или издателя книги; судебная палата пошла даже еще дальше и признала, что въ подобныхъ случаяхъ разсмотрѣнію духовной цензуры подлежатъ не отдѣльныя мѣста книги, а вся книга, въ цѣломъ ея объемѣ. Но правительствующій сенатъ, въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда, взглянулъ на дѣло совершенно иначе. «Съ освобожденіемъ отъ предварительной цензуры сочиненій и переводовъ извѣстнаго объема — сказано въ рѣшеніи сената по дѣлу г. Гайдебурова, одинаково образцовомъ и по содержанію, и по формѣ [1]), — указъ 6 апрѣля 1865 г. возложилъ на отвѣтственность сочинителей и переводчиковъ представленіе ихъ изданій въ цензуру въ томъ случаѣ, когда книга, независимо отъ ея объема, подлежитъ по содержанію своему духовной цензурѣ,— и эта отвѣтственность понятна, когда книга заключаетъ въ себѣ мѣста совершенно духовнаго содержанія, относящіяся къ догматамъ христіанской вѣры или къ священной исторіи, такъ какъ въ опредѣленіи этого значенія книги не можетъ быть никакихъ недоразумѣній. Но нельзя подвергать сочинителя или переводчика отвѣтственности за непредставленіе въ цензуру такой книги, которая могла лишь возбудить сомнѣніе, на счетъ болѣе или менѣе прямого отношенія ея къ предметамъ, подлежащимъ духовной цензурѣ, такъ какъ сомнѣніе зависитъ отъ личнаго воззрѣнія на предметъ и внутренняго убѣжденія судящаго лица. Еслибы указъ 6 апрѣля 1865 года, опредѣляя сочиненія, переводы *и мѣста въ нихъ*, изъятыя изъ его дѣйствія, подразумѣвалъ подъ послѣдними словами не только мѣста совершенно духовнаго содержанія, подлежавшія и прежде безусловно духовной цензурѣ, но даже и такія мѣста, которыя, по болѣе или менѣе

---

[1]) Сборникъ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената 1867 года, № 491 (Изданіе Я. И. Утина т. I. стр. 383, подъ ст. 889 уст. угол. судопр.).

прямому отношенію ихъ къ предметамъ духовнымъ могли возбудить сомнѣніе на счетъ ихъ зависимости отъ духовной цензуры,—въ такомъ случаѣ тѣ облегченія и удобства, которыя дарованы отечественной печати общимъ правиломъ означеннаго указа, были бы парализованы изъятіемъ изъ этого правила. Нѣтъ почти научнаго сочиненія, которое не имѣло бы прямого или косвеннаго отношенія къ предметамъ духовнымъ, а вслѣдствіе того ни одинъ сочинитель или переводчикъ не могъ бы имѣть полной увѣренности, что онъ не будетъ привлеченъ къ отвѣтственности за непредставленіе его сочиненія или перевода въ цензуру. Поэтому, такое толкованіе закона привело бы неминуемо издателей научныхъ сочиненій къ представленію ихъ изданій на разсмотрѣніе предварительной цензуры, во избѣжаніе грозящей имъ отвѣтственности за нарушеніе обязанностей, нигдѣ съ точностью неопредѣленныхъ. Такимъ образомъ, указъ 6 апрѣля 1865 года какъ бы не существовалъ для научныхъ сочиненій, въ которыхъ вездѣ, гдѣ дѣйствуетъ цензура, свобода мысли подвергается обыкновенно наименьшимъ ограниченіямъ. Очевидно, что не таковъ истинный разумъ указа 6 апрѣля 1865 года... Одно изъ главныхъ правилъ толкованія закона, возбуждающаго какія-либо недоразумѣнія, состоитъ въ томъ, чтобы не приписывать закону никакихъ неудобоисполнимыхъ требованій; а можно ли считать удобоисполнимымъ требованіе, чтобы сочинители и переводчики предугадывали цензурныя сомнѣнія, какія ихъ книга можетъ возбудить... При существованіи двойной гарантіи: 1) судебнаго преслѣдованія за дерзкія сужденія, заключающія въ себѣ преступленія противъ вѣры; и 2) отсылки каждаго сочиненія, напечатаннаго безъ предварительной цензуры, въ цензурный комитетъ, и удержанія его въ типографіи въ теченіи трехъ сутокъ, съ правомъ цензурнаго управленія остановить немедленно выпускъ въ свѣтъ вреднаго сочиненія и начать судебное преслѣдованіе,—законъ не имѣлъ никакой надобности прибѣгать къ неудобоисполнимому требованію, чтобы сочинители и переводчики предугадывали возможность сомнѣнія цензуры относительно дозволительности какихъ-либо сужденій по предметамъ вѣры. Слѣдовательно, при отсутствіи въ законѣ положительнаго указанія на такое требованіе, не представляется никакого основанія его предполагать». По всѣмъ этимъ соображеніямъ правительствующій сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе уголовнаго департамента с.-петербургской судебной палаты, и передалъ дѣло на разсмотрѣніе другого департамента этой же палаты, рѣшеніемъ котораго г. Гайдебуровъ былъ оправданъ, и книга Вундта освобождена отъ наложеннаго на нее ареста.

Рѣшеніе правительствующаго сената по дѣлу г. Гайдебурова устранило одно изъ самыхъ важныхъ затрудненій, къ которымъ могло привести одновременное дѣйствіе закона 6 апрѣля и постановленій о духовной цензурѣ; но оно не устранило и не могло устранить другихъ неудобствъ, неизбѣжныхъ при этой двойственной системѣ. При существованіи прежняго порядка, издателямъ незачѣмъ было заботиться о разграниченіи областей духовной и свѣтской цензуры: это было дѣло самой цензуры, разрѣшавшей всѣ вопросы, которые могли возникать относительно ея компетентности. Представленіе въ духовную цензуру книги, ей неподвѣдомственной, имѣло послѣдствіемъ только отсылку книги въ свѣтскую цензуру, и на оборотъ. Теперь обязанность опредѣлять, что̀ именно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, должно признавать книгой или мѣстомъ совершенно духовнаго содержанія,—лежитъ на самомъ издателѣ книги. Съ одной стороны, это совершенно естественно и даже выгодно для печати; предоставить сужденіе о характерѣ книги цензурному комитету, значило бы возстановить, косвенно, дѣйствіе предварительной цензуры, потому что комитетъ почти всегда могъ бы найти въ книгѣ что-нибудь подлежащее разсмотрѣнію духовной цензуры. Но съ другой стороны положеніе издателя, поставленнаго судьею надъ характеромъ издаваемой имъ книги, довольно затруднительно. Что́ слѣдуетъ понимать подъ книгой или мѣстомъ совершенно духовнаго содержанія — это вопросъ далеко не простой и не легкій, и въ этомъ отношеніи мы позволяемъ себѣ не соглашаться съ мнѣніемъ правительствующаго сената, признающаго, что въ опредѣленіи значенія книги (именно съ точки зрѣнія, о которой теперь идетъ рѣчь) не можетъ быть никакихъ недоразумѣній. Въ цензурномъ уставѣ (ст. 37), мы находимъ опредѣленіе сочиненій и статей *собственно* (или *совершенно*) *духовнаго содержанія*, но опредѣленіе весьма неполное и неточное (*изложеніе догматовъ вѣры, толкованія священнаго писанія, проповѣди*), не исчерпывающее предмета, а имѣющее скорѣе характеръ разъясненія, примѣра, на что указываютъ и прибавленныя къ нему слова: и *тому подобное*. Въ другой статьѣ цензурнаго устава (ст. 38), мѣстами совершенно духовнаго содержанія называются мѣста, относящіяся къ догматамъ вѣры или къ священной исторіи; и это опредѣленіе не точнѣе предъидущаго. Положимъ, что въ серьёзномъ историческомъ сочиненіи обсуждается законодательство Моисея сравнительно съ другими, ему современными; считать такое разсужденіе мѣстомъ *совершенно духовнаго содержанія* конечно нѣтъ ни малѣйшаго

повода,—а между тѣмъ оно касается событій, о которыхъ повѣствуетъ священная исторія. Въ другомъ историческомъ сочиненіи излагается подробное ученіе Лютера о благодати, съ чисто-научной точки зрѣнія, т. е. съ цѣлью показать, какія обстоятельства способствовали его появленію и успѣху, какія опоры оно нашло для себя въ прошедшемъ Германіи, въ какой степени оно удовлетворяло потребностямъ нѣмецкаго общества; будетъ ли это изложеніе мѣстомъ совершенно духовнаго содержанія, потому только, что въ немъ говорится о догматахъ, образующихъ часть ученія православной церкви? Какъ въ 37-ой, такъ и въ 38-ой статьѣ, говорится только о *догматахъ вѣры*; но осторожно ли поступилъ бы писатель, который, основываясь на этомъ, не представилъ бы въ духовную цензуру сочиненія о какомъ-либо изъ церковныхъ обрядовъ? Вотъ почему мы думаемъ, что постановленія о духовной цензурѣ — если не будетъ признано возможнымъ приступить къ совершенной ихъ отмѣнѣ, по примѣру всѣхъ западно-европейскихъ государствъ — требовали бы пересмотра и согласованія съ закономъ 6 апрѣля. Кругъ дѣйствій духовной цензуры слѣдовало бы опредѣлить точнѣе и ограничить болѣе тѣсными предѣлами. Проповѣди, молитвенники, богослужебныя книги, изложенія и парафразы св. писанія—вотъ *совершенно* духовная сфера, которой можетъ соотвѣтствовать и исключительно-духовное учрежденіе. Разрѣшеніе споровъ о духовномъ или свѣтскомъ характерѣ сочиненія должно было бы быть предоставлено судебной власти.

О театральной цензурѣ мы говорить не будемъ, потому что возможность ея отмѣны представляется намъ чѣмъ-то еще слишкомъ отдаленнымъ; она существуетъ еще почти во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ. Что касается до цензуры иностранной, то необходимость преобразованія ея чувствуется всѣми и признана, кажется, самимъ правительствомъ. О мелкихъ неудобствахъ, съ нею сопряженныхъ, было въ послѣднее время много говорено въ нашихъ журналахъ и газетахъ. Мы укажемъ только на порядокъ, существующій въ Пруссіи—порядокъ, примѣненіе котораго, если не ко всѣмъ иностраннымъ изданіямъ, то покрайней мѣрѣ къ большей ихъ части, было бы вполнѣ возможно и у насъ въ Россіи. По прусскому закону, иностранныя сочиненія, признаваемыя вредными, подвергаются аресту на общемъ основаніи, и окончательное уничтоженіе ихъ можетъ воспослѣдовать только въ силу судебнаго приговора. Если судебный приговоръ состоялся противъ повременнаго изданія, то министерство внутреннихъ дѣлъ можетъ запретить

дальнѣйшій ввозъ его въ Пруссію [1]). Примѣру Пруссіи послѣдовали многія другія нѣмецкія государства.

IV.

Уголовные законы о печати. — Постановленія прежняго времени: преступленія противъ вѣры, преступленія государственныя. — Проступки печати въ тѣсномъ смыслѣ слова.—Нарушенія цензурныхъ и другихъ подобныхъ правилъ.— Запрещеніе повременнаго изданія по судебному приговору.—Понятія о приготовленіи и покушеніи въ примѣненіи къ проступкамъ печати. — Лица, отвѣтственныя за проступки печати.

До 1865 года, при господствѣ предварительной цензуры, у насъ почти вовсе не существовало уголовныхъ законовъ о печати. Преступленіе печати представлялось чѣмъ-то исключительнымъ, возможнымъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, и наказуемымъ наравнѣ со всякимъ другимъ проявленіемъ противузаконной мысли. За всѣ нарушенія цензурнаго устава долженъ былъ отвѣчать цензоръ, а не издатель или авторъ (хотя на практикѣ и случались отступленія отъ этого правила: достаточно припомнить запрещеніе «Современника» и «Русскаго Слова» въ 1862 году, «Времени» въ 1863 г., «Телескопа» и «Европейца»— еще въ тридцатыхъ годахъ). Послѣдніе привлекались къ отвѣтственности только за сочиненія, направленныя противъ основныхъ началъ государственнаго и церковнаго устройства—сочиненія, напечатанныя тайно, безъ цензуры; намъ неизвѣстенъ, по крайней мѣрѣ, ни одинъ случай формальнаго суда, при старомъ порядкѣ вещей, надъ сочиненіемъ или повременнымъ изданіемъ, вышедшимъ въ свѣтъ съ разрѣшенія цензуры, хотя законъ и предвидѣлъ возможность такого случая (улож. о наказ. изд. 1866 г. ст. 1,004, изд. 1857 г. ст. 1,361). Отсюда крайняя строгость уголовныхъ законовъ о преступленіяхъ печати, вошедшихъ въ составъ уложенія 1845 г. и сохранившихъ свою силу до настоящаго времени. За богохуленіе, поношеніе святыхъ господнихъ, порицаніе христіанской вѣры или православной церкви, ругательства надъ св. писаніемъ и св. таинствами, назначена закономъ ссылка на поселеніе въ Сибири (улож. о наказ. ст. 181); за попытку совратить православныхъ въ другое вѣроисповѣданіе, еретическую секту или раскольническій толкъ—

---

[1]) См. Прусскій законъ о печати, законъ 12 мая 1851 г. ст. 52 и комментарій къ нему Тило (Das preussische gesetz über die Presse, herausgegeben von G. Thilo. Berlin, 1867), стр. 157 и слѣд.

заключеніе въ смирительномъ домѣ, съ потерей нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ (ст. 189); за составленіе и распространеніе сочиненій, имѣющихъ цѣлью возбудить неуваженіе къ верховной власти, или же къ личнымъ качествамъ государя, или къ управленію его государствомъ, а также сочиненій, оскорбительныхъ для членовъ императорскаго дома — ссылка въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, на время отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ (ст. 245 и 248); за составленіе и распространеніе сочиненій, имѣющихъ цѣлью возбудить бунтъ или явное неповиновеніе верховной власти—ссылка въ каторжную работу въ крѣпостяхъ, на время отъ восьми до десяти лѣтъ (ст. 251); за составленіе и распространеніе сочиненій, подвергающихъ сомнѣнію или спору неприкосновенность правъ верховной власти, или дерзко порицающихъ установленный образъ правленія или порядокъ наслѣдія престола—ссылка въ каторжную работу на заводахъ, на время отъ четырехъ до шести лѣтъ (ст. 252); за составленіе и распространеніе сочиненій, возбуждающихъ къ противодѣйствію или сопротивленію властямъ—ссылка въ Сибирь на поселеніе (ст. 274). Чтобы судить о строгости этихъ законовъ, достаточно сличить ихъ съ постановленіями французскаго и прусскаго законодательствъ, также далеко не снисходительныхъ къ преступленіямъ печати. Во Франціи законъ 17-го мая 1819 года назначилъ за оскорбленіе величества заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до пяти лѣтъ и денежный штрафъ отъ 500 до 10,000 франковъ. Законъ 9-го сентября 1835 года, изданный вслѣдствіе покушенія Фіески на жизнь Людовика-Филиппа, увеличилъ это наказаніе до заключенія въ крѣпости, на время отъ 5 до 20 лѣтъ и денежнаго штрафа отъ 10 до 50 тысячъ франковъ, если оскорбленіе имѣло цѣлью возбудить ненависть или презрѣніе къ лицу короля или къ его конституціонной власти. На томъ же основаніи наказываются и нападенія противъ принципа или формы правленія, если они имѣютъ цѣлью низверженіе правительства; въ противномъ случаѣ, наказаніе за эти нападенія ограничивается заключеніемъ въ тюрьмѣ отъ трехъ мѣсяцевъ до пяти лѣтъ, и денежнымъ штрафомъ отъ 300 до 6,000 франковъ. За оскорбленіе членовъ царствующаго дома назначено заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ одного мѣсяца до трехъ лѣтъ, въ соединеніи съ денежнымъ штрафомъ отъ 100 до 5,000 франковъ. Преступленіемъ противъ вѣры законъ 25 марта 1822 года, изданный во время господства клерикальной партіи, признавалъ только поруганіе (outrage) или осмѣяніе (dérision) вѣры, и назначалъ за это заключеніе въ тюрьмѣ, на время отъ трехъ мѣсяцевъ до

пяти лѣтъ и денежный штрафъ отъ 300 до 6,000 франковъ. По прусскому уголовному кодексу, изданному 14 апрѣля 1851 года, т. е. во время торжества реакціи—оскорбленіе величества наказывается заключеніемъ въ тюрьмѣ, на время отъ двухъ мѣсяцевъ до пяти лѣтъ; оскорбленіе членовъ царствующаго дома—заключеніемъ въ тюрьмѣ на время отъ одного мѣсяца до трехъ лѣтъ; возбужденіе къ неповиновенію законамъ, или распоряженіямъ правительства — заключеніемъ въ тюрьмѣ отъ четырехъ недѣль до двухъ лѣтъ или денежнымъ штрафомъ до 200 талеровъ; возбужденіе къ предпріятію, признаваемому государственной измѣной (понятіе объ измѣнѣ—Hochverrath—въ прусскомъ законѣ обширнѣе, чѣмъ у насъ, и обнимаетъ собою бунтъ, возстаніе противъ существующаго образа правленія, посягательство на свободу и безопасность короля)—заключеніемъ въ смирительномъ домѣ (Zuchthaus) или крѣпости на время отъ двухъ до десяти лѣтъ; богохуленіе (Gotteslästerung), осмѣяніе одной изъ христіанскихъ церквей или возбужденіе противъ нея презрѣнія или ненависти—заключеніемъ въ тюрьмѣ на время не свыше трехъ лѣтъ (ст. 75, 77, 87, 65, 135). Нельзя не замѣтить, что совершеніе всѣхъ вышепоименованныхъ преступленій посредствомъ печатнаго слова во Франціи и въ Пруссіи встрѣчается несравненно чаще, чѣмъ въ Россіи, и угрожаетъ несравненно бо̀льшею опасностью общественному спокойствію и порядку. Мы надѣемся, поэтому, что пересмотръ законовъ о печати, когда онъ будетъ предпринятъ, не оставитъ въ сторонѣ и тѣхъ постановленій уложенія о наказаніяхъ, которыя были изданы въ другую эпоху, подъ вліяніемъ другихъ взглядовъ на литературу. Сліяніе этихъ постановленій въ одно гармоническое цѣлое съ остальными законами о печати необходимо еще по двумъ другимъ причинамъ. Установивъ правильную систему и постепенность карательныхъ мѣръ за преступленія печати, оно облегчитъ судебное преслѣдованіе, затрудняемое иногда именно чрезмѣрною и непропорціональною строгостью нѣкоторыхъ наказаній; оно сдѣлаетъ уголовные законы о печати болѣе доступными для большинства, уменьшивъ разбросанность ихъ по разнымъ отдѣламъ уложенія [1])

---

[1]) Кромѣ главы пятой раздѣла VIII-го уложенія (ст. 1004—1048), посвященной спеціально нарушеніямъ постановленій о печати, уголо̀вные законы о печати разбросаны по слѣдующимъ раздѣламъ и главамъ уложенія: разд. II гл. 1 и 2 (ст. 181, 189, 205), разд. III гл. 1 и 2 (ст. 245, 248, 251, 252), разд. IV гл. 1 и 2 (ст. 274 275, 279, 280, 281), разд. VIII гл. 3 и 4 (ст. 933 и 1001) и разд. X гл. 6 (ст. 1,535 и 1,539); сверхъ того ихъ можно найти и въ уставѣ о̀ наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (ст. 34 и 37).

Проступки печати въ тѣсномъ смыслѣ этого слова созданы, если можно такъ выразиться — закономъ 6 апрѣля 1865 г., и оттуда уже вошли въ составъ уложенія о наказаніяхъ. Мы раздѣлимъ эти проступки [1]) на двѣ категоріи: проступки, направленные противъ государства или общества, и проступки, имѣющіе преимущественно частный характеръ. На первомъ планѣ между проступками первой категоріи стоитъ напечатаніе оскорбительныхъ и направленныхъ къ колебанію общественнаго довѣрія отзывовъ о дѣйствующихъ въ имперіи законахъ, или о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ или судебныхъ установленій, а также оспариваніе въ печати обязательной силы законовъ и одобреніе или оправданіе воспрещенныхъ ими дѣйствій, съ цѣлью возбудить къ нимъ неуваженіе (улож. о наказ. ст. 1,035). За этотъ проступокъ назначается, по усмотрѣнію суда, или заключеніе въ тюрьмѣ отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, или арестъ отъ четырехъ дней до трехъ мѣсяцевъ, или денежное взысканіе не свыше 500 рублей. Не вмѣняется въ преступленіе и не подвергается наказанію обсужденіе какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и распубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженій оскорбительныхъ для установленныхъ властей (примѣчаніе къ ст. 1,035-ой).

Приступая къ подробному разбору статьи 1,035 уложенія, мы должны прежде всего разграничить ее отъ постановленій, наиболѣе къ ней близкихъ. Мы видѣли уже, что законъ наказываетъ весьма строго составленіе и распространеніе сочиненій, возбуждающихъ къ противодѣйствію и сопротивленію установленнымъ властямъ (улож. ст. 274). Между этимъ закономъ и статьею 1,035 существуетъ нѣкоторое сходство; въ послѣдней говорится о возбужденіи неуваженія къ законамъ — изъ примѣчанія къ ней можно вывести даже, что она распространяется и на возбужденіе къ *неповиновенію* законамъ. Отъ неповиновенія закону уже весьма недалеко до сопротивленія или, по крайней мѣрѣ, противодѣйствія установленной власти, когда она является исполнительницей закона. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи открывается однако и

---

[1]) Отъ *проступковъ печати* слѣдуетъ отличать *нарушенія цензурныхъ и другихъ подобныхъ правилъ* (contraventions, Uebertretungen). Разница между тѣми и другими заключается въ томъ, что проступокъ печати предполагаетъ противузаконное *содержаніе* статьи или книги, а нарушеніе—простое несоблюденіе одного изъ внѣшнихъ, формальныхъ правилъ или требованій закона.

различіе между статьями 274 и 1,035, различіе далеко несоотвѣтствующее громадной разницѣ наказаній, опредѣляемыхъ этими статьями (ссылка на поселеніе, — заключеніе въ тюрьмѣ или кратковременный арестъ). Статья 274 имѣетъ въ виду возбужденіе къ *открытому*, *насильственному*, *активному* противодѣйствію власти, статья 1,035—возбужденіе къ пассивному сопротивленію, къ неисполненію закона, къ отрицанію его обязательной силы. Очевидно, что статья 274 предусматриваетъ случай крайне рѣдкій, исключительный; какъ всякое спеціальное правило, она должна быть толкуема въ ограничительномъ смыслѣ, примѣняема въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ. При малѣйшемъ сомнѣніи относительно намѣреній составителя статьи, при малѣйшей возможности предполагать, что онъ не имѣлъ цѣлью возбудить прямое сопротивленіе власти, примѣненіе статьи 274 было бы несправедливо и противно ея внутреннему смыслу. Другая статья уложенія подходитъ еще ближе къ ст. 1,035; это статья 281, опредѣляющая наказаніе (заключеніе въ смирительномъ домѣ на время отъ двухъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ), за составленіе и распространеніе сочиненій, заключающихъ въ себѣ *недозволенныя сужденія* о постановленіяхъ и дѣйствіяхъ правительства. Но къ статьѣ 281, — принадлежащей къ числу старыхъ постановленій о печати,—прибавлено, послѣ изданія закона 6 апрѣля, примѣчаніе, въ которомъ сказано, что наказанія за *напечатаніе* (курсивъ въ текстѣ закона) оскорбительныхъ отзывовъ о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ и судебныхъ установленій назначены въ ст. 1,035. Отсюда явствуетъ, что на проступки печати статья 281 не распространяется, и что дѣйствіе ея ограничивается сочиненіями непечатными. На чемъ основано такое различіе между однородными проступками, облеченными только въ различныя формы, почему непечатное слово наказывается, при равныхъ условіяхъ, строже чѣмъ печатное, — этого мы объяснить не беремся; всего вѣроятнѣе, что мы видимъ здѣсь одно изъ послѣдствій механическаго включенія въ уложеніе новыхъ законовъ о печати, безъ согласованія ихъ съ прежними. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, непослѣдовательность закона благопріятна для печати.

Значеніе 1,035 статьи можетъ быть понято вполнѣ только въ связи съ примѣчаніемъ къ ней; дозволеніе, заключающееся въ послѣднемъ, бросаетъ яркій свѣтъ на запрещеніе, заключающееся въ первой. Примѣчаніе къ ст. 1,035 доказываетъ съ полною ясностью, что она не исключаетъ возможность критики законовъ и правительственныхъ распоряженій, что она направлена только противъ критики опасной по содержанію или оскорбительной по формѣ. Опасною критикою признается та, которая возбуждаетъ къ не-

повиновенію законамъ или оспариваетъ обязательную ихъ силу. Этимъ еще не исчерпываются условія, необходимыя для примѣненія 1,035 статьи. Возбужденіе къ неповиновенію законамъ должно быть *намѣренное*, т. е. сознательное со стороны автора статьи; неповиновеніе законамъ должно быть не случайнымъ послѣдствіемъ статьи, а прямымъ, логическимъ выводомъ изъ всего содержанія ея. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Авторъ статьи, разбирая извѣстный законъ, доказываетъ его вредъ, его несостоятельность съ такою убѣдительною силой, что въ умахъ, легко поддающихся увлеченію, раждается сомнѣніе въ необходимости повиновенія такому закону; положимъ даже, что сомнѣніе это выражается въ осязательномъ, конкретномъ фактѣ. Отвѣчаетъ ли авторъ за такое впечатлѣніе, произведенное его статьею, если онъ вовсе не хотѣлъ произвести его, если онъ стремился только къ измѣненію закона путемъ вполнѣ легальнымъ, если онъ не сказалъ ни слова, изъ котораго можно было бы вывести намѣреніе поколебать авторитетъ дѣйствующаго закона? Конечно нѣтъ. Для суда важенъ не результатъ печатнаго слова, зависящій отъ причинъ чисто случайныхъ — таланта автора, его извѣстности и популярности, настроенія общества въ данную минуту, — а внутренній его смыслъ, всегда остающійся неизмѣннымъ. Если авторъ очевидно имѣлъ намѣреніе возбудить къ неповиновенію законамъ, то онъ подлежитъ отвѣтственности, хотя бы его намѣреніе и не исполнилось, хотя эти его нападки вызвали только смѣхъ или даже, по закону реакціи, укрѣпили законъ, который онъ хотѣлъ потрясти; и на-оборотъ, отвѣтственность автора немыслима, если его статья, написанная безъ всякой противузаконной цѣли вызвала, противъ его воли, неповиновеніе закону. На это указываютъ выраженія статьи 1,035: «*направленные* къ колебанію общественнаго довѣрія отзывы», «*съ цѣлью* возбудить неуваженіе къ законамъ»; они свидѣтельствуютъ о томъ, что для признанія вины и наказуемости необходимо не только противузаконное содержаніе статьи, но и *противузаконное намѣреніе автора*.

Въ примѣчаніи къ ст. 1,035 сказано, между прочимъ, что не вмѣняется въ преступленіе обсужденіе *распубликованныхъ* правительственныхъ распоряженій. Слѣдуетъ ли заключить отсюда, что обсужденіе правительственныхъ распоряженій *нераспубликованныхъ* составляетъ преступленіе, хотя бы форма его была совершенно приличная, и цѣль—не противузаконная? Безъ сомнѣнія нѣтъ. Преступленіемъ можетъ быть признаваемо только то, что̀ прямо запрещено закономъ подъ страхомъ наказанія; а гдѣ же прямое запрещеніе обсуждать нераспубликованныя правительственныя распоряженія? Ст. 1,035 говоритъ о правительственныхъ

распоряженіяхъ вообще, не дѣлая никакого различія между распубликованными и нераспубликованными, и угрожаетъ наказаніемъ только за такое ихъ обсужденіе, которое направлено къ колебанію общественнаго довѣрія и выражено въ оскорбительной формѣ. Запрещеніе касаться нераспубликованныхъ правительственныхъ распоряженій было бы равносильно установленію полной безгласности для огромнаго большинства административныхъ мѣръ, которыя, относясь къ частнымъ случаямъ, по самому существу своему не подлежатъ обнародованію со стороны правительства. Между тѣмъ, въ числѣ такихъ мѣръ могутъ быть и дѣйствительно бываютъ мѣры незаконныя, обнаруженіе и обсужденіе которыхъ, полезное не только для общества, но и для правительства, составляетъ одну изъ главныхъ обязанностей печати. Другое дѣло, если обсуждаемая мѣра принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя, съ государственной точки зрѣнія, должны быть хранимы въ тайнѣ (напр., приготовленія къ войнѣ и т. п.); обсужденіе или даже просто оглашеніе такой мѣры можетъ считаться проступкомъ, но и то только тогда, когда оно прямо запрещено закономъ — а въ нашихъ постановленіяхъ о печати подобнаго запрещенія не встрѣчается.

Выраженіе ст. 1,035: «оскорбительные и направленные къ колебанію общественнаго довѣрія отзывы о дѣйствующихъ въ Имперіи законахъ, или о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ и судебныхъ установленій» — требуетъ нѣкотораго разъясненія. Что колебаніе общественнаго довѣрія должно быть умышленное со стороны автора, — объ этомъ мы уже говорили; но при какихъ именно условіяхъ отзывъ о законѣ или правительственномъ распоряженіи можетъ быть признанъ колеблющимъ общественное довѣріе? Ключъ къ разрѣшенію этого вопроса мы видимъ прежде всего въ соединеніи словъ: «оскорбительные *и* направленные къ колебанію общественнаго довѣрія». Оскорбленію могутъ подвергаться только лица физическія или юридическія; отзывъ о законѣ или административномъ распоряженіи можетъ быть, слѣдовательно, признанъ *оскорбительнымъ* только тогда, когда онъ направленъ прямо противъ той власти, отъ которой исходитъ законъ или распоряженіе, и когда, притомъ, нападеніе выражено въ крайне-рѣзкой или неприличной формѣ. Какъ бы сильна и рѣшительна ни была критика закона или административной мѣры, она не можетъ поколебать, сама по себѣ, общественнаго довѣрія къ законодательной или административной власти, потому что общественное довѣріе основано вовсе не на убѣжденіи въ совершенствѣ всѣхъ законовъ и непогрѣшимости всѣхъ органовъ администраціи. Но если авторъ статьи приписа-

ваетъ недостатки закона грубымъ ошибкамъ или недобросовѣстности его составителей, а неправильность административной мѣры—систематически-противузаконному образу дѣйствій администраціи, и если эти обвиненія облечены въ оскорбительную форму, тогда является возможность примѣненія ст. 1,035. Примѣненіе ея возможно и тогда, когда цѣль автора — возбудить неповиновеніе законамъ, потому что покорность закону—одна изъ необходимыхъ основъ общественнаго довѣрія. Замѣтимъ еще, что оскорбленіе или опозореніе отдѣльнаго должностного лица не подходитъ подъ дѣйствіе ст. 1,035; оно предусмотрѣно другими постановленіями закона (ст. 1,039 и 1,040). Статья 1,035 примѣнима только при болѣе общемъ характерѣ проступка, при направленіи его противъ власти вообще, или противъ цѣлаго правительственнаго установленія [1]).

Одобреніе или оправданіе воспрещенныхъ законами дѣйствій наказывается по ст. 1,035 только тогда, когда оно имѣетъ цѣлью возбужденіе неуваженія къ законамъ. Значеніе этой оговорки вполнѣ понятно. Дѣйствіе, закономъ запрещенное, можетъ быть иногда позволительнымъ, даже похвальнымъ; это признается и нашими законами (улож. о нак. ст. 1,471, 1,495). Оправданіе или одобреніе такого дѣйствія не есть преступленіе, если оно основывается исключительно на особенныхъ обстоятельствахъ даннаго случая и не заключаетъ въ себѣ никакого нападенія на общее правило, выраженное въ законѣ. Оно становится преступнымъ только тогда, когда имѣетъ цѣлью доказать, что несправедливый законъ можетъ и долженъ быть нарушаемъ — другими словами, когда оно совпадаетъ съ возбужденіемъ къ неповиновенію законамъ, или оспариваніемъ обязательной ихъ силы.

Статья 1,036 уложенія опредѣляетъ наказаніе [2]) за учиненіе въ печати воззванія, возбуждающаго вражду въ одной части населенія государства противъ другой, или въ одномъ сословіи противъ другого. Что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ воззванія, о которомъ говорится въ этой статьѣ? Слѣдуетъ ли признавать воззваніемъ только прямое обращеніе къ извѣстному сословію, къ извѣстной части населенія, или же всякую вообще попытку возбудить взаимную вражду сословныхъ или національныхъ элементовъ? Мы думаемъ, что, говоря о воззваніи, законодатель разумѣлъ призывъ къ страстямъ, къ предубѣжденіямъ, къ предразсудкамъ, господ-

[1]) Это признано рѣшеніемъ с.-петербургской судебной палаты (20 декабря 1866 года), по дѣлу г. Суворина.

[2]) Заключеніе въ смирительномъ домѣ, на время отъ 2 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ, или въ тюрьмѣ отъ 2 мѣсяцевъ до одного года и 4 мѣсяцевъ, или арестъ отъ 4 дней до 3 мѣсяцевъ, или денежное взысканіе не свыше 500 руб.

ствующимъ въ разныхъ слояхъ населенія или общества; онъ хотѣлъ предупредить не спокойную, добросовѣстную полемику о спорныхъ вопросахъ національной и общественной жизни, а эксплуатацію этихъ вопросовъ, съ цѣлью разжечь не совсѣмъ угасшія или готовящіяся въ будущемъ распри. Главнымъ условіемъ для примѣненія статьи 1,036 является, слѣдовательно, *намѣреніе* возбудить вражду между отдѣльными частями населенія или общества, намѣреніе, выразившееся положительно и прямо, а не выводимое путемъ предположеній изъ возможныхъ послѣдствій статьи или книги. Представимъ себѣ, что на очереди стоитъ вопросъ о преимуществахъ, которыми пользуется одна мѣстность, одна часть населенія передъ другими. Появляется сочиненіе, авторъ котораго старается доказать, въ формѣ строго-приличной и серьёзной, что дальнѣйшее существованіе этихъ преимуществъ не имѣетъ никакого законнаго основанія, что они лишены даже твердой исторической опоры, что они были скорѣе захвачены, чѣмъ дарованы, или дарованы въ совершенно другихъ размѣрахъ, что они во всякомъ случаѣ отжили свой вѣкъ и представляютъ вопіющую аномалію среди обновленнаго государственнаго устройства. Само собою разумѣется, что такое сочиненіе производитъ сильное волненіе въ той средѣ, противъ которой оно направлено, что ненависть къ сочинителю распространяется, въ бо́льшей или меньшей степени, и на ту часть населенія, отъ имени которой онъ говоритъ, что эта часть населенія, въ свою очередь, негодуетъ на привилегированный лагерь, взирающій на нее съ высоты своего мнимаго превосходства. Но развѣ здѣсь есть что-нибудь похожее на вражду, искусственно возбужденную? Это борьба, борьба вполнѣ естественная, и потому законная, борьба необходимая и неизбѣжная во всякомъ государствѣ, переживающемъ одну изъ критическихъ эпохъ своей исторіи. Веденная открыто и честно, равнымъ оружіемъ и съ равною свободой, она можетъ только облегчить, а не затруднить разрѣшеніе спорнаго вопроса. Стѣснять и ограничивать ее, значитъ принимать мѣры не противъ зла, а противъ усилій общества найти лучшее средство къ его устраненію. Другое дѣло, если единственная, прямая цѣль автора — возбужденіе слѣпой вражды между національностями или сословіями, вражды, идущей прямо въ разрѣзъ съ главной задачей общества: сближеніемъ и объединеніемъ разнородныхъ его элементовъ. Статья, написанная съ такою цѣлью, можетъ быть подведена подъ дѣйствіе уголовнаго закона.

Въ статьѣ 1,037 уложенія предусмотрѣно оспариваніе или порицаніе началъ собственности и семейнаго союза, съ намѣреніемъ разрушить или ослабить ихъ основы, хотя бы притомъ

не было возбужденія къ совершенію преступленія [1]). И здѣсь, слѣдовательно, существенный признакъ проступка—*намѣреніе* автора, цѣль, къ которой онъ стремится. Критика началъ собственности или семейнаго союза, направленная не къ колебанію, а къ утвержденію ихъ на другихъ, болѣе правильныхъ (по мнѣнію автора) основахъ, не содержитъ въ себѣ, такимъ образомъ, ничего противузаконнаго. Еще менѣе сомнѣній можетъ возбуждать указаніе тѣхъ или другихъ частныхъ неудобствъ, сопряженныхъ съ существующимъ устройствомъ семейнаго или общественнаго быта. Попытка устранить отдѣльные недостатки способствуетъ только укрѣпленію цѣлаго и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана для него опасной.

Если сравнить только-что разобранныя нами постановленія о проступкахъ печати съ соотвѣтствующими правилами прусскаго законодательства, то результатъ сравненія не будетъ слишкомъ неблагопріятенъ для нашихъ законовъ. Правда, въ прусскомъ уголовномъ кодексѣ нѣтъ правила, которое соотвѣтствовало бы статьѣ 1,037 нашего уложенія; но къ статьямъ 1,035 и 1,036 очень близко подходятъ статьи 100 и 101 прусскаго кодекса. Первая назначаетъ наказаніе за возбужденіе гражданъ къ ненависти или презрѣнію другъ противъ друга; вторая—за возбужденіе ненависти или презрѣнія противъ государственныхъ учрежденій или правительственныхъ распоряженій, посредствомъ распространенія вымышленныхъ или извращенныхъ фактовъ, или посредствомъ поруганія или насмѣшекъ (Schmähungen oder Verhöhnungen). Наказаніе въ обоихъ случаяхъ одно и тоже—денежный штрафъ не свыше 200 талеровъ или заключеніе въ тюрьмѣ на срокъ не свыше двухъ лѣтъ. Наказаніе это ничуть не мягче того, которое опредѣлено нашимъ закономъ. Редакція ст. 100 и 101 прусскаго кодекса еще менѣе точна, еще болѣе эластична, чѣмъ редакція ст. 1,035 и 1,036 нашего уложенія; кругъ дѣйствія ихъ не ограниченъ рѣзкою чертою и можетъ быть распространяемъ весьма далеко. «Недостатокъ статей 100 и 101—говоритъ прусскій юристъ Іонъ—заключается въ томъ, что законъ переходитъ здѣсь изъ области права въ область этики, не опредѣляя индивидуальности запрещаемаго дѣйствія. Пусть законъ избираетъ выраженія еще болѣе сильныя, чѣмъ *ненависть* и *презрѣніе*,—они во всякомъ случаѣ принадлежатъ къ понятіямъ нравственнымъ и потому не могутъ имѣть мѣста въ карательныхъ

---

[1]) Наказаніе за этотъ проступокъ—денежный штрафъ, не свыше трехсотъ рублей, и арестъ не свыше шести недѣль, или, по усмотрѣнію суда, одна изъ этихъ мѣръ взысканія.

законахъ». Исходя изъ этой точки зрѣнія, прусскіе либералы, даже самые умѣренные, видятъ въ существованіи статей 100 и 101 постоянную опасность для печати, постоянное и весьма существенное стѣсненіе ея свободы. Это мнѣніе подтверждается исторіею прусской печати послѣ 1848 г.; почти три четверти всѣхъ процессовъ по дѣламъ печати—а во время реакціи 1862—1866 года, они считались десятками и сотнями—были начаты именно на основаніи ст. 100 и 101 [1]). Но въ виду огромнаго различія между Пруссіей и Россіей, мы не рѣшаемся сѣтовать противъ ст. 1,035 и 1,036 нашего уложенія. Мы понимаемъ, что уничтоженіе системы административныхъ взысканій возможно, въ настоящую минуту, только подъ условіемъ сохраненія строгихъ уголовныхъ законовъ о печати. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что эта строгость будетъ предпочтена нашею печатью самому мягкому примѣненію административнаго произвола. Мы думаемъ, что свобода печати, ограниченная сама по себѣ, но обширная въ сравненіи съ прошедшимъ и настоящимъ, будетъ возможна и при дѣйствіи ст. 1,035 — 1,037 уложенія о наказаніяхъ, если только отвѣтственность за проступки, предусмотрѣнные этими статьями, будетъ опредѣляема исключительно судебною властью.

Въ статьяхъ 1,035—1,037 уложенія не трудно замѣтить одну отличительную черту, которая, къ сожалѣнію, встрѣчается еще слишкомъ рѣдко въ нашихъ уголовныхъ законахъ: это предоставленіе суду большаго простора въ выборѣ наказаній. Въ большинствѣ случаевъ законъ нашъ опредѣляетъ не только родъ, но и степень наказанія, такъ что суду остается только назначить его мѣру [2]). Новые законы о печати свободны отъ этого недостатка; разнообразіе наказаній, ими установленныхъ, соотвѣтствуетъ разнообразію проступковъ печати. Такъ, напримѣръ, за возбужденіе сословной или національной вражды можетъ быть назначено, какъ maximum, двухлѣтнее заключеніе въ смирительномъ домѣ, но съ другой стороны отвѣтственность виновнаго можетъ быть ограничена и денежнымъ штрафомъ въ десять или пять рублей. Статья 1,035 даетъ суду свободу выбора между *шестью*, статья 1,036 между *десятью* различными степенями лишенія свободы,

---

[1]) См. Корреспонденцію изъ Берлина: «Печать въ Пруссіи и ея судьба съ 1848 года», въ первомъ № «Вѣстника Европы», за текущій годъ, стр. 464 и слѣд.

[2]) Подъ именемъ степеней разумѣются у насъ главныя подраздѣленія каждаго рода наказаній (напр., ссылка въ каторжныя работы имѣетъ семь степеней, различныхъ по сроку и по мѣсту работъ), а мѣрой наказанія называется окончательное назначеніе его въ границахъ извѣстной степени (такъ напр., низшая степень каторжной работы — работа на заводахъ отъ четырехъ до шести лѣтъ; четырехлѣтняя работа есть низшая, шестилѣтняя—высшая мѣра наказанія въ этой степени).

не говоря уже о денежныхъ штрафахъ, восходящихъ отъ рубля до пятисотъ рублей. Нельзя не пожалѣть только объ одномъ,— что въ число наказаній, установленныхъ статьею 1,036, включено заключеніе въ смирительномъ домѣ, которому общественное мнѣніе придаетъ характеръ несравненно болѣе серьезный и тяжелый, чѣмъ заключенію въ тюрьмѣ. Мы не видимъ причины, которая препятствовала бы принять и въ этомъ случаѣ за maximum наказанія заключеніе въ тюрьмѣ на одинъ годъ и четыре мѣсяца, дальше котораго не идетъ статья 1,035. Проступокъ, предусмотрѣнный въ ст. 1,035, ничуть не менѣе важенъ, чѣмъ проступокъ, предусмотрѣнный въ ст. 1,036. Ограниченіе правъ и преимуществъ, сопряженное обыкновенно съ заключеніемъ въ смирительномъ домѣ на продолжительные сроки (свыше восьми мѣсяцевъ), въ статьѣ 1,036 не опредѣляется. Это объясняется тѣмъ, что проступки, влекущіе за собою ограниченіе правъ, подсудны суду присяжныхъ (Уст. угол. судопр. ст. 201), изъ вѣдѣнія котораго наше законодательство хотѣло по возможности изъять проступки печати.

Въ уложеніи о наказаніяхъ есть глава (4-я, восьмого раздѣла) о преступленіяхъ противъ общественной нравственности и нарушеніи ограждающихъ ее постановленій. Первое отдѣленіе этой главы трактуетъ о соблазнительномъ и развратномъ поведеніи, второе — о *противныхъ нравственности и благопристойности сочиненіяхъ*, изображеніяхъ, представленіяхъ и рѣчахъ. Въ этомъ отдѣленіи есть статья (1,001) слѣдующаго содержанія: «если кто либо будетъ тайно отъ цензуры печатать или инымъ образомъ издавать, или же распространять подлежащія цензурному разсмотрѣнію сочиненія, имѣющія цѣлью развращеніе нравовъ или явно противныя нравственности и благопристойности, или клонящіяся къ тому соблазнительныя изображенія, тотъ подвергается за это денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей или аресту на время отъ семи дней до четырехъ мѣсяцевъ». Смыслъ этой статьи, повидимому, совершенно ясенъ: она относится къ сочиненіямъ безнравственнымъ, соблазнительнымъ, т. е. направленнымъ къ искусственному возбужденію чувственности или нарушающимъ приличіе, съ которымъ слѣдуетъ говорить о предметахъ и отношеніяхъ извѣстнаго рода. На это указываетъ и текстъ статьи, и мѣсто, занимаемое ею въ системѣ уложенія. Для примѣненія статьи 1,001 необходимо, собственно говоря, еще одно условіе: изданіе безъ цензуры сочиненія, подлежавшаго цензурному разсмотрѣнію. Это подтверждается въ особенности тѣмъ, что слова: «*подлежащія цензурному разсмотрѣнію*» не находятся въ статьѣ 1,356 уложенія о наказаніяхъ изданія 1857 г., а прибавлены

лишь въ изданіи 1866 г., въ которомъ прежняя статья 1,356 сдѣлалась статьею 1,001. Но такъ какъ въ уложеніи нѣтъ особой степени, въ которой опредѣлялось бы наказаніе за изданіе въ свѣтъ соблазнительныхъ сочиненій, цензурѣ не подлежащихъ, то мы вполнѣ допускаемъ примѣненіе ст. 1001, по аналогіи (улож. ст. 151), и къ этимъ сочиненіямъ. Къ сожалѣнію, аналогическое толкованіе статьи 1,001 на этомъ не останавливается. Мы встрѣчаемъ въ нашей судебной практикѣ нѣсколько попытокъ примѣнить ее къ сочиненіямъ, далекимъ отъ безнравственности и неблагопристойности, но нарушающимъ, будто бы, условныя понятія о приличіяхъ совершенно другого рода. Она была приведена, вскользь и мимоходомъ, въ рѣшеніяхъ с.-петербургской судебной палаты по дѣламъ г. Суворина и гг. Жуковскаго и Пыпина; но обвиненіе, построенное исключительно на статьѣ 1,001, мы видимъ въ первый разъ по дѣлу г. Павленкова, преданнаго суду за изданіе второй части сочиненій покойнаго Писарева. Въ двухъ статьяхъ этой части: «Русскій Донъ-Кихотъ» и «Бѣдная русская мысль», обвинительная власть усмотрѣла мысли оскорбительныя для религіознаго чувства каждаго православно-вѣрующаго и для нравственнаго и гражданскаго чувства каждаго вѣрноподданнаго. Распространеніе подобныхъ мыслей кажется обвинительной власти дѣломъ по меньшей мѣрѣ *непристойнымъ*, и потому противнымъ закону. По мнѣнію г. прокурора с.-петербургской судебной палаты, «авторомъ въ настоящемъ случаѣ было забыто то приличіе, какое требуется отъ печатнаго слова, ибо нельзя предавать публичной печати все то, что̀ человѣкъ думаетъ, *точно также, какъ непристойно въ публичномъ мѣстѣ говорить и дѣлать многое изъ того, что каждый безпрепятственно говоритъ и дѣлаетъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ*. Итакъ—продолжаетъ г. прокуроръ—въ напечатаніи означенныхъ статей мы видимъ *явное нарушеніе общественной благопристойности;* онѣ непристойны по нѣкоторымъ содержащимся въ нихъ сужденіямъ, оскорбляющимъ религіозное чувство вѣрующаго и нравственное чувство гражданина. Закономъ воспрещается всякая вообще публичная неблагопристойность, хотя всѣхъ видовъ ея законъ, разумѣется, не предусматриваетъ и не въ состояніи предусмотрѣть. Такъ и въ отношеніи печати законъ возбраняетъ, подъ угрозою взысканія, сочиненія вообще противныя благопристойности. Законъ этотъ изображенъ въ статьѣ 1,001 уложенія о наказаніяхъ.» Судебная палата оправдала г. Павленкова по существу взведеннаго на него обвиненія, признавъ, что въ статьяхъ «Русскій Донъ-Кихотъ» и «Бѣдная русская мысль» нѣтъ ничего противузаконнаго и неблагопристойнаго; вопросъ о

примѣнимости статьи 1,001 къ подобнымъ случаямъ остался, такимъ образомъ, неразрѣшеннымъ. Въ нашихъ глазахъ, отрицательное разрѣшеніе этого вопроса не возбуждаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Легкомысленное отношеніе къ тому или другому серьезному предмету не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ нарушеніемъ нравственности и благопристойности. Рѣзкое выраженіе, если въ немъ нѣтъ ничего соблазнительнаго или грязнаго, можетъ быть названо неприличнымъ, но никто въ общежитіи не назоветъ его непристойнымъ. Понятіе о неблагопристойности имѣетъ точно-опредѣленныя границы и относится къ понятію о неприличіи, какъ часть къ своему цѣлому. Неприличныя выраженія о предметахъ вѣры могутъ быть, при извѣстныхъ условіяхъ, подведены подъ дѣйствіе статьи о такъ-называемомъ кощунствѣ (улож. ст. 182), неприличныя выраженія о предметахъ государственнаго устройства или управленія—подъ дѣйствіе статьи 1,035, которую мы уже разобрали; но ставить ихъ на одну доску съ сочиненіями, развращающими нравы, или съ соблазнительными изображеніями, примѣнять къ нимъ ст. 1,001 уложенія, значитъ идти наперекоръ прямому разуму этой статьи, наперекоръ общежитейскому смыслу словъ, въ ней употребленныхъ. Оскорбляются ли той или другой фразой чувства вѣрующаго или гражданина — это совершенно безразлично для уголовнаго суда; для обвинительнаго приговора необходимы основанія менѣе шаткія, менѣе субъективныя, необходимо ясно выразившееся намѣреніе поколебать учрежденія, охраняемыя закономъ, или по крайней мѣрѣ непозволительно-рѣзкіе, оскорбительные, а не только легкомысленные отзывы объ этихъ учрежденіяхъ. Вмѣстѣ съ 1,001 статьею цитуется иногда и статья 1,003, назначающая наказаніе за произнесеніе въ торжественномъ и многолюдномъ собраніи выраженій, явно оскорбительныхъ для добрыхъ нравовъ или противныхъ благопристойности. О примѣненіи этой статьи къ проступкамъ печати не можетъ, кажется, быть и рѣчи, какъ по тѣмъ соображеніямъ, которыя приведены нами относительно статьи 1,001, такъ и потому, что она касается лишь выраженій, *произнесенныхъ* въ многолюдномъ собраніи, а не употребленныхъ на письмѣ или въ печати.

Чтобы покончить съ проступками печати, причисленными нами къ первой категоріи, укажемъ еще на слѣдующія постановленія, относящіяся не исключительно къ проступкамъ печати, но примѣнимыя и къ нимъ, по своему общему смыслу. Это ст. 933 уложенія, назначающая наказаніе за разглашеніе, ради корысти, суетной славы или другой личной выгоды, о какомъ-либо будто бы случившемся чудѣ, и ст. 37 уст. о наказ., налаг. мировыми судьями, назначающая

наказаніе за распространеніе ложныхъ слуховъ, хотя не имѣющихъ политической цѣли [1]), но возбуждающихъ безпокойство въ умахъ.

Ко второй категоріи проступковъ печати принадлежатъ: оскорбительное злословіе или брань, диффамація и клевета. Статья 1,040 уложенія назначаетъ наказаніе (денежное взысканіе не свыше 300 рублей и арестъ отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ) за всякій оскорбительный отзывъ въ печати о частномъ или должностномъ лицѣ, или обществѣ, или установленіи, выражающій или заключающій въ себѣ злословіе или брань, но безъ указанія опредѣленнаго позорящаго обстоятельства. По буквальному смыслу этой статьи для примѣненія ея необходимы два условія: напечатаніе отзыва, заключающаго въ себѣ злословіе или брань, и оскорбительность этого отзыва для извѣстнаго лица, физическаго или юридическаго. Бранныя, ругательныя выраженія, ни къ кому непосредственно не относящіяся, ни для кого не оскорбительны и потому не могутъ быть подводимы подъ дѣйствіе ст. 1,040. Наша судебная практика смотритъ на этотъ вопросъ нѣсколько иначе: она признаетъ возможнымъ распространять дѣйствіе ст. 1,040 не по буквальному ея смыслу, а по аналогіи, и на брань, ни къ кому прямо не относящуюся, если она оскорбляетъ чувство общественнаго приличія [2]). Это аналогическое толкованіе статьи 1,040 кажется намъ столь же произвольнымъ, какъ и разобранное выше аналогическое толкованіе статьи 1,001. Аналогическое толкованіе уголовнаго закона въ распространительномъ смыслѣ должно быть допускаемо только въ случаѣ крайней необходимости, когда за дѣяніе, *несомнѣнно преступное*, не назначено въ законѣ опредѣленнаго наказанія (напримѣръ, убійство безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, но и не въ запальчивости или раздраженіи). Между тѣмъ, самая преступность печатной брани, ни къ кому непосредственно неотносящейся (если въ ней нѣтъ ничего циническаго, непристойнаго въ указанномъ нами смыслѣ), подлежитъ еще весьма большому сомнѣнію. Другой вопросъ, возникающій по поводу статьи 1,040, заключается въ томъ, что̀ слѣдуетъ понимать подъ употребленными въ ней словами *общество* и *установленіе*. Относятся ли они исключительно къ такимъ учрежденіямъ, которыя имѣютъ отдѣльное, самостоятельное существованіе, которыя могутъ дѣйствовать, черезъ своихъ

---

[1]) Распространеніе съ умысломъ слуховъ, имѣющихъ политическую зловредную цѣль или явно оскорбительныхъ для верховнаго правительства, наказывается по ст. 932 Уложенія, на основаніи извѣстныхъ уже намъ ст. 252 и 274.

[2]) См. рѣшенія с.-петербургской судебной палаты 4-го октября 1866 года по дѣлу гг. Жуковскаго и Пыпина и 20-го декабря 1866 г. по дѣлу г. Суворина.

представителей, какъ одно цѣлое, а слѣдовательно и отвѣчать за свои дѣйствія и привлекать къ отвѣтственности другихъ, однимъ словомъ, къ такъ-называемымъ *юридическимъ лицамъ?* Вопросъ этотъ былъ возбужденъ нами при защитѣ гг. Жуковскаго и Пыпина, преданныхъ суду за оскорбленіе дворянства и за оглашеніе позорящихъ его обстоятельствъ. Мы старались доказать, что дворянство, какъ сословіе, не имѣетъ у насъ корпоративнаго (общаго для всей имперіи) устройства, не можетъ дѣйствовать коллективно, не составляетъ юридическаго лица, и не можетъ быть предметомъ оскорбленія или опозоренія. Въ отношеніи къ опозоренію (диффамаціи) эта мысль была принята с.-петербургскою судебною палатою [1]; въ отношеніи къ оскорбленію она была оставлена безъ разсмотрѣнія, такъ какъ палата признала возможнымъ примѣнить ст. 1,040 и къ брани, ни для кого непосредственно не оскорбительной. Повторять аргументы, которые были приведены нами въ защиту нашего взгляда, мы считаемъ излишнимъ и отсылаемъ читателей, интересующихся этимъ вопросомъ, къ газетамъ за августъ, октябрь и декабрь 1866 г. или къ сборнику г. Любавскаго: «Новые русскіе уголовные процессы» (Т. I, Спб. 1868), гдѣ изложенъ in extenso процессъ гг. Жуковскаго и Пыпина.

Статья 1,039 назначаетъ наказаніе за диффамацію, т. е. за всякое оглашеніе въ печати о частномъ или должностномъ лицѣ, или обществѣ, или установленіи такого обстоятельства, которое можетъ повредить ихъ чести, достоинству или доброму имени; статья 1,535 угрожаетъ наказаніемъ тому, кто дозволитъ себѣ (въ оффиціальной бумагѣ, *печатномъ сочиненіи* или получившемъ гласность письмѣ) оклеветать кого-либо несправедливо, обвиняя его, или жену его, или членовъ его семейства въ дѣяніи противномъ правиламъ чести. Послѣдняя изъ этихъ двухъ статей существуетъ безъ перемѣны съ самаго изданія (въ 1845 г.) уложенія о наказаніяхъ; первая принадлежитъ къ числу новыхъ постановленій о печати, перешедшихъ въ уложеніе изъ закона 6-го апрѣля 1865 г. [2]). Главная разница между ними заклю-

---

[1]) «По смыслу закона — сказано по этому предмету въ рѣшеніи палаты—позорящимъ обстоятельствомъ можетъ быть признаваемо ничто иное, какъ извѣстное событіе, относящееся къ опредѣленному времени и опредѣленному мѣсту и касающееся частной, служебной или общественной дѣятельности *прямо и опредѣлительно указаннаго физическаго или юридическаго лица*, чести и достоинству котораго оглашеніе этого событія можетъ повредить».

[2]) Статья 2,098 уложенія о наказ. изд. 1857 г. представляетъ нѣкоторое сходство съ ст. 1,039 улож. изд. 1866 г., но отличается отъ нея нѣсколькими существенными чертами. Мы не входимъ въ подробный сравнительный разборъ этихъ статей, потому что пишемъ не монографію о диффамаціи.

чается въ томъ, что понятіе о клеветѣ предполагаетъ *ложное, несправедливое* обвиненіе кого-либо въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, а для признанія диффамаціи вполнѣ достаточно самаго факта оглашенія позорящихъ обстоятельствъ, все равно, справедливы ли они или несправедливы. Обвиняемый въ клеветѣ можетъ быть осужденъ только въ такомъ случаѣ, если не докажетъ основательность и точность всего сказаннаго имъ объ обвинителѣ; обвиняемый въ диффамаціи не имѣетъ права доказывать достовѣрность оглашенныхъ имъ обстоятельствъ. Исключеніе изъ этого правила установлено только одно: если подсудимый, *посредствомъ письменныхъ доказательствъ*, докажетъ справедливость позорящаго обстоятельства, касающагося служебной или общественной дѣятельности лица, занимающаго должность по опредѣленію отъ правительства или по выборамъ, то онъ освобождается отъ наказанія, налагаемаго ст. 1,039. Вопросъ о диффамаціи и клеветѣ, по важности и сложности своей, не можетъ быть разсмотрѣнъ мимоходомъ. Мы оставляемъ его безъ подробнаго обсужденія, тѣмъ болѣе, что большинству читателей вѣроятно памятна еще полемика, происходившая по этому предмету въ «Голосѣ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1864—65 г.), между гг. Лохвицкимъ и Киршей Даниловымъ (псевдонимъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ нашихъ криминалистовъ). Полновѣсная, блестящая аргументація Кирши Данилова не воспрепятствовала, къ сожалѣнію, введенію въ законъ 6-го апрѣля постановленія о диффамаціи, содержаніе котораго изложено нами выше; но мы вполнѣ убѣждены, что указанія судебной практики докажутъ, рано или поздно, необходимость отмѣны этого постановленія. Кто сознаетъ свою правоту и не боится гласности для своихъ дѣйствій, тотъ избѣгаетъ и теперь обращенія къ ст. 1,039 и предпочитаетъ начать преслѣдованіе по статьѣ 1,535, хотя выигрышъ дѣла въ послѣднемъ случаѣ гораздо труднѣе. Возстановленіе чести, къ которому долженъ стремиться каждый несправедливо оскорбленный, возможно только при преслѣдованіи за клевету, такъ какъ осужденіе за диффамацію не доказываетъ, само по себѣ, несправедливость позорящаго слуха. Защитники закона о диффамаціи ссылаются обыкновенно на необходимость оградить тайну частной, семейной жизни; но они забываютъ, что защищаемый ими законъ идетъ гораздо дальше и набрасываетъ покрывало даже на общественную дѣятельность частныхъ лицъ, которая, конечно, не имѣетъ никакого права на неприкосновенность. Эту сторону частной дѣятельности слѣдовало бы, во всякомъ случаѣ, поставить на одинъ уровень съ служебною дѣятельностію должностныхъ лицъ, въ отношеніи къ которой нашъ законъ допу-

скаетъ такъ-называемое *доказательство истины* (Beweis der Wahrheit, exceptio veritatis). Справедливо ли предоставлять директору акціонерной компаніи, доктору, адвокату, журналисту такую привилегію, которою не пользуется чиновникъ? Первые служатъ обществу, какъ и послѣдній, и потому подлежатъ наравнѣ съ нимъ суду печати. Для того, чтобы право обвиняемаго доказывать справедливость приведенныхъ имъ фактовъ не оставалось, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, мертвою буквой, необходимо присоединить къ письменнымъ доказательствамъ всѣ другія, которыя вообще допускаются закономъ, въ особенности свидѣтельскія показанія. Есть множество фактовъ, которые ничѣмъ другимъ, кромѣ свидѣтельскихъ показаній, подтверждены быть не могутъ. Укажемъ, въ заключеніе, еще на одну несообразность, доказывающую необходимость пересмотра ст. 1,039 и 1,535. Maximum наказанія за клевету, т. е. за преступленіе, вообще говоря, болѣе тяжкое, нежели диффамація, значительно меньше, чѣмъ maximum наказанія за диффамацію [1]).

Нарушенія цензурныхъ и другихъ подобныхъ правилъ предусмотрѣны въ статьяхъ 1,008—1,034 и 1,038 уложенія о наказаніяхъ [2]); перечислять ихъ мы не станемъ, а остановимся только на одномъ изъ самыхъ важныхъ. По статьѣ 1,033 уложенія за непомѣщеніе въ повременномъ изданіи: ежедневномъ черезъ три дня, а еженедѣльномъ или мѣсячномъ — въ слѣдующемъ нумерѣ, судебнаго опредѣленія или административнаго предостереженія, или сообщенныхъ какъ отъ правительства, такъ и отъ частныхъ лицъ опроверженій или исправленій, издатель, пока сообщенное опредѣленіе, предостереженіе, опроверженіе или исправленіе не будетъ помѣщено, подвергается денежному взысканію не свыше двадцати пяти рублей за каждый изданный послѣ указаннаго срока нумеръ, когда изданіе выходитъ болѣе одного раза въ мѣсяцъ, и не свыше ста рублей, когда оно выходитъ разъ въ мѣсяцъ и рѣже. Если опредѣленіе, предостереженіе, опроверженіе или исправленіе не будетъ помѣщено по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, то изданіе прекращается, по распоряженію главнаго управленія по дѣламъ печати. Печатаніе правительственныхъ сообщеній безусловно обязательно для всякаго повременнаго изданія; но возраженія или поправки част-

[1]) Наказанія за диффамацію, по ст. 1,039 — денежное взысканіе не свыше пятисотъ рублей и заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ 2-хъ мѣсяцевъ до одного года и 4-хъ мѣсяцевъ, или одно изъ этихъ наказаній; наказаніе за клевету, по ст. 1,535 — заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 8-ми мѣсяцевъ.

[2]) Сюда же можно отнести ст. 34 уст. о наказ., налаг. миров. судьями.

ныхъ лицъ подлежатъ напечатанію только въ такомъ случаѣ, если занимаютъ мѣста не болѣе, какъ вдвое противъ статьи, на которую служатъ отвѣтомъ, и если они подписаны защищающимся (законъ 6-го апрѣля 1865 года, гл. II, ст. 28). Намъ кажется, что къ этому ограниченію слѣдовало бы прибавить еще другое: слѣдовало бы постановить, что журналъ не обязанъ печатать опроверженіе, если въ немъ заключаются выраженія оскорбительныя для редакціи или для издателя журнала. Всякое сомнѣніе по этому предмету должно было бы подлежать разрѣшенію суда, въ ожиданіи котораго пріостанавливалось бы теченіе срока, опредѣленнаго въ 1,033 статьѣ уложенія. При отсутствіи такого правила возможны злоупотребленія слѣдующаго рода: частное лице, раздраженное справедливымъ порицаніемъ, которому оно подверглось со стороны журнала, посылаетъ въ редакцію его опроверженіе, исполненное самыхъ грубыхъ и неприличныхъ выраженій; редакція отказывается напечатать это опроверженіе; частное лице выжидаетъ около трехъ мѣсяцевъ и потомъ обращается съ жалобой въ судъ, требуя взысканія штрафа по 1,033 статьѣ и запрещенія журнала. Мы не утверждаемъ, чтобы судъ былъ *обязанъ* удовлетворить такое требованіе; но вполнѣ оградить журналъ противъ вредныхъ его послѣдствій можетъ только предлагаемое нами дополненіе закона.

Независимо отъ личныхъ наказаній и денежныхъ штрафовъ, налагаемыхъ за проступки печати, судъ имѣетъ право: 1) опредѣлить уничтоженіе сочиненія, или тѣхъ мѣстъ его, въ которыхъ заключается преступное обнаруженіе мысли, а также закрыть типографію, въ которой сочиненіе напечатано (улож. о наказ. ст. 1,045); 2) запретить повременное изданіе на срокъ или совершенно, и 3) запретить вмѣстѣ съ тѣмъ оказавшимся виновными издателю и редактору, или одному изъ нихъ, принимать на себя въ теченіе извѣстнаго срока, не свыше однако пяти лѣтъ, — званіе издателя или редактора какого бы то ни было повременнаго изданія (ст. 1,046). Нельзя не сказать, что послѣднія два права несовмѣстны съ настоящей свободой печати. Во всякомъ другомъ европейскомъ государствѣ, предоставленіе суду подобныхъ правъ возбудило бы самую сильную оппозицію со стороны журналистики. Новый французскій законъ о печати, изданный въ прошедшемъ году, облекаетъ судъ правомъ несравненно меньшимъ — правомъ пріостанавливать изданіе журнала на время отъ двухъ недѣль до двухъ мѣсяцевъ, въ случаѣ повторенія проступка прежде истеченія двухъ лѣтъ со дня перваго осужденія, и на время отъ двухъ до шести мѣсяцевъ, въ случаѣ совершенія проступка въ третій разъ, въ продолженіе того же

двухлѣтняго промежутка времени [1]). Это постановленіе закона было предметомъ горячаго спора въ законодательномъ корпусѣ; либеральная партія видѣла въ немъ чуть ли не возстановленіе конфискаціи, которой не допускаетъ французское законодательство. Съ теоретической точки зрѣнія это мнѣніе совершенно справедливо; тѣмъ не менѣе мы должны признаться, что статья 1,046 уложенія не внушаетъ намъ особенно сильныхъ опасеній за будущность русской журналистики. Мы думаемъ, во-первыхъ, что при существованіи ея правительство скорѣе рѣшится отмѣнить систему административныхъ взысканій и право администраціи пріостанавливать, по своему усмотрѣнію, изданіе журнала; мы надѣемся, во-вторыхъ, на мудрость и справедливость нашего суда, который, конечно, не станетъ употреблять во зло предоставленное ему право. Основаніемъ этой надежды служитъ, между прочимъ, примѣръ, уже встрѣтившійся въ судебной практикѣ. Трудно представить себѣ статью, которая больше заслуживала бы строгаго взысканія, чѣмъ статья г. Звенигородскаго о судебныхъ слѣдователяхъ и другихъ лицахъ судебнаго вѣдомства, помѣщенная въ «Петербургской Газетѣ» г. Ильи Арсеньева; между тѣмъ, опредѣленіе с.-петербургской судебной палаты о временномъ запрещеніи этой газеты, за напечатаніе статьи г. Звенигородскаго, было отмѣнено уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ правительствующаго сената, присудившимъ гг. Звенигородскаго и И. Арсеньева только къ личному наказанію,—и то въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ та, которая была назначена палатой.

Административная власть, какъ мы уже знаемъ, имѣетъ право налагать арестъ на изданіе прежде выпуска его въ свѣтъ и затѣмъ начинать противъ него судебное преслѣдованіе. Отсюда возникаетъ слѣдующій весьма важный юридическій вопросъ: въ чемъ можетъ быть обвиненъ авторъ или издатель сочиненія такимъ образомъ арестованнаго — въ совершеніи ли преступленія, или въ покушеніи на преступленіе, или же только въ приготовленіи къ нему? Вопросъ этотъ былъ возбужденъ въ первый разъ по дѣлу г. Суворина, и вызвалъ три различныя мнѣнія. Обвинительная власть, какъ въ окружномъ судѣ, такъ и въ судебной палатѣ, признавала г. Суворина виновнымъ въ преступленіи совершившемся, оконченномъ, хотя книга его («Всякіе». Очерки современной жизни) и не была выпущена въ свѣтъ; защита утверж-

---

[1]) Совершенному запрещенію журналъ, по французскому закону, подлежитъ только въ случаѣ осужденія его за преступленіе (crime), т. е., такое противузаконное дѣяніе, которое подлежитъ суду присяжныхъ и подвергаетъ виновнаго одному изъ тягчайшихъ уголовныхъ наказаній.

дала, что въ дѣйствіяхъ г. Суворина—если и допустить его виновность — заключается только приготовленіе къ преступленію; судебная палата избрала среднее мнѣніе и осудила г. Суворина за покушеніе на преступленіе, остановленное независимо отъ его воли [1]). Въ дѣлѣ г. Соколова, преданнаго суду за напечатаніе книги «Отщепенцы» (также арестованной до выпуска въ свѣтъ), судебная палата (въ другомъ составѣ присутствія), пришла къ другому заключенію; она нашла, что *напечатаніе* книги преступнаго содержанія есть только приготовленіе къ преступленію, которое заключается собственно въ *распубликованіи* книги. До разсмотрѣнія кассаціоннаго суда, этотъ вопросъ еще не доходилъ и слѣдовательно остается открытымъ. Мы продолжаемъ держаться того мнѣнія, которое было высказано нами при защитѣ г. Суворина. Необходимая составная часть каждаго преступленія есть вредъ, имъ приносимый, или по крайней мѣрѣ возможность такого вреда. Вредное дѣйствіе журнала или книги можетъ начаться не раньше, какъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ. Пока извѣстная мысль не пущена въ обращеніе, она не подлежитъ никакой отвѣтственности, никакому преслѣдованію, въ какой бы формѣ она ни была выражена — въ формѣ ли письма, или рисунка, или печатнаго сочиненія. Исключеніе изъ этого общаго правила можетъ быть допущено только тогда, когда оно прямо установлено закономъ. Если совершившимся преступленіемъ, въ дѣлахъ печати, можетъ считаться только *распубликованіе*, то покушеніемъ на преступленіе, очевидно, слѣдуетъ признавать только попытку распубликованія, дѣйствіе, непосредственно входящее въ составъ этого понятія [2]). Такъ, напримѣръ, книги посланы къ книгопродавцу, но ни одна еще не продана имъ; это будетъ покушеніе на преступленіе. Всѣ остальныя, предшествовавшія дѣйствія могутъ быть признаваемы не болѣе, какъ приготовленіемъ къ преступленію. Защитники противнаго мнѣнія считаютъ покушеніемъ начало *печатанія* [3]); но именно этотъ выводъ доказываетъ всего лучше несостоятельность системы, изъ которой онъ исходитъ. Ставъ на эту точку зрѣнія, нужно будетъ признать, что административная власть имѣетъ право и даже обязана читать все печатаемое въ типографіи и останавливать печатаніе, какъ скоро замѣтитъ въ сочиненіи что-нибудь противузаконное. Это было бы равносильно возстановленію цензуры, съ прибавленіемъ къ ней личной отвѣт-

[1]) Окружной судъ принялъ мнѣніе обвинительной власти.

[2]) Покушеніемъ на преступленіе признается, по нашему закону (улож. о наказ. ст. 9), всякое дѣйствіе, которымъ начинается или продолжается приведеніе злого намѣренія въ исполненіе.

[3]) См. рѣчь г. прокурора судебной палаты по дѣлу г. Суворина.

ственности издателя или автора. Судить о характерѣ сочиненія можно только тогда, когда оно окончено; всякое преждевременное заключеніе слишкомъ легко можетъ подать поводъ къ ошибкѣ. Наконецъ, издатель или авторъ можетъ измѣнить свое намѣреніе, отказаться отъ выпуска въ свѣтъ печатаемаго или напечатаннаго уже сочиненія. Все это приводитъ къ убѣжденію, что проступокъ печати становится наказуемымъ лишь послѣ распубликованія или попытки распубликовать статью или сочиненіе. Напечатаніе, само по себѣ взятое, есть только приготовленіе къ преступленію [1], — а за приготовленіе къ преступленію наказаніе опредѣляется лишь въ особыхъ, именно законами означенныхъ случаяхъ (улож. о наказ. ст. 112). Къ числу такихъ случаевъ принадлежатъ преступленія государственныя (улож. ст. 245, 248, 251, 252), а также возбужденіе къ противодѣйствію или сопротивленію установленнымъ властямъ (улож. ст. 274, 275). Составленіе сочиненій, содержащихъ въ себѣ преступленія этого рода, наказывается какъ самостоятельное противузаконное дѣяніе, хотя бы за нимъ и не слѣдовало распространеніе. Но различіе между наказаніями за распространеніе и за простое составленіе подобныхъ сочиненій установлено очень большое. Если за распространеніе назначена ссылка въ каторжную работу, то за простое составленіе опредѣляется лишь заключеніе въ крѣпости, на время отъ восьми мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ и восьми мѣсяцевъ; если за распространеніе назначена ссылка на поселеніе въ Сибири, то за простое составленіе опредѣляется только заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 4 мѣсяцевъ. Если принять теорію, опровергаемую нами, то произойдетъ слѣдующая несообразность: за напечатаніе сочиненія, содержащаго въ себѣ возбужденіе къ сопротивленію властямъ,—если оно было арестовано до выпуска въ свѣтъ и слѣдовательно не было распространяемо, — можетъ быть назначено только заключеніе въ тюрьмѣ не свыше четырехъ мѣсяцевъ; между тѣмъ, за напечатаніе, при такихъ же условіяхъ, воззванія, возбуждающаго вражду между различными частями населенія — т. е., за преступленіе, признаваемое гораздо менѣе тяжкимъ,—можетъ быть назначено заключеніе въ смирительномъ домѣ на годъ и четыре мѣсяца, или даже на два года. Въ прусскомъ законѣ о печати (ст. 32, 33) мы находимъ слѣдующія постановленія: «наказуемость преступленія или проступка, совершеннаго посредствомъ печати, начинается съ распубликованіемъ (Veröffentlichung) печатнаго произведенія. Распублико-

[1]) Приготовленіемъ къ преступленію признается, по нашему закону (улож. ст. 8), пріисканіе или пріобрѣтеніе средствъ для совершенія преступленія.

ваніе считается состоявшимся, какъ только началась продажа, разсылка или распространеніе печатнаго произведенія, или же оно выставлено въ мѣстахъ, доступныхъ публикѣ». Эти постановленія, вполнѣ соотвѣтствующія и общимъ началамъ уголовнаго права, и спеціальному характеру проступковъ печати, устраняютъ возможность арестованія сочиненій прежде выпуска ихъ въ свѣтъ. У насъ эта возможность, къ сожалѣнію, существуетъ; но судебное преслѣдованіе сочиненій, такимъ образомъ арестованныхъ, должно имѣть только одинъ законный результатъ,—уничтоженіе (въ случаѣ произнесенія обвинительнаго приговора) всего сочиненія или отдѣльныхъ мѣстъ его, но отнюдь не личную отвѣтственность виновнаго [1]).

Вопросъ о лицахъ, отвѣтствующихъ за проступки печати, разрѣшенъ нашимъ закономъ въ смыслѣ гораздо болѣе либеральномъ, чѣмъ нѣкоторыми другими законодательствами западной Европы. Во Франціи, напримѣръ, за каждый почти проступокъ печати предаются суду и отвѣчаютъ три лица: авторъ, издатель (или редакторъ) и типографщикъ. У насъ принято за общее правило преслѣдованіе только одного лица, при чемъ установлена слѣдующая постепенность. Сочинитель призывается къ суду во всѣхъ случаяхъ, когда онъ не докажетъ, что публикація его сочиненія произведена безъ его вѣдома и согласія; издатель — въ томъ случаѣ, если имя и мѣсто жительства сочинителя неизвѣстны, или послѣдній находится за границей; типографщикъ или литографщикъ — когда ни сочинитель, ни издатель неизвѣстны, или когда мѣстопребываніе ихъ не открыто, или когда они находятся за границей; книгопродавецъ — въ томъ случаѣ, если на продаваемомъ экземплярѣ сочиненія не выставлено имени и мѣста жительства типографщика или литографщика (улож. о наказ. ст. 1,042). Изъ общаго правила объ отвѣтственности одного лица сдѣлано два исключенія. Отвѣтственность за содержаніе помѣщенныхъ въ повременномъ изданіи статей обращается, во всякомъ случаѣ, какъ на главнаго виновника, на редактора изданія (ст. 1,044). Издатели, типографщики и книгопродавцы, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не подлежатъ прямой отвѣтственности, могутъ быть, по обстоятельствамъ дѣла, преслѣдуемы какъ участники въ преступленіяхъ и проступкахъ печати, *если будетъ доказано, что они, зная преступный умыселъ главнаго*

[1]) Исключеніе изъ этого общаго правила составляютъ, какъ уже сказано выше, дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 245, 248, 251, 252 и 274 уложенія о наказаніяхъ.

виновника, *завѣдомо* содѣйствовали публикаціи и распространенію изданія (ст. 1,043).

Правило объ отвѣтственности одного лица, принятое нашимъ закономъ для большинства проступковъ печати, можетъ показаться, съ перваго взгляда, несогласнымъ съ общими началами уголовнаго права, по которымъ отвѣтственность за преступное дѣяніе распространяется на всѣхъ участниковъ его. Но къ проступкамъ печати общія понятія о преступленіи примѣнимы далеко не вполнѣ и не во всѣхъ отношеніяхъ. Мы позволимъ себѣ здѣсь привести небольшую выписку изъ нашей статьи «о лицахъ, отвѣтствующихъ передъ судомъ за преступленія, совершаемыя печатнымъ словомъ», напечатанной лѣтъ шесть тому назадъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1863 г. № 1). «Преступленіе, совершаемое печатнымъ словомъ, не всегда содержитъ въ себѣ матеріальное зло; лицо, его совершающее, не всегда дѣйствуетъ съ злою волей, съ преступнымъ умысломъ. Наказуемость подобныхъ преступленій не можетъ быть выводима ни изъ теоріи возмездія, ни изъ теоріи исправленія, ни изъ соединенія этихъ теорій, на которыхъ обыкновенно зиждутся уголовные законы. Основываясь не столько на справедливости, сколько на государственной пользѣ, она имѣетъ характеръ преимущественно *предупредительный*, превентивный; главная, если не единственная цѣль ея — предупредить публичное (печатное) выраженіе мнѣній, которыя правительство почему-либо признаетъ для себя опасными и вредными. Для достиженія этой цѣли, вполнѣ достаточно ограничить отвѣтственность за каждый проступокъ печати *однимъ лицомъ*. Наказаніе сообщниковъ, пособниковъ преступленія, неизбѣжное съ строго-юридической точки зрѣнія, становится излишнимъ и ненужнымъ, коль скоро идетъ рѣчь не объ удовлетвореніи требованіямъ правды, а о сохраненіи общественнаго порядка. Средства не должны превышать своей цѣли, предупрежденіе не должно переходить въ притѣсненіе; оно можетъ быть оправдано лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно необходимо. *Кто-нибудь* долженъ отвѣчать за каждую строку, появляющуюся въ печати; но одновременное привлеченіе къ суду автора, издателя (или редактора) и типографщика безполезно, а слѣдовательно и несправедливо». Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы вполнѣ сочувствуемъ общему правилу, выраженному въ ст. 1,042-й, но не можемъ не возразить противъ исключеній, установленныхъ въ ст. 1,043 и 1,044. При отвѣтственности автора, отвѣтственность издателя, типографщика и книгопродавца кажется намъ совершенно излишней, хотя бы они и знали о намѣреніи автора. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что это знаніе не предполагается само собою, а должно быть

доказано обвинительною властью [1]). Что касается до отвѣтственности редактора вмѣстѣ съ авторомъ, то въ оправданіе ея приводятся обыкновенно слѣдующія соображенія: редакторъ не можетъ не знать содержанія статей, печатаемыхъ въ его журналахъ, не можетъ не понимать ихъ направленія и смысла; безъ согласія редактора, статья не могла бы появиться въ журналѣ, а слѣдовательно не могло бы и произойти вреда, ею принесеннаго; участіе автора въ *распубликованіи* статьи гораздо менѣе существенно, чѣмъ участіе редактора. Противъ двухъ послѣднихъ доводовъ нельзя не замѣтить, что они примѣняются и къ *издателю*, который, однако, по нашимъ законамъ не привлекается къ суду вмѣстѣ съ авторомъ. Первый доводъ справедливъ въ бо́льшей части случаевъ, но не всегда. Есть статьи, которыя редакторъ ежедневной газеты печатаетъ почти не читая, потому что онѣ написаны постоянными его сотрудниками, пользующимися полнымъ его довѣріемъ. Есть статьи, за фактическое содержаніе которыхъ редакторъ отвѣчать не можетъ, потому что у него нѣтъ средствъ повѣрить правильность сообщаемыхъ ими данныхъ: такова, напримѣръ, бо́льшая часть корреспонденцій изъ губерній. Отвѣтственность редактора имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, еще одно важное неудобство: она располагаетъ редактора къ излишней осторожности въ выборѣ статей, заставляетъ его иногда обращать вниманіе не столько на литературное ихъ достоинство и дѣльность, сколько на безопасность ихъ въ цензурномъ отношеніи. Мы понимаемъ, что для редактора, преданнаго своему дѣлу, безотвѣтственность передъ судомъ была бы часто тяжелѣе всякой отвѣтственности; но не слѣдуетъ забывать и того, какъ тяжело положеніе автора, статья котораго подвергаетъ редактора судебному преслѣдованію. Вотъ почему мы желали бы, по меньшей мѣрѣ, установленія въ Россіи такого же порядка, который существуетъ въ Пруссіи. По прусскому закону о печати (ст. 37), редакторъ повременнаго изданія, посредствомъ котораго совершено преступленіе (Verbrechen) или проступокъ (Vergehen) печати [2]), подвергается личному наказанію лишь тогда, когда признается главнымъ виновнымъ (Urheber) или участникомъ (Theilneh-

---

[1]) Случай преслѣдованія типографщика вмѣстѣ съ авторомъ извѣстенъ намъ только одинъ (дѣло о книгѣ «Отщепенцы», по которому авторъ, г. Соколовъ, былъ преданъ суду вмѣстѣ съ типографщикомъ, г. Головинымъ); но и въ этомъ случаѣ типографщикъ былъ оправданъ.

[2]) Различіе между Verbrechen и Vergehen по прусскому закону тоже самое, какъ по французскому — между crime и délit; нашъ законъ не дѣлаетъ такого различія между словами *преступленіе* и *проступокъ*, но въ литературѣ первое соотвѣтствуетъ слову crime или Verbrechen, второе — слову délit или Vergehen.

тег) преступленія или проступка, а въ противномъ случаѣ подвергается лишь денежному штрафу не свыше пятисотъ или тысячи талеровъ (смотря по тому, идетъ ли рѣчь о проступкѣ или о преступленіи). Какъ относится наша судебная практика по вопросу о мѣрѣ отвѣтственности редактора—объ этомъ нельзя еще сказать ничего положительнаго, такъ какъ до сихъ поръ было только два примѣра осужденія редактора вмѣстѣ съ авторомъ: въ дѣлѣ гг. Жуковскаго и Пыпина, и въ дѣлѣ гг. Стравинскаго и Сомова (временнаго редактора «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»), рѣшенномъ с.-петербургскою судебною палатою 2 апрѣля нынѣшняго года. Въ первомъ случаѣ редакторъ и авторъ были подвергнуты одинаковому наказанію, во второмъ авторъ былъ подвергнутъ денежному штрафу, вдвое меньшему, чѣмъ редакторъ; но это объясняется, можетъ быть, несовершеннолѣтіемъ автора. Статья 1,044-ая не допускаетъ, къ сожалѣнію, наказанія редактора въ меньшей степени, сравнительно съ авторомъ; желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы оно не было опредѣляемо для перваго въ бо́льшей степени, чѣмъ для послѣдняго.

V.

Судопроизводство по дѣламъ печати. — Законъ 12 декабря 1866 г. — Медленность въ движеніи процессовъ печати; вредныя послѣдствія ея. — Гласность въ дѣлахъ печати. — Давность для проступковъ печати.

Въ западной Европѣ свобода печати считается установленною на прочныхъ основаніяхъ только тогда, когда всѣ проступки печати отнесены къ вѣдомству суда присяжныхъ. Исторія печати во Франціи и въ Пруссіи свидѣтельствуетъ въ пользу справедливости этого взгляда. Въ эпоху реставраціи былъ только одинъ короткій проблескъ либерализма, при министерствахъ Дессоля и Деказа (1818 — 1820) — и въ это именно время былъ изданъ законъ 26 мая 1819 г., подчинявшій проступки печати (за исключеніемъ опозоренія и оскорбленія частныхъ лицъ) вѣдомству суда присяжныхъ. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ реакціи двадцатыхъ годовъ была отмѣна этого закона и предоставленіе проступковъ печати вѣдомству судовъ исправительной полиціи, т. е. коронныхъ судей (законъ 25 марта 1822 г.). Вслѣдъ за іюльской революціей проступки печати были вновь подчинены суду присяжныхъ (законъ 8 октября 1830 г.). Законъ 9 сентября 1835 г., изданный, какъ мы уже говорили, подъ вліяніемъ покушенія Фіески на жизнь Людовика-Филиппа — ограничилъ кругъ

дѣйствій суда присяжныхъ, образовавъ изъ палаты перовъ нѣчто въ родѣ верховнаго суда для всѣхъ важнѣйшихъ проступковъ печати. Декретомъ временнаго правительства 6 марта 1848 г. сентябрьскій законъ былъ отмѣненъ и проступки печати возвращены въ вѣдѣніе суда присяжныхъ, съ тѣмъ, что для обвинительнаго приговора требовалось большинство 9 голосовъ изъ 12. Февральскій декретъ 1852 г., создавшій систему административныхъ взысканій, подчинилъ проступки печати судамъ исправительной полиціи — и эта сторона его оставлена въ силѣ новымъ закономъ о печати, обнародованнымъ въ прошедшемъ году. Оппозиція предлагала возвратиться къ закону 1819 г., средняя партія предлагала установить для проступковъ печати особый, спеціальный судъ присяжныхъ; но всѣ эти предложенія были отвергнуты огромнымъ большинствомъ голосовъ. «Судъ присяжныхъ для дѣлъ печати» — таковъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ программы всѣхъ оппозиціонныхъ кандидатовъ на нынѣшнихъ выборахъ въ законодательный корпусъ. Въ Пруссіи судъ присяжныхъ для дѣлъ печати былъ однимъ изъ результатовъ 1848 г.; но законы 1851, 1852 и 1854 гг., уничтожили порядокъ вещей, установленный первою прусскою конституціей, подчинивъ проступки печати — обыкновеннымъ короннымъ судьямъ, а преступленія печати, за немногими, ничтожными исключеніями — верховному государственному суду (Staatsgerichtshof). Этотъ порядокъ вещей существуетъ и до настоящаго времени. Какъ во Франціи, такъ и въ Пруссіи, судъ относится къ проступкамъ печати чрезвычайно строго. Прошло то время, когда президентъ парижскаго апелляціоннаго суда Сегье говорилъ Карлу X-му: la cour rend des arrêts, et non pas des services (судъ постановляетъ рѣшенія, а не оказываетъ услуги), когда редакторъ «Journal des Débats», преданный суду за громовую статью противъ министерства Полиньяка [1]), выходилъ изъ суда торжественно оправданнымъ. Въ промежутокъ времени между 1852 и 1868 г. не было во Франціи *ни одного*, сколько-нибудь политически-окрашеннаго процесса печати, который окончился бы оправдательнымъ приговоромъ. Послѣ изданія закона 1868 г., число процессовъ возрасло до баснословной цифры, среди которой безконечно мало оправданій — да и тѣ немногіе оправдательные приговоры, которые произносятся судомъ первой инстанціи, почти всегда отмѣняются судомъ апелляціоннымъ. И для Пруссіи прошло то время, когда мельникъ въ Санъ-Суси говорилъ съ справедливою гордостью:

---

[1]) Статья эта указывала неизбѣжныя послѣдствія того пути, на который вступилъ Полиньякъ, и оканчивалась словами: «malheureux roi! malheureuse France»!

«Es giebt noch Richter in Berlin»! когда берлинскій апелляціонный судъ отстаивалъ свободу совѣсти противъ Фридриха-Вильгельма II, когда реакція 1849—50 г. находила отпоръ въ судьяхъ подобныхъ Тадделю и достойнымъ товарищамъ его. Въ средѣ прусской магистратуры и теперь еще гораздо болѣе самостоятельности и безпристрастія, чѣмъ въ средѣ магистратуры французской; но при тѣхъ средствахъ вліянія, которыми располагаетъ правительство въ отношеніи къ судьямъ, при постоянномъ, систематическомъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, назначеніи въ верховный судъ (Ober-Tribunal) только людей ультраконсервативнаго образа мыслей, неудивительно, что огромное большинство процессовъ печати оканчивается осужденіемъ подсудимыхъ. Какъ только внутреннее движеніе, затихшее послѣ внѣшнихъ успѣховъ 1866 г., опять овладѣетъ Пруссіей, вопросъ о возстановленіи суда присяжныхъ для дѣлъ печати непремѣнно будетъ поднятъ всѣми оттѣнками прусской или, лучше сказать, общегерманской либеральной партіи.

Переходя отъ западной Европы къ Россіи, мы не можемъ не остановиться прежде всего на слѣдующемъ фактѣ. Мысль о подчиненіи проступковъ печати суду присяжныхъ была заявлена у насъ еще до изданія закона 6 апрѣля 1865 г.,—но кѣмъ? Коммиссіей, приготовившей этотъ законъ — тою самой коммиссіей, которая внесла въ него. систему административныхъ взысканій. Коммиссія находила, что сословіе собственниковъ (изъ среды котораго—именно изъ числа гласныхъ городскихъ думъ — она предполагала избирать присяжныхъ для разрѣшенія дѣлъ печати) представляетъ болѣе гарантій консерватизма, чѣмъ вновь образуемая магистратура, что органы магистратуры будутъ принадлежать именно къ тому слою общества, въ которомъ у насъ почти исключительно сосредоточены прогрессивныя тенденціи. Мнѣніе коммиссіи не было принято; но оно должно предостеречь насъ противъ слишкомъ безусловнаго примѣненія взглядовъ, выработанныхъ на Западѣ, къ современному положенію дѣлъ у насъ въ Россіи. Съ теоретической точки зрѣнія судъ присяжныхъ имѣетъ, для дѣлъ печати, безспорное преимущество передъ судомъ коронныхъ судей. Общество, представителями котораго служатъ присяжные, конечно, лучшій судья проступковъ, находящихся въ самой тѣсной связи съ общественною жизнью, непосредственно изъ нея проистекающихъ и непосредственно на нее дѣйствующихъ. Двѣнадцать гражданъ, взятыхъ изъ разныхъ слоевъ общества, призванныхъ къ общественной дѣятельности на самое короткое время, не солидарныхъ между собою и ни передъ кѣмъ не отвѣтственныхъ, — легче, чѣмъ

кто бы то ни было, могутъ отрѣшиться отъ всякихъ посторонних соображеній и постановить приговоръ на основаніи однихъ только обстоятельствъ дѣла. Но, съ другой стороны, становясь на точку зрѣнія чисто практическую, едва ли возможно отвергать, что значеніе политической печати еще не сдѣлалось у насъ вполнѣ понятнымъ для всѣхъ классовъ общества, и что при обсужденіи проступковъ печати присяжными засѣдателями вѣроятнѣе были бы, въ настоящее время, недоразумѣнія во вредъ, чѣмъ въ пользу печати. Въ обществѣ, давно волнуемомъ политическою борьбою, въ обществѣ, въ которомъ существуютъ партіи прямо враждебныя правительству, органамъ судебной власти трудно сохранить нейтралитетъ между борющимися сторонами. Они становятся, мало-по-малу, солидарными съ одною изъ нихъ — конечно съ тою, къ которой они ближе и отъ которой они больше зависятъ, — вовлекаются въ общее движеніе, теряютъ въ немъ безпристрастное и спокойное отношеніе къ дѣлу, и оканчиваютъ тѣмъ, что въ каждомъ подсудимомъ видятъ чуть ли не личнаго противника своего. Мы знаемъ, что во Франціи такой взглядъ на подсудимыхъ проявляется, со стороны суда и обвинительной власти, не только въ дѣлахъ печати, но и въ обыкновенныхъ процессахъ. У насъ было бы напрасно опасаться чего-нибудь подобнаго. Безпристрастію нашихъ судей еще не угрожаютъ тѣ подводные камни, о которые разбилась прежняя слава французской и прусской магистратуры. Въ нашей спокойной средѣ возможенъ спокойный взглядъ на роль суда въ дѣлахъ печати — возможенъ и между самими судьями, и въ другихъ сферахъ, соприкасающихся съ судебной. Мы основываемъ наше мнѣніе не только на догадкахъ, но и на тѣхъ — правда, немногочисленныхъ — данныхъ, которыя представляетъ трехлѣтняя исторія нашего новаго суда по дѣламъ печати. Мы найдемъ въ ней не меньше оправданій или рѣшеній по возможности снисходительныхъ, чѣмъ строгихъ приговоровъ, на которые такъ щедры французскіе суды. Долго ли будетъ продолжаться такое положеніе дѣлъ — это вопросъ, на который никто не можетъ дать положительнаго отвѣта. Но мы говоримъ не о будущемъ, а о настоящемъ — и въ отношеніи къ настоящему считаемъ себя въ правѣ утверждать, что вопросъ объ отнесеніи проступковъ печати къ вѣдомству суда присяжныхъ не есть вопросъ первой важности для нашей литературы, что подсудность этихъ проступковъ, установленная дѣйствующимъ закономъ, не требуетъ немедленной перемѣны, и что свобода печати — конечно не въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова — возможна у насъ и при подчиненіи печати суду коронныхъ судей.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. не установляли никакого специальнаго порядка судопроизводства для дѣлъ печати. Эти дѣла были подчинены, на общемъ основаніи, вѣдомству окружнаго суда, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда проступокъ печати имѣетъ характеръ государственнаго преступленія [1]). Но не прошло и полугода со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, какъ уже было признано нужнымъ измѣнить постановленія ихъ именно въ отношеніи къ проступкамъ печати [2]). Законъ 12 декабря 1866 г. подчинилъ проступки предусмотрѣнные въ ст. 181,189, 274, 1,035 — 1,037 улож. о наказ., а также дѣла объ оскорбленіяхъ должностныхъ лицъ, присутственныхъ мѣстъ и установленій, непосредственному разсмотрѣнію судебной палаты, на приговоры которой, когда они постановлены безъ участія присяжныхъ засѣдателей [3]), допускаются апелляціонные отзывы и протесты правительствующему сенату (по уголовному кассаціонному департаменту). Окружному суду остались подсудными только проступки печати, направленные противъ частныхъ лицъ, и важнѣйшія изъ нарушеній цензурныхъ и тому подобныхъ правилъ (нарушенія менѣе важныя отнесены къ вѣдомству мировыхъ судей). Обязанность возбуждать преслѣдованіе по преступленіямъ и проступкамъ печати возложена закономъ 12 декабря 1866 г. исключительно на главное управленіе по дѣламъ печати и на цензурные комитеты, кромѣ случаевъ оскорбленія присутственныхъ мѣстъ, установленій и должностныхъ лицъ. Въ этихъ случаяхъ преслѣдованіе возбуждается прокуроромъ не иначе, какъ по жалобамъ, объявленіямъ или сообщеніямъ отъ потерпѣвшихъ оскорбленіе. По всѣмъ этимъ жалобамъ, объявленіямъ и сообщеніямъ, равно какъ и по сообщеніямъ главнаго управленія по дѣламъ печати и цензурныхъ комитетовъ, *прокуроръ обязывается начать преслѣдованіе;* если же онъ въ сообщеніи главнаго управленія или цензурнаго комитета встрѣтитъ какія-либо затрудненія или сомнѣнія, то долженъ представить о

---

[1]) Дѣла о государственныхъ преступленіяхъ подсудны особому присутствію судебной палаты (составляемому изъ уголовнаго департамента этой палаты, губернскаго предводителя дворянства, одного уѣзднаго предводителя, одного городского головы и одного волостного старшины).

[2]) Окружной судъ (с. петербургскій) успѣлъ рѣшить по существу только два процесса о проступкахъ печати: процессъ г. Суворина и процессъ гг. Жуковскаго и Пыпина. По первому былъ постановленъ обвинительный приговоръ, впослѣдствіи смягченный, по второму — приговоръ оправдательный, впослѣдствіи отмѣненный судебною палатою.

[3]) Изъ числа вышеозначенныхъ дѣлъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей рѣшаются только дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 181, 189 и 274 (преступленія противъ вѣры и возбужденіе къ сопротивленію властямъ).

нихъ министру юстиціи, и потомъ въ дальнѣйшемъ направленіи дѣла руководствоваться тѣмъ разрѣшеніемъ, какое имъ отъ министра получено будетъ.

Законъ 12 декабря 1866 г. создалъ для обвинительной власти, по дѣламъ печати, положеніе совершенно особаго рода, несходное съ тѣмъ, которое она занимаетъ вообще въ уголовномъ процессѣ. Она лишена принадлежащаго ей права иниціативы, права возбуждать преслѣдованіе по непосредственно усмотрѣннымъ ею преступленіямъ или признакамъ преступныхъ дѣяній (уст. угол. судопр. ст. 297 пун. 4, 311); она поставлена въ необходимость поддерживать обвиненіе даже и тогда, когда признаетъ его неосновательнымъ, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, лица прокурорскаго надзора должны дѣйствовать единственно на основаніи своего убѣжденія и существующихъ законовъ (учр. суд. установл. ст. 130). Другими словами, въ дѣлахъ печати настоящею обвинительною властью является не прокурорскій надзоръ, а спеціальныя административныя учрежденія, наблюдающія за печатью; за прокурорскимъ надзоромъ осталась только судебная защита взглядовъ и мнѣній, выработанныхъ этими учрежденіями. Намъ кажется, что для такого существеннаго отступленія отъ общихъ началъ судопроизводства не представлялось достаточныхъ основаній, что организація нашего прокурорскаго надзора устраняла всякую возможность предполагать съ его стороны небрежное или слишкомъ снисходительное отношеніе къ проступкамъ печати. Успѣхъ обвиненія зависитъ, въ значительной степени, отъ силы убѣжденія, съ которою оно поддерживается; а вполнѣ сильнымъ убѣжденіе можетъ быть только тогда, когда оно свободно. Какъ бы то ни было, монополія преслѣдованія проступковъ печати, за исключеніемъ дѣлъ о диффамаціи и оскорбленіи, сосредоточена въ рукахъ главнаго управленія по дѣламъ печати и цензурныхъ комитетовъ; мимо нихъ не можетъ быть начато преслѣдованіе, хотя бы прокурорскій надзоръ или другое вѣдомство и находили въ какой-либо статьѣ признаки преступленія или проступка. Отсюда слѣдуетъ заключить, между прочимъ, что статья, подавшая поводъ къ предостереженію, не можетъ быть предметомъ судебнаго преслѣдованія. Нельзя допустить, чтобы одно и тоже вѣдомство могло налагать двойную кару за одинъ и тотъ же проступокъ; избирая, въ данномъ случаѣ, одну карательную мѣру, оно этимъ самымъ навсегда отказывается отъ другой, такъ какъ выборъ между ними зависѣлъ вполнѣ и исключительно отъ его усмотрѣнія.

На основаніи закона 12 декабря 1866 г., сообщенія главнаго управленія по дѣламъ печати должны заключать въ себѣ

всѣ свѣдѣнія, необходимыя для составленія прокуроромъ обвинительнаго акта, а равнымъ образомъ и законъ, въ которомъ предусмотрѣно преслѣдуемое преступленіе, такъ чтобы судебной палатѣ можно было прямо приступить къ судебному слѣдствію. Предварительное слѣдствіе по дѣламъ печати вообще составляетъ рѣдкое исключеніе; оно необходимо только въ дѣлахъ о клеветѣ, когда жалующійся или обвиняемый просятъ о собраніи фактическихъ данныхъ, да развѣ еще въ тѣхъ случаяхъ, когда предстоитъ опредѣлить мѣру участія издателя или типографщика въ преступномъ умыслѣ автора. Черезъ обвинительную камеру дѣла печати также проходятъ весьма рѣдко (до сихъ поръ только одинъ разъ — дѣло г. Соколова), потому что проступки печати, какъ мы уже говорили, бо̀льшею частью не влекутъ за собою ни лишенія, ни ограниченія правъ, а обвинительные акты по дѣламъ этого рода предлагаются непосредственно суду, рѣшающему дѣло по существу. Свидѣтелей по дѣламъ печати никогда не бываетъ много, подробныхъ и продолжительныхъ справокъ они не требуютъ. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ предполагать, что дѣла печати производятся и оканчиваются съ особенною быстротою, въ двѣ-три недѣли, въ рѣдкихъ случаяхъ — въ полтора-два мѣсяца, какъ мы это и видимъ за границей. Между тѣмъ наша судебная практика представляетъ картину совершенно другого рода: нѣтъ, можетъ быть, ни одной категоріи дѣлъ, по которой медленность производства была бы такъ замѣтна, какъ по дѣламъ печати. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Вторая часть сочиненій г. Писарева была подвергнута аресту 2 іюня 1866 г., цензурный комитетъ сообщилъ прокурорскому надзору о возбужденіи преслѣдованія противъ издателя книги, г. Павленкова, 4 іюля того же года — а рѣшеніе судебной палаты состоялось лишь 5 іюня 1868 года! Противъ двухъ передовыхъ статей, напечатанныхъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» въ іюлѣ 1867 г., возбуждено судебное преслѣдованіе въ августѣ того же года—а рѣшеніе судебной палаты не состоялось до начала мая 1869 года. Если между возбужденіемъ процесса противъ гг. Сомова и Стравинскаго (за напечатаніе въ «Спб. Вѣдомостяхъ» корреспонденціи, оскорбительной для эстляндскаго губернскаго начальства) и рѣшеніемъ судебной палаты (2 апрѣля 1869 г.) прошло только мѣсяцевъ семь или восемь, то это можно назвать, сравнительно, исходомъ дѣла необыкновенно скорымъ. Съ другой стороны, бываютъ случаи прекращенія дѣла безъ судебнаго рѣшенія черезъ годъ или больше послѣ возбужденія преслѣдованія и наложенія на книгу предварительнаго ареста (дѣло о книгѣ г. Сѣченова «Рефлексы головного мозга», дѣло о со-

чиненіяхъ Герберта Спенсера). Дѣло о второмъ томѣ сборника «Лучъ», возникшее года два или болѣе тому назадъ, остается безъ разрѣшенія до настоящаго времени. Намъ извѣстно одно дѣло о клеветѣ, начатое въ декабрѣ 1867 г. и до сихъ поръ еще не назначенное къ слушанію окружнымъ судомъ. Между тѣмъ возможно-быстрое разрѣшеніе процессовъ печати — лишь бы только быстрота не переходила въ торопливость — необходимо въ интересахъ правительства, въ интересахъ частныхъ лицъ, и еще болѣе въ интересахъ литературы. Возбуждая судебное преслѣдованіе за проступки печати, правительство видитъ въ немъ не только средство наказать отдѣльное нарушеніе закона, но и предостереженіе для всей литературы, болѣе яснымъ указаніемъ черты, отдѣляющей въ данную минуту дозволенное отъ недозволеннаго. Этой цѣли судебное преслѣдованіе можетъ достигнуть только тогда, когда оно быстро приводитъ къ судебному приговору, когда въ моментъ постановленія приговора еще свѣжо воспоминаніе о преслѣдуемой статьѣ, когда разборъ ея передъ судомъ не представляется какимъ-то искусственнымъ возобновленіемъ давно поконченныхъ счетовъ. Съ другой стороны, медленность въ разрѣшеніи процессовъ печати можетъ служить, какъ мы уже замѣтили въ нашей первой статьѣ, аргументомъ противъ отмѣны административныхъ взысканій. Для частныхъ лицъ, подвергшихся клеветѣ, судебное изслѣдованіе представляется прежде всего средствомъ къ возстановленію истины, а вмѣстѣ съ нею и чести оскорбленнаго лица; но и это, въ свою очередь, возможно только подъ условіемъ быстраго хода процесса. Что пользы въ томъ, если клевета, распространенная въ 1867 г. и успѣвшая произвести впечатлѣніе на общество, а потомъ быть имъ забытой, будетъ опровергнута судомъ въ концѣ 1869 года? Очевидно, что изъ-за такого поздняго оправданія не стоило и начинать процесса.

Для самого автора, редактора или издателя тяжела неизвѣстность, тяготѣющая надъ нимъ во время процесса, но еще тяжелѣе тѣ послѣдствія, которыя влечетъ за собою преждевременное арестованіе книги и нахожденіе ея подъ арестомъ въ продолженіе года или даже двухъ, трехъ лѣтъ. Мы видѣли уже, что по закону предварительный арестъ можетъ быть налагаемъ только въ *чрезвычайныхъ*, т. е. исключительныхъ случаяхъ; но на практикѣ онъ является — по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ изданіямъ не періодическимъ — не исключеніемъ, а общимъ правиломъ. Ему подвергаются и книги, впослѣдствіи, съ согласія самой административной власти, признаваемыя неподлежащими преслѣдованію, и книги, издатель которыхъ, по мнѣ-

нію обвинительной власти, подлежитъ только денежному штрафу въ триста рублей (дѣло г. Павленкова). За исключеніемъ дѣла г. Бибикова, разсмотрѣннаго еще прежними судебными мѣстами, мы не помнимъ ни одного случая, въ которомъ возбужденіе судебнаго преслѣдованія противъ книги не сопровождалось бы наложеніемъ на нее ареста еще до выхода ея въ свѣтъ. Если бы судебное производство продолжалось не болѣе одного или двухъ мѣсяцевъ, то наложеніе ареста, конечно, оставаясь чувствительнымъ для издателей, не имѣло бы для нихъ особенно вредныхъ результатовъ. Но нахожденіе книги подъ арестомъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ можетъ привести къ совершенному разоренію издателя. Онъ теряетъ проценты съ затраченнаго имъ капитала, или, можетъ быть, самъ платитъ огромные проценты съ занятыхъ имъ для изданія денегъ; онъ теряетъ столь важную въ коммерческомъ быту возможность пустить свои деньги въ новый оборотъ, въ новое предпріятіе; онъ рискуетъ сохранить на своихъ рукахъ все изданіе, наконецъ освобожденное отъ ареста, если въ промежутокъ времени, истекшій между наложеніемъ и снятіемъ ареста, вкусы публики измѣнились или появилась другая книга, замѣняющая сочиненіе имъ изданное. Вотъ почему мы указываемъ еще разъ на необходимость измѣнить существующій у насъ порядокъ наложенія ареста на произведенія печати. Это измѣненіе тѣмъ легче, что законъ 12 декабря 1866 г. предоставилъ уже *суду* право налагать арестъ на изданіе прежде постановленія о немъ окончательнаго приговора.

Изъ всего сказаннаго нами видно, что главныя причины медленности, съ которою производятся дѣла печати, заключаются не въ самомъ порядкѣ производства, и слѣдовательно могутъ быть устранены безъ измѣненія закона. Каждый процессъ печати (мы говоримъ о проступкахъ подсудныхъ судебной палатѣ) проходитъ черезъ три фазиса: онъ возбуждается учрежденіемъ на то уполномоченнымъ, разсматривается прокуроромъ судебной палаты и рѣшается судебною палатою. Иногда къ обычнымъ тремъ фазисамъ присоединяется еще одинъ: сношеніе прокурора съ министерствомъ юстиціи, министерства юстиціи—съ вѣдомствомъ возбудившимъ преслѣдованіе (по статьѣ 7-ой закона 12 декабря 1866 г.). Въ этомъ фазисѣ дѣла заключается зародышъ медленности, почти неизбѣжный; но три остальные могутъ бытъ пройдены въ самое короткое время. На которомъ изъ нихъ дѣла до сихъ поръ останавливались и останавливаются всего дольше — это вопросъ, обсужденіе котораго кажется намъ не совсѣмъ удобнымъ потому, что оно могло бы привести насъ къ разбору дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Средствомъ къ ускоренію дѣлъ о

печати могло бы служить назначеніе сроковъ для перехода процессовъ отъ цензурнаго вѣдомства къ прокурору, отъ прокурора— къ палатѣ. Намъ кажется, впрочемъ, что для прокурора этотъ срокъ уже установленъ закономъ. По ст. 517 уст. угол. судопр. прокуроръ обязанъ дать указанный въ законѣ ходъ всякому слѣдствію въ теченіи *недѣли* со времени его полученія. Такъ какъ по дѣламъ печати сообщеніе подлежащаго вѣдомства замѣняетъ собою предварительное слѣдствіе, то семидневный срокъ долженъ считаться со дня полученія прокуроромъ этого сообщенія. Составить обвинительный актъ или заключеніе о прекращеніи дѣла на основаніи предварительнаго слѣдствія, безъ сомнѣнія, гораздо труднѣе [1]), нежели составить обвинительный актъ по дѣлу печати, матеріялъ для котораго весь собранъ и разработанъ въ сообщеніи цензурнаго вѣдомства. Если соблюденіе семидневнаго срока признается возможнымъ въ первомъ случаѣ, то еще менѣе препятствій оно можетъ встрѣтить въ послѣднемъ.

Процессы печати производятся публично и подлежатъ обнародованію на тѣхъ же основаніяхъ и съ тѣми же ограниченіями, какъ и всѣ другія уголовныя дѣла. Изъ этого общаго правила законъ 12 декабря 1866 г. сдѣлалъ исключеніе: по дѣламъ объ оскорбленіяхъ (точнѣе объ диффамаціи или объ опозореніи), въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ не допускается до представленія доказательствъ справедливости позорящаго обстоятельства, пренія въ судѣ происходившія не могутъ быть печатаемы, хотя бы они производились въ присутствіи публики. По этимъ дѣламъ печатается одинъ только приговоръ суда, съ особаго при томъ его разрѣшенія; печатаніе же всѣхъ подробностей судебнаго засѣданія или одной первоначальной жалобы истца разрѣшается предсѣдателемъ суда въ такомъ только случаѣ, когда самъ обиженный будетъ о томъ просить. Мы полагаемъ, что подобная просьба обязательна для обиженнаго, когда онъ видитъ въ судебномъ преслѣдованіи средство возстановить истину, а не только наложить молчаніе на противника.

Срокъ для возбужденія судебнаго преслѣдованія по нарушеніямъ постановленій о печати полагается, со дня совершенія, годовой [2]) (законъ 6 апрѣля 1865 г. гл. IV ст. 7,—Уложен. о наказ. примѣч. къ ст. 158). Этотъ срокъ втрое меньше того, который

---

[1]) Мы говоримъ объ общемъ правилѣ, а не объ исключеніяхъ, возможность которыхъ конечно не отвергаемъ.

[2]) Подъ именемъ нарушенія постановленій о печати здѣсь слѣдуетъ понимать не нарушенія въ тѣсномъ смыслѣ слова, о которыхъ мы говорили въ четвертой главѣ, а всѣ вообще проступки печати. Это видно изъ сравненія ст. 7 гл. IV закона 6 апрѣля съ ст. 5 и 8 той же главы этого закона.

существуетъ во Франціи, но вдвое больше того, который установленъ въ Пруссіи закономъ 12-го апрѣля 1851 года. Сравнительно со сроками давности, принятыми нашимъ общимъ уголовнымъ закономъ, срокъ для преслѣдованія проступковъ печати гораздо короче, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда наказаніе ограничивается арестомъ или денежнымъ штрафомъ. Въ пользу возможно-короткаго срока для преслѣдованія проступковъ печати говорятъ тѣже самыя соображенія, которыя были приведены нами въ пользу возможно-быстраго производства дѣлъ печати. Съ точки зрѣнія правительства, короткій срокъ давности не представлялъ бы никакихъ затрудненій, потому что проступки печати не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые могутъ ускользнуть отъ его вниманія.

Если система административныхъ взысканій не совмѣстна съ правильнымъ развитіемъ печати и не вызывается ни волненіемъ умовъ въ средѣ общества, ни опаснымъ направленіемъ литературы; если отдѣлы литературы, освобожденные отъ предварительной цензуры, дали поводъ, въ продолженіе трехъ съ половиною лѣтъ, къ весьма немногимъ судебнымъ преслѣдованіямъ политическаго свойства; если уголовные законы о печати, неопредѣленные по редакціи, строгіе по установленнымъ въ нихъ наказаніямъ, угрожаютъ неминуемою и тяжкою отвѣтственностью всякому сколько-нибудь серьезному нарушенію постановленій о печати; если судопроизводство по дѣламъ печати представляетъ по крайней мѣрѣ столько же гарантій для правительства, какъ и для печати,—то не въ правѣ ли мы придти къ тому общему выводу, что полное освобожденіе печати отъ предварительной цензуры и отъ карательной власти администраціи[1]), подчиненіе ея исключительно суду, соотвѣтствуетъ одинаково интересамъ правительства, общества и литературы? Мы считали бы себя счастливыми, если бы наша статья устранила или поколебала хотя одно изъ предубѣжденій, препятствующихъ желанной, необходимой реформѣ.

К. Арсеньевъ.

---

[1]) За исключеніемъ развѣ сочиненій самыхъ небольшихъ по объему, самыхъ дешевыхъ по цѣнѣ.

ѲЕОФАНЪ

И

ЕГО ПРОТИВНИКИ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. И. Чистовича. Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ. Т. IV. Спб. 1868. Стр. 750.

Дѣйствительное значеніе Ѳеофана Прокоповича въ исторіи нашего общества до сихъ поръ не находило себѣ достаточнаго объясненія, а біографія его — достаточной разработки въ нашей литературѣ. Весьма кстати потому является теперь обширная монографія г. Чистовича, посвященная вполнѣ изученію дѣятельности одного изъ замѣчательныхъ сподвижниковъ Петра Великаго. Трудъ (или «статья») г. Чистовича заняла собою весь томъ IV академическаго «Сборника» и напечатанъ тамъ послѣ двукратнаго представленія его въ Академію наукъ; представленное въ первый разъ на демидовскую премію, въ рукописи, это изслѣдованіе было разсмотрѣно акад. Пекарскимъ, и г. Чистовичу присуждена была половинная премія; затѣмъ, оно было вновь пересмотрѣно г. Чистовичемъ, значительно дополнено отчасти по замѣчаніямъ, сдѣланнымъ въ академической рецензіи, и вновь представлено на уваровскую премію, которая также была ему присуждена.

Г. Чистовичъ уже давно занимался временами Ѳеофана и напечаталъ нѣсколько отдѣльныхъ статей, которыя включены имъ и въ эту книгу. Онъ собралъ множество матеріала, въ которомъ найдутся чрезвычайно характеристическія черты времени, рас-

крывающія смутный и сложный процессъ общественнаго развитія, начатаго реформой. Мы знали и до сихъ поръ, сколько въ этомъ процессѣ было тягостнаго и мучительнаго, съ какимъ трудомъ нововведенія реформы пролагали себѣ путь въ жизнь, и съ какимъ отчаяннымъ сопротивленіемъ встрѣчала ихъ старина, представителями которой было огромное большинство народа. Книга г. Чистовича представляетъ цѣлый длинный рядъ разсказовъ по подлиннымъ документамъ, рядъ, обнимающій цѣлую область общественной жизни, гдѣ также шла эта отчаянная борьба, именно область церковныхъ отношеній: документы, напечатанные и пересказанные г. Чистовичемъ, появляются отчасти впервые въ печати и рисуютъ картину, нерѣдко поражающую своими мрачными подробностями даже читателя, знакомаго съ нравами нашего XVIII-го вѣка. Исторія «времени», излагаемая г. Чистовичемъ, нерѣдко представляетъ собой только исторію застѣнка, дыбы и кнута; борьба общественныхъ элементовъ и направленій рѣшается въ тайной канцеляріи. Авторъ имѣлъ полное право сосредоточить исторію этого времени около Ѳеофана, потому что Ѳеофанъ дѣйствительно былъ центральнымъ лицомъ времени въ этихъ церковно-общественныхъ отношеніяхъ, какъ потому, что онъ былъ наиболѣе выдающеюся личностью по своимъ талантамъ и разнообразной дѣятельности, такъ еще и потому, что противъ него именно направлялась непримиримая вражда приверженцевъ старины, наполняющая эту исторію.

Ѳеофанъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ сотрудниковъ Петра Великаго. Петръ узналъ его въ первый разъ въ 1706 г., и тогда уже обратилъ на него вниманіе; Ѳеофанъ сопровождалъ Петра въ прутскомъ походѣ; въ 1715—16 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, и только послѣдніе семь-восемь лѣтъ онъ былъ непосредственно близокъ къ императору и могъ служить его предначертаніямъ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ съ первыхъ шаговъ пріобрѣлъ чрезвычайную довѣренность Петра — онъ тотчасъ вошелъ въ его планы и исполнялъ ихъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. «Нужно ли государю оправдать передъ народомъ и передъ свѣтомъ свой поступокъ съ царевичемъ, отрѣшеннымъ отъ престола, онъ поручаетъ Ѳеофану написать *Правду воли монаршей*. Нужно ли оправдать отмѣну патріаршества и учрежденіе, вмѣсто него, коллегіальнаго синодальнаго правленія, и онъ поручаетъ Ѳеофану написать это оправданіе съ изъясненіемъ его законности изъ каноническихъ правилъ и древнихъ церковныхъ примѣровъ. Петру не нравится въ народѣ лицемѣріе, происходящее отъ непониманія истиннаго христіанскаго благочестія, и Ѳеофанъ пишетъ по его порученію книгу противъ лицемѣровъ, съ изъясне-

ніемъ духа истинной христіанской набожности. Государя занимаютъ раскольницкія дѣла: и Ѳеофанъ пишетъ одно за другимъ объявленія и увѣщанія къ раскольникамъ. Ни одной стороны его реформы, ни одного событія изъ его царствованія онъ не оставилъ безъ того, чтобы не изъяснить съ церковной каѳедры ихъ пользы и значенія. Въ послѣдніе годы жизни Петръ рѣшается преобразовать монашество русское и самъ составляетъ планъ этого преобразованія. Ѳеофанъ изъясняетъ законность этого преобразованія изъ самой исторіи монашества и церковныхъ правилъ», и пр. (стр. 119). Эти труды производились обыкновенно при самомъ близкомъ участіи самого Петра, такъ-что это было въ настоящемъ смыслѣ слова сотрудничествомъ; Ѳеофанъ вообще умѣлъ лучше, чѣмъ кто-нибудь, понимать намѣренія и цѣли Петра, и выполнялъ ихъ чрезвычайно удачно. Правда, «говоря о духѣ (этихъ трудовъ), надо признаться съ сожалѣніемъ — прибавляетъ г. Чистовичъ,—что Ѳеофанъ примѣнялся къ произволу монарха, забывая иногда святую правду и жертвуя истиною цареугодливости» (стр. 119). Но, во-первыхъ эта угодливость есть такое обыкновенное явленіе у людей того положенія, какое занималъ Ѳеофанъ, что обвиненіе этого рода падаетъ на него вмѣстѣ съ неисчислимымъ множествомъ другихъ извѣстныхъ людей, показавшихъ и въ то время и послѣ еще меньше безкорыстія и любви къ правдѣ; во-вторыхъ, Ѳеофанъ имѣетъ за себя оправданіе, какого не имѣютъ другіе цареугодники: если онъ заходилъ слишкомъ далеко въ своей ревности, то по крайней мѣрѣ онъ дѣлалъ это въ томъ самомъ направленіи, которому вообще принадлежало его сочувствіе. Потому-то искренность его сочувствія къ реформаторской дѣятельности Петра не можетъ подлежать никакому сомнѣнію: съ этимъ соглашается и самъ г. Чистовичъ: «къ чести Ѳеофана надо сказать—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ — что *при противныхъ обстоятельствахъ* онъ *не перемѣнялъ* своихъ убѣжденій. При Екатеринѣ, Петрѣ II, и Аннѣ онъ весь тотъ же, что былъ и при Петрѣ I» (стр. 576). Этого, кажется, довольно для тѣхъ временъ, когда противиться обстоятельствамъ было очень не легко. И дѣйствительно, характеръ Ѳеофана остается тотъ же: всѣ его собственныя помышленія, всѣ его стремленія и понятія— съ тѣхъ поръ, какъ вообще началась его дѣятельность — были направлены въ ту же самую сторону, въ какую направлялись при Петрѣ, на борьбу съ наслѣдованнымъ отъ дѣдовъ и отцовъ суевѣріемъ и невѣжествомъ, съ лицемѣріемъ или изувѣрствомъ, на распространеніе здравыхъ понятій и утвержденіе правильной школы.

Этотъ послѣдній характеръ Ѳеофана выказался съ самаго пер-

ваго вступленія его въ практическую дѣятельность, когда, вернувшись изъ своего заграничнаго путешествія, онъ принятъ былъ въ кіевскую академію, гдѣ былъ сначала учителемъ поэзіи и реторики, а потомъ профессоромъ богословія. Ѳеофанъ получилъ свое образованіе въ школѣ католической, особенно въ римской іезуитской академіи, гдѣ онъ воспользовался всѣмъ запасомъ тогдашней католической учености; но католицизмъ не только не оказалъ на него ни малѣйшаго вліянія, какъ это бывало въ различной степени съ большинствомъ южно-русскаго ученаго духовенства, получившаго образованіе въ школахъ католическаго устройства; но напротивъ того, католицизмъ возбудилъ въ Ѳеофанѣ самую ожесточенную ненависть. Біографія не достаточно объясняетъ, какимъ образомъ сложились научныя и богословскія понятія Ѳеофана къ тому времени, когда мы встрѣчаемъ его преподавателемъ въ кіевской академіи. Если его вражда къ католицизму могла отчасти происходить изъ коренной православной основы его понятій; то этимъ однимъ все-таки нельзя объснить его цѣлаго научнаго и богословскаго характера. Въ богословіи, его авторитетами являются, при самомъ началѣ его ученой карьеры, писатели протестантскіе; ему знакомы общія философскія задачи времени и труды такихъ писателей, которыхъ никакъ не могла рекомендовать ему ни католическая школа, ни православныя убѣжденія — таковы Декартъ и Бэконъ, которыхъ онъ еще во время кіевской службы читалъ съ своимъ пріятелемъ Марковичемъ, авторомъ извѣстныхъ записокъ. Однимъ изъ любимыхъ его писателей былъ извѣстный въ свое время протестантскій теологъ Буддей. Въ развитіи его понятій очевидно дѣйствовало протестантское вліяніе; но происхожденіе и ходъ этого вліянія, какъ мы замѣтили, весьма недостаточно указаны, и даже почти вовсе не указаны біографіей [1]). Какъ бы то ни было, поступивъ въ кіевскую академію профессоромъ, Ѳеофанъ на первыхъ же порахъ обнаружилъ рядомъ съ ненавистью къ католицизму и положительную наклонность къ протестантской теологической наукѣ. Это совершенно естественно поставило его въ враждебное отношеніе къ существовавшему школьному порядку, устроившемуся подъ католическими вліяніями, и къ людямъ, которые воспитались въ этомъ порядкѣ и поддерживали его.

Г. Чистовичъ, упомянувъ объ этомъ вліяніи католичества на

[1]) Напр. на стр. 368 г. Чистовичъ называетъ президента Берлинской академіи наукъ, Даніила Эрнеста Яблонскаго, «хорошимъ знакомцемъ Ѳеофановымъ», но мы не находимъ объясненія того, гдѣ произошло или могло произойти это хорошее знакомство.

православную школу, опредѣляетъ характеръ русскихъ ученыхъ, получившихъ свое образованіе въ польскихъ іезуитскихъ училищахъ, такимъ образомъ:

«Какъ ни велика была любовь ихъ къ православной церкви и какъ ни сильно было желаніе принесть посильную жертву на пользу ея—признаемъ въ нихъ самыя чистыя и святыя побужденія, которыми они проникнуты были во время своего образованія: — тѣмъ не меньше должно сознаться, что не всѣ они сохранили чистоту своего ученія, что нѣкоторые изъ нихъ прониклись духомъ католичества, увлеклись его учрежденіями, обрядами, обычаями и даже усвоили понятія, не совсѣмъ согласныя съ православнымъ догматомъ.» Авторъ припоминаетъ церковные споры и смуты конца XVII вѣка, споры между Лихудами и ихъ противниками — Сильвестромъ Медвѣдевымъ и другими о евхаристіи, и продолжаетъ:

«Явленіе это весьма понятно и весьма естественно. Какъ ни велика была въ русскихъ преданность къ церкви, но при недостаткѣ ученаго богословскаго образованія и *яснаго знанія всѣхъ пунктовъ* православнаго ученія трудно было уберечься отъ вліянія неправославныхъ понятій, особливо въ такихъ пунктахъ, которые не выдавались въ рѣзкой противоположности съ православнымъ ученіемъ. Съ другой стороны, іезуиты увлекали русскихъ, указывая имъ на общаго врага въ протестантствѣ, и отвлекали ихъ вниманіе отъ собственнаго несогласія съ восточною церковью.— Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что люди, самые благонамѣренные и преданные своей церкви, незамѣтно пропитавшись духомъ католичества, заносили его съ собою въ русскія училища и въ русскую церковь» (стр. 35).

Вкусы и наклонности Ѳеофана, напротивъ того, шли въ другую сторону:

«Ѳеофану Прокоповичу — говоритъ г. Чистовичъ—не нравилась ни іезуитская наука въ схоластическомъ богословіи, ни католическая обрядность въ церковномъ богослуженіи и церковной практикѣ. Сдѣлавшись профессоромъ богословія, онъ выбралъ себѣ образцомъ не схоластическія Суммы (Summa Theologiae), а лютеранскія догматики Герарда, Голлазія, Квенштедта и другихъ, и проложилъ новую тропу русскому богословію. Уроки его идутъ *свѣтлой полосой* впродолженіе всего XVIII вѣка въ нашихъ высшихъ училищахъ — кіевской и московской академіяхъ. Тамъ и здѣсь скрещиваются и борятся два метода и два направленія — схоластическое и Ѳеофаново, и послѣднее наконецъ беретъ перевѣсъ. Его система вошла въ общее употребленіе въ

школахъ, хотя, разумѣется, не могла совершенно подавить схоластики» (стр. 37).

Г. Чистовичъ, къ сожалѣнію не разъясняетъ достаточно всего смысла этого различія и ограничивается указаніемъ факта. Между тѣмъ на этомъ различіи именно слѣдовало остановиться, потому что здѣсь и заключается внутреннее основаніе той роли, которую пришлось Ѳеофану занять въ смутной исторіи тогдашней іерархіи и общественныхъ понятій, и основаніе той борьбы Ѳеофана съ его противниками, описаніе которой занимаетъ бо́льшую часть книги г. Чистовича. Разница двухъ сторонъ состояла не только въ выборѣ между двумя школьными системами и не въ предпочтеніи тѣхъ или другихъ обычаевъ и формальностей церковной практики, какъ можетъ показаться читателю г. Чистовича, а въ цѣломъ характерѣ образа мыслей. Эта противоположность католическаго и протестантскаго элементовъ, входившихъ теперь въ русскую церковную жизнь и вступившихъ въ естественную борьбу, была важнымъ историческимъ моментомъ въ судьбѣ тогдашняго образованія. Вліяніе католико-схоластической школы, начавшееся въ XVI—XVII столѣтіи, было однимъ изъ первыхъ значительныхъ фактовъ, гдѣ старая до-петровская Россія подвергалась дѣйствію западно-европейской образованности. Этотъ процессъ начался естественно на югозападѣ, гдѣ онъ всего легче могъ начаться и по близкому сосѣдству и по извѣстнымъ церковнымъ обстоятельствамъ: на русскомъ югозападѣ шла тогда борьба православной церковности съ католицизмомъ и уніей; первой нужно было сравняться съ послѣдними въ самомъ родѣ оружія, на которомъ шла эта борьба, и отсюда явилась необходимость въ усвоеніи схоластической школы. Съ югозапада вліяніе схоластической школы проникло въ XVII столѣтіи и въ Москву. Люди, державшіеся традиціонной церковности, сначала встрѣтили схоластическую школу очень враждебно; такъ встрѣчали тогда и всякую небывалую новизну, а эта приходила еще изъ католическаго источника, крайне ненавистнаго древней Руси; но съ теченіемъ времени схоластическая школа пустила корень и въ Москвѣ, и утвердилась тамъ очень крѣпко. Это было довольно понятно, потому что, какова бы ни была эта школа сама по себѣ, она все-таки была въ извѣстномъ смыслѣ правильной школой и тѣмъ самымъ получала перевѣсъ надъ московской книжной ученостью стараго вѣка: эти московскіе ученые, если можно ихъ такъ назвать, были не что иное, какъ простые начетчики, у которыхъ не было никакихъ методическихъ свѣдѣній, и свойства которыхъ достаточно обнаружились въ исторіи библейскаго исправленія. Югозападные пришельцы доставили Москвѣ въ пер-

вый разъ правильное систематическое обученіе: это была старая западная схоластика, державшаяся въ католической школѣ со среднихъ вѣковъ.

Съ Ѳеофаномъ является новая ступень вліяній европейской образованности, гораздо болѣе сильная по внутреннему содержанію и происходившая изъ протестантскихъ идей. Но этотъ новый элементъ встрѣченъ былъ еще съ большей враждой.

«До XVIII-го столѣтія—замѣчаетъ г. Чистовичъ — русская церковь благопріятнѣе смотрѣла на лютеранство, нежели на католичество; но съ этого времени начинается поворотъ въ пользу католичества». Это справедливо, въ томъ смыслѣ, что на лютеранство въ тѣ времена (до водворенія схоластики) смотрѣли благопріятнѣе только по общей враждѣ къ католицизму, а не потому, чтобы за протестантской идеей дѣйствительно признавали больше истиннаго, чѣмъ за католической. Въ протестантствѣ нравилась рѣзкая аргументація противъ папства (ненавистнаго и для русской церкви), нравилось отверженіе католической обрядности (многое въ ней возбуждало въ православныхъ отвращеніе, напр. церковная музыка), но сами по себѣ протестантскія церкви, въ сущности, были еще недоступнѣе и антипатичнѣе для православныхъ того времени, чѣмъ католицизмъ: въ самомъ дѣлѣ, отрицательная протестантская критика, нравившаяся какъ оружіе противъ католицизма — была бы также отрицательной, если бы была примѣнена и къ православію, и какъ скоро православнымъ представился бы случай увидѣть на дѣлѣ этотъ дѣйствительный смыслъ протестантства, они должны были возненавидѣть его если не больше, то по крайней мѣрѣ столькоже, сколько и католицизмъ.

И дѣйствительно мы видимъ, что когда католичество, въ видѣ своей схоластической школы, встрѣтилось на дѣлѣ, практически, съ православной школой, то, не смотря на все отвращеніе православныхъ къ католичеству, православная школа весьма легко подчинилась католико-схоластическому вліянію, и въ самую церковность проникли въ большой степени католическіе элементы. Оказалось, что схоластика, приноровленная къ старой средневѣковой церковности, представляла вслѣдствіе того извѣстные пункты соприкосновенія и съ церковностью православной. Но когда такимъ же образомъ, на дѣлѣ, стали примѣняться идеи, воспринятыя изъ протестантской школы, то оказалось, что эти идеи были одинаково невыносимы и для людей стариннаго московскаго образованія, и для людей, воспитавшихся въ югозападной схоластической школѣ. Если, по объясненію г. Чистовича, причиной уступчивости предъ католическими

вліяніями былъ «недостатокъ ученаго богословскаго образованія и яснаго знанія всѣхъ пунктовъ православнаго ученія», то теперь оказалось, что и прежнее болѣе благопріятное отношеніе къ лютеранству происходило изъ такого же недостатка. Но разочарованіе на этотъ разъ было гораздо тягостнѣе.

Θеофанъ былъ знакомъ съ протестантизмомъ совсѣмъ иначе. Онъ владѣлъ такимъ умомъ, его такъ мало можно было упрекнуть въ недостаткѣ ученаго богословскаго образованія (онъ былъ, безъ сомнѣнія, ученѣйшій русскій человѣкъ того времени), что у него необходимо предположить весьма сознательное отношеніе къ дѣлу. Въ тоже время онъ имѣлъ случай вполнѣ изучить католицизмъ, который онъ наблюдалъ въ самомъ его средоточіи, и возъимѣлъ къ нему крайнюю антипатію, даже ненависть. Протестантизмъ очевидно казался ему гораздо болѣе разумнымъ; протестантская критика должна была нравиться его сильному уму, а католическая схоластика, увлекавшая другихъ его современниковъ, должна была казаться смѣшной и нелѣпой. Мы именно полагаемъ, что не одни только первыя православныя основанія его воспитанія произвели въ немъ эту ненависть къ католицизму, и что ей должно было сильно содѣйствовать вліяніе протестантской литературы. Противники Θеофана уже вскорѣ стали взводить на него обвиненія въ лютерской и кальвинской ереси, и хотя онъ умѣлъ отдѣлаться отъ нихъ вполнѣ успѣшно, эти обвиненія показываютъ однако, что его противники поняли, въ какомъ направленіи шли его мысли. Впослѣдствіи, Θеофанъ сталъ осторожнѣе (хотя и въ первое время, конечно, остерегался высказываться вполнѣ), но и потомъ, и въ сочиненіяхъ его, и въ дружескихъ его связяхъ, остается таже общая черта: въ то время, какъ его противники наклонны защищать букву и форму, потворствовать суевѣрію или религіозному легковѣрію, преувеличивать значеніе монашества, стремиться къ патріаршеской теократіи, отвергать научную свободу мысли, и при этомъ не безъ охоты пользуются католическими писателями и ведутъ дружбу съ такими католиками какъ Рибейра (покрывая все это «защитой православія»), Θеофанъ относится съ особенной суровостью къ народнымъ вѣрованіямъ, какъ только они едва переступаютъ степень, допускаемую извѣстными правилами, легко жертвуетъ прежними обычными правами и привилегіями духовенства, признаетъ свободныя права науки (настолько, по крайней мѣрѣ, насколько ее допускали ученые протестанты) и водитъ дружбу съ петербургскими нѣмецкими учеными и съ протестантскими богословами въ Германіи. Ясно, что всѣ симпатіи его шли въ эту сторону.

Человѣкъ этихъ понятій былъ находкой для Петра, потому что самъ Петръ—хотя и высказывалъ извѣстную осторожность въ церковныхъ дѣлахъ, сравнительно со всѣми другими—тѣмъ не менѣе и здѣсь имѣлъ несомнѣнно тѣже реформаторскіе планы. И дѣйствительно, въ средѣ тогдашняго духовенства не было другого человѣка, который бы съ такимъ умомъ схватывалъ планы Петра, и съ такой ревностью и отсутствіемъ всякихъ сословныхъ пристрастій и предразсудковъ исполнялъ ихъ, какъ Ѳеофанъ.

Его противники, безъ сомнѣнія, впередъ чувствовали, какую силу пріобрѣтетъ Ѳеофанъ и сколько вреда нанесетъ онъ ихъ интересамъ, когда Петръ вызвалъ его въ Петербургъ для посвященія въ епископы, и потому они поспѣшили обвинить его въ неправославіи; при этомъ они были такъ заботливы, что приготовили даже форму отреченія отъ ересей, которую Ѳеофанъ долженъ былъ подписать. Доносъ подкрѣпленъ былъ сильнѣйшимъ авторитетомъ этой партіи, Стефаномъ Яворскимъ. Ѳеофанъ, какъ мы упоминали, успѣлъ благополучно отдѣлаться отъ доноса, составленнаго грубо и опрометчиво; онъ долженъ былъ возненавидѣть своихъ противниковъ и впослѣдствіи страшно отомстилъ имъ.

Мы не будемъ останавливаться на трудахъ Ѳеофана, совершенныхъ имъ въ исполненіе плановъ Петра Великаго: они обстоятельно изложены г. Чистовичемъ. Достаточно упомянуть, что «Духовный Регламентъ», первое составленіе котораго принадлежитъ Ѳеофану, совершенно оправдалъ опасенія его противниковъ и приверженцевъ старины. Новые порядки, которымъ Ѳеофанъ усердно служилъ не по одному цареугодничеству, но и по собственному искреннему убѣжденію, и которые онъ дѣйствительно, сколько могъ, защищалъ до конца своей жизни, эти порядки возбуждали крайнее неудовольствіе и въ духовенствѣ и вообще во всѣхъ людяхъ стараго вѣка. Ѳеофанъ могъ быть спокоенъ при жизни Петра; но тотчасъ послѣ его смерти, Ѳеофану пришлось выдержать опасную борьбу съ противниками, употреблявшими всѣ усилія для его низверженія и погибели.

Бо̀льшая часть обширнаго сочиненія г. Чистовича занята изложеніемъ этой борьбы. Это изложеніе, собранное имъ главнымъ образомъ изъ документовъ, хранящихся въ государственномъ архивѣ и въ архивѣ св. синода, заключаетъ въ себѣ множество данныхъ, чрезвычайно характеризующихъ описываемое время, т. е. время съ послѣднихъ годовъ царствованія Петра Великаго до конца царствованія Анны. Это—цѣлый рядъ процессовъ, исполненный ужасающихъ подробностей слѣдственной и

судебной процедуры въ тайной канцеляріи; Өеофанъ является здѣсь въ новой, неожиданной роли — роли страшнаго инквизитора, который пускаетъ въ ходъ всѣ усилія своего ума на то, чтобы затянуть въ страшную сѣть своихъ противниковъ, а иной разъ и на то, чтобы самому не попасть въ эту же сѣть. Два главные пункта были основаніемъ этихъ процессовъ—недовольство церковной реформой, предпринятой Петромъ, и личность Өеофана, который былъ живымъ представителемъ этой реформы. По смерти Петра, когда перестала дѣйствовать энергическая воля, приводившая все къ одному знаменателю, стала обнаруживаться сильная реакція, которая выражалась различными протестами противъ новыхъ порядковъ и стремленіями къ возстановленію патріаршества: для этого патріаршества предполагались уже и кандидаты. Өеофанъ чувствовалъ, что для него начиналась борьба на жизнь и смерть: при тогдашнихъ нравахъ нельзя было ожидать пощады отъ враговъ, если бы имъ удалось взять верхъ, и чувство самосохраненія внушало Өеофану, что тотъ же способъ дѣйствій онъ самъ долженъ принять относительно своихъ противниковъ, — не меньше возбуждало его къ этому и сильное честолюбіе, желаніе властвовать, которое развивалось въ немъ тѣмъ сильнѣе, что онъ сознавалъ свое личное превосходство надъ соперниками.

Опасность для Өеофана открылась уже вскорѣ по смерти Петра. Несмотря на услугу, оказанную Өеофаномъ Екатеринѣ при вступленіи ея на престолъ, положеніе его не было благопріятно,—ему грозила вражда съ Меньшиковымъ, тогда всемогущимъ, и съ собственнымъ товарищемъ Өеофана по синоду, епископомъ Георгіемъ Дашковымъ, которому покровительствовалъ Меньшиковъ. Дашковъ между прочимъ мечталъ о патріаршествѣ и для этого желалъ свергнуть Өеофана. Поводъ къ процессу найти было нетрудно: отыскана была неисправность въ епархіальномъ управленіи, и одинъ изъ подчиненныхъ Өеофана былъ преданъ суду синода. Этотъ подчиненный былъ архимандритъ Маркеллъ Родышевскій, сначала приверженецъ Өеофана, а вскорѣ одинъ изъ злѣйшихъ доносчиковъ на него, не дававшій ему покоя всю жизнь. Маркеллъ былъ человѣкъ не безъ учености, и противники Өеофана переманили его на свою сторону, чтобы имѣть въ немъ доказчика и ученаго полемиста противъ Өеофана. Когда Маркеллъ былъ вызванъ къ суду, Өеофанъ, предвидя, что Маркелла изберутъ какъ орудіе противъ него самого, употребилъ ловкій маневръ: едва подсудимому успѣли сдѣлать въ синодѣ только одинъ предварительный допросъ, какъ Өеофанъ перевелъ его дѣло въ тайную канцелярію, сдѣлавши на него

доносъ въ государевомъ дѣлѣ. Въ тайной канцеляріи дѣло принимало совсѣмъ другой ходъ; Ѳеофанъ надѣялся, что этимъ путемъ онъ легче совладѣетъ съ своими недругами и не ошибся. Маркеллъ, между тѣмъ перешедшій на сторону его враговъ, сталъ обвинять самаго Ѳеофана въ «церковныхъ противностяхъ»,—отъ самого Ѳеофана требовали отвѣтовъ, и онъ давалъ замѣчательные отвѣты! Ловко выпутываясь изъ обвиненій, не разъ бросавшихъ, хотя очень небольшую, но по тогдашнимъ временамъ очень опасную тѣнь на его церковно-гражданскую чистоту, Ѳеофанъ умѣлъ воспользоваться самымъ обвиненіемъ, чтобы представить доносчика злѣйшимъ врагомъ церкви и государства, а въ особенности врагомъ священной особы его или ея величества. Доносы Маркелла Родышевскаго, который сталъ теперь орудіемъ враговъ Ѳеофана, дали ему богатую добычу. Перенесши процессъ на почву «государева дѣла», сдѣлавши его достояніемъ тайной канцеляріи, гдѣ Ѳеофанъ успѣлъ пріобрѣсти друзей, онъ началъ инквизиторское истребленіе своихъ враговъ, и они не нашли въ немъ никакой пощады.

«Ѳеофанъ — говоритъ г. Чистовичъ — великій умъ, государственный мужъ, первенствующій членъ синода, превратился въ агента преображенской канцеляріи, являясь, смотря по времени и обстоятельствамъ, то доносчикомъ, то подсудимымъ, но всегда необходимымъ ея членомъ. Надобно удивляться, какъ онъ не погибъ въ этомъ водоворотѣ честолюбій, доносовъ, интригъ, — въ водоворотѣ, который увлекъ Долгорукихъ, Меньшикова, Дашкова, Ѳеофилакта и многое множество не столь замѣтныхъ лицъ» (стр. 202).

Дѣйствительно, Ѳеофанъ обнаружилъ въ этихъ безконечныхъ процессахъ замѣчательную степень ужаснаго инквизиторскаго искусства, которое иной разъ умѣетъ дѣлать мнимую защиту религіи и порядка орудіемъ чистаго злодѣйства. Г. Чистовичъ говоритъ, что Ѳеофанъ не можетъ найти оправданія этой своей дѣятельности; она и дѣйствительно не можетъ быть оправдана, особенно въ пастырѣ церкви, обязанномъ проповѣдовать братскую любовь и прощеніе обидъ. Эта жестокость преслѣдованія можетъ быть объясняема только тѣмъ, что таже участь досталась бы самому Ѳеофану, если бы онъ не употребилъ этихъ средствъ противъ своихъ враговъ. Въ этихъ процессахъ наглядно выражается страшный характеръ времени, когда буквально оправдывалась пословица: «близъ царя — близъ смерти», завѣщанная старымъ опытомъ, когда самое отдаленное отношеніе къ «государеву дѣлу», одно слово, сказанное въ дружескомъ разговорѣ, одно замѣчаніе, даже скромное, о правительственной мѣрѣ могло

погубить человѣка, и не его одного, а также и его друзей и знакомыхъ за «недонесеніе о государевомъ дѣлѣ». Ѳеофанъ понялъ отлично эту свирѣпую сторону государственной полиціи, въ кодексѣ которой старыя преданія московскаго приказа тайныхъ дѣлъ соединялись съ казуистическими изобрѣтеніями нѣмецкихъ придворныхъ канцелярій. Пользуясь пріемами этой процедуры, Ѳеофанъ смѣло взводилъ на своихъ противниковъ обвиненія въ оскорбленіи величества, въ заговорахъ и въ намѣреніяхъ произвести государственную смуту или бунтъ. Свергнувъ, прежде всего, своего перваго соперника, нѣкогда пользовавшагося большимъ расположеніемъ Петра, архіепископа Ѳеодосія, послѣдній ударъ которому былъ нанесенъ его доносомъ, Ѳеофанъ обратился теперь противъ другихъ своихъ непріятелей, и жестоко преслѣдовалъ ихъ, какъ только находилъ средство привязаться къ нимъ.

Общее недовольство духовенства и ненависть спеціальныхъ враговъ Ѳеофана не находили себѣ исхода подъ террористическимъ управленіемъ, и наиболѣе озлобленные прибѣгали къ послѣднему средству — подметнымъ письмамъ. Эти подметныя письма — которыхъ напечатано было нѣсколько въ послѣднее время — единственный возможный тогда способъ публицистики, были въ тѣ времена довольно нерѣдкой вещью. Въ нихъ высказывалась вся та горечь и озлобленіе, которыя накоплялись въ обществѣ отъ несправедливостей и притѣсненія, и которыхъ общество не имѣло возможности высказать никакимъ инымъ способомъ. Литература въ смыслѣ выраженія общественнаго мнѣнія не существовала; книга была возможна только въ видѣ панегирика, правительственнаго наставленія или въ видѣ осужденія того, что̀ не нравилось правительству,—книга, тогда вообще явленіе очень рѣдкое, считалась дѣломъ государственной важности и появлялась вообще только съ вѣдома и разрѣшенія высшихъ правительственныхъ властей, — не мудрено поэтому, что подметное письмо становилось единственнымъ средствомъ, какимъ могла высказаться оппозиція и недовольство, и чѣмъ сильнѣе былъ гнетъ, вынуждавшій прибѣгать къ этому способу, тѣмъ ожесточеннѣе были нападенія подметныхъ писемъ. Понятно, что такое письмо становилось государственнымъ преступленіемъ, а эти преступленія карались страшными казнями; но казни однако не устрашали, и подметныя письма возставали противъ могущественнѣйшихъ лицъ иногда съ необузданной яростью. Теперь есть напечатанныя письма подобнаго рода противъ Петра, Меньшикова, и проч. Цѣлью такихъ писемъ сталъ теперь и Ѳеофанъ. Въ подметныхъ письмахъ и въ прямыхъ доносахъ его изображали врагомъ пра-

вославія, человѣкомъ вреднымъ для государственнаго благосостоянія, злымъ вольнодумцемъ и пр. Ѳеофанъ зналъ, изъ какого лагеря шли нападенія и съ замѣчательнымъ искусствомъ разыскивалъ скрывавшихся авторовъ: его замѣчанія на допросы, которые велись въ тайной канцеляріи и сообщались ему, нерѣдко поразительны по этой инквизиторской проницательности. Разыскивая сочинителей, онъ отыскивалъ цѣлые кружки, напр. цѣлые монастыри, наполненные его недоброжелателями, и уничтожалъ ихъ безъ всякаго милосердія.

Съ другой стороны противъ него направлялась и печатная полемика, когда этой полемикѣ удавалось пріобрѣсти позволеніе властей. Въ 1728 г. изданъ былъ, по стараніямъ Ѳеофилакта, съ разрѣшенія правительства «Камень Вѣры» Стефана Яворскаго, капитальнѣйшій трудъ партіи, враждебной Ѳеофану. «Камень Вѣры», наполненный рѣзкими нападеніями на лютеранство, вызвалъ полемику въ нѣмецкой богословской литературѣ; на эту полемику приверженцы Стефана хотѣли отвѣчать своими возраженіями. Имя Ѳеофана съ самаго начала замѣшалось въ эту борьбу, потому что его считали авторомъ или участникомъ тѣхъ протестантскихъ нападеній на эту книгу, какія печатались въ Германіи. Ѳеофилактъ Лопатинскій, писавшій возраженіе, счелъ нужнымъ запастись разрѣшеніемъ отъ двора на этотъ трудъ; но Ѳеофанъ нашелъ нужнымъ остановить это разрѣшеніе, и полемика православнаго писателя противъ лютеранскаго теолога передѣлана была усердіемъ Ѳеофана въ государственное преступленіе. Къ ней припутано было много другихъ лицъ, и богословскій вопросъ кончился въ тайной канцеляріи. Ѳеофилактъ испыталъ жестокое гоненіе, которое кончилось уже въ другое царствованіе — только въ послѣдніе дни его жизни.

Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ этой исторіи и другихъ подобныхъ, которыя достаточно пересказаны въ книгѣ г. Чистовича. Достаточно сказать, что все это время было едва ли не самымъ ужаснымъ временемъ въ судьбахъ русской іерархіи по тѣмъ преслѣдованіямъ, какія пришлось испытать ея членамъ: лица, стоявшія на вершинѣ этой іерархіи, митрополиты, архіепископы и епископы, какъ Ѳеодосій, Георгій Дашковъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій, Платонъ Малиновскій, Игнатій Смола, множество архимандритовъ и іеромонаховъ, лишаемы были монашества, подвергаемы истязаніямъ въ тайной канцеляріи, ссылаемы въ Соловки, въ Нерчинскъ и Якутскъ, умирали въ страшныхъ тюрьмахъ...

Какой же былъ смыслъ этой непримиримой и безчеловѣчной

вражды относительно самого общества и его умственныхъ и религіозныхъ интересовъ?

Въ одномъ мѣстѣ своего изслѣдованія авторъ касается этого предмета, говоря о «Камнѣ Вѣры» и полемикѣ вызванной имъ: съ одной стороны, явился «Молотокъ на Камень вѣры», обвинявшій Стефана въ католичествѣ и іезуитствѣ, съ другой опроверженіе «Молотка», обвинявшее враговъ Стефана въ лютеранствѣ. Мы видѣли выше, что около этого вертятся всѣ церковные споры, всѣ возраженія, доносы, подметныя письма и т. д., однимъ словомъ, рѣчь идетъ о капитальномъ пунктѣ религіозныхъ мнѣній того времени. Изложивъ содержаніе этой полемики по поводу «Камня Вѣры», г. Чистовичъ указываетъ въ ней большія крайности и преувеличенія и заключаетъ:

«Вообще, оба противника вдались въ крайности. Авторъ «Молотка» несправедливо укоряетъ Стефана и единомысленныхъ съ нимъ пастырей въ католичествѣ и въ намѣреніи ввесть католическіе элементы въ русскую церковь. Защитники Стефана столько же несправедливо укоряютъ протестантствомъ другихъ русскихъ пастырей, враждебно относившихся къ католичеству, католическо-богословской наукѣ и *чрезмѣрному, доходившему до суевѣрія*, уваженію къ внѣшней набожности, насчетъ живой вѣры и сообразной съ нею жизни. Это взаимное *недоразумѣніе* длится *черезъ всю эпоху борьбы* двухъ направленій, начавшуюся съ реформами Петра и продолжавшуюся въ продолженіе *всей первой половины* прошлаго столѣтія. Но ни та, ни другая сторона не выражала, или *не была представительницею* собственно *народныхъ* стремленій. Мнѣнія автора Молотка раздѣлялись всѣми *знатными иностранцами* въ Россіи, съ Остерманомъ во главѣ. Возраженія противника его, *находя себѣ поддержку* въ раздраженіи *народа* противъ реформы вообще и противъ преобладанія иностранцевъ въ особенности, не выражали собою убѣжденій и дѣятельно выработанныхъ понятій *цѣлаго народа*, а были возраженіемъ воззрѣній только *той части* его, которая пассивно шла по избитой тропѣ жизни и возмущалась всякимъ нарушеніемъ ея покоя, какъ бы оно ни было законно въ виду дальнѣйшаго развитія народа» (стр. 407).

Эта страница, одна изъ немногихъ, посвященныхъ авторомъ собственно критико-историческому опредѣленію описываемой имъ эпохи,—эта страница, гдѣ онъ сводитъ всю ту ужасную борьбу, описаніе которой занимаетъ бо́льшую половину его книги, къ одному *недоразумѣнію* (это слово подчеркнуто самимъ авторомъ), исполнена сама, по нашему мнѣнію, крайнихъ недоразумѣній.

Если эта борьба, продолжавшаяся цѣлое полу-столѣтіе, за-

нимавшая столько умовъ въ средѣ класса, болѣе или менѣе образованнаго, унесшая столько кровавыхъ жертвъ, была только однимъ недоразумѣніемъ, то надо было бы сильно опечалиться за исторію нашего общественнаго развитія, въ которомъ возможны такія *недоразумѣнія*. Но исторія даетъ здѣсь по крайней мѣрѣ то печальное утѣшеніе, что никакого недоразумѣнія не было, потому что два направленія, боровшіяся одно противъ другого, имѣли свои опредѣленные пункты разнорѣчія, которые въ другихъ случаяхъ очень хорошо видитъ и самъ авторъ. Правда, ни одно изъ этихъ направленій не имѣло дѣйствительнаго плана вводить настоящее католичество или протестантство, и слѣдовательно ни то, ни другое не могло быть названо настоящимъ католичествомъ или настоящимъ протестантствомъ, — но, тѣмъ не менѣе характеристическія отличія этихъ направленій вовсе не безъ основанія опредѣлялись тогда этими названіями: названія были съ обѣихъ сторонъ преувеличенныя, но сущность дѣла была указываема вѣрно. Довольно указать на «чрезмѣрное, доходившее до суевѣрія, уваженіе къ внѣшней набожности», противъ котораго вооружались пастыри, обвинявшіеся въ протестантствѣ, и которое гораздо больше поощрялось пастырями другого направленія. Мы приведемъ дальше изъ самой книги г. Чистовича рядъ фактовъ, которые весьма достаточно укажутъ смыслъ борьбы. Что касается до того, была или не была которая нибудь изъ двухъ сторонъ представительницей «собственно народныхъ стремленій», то авторъ, кажется намъ, и здѣсь впадаетъ въ значительное недоразумѣніе. Къ сожалѣнію, онъ не указываетъ намъ, въ чемъ собственно онъ считаетъ эти народныя стремленія, и въ чемъ съ ними расходились два, описываемыя имъ направленія, — такъ что мы лишены возможности ясно представить себѣ его мысль.

Намъ кажется, что въ этомъ и подобныхъ случаяхъ вообще довольно мудрено искать, чтобы извѣстное направленіе могло представлять собой «собственно народныя стремленія».

Начать съ того, что если говорить о чисто-*богословской полемикѣ*, то она естественно стояла внѣ собственно народной жизни и степени умственнаго развитія: это была учено-богословская сфера, доступная только людямъ, прошедшимъ извѣстную школу. Число такихъ людей въ тѣ времена было весьма ограниченное, и если бы даже какая-нибудь категорія этихъ людей и была самымъ тѣснымъ образомъ связана съ «народными стремленіями» и предана имъ, то вступая въ эту учено-теологическую борьбу, они все-таки должны были отдалиться отъ собственно народной *массы* въ сферу, для нея недоступную. Эта масса была

очень благочестива, но ея религіозныя понятія были развиты очень мало, и споръ двухъ направленій, его предметъ и способъ аргументаціи, превышалъ средства ея умственнаго развитія.

Довольно неожиданно и то положеніе автора, будто мнѣнія автора «Молотка» раздѣлялись (только?) *всѣми знатными иностранцами* въ Россіи. Во-первыхъ, *всѣ* иностранцы, вѣроятно, очень мало интересовались русскими церковными дѣлами, и приписывая имъ такое участіе къ «Молотку», авторъ во всякомъ случаѣ этимъ ничего не объясняетъ. Во-вторыхъ, не знаемъ, почему авторъ забываетъ о самомъ Ѳеофанѣ, который также долженъ былъ сочувствовать «Молотку», потому что похвалы Петру и его дѣйствіямъ по церковному управленію совершенно совпадаютъ съ мнѣніями Ѳеофана. Да и Ѳеофанъ былъ, конечно, не единственный человѣкъ въ русскомъ обществѣ, мнѣнія котораго склонялись въ эту сторону. По словамъ автора въ другомъ мѣстѣ, Ѳеофанъ «былъ душою небольшого кружка лицъ, которыя вводили въ общество новыя образовательныя начала и прокладывали ему новые пути» (стр. 607). Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что люди этого кружка (какъ Татищевъ, Кантемиръ и др.) должны были въ очень сильной степени раздѣлять мнѣнія, которыя называли тогда лютеранскими.

Наконецъ, если уже авторъ хочетъ говорить о «народѣ», и его стремленіяхъ, то народъ есть весьма сложное цѣлое, состоящее изъ группъ, очень не сходныхъ по своимъ стремленіямъ, особенно религіознымъ; такъ одна огромная группа увлечена своими стремленіями въ разнообразныя формы раскола, — формы эти, конечно, также «народныя». Такимъ же образомъ, въ царствованіе Петра, протестантскія идеи заходили и въ народную среду: мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ еретиковъ, набравшихся въ сильной степени «лютерскаго и кальвинскаго» духа, и хотя эти еретики были истреблены и распространеніе ереси остановлено, тѣмъ не менѣе они представляютъ очень любопытное (до сихъ поръ, къ сожалѣнію, еще мало изслѣдованное) явленіе, потому что ересь иногда сильно распространялась, увлекая даже людей духовнаго сословія, и худо ли, хорошо ли поступали эти еретики, они принадлежали къ народу. Сопоставляя эти факты—сочувствіе образованныхъ людей къ церковнымъ реформамъ Петра Великаго и появленіе протестантскихъ еретиковъ въ средѣ народа—мы точнѣе поймемъ тотъ объемъ, какой имѣли въ обществѣ идеи направленія, враждебнаго «Камню Вѣры».

Наконецъ, обращаясь къ фактамъ, описаннымъ въ самой книгѣ г. Чистовича, и къ его собственнымъ разсужденіямъ, мы

увидимъ, что несогласіе Ѳеофана съ его противниками и происшедшая отсюда озлобленная вражда, имѣли слишкомъ широкое общественно-религіозное основаніе, которое странно было счесть «недоразумѣніемъ», и которое именно имѣло большое «народное» значеніе, въ настоящемъ обширномъ смыслѣ этого слова. Стараясь объяснить безпокойный, неуживчивый характеръ своего героя, внушавшаго къ себѣ такую ненависть и нерѣдко отталкивавшаго даже самыхъ друзей, г. Чистовичъ указываетъ причины озлобленія противъ него, которыя и по нашему мнѣнію были настоящія причины этого озлобленія:

«Нѣтъ сомнѣнія — говоритъ онъ — что причиною раздраженія, которое Ѳеофанъ всюду возбуждалъ противъ себя, была *разность его принциповъ* съ принципами или привычнымъ строемъ жизни большинства людей, съ которыми онъ сталкивался (именно!)——Внѣшнимъ поводомъ для большинства недоброжелателей Ѳеофана (т. е., для всѣхъ тѣхъ, чье раздраженіе не происходило отъ чисто-личныхъ столкновеній и неудовольствій) къ неудовольствію противъ него были тѣ *нововведенія*, въ которыхъ онъ былъ *главною дѣйствующею причиною* и которыя *стали наперекоръ* старому привычному теченію жизни».

Авторъ, конечно, не совсѣмъ точно назвалъ Ѳеофана главною дѣйствующею причиною нововведеній, потому что главною причиной (въ этомъ тѣсномъ смыслѣ) все-таки былъ Петръ, — но затѣмъ остальное совершенно справедливо: Ѳеофану все-таки принадлежитъ очень многое въ этихъ нововведеніяхъ, и онѣ дѣйствительно стали наперекоръ старому порядку вещей, — и этого было совершенно достаточно, чтобы сдѣлать Ѳеофана предметомъ ненависти для приверженцевъ стараго порядка.

Г. Чистовичъ указываетъ дальше эти нововведенія.

«Самымъ важнымъ изъ нихъ была *замѣна патріаршества синодомъ*. Не Ѳеофану принадлежитъ это нововведеніе, но онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ осуществленіи идеи государя — организовалъ синодъ и составилъ для него уставъ. Съ канонической точки зрѣнія патріаршая и синодальная формы церковнаго правленія равно законны; но на сторонѣ народа и духовенства была *вѣковая привычка* къ одноличному управленію въ церкви. Казалось, что съ уничтоженіемъ патріаршества церковь теряла свое достоинство и лишалась представителя. — Въ частности уничтоженіе патріаршескаго званія непріятно было для монашествующихъ, изъ среды которыхъ избирался патріархъ. Какъ патріаршеское званіе давало почетъ всему монашескому сословію, такъ уничтоженіе его лишало цѣлое сословіе этого почета (и проч.).

«Сочиненный Ѳеофаномъ и, послѣ прочтенія въ совмѣстномъ собраніи высшаго духовенства и сената, утвержденный государемъ уставъ духовной коллегіи, подъ названіемъ «Духовнаго Регламента», затрогивалъ *самыя чувствительныя и больныя стороны* въ жизни народа и духовенства. Свидѣтельствованіе мощей, житій святыхъ, чудесъ, акаѳистовъ, запрещеніе вновь строить церкви безъ разрѣшенія синода, закрытіе часовенъ, запрещеніе хожденій по домамъ съ иконами—все это должно было тяжело дѣйствовать на народное чувство и духовенство. Архіереямъ не могло не показаться обиднымъ, что ихъ заставляли поурочно читать книгу правилъ.

«Нововведенія эти сами по себѣ тяжелы были для народа и духовенства и раздражали ихъ противъ Ѳеофана — — Но Ѳеофанъ увеличивалъ это раздраженіе тѣмъ, что относился къ прежнимъ формамъ церковной жизни съ *несдерживаемою ироніею*, съ какимъ-то *враждебнымъ чувствомъ*, и выражалъ свое неудовольствіе ими при каждомъ случаѣ» (стр. 572—574).

Такимъ образомъ, если, по словамъ самого г. Чистовича, Ѳеофанъ разнился въ принципахъ съ большинствомъ, если этими своими принципами и дѣйствіями онъ шелъ наперекоръ старому теченію жизни, нарушалъ вѣковую привычку, затрогивалъ самыя чувствительныя и больныя стороны въ жизни народа и духовенства, то едва ли можно сказать, что все его разногласіе съ традиціонной жизнью, и всѣ его ожесточенные споры съ ея представителями были однимъ недоразумѣніемъ. Напротивъ того, это было самое серьезное и существенное разногласіе.

Авторъ, повидимому, опасался, что, признавши всю обширность этого разногласія (вытекающую и изъ его собственныхъ выраженій), ему придется признать въ Ѳеофанѣ тѣ лютеранскія наклонности, въ которыхъ обвиняли его противники. Вѣрный своему «недоразумѣнію», авторъ рѣшительно отвергаетъ всякую мысль объ этомъ.

«Недовольные этими нововведеніями — говоритъ онъ — взвели на Ѳеофана обвиненіе въ лютеранствѣ и старались повсюду выставить его лютераниномъ, а образъ его дѣйствій—совращеніемъ русской церкви въ лютеранство. *Но самое строгое разсмотрѣніе его сочиненій не откроетъ въ нихъ ничего, противнаго православной церкви*» (стр. 574).

Г. Чистовичъ приводитъ нѣсколько примѣровъ того, какъ Ѳеофанъ отвѣчалъ на обвиненія въ лютеранствѣ, и находитъ отвѣты удовлетворительными. Онъ усиленно утверждаетъ, наконецъ, что и въ мысляхъ Ѳеофана не было чего-либо не-православнаго:

«Могутъ возразить — говоритъ онъ — что Ѳеофанъ высказывалъ свои настоящія убѣжденія при разныхъ случаяхъ, въ разговорахъ съ разными лицами, которые и подали поводъ противникамъ обвинять его въ лютеранствѣ, но былъ столько уменъ, что умѣлъ замаскировать эти убѣжденія, когда, по доносу Маркелла, позвали его къ отвѣту. Конечно, могло быть такъ, но могло быть и не такъ. Когда кого обвиняютъ въ недостаткѣ или неисправности убѣжденій *на какой-нибудь счетъ*, и когда обвинитель выдаетъ за вѣрное, что обвиняемое имъ лицо именно такъ думаетъ, какъ онъ доноситъ, а послѣднее говоритъ, что оно думаетъ совсѣмъ не такъ, и кромѣ открытаго выраженія своихъ убѣжденій, указываетъ въ подтвержденіе своихъ словъ на всѣмъ видимые и всѣмъ извѣстные факты, то кому изъ нихъ вѣрить? Безпристрастіе должно расположить скорѣе въ пользу обвиняемаго, нежели въ пользу доносчика и обвинителя. Стоитъ прочитать заключеніе оправдательной записки Ѳеофана, чтобы убѣдиться въ искренности его оправданій и чистотѣ его убѣжденій. А если еще открывается, что побужденія у доносчика были несовсѣмъ чисты и что его доносы выходили не изъ ревности о вѣрѣ и благѣ церкви, а изъ угожденія врагамъ обвиняемаго лица: то по безпристрастному суду они лишаются всей своей силы» (стр. 575—576).

Эти разсужденія опять довольно странны. Авторъ какъ-будто полагаетъ, что ему нужно разбирать вопросъ о лютеранствѣ Ѳеофана съ нынѣшней юридическо-богословской точки зрѣнія. Руководясь нынѣшними, болѣе просвѣщенными богословскими понятіями, авторъ защищаетъ Ѳеофана отъ обвиненій въ лютеранствѣ; онъ забываетъ только, что этихъ понятій не было въ началѣ XVIII-го вѣка, и что въ тѣ времена большинство, изъ мнѣній котораго и составлялось представленіе о лютеранствѣ Ѳеофана, это большинство думало совсѣмъ не такъ. Разсуждая о значеніи Ѳеофана *въ его время*, мы именно и должны обратить вниманіе на это обстоятельство, потому что историческій вопросъ заключается въ томъ, чтобы опредѣлить значеніе идей Ѳеофана относительно его эпохи: онѣ важны для насъ, какъ фактъ умственнаго развитія времени. Если, въ юридическомъ смыслѣ, мы не имѣемъ права — какъ полагаетъ авторъ — раскапывать внутреннія помышленія писателя или мыслителя и обвинять его за нихъ, то въ историческомъ для насъ именно важно понять ихъ во всемъ ихъ объемѣ и опредѣлить ихъ относительно къ господствовавшимъ понятіямъ большинства. Съ этой стороны дѣло можетъ представляться совсѣмъ иначе.

Что Ѳеофану не одинъ разъ случалось замаскировывать свои

настоящія мысли, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. «Изворотливость» ума Өеофанова, которую и самъ авторъ указываетъ, между прочимъ обращалась и на это маскированье. Въ дружескихъ разговорахъ ему случалось, конечно, высказывать свои настоящія мысли, но когда его слова переносились въ тайную канцелярію, и когда эта инквизиція требовала у него отвѣта, то понятно, что онъ всячески старался дать своимъ словамъ самое невинное толкованіе и ограничивать ихъ смыслъ. Этого невозможно не замѣтить въ нѣсколькихъ отвѣтахъ, которые ему пришлось писать по случаямъ подобнаго рода. Вопросъ шелъ здѣсь не вообще объ убѣжденіяхъ «на какой нибудь счетъ», а на такой счетъ, который въ то время былъ счетъ очень опасный, и когда доносчикъ ловилъ Өеофана на словѣ, Өеофанъ естественно долженъ былъ стараться умалить значеніе слова и свести его на что нибудь совсѣмъ неважное. Такъ онъ усиленно разъясняетъ, что онъ только вообще говорилъ о «малконтентахъ» (людяхъ, недовольныхъ правительствомъ), когда его обвиняли въ томъ, что онъ высказывалъ недозволительныя мнѣнія о государственныхъ дѣлахъ; или, когда его обвиняли, что онъ не вѣритъ чудесамъ святыхъ, — «мнѣ-де книга критика вѣрить не велитъ», — онъ не отвергаетъ своихъ словъ, но замѣчаетъ, что-де «лицемѣры иногда притворяютъ св. иконамъ чудеса, о чемъ многія обличенія суть». Но едва ли можно сомнѣваться, что какъ въ первомъ случаѣ онъ немного проговорился, такъ и во второмъ онъ ссылался на «книгу критику» не въ такомъ только скромномъ смыслѣ, какъ говорилъ въ своемъ отвѣтѣ, — это заставляетъ думать самый выборъ выраженія. — Что касается до того, что у доносчика были нехорошія побужденія и не было ревности о вѣрѣ, то объ этомъ авторъ кажется совсѣмъ напрасно говоритъ, потому что это не измѣняетъ дѣла: если доносчикъ не былъ вполнѣ правдивъ въ обвиненіи, то не былъ вполнѣ правдивъ и Өеофанъ въ отвѣтахъ; если доносчикъ не показалъ ревности къ вѣрѣ въ своихъ дѣйствіяхъ, то странно было бы и въ Өеофанѣ считать ревностью къ вѣрѣ его кровожадное истребленіе своихъ враговъ. Наконецъ, исторически несправедливо сказать, будто обвиненія въ лютеранствѣ на Өеофана шли только отъ доносчиковъ, какъ Маркеллъ Родышевскій, дѣйствовавшихъ по нечистымъ побужденіямъ; авторъ забываетъ о людяхъ какъ Өеофилактъ Лопатинскій, которыхъ онъ самъ не заподозривалъ и которые чувствовали къ мнѣніямъ и дѣйствіямъ Өеофана такую же антипатію.

Мы останавливаемся на этихъ разсужденіяхъ автора потому, что изъ-за нихъ отъ него скрывается историческая сущность дѣла. Вопросъ о православіи или лютеранствѣ Өеофана стоитъ

въ историческомъ смыслѣ совсѣмъ иначе. Г. Чистовичъ усиливается доказать его православіе съ *нынѣшней* точки зрѣнія, между тѣмъ какъ для исторической оцѣнки Ѳеофана нужно вспомнить именно *тогдашнюю* точку зрѣнія, или иначе, вмѣсто отвлеченнаго понятія о православіи должна быть поставлена *историческая* форма его,— и тогда дѣло представится совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Отвлеченно говоря, мы можемъ принимать неизмѣнность православія, какъ постоянной традиціи извѣстныхъ основныхъ догматовъ, но историческое православіе въ различное время было весьма различно, смотря по различію общаго уровня умственнаго развитія, потому что въ своихъ практическихъ примѣненіяхъ въ жизни оно неизбѣжно подчинялось вліянію господствующихъ вообще понятій. Въ этомъ смыслѣ оно имѣетъ такую же исторію, какъ всякая другая общественная идея или учрежденіе; съ каждымъ вѣкомъ характеръ его мѣнялся, оно подвергалось вліянію обстоятельствъ и лицъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Понятія XVII-го вѣка въ этой области въ эпоху Ѳеофана отживали свое время; ихъ должны были смѣнить другія, болѣе сообразныя съ тѣмъ образованіемъ, которое начинало проникать въ русское общество съ реформой. Ѳеофанъ былъ именно тѣмъ человѣкомъ, который хотѣлъ положить конецъ одному періоду и начать другой; понятія его самого уже совершенно разошлись съ этимъ первымъ періодомъ, и отсюда объясняется ожесточенная вражда противъ него со стороны приверженцевъ старины.

Намъ нѣтъ нужды и совершенно безполезно разбирать, до какой степени Ѳеофанъ могъ подлежать прямымъ обвиненіямъ въ лютеранствѣ, какія на него взводились; мы согласимся признать,—какъ настаиваетъ г. Чистовичъ,—что въ своихъ сочиненіяхъ онъ не написалъ ничего, противнаго позднѣйшему православному богословію,—но для насъ остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что если это можно допустить по нынѣшнимъ понятіямъ, то по *тогдашнимъ* понятіямъ огромнаго большинства обвиненіе его въ лютеранствѣ было совершенно возможно. Современники хорошо чувствовали ту критическую силу, которая вмѣшивалась теперь въ ихъ «вѣковыя привычки», и относительно ея у нихъ не было ни малѣйшаго недоразумѣнія, потому что всякое прикосновеніе этой силы отзывалось въ нихъ болѣзненно, потому что нарушало простодушное, неразсуждающее, часто фанатическое вѣрованіе. Желая опредѣлить свойства и происхожденіе этой новой силы, противники Ѳеофана вовсе не безъ основанія обозначили ее какъ лютеранство, потому что критика Ѳеофана несомнѣнно имѣла научно-протестантское происхожденіе.

Итакъ, сводить все это на одно недоразумѣніе, значитъ не

понять историческаго смысла этихъ событій. Русской церкви конечно еще не грозило лютеранство (современники говорили объ этомъ или съ перепугу, или только для усиленія своихъ доносовъ); но въ церковномъ отношеніи происходила такая же реформа, какая шла въ другихъ отрасляхъ національной жизни. Петръ, исходя изъ своихъ преобразовательныхъ стремленій вообще, Ѳеофанъ, исходя изъ понятій тогдашней науки и протестантской теологіи, самымъ рѣшительнымъ образомъ не сочувствовали многимъ формамъ старой церковной жизни, именно тѣмъ, которыя они считали способствующими религіозной исключительности, сословнымъ притязаніямъ духовенства, и обскурантизму и народному суевѣрію. Это совершенно ясно изъ всего того, что̀ мы знаемъ о религіозныхъ мнѣніяхъ Петра и Ѳеофана. Противъ нихъ возставали, во-первыхъ, люди, слѣпо привязанные къ старинѣ, православные стараго закала и раскольники; во-вторыхъ, люди съ католико-схоластическими вкусами, потому что, по самой сущности католической схоластики, которою они напитались, имъ столько же были непріятны упомянутыя стремленія Петра и Ѳеофана.

Такимъ образомъ, это былъ полный интереса моментъ въ исторіи нашего общественнаго образованія. Это была встрѣча старыхъ традицій русской жизни съ европейскими вліяніями, вслѣдствіе петровской реформы и рядомъ съ ней; это было первое сильное столкновеніе, происшедшее въ умственной области, и здѣсь оно естественно завязалось на религіозныхъ вопросахъ, потому что до тѣхъ поръ въ этой именно религіозной сферѣ и совершалась умственная дѣятельность, какую только знала старая русская жизнь. Ѳеофанъ былъ вполнѣ человѣкомъ петровской реформы,—онъ явился такимъ и въ церковныхъ вопросахъ, потому на него и направилась вся вражда людей, защищавшихъ старыя преданія. Длинная, тяжелая исторія доносовъ, преслѣдованій, истязаній, далеко не была слѣдствіемъ одного личнаго честолюбія Ѳеофана и его противниковъ; въ основѣ ея лежалъ глубокій раздоръ двухъ различныхъ историческихъ періодовъ.

Наконецъ, мы упоминали и о томъ мнѣніи г. Чистовича, будто бы во всей этой борьбѣ «народныя стремленія» оставались совсѣмъ въ сторонѣ. Было бы очень жаль за дѣятельность Ѳеофана, да и за дѣятельность самого Петра, если бы дѣйствительно ихъ труды не имѣли ничего общаго съ народными стремленіями, — но авторъ, утверждая это относительно Ѳеофана, взводитъ на него совершенную напраслину, какъ было бы напраслиной сказать это и относительно всей реформы. Слово «народный», которое теперь такъ часто употребляется кстати и

не кстати, вкривь и вкось, должно быть употребляемо съ нѣкоторой осмотрительностью. Если авторъ, говоря о народныхъ стремленіяхъ, разумѣлъ массу народа, такъ называемый простой народъ, и хотѣлъ сказать, что стремленія Ѳеофана не сходились съ стремленіями простого народа, — онъ сказалъ бы правду, потому что большинство простого народа не могло сочувствовать многимъ мѣрамъ Ѳеофана, — свидѣтельствованію (т. е. заподозриванью подлинности чудесъ) мощей, запрещенію строить церкви безъ спросу, строгостямъ противъ монастырей и т. п. Но если авторъ хотѣлъ сказать, что стремленія Ѳеофана были чужды стремленіямъ народа въ обширномъ смыслѣ, образовательнымъ стремленіямъ цѣлой націи, — то онъ сказалъ совершенную неправду, и сдѣлалъ самую большую историческую ошибку, какую только могъ сдѣлать въ своемъ трудѣ. Дѣятельность Ѳеофана, какъ мы нѣсколько разъ говорили; была только одной струей въ общей преобразовательной дѣятельности Петра, и въ этомъ смыслѣ Ѳеофанъ долженъ подпадать тому же сужденію, какое мы сдѣлаемъ о Петрѣ. Если только мы признаемъ въ русскомъ народѣ прогрессивныя стремленія (а не признавать ихъ значитъ не видѣть будущаго для русскаго народа), то Ѳеофанъ, какъ сподвижникъ Петра, былъ однимъ изъ главнѣйшихъ представителей прогрессивныхъ народныхъ стремленій въ первой половинѣ XVIII-го вѣка.

Насколько изслѣдованіе г. Чистовича богато фактами для внѣшней исторіи Ѳеофана, въ особенности фактами относительно его борьбы съ своими противниками при посредствѣ тайной канцеляріи, настолько оно бѣдно дѣйствительнымъ историческимъ изслѣдованіемъ внутренняго смысла описываемыхъ событій. Трудъ автора по большей части былъ только трудъ собирателя: получивъ доступъ въ государственный архивъ, въ архивъ св. синода и т. д., онъ положилъ, безъ сомнѣнія, много тяжелой работы на чисто архивные розыски и прилежно перечиталъ и списалъ найденные тамъ процессы, но затѣмъ весь этотъ матеріалъ такъ и остался сырымъ матеріаломъ. Свои выписки г. Чистовичъ приводитъ въ книгѣ весьма щедро, иногда только для связи вставляя нѣсколько словъ, наконецъ выписываетъ и документы, уже напечатанные. Эти выписки, конечно, любопытны почти всегда, но имъ принято отводить мѣсто въ приложеніяхъ, чтобы не отягощать читателя безпрестанными перерывами изложенія, и взамѣнъ того дать мѣсто для историческихъ изысканій и объясненій самого

автора; но именно этого послѣдняго авторъ даетъ всего меньше, или даетъ такія, которыя способны спутать историческое пониманіе описываемой эпохи.

Этотъ недостатокъ довольно впрочемъ понятенъ. Матеріалы, которые иногда становятся доступны въ настоящее время нашей исторической литературѣ, бываютъ нерѣдко столько интересны, что историку немудрено завлекаться ими и считать свое дѣло сдѣланнымъ, если онъ сообщитъ читателю эти матеріалы въ томъ же сыромъ видѣ, въ какомъ самъ ихъ нашелъ, и свяжетъ ихъ только внѣшнимъ, элементарнымъ сопоставленіемъ. Академическая рецензія замѣтила этотъ крупный недостатокъ въ сочиненіи г. Чистовича, но все-таки указала не довольно ясно и настоятельно, такъ-что когда г. Чистовичъ представилъ свое сочиненіе вторично на академическую критику, этотъ недостатокъ остался далеко не исправленнымъ. Во второй академической рецензіи на книгу г. Чистовича, мы читаемъ: «Въ настоящее время, по скудости подобнаго рода матеріаловъ, нельзя никакъ сѣтовать на то, что въ томъ или другомъ изслѣдованіи являются болѣе или менѣе обширныя выписки изъ рукописей. Эти выписки *всегда вѣрнѣе и лучше* даютъ понятіе о духѣ времени и настоящемъ характерѣ лицъ и событій, чѣмъ *соображенія и доводы* позднѣйшихъ изслѣдователей, не столько знакомыхъ съ *наукою исторіи*, сколько смѣлыхъ въ своихъ предположеніяхъ, отчего они и впадаютъ на каждомъ шагу въ ошибки и промахи», etc. Первая фраза совершенно справедлива; вторая подаетъ поводъ къ недоразумѣнію, будто «наука исторіи» состоитъ только въ накопленіи такихъ напр. выписокъ, какими преисполнена книга г. Чистовича. Выписки конечно важны, во-первыхъ, какъ первый матеріалъ, который вообще дѣлаетъ возможной какую нибудь исторію; во-вторыхъ, въ самомъ изложеніи они могутъ сообщать разсказу большую наглядность, колоритъ мѣста и времени,—но смѣшивать собираніе выписокъ съ «наукою исторіи» едва ли основательно. Выписки легко могутъ разрушать соображенія изслѣдователей о частныхъ фактахъ и подробностяхъ, если выписываемые матеріалы не были прежде извѣстны никакому изслѣдователю или не были для него доступны,—но наука исторіи не ограничивается же собираніемъ выписокъ, и самый громадный наборъ ихъ точно также не составитъ исторіи, какъ напр., куча брусьевъ или кирпича, даже очень большая, не составитъ дома или даже избушки. Для исторіи факты необходимы какъ для статистики необходимы цифры; но исторія становится дѣйствительной исторіей только тогда, когда отыскиваетъ внутренній смыслъ въ цѣлыхъ рядахъ фактовъ, ихъ связь и соотношеніе; статистика становится дѣйствительной наукой,

когда старается опредѣлить значеніе своихъ цифръ, свести ихъ въ теоретическій законъ.

Обративъ все вниманіе на сборъ внѣшнихъ фактовъ и на анекдотическую сторону своей исторіи, г. Чистовичъ оставилъ совсѣмъ безъ изслѣдованія другую очень важную сторону предмета—разборъ самыхъ сочиненій Өеофана. Онъ говоритъ о нѣкоторыхъ, когда къ этому представлялся поводъ въ его разсказѣ; но цѣлаго опредѣленія Өеофана, какъ писателя, у него не находится. Это, конечно, капитальный пробѣлъ въ огромной монографіи, и этотъ пробѣлъ составляетъ тѣмъ бо̀льшій недостатокъ книги, что разборъ сочиненій Өеофана былъ бы именно важенъ для историческаго объясненія его роли. Если самъ авторъ указывалъ прежде великую заслугу Өеофана въ томъ, что онъ, *по протестантскимъ образцамъ*, началъ у насъ новую богословскую школу, которая, хотя не могла вдругъ вытѣснить схоластики, но тѣмъ не менѣе проходитъ *свѣтлой полосой* въ нашихъ высшихъ духовныхъ заведеніяхъ въ продолженіе всего XVIII-го столѣтія, то изслѣдователю,—которому приходилось такъ много разсказывать о религіозныхъ спорахъ Өеофана и страшномъ преслѣдованіи имъ своихъ враговъ, — всего ближе слѣдовало опредѣлить отношеніе богословскихъ понятій Өеофана къ тѣмъ представленіямъ, какія существовали до него и какія принимались его противниками. Не говоримъ уже о томъ, что эти сочиненія могли бы доставить матеріалъ и не для однихъ только богословско-историческихъ выводовъ. Всего ближе было опредѣлить значеніе его трудовъ въ православномъ богословіи, которое до сихъ поръ не имѣетъ своей надлежащей исторіи.

О проповѣдническихъ трудахъ Өеофана г. Чистовичъ нашелся сказать едва нѣсколько незначительныхъ словъ, на двухъ-трехъ страницахъ. При этомъ онъ ни разу не упомянулъ, что дѣятельность Өеофана какъ проповѣдника была уже въ нашей литературѣ предметомъ исторической характеристики въ цѣлой особой монографіи, которую посвятилъ Өеофану и Стефану Яворскому г. Самаринъ. Книга г. Самарина, между прочимъ могла бы послужить для г. Чистовича и образчикомъ того, какъ должно вести историческое изслѣдованіе. Эта книга писана двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда ученому почти нельзя было и думать пользоваться такими матеріалами, какіе въ такой обильной массѣ были въ распоряженіи новѣйшаго изыскателя. Г. Самаринъ взялъ предметомъ своего изслѣдованія только проповѣдническую дѣятельность Стефана Яворскаго и Өеофана. Задачу полнаго изслѣдованія объ этихъ историческихъ лицахъ г. Са-

маринъ опредѣляетъ такимъ образомъ: оно можетъ быть сдѣлано съ различныхъ точекъ зрѣнія: —

«Догматическое ученіе того и другого, изложенное въ ихъ ученыхъ богословскихъ сочиненіяхъ, представляетъ богатый предметъ для изслѣдованія (новѣйшій изыскатель почти совсѣмъ не удостоилъ его своего вниманія); ихъ дѣятельность какъ іерарховъ, ихъ участіе въ управленіи церковью, тѣсно связанныя съ нашею политическою исторіею, заслуживаютъ отдѣльнаго разсмотрѣнія;—наконецъ, съ точки зрѣнія литературной, *отстранивъ вопросъ о содержаніи* ихъ сочиненій, можно обратить исключительное вниманіе на форму, на образъ изложенія, на слогъ, на языкъ. Въ этомъ отношеніи, всего важнѣе ихъ проповѣди и торжественныя слова.»

Г. Самаринъ выбралъ себѣ эту послѣднюю точку зрѣнія, «отстранивъ вопросъ о содержаніи ихъ сочиненій» и занявшись исключительно *слогомъ*. Мы кажется не ошибемся, предположивъ, что подобный выборъ задачи не столько опредѣлялся вкусомъ самого г. Самарина, сколько такъ-называемыми независящими обстоятельствами. Такимъ образомъ положеніе историка двадцать пять лѣтъ тому назадъ было очень невыгодно въ сравненіи съ нынѣшнимъ, какъ по степени доступности историческихъ источниковъ (архивные источники были недоступны), такъ и по доступности самыхъ темъ. Но при всемъ томъ, сравнивъ двухъ историковъ по ихъ отношенію къ «наукѣ исторіи», по умѣнью отличать исторически важныя стороны предмета и должнымъ образомъ разъяснять значеніе фактовъ, мы не колеблясь отдадимъ преимущество прежнему историку. Г. Самаринъ не имѣлъ въ распоряженіи десятой доли того матеріала, какимъ пользовался г. Чистовичъ; онъ вѣроятно не зналъ и по имени множества лицъ, наполняющихъ у г. Чистовича біографію Ѳеофана, не зналъ Самгиныхъ, Зварыкиныхъ, Федоровичей, — онъ довольствовался почти только данными, какія представлялись въ собственныхъ сочиненіяхъ Ѳеофана,—но не смотря на то изъ своихъ скудныхъ данныхъ онъ извлекъ замѣчательно вѣрную характеристику Стефана Яворскаго и Ѳеофана, съ которой полезно было бы справиться новѣйшему изыскателю. Академическая рецензія, намъ кажется, также напрасно не указала г. Чистовичу этого предшествовавшаго труда.

Г. Самаринъ указываетъ очень вѣрно состояніе церковныхъ дѣлъ и отношеніе Стефана Яворскаго къ новому порядку вещей (стр. 96 — 97), взглядъ Петра на религіозный вопросъ (стр. 120 — 121), характеръ богословскихъ понятій Ѳеофана, его отношеніе къ совершавшемуся перевороту и народной жизни

(стр. 132, 146, 153, 154 и мн. друг.). Въ самомъ Петрѣ г. Самаринъ указываетъ явную наклонность къ протестантскому взгляду на религію,—вслѣдствіе котораго «онъ понималъ религію только въ ея необходимости для государства, въ той очевидной пользѣ, которой онъ ожидалъ отъ нея, а не въ ея самобытности, какъ полный живой организмъ; и потому самая проповѣдь получила для него значеніе служенія не столько церкви, сколько государству,—въ этомъ отношеніи, требованія его были протестантскія, и направленіе, которое онъ давалъ проповѣди, отзывалось протестантскою односторонностью». Тотъ же характеръ г. Самаринъ находитъ и въ Ѳеофанѣ, который вообще такъ близко удовлетворяетъ требованіямъ Петра; онъ мимоходомъ отмѣчаетъ эту черту и въ догматическихъ воззрѣніяхъ Ѳеофана, и въ его административныхъ мѣрахъ, и наконецъ въ особенности открываетъ ее въ проповѣди. Въ этой проповѣди онъ между прочимъ указываетъ особый новый характеръ обличенія (дѣятельность Ѳеофана, во всѣхъ родахъ по преимуществу отрицательная, преобразовательная, выразилась въ проповѣдяхъ преобладаніемъ обличенія въ различныхъ видахъ упрека, ироніи и самой язвительной сатиры), и намъ кажется очень мѣткимъ слѣдующее замѣчаніе г. Самарина:

«Можетъ быть, насъ упрекнутъ въ натяжкѣ и въ желаніи выдержать насильно основную мысль этой характеристики; но нельзя не замѣтить, что иронія и сатирическое начало, проглядывающее въ проповѣдяхъ Ѳеофана Прокоповича, напоминаетъ писателей первыхъ временъ реформаціи. Они также имѣли дѣло съ устарѣлыми понятіями, предразсудками, съ невѣжествомъ, упорнымъ въ отрицаніи всякаго совершенствованія, и также смотрѣли на все это съ чувствомъ своего превосходства, своей силы, ручавшейся за успѣхъ борьбы.

«Чувство соболѣзнованія къ противникамъ и вмѣстѣ досада на продолженіе ихъ неразумнаго сопротивленія—вотъ тѣ условія, въ которыхъ находились и Ѳеофанъ Прокоповичъ и первые реформаторы западные.»

Какъ ни ужасна и отвратительна инквизиціонная дѣятельность Ѳеофана, о которой мы выше упоминали, въ ней, кромѣ политическаго чувства самосохраненія, имѣла свою долю эта самая *досада* на продолженіе неразумнаго сопротивленія его противниковъ. Она безъ сомнѣнія содѣйствовала также усиленію того раздраженія, съ какимъ онъ ихъ преслѣдовалъ. Умственное превосходство его надъ противниками къ сожалѣнію высказалось и въ тайно-канцелярскихъ интригахъ.

Но оставляя въ сторонѣ эту печальную сторону его дѣятель-

ности и нравовъ эпохи, нельзя не признать, что заслуга Θеофана состояла въ томъ, что онъ стремился поднять религіозное образованіе въ русской жизни на ту степень, на какой онъ видѣлъ его у образованныхъ народовъ Европы, покинувшихъ ребяческую средневѣковую схоластику. Понятно, что это былъ сильный скачокъ, даже отъ кіевской схоластической учености, и онъ былъ еще больше отъ традиціонныхъ представленій старой Россіи. Если г. Чистовичъ, а съ нимъ, конечно, и многіе другіе критики тѣхъ же пріемовъ, не видятъ всей обширности этого глубокаго различія двухъ періодовъ, то не видятъ потому, что современное богословское образованіе восприняло до извѣстной степени эти стремленія Θеофана; критикамъ кажется, какъ будто эти богословскія представленія и всегда были таковы, и потому въ Θеофанѣ они не замѣчаютъ ничего особеннаго. Достаточно сколько-нибудь ближе приглядѣться къ предшествовавшему XVII-му вѣку, чтобы видѣть, какъ поверхностно такое сужденіе.

Со смертью Θеофана въ духовенствѣ не осталось такого ревностнаго сторонника раціональнаго образованія, такого энергическаго послѣдователя и защитника петровскихъ идей; понятія, противъ которыхъ онъ боролся, стали пріобрѣтать свою прежнюю силу. Θеофанъ въ свое время былъ несомнѣнно однимъ изъ первыхъ передовыхъ людей по характеру своего образованія, въ его лицѣ духовное образованіе было тогда впереди всякаго другого; послѣ него, оно начинаетъ отставать, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. При Елизаветѣ, реакція, поднявшаяся съ каθедры противъ всего нѣмецкаго и лютеранскаго, отразилась кажется и на предметахъ образованія: духовныя власти стали преслѣдовать тѣ книги Арндта, Фонтенеля и т. п., которыми интересовалось предыдущее поколѣніе. Ослабленіе просвѣтительныхъ стремленій въ духовенствѣ стало обнаруживаться еще сильнѣе, когда свѣтское образованіе усиливалось съ возникновеніемъ болѣе оживленной литературы и съ основаніемъ перваго университета. Духовное сословіе уже не отзывалось какъ прежде на умственные интересы общества, и его роль въ національномъ образованіи стала ограничиваться: оно нерѣдко заявляло себя исключительностью, нетерпимостью и обскурантизмомъ, и въ теченіи всего XVIII-го вѣка въ его средѣ уже не было кажется ни одного лица, которое бы въ такой степени, какъ Θеофанъ, стояло на уровнѣ образованности своего времени.

А. Пыпинъ.

НОВЫЙ РОМАНЪ
ВИКТОРА ГЮГО.

Victor Hugo. — L'homme qui rit. 4 vol. Paris. 1869.

Задолго до появленія своего, новый романъ Виктора Гюго возбудилъ уже толки въ европейской печати: — обыкновенная судьба произведеній этого великаго таланта, которому не мало въ этомъ случаѣ помогаетъ и то обстоятельство, что онъ французъ и изгнанникъ. Въ качествѣ француза, онъ имѣетъ преимущество читаться во всѣхъ странахъ міра; въ качествѣ изгнанника—каждое его произведеніе, даже относительно слабое, даетъ возможность оппозиціонной печати дѣлать непріятности наполеоновскому правительству. Отъ новаго его романа почему-то ожидали особенно многаго, какъ-будто Гюго послѣ такого романа, какъ «Les travailleurs de la mer», потерпѣвшаго полный неуспѣхъ, непремѣнно долженъ былъ написать что̀-нибудь великое: у горячихъ поклонниковъ поэта не терялась надежда, что талантъ его нисколько не потерпѣлъ отъ лѣтъ, а можетъ быть еще укрѣпился. Эти поклонники не совсѣмъ ошиблись въ разсчетѣ. Новый романъ Гюго: «L'Homme qui rit», гораздо выше предшествовавшаго романа, какъ по цѣли, такъ и по исполненію.

Задача новаго романа — изображеніе англійской жизни въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій, той жизни, которая послѣдовала за революціей и республикой. Авторъ беретъ своими героями лица всѣхъ классовъ, начиная съ странствующихъ коме-

діантовъ и кончая королевою Анной. Ловко избранная канва романа даетъ возможность поэту ярко сопоставлять между собою высшій и низшій классы общества, указывать на ту эксплуатацію, которой подвергался народъ со стороны англійской аристократіи, и выражать свои политическія мнѣнія то устами героевъ, то отъ себя самого. Его негодованіе, конечно, направлено на аристократію, хотя въ предисловіи къ роману онъ говоритъ, что «въ Англіи все велико, даже то, что не хорошо, даже олигархія». Но въ этой фразѣ, быть можетъ, и кроется основная мысль романа: изобразить лучшую аристократію въ мірѣ и, такимъ образомъ, показать, что и лучшая аристократія, всѣми своими заслугами, не выкупаетъ того униженнаго положенія народа, которое есть непремѣнное слѣдствіе имущественнаго преобладанія нѣскольких надъ всѣми. Насколько достигнута такая цѣль поэтомъ, мы увидимъ впослѣдствіи, но не можемъ не замѣтить, что онъ изучилъ до мельчайшихъ подробностей описываемую имъ эпоху и ловко выдвинулъ на первый планъ язвы ея, освѣтивъ ихъ широкимъ міросозерцаніемъ. Тѣневая сторона англійской аристократіи, закрываемая обыкновенно блескомъ ея, выступаетъ пошлой, но безпощадно давящей силой, и это, по всей вѣроятности, объясняетъ тѣ нападки, которымъ подвергается романъ со стороны литературныхъ пигмеевъ, безразсудно взявшихъ на себя Сизифову работу положить, въ той или въ другой странѣ, искусственныя основанія исключительному господству немногихъ надъ милліонами.

Слабыя стороны романа преимущественно заключаются въ обыкновенной вычурности, темнотѣ выраженій и въ растянутости. Великій талантъ даетъ себя чувствовать часто, но даетъ себя чувствовать и чрезмѣрное самолюбіе. Внимательно перечитывая романъ, можно понять самый процессъ работы Виктора Гюго. Крупныя, существенныя черты предмета онъ быстро схватываетъ и кладетъ на бумагу; затѣмъ начинается анализъ подробностей, набѣгаетъ множество антитезъ, которыми романъ страшно изобилуетъ, ловятся на лету оттѣнки сказанной и достаточно уже развитой мысли, и надъ ними начинается новая работа, повтореніе стараго, только въ другихъ выраженіяхъ, повтореніе, загромождающее ясность предмета и объясняемое развѣ тѣмъ только, что романистъ каждое слово свое считаетъ неприкосновенною святыней. Гармонія цѣлаго теряется и въ силу этихъ повтореній, и въ силу тѣхъ постоянныхъ отступленій, которыя дѣлаетъ поэтъ для техническихъ описаній подробностей тогдашняго быта, быть можетъ, интересныхъ для англичанъ, для которыхъ Викторъ Гюго въ этомъ романѣ яв-

ляется сильнымъ соперникомъ Вальтеръ-Скотта, но иногда малозначущихъ для читателей другихъ странъ.

Если успѣетъ поэтъ, онъ приготовитъ еще два романа: «la Monarchie» и «Quatre-vingt-treize». Первый изъ этой трилогіи, уже оконченный, во всякомъ случаѣ долженъ быть отнесенъ къ замѣчательнымъ литературнымъ произведеніямъ, которыя вносятъ въ читающія массы извѣстную сумму идей, помимо эстетическаго наслажденія. Совершенно полный переводъ романа едва ли возможенъ, по обстоятельствамъ, независящимъ отъ переводчиковъ: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, изъ трехъ переводовъ, уже явившихся на русскомъ языкѣ, ни одинъ не можетъ быть названъ полнымъ, даже и въ первой части романа, которая представляетъ гораздо меньше неудобствъ, нежели послѣдующія части.

I.

Въ Бискайи и Галиціи, испанскихъ провинціяхъ, матери до сихъ поръ пугаютъ дѣтей своихъ словами: «Смотри, вотъ я позову *компрачикосовъ.*» Comprachicos или comprapequenos — испанское слово, которое значитъ «дѣтопокупатели». Въ XVII в., существовало такое братство, состоявшее изъ бродягъ всѣхъ націй; дѣтопокупатели были бѣдны, но, по всей вѣроятности, были богаты начальники шаекъ, предприниматели, производившіе эту торговлю въ широкихъ размѣрахъ; братство имѣло свои законы, свою присягу, свои формулы; подобно цыганамъ, дѣтопокупатели назначали другъ другу свиданія, ихъ начальники обмѣнивались совѣтами и планами; были извѣстны четыре главныя мѣста свиданія — одно во Франціи, другое въ Англіи, третье въ Испаніи и четвертое въ Германіи.

Дѣтопокупатели не крали дѣтей, а покупали ихъ; покупали затѣмъ, чтобъ дѣлать изъ нихъ уродовъ, на потѣху толпѣ, вельможамъ и королямъ. Семнадцатый вѣкъ, вѣкъ развращенной наивности и утонченнаго, деликатнаго звѣрства, въ особенности много эксплуатировалъ дѣтей. Ребенокъ обыкновенный не забавенъ, но забавенъ горбатый; обыкновенный человѣкъ не забавенъ, но забавенъ карликъ и уродъ. Отсюда родилось цѣлое искусство для заготовленія уродовъ. Одинъ изъ анатомистовъ тогдашняго времени, докторъ Конквестъ, написалъ по-латини цѣлое сочиненіе, въ которомъ преподалъ разные пріемы для той особенной хирургіи, которая брала человѣческій образъ и природу за канву и выводила на ней свои прихотливые узоры.

Придворный шутъ былъ попыткой приблизить человѣка къ обезьянѣ; въ тоже время обезьяною старались замѣнить человѣка: у англійскихъ герцогинь и графинь обезьяны служили въ качествѣ пажей, служанокъ и ливрейныхъ лакеевъ; возведенныя въ должности, обезьяны, такимъ образомъ, составляли противувѣсъ людямъ, низведеннымъ до степени животнаго и звѣря.

Приготовленіе уродовъ не ограничивалось поставкою феноменовъ для городскихъ площадей, шутовъ для дворцовъ—нѣчто въ родѣ дополненія къ придворнымъ, — евнуховъ для султанскихъ гаремовъ и сикстинской капеллы папы. Оно было очень разнообразно, и одно изъ торжествъ этого искусства составляло приготовленіе пѣтуха для короля англійскаго: было въ обычаѣ держать въ королевскихъ покояхъ человѣка, который пѣлъ пѣтухомъ. Онъ долженъ былъ бродить ночью по дворцовымъ коридорамъ и каждый часъ выкрикивать по-пѣтушиному. Для этого, въ дѣтствѣ, предназначенному для этого человѣку дѣлали операцію въ устьѣ пищепроводнаго горла; но такъ какъ съ этою операціей было связано слюнотеченіе, то любовница Карла II, герцогиня Портсмутская, выразила отвращеніе къ такому неопрятному пѣтуху, и съ того времени спеціальное приготовленіе его было брошено, но самая должность оставалась, чтобъ не умалить блеска короны. Екатерина II разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что, когда прежде царь или царица были недовольны какимъ-нибудь русскимъ княземъ, то заставляли его сидѣть на корточкахъ въ большой дворцовой передней опредѣленное число дней и мяукать кошкою или кудахтать насѣдкою, подбирая ртомъ, на манеръ куръ, пищу съ полу.

Итакъ, покупка дѣтей соединялась съ искусствомъ ихъ уродовать. Продавцевъ было вволю, начиная съ несчастнаго отца, желавшаго отдѣлаться отъ своего семейства, и кончая господиномъ, извлекавшимъ пользу изъ своихъ рабовъ. Продажа людей считалась дѣломъ самымъ простымъ. Въ наши дни отстаивали это право войною, и не прошло ста лѣтъ еще, когда курфирстъ гессенскій продавалъ своихъ подданныхъ королю англійскому, который нуждался въ людяхъ для истребленія ихъ въ Америкѣ: курфирстъ гессенскій продавалъ «пушечное мясо», и къ нему являлись покупатели, какъ къ мяснику. Въ Англіи Яковъ II, обезглавивъ множество вельможъ и дворянъ, подарилъ ихъ вдовъ и сиротъ супругѣ своей, королевѣ; супруга-королева продала ихъ Вильяму Пенну, нуждавшемуся въ женщинахъ для заселенія пустыни.

Этотъ же Яковъ II, ревностный католикъ, исполненный любви къ Богу, преслѣдовавшій жидовъ, терпѣлъ дѣтопокупателей. Они

нужны ему были ради государственныхъ цѣлей, состоявшихъ въ томъ, чтобы уничтожать строптивыя семейства, пресѣкать роды, стирать съ лица земли наслѣдниковъ, обирать одинъ родъ въ пользу другого, устраивать конфискацію и похищеннымъ одаривать фаворитовъ. Конечно, можно перерѣзать, какъ барановъ, тѣхъ, кто мѣшаетъ; но обезобразить еще лучше, по крайней мѣрѣ безопаснѣе: замаскировать человѣка не желѣзною маскою, средствомъ крайнимъ и хлопотливымъ, а собственнымъ же лицомъ его. Обдѣлать его, какъ китайцы обдѣлываютъ дерево, обдѣлать такъ, что родной отецъ не узнаетъ. Обладая этимъ искусствомъ, дѣтопокупатели не только отнимали у ребенка его собственную физіономію, но отнимали и память, усыпляя ребенка передъ операціей. Яковъ II иногда доходилъ до того, что признавался въ своемъ соучастничествѣ. Это одинъ изъ ужасовъ монархическаго терроризма. Обезображенный украшался королевскими лиліями: вмѣсто образа божія на него клали образъ королевскій. Этотъ способъ употреблялся тогда, когда требовалось доказать, что новое положеніе для ребенка создано по благоизволенію королевскому. Обдѣлывая дѣла, дѣтопокупатели были народъ скромный, умѣвшій хранить тайны, и къ тому же народъ религіозный — все это было на руку набожному королю. Но въ 1688 г., Оранская династія смѣнила Стюартовъ: Яковъ II умеръ въ изгнаніи и въ то время, какъ на гробницѣ его творились даже такія чудеса, что епископъ отёнскій исцѣлился отъ фистулы, Вильгельмъ III и затѣмъ Марія издали противъ братства дѣтопокупателей чрезвычайно строгіе законы. Слѣдствіемъ ихъ было бѣгство изъ Англіи не только дѣтопокупателей, но и разныхъ бродягъ. Всякая бродячая шайка, имѣвшая при себѣ ребенка, заподозрѣвалась въ принадлежности къ отвратительному братству и преслѣдовалась. Простые нищіе скрывались изъ Англіи, боясь прослыть за дѣтопокупателей. Бѣдняку опасно было имѣть собственнаго ребенка. Въ самомъ дѣлѣ, какъ доказать, что ребенокъ посланъ Богомъ, а не купленъ? И дѣти бросались, гдѣ попало, въ лѣсу, на берегу рѣки, бросались дѣтопокупателями, бросались нищими и матерями; дѣтей находили въ колодцахъ и водоемахъ. Дѣтопокупатели бѣжали въ Испанію: тамъ еще можно было имъ пріютиться, въ другихъ странахъ ихъ преслѣдовали также, какъ въ Англіи.

II.

Зима 1689—90 г. отличалась необыкновенною стужей и отмѣчена, какъ «памятная для бѣдныхъ». Много людей погибло тогда отъ холода и голода. 29 января 1690 г., вечеромъ, толпа людей копошилась на берегу одной изъ бухтъ негостепріимнаго портлэндскаго залива. Бухта эта была самая опасная и самая пустынная изъ всѣхъ, а потому самая надежная для такихъ судовъ, которыя хотѣли уѣхать никѣмъ незамѣченными. Сумерки сгущались надъ береговыми скалами. Къ одной изъ нихъ была причалена бискайская барка, очевидно дѣлавшая постоянные тайные рейсы между Испаніей и Англіей; на носу барки была вылѣплена позолоченая Богоматерь съ младенцемъ; подъ ней золочеными буквами написано «Матутина», имя судна, и устроена клѣтка для огня; огонь не былъ зажженъ, вѣроятно потому, что барка боялась обратить на себя вниманіе; въ морѣ эта клѣтка съ огнемъ исправляла двѣ должности: освѣщала путь и служила свѣчкой передъ Богоматерью. По доскѣ, переброшенной съ барки на плоскій выступъ скалы, постоянно ходили взадъ и впередъ люди, готовившіеся къ отплытію и переносившіе на барку багажъ. Лохмотья, въ которыя они были одѣты, показывали, что они принадлежали къ числу гражданъ, извѣстныхъ въ Англіи подъ названіемъ «лохмотниковъ». Ихъ было восьмеро, между ними двѣ женщины; маленькая фигурка ребенка часто появлялась на доскѣ, обремененная ношею; по виду ему можно было дать отъ десяти до одиннадцати лѣтъ. Экипажъ судна состоялъ изъ хозяина и двухъ матросовъ. Когда все было готово, когда перенесены были на судно мѣшки съ сухарями, боченокъ трески, коробка сушоныхъ овощей, боченки съ прѣсной водой, съ солодомъ и смолой, бутылки пива, чемоданъ, тюкъ пакли для факеловъ и сигналовъ,— начальникъ шайки, котораго можно было отличить по позументамъ на лохмотьяхъ, далъ сигналъ къ отплытію и первый бросился на барку ребенокъ; но его оттолкнули, и барка тотчасъ отчалила. Ребенокъ остался одинъ на утесѣ и устремилъ пристальный взглядъ на море.

Онъ не испустилъ ни звука, ни звука не раздалось и съ барки. Словно тѣни разставались на берегу Стикса. Нѣсколько минутъ спустя, барка вышла изъ бухты; ребенокъ проводилъ ее глазами, пока она совсѣмъ не скрылась. Онъ былъ изумленъ, но ни слѣда отчаянія на лицѣ: очевидно, ни онъ не любилъ тѣхъ, которые его оставили, ни они не любили его. Задумчиво сидѣлъ онъ и забывалъ холодъ. Вдругъ вода плеснула ему на ноги: начинался

приливъ, холодный вѣтеръ шевельнулъ волосы мальчика, и онъ вздрогнулъ, и словно пробудился къ жизни. Осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ себя одинокимъ; въ карманѣ у него не было ни денегъ, ни хлѣба; тѣло едва было прикрыто курткою со взрослаго, ноги босы. Куда идти, что̀ дѣлать? Онъ не зналъ, гдѣ онъ; онъ видѣлъ только, что съ одной стороны у него море, съ другой скалы, изрѣзанныя извилистыми, крутыми тропинками. Не въ море же бросаться? Рѣшительно повернувшись спиной къ бухтѣ, онъ сталъ карабкаться на утесъ, обнаруживая большую ловкость и цѣпкость; попадая на ледъ, онъ падалъ, но снова быстро вставалъ и лѣзъ дальше, хватаясь за кустарники, скользя въ пропасти, и наконецъ вышелъ на площадку. Съ одной стороны передъ нимъ холмистая равнина, покрытая снѣгомъ, съ другой тоже море; надъ нимъ висѣло пебо, покрытое туманомъ, заслонявшимъ звѣзды. Ребенокъ взглянулъ на море. Портлэндскій заливъ разстилался передъ нимъ, какъ на географической картѣ, бѣловатою площадью въ полукружіи холмовъ; но ни на землѣ, ни на морѣ ни единаго огонька. Въ воздухѣ чувствовалось приближеніе грозы. Изъ-за мысовъ то и дѣло показывались суда, торопившіяся стать на якорь. На горизонтѣ, чернымъ треугольникомъ, виднѣлась «Матутина», быстро уходившая дальше и дальше. Вѣтеръ крѣпчалъ, обращаясь въ бурю: «Матутина» распустила паруса, словно желая воспользоваться для бѣгства даже ураганомъ. Все умаляясь и умаляясь со своимъ огонькомъ, наконецъ на ней показавшимся, она приковывала къ себѣ вниманіе ребенка до тѣхъ поръ пока не исчезъ и огонекъ. Ребенокъ перенесъ свои взгляды на долину, на холмы, туда, гдѣ можно было встрѣтить живое существо, и пошелъ.

Было около семи часовъ вечера. Ребенокъ находился на южной оконечности полуострова Портлэнда. Поверхность шла уступами; ночь становилась темнѣй. Иногда онъ умѣрялъ шаги, какъ бы раздумывая самъ съ собой; потомъ остановился, насторожилъ уши, какъ олень, подумалъ съ минуту, и повернулъ вправо, къ небольшому холму, откуда слышался какой-то звукъ, не похожій ни на шумъ моря, ни на шумъ вѣтра. Нѣсколько шаговъ и онъ былъ у подошвы холма, на которомъ чернѣло что̀-то странное: нѣчто въ родѣ большой руки, прямо торчавшей изъ земли. На верхней оконечности этой руки что̀-то протягивалось горизонтально, въ родѣ указательнаго пальца, подпертаго снизу большимъ. Эта рука и эти пальцы рисовались на небѣ прямоугольникомъ. Изъ точки соединенія указательнаго пальца съ большимъ тянулась веревка, на которой висѣло что̀-то черное и безформенное. Покачиваемая вѣтромъ, веревка издавала звукъ цѣпи, и

этотъ-то звукъ слышалъ ребенокъ. И въ самомъ дѣлѣ то была не веревка, а цѣпь. Масса, привязанная къ цѣпи, представляла сходство съ футляромъ. Она была спелената, какъ ребенокъ, и длинна, какъ взрослый человѣкъ. Вверху, за какую-то округлость футляра, цѣпь обвивалась однимъ концомъ. Въ нижней части своей футляръ разорвался и изъ трещинъ его торчали какіе-то ошметья.

Легкій вѣтеръ, покачивая цѣпь, покачивалъ и ту пассивную массу, которая висѣла на ней; въ этой массѣ было что̀-то паническое; ужасъ, отнимающій у предметовъ ихъ размѣры, оставлялъ ей только очертанія; это было скопленіе мрака въ образѣ; надъ ней была ночь и въ ней была ночь; сумерки, восходы луны, захожденіе созвѣздій за скалы, облака, направленіе вѣтровъ, перемѣны въ воздухѣ — все вошло въ составъ этого видимаго ничтожества, этого человѣка, который сталъ останками природы и общества, который пересталъ уже существовать, но все еще являлся надъ могилой, какъ нѣчто не подлежащее общимъ законамъ.

Преданный на произволъ стихіямъ, подвергаясь разложенію на открытомъ воздухѣ, лѣтомъ въ прахъ, осенью въ грязь, онъ словно свидѣтельствовалъ о безстыдствѣ смерти, которая нахально показывала свое дѣло, ничѣмъ не прикрываясь. Все пользовалось имъ и все его уничтожало: кровь его пили, кожу ѣли, мясо крали. Все что̀ проходило мимо его, что̀-нибудь у него занимало. Зима заняла у него холоду, полночь—страху, желѣзо—ржавчины, чума—міазмовъ, цвѣты—запаху. Его медленное разложеніе было словно пошлиной трупа бурѣ, дождю, росѣ, гадамъ, птицамъ. Всѣ мрачныя руки ночи рылись въ этомъ мертвецѣ, въ этомъ странномъ жильцѣ ночи, въ этой тѣни, дополнявшей мракъ. Когда исчезалъ день, въ наступавшей безмолвной тьмѣ, онъ мрачно согласовался со всѣмъ. Однимъ своимъ присутствіемъ онъ увеличивалъ ужасъ бури, страхи ночи и неподвижность свѣтилъ. Въ немъ соединялось все то, что̀ было невыразимаго въ пустынѣ; возлѣ него чувствовалось уменьшеніе жизни, и само окружающее пространство внушало меньше довѣрія и мужества. Трепетъ кустарниковъ и травъ, безвыходная грусть, какое-то полусознательное безпокойство, трагически приноравливали весь пейзажъ къ этой черной фигурѣ, висящей на цѣпи. Вѣчное содроганіе дѣлало его ужаснымъ. Онъ казался въ пространствѣ центромъ, и словно что̀-то необъятное опиралось на него. Кто знаетъ? Быть можетъ, это то, прозрѣваемое въ будущемъ, теперь попранное, правосудіе, которое выше насъ. Въ его существованіи внѣ могилы была и месть ему людей, и его месть людямъ. Онъ свидѣтельствовалъ въ этомъ мракѣ и въ этой пустынѣ о безпокойной матеріи, потому что только та матерія смущаетъ насъ, въ которой жилъ духъ. Онъ приносилъ жалобу на здѣшній

законъ закону верховному. Оставленный здѣсь людьми, онъ ожидалъ Бога, и надъ нимъ носились въ туманныхъ очертаніяхъ мрачныя грезы мрака.

Ребенокъ, вперивъ въ этотъ трупъ взоры, безмолвно стоялъ передъ нимъ, словно пригвожденный къ мѣсту. Для взрослаго это была висѣлица, для ребенка — привидѣніе; гдѣ взрослый видитъ трупъ, ребенокъ — призракъ. Его тянуло на вершину холма; онъ сдѣлалъ шагъ, другой, и взошелъ, желая сойдти, приблизился, желая удалиться. Призракъ былъ осмоленъ и блестѣлъ тамъ и сямъ. Ребенокъ разглядѣлъ лицо, которое было обмазано смолой, и на которомъ, вмѣсто рта, носа и глазъ, зіяли отверстія. Тѣло было какъ бы запаковано въ толстую ткань, пропитанную нефтью; ткань мѣстами разорвалась и обнаруживала то колѣно, то бокъ, то мясо, то кости. Лицо было земляного цвѣта съ серебристыми полосками, которыя оставили бродившіе по немъ слизняки. Весь въ трещинахъ черепъ походилъ на отверстіе испорченнаго плода. Оставшіеся цѣлыми зубы выражали улыбку, а изъ открытаго рта казалось выходилъ еще крикъ. На щекахъ замѣтно было нѣсколько волосъ. Наклоненная голова была въ такомъ положеніи, что, казалось, внимательно къ чему-то прислушивалась; внизу изъ футляра торчали ноги, а подъ ними на землѣ стояли башмаки, упавшіе съ ногъ повѣшеннаго: босой ребенокъ пристально поглядѣлъ на нихъ. Видно было, что въ трупѣ недавно произведены были поправки: лицо, колѣно и бокъ высмолили заново. Очевидно, что трупъ этотъ былъ драгоцѣненъ, если о немъ такъ заботились. Когда человѣкъ былъ живъ, о немъ не думали, но къ мертвецу приложили стараніе. Египтяне дорожили муміями царей; простой человѣкъ, вздернутый на висѣлицу, тоже на что нибудь годился: онъ служилъ пугаломъ для контрабандистовъ. Контрабанда не уменьшалась, но контрабандистовъ продолжали вѣшать и осмаливать вплоть до 1822 года. Впрочемъ, вѣшали и осмаливали не ихъ однихъ: этой почетной смерти удостоивались иногда и воры, и убійцы, и поджигатели.

Трудно сказать, что̀ думалъ и чувствовалъ ребенокъ подъ висѣлицей; неодолимая сила пригвоздила его къ мѣсту, и онъ не могъ оторваться отъ этого лица, которое глядѣло на него тѣмъ пристальнѣе, что было лишено глазъ. То былъ взглядъ какъ бы разлитой въ пространствѣ, то была пристальность невыразимая, въ которой чуялись и свѣтъ, и мракъ, выходившіе изъ черепа, и изъ зубовъ, и изъ пустыхъ глазныхъ впадинъ. Смотрѣла вся голова мертвеца, взглядъ ея чувствовался, хотя глазъ не было въ этой головѣ, но это-то и поражаетъ насъ ужасомъ.

Мало-по-малу и самъ ребенокъ становился ужасенъ. Онъ цѣпенѣлъ, не двигался и терялъ сознаніе, засыпая тѣмъ сномъ,

который предшествуетъ смерти у замерзающихъ. Ребенокъ дѣйствительно замерзалъ. Вдругъ мертвецъ задвигался. Какъ всегда передъ бурей, вѣтеръ утихъ и мертвецъ висѣлъ неподвижно, когда ребенокъ его разсматривалъ; но буря приближалась: сильный порывъ вѣтра — и мертвецъ, словно кѣмъ подталкиваемый, зашатался съ такою силою, что цѣпь завизжала: это движеніе пробудило ребенка, и онъ довольно ясно почувствовалъ страхъ. Страхъ этотъ усилился и заставилъ ребенка вздрогнуть, когда налетѣла стая вороновъ и, разсѣвшись на висѣлицѣ, подняла страшное карканье. Черезъ минуту эти дикіе крики смолкли, и вороны, одинъ за другимъ, перелетѣли на мертвеца, который исчезъ подъ черными двигающимися точками. Бѣшеный взрывъ вѣтра подтолкнулъ его снова, и онъ вдругъ зашатался изъ стороны въ сторону, словно въ послѣдней борьбѣ съ жизнію, словно хотѣлъ онъ порвать цѣпь и освободиться отъ жадной стаи. Птицы испугались и вспорхнули, но, немного погодя, накинулись снова, хотя мертвецъ продолжалъ рваться; вороны бросались на него и отлетали, съ остервенѣніемъ нападали на свою добычу, которая отбивалась отъ нихъ съ ожесточеніемъ не меньшимъ: живой не могъ бы такъ бороться. Удары клювовъ и когтей, карканье, терзанье клочьевъ, которые нельзя уже было назвать мясомъ, трескъ висѣлицы, содроганье скелета, бряцанье желѣза, вой вѣтра и отдаленный шумъ моря — эти звуки, эта картина поразила ребенка такимъ страхомъ, что онъ затрясся всѣмъ тѣломъ, зашатался, едва не упалъ и опрометью бросился бѣжать прочь.

Бѣгство, вызванное страхомъ, согрѣло его. Вмѣстѣ съ усталостью проходилъ и страхъ; онъ остановился, оглянулся назадъ; воображаемой погони мертвеца не было, и ребенокъ понемногу успокоился и пошелъ тише. У дѣтей впечатлѣнія не задерживаются; отъ нихъ ускользаютъ отдаленныя очертанія, придающіе полноту печальнымъ предметамъ; самая слабость защищаетъ ребенка отъ впечатлѣній сложныхъ: онъ видитъ простой фактъ, а не все то, что̀ группируется около факта; вслѣдствіе этого страхъ могъ скоро пройдти, а побѣда надъ этимъ чувствомъ могла придать ему больше бодрости. Онъ въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя сильнѣе и шелъ самоувѣреннѣе, надѣясь найдти пристанище, и утолить свой голодъ, начавшій его безпокоить: другихъ цѣлей онъ не имѣлъ и имѣть не могъ. Взобравшись на довольно высокій холмъ, ребенокъ оглядѣлся: къ востоку чернѣли клубы дыма. Гдѣ дымъ, тамъ жилье. Ребенокъ направился туда; но дорога становилась труднѣе; приходилось снова прыгать со скалы на скалу, спускаться въ пропасти и выбираться изъ нихъ. Время отъ времени

онъ останавливался и прислушивался, какъ олень. Издали, слѣва, доносился до него какой-то широкій и вмѣстѣ слабый шумъ, похожій на глубокіе звуки рожка. То былъ шумъ снѣжной бури, съ моря мчавшейся на землю. Вскорѣ ребенокъ почувствовалъ на лицѣ своемъ большія хлопья падающаго снѣга.

III.

Снѣжная буря на морѣ принадлежитъ къ явленіямъ пагубнымъ для судовъ, и такую бурю пришлось испытать судну «Матутина», на которомъ удалялась изъ Англіи шайка дѣтопокупателей. Оно было легко на ходу, но грузъ, состоявшій изъ десяти человѣкъ и багажа, былъ ему не совсѣмъ подъ силу. Выйдя въ открытое море, пассажиры оживились и весело заговорили между собой: одна опасность оставлена назади, но впереди была другая, о которой однакожъ думали только хозяинъ судна и одинъ изъ пассажировъ, лысый, важный старикъ, похожій на нѣмца, хотя поблекшая наружность его принадлежала къ числу тѣхъ, по которымъ нельзя опредѣлить національность. Онъ всякій разъ набожно снималъ шляпу, когда проходилъ мимо статуи Богородицы, и вообще руки его постоянно складывались на молитву. Наблюдатель прочелъ бы на его физіономіи смѣсь великихъ добрыхъ качествъ и столь же великихъ злыхъ: онъ могъ бы упасть ниже тигра и подняться выше человѣка. Его безстрастность, быть можетъ только напускная, носила на себѣ печать окаменѣлости сердца, свойственнаго палачу, и окаменѣлости ума, свойственнаго мандарину. Можно было утверждать, что ему все было доступно, даже нѣжность, потому что чудовищное также имѣетъ свою полноту. Каждый ученый до нѣкоторой степени—трупъ; старикъ былъ ученый, и это легко было замѣтить по его движеніямъ, по складкамъ его платья. Окаменѣлая наружность его носила выраженіе угрюмое, но безъ тѣни лицемѣрія и цинизма: задумчивымъ сдѣлало его преступленіе. Начальникъ шайки часто подбѣгалъ къ нему и что-то говорилъ ему шопотомъ; старикъ кивалъ, въ отвѣтъ, головою, и обращалъ взоры къ небу. Повидимому, онъ также внимательно наблюдалъ за тѣмъ, что дѣлалось или готовилось вверху, какъ хозяинъ барки за тѣмъ, что дѣлалось на морѣ. Послѣдній обратилъ вниманіе на фигуру старика и, подозвавъ къ себѣ начальника шайки, спросилъ его, кто это, не начальникъ ли?

— Это и сумасшедшій, и мудрецъ, и душа шайки, но не начальство.

Передавъ матросу руль, хозяинъ судна подошелъ къ старику съ видомъ любопытства и ироніи. Между ними завязался разговоръ; старикъ сказалъ, чтобъ его звали докторомъ. Этотъ докторъ въ самомъ дѣлѣ обнаружилъ обширныя знанія въ морскомъ дѣлѣ и доказалъ, что онъ не даромъ смотрѣлъ на небо. Иронія хозяина судна обратилась въ уваженіе, и онъ принялъ къ руководству нѣкоторые его совѣты, но отказывался вѣрить, что судну грозитъ большая опасность отъ снѣжной бури, предвѣстіе которой докторъ видѣлъ въ блѣдно-синемъ облакѣ, появившемся на горизонтѣ. Это облако испугало и самого доктора, но онъ проговорилъ:

— И по дѣломъ! Что до меня — я согласенъ.

Вѣтеръ крѣпчалъ; хозяинъ судна терялъ самоувѣренность, тѣмъ болѣе, что совѣты доктора были уклончивы и облечены въ какую-то таинственность. Онъ сказалъ:

— Если нынѣшнею ночью, когда мы будемъ среди моря, послышится звукъ колокола—судно погибло. Хозяинъ поглядѣлъ на него съ изумленіемъ и спросилъ: «Что вы хотите сказать?» Докторъ не отвѣчалъ: онъ погрузился въ задумчивость и машинально произнесъ:

— Наступила минута омыться чернымъ душамъ.

— Онъ скорѣе сумасшедшій, чѣмъ мудрецъ, проворчалъ хозяинъ и отошелъ къ рулю.

Блѣдно-синее облако становилось больше и больше, заволакивая небо. Поверхность моря приняла грязно-свинцовый цвѣтъ и бороздилась глубокими волнами. Небо не предвѣщало ничего хорошаго. Хозяинъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ докторъ, но тамъ его не было: онъ спустился въ каюту, сѣлъ на стулъ возлѣ печки, гдѣ поваръ варилъ уху, вынулъ изъ кармана кожаную чернильницу и сафьянный портфель, изъ котораго взялъ пожелтѣвшій пергаментъ, и сталъ писать на немъ. Качка усиливалась и писать было не совсѣмъ удобно, но докторъ писалъ и писалъ долго. Затѣмъ, замѣтивъ у повара бутылку, оплетенную прутьями, которую тотъ часто подносилъ къ губамъ, докторъ увидалъ на ней, выплетенное краснымъ на бѣломъ фонѣ, имя «Гардкваннонъ».

— Эта бутылка фламандца Гардкваннона? спросилъ онъ.

— Да, его. Онъ мнѣ на память оставилъ ее, бѣдняжка, когда его посадили въ четемскую тюрьму.

Докторъ съ трудомъ вывелъ еще нѣсколько строкъ на пергаментѣ, высушилъ его у печки, вложилъ въ портфель и вмѣстѣ съ чернильницею опустилъ въ карманъ. Едва успѣлъ онъ это продѣлать, какъ могучій валъ налетѣлъ на судно и всѣ почув-

ствовали, что начался тотъ ужасающій танецъ, которымъ суда встрѣчаютъ бурю. Докторъ вышелъ на палубу. Барка бѣшено неслась съ волны на волну, среди страшной тьмы и снѣга, падавшаго изъ нависшей надъ моремъ тучи; слѣдить за направленіемъ вѣтра становилось невозможнымъ; пассажиры неслись на удалую и страхъ закрадывался въ ихъ души.

Характеристическая черта снѣжной бури — мракъ. Природа измѣняетъ свой видъ: блѣдное небо становится чернымъ, темный океанъ—бѣлымъ. Тьма внизу, мракъ вверху; горизонтъ — сплошная стѣна дыма, зенитъ словно покрытъ крепомъ; буря походитъ на внутренность собора, обтянутую трауромъ, но безъ свѣтильниковъ. Кромѣ необъятной тьмы, на волнахъ ничего не видно: ни блуждающаго огонька, ни фосфорическаго свѣта. Среди этого мрака падаетъ пыль блѣдныхъ пятенъ, бороздящихъ пространство между небомъ и моремъ. То—скользящіе, носящіеся и дрожащіе въ воздухѣ хлопья снѣга, напоминающіе саванъ, получившій способность жить и двигаться. Снѣжное сѣяніе сопровождается порывистымъ сѣвернымъ вѣтромъ, рвущимъ океанъ и открывающимъ въ немъ невѣдомыя, угрожающія пучины. По временамъ громадная молнія, красномѣднаго цвѣта, прорѣзываетъ мрачныя тучи, озаряя ихъ; но не слышно ни одного удара грома. Молнія сѣверныхъ урагановъ безмолвна, словно нѣмая угроза зіяющей неумолимой пасти. Снѣговая буря — буря слѣпая и молчаливая. Часто послѣ ея окончанія, корабли тоже становятся слѣпыми, а матросы нѣмыми. Выбраться цѣлымъ изъ подобной бездны трудно, но все-таки возможно.

«Матутина» встрѣтила этотъ ураганъ съ распущенными парусами, которые стремительно уносили ее, и брызги пѣны поднимались выше мачты. Вдругъ, среди мрака, раздались удары колокола. Хозяинъ встрѣтилъ ихъ хохотомъ.

— Отлично, сказалъ онъ. Этотъ колоколъ доказываетъ, что берегъ близко.

— Неправда, произнесъ докторъ: берегъ далеко. Этотъ звонъ съ моря. Между Портлэндомъ и Ламаншскимъ архипелагомъ, среди моря, прикрѣпленъ къ отмелямъ желѣзными цѣпями бакaнъ, на баканѣ утвержденъ колоколъ, который и звонитъ, когда море начнетъ вздувать волнами баканъ. Слышать этотъ звонъ — значитъ погибать; мы не услыхали бы звона, еслибъ не сбились съ дороги: колоколъ предупреждаетъ насъ, что наша барка несется на подводные камни.

Въ то время, какъ докторъ говорилъ, вѣтеръ утихъ немного, и звонъ раздавался мѣрно; этотъ перемежающійся, похоронный звонъ бездны словно подтверждалъ слова доктора. Пассажиры,

затаивъ дыханіе, слушали съ невольнымъ ужасомъ то доктора, то колоколъ. Но хозяинъ судна не унывалъ: онъ попробовалъ повернуть барку на западъ, въ открытое море; маневръ былъ исполненъ исправно, но волны вздымались выше и выше, и ураганъ, какъ усердный палачъ, четвертовалъ судно; черезъ минуту, не было на немъ ни стеньги, ни мачты, ни статуи богородицы; оставался одинъ руль. «Пока руль въ рукахъ, не все еще пропало», кричалъ хозяинъ, приказывая очищать палубу отъ всего лишняго. Подъ вліяніемъ грозившей опасности, экипажъ и пассажиры работали съ лихорадочнымъ увлеченіемъ, и палуба быстро очистилась отъ всего лишняго.

— Теперь привяжите меня къ рулю, чтобъ не снесло вѣтромъ, сказалъ хозяинъ.

Его стали привязывать; онъ смѣялся и кричалъ волнѣ: «Реви, старая, реви! видалъ я и не такія бури!» Когда его привязали, онъ схватилъ руль съ тою странною радостью, которую внушаетъ опасность: «Все хорошо, товарищи! Да здравствуетъ бургосская богоматерь! Направимъ къ западу!» Набѣжавшій съ боку колоссальный валъ ударилъ судно въ заднюю часть; облако пѣны покрыло корму и раздался трескъ; когда пѣна разсѣялась—ни хозяина, ни руля не оказалось: все было сорвано и осталось въ морѣ.

— Бросимъ якорь! закричалъ начальникъ шайки, и спасемъ хозяина.

Бросили якорь, но канатъ разорвало, какъ нитку, и якорь остался на днѣ моря. Безъ якоря и руля судно сдѣлалось игрушкою волнъ и каждую миниту готово было повернуться килемъ вверхъ, какъ мертвая рыба. Колокольный звонъ становился слабѣе и слабѣе и, наконецъ, совсѣмъ затихъ. Судно неслось съ прежнею быстротою, среди ужасающаго мрака; вдругъ показалось красное пятно.

— Маякъ! закричали погибающіе.

Въ самомъ дѣлѣ, они неслись къ маяку, устроенному для предупрежденія мореплавателей отъ каскетскихъ рифовъ. Судно прямо направлялось къ нимъ; огонь, разведенный на желѣзной рѣшеткѣ судна, помогалъ различать издали безформенную массу подводныхъ камней; но вотъ они ближе и ближе, и камни предстали во всемъ своемъ грозномъ величіи. Гибель казалась неизбѣжною, когда начальникъ шайки предложилъ отчаянное средство: оторвали бревно отъ обшивки судна, положили его на палубу, выдвинули однимъ концомъ за судно, а на другой конецъ налегли шестеро пассажировъ, сильно придавивъ его. Маневръ заключался въ томъ, чтобъ оттолкнуться, при помощи этого

бревна, отъ скалы. Онъ и удался: барку оттолкнуло и понесло куда-то опять, но бревно упало въ воду. Прошло не много времени и передъ судномъ снова показалось какое-то черное чудовище, новые рифы, нѣчто въ родѣ каменной мостовой среди океана. Это былъ рифъ Ортакъ, возвышающійся стѣною на восемьдесятъ футовъ надъ поверхностью воды; суда разбивались объ него въ дребезги, но лучъ надежды мелькалъ еще для «Матутины», потому что волны не разбивались о гладкую поверхность утеса, а равномѣрно прихлынутъ и отхлынутъ, какъ приливъ и отливъ; если судно попадетъ въ прихлынувшую волну, то гибель его неизбѣжна, если въ отхлынувшую, то его отнесетъ прочь. Всѣ ждали своей участи съ трепетомъ сердца; но судьбѣ угодно было пощадить барку и на этотъ разъ, и она снова понеслась по морю. Волны, вздуваясь выше и выше, становились короче; это значило, что судно попало въ проливъ; узкое мѣсто, по которому оно плыло, находилось между Каскетами и Ортакомъ съ одной стороны, и отмелью Ориньи съ другой; передъ этой отмелью разбросаны были утесы и вода клокотала, образуя опасные водовороты. «Матутина» все ближе и ближе подходила къ одному утесу; вдругъ ее оттолкнуло словно ударомъ кулака титана, и она бросилась въ противную сторону. Это чудо совершилъ вѣтеръ, мгновенно перемѣнившій направленіе: вмѣсто сѣвернаго, подулъ южный. Эта перемѣна началась вихремъ. Схваченная имъ за всѣ оставшіяся снасти, какъ мертвецъ за волосы, «Матутина» понеслась впередъ. Это было спасеніе, но спасеніе, походившее на помилованія, которыя давалъ Тиберій цѣною изнасилованія: вѣтеръ бѣшено рвалъ и металъ барку, разрушавшуюся все болѣе и болѣе; съ неба посыпался градъ; пассажиры сбивались въ кучу, схватывались другъ за друга, ежеминутно ожидая, что ихъ сброситъ въ пучину; вдругъ волненіе прекратилось; молніи исчезли; вмѣсто града повалилъ снѣгъ, и поверхность моря стала гладкою. Такія внезапныя перемѣны свойственны снѣговымъ бурямъ; электрическій токъ истощился и стихло все, даже волна, сохраняющая во время обыкновенныхъ бурь продолжительное движеніе. Такъ было и въ наши дни, когда 27-го іюля 1867 г., близъ Джерсея, вѣтеръ, бушевавшій въ теченіе четырнадцати часовъ, вдругъ перешелъ въ полнѣйшій штиль.

Погибающіе вздохнули свободно; имъ казалось, что судьба сжалилась надъ ними, что на утро ихъ замѣтитъ какой-нибудь корабль и спасетъ. Но въ то время, когда эта надежда блеснула имъ, матросъ, спускавшійся въ трюмъ за канатомъ, вышелъ оттуда и сказалъ, что трюмъ полонъ водою.

— Что же это значитъ? вскричалъ начальникъ шайки.

— Это значитъ, возразилъ матросъ, что черезъ полчаса мы пойдемъ ко дну.

«Матутина» получила течь; гдѣ была трещина — отгадать невозможно; насоса не было; не было ни руля, ни запасной лодки, ни веселъ, ни паруса, ни вѣтра. Въ торжественной тишинѣ несчастные сознавали, что наступила рѣшительная минута, и ужасъ навелъ на нихъ оцѣпенѣніе. Барка погружалась. Попробовали облегчить ее: покидали въ море все, что можно было бросить; развинтили даже гайки отъ желѣзной печи, сняли замазку и самую печь бросили въ волны; это облегчило судно, но не предотвратило погибели: оно стало погружаться медленнѣе, — только. Начальникъ шайки, время отъ времени, посматривалъ на цифры дѣленія, обозначенныя на носу судна, чтобъ убѣдиться въ скорости погруженія судна.

— Нѣтъ ли еще чего выбросить? закричалъ онъ, увидѣвъ, что минута гибели близка.

Докторъ, о которомъ забыли всѣ въ этой суматохѣ, показался изъ-за темнаго угла каюты и произнесъ: «есть». — Что такое? спросилъ начальникъ.

— Наше преступленіе, отвѣчалъ докторъ.

Дрожь пробѣжала по тѣлу пассажировъ: «аминь,» сказали они почти въ одинъ голосъ. Поднявъ руку къ небу, блѣдный, докторъ проговорилъ: «на колѣни!» Всѣ зашевелились, приготовляясь исполнить приказаніе.

— Бросимъ въ море наши преступленія, началъ онъ снова. Они тяготѣютъ надъ нами и влекутъ ко дну наше судно. Нечего думать о спасеніи жизни, о томъ что спасти невозможно: позаботимся лучше о спасеніи души. Наше послѣднее преступленіе, только что совершенное, или лучше сказать, только что доверšенное нами, давитъ насъ. Думать о спасеніи, когда за нами стоитъ покушеніе на убійство,—значитъ нечестиво искушать бездны. Преступленіе противъ ребенка—преступленіе противъ Бога. Я знаю, что намъ необходимо было отправиться, но мы пустились на вѣрную гибель. Буря настигла насъ, и это хорошо, не жалѣйте о жизни. Недалеко отъ насъ берега Франціи: тамъ ждетъ насъ такая же висѣлица, какъ и въ Англіи. Единственное наше убѣжище, Испанія, далеко, и намъ предстояло два рода смерти: либо быть повѣшенными, либо утонуть въ морѣ. Богъ выбралъ за насъ: возблагодаримъ его. Онъ даруетъ намъ такую смерть, которая можетъ омыть наши грѣхи. Наша смерть неизбѣжна, братья. Вспомните, что мы недавно употребляли всѣ усилія для того, чтобъ отправить на небо ребенка,

и что въ ту самую минуту, когда я говорю вамъ, быть можетъ надъ нашими головами душа его обвиняетъ насъ предъ вѣчнымъ судіей. Употребимъ же на раскаяніе послѣднія мгновенія, постараемся загладить вину: быть можетъ это возможно еще. Если ребенокъ переживетъ насъ — станемъ молиться за него; если онъ умеръ—постараемся, чтобы онъ простилъ насъ. Снимемъ съ себя наше преступленіе, освободимъ отъ него нашу совѣсть. Постараемся избавиться отъ самой ужасной погибели: чтобъ души наши не погибли передъ Господомъ. Тѣла пойдутъ къ рыбамъ, но души къ дьяволу. Пожалѣйте же самихъ себя. На колѣни, говорю вамъ. Раскаяніе—то судно, которое не тонетъ, а компасъ — молитва.

Волки превратились въ ягнятъ. Въ минуты отчаянія, такія превращенія бываютъ. Случается, что тигры лижутъ распятіе. Когда открываются мрачныя врата вѣчности—вѣровать трудно, но совсѣмъ не вѣровать—невозможно. Какъ бы ни были несовершенны религіи, основанныя человѣкомъ, въ послѣднія минуты душа содрогнется даже и въ томъ случаѣ, если религія не говоритъ о вѣчности. Чтò-то начинается послѣ смерти. Въ минуту агоніи чувствуешь надъ собою отвѣтственность. Прошлое усложняется будущимъ; извѣстное превращается въ такую же бездну, какъ и неизвѣстное, и эти двѣ бездны, одна, исполненная грѣховъ, другая—ожиданія, сливаютъ въ одно свои отраженія; это-то сліяніе двухъ безднъ и ужасаетъ умирающаго.

Послѣдняя надежда на жизнь въ здѣшнемъ мірѣ исчезла; они понимали и сознавали это, и возложили свои упованія на жизнь будущую. Ужасъ обнималъ ихъ, и они обратились къ доктору, какъ къ якорю спасенія. «Кромѣ тебя, никого у насъ нѣтъ, говорили они. Мы исполнимъ все, чтò прикажешь. Приказывай же»!

— Сколько еще остается намъ времени? спросилъ докторъ у матроса.

— Немного болѣе четверти часа, отвѣчалъ тотъ, посмотрѣвъ на дѣленіе.

— Хорошо.

Онъ вынулъ изъ кармана чернильницу и пергаментъ, на которомъ писалъ въ каютѣ, приказалъ зажечь факелъ и сталъ читать. И среди моря, на этой палубѣ, медленно погружавшейся въ бездну, словно на колеблющейся поверхности могилы, началось чтеніе, къ которому, казалось, прислушивалась сама тьма. Осужденные на смерть опустили головы; свѣтъ факела увеличивалъ блѣдность ихъ лицъ. Докторъ читалъ по-англійски. Повременамъ, когда чей-нибудь жалобный взоръ, казалось, просилъ

объясненія, докторъ останавливался и повторялъ непонятое слово по-французски, по-испански, по-итальянски или по-басски. Слышались подавленныя рыданія и глухіе удары въ грудь.

Окончивъ чтеніе, докторъ положилъ пергаментъ на крышку люка и подписавъ свое имя: *докторъ Герардусъ Гестемунде*, попросилъ подписаться другихъ. Когда всѣ это исполнили, онъ потребовалъ фляжку Гардкваннона, вложилъ въ нее пергаментъ, закупорилъ и осмолилъ.

— Кончено! сказалъ онъ и, повернувшись спиною къ несчастнымъ, подошелъ къ краю палубы, посмотрѣлъ въ пространство и сказалъ съ глубокимъ выраженіемъ: Bist du bei mir? Онъ обращался вѣроятно къ какому-нибудь призраку. Барка потопала. Несчастные погружались въ глубокую думу. Молитва— великая сила. Они не склонялись, но какъ-то гнулись, словно опадающій парусъ, когда вѣтеръ стихаетъ. Эта суровая толпа, сложивъ руки и опустивъ голову, мало по малу, принимала положеніе людей, возложившихъ послѣднее упованіе на Бога. Докторъ вернулся къ нимъ. Каково бы ни было его прошедшее, но при развязкѣ своей жизни этотъ старикъ былъ великъ. Роковая минута захватила его не въ расплохъ, и переходъ въ вѣчность, наполняя его мысли, не смущалъ его. Спокойствіе ужаса и сознанное величіе Бога проглядывало въ чертахъ его. Этотъ престарѣлый, погруженный въ думу, разбойникъ былъ величавъ какъ первосвященникъ.

— Слушайте, сказалъ онъ, бросая факелъ въ море: мы умираемъ. Помолимся.

Всѣ преклонили колѣни. На палубѣ была уже вода. Докторъ одинъ стоялъ. Какъ бѣлыя капли слезъ, падали на него хлопья снѣга, замѣтно выдѣляя его среди тьмы, словно говорящую статую мрака.

— Pater noster! произнесъ онъ и осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

И всѣ, каждый на своемъ языкѣ, сталъ повторять за докторомъ слова молитвы.

— Да будетъ воля твоя, шептали погибающіе.

— Какъ на небеси и на земли...

Никто ужъ не повторялъ этихъ словъ. Черезъ минуту море было гладко. Снѣгъ продолжалъ тихо падать. Надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ была барка, что-то всплыло: то была оплетенная ивнякомъ и засмоленная фляжка Гардкваннона.

IV.

На землѣ была такая же сильная буря, какъ и на морѣ, и шелъ такой же снѣгъ. Побѣждая тысячи трудностей, среди мрака и снѣга, ребенокъ продолжалъ идти. Встрѣтивъ слѣды на снѣгу, онъ нѣкоторое время шелъ туда, куда они вели, но слѣды вдругъ исчезли; ребенокъ нагнулся и сталъ искать, но ничего не было видно; поднимаясь, онъ услышалъ какой-то трогательный, жалобный и безсильный крикъ; онъ слышался гдѣ-то вблизи, но гдѣ—ребенокъ долгое время не могъ найдти; онъ было-пошелъ впередъ, но крикъ послышался явственнѣе, и онъ вернулся снова. Ему становилось и страшно отъ этого крика, такъ что онъ хотѣлъ бы убѣжать, и жалость проникала въ его сердце. Онъ снова началъ искать и увидѣлъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, возвышеніе въ человѣческій ростъ, узкое и длинное, похожее на могилу на бѣломъ кладбищѣ. Изъ этого возвышенія послышался крикъ. Ребенокъ нагнулся и сталъ руками раскапывать снѣгъ. Показалось блѣдное лицо съ закрытыми глазами, съ открытымъ ртомъ, полнымъ снѣга; разсыпавшіеся волосы смѣшались со снѣгомъ; ребенокъ дотронулся до этого лица — оно было холодно какъ ледъ. То было неподвижное, мертвое лицо женщины. Ребенокъ сталъ разрывать далѣе и подъ руками его вдругъ что-то зашевелилось: у обнаруженной мертвой груди женщины, гдѣ оставалась еще застывшая капля молока, лежалъ маленькій, худенькій, блѣдный отъ холода ребенокъ. Это была дѣвочка, мѣсяцевъ шести. Ребенокъ взялъ ее на руки, завернулъ въ свою куртку и пошелъ далѣе. Иногда дѣвочка вскрикивала, тогда онъ начиналъ ее покачивать и она смолкала. Ноша эта, однако, сильно утомляла его, отнимая послѣднія силы. Къ счастью, онъ попалъ, наконецъ, въ жилое мѣсто. Передъ нимъ явилась куча трубъ и крышъ, а съ ними надежда на ночлегъ, ужинъ и отдыхъ. Эта надежда влила новыя силы въ мальчика, и онъ смѣло постучался у богатаго дома; отвѣта не было; онъ постучался у дома бѣдняка—отвѣта не было. Въ Уэймутѣ, куда онъ вошелъ, очевидно всѣ спали и не хотѣли тревожиться для запоздалыхъ прохожихъ. Этотъ недостатокъ гостепріимства могъ быть объясненъ и тѣмъ, что въ январѣ 1690 года только что кончилась чума въ Лондонѣ и жители опасались принять въ домъ, пожалуй, больного бродягу. Пройдя Уэймутъ, который былъ въ то время пригородомъ Мелькомбъ-Реджиса (теперь послѣдній составляетъ приходъ Уэймута), мальчикъ перешелъ мостъ чрезъ рѣку и вступилъ въ Мелькомбъ-

Реджисъ. Тутъ онъ снова сталъ стучаться и снова не получалъ отвѣта: только въ одномъ домѣ отвѣчали ему часы — пробило три часа утра. Мальчикъ насилу волочилъ ноги: къ физической усталости прибавлялось нравственное страданіе отъ того, что люди такъ холодно относились къ нему. Пройдя улицу, онъ очутился на пустомъ пространствѣ. Начиналась снова снѣжная, безлюдная равнина. Отчаяніе овладѣвало имъ.

Въ это время какое-то странное и тревожное рычанье послышалось ему. Было отчего попятиться, но онъ подвинулся: это рычанье давало знать о присутствіи живого существа. Обогнувъ уголъ стѣны, онъ увидѣлъ, что тутъ что-то пріютилось, не то телѣга, не то хижина. Судя по колесамъ,—телѣга, судя по крышѣ съ трубой, откуда выходилъ дымъ,—жилище. Сзади, выдающіяся петли указывали дверь, а въ серединѣ этой двери находилось четвероугольное отверзтіе, откуда выходилъ свѣтъ. Мальчикъ подошелъ къ этому странному жилищу. Рычанье усилилось, обратилось въ вой и послышался сухой звукъ какъ бы отъ сильно натянувшейся цѣпи, а между заднихъ колесъ выставились два ряда бѣлыхъ и острыхъ зубовъ. Онъ не успѣлъ еще отдать себѣ яснаго отчета въ томъ, что́ происходило, какъ изъ двернаго отверстія показалась голова и сказала: «Цыцъ!» Рычанье умолкло.—«Есть тутъ что ли кто?» спросила голова.— Да.—«Кто?» —Я.— «Ты? Кто ты? откуда?» — Я усталъ. — «Который часъ?» —Я озябъ.—«Что ты тутъ дѣлаешь?»—Ѣсть хочу.—«Ну, не всякому же такъ счастливо жить, какъ лордамъ! Убирайся!» Голова скрылась и форточка захлопнулась. Ребенокъ опустилъ голову и приготовился идти далѣе.

Кто же были обитатели этого походнаго жилища?

Урсусъ и Гомо (Ursus и Homo, т. е. медвѣдь и человѣкъ). Они были связаны неразрывною дружбой. Урсусъ былъ человѣкъ, а Гомо — волкъ. Они сошлись характерами. Именемъ Гомо человѣкъ окрестилъ волка, а себѣ взялъ имя звѣря. Товариществомъ человѣка и волка услаждались ярмарки, приходскіе праздники, переулки, гдѣ толпится всякій людъ, любящій послушать розсказни и купить разныхъ лекарственныхъ снадобій. Толпѣ пріятно было взглянуть на этого послушнаго кроткаго волка, да и всѣ мы не прочь отъ наслажденія поглядѣть на разнаго рода прирученія, чѣмъ объясняется, между прочимъ, почему такая толпа бываетъ на королевскихъ шествіяхъ.

Урсусъ и Гомо ходили изъ города въ городъ, изъ края въ край, съ базара на базаръ; Урсусъ ораторствовалъ, гадалъ и, обладая даромъ чревовѣщанія, подражалъ крикамъ птицъ и животныхъ и говору толпы, а Гомо, наученный своимъ хозяиномъ

нѣкоторымъ любезнымъ манерамъ, съ тарелочкой въ зубахъ обходилъ публику и сбиралъ даянія. Урсусъ брался и предсказывать будущее; величая себя «торговцомъ суевѣріями», онъ говорилъ: «между мной и епископомъ канторберійскимъ только одна разница: я не притворяюсь.» Архіепископу это передали: воспылавъ праведнымъ гнѣвомъ, онъ приказалъ, чтобъ Урсуса представили предъ его очи; но Урсусъ былъ ученъ и хитеръ: онъ обезоружилъ его святѣйшество, сказавъ ему проповѣдь собственнаго сочиненія на день Рождества Христова; архіепископу такъ понравилась проповѣдь, что онъ выучилъ ее наизусть, сказалъ въ церкви и затѣмъ напечаталъ, какъ собственное твореніе. Такимъ образомъ Урсусъ былъ помилованъ.

Онъ и лечилъ, зналъ свойства травъ и занимался химическими упражненіями. Вообще онъ обладалъ самыми разнообразными свѣдѣніями и надѣленъ былъ разнообразными способностями: не даромъ въ молодости жилъ онъ на жалованьи у одного лорда, въ качествѣ «философа». Исправляя ремесло Иппократа, онъ съ искусствомъ не меньшимъ бралъ на себя роль Пиндара и могъ сочинять іезуитскія трагедіи не хуже записного отца іезуита. Онъ сочинялъ даже и комедіи, а народъ, передъ которымъ онъ ихъ представлялъ, очень одобрялъ ихъ. Понятно, что такая бездна знаній могла привести только къ голоду. Салернская школа учитъ: «Ѣшь мало, но часто». Урсусъ ѣлъ мало и рѣдко, исполняя такимъ образомъ первую часть правила и отвергая послѣднюю; но тутъ была вина не его, а публики, которая не всегда сбиралась на его представленія и не всегда покупала. Урсусъ говаривалъ: «Откашливанье сентенцій ублажаетъ. Волкъ утѣшается воемъ, баранъ — шерстью, лѣсъ — малиновкою, женщина — любовью, а философъ — реторической фигурой нравоучительнаго восклицанія». Быть можетъ отчасти поэтому, отчасти потому, что онъ былъ угрюмъ и избѣгалъ дѣлиться задушевною рѣчью съ другими, Урсусъ любилъ разговаривать съ самимъ собою. Кто жилъ уединенно, тотъ знаетъ, что монологъ свойственъ человѣческой природѣ. Говоря громко съ самимъ собою, кажется, что говоришь съ богомъ, котораго носишь въ себѣ. Извѣстно, что Сократъ имѣлъ эту привычку, Лютеръ также. Подражая этимъ великимъ людямъ, Урсусъ обладалъ способностью быть ораторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ слушателемъ. Онъ задавалъ себѣ вопросы и отвѣчалъ на нихъ, восхвалялъ себя и осыпалъ себя бранью. Встрѣтивъ волка, Урсусъ подружился съ нимъ; волкъ никогда не кусался и былъ добропорядочнымъ, настоящимъ волкомъ изъ породы волковъ-ракоѣдовъ. Урсусъ нашелъ, что для перевозки тяжестей онъ пригоднѣе осла:

на ослѣ ему было противно ѣздить, потому что осла онъ слишкомъ уважалъ. Онъ замѣтилъ, что оселъ, этотъ четвероногій мыслитель, мало понятый людьми, иногда безпокойно встряхивалъ ушами, когда философы начинали говорить глупости. Въ жизни, между нашей мыслью и нами, оселъ является такимъ образомъ третьимъ лицомъ, а это неудобно. Какъ друга, Урсусъ по тому предпочиталъ волка собакѣ, что волкъ несравненно менѣе податливъ на дружбу съ человѣкомъ. Англійскій законъ, не особенно нѣжный къ волкамъ, терпѣлъ Гомо въ качествѣ «служителя», ибо въ законѣ было сказано: «всякій служитель, слѣдующій за своимъ господиномъ, можетъ ходить безпрепятственно». Кромѣ того, въ царствованіе послѣднихъ Стюартовъ, на волковъ была мода: придворныя дамы заводили себѣ собачекъ-волковъ, величиною съ кошку, которыхъ выписывали изъ Азіи за огромныя деньги. Заставляя волка тащить походную хижину, хозяинъ тоже накидывалъ себѣ хомутъ и братски тянулъ рядомъ съ волкомъ, когда дорога была дурна или трудна. Эта хижина-телѣга была на столько велика, что Урсусъ могъ свободно въ ней растянуться. Построена она была прочно, хотя изъ тонкихъ досокъ, была размалевана, но неизвѣстно какою краской. Спереди была стеклянная дверь съ маленькимъ балкончикомъ, откуда Урсусъ проповѣдывалъ толпѣ; сзади, для входа въ хижину, служила лѣсенка изъ трехъ складныхъ ступенекъ. Сквозь отверстіе входной двери прохожіе могли прочесть надпись: «Урсусъ философъ», написанную углемъ на потолкѣ хижины. Кромѣ того, внутри хижины были еще двѣ надписи, чернилами. Одна озаглавлена такъ: «Единственно-необходимое для всякаго познанія». Тутъ подробно перечислялись всѣ привилегіи и титулы англійской аристократіи: «Лорды неприкосновенны. Перы — палата и судъ, concilium et curia, законодательство и юстиція. Лорды-перы считаются «лордами по праву», лорды не перы — «лордами изъ вѣжливости»; только лорды-перы настоящіе лорды. Лордъ не приноситъ присяги ни королю, ни въ судѣ. Достаточно его слова. Общины, т. е. народъ, вызванныя къ лордамъ, являются передъ ними, сидящими въ шляпахъ, смиренно, съ покрытыми головами. Съ билями къ лордамъ общины отряжаютъ сорокъ членовъ, которые представляютъ биль съ тремя глубокими поклонами. Лорды же посылаютъ билль общинамъ черезъ простого клерка. Въ случаѣ спора, обѣ палаты совѣщаются въ размалеванной залѣ, перы сидя и съ покрытыми головами, общины стоя и безъ шапокъ. По закону Эдуарда VI, лорды пользуются привилегіей совершить простое убійство. Лордъ, «просто» убившій человѣка, не преслѣдуется. Лордъ, позванный къ королю, имѣетъ право убить одну или двѣ

лани въ королевскомъ паркѣ. Недостойно лорда показываться на улицахъ въ сопровожденіи двухъ лакеевъ: его должна сопровождать свита изъ дворянъ-служителей. Лордъ можетъ быть присужденъ къ штрафу только лордами, но не болѣе, какъ къ пяти шиллингамъ, исключая герцога, который можетъ быть приговоренъ къ десяти. Только лордъ имѣетъ право не являться по повѣсткѣ шерифа. Лордъ не можетъ быть назначенъ въ милицію. Когда ему угодно, онъ снаряжаетъ полкъ и даетъ его королю. Онъ не можетъ быть подвергнутъ пыткѣ даже за измѣну. Лорда не клеймятъ за преступленіе. Лордъ ученъ, даже не умѣя читать: это дается ему рожденіемъ. Обыкновенный смертный, ударившій лорда, наказывается отнятіемъ руки. Лордъ почти король. Король почти Богъ. Земля—лордство. Англичане называютъ Бога милордомъ (мой господинъ)».

Противъ этой надписи была другая, съ такимъ заглавіемъ: «Чѣмъ должны довольствоваться тѣ, у кого ничего нѣтъ». Слѣдовало длинное перечисленіе англійскихъ лордовъ по именамъ, съ ихъ зàмками и богатствами, и въ концѣ слѣдующія строки: «Семьдесятъ два пéра временъ Якова II обладаютъ милліономъ двумя стами семьдесятью двумя тысячами фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода, что̀ составляетъ одиннадцатую часть доходовъ всей Англіи». Съ боку, противъ лорда Линнеуса Кленчарли, рукою Урсуса было написано: «Мятежникъ; въ изгнаніи; имѣнія, замки и помѣстья секвестрованы. По дѣломъ.»

Урсусъ былъ мизантропъ; онъ часто говорилъ Гомо: «не вырождайся въ человѣка». Глухая злоба на міръ постоянно душила его и онъ облегчалъ себя ворчаньемъ. Онъ былъ въ природѣ представителемъ оппозиціи. Никѣмъ и ничѣмъ недовольный, онъ по всей вѣроятности критически относился къ самому Богу; за то одобрялъ онъ принцевъ и своеобразно возвеличивалъ ихъ. Разъ Яковъ II принесъ въ даръ Богородицѣ одной католической ирландской часовни массивную золотую лампаду; увидѣвъ это, Урусъ разразился передъ народомъ восклицаніями восторга: «Конечно, пресвятая Богородица болѣе нуждается въ золотой лампадѣ, чѣмъ вотъ эти босыя дѣти въ башмакахъ.» Такія доказательства почтенія къ установленнымъ властямъ по всей вѣроятности не мало способствовали тому, что эти власти оставляли въ покоѣ, какъ его, такъ и его товарища. Власти никогда не заподозрѣвали его въ принадлежности къ преслѣдуемымъ шайкамъ дѣтопокупателей, и резонно, потому что Урсусъ не принадлежалъ ни къ какой шайкѣ; онъ былъ самъ по себѣ, честолюбіе его стремилось къ тому, чтобъ быть караибомъ; не сдѣлавшись караибомъ, онъ сталъ пустынникомъ и мизантропомъ.

Считая человѣческую жизнь вообще чѣмъ-то ужаснымъ, замѣтивъ повсюду преобладаніе бичей, королей надъ народами, войны надъ королями, заразы надъ войною, голода надъ заразою, глупости надо всѣмъ; убѣдившись, что въ самомъ фактѣ существованія есть уже извѣстная доля кары, признавъ, что смерть есть освобожденіе, онъ вылечивалъ больныхъ, давалъ крѣпительныя лекарства старикамъ, безногихъ ставилъ на ноги и саркастически замѣчалъ: «ну, теперь наслаждайтесь въ этой юдоли плача». Встрѣчая умирающаго съ голоду, онъ отдавалъ ему всѣ свои гроши, ворча: «живи, несчастный! жри! Ужъ не я, братъ, избавлю тебя отъ каторги жизни, нѣтъ»! И, потирая руки, онъ прибавлялъ: «Вотъ какъ! Я врежу людямъ изо всѣхъ силъ.»

V.

Неудивительно послѣ всего сказаннаго, что Урсусъ хотѣлъ повредить и мальчику, который пришелъ у него просить пріюта. Когда мальчикъ сбирался уходить, Урсусъ отворилъ дверь и грубовато приказалъ ему войти. Мальчикъ вошелъ. Въ хижинѣ не было огня, но она освѣщалась чугунною печью, въ которой горѣлъ торфъ. Вмѣсто мебели — сундукъ и скамья; по стѣнамъ разная рухлядь. Мальчикъ положилъ свою ношу бережно на сундукъ.

— Что это ты кладешь такъ бережно, точно мощи! Или боишься попортить свои лохмотья? Ахъ, мерзкій негодяй, въ этакую пору шляется по улицамъ! Кто ты, говори? Нѣтъ, погоди, не смѣй отвѣчать, сначала согрѣйся. Однако, ты, братъ, ужъ и вымокъ, ужъ и иззябъ! Къ чорту эти лохмотья, каналья!

И Урсусъ, сорвавъ съ мальчика лохмотья, принялся передъ печкою оттирать его тѣло.

— Каково! Ничего не отморозилъ. Одѣвайся и ѣшь! и онъ придвинулъ ему горшокъ съ саломъ и картофелемъ. Мальчикъ принялся уписывать.

— Господи, какъ онъ жретъ! Не знаетъ, шельма, никакого благородства. Посмотрѣлъ бы, какъ кушаютъ лорды: они больше пьютъ, чѣмъ ѣдятъ, и это возвышенно. Удостоился я видѣть, какъ изволилъ кушать король Яковъ II: ни до чего не дотронулся его величество, а этотъ лохмотникъ жретъ! И занесъ же меня чортъ въ этотъ Уэймутъ. Съ самаго утра гроша не добылъ, а тутъ еще корми нищихъ! Вотъ мерзкая сторонка! Ѣшь, ѣшь, чортовъ сынъ, жирѣй на мой счетъ, паразитъ проклятый. Каковъ аппетитъ-то! И знать не хочетъ, каналья, что мнѣ тоже

ѣсть хочется. Работалъ цѣлый день, вотъ, думаю, сварю себѣ картошекъ и славно поужинаю. Не тутъ-то было — эта щука, эта акула, этотъ волченокъ вползъ ко мнѣ и все опустошилъ. Впрочемъ, жри себѣ, жри: у меня еще молоко есть.

Въ это время раздался пискъ изъ лохмотьевъ, сложенныхъ на сундукѣ.

— Это еще что такое? вскричалъ Урсусъ, развертывая лохмотья. Другой ребенокъ! Откуда, разбойникъ, ты принесъ это, а? Ну, видно, и съ молокомъ разстаться придется.

Онъ одѣлъ дѣвочку въ сухія тряпки, устроилъ изъ стклянки соску, налилъ въ нее молока и взявъ дѣвочку на руки, сунулъ ей соску въ ротъ ворча: «ну, ѣшь, тварь, ѣшь. Вотъ и замолчала. И всѣ-то они на одинъ ладъ, поганцы: когда дашь имъ того, чего просятъ — сейчасъ замолчатъ». Между тѣмъ мальчикъ положилъ вилку, заглядѣвшись на кормившуюся дѣвочку, которая видимо оживала. Это окончательное воскрешеніе дѣвочки, начатое имъ, растрогало мальчика до слезъ, и онъ любовно обращалъ свои взоры на Урсуса.

— Ты чего не ѣшь?

— А вы? Вамъ ничего не останется.

— Ѣшь все, исчадіе сатаны, а обо мнѣ не печалься, босоногій нищій. Говорятъ тебѣ, все ѣшь, иначе я выброшу тебя вонъ отсюда вмѣстѣ съ этой негодницей. Послѣ этой угрозы, мальчикъ снова принялся за ѣду. Урсусъ присѣлъ на сундукѣ и продолжалъ кормить дѣвочку, которая съ наслажденіемъ тянула изъ соски.

— Вотъ и проповѣдуй воздержаніе, ворчалъ онъ. Вѣдь какъ пьетъ! Даромъ что мала, а точно пьяница. Впрочемъ, пьянство съ пеленокъ и начинается... Печка такъ дымитъ, что задохнуться можно, а отъ дыму я никакъ не разгляжу этой мордочки, злоупотребляющей моимъ гостепріимствомъ. Вообще комфорту у меня мало, а не худо бы попировать въ теплыхъ комнатахъ. Я рожденъ чувственнымъ, а вотъ, поди, не исполнилъ же своего призванія! Величайшій изъ мудрецовъ, Филоксенъ, желалъ имѣть шею журавля, чтобъ дольше наслаждаться удовольствіями обѣда, и я это понимаю. А тутъ какъ разъ никакой выручки! Въ этомъ проклятомъ городѣ никто даже не боленъ, никто лекарства не купилъ. Только у неба сдѣлалось разстройство желудка, и за то какъ оно хлещетъ снѣгомъ! Ураганъ тоже хорошъ. Ну-ка, други мореплаватели, какъ-то вы справитесь съ бурей! А я вотъ и съ собственной жизнью не справлюсь, а тутъ еще путешественники у меня останавливаются, точно я гостинницу содержу. Всеобщая безпомощность даже въ мою нищету забрасываетъ

удочку; даже въ мою хижину попадаютъ отвратительныя капли человѣческой грязи, и я дѣлаюсь жертвою голодныхъ, обжоръ и бродягъ! Осмѣливаются гулять по улицамъ, когда всѣ добрые люди спятъ! Да еслибъ узналъ объ этомъ нашъ добрый король, онъ велѣлъ бы тебя посадить въ тюрьму и высѣкъ бы на площади. Да, а ты думаешь какъ? Въ просвѣщенномъ государствѣ, братъ, порядокъ прежде всего. На то есть и указы и приказы, чтобъ бродягъ не было. У меня вотъ домъ, а у тебя что? Я бы долженъ донести на тебя. И сколько онъ снѣгу натащилъ сюда, чертенокъ! Ну что, съѣлъ мой ужинъ, воришка? И эта тварь выпила все.

Онъ всталъ и, поддерживая малютку одной рукой, другою досталъ изъ сундука медвѣжью шкуру, которую называлъ онъ своей «настоящей» шкурой, и завернулъ въ нее ребенка. Уложивъ ее, онъ обратился къ мальчику съ распросами, кто онъ, кто его родители, гдѣ онъ подобралъ дѣвочку. Мальчикъ отвѣчалъ, что не знаетъ кто онъ и не знаетъ своихъ родителей, а дѣвочку подобралъ на дорогѣ въ такомъ-то мѣстѣ. Уложивъ мальчика рядомъ съ дѣвочкой, Урсусъ ушелъ съ волкомъ отыскивать замерзшую женщину, надѣясь возвратить ее къ жизни, но было уже поздно. Только къ утру возвратился онъ изъ этого похода. Мальчикъ проснулся и со страхомъ поглядѣлъ на волка, который тихо подошелъ къ сундуку и нѣжно сталъ лизать руку дѣвочки, свѣсившуюся съ сундука.

— Хорошо, Гомо, сказалъ Урсусъ. Я буду отцомъ, а ты дядей. Усыновимъ ихъ. Такъ? и взглядъ его упалъ на мальчика.

— Чего ты смѣешься? вскрикнулъ онъ.

— Я не смѣюсь, отвѣчалъ мальчикъ.

Урсусъ вздрогнулъ, внимательно посмотрѣлъ на мальчика въ теченіи нѣсколькихъ минутъ и сказалъ: «ты ужасенъ». Онъ положилъ обѣ руки на плечи мальчика, снова разглядѣлъ его лицо и вскрикнулъ:

— Не смѣйся же!

— Я не смѣюсь, сказалъ мальчикъ.

— Я тебѣ говорю, что ты смѣешься, дрожа всѣмъ тѣломъ говорилъ Урсусъ, и схвативъ ребенка съ какою-то яростью, настойчиво спросилъ: «кто это съ тобой сдѣлалъ?»

— Я не понимаю, что̀ вы хотите сказать.

— Съ которыхъ поръ ты смѣешься такъ?

— Я всегда былъ такой.

Урсусъ отвернулся отъ мальчика и тихо проговорилъ: «я думалъ, что это занятіе уже вышло изъ употребленія... Посмотримъ, что̀ говоритъ докторъ Конквестъ». Онъ вынулъ изъ-подъ

изголовья дѣвочки большую книгу, и перелистывая ее, остановился..... «*De denasatis*..... Это самое, сказалъ онъ..... *Bucca fisca usque ad aures, genzivis denudatis, nasoque murdridato, masca eris, et ridebis semper*»[1]). Происшествіе, въ которое углубляться нездорово. Останемся на поверхности. Смѣйся, мой милый.»

Въ это время дѣвочка проснулась и закричала. Урсусъ взялъ соску и вложилъ ее въ ротъ ребенка. Восходящее солнце, лучи котораго, проникая сквозь стекло, прямо падали на лицо дѣвочки, отразились въ зрачкахъ ребенка: зрачки оставались неподвижны, какъ и вѣки.

— А, сказалъ Урсусъ: она слѣпа!

VI.

Мы должны вернуться назадъ, ко временамъ англійской республики.

Въ 1650 году, парламентъ декретировалъ слѣдующую присягу: «обѣщаюсь быть вѣрнымъ республикѣ, безъ короля, безъ государя, безъ господина». Такъ какъ республика одно время одержала верхъ надъ монархіей, то неудивительно, что англійскіе перы присягнули ей. Въ числѣ ихъ былъ и баронъ Линнеусъ Кленчарли. Но въ 1660 году положеніе дѣлъ измѣнилось. Англія освободилась отъ Кромвеля, который съ своей республикой совершилъ множество несообразностей, въ родѣ слѣдующихъ: пользуясь смутами въ Германіи и Франціи, онъ возвысилъ Англію, унизивъ Нидерланды и Португалію, основалъ морское могущество своей родины побѣдами на морѣ и торговлею, заставилъ континентъ бояться себя, предписывалъ міръ, возбуждалъ войну, воздвигъ англійскіе флаги тамъ, гдѣ прежде владычествовали континентальныя державы, и говаривалъ: «я хочу, чтобъ англійскую республику уважали также, какъ и римскую». Ничего священнаго не стало: слово сдѣлалось свободно: на улицахъ можно было говорить, что́ хочешь, можно было печатать все безъ цензуры и контроля. И вотъ этотъ порядокъ исчезъ: Карлъ II, блестящій, роскошный, любезный, даровалъ Англіи забвеніе о томъ времени, когда сынъ гёнтингдонскаго пивовара клалъ ногу на голову Людовика XIV. Англія каялась, воздыхала и радовалась; ликованіе дополнялось висѣлицами слишкомъ ярыхъ приверженцвъ реeспублики; безъ висѣлицъ торжество было бы не полное. Здравый смыслъ возвра-

---

[1]) Т. е. «Ротъ распоровъ до ушей, обнаруживъ десна и исковеркавъ носъ, обратишь лицо въ маску и всегда будешь смѣяться.»

щался во всѣмъ. Ко всѣмъ ли? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Лордъ Кленчарли какъ будто не могъ забыть своей присяги; онъ не могъ сообразить, что раскаяніе всегда съ удовольствіемъ принимается во время реставраціи, что Карлъ II былъ государь добрый для тѣхъ, кто къ нему возвращался, что такія значительныя лица, какъ Монкъ, сдѣлавшись вѣрными слугами трона, были вознаграждены по-королевски. Лордъ Кленчарли какъ будто не видѣлъ и не хотѣлъ видѣть ликованій, цѣлаго ряда великолѣпныхъ пиршествъ и праздниковъ, веселаго, блестящаго двора и т. п. Всему этому онъ предпочелъ изгнаніе и, удалившись въ Швейцарію, тихо и уединенно доживалъ вѣкъ свой на берегу Женевскаго озера. Понятно, что его всѣ осуждали: одни смѣясь, другіе негодуя. Развѣ это упрямство—добродѣтель? Развѣ это самопожертвованіе благородно? Истинная мудрость состоитъ въ томъ, чтобъ ничего не преувеличивать. Будьте въ оппозиціи, браните, если угодно, но дѣлайте это прилично и продолжайте возглашать: да здравствуетъ король! То, чтò падаетъ, должно было упасть, то, что́ возвышается — должно было возвыситься. Таковъ законъ провидѣнія. Всего этого Кленчарли понять не могъ. Къ счастію, для бѣднаго лорда скоро открыто было одно смягчающее обстоятельство — онъ былъ глупъ; съ этимъ всѣ соглашались, но нѣкоторые прибавляли, что и глупость должна имѣть свои границы, которыя Кленчарли, очевидно, переступилъ.

Доброе старое время возвратилось при Карлѣ II; прекрасныя женщины царствовали и управляли. У Эвелина находимъ такія строки: «Сладострастіе, оскверненіе святыни, презрѣніе Бога. Разъ, въ воскресенье, я видѣлъ короля съ его любовницами, Портсмутъ, Клевеландъ, Мазарини и двумя или тремя другими; всѣ были почти голыя въ игорной галлереѣ». Эвелинъ не понималъ пользы порока, а польза была очевидна, не будетъ пороковъ, не будетъ и прекрасныхъ женщинъ. А вліяніе ихъ безъ сомнѣнія благодѣтельно отражалось на свойствахъ короля. По добродушію своему онъ не обратилъ почти никакого вниманія на странную и неприличную оппозицію Кленчарли. Но Яковъ II былъ внимательнѣе. Если Карлъ II управлялъ спустя рукава, то Яковъ II затянулъ возжи. Онъ имѣлъ похвальное честолюбіе— быть дѣйствительнымъ королемъ; въ его глазахъ царствованіе его предшественника было только легкимъ наброскомъ реставраціи; онъ же хотѣлъ нарисовать полную его картину. Еще въ 1660 г. онъ жаловался, что повѣсили только десять «цареубійцъ», какъ называли приверженцевъ Кромвеля. Желая возстановить настоящее правосудіе, которое должно быть выше сантиментальныхъ разглагольствій и должно имѣть прежде всего въ виду ин-

тересы общества, онъ вручилъ правосудіе Джефрису, а мечъ Кирке. Полезный этотъ полковникъ однажды четыре раза сряду повѣсилъ одного республиканца, спрашивая его всякій разъ: «отрекаешься ли ты отъ республики?» Но злодѣй постоянно говорилъ: «нѣтъ», и его покончили. «Я его четыре раза повѣсилъ», хвастался Кирке. Подобные подвиги его многочисленны; казнили даже женщинъ, а одну сожгли живьемъ. Какъ мы уже знаемъ, Яковъ II былъ очень религіозный человѣкъ и умерщвлялъ свою плоть безобразіемъ своихъ любовницъ. По всей вѣроятности, этому именно онъ обязанъ тѣмъ достоинствомъ, съ которымъ держалъ себя въ изгнаніи, мирно бесѣдуя съ отцами іезуитами. Понятно, что такой король не могъ не заняться немножко такимъ мятежникомъ, какъ лордъ Кленчарли.

Лордъ Кленчарли имѣлъ незаконнаго сына, который родился какъ разъ въ то время, когда отецъ отправлялся въ Швейцарію. Дитя это воспиталось въ качествѣ пажа при дворѣ Карла II и затѣмъ получило дальнѣйшій ходъ. Милость эта объясняется тѣмъ, что любовница Кленчарли, мать этого сына, удостоилась королевской любви. Она принадлежала къ знати и оставила своему сыну, послѣ смерти своей, помѣстье Дирри-Мойръ, въ Шотландіи. Отъ имени этого помѣстья и сынъ получилъ отъ Якова II право называться лордомъ Дирри-Мойръ. Да, Давидъ Дирри-Мойръ и при Яковѣ продолжалъ процвѣтать и идти въ гору. Король признавалъ за этимъ роялистомъ право быть сыномъ республиканца: отверженный отецъ не вредитъ начинающейся придворной карьерѣ. Король сдѣлалъ лорда Давида своимъ спальникомъ, которыхъ всего было двѣнадцать. Обязанность ихъ заключалась въ томъ, чтобъ поочередно спать возлѣ короля, на особо приготовленной постели; кромѣ того лордъ Давидъ наблюдалъ за королевскими кучерами, лакеями, имѣлъ счастіе стоять за королемъ въ тѣ дни, когда его величество жертвовалъ на церковь золотую монету, byzantium, въ дни ожерелья, когда король носилъ ожерелье своего ордена, и въ дни причастія, когда никто не причащался, кромѣ короля и принцевъ. Онъ же, въ великій четвергъ, приводилъ къ его величеству двѣнадцать бѣдныхъ, которымъ король раздавалъ по стольку серебряныхъ монетъ, сколько было ему лѣтъ жизни и по стольку шиллинговъ, сколько протекло лѣтъ его царствованія. На его же обязанности лежало, во время болѣзни короля, не допускать къ страждущему докторовъ безъ разрѣшенія государственнаго совѣта. Кромѣ того, онъ былъ полковникомъ шотландскаго полка королевской гвардіи и въ этомъ чинѣ совершилъ нѣсколько походовъ, гдѣ отличился мужествомъ. Милость къ нему короля была такъ велика, что онъ могъ бы-

даже сдѣлаться groom of the stole, что̀ давало бы ему привилегію надѣвать на короля рубашку, но для этого необходимо было сдѣлаться перомъ или принцемъ. И его величество желалъ только предлога, чтобъ лорда Дирри-Мойра сдѣлать «лордомъ по праву» изъ «лордовъ по учтивости».

Случай скоро представился. Изъ Швейцаріи пришло извѣстіе, что лордъ Кленчарли умеръ. Ходили темные слухи, что не задолго до смерти, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ женился на дочери одного изъ «цареубійцъ», Аннѣ Бредшау, которая тоже умерла, оставивъ сына, «прекраснаго какъ день», что̀ говорится во всѣхъ сказкахъ. Слухи эти, по всей вѣроятности, принадлежали также къ области сказокъ, и король разомъ покончилъ съ ними, объявивъ, что, «за отсутствіемъ законнаго наслѣдства», всѣ титулы и имѣнія покойнаго лорда Кленчарли переходятъ къ лорду Давиду Дирри-Мойръ, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ женился на нѣкоей герцогинѣ Джосіанѣ, бывшей въ то время еще ребенкомъ. Эта герцогиня въ пеленкахъ, обладательница наслѣдства Кленчарли, имѣла и свое огромное богатство, подаренное ей герцогомъ Йоркскимъ и Генріеттою англійскою, герцогиней орлеанской, первой женщиной во Франціи послѣ королевы.

Лордъ Давидъ продолжалъ процвѣтать и при Вильгельмѣ, разсудивъ, что неблагоразумно отправляться въ изгнаніе вмѣстѣ съ благодѣтелемъ своимъ, Яковомъ. Онъ продолжалъ быть совершеннѣйшимъ кавалеромъ: доводилъ пороки до необыкновенной утонченности, былъ немножко поэтомъ, добрымъ слугою государства, добрымъ лакеемъ короля, непремѣннымъ членомъ всѣхъ празднествъ, церемоній, выходовъ, храбрымъ воиномъ, по мановенію его величества готовымъ жертвовать жизнью, совершеннѣйшимъ придворнымъ, очень чваннымъ, всесильнымъ, но великодушнымъ, роскошнымъ, законодателемъ моды и молодымъ человѣкомъ въ сорокъ пять лѣтъ. Онъ былъ душою молодежи: nobility и gentry благоговѣло передъ нимъ. Упомянемъ объ одной необыкновенной заслугѣ лорда Давида: онъ осмѣлился носить собственные волосы. Начиналась реакція противъ париковъ. Какъ въ 1824 г. Эженъ Деверіа дерзнулъ первый отпустить бороду, такъ въ 1702 г. Прайсъ Деверью, лордъ Герефордъ и перъ Англіи, дерзнулъ показаться въ обществѣ въ прическѣ изъ собственныхъ волосъ. Негодованіе было общее, и когда дошло оно до своего апогея, лордъ Давидъ ему послѣдовалъ. Такія событія предвѣщаютъ обыкновенно конецъ міра. Лорда Давида проклинали еще больше, хоть онъ былъ вторымъ; но иногда вторымъ быть труднѣе, чѣмъ первымъ, ибо тутъ хотя и меньше требуется изобрѣ-

тательности, за то больше мужества. Первый, увлекаемый мыслью о нововведеніи, могъ не предвидѣть опасности; второй видитъ бездну и, однако, въ нее устремляется. Впослѣдствіи общество стало подражать этимъ двумъ революціонерамъ, и пудра явилась какъ смягчающее обстоятельство.

Со времени реставраціи революціонные клубы были запрещены, зато развилось множество другихъ, гдѣ богатые люди скромно веселились. Лордъ Давидъ былъ «лидеромъ» многихъ клубовъ. Такъ, будучи красавцемъ, онъ принадлежалъ къ «Клубу Безобразныхъ», который принималъ на себя обязанность драться не за женщину, а за безобразнаго человѣка. Зала клуба была украшена портретами самыхъ безобразныхъ людей. Въ тотъ день, когда красавица Визаръ заболѣла оспою, клубъ провозгласилъ за нее тостъ; онъ послалъ дипломъ на почетнаго члена Мирабо и процвѣталъ еще въ началѣ XIX вѣка. Былъ «She romps Club», задача котораго заключалась въ слѣдующемъ: брали на улицѣ женщину, первую встрѣчную, но не старую и не дурную, конечно мѣщанку, и насильно влекли ее въ клубъ, гдѣ заставляли ходить на рукахъ, поднявъ ноги къ верху, причемъ лицо покрывалось ниспадавшими юбками. Если она пробовала сопротивляться, то пускали въ дѣло хлыстъ. Былъ «Клубъ головныхъ ударовъ», получившій свое названіе отъ того, что члены упражнялись въ подобномъ занятіи. Высмотрѣвъ какого-нибудь дуралея съ широкою грудью и глуповатымъ лицомъ, уговаривали или принуждали его, за бутылку портера, позволить дать себѣ четыре удара головою по груди. Члены клуба были такіе молодцы, что, случалось, съ двухъ ударовъ эта живая мишень испускала духъ. Былъ еще «Фёнъ-Клубъ» (Fun-Club). Fun, какъ юморъ, слово непереводимое и занимаетъ такое же мѣсто относительно фарса, какъ перецъ относительно соли. Проникнуть въ домъ, разбить въ немъ дорогое зеркало, испортить фамильные портреты, отравить собаку, посадить кошку въ голубятню, заставить ложнымъ извѣстіемъ какое-нибудь семейство надѣть трауръ—это fun. Въ царствованіе Якова II одинъ молодой милліонеръ, поджегши ночью хижину, заставилъ помирать со смѣху весь Лондонъ и былъ за это провозглашенъ «королемъ fun'а». Бѣдные обитатели хижины спаслись въ однѣхъ рубашкахъ. Члены Fun Club'а, всѣ изъ высшей аристократіи, бѣгали по бѣднымъ кварталамъ Лондона, когда мирные граждане предавались сну, и вырывали петли изъ ставень и дверей, портили трубы и цитерны, срывали вывѣски, опустошали огороды, гасили фонари, разбивали окна. Понятно, что богачамъ все это сходило съ рукъ. Еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великобританіи,

напр. на Гернсеѣ, время отъ времени милая молодежь занимается подобными шутками.

Самый значительный клубъ имѣлъ предсѣдателемъ «императора», который носилъ на лбу полумѣсяцъ и назывался «великимъ могокомъ». Могокъ превосходилъ fun. Цѣль этого клуба была грандіозная: дѣлать зло для зла, вредить во что бы то ни стало, не разбирая средствъ. Каждый членъ имѣлъ какую-нибудь спеціальность: одни заставляли прохожихъ плясать, шпигуя ихъ ляшки шпагою, другіе окружали какого-нибудь бездѣльника, съ рапирами въ рукахъ, человѣкъ восемь или девять вмѣстѣ; бездѣльнику, окруженному со всѣхъ сторонъ, конечно, нельзя было не обратиться къ какому-нибудь изъ господъ дворянъ спиною; тогда этотъ послѣдній наказывалъ его за то пыркомъ рапиры, и бездѣльникъ подпрыгивалъ, обращаясь спиной къ другому дворянину, который тоже пырялъ; проплясавъ такимъ образомъ достаточное количество времени и, весь окровавленный,. онъ поступалъ въ распоряженіе лакеевъ, которые били его палками, чтобъ дать другой оборотъ его мыслямъ. Третьи, со смѣхомъ останавливая на улицахъ прохожихъ, разбивали имъ носы кулакомъ и запускали большіе пальцы въ ихъ глаза; если отъ этой шутки прохожій лишался глазъ, то получалъ за нихъ вознагражденіе.

Такъ веселились праздные лондонскіе богачи въ началѣ XVIII вѣка. Лордъ Давидъ принималъ участіе въ этихъ забавахъ, но всегда вознаграждалъ потерпѣвшихъ отъ него. Кромѣ того, онъ предавался съ большимъ наслажденіемъ воспитанію пѣтуховъ для боевъ и боксеровъ. Любо было смотрѣть на него, какъ онъ обрѣзывалъ ножницами хвостъ пѣтуху, заострялъ ему каждое перышко крыла, обчищалъ ножичкомъ лапы, заострялъ когти, надѣвалъ ему шпоры, плевалъ ему на голову, на шею, обливая его такимъ образомъ слюною, какъ древле натирали масломъ атлетовъ. Воспитаніе боксеровъ брало у него также не мало времени. Во-первыхъ, надо было выбрать самаго крѣпкаго и сильнаго дѣтину, во-вторыхъ, прилагать къ нему постоянныя заботы: ежедневно отмѣривать ему вино, отвѣшивать извѣстныя порціи мяса, наблюдать за его сномъ, отпуская для этого только извѣстное количество часовъ, не выпускать его изъ виду на улицѣ, отстраняя отъ него всякія опасности, въ томъ числѣ пьяныхъ солдатъ и хорошенькихъ женщинъ. Пользуясь славою въ средѣ аристократической молодежи, лордъ Давидъ пріобрѣлъ популярность и въ народѣ подъ именемъ Томъ-Джимъ-Джека. Народъ, впрочемъ, не зналъ, что подъ именемъ этимъ скрывается лордъ Давидъ: дѣло въ томъ, что послѣдній, страстно любя звѣринцы, балаганы, паяцовъ, комедіантовъ, переодѣвался, чтобъ не ком-

прометировать свое званіе, въ простое платье и вмѣшивался въ народную толпу. Такова была школа, въ которой готовился лордъ Давидъ къ политической дѣятельности, въ качествѣ наслѣдника лорда Кленчарли и мужа прелестной герцогини Джосіаны.

VII.

Герцогинѣ Джосіанѣ было въ 1705 г. двадцать три года, а лорду Давиду сорокъ три, но ни она, ни онъ не обнаруживали непремѣннаго желанія соединиться брачными узами, ибо оба дорожили своей свободой и преимуществами холостой жизни. Они не любили другъ друга, но другъ другу нравились, и считали пока достаточною ту близость, которая устанавливается между женихомъ и невѣстою. Лордъ Давидъ держалъ пари, боксировалъ, дѣлалъ долги; Джосіана наслаждалась всѣми преимуществами роскоши. Это была дѣвушка неприступная и гордая, но прежде всего — тѣло, тѣло великолѣпное. Она была очень высока, чудесная грудь, быстрый и ясный взглядъ, волосы съ тѣмъ оттѣнкомъ, который можно было бы назвать пурпурно-бѣлокурымъ, жирная, свѣжая, румяная, крѣпкаго сложенія, дерзкая и умная. Любовника у ней не было, но не имѣлось и цѣломудрія; за гордостью она была какъ за каменною стѣной; мужчины — fi donc! — развѣ только богъ или чудовище были достойны ея. Если добродѣтель состоитъ въ неприступности, то Джосіана была сама добродѣтель, но безъ искры невинности. Она была слишкомъ высокомѣрна, чтобъ имѣть приключенія, но не разгнѣвалась бы, еслибъ ей приписали ихъ, для чего, однако, необходимо было, чтобъ приключенія носили на себѣ отпечатокъ диковинности и соотвѣтствовали ея сану. О своей репутаціи она заботилась мало, но много о своей извѣстности. Казаться податливой и быть неприступной — вотъ въ чемъ заключается совершенство. Джосіана чувствовала, что она сама величавость и сама матерія. Она не столько плѣняла своей красотой, сколько обхватывала ею и столько же удивилась бы, еслибъ въ груди ея указали ей душу, какъ за спиной крылья. Она не знала жалости, которая такъ легко у женщинъ обращается въ любовь, и не знала не по безчувственности. Древніе сравнивали тѣло съ мраморомъ рѣшительно ложно. Мраморъ — смерть и неподвижность; красота тѣла — жизнь и трепетъ. Тѣло, на извѣстной степени красоты, почти имѣетъ право являться обнаженнымъ, ибо блескъ служитъ ему покрываломъ; кто увидѣлъ бы Джо-

сіану обнаженной, тому предстала бы она въ такомъ ослѣпительномъ, лучезарномъ блескѣ, что онъ не разсмотрѣлъ бы ея формъ, и она охотно показалась бы въ такомъ видѣ сатиру или евнуху, потому что сдѣлать предметъ пытки изъ своей наготы — ее забавляло бы. Хотя ни одна страсть не приближалась къ ней, но она всѣ ихъ отвѣдала. Къ осуществленію желаній она чувствовала отвращеніе и въ то же время вкусъ. Еслибъ она поразила себя кинжаломъ, то, подобно Лукреціи, послѣ. Всѣ оттѣнки разврата, путемъ видѣній и мечтаній, были отвѣданы этою дѣвственницею. Высокомѣрная по своему знатному происхожденію, она была бы не прочь устроить для самой себя паденіе. Одно время она восторгалась Буфлеромъ, который ломалъ руками подковы, и сожалѣла, что Геркулесъ умеръ. Она жила въ ожиданіи какого-то высшаго, сладострастнаго идеала.

Она могла похвалиться ученостью, ибо разсуждала о Локкѣ, знала по-латыни, и вмѣстѣ съ тѣмъ была жеманна и причудлива, слѣдуя въ этомъ случаѣ модѣ. Вспомните Елизавету, которая въ теченіе трехъ вѣковъ оставалась типомъ не только англичанки, но и англиканки. Она играла топоромъ и переводила Горація. Некрасивая собой, она повелѣла считать себя красавицей, любила четверостишія и акростихи, приказывала, чтобы ключи городовъ подавали ей купидоны, закусывала губу по-италіански и вращала зрачкомъ по-испански, имѣла въ своемъ гардеробѣ три тысячи платьевъ и нарядовъ, изъ которыхъ многіе состояли изъ костюмовъ Минервы и Амфитриды, уважала ирландцевъ за ширину ихъ плечъ, обожала розы, ругалась, топала ногами, била своихъ фрейлинъ кулаками, посылала къ чорту Дедлея, била канцлера Берлейга, который плакалъ, плевала на Матью, хватала за шиворотъ Гаттона, дала пощечину Эссексу, показывала свою ляжку Бассомпьеру, и оставалась дѣвою. Но, что сдѣлала она для Бассомпьера, царица Савская сдѣлала для Соломона: что библейски, то можетъ быть англиканскимъ, и цинизмъ стоитъ притворства. Въ нравахъ того времени была еще одна особенность — вкусъ къ уродливому, и этотъ вкусъ былъ развитъ особенно у женщинъ и именно у красивыхъ. Марія Стюартъ была «благосклонна» къ Риччіо, который былъ безобразенъ и горбатъ, Марія Терезія испанская была «немножко фамильярна» съ негромъ, откуда и прозвище ея — «черная аббатисса»; вообще въ альковахъ великаго вѣка горбатымъ было привольно. Даже самимъ красавицамъ не мѣшало, если онѣ имѣли какіе-нибудь недостатки. Такъ, у Анны Болейнъ одна грудь была больше другой, на одной рукѣ было шесть пальцевъ и одинъ зубъ двойной. Лавальеръ была криво-

нога. Въ нравственномъ отношеніи тѣже уклоненія. Днемъ—женщины, ночью — образецъ извращенности природы и разврата. Высокорожденныя женщины ходили на площади цѣловать свѣжеотрубленныя головы, надѣтыя на желѣзныя колья. Маргарита Валуа носила на себѣ, въ жестяныхъ коробкахъ, сердца всѣхъ своихъ любовниковъ. Въ XVIII вѣкѣ, герцогиня Беррійская, дочь регента, всѣ эти созданія соединила въ себѣ, соединила въ царственномъ и непристойномъ типѣ.

Жеманность и причудливость были полезны въ томъ отношеніи, что они, такъ сказать, выгораживали васъ изъ рода человѣческаго, ставили его къ вамъ на приличную дистанцію; жеманница имѣла такой видъ, что будто ей противны извѣстныя вещи, а это защищаетъ: она уступитъ, но презираетъ, ждите и ухаживайте. Джосіана имѣла страшную склонность къ безстыдству и причудливости, и только гордость воздерживала ее отъ какой-нибудь выходки. Честолюбіе ея заключалось въ томъ, чтобъ совершить что-нибудь невозможное. Всѣ инстинкты ея клонились къ тому, чтобъ отдаться любовнику, а не мужу. Это гораздо пріятнѣе и увлекательнѣе. Бракъ разрушаетъ волю, отнимаетъ право выбора, вноситъ въ отношенія мужа и жены правильность, снимаетъ таинственные покровы съ нѣкоторыхъ роковыхъ и періодическихъ явленій, дѣлаетъ изъ женщины слугу, а изъ мужчины господина, между тѣмъ какъ, внѣ брака, царицей является женщина, а рабомъ мужчина. Выдти замужъ за лорда Давида — было необходимо, но какъ это жаль! Оба они предпочитали желать другъ друга, но не обладать другъ другомъ; для обладанія—у него были другія женщины, а у ней—сны, и сны были почище дѣйствительности. Еще одна особенность: у Джосіаны одинъ глазъ былъ голубой, другой—черный. Зрачки ея, казалось, были сотканы изъ любви и ненависти, изъ счастья и несчастья. День и ночь соединялись въ ея взорѣ.

VIII.

Надъ этою парою стояла королева Анна, женщина самая обыкновенная. Она была весела, благосклонна, величественна, пожалуй. Ни одно изъ достоинствъ ея не возвышалось до добродѣтели, и ни одинъ изъ ея недостатковъ не унижался до порока. Дородность ея была рыхлая, злорѣчивость — тупая, доброта—глупая. Она была упряма и безхарактерна. Какъ супруга, она была и вѣрна и невѣрна своему мужу: сберегая для него одного ложе свое, она раздавала сердце свое фаворитамъ. Какъ

христіанка, она была ханжа. Единственная красота ея заключалась въ плотной шеи Ніобеи, и въ бѣлой и нѣжной кожѣ, вслѣдствіе чего она любила показывать то и другое и ввела моду на ожерелья изъ крупнаго жемчуга. Все остальное въ ея особѣ не особенно удалось: узкій лобъ, чувственныя губы, мясистыя щеки, близорукіе глаза; близорукость простиралась на умъ ея. За исключеніемъ припадковъ веселости, она имѣла такой видъ, точно дулась на кого, и нагоняла на окружающихъ скуку. Иногда вырывались у нея такія слова, которыя приходилось отгадывать; иногда преглубокомысленно говорила она самыя пошлыя фразы, напр.: «Ни одинъ перъ не имѣетъ права стоять передъ королемъ съ покрытой головой, исключая Курси, барона Кинселя, пера Ирландіи»; или: «Такъ какъ мой отецъ былъ лордомъ-адмираломъ, то было бы несправедливо, еслибъ мой мужъ не былъ лордомъ-адмираломъ», и она произвела его въ это званіе. Это была смѣсь доброй женщины и злой чертовки. Она любила неожиданности и далеко не прочь была выпить.

Тори по убѣжденіямъ, она управляла съ помощью виговъ, придерживаясь традицій, завѣщанныхъ Вильгельмомъ, но довольно сумасбродно. Англичане въ ея время имѣли какъ разъ столько свободы, сколько могло помѣститься между Лондонскою башней, куда сажали ораторовъ, и позорнымъ столбомъ, къ которому ставили писателей. Сходки были запрещены безъ позволенія двухъ мировыхъ людей. Двѣнадцать человѣкъ, собравшихся хоть для того, чтобъ ѣсть устрицы и пить портеръ, могли быть обвинены въ государственной измѣнѣ. Но, относительно говоря, царствованіе ея было добродушно, и королева пользовалась популярностью, хотя въ сущности ничего не сдѣлала для этого. Это «ничего», впрочемъ, и требуется отъ англійскихъ королей, которые пользуются за это милліонами тридцатью годового содержанія. За то народъ дѣлаетъ много, и то, что̀ дѣлаетъ самъ онъ, великодушно приписываетъ королямъ.

Королева Анна была нерасположена къ Джосіанѣ, вопервыхъ потому, что Джосіана была красавицей, во-вторыхъ потому, что красавцемъ былъ женихъ ея. Женщинѣ вообще достаточно двухъ причинъ для ревности, королевѣ — одной. Анна не любила, чтобъ женщины были красавицы,—находя это безнравственнымъ. Кромѣ того, Аннѣ непріятно было, что Джосіана ея сестра. Анна была дочерью Анны Гейде, простой леди, съ которою Яковъ II, будучи еще герцогомъ Іоркскимъ, сочетался законнымъ, но, очевидно, неравнымъ бракомъ. Имѣя эту низкую кровь въ своихъ жилахъ, Анна чувствовала, что она только на половину царственнаго происхожденія, а Джосіана,

происшедшая на свѣтъ совершенно незаконно, подчеркивала меньшую, но существенную неправильность рожденія королевы. Дочь отъ неравнаго брака съ неудовольствіемъ видѣла около себя дочь отъ незаконнаго брака, потому что тутъ было непріятное сходство. Джосіана имѣла право сказать Аннѣ: Моя мать стôитъ вашей. При дворѣ не говорили этого, но конечно думали, а это надоѣдало королевскому величеству. Зачѣмъ эта Джосіана? Къ чему она родилась? Впрочемъ, королева Анна не показывала своего неудовольствія Джосіанѣ и, быть можетъ, любила бы ее, не будь она ея сестрою.

Между этими тремя лицами сталъ Баркильфедро. Джосіана пользовалась имъ для того, чтобъ слѣдить за лордомъ Давидомъ, лордъ Давидъ пользовался для того, чтобъ тайно подсматривать за поведеніемъ Джосіаны, королева Анна употребляла его въ качествѣ шпіона и за своей незаконной сестрой, и за лордомъ Давидомъ, своимъ будущимъ шуриномъ въ незаконной линіи. Баркильфедро былъ прежній слуга герцога Іоркскаго. Онъ старался составить себѣ духовную карьеру, но это не удалось; тогда онъ сталъ прокладывать себѣ пути въ свѣтской службѣ около своего господина, ставшаго королемъ Яковомъ II; быть можетъ, онъ и добился бы чего-нибудь, но Яковъ II былъ изгнанъ, и Баркильфедро остался на мели, хотя не разомъ, потому что послѣ павшихъ властелиновъ остается еще что-то такое, что нѣкоторое время поддерживаетъ ихъ паразитовъ, не на долго, однако. Баркильфедро принужденъ былъ сдѣлаться литераторомъ и впалъ въ крайнюю нужду, но онъ боролся и, обладая даромъ термита протачивать дырку снизу на верхъ и, воспользовавшись именемъ Якова I, онъ пробрался къ Джосіанѣ, которая приняла участіе въ бѣднякѣ, отличавшемся недюжиннымъ умомъ. Она говорила ему «ты», и этимъ «ты» Баркильфедро гордился. Тогда съ литераторами обращались такъ часто. Маркиза де-Мальи, лежа, принимала Руа, котораго прежде никогда не видывала, привѣтствовавъ его такъ: «Это ты написалъ «l'Année galante»? здравствуй.» Впослѣдствіи литераторы возвратили это «ты».

Баркильфедро сталъ вертѣться постоянно во внутреннихъ покояхъ герцогини, никому не мѣшая и стараясь быть какимъ-то невидимкою; Джосіана такъ привыкла къ нему, что чуть не мѣняла при немъ рубашку. Но этого было ему мало: онъ мѣтилъ выше и, воспользовавшись первымъ случаемъ, приступилъ къ герцогинѣ съ просьбой похлопотать ему о мѣстѣ «откупорщика бутылокъ океана».

— Развѣ есть такое мѣсто? спросила она. Я знаю, что при

дворахъ все возможно, но вѣдь это мѣсто все равно, что мѣсто смотрителя за бронзовой лошадью.

— Почти такъ.

— Ты вѣрно шутишь, хотя такое мѣсто было бы по тебѣ.

— Я не шучу, герцогиня. Дѣло въ томъ, что въ морѣ есть вещи трояваго рода: находящіяся на днѣ — *Лагонъ*, плавающія по водѣ — *Флотсонъ*, изверженныя на землю изъ моря — *Джетсонъ*. Всѣ эти вещи принадлежатъ лорду-адмиралу и въ адмиралтействѣ существуютъ три отдѣленія, которыя завѣдуютъ этими трояваго рода вещами. Судно, плавающее въ открытомъ морѣ, желаетъ подать о себѣ вѣсть, напр., что оно находится подъ такою-то широтою, что встрѣтило морское чудовище, что гибнетъ, что погибло, что такая-то держава завладѣла такою-то землею, и проч. Какъ оно поступаетъ? Начальникъ его беретъ бутылку, кладетъ въ нее пергаментъ съ написаннымъ извѣстіемъ, осмоляетъ ее и бросаетъ въ море. Если бутылка пошла ко дну — это въ вѣдѣніи чиновника Лагона, если плаваетъ по водѣ — это въ вѣдѣніи чиновника Флотсона, если выброшена на землю — чиновникъ Джетсонъ подбираетъ ее.

— Ты хочешь быть чиновникомъ Джетсономъ?

— Точно такъ.

— Отчего жъ ты предпочитаешь это мѣсто другимъ?

— Оно теперь вакантное.

Баркильфедро немножко лгалъ, представляя ничтожной должность чиновника Джетсона. На самомъ дѣлѣ должность «откупорщика бутылокъ океана» была вовсе не такъ незначительна. Кораблекрушенія — одна изъ главныхъ заботъ Англіи, такъ какъ мореплаваніе — ея жизнь, а гибель кораблей — ея горе. Засмоленныя бутылки заключали въ себѣ иногда свѣдѣнія драгоцѣнныя, государственной важности, и отъ чиновника нерѣдко зависѣло скрыть ихъ или сдѣлать извѣстными. Хотя бутылки вскрывались при двухъ присяжныхъ адмиралтейства, но эти присяжные должны были хранить въ тайнѣ полученныя извѣстія, а «откупорщикъ бутылокъ» становился довѣреннымъ лицомъ короля. Такова была воля Елисаветы, которая обращалась къ тогдашнему «откупорщику бутылокъ» обыкновенно на латинскомъ языкѣ: Quid mihi scribit Neptunus? Какъ часто мореплаватели прибѣгали къ сообщеніямъ такого рода, видно изъ того, что въ теченіи одного 1615 г. въ регистры адмиралтейства внесено 52 бутылки.

Такимъ образомъ, получивъ чрезъ Джосіану желанное мѣсто, Баркильфедро приблизился къ королевѣ Аннѣ, чего онъ страстно желалъ и желалъ для того, чтобъ вредить другимъ.

Въ немъ было развито до высокой степени чувство зависти, и это чувство подталкивало его на зло. Повредить кому-нибудь, подставить ногу, заставить себя бояться — составляло для него, одно изъ высшихъ наслажденій, приносило ему больше радости, чѣмъ деньги. Кетесби, сообщникъ Фаукса въ пороховомъ заговорѣ, говорилъ: «видѣть парламентъ взлетѣвшимъ на воздухъ — да за это я не взялъ бы милліона фунтовъ стерлингъ»! Баркильфедро понималъ подобныя чувства. Злоба на людей росла въ немъ съ годами, съ униженіями, которымъ онъ подвергался, съ бѣдностью, которую онъ испыталъ; злоба разросталась тѣмъ сильнѣе, что онъ принужденъ былъ таить ее и сгарать ею внутренно. Первоначальный источникъ ея — зависть, сдѣлало изъ него хорошаго шпіона. Между завистью, этой естественной страстью, и шпіонствомъ, этимъ общественнымъ отправленіемъ, существуетъ глубокое сродство. Шпіонъ охотится для другого, какъ собака, завистникъ охотится для себя, какъ кошка. Кромѣ того, онъ былъ скрытенъ, скроменъ, сосредоточенъ, почтителенъ, мягокъ въ обращеніи, вѣжливъ и цѣломудренъ. Нравился онъ тѣмъ, кого забавлялъ, другіе его ненавидѣли; но онъ чувствовалъ, что и любящіе презираютъ его, и это оскорбляло его, какъ будто негодяи имѣютъ право оскорбляться. Наружность его была такъ дурна, что еслибъ одѣть его поприличнѣе, то онъ напомнилъ бы своею фигурой императора Домиціана.

Попавъ ко двору, онъ довольно скоро пріобрѣлъ довѣренность королевы. Извѣстно, что при дворѣ можно играть роль двояко: въ качествѣ человѣка дѣйствительно обладающаго крупными талантами и въ качествѣ пресмыкающейся гадины, въ качествѣ лица, котораго окружаетъ облако величія, и въ качествѣ лица, которое возится въ грязи и пользуется могуществомъ. При Людовикѣ XI великимъ былъ маршалъ Пьеръ де-Роганъ, а вліятельнымъ—брадобрѣй Оливье; при Людовикѣ XV великимъ былъ министръ Шуазель, а могущественнымъ лакей короля Лебель; при Людовикѣ XIV Бонтанъ, стлавшій ему постель, пользовался большею властью, чѣмъ Лувуа, снаряжавшій ему арміи, и Тюрень, прославлявшій его побѣдами! Да, быть червякомъ—значитъ пользоваться властью. Всѣ Нарваэцы и О'Доннели ничего не значили и въ наши дни въ сравненіи съ сестрою Патрочиніо. Низость—одна изъ пружинъ этого вліянія. Если хотите быть всегда сильнымъ, оставайтесь ничтожествомъ. Змѣя, свернувшаяся кольцомъ и предающаяся отдыху, представляетъ и безконечность и нуль. Одно изъ такихъ значеній пріобрѣлъ и Баркильфедро при королевѣ Аннѣ, которой понравился его злой языкъ и тонкая лесть. Разъ умеръ придвор-

ный, котораго королева очень любила и который былъ очень глупъ.

— Какъ жаль, что человѣкъ, обладавшій столькими добродѣтелями, былъ слабъ умомъ, сказала она.

— Dieu veuille avoir son âne! прошепталъ Баркильфедро по-французски.

Королева улыбнулась, а Баркильфедро намоталъ себѣ на усъ, что, значитъ, кусать—можно. Съ этого дня онъ лѣзъ повсюду съ своимъ любопытствомъ и своею злостью, постоянно унижая лордовъ и принцевъ въ пользу ея величества, которая такимъ образомъ возвышалась. Понятно, что никто не смѣлъ его тронуть, ибо кто смѣшитъ короля—заставляетъ дрожать все остальное. Съ каждымъ днемъ подвигалась впередъ его подземная работа, и Баркильфедро понадобился всѣмъ. Многіе вельможи удостоивали его своимъ довѣріемъ, простирая его даже до той степени, что давали ему безчестныя порученія. Джосіана, употреблявшая его въ качествѣ шпіона за своимъ женихомъ, дарила его такимъ довѣріемъ, что вручила ему секретный ключъ отъ своихъ внутреннихъ покоевъ, съ помощью котораго онъ могъ входить къ ней во всякое время. Тогда было это въ обычаѣ и допускать въ свои спальни считалось дѣломъ весьма обыкновеннымъ, хотя и влекшимъ за собою не совсѣмъ пріятные случаи: такъ, Лаферте, быстро отдернувъ занавѣсы у постели дѣвицы Лафонъ, нашелъ съ нею мушкатера Сенсона, и т. д. Но Джосіана не подозрѣвала, что ея довѣренный — врагъ ея. Да, Баркильфедро именно въ ней нашелъ предметъ для своей ненависти. Ненавидѣть только для ненависти, какъ любить искусство для искусства—конечно, пріятно, но надо же, наконецъ, пріискать для нея предметъ осязательный и сосредоточить на немъ всю накипѣвшую злобу. Еслибъ Джосіана могла проникнуть въ душу Баркильфедро, еслибъ она могла узнать, что̀ скрывается за его улыбкой, она бы испугалась, несмотря на всю свою гордость и безпечность. Баркильфедро не уничтожить ее хотѣлъ—онъ зналъ, что это ужъ слишкомъ было бы, онъ хотѣлъ ее унизить, пристыдить, поразить ее въ то чувство, которое считала она у себя самымъ сильнымъ, именно въ чувство гордости. Онъ охотно мечталъ о той операціи, которая называется теперь вивисекціей: трепещущую, всю въ судорогахъ, разложить ее на свой анатомическій столъ, вскрыть живую и разрѣзать по частямъ медленно, съ наслажденіемъ, подъ дикіе вопли ея. Измышляя ей мщеніе, онъ готовъ былъ подвергнуть опасности и свою особу, лишь бы Джосіана помучилась сильнѣе, чѣмъ онъ.

Откуда же эта ненависть къ женщинѣ, которая оказала ему благодѣянія? Въ этомъ-то прежде всего онъ искалъ себѣ оправданія. Не должно думать, что негодяи не уважаютъ себя, что они не отдаютъ себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Напротивъ, они весьма высоко берутъ оправдательные мотивы.

«Какъ, думалъ Баркильфедро, эта Джосіана удостоила меня милостыней, бросила мнѣ нѣсколько крохъ изъ своего колоссальнаго богатства, мнѣ, человѣку ученому, умному, почти лицу духовному! Она заставила меня возиться съ какою-то дрянью, съ какими-то бутылками и портить глаза за чтеніемъ нелѣпыхъ извѣстій! Какъ, эта безпутная женщина, похотливая мечтательница, этотъ кусокъ мяса, этотъ выродокъ канальи короля, у котораго не хватило ума даже настолько, чтобъ удержаться на тронѣ, эта случайная герцогиня, разыгрывающая богиню, потому что богата, а еслибъ ничего не имѣла, то сдѣлалась бы публичной женщиной, эта воровка наслѣдства изгнанника, эта высокомѣрная дрянь, воображаетъ, что она для меня что̀-нибудь сдѣлала! Она воспользовалась моею бѣдностью, чтобъ накормить, моею безпріютностью, чтобъ дать мнѣ уголъ... Услуга тогда только имѣетъ цѣну, когда она чего-нибудь стоитъ, а развѣ ей стоили чего-нибудь всѣ эти такъ-называемыя ея благодѣянія? Развѣ она пожертвовала для нихъ хоть ложкой черепаховаго супа, развѣ она лишила себя чего-нибудь въ своемъ изобиліи? Нѣтъ. Она прибавила еще къ этому изобилію тщеславіе, предметъ роскоши, доброе дѣло, покровительство умному человѣку! Она, быть можетъ, хвастается этимъ: вотъ, молъ, я покровительствую литературѣ, искусствамъ, духовенству! Хороша покровительница! — Это что у васъ за уродъ? спроситъ ее пріятельница. «А это какой-то писака, котораго я кормлю». И за это надо быть благодарнымъ, надо лакействовать, строить веселыя рожи, когда на сердцѣ кошки скребутъ, выхвалять благодѣтельницу, когда она достойна позора. Не чудовищно ли это, не ужасно ли? Что̀ сдѣлала эта тварь для того, чтобъ пользоваться всѣмъ этимъ богатствомъ и раздавать свои обѣды бѣднымъ, потому что сама всего сожрать не можетъ? Какъ что̀? Она совершила необыкновенное дѣло: снизошла до того, что изволила родиться, доказавъ тѣмъ глупость своего отца и безчестіе своей матери; она дѣлаетъ намъ одолженіе, что живетъ; она, за свою снисходительность быть публичнымъ скандаломъ — получила милліоны, замки, лѣса, охоты, озера и мало ли что̀ еще! И вотъ справедливость! Я учился и работалъ, читалъ ученыя книги, образовалъ свой умъ, могъ бы предводительствовать войсками, писать трагедіи, какъ Драйденъ, могъ бы управлять государствомъ и — ползаю въ грязи. А они, эти

проклятые богачи, выжимаютъ изъ насъ сокъ, воображая, что дѣлаютъ намъ благодѣянія. И что это за общество, въ которомъ такъ неровно распредѣлены богатства, имѣетъ ли оно право на существованіе? Не стоило ли бы взять за четыре угла и скатерть, и столъ и бросить все это къ потолку, взять это пьянство, эти оргіи, этихъ гостей, взять и тѣхъ, кто сидитъ за столомъ, и тѣхъ, кто сидитъ подъ столомъ, и тѣхъ наглецовъ, которые даютъ пиршества, и тѣхъ идіотовъ, которые ихъ принимаютъ и все это бросить въ лицо создателю вмѣстѣ съ землей?.. А пока что, запустимъ когти въ Джосіану»!

Баркильфедро ждалъ случая терпѣливо и боялся только одного, что этотъ случай не представится. Онъ сдѣлалъ ужъ всѣ ходы для того, чтобъ обезпечить свое наступательное положеніе: изъ разныхъ намековъ и случаевъ онъ убѣдился, что королева не любитъ Джосіану, стало быть съ этой стороны опасности не предстояло,—это важно. Онъ ненавидѣлъ Джосіану какъ никогда еще ненавидѣлъ человѣкъ женщину: она была его безсонницей, его заботою, его мукою, его бѣшенствомъ. Быть можетъ, онъ любилъ ее.

IX.

Отмѣтимъ одну подробность: Джосіана имѣла «le tour». Это такъ по-французски и говорилось. «Avoir le tour» въ Англіи было почти тоже, что во Франціи «avoir le pour». Когда король путешествовалъ, то придворный квартирьеръ, при отводѣ квартиръ королевской свитѣ, ставилъ передъ именами принцевъ и фаворитовъ «pour», напр.: «Pour M. le prince de Soubise»; на квартирахъ людей менѣе знатныхъ ставилась просто ихъ фамилія. Король жаловалъ *pour*, какъ голубую ленту или перстно. «Avoir le tour» въ Англіи было знакомъ особенной близости къ царствующему лицу. Удостоившійся по рожденію ли, или по особенной милости, непосредственныхъ сношеній съ ихъ величествами, имѣлъ въ стѣнѣ своей спальни туру, гдѣ придѣланъ былъ колокольчикъ. Колокольчикъ звонилъ, башенка растворялась, и являлось королевское посланіе на золотомъ блюдѣ или бархатной подушкѣ, потомъ закрывалась снова. Интимно и торжественно. Таинственное въ фамильярномъ. Посланія приносилъ обыкновенно пажъ короля или королевы; но его не было видно. При Елисаветѣ такой привилегіей пользовался Лейчестеръ, при
I Букингамъ; Джосіана пользовалась этимъ при Аннѣ,
была ею любима. То въ городѣ, то въ деревнѣ, смотря
ни года, Джосіана жила почти по-королевски и держала

при себѣ почти дворъ, гдѣ лордъ Давидъ игралъ роль придворнаго со многими другими. Лордъ Давидъ и леди Джосіана, хотя не женатые, могли однако вмѣстѣ выѣзжать, въ одной каретѣ, на спектакли, на скачки, чѣмъ они и пользовались охотно. Однажды зимою онъ предложилъ ей посмотрѣть на кулачный бой, происходившій между ирландцемъ Фелемъ-Ге-Мадонъ, и шотландцемъ, Гельмсгайлемъ. Джосіана согласилась подъ условіемъ, что она одѣнется по-мужски, что̀ тогда было въ общемъ употребленіи. Женщины иначе и не путешествовали, какъ въ мужскомъ платьѣ. На этотъ бой съѣхались представители аристократіи; пари простирались до нѣсколькихъ тысячъ гиней. Представители Ирландіи и Шотландіи бились жестоко, до крови, до безчувствія, возбуждая восторги въ посѣтителяхъ. По окончаніи боя, идя подъ руку съ лордомъ Давидомъ, Джосіана сказала:

— Это прекрасно, но... я думала, что это разгонитъ мою скуку, и напрасно думала.

Лордъ Давидъ остановился, посмотрѣлъ на Джосіану, и сказалъ: «Противъ скуки есть только одно лекарство». — Какое? — «Гуинплейнъ».

— Что̀ такое Гуинплейнъ? спросила герцогиня.

Природа надѣлила своими дарами Гуинплейна. Она дала ему ротъ до ушей, уши надвинутыя до глазъ, безобразный носъ и лицо, на которое нельзя было смотрѣть безъ смѣху. Но природа не способна произвести такое безобразіе; по всей вѣроятности, надъ этимъ лицомъ работала особая наука, занимавшая въ отношеніи хирургіи такое же мѣсто, какъ алхимія относительно химіи. Эта наука съ умысломъ разсѣкла на этомъ лицѣ ротъ, разрѣзала губы, обнажила десны, вытянула уши, смѣстила хрящи, разрушила гармонію въ бровяхъ и щекахъ, расширила лицевые мускулы, потомъ загладила швы и рубцы, натянула кожу на раны и оставила вмѣсто рва зѣвъ. Какъ бы то ни было, лицо Гуинплейна удалось какъ нельзя лучше, словно само Провидѣніе произвело его для разсѣянія людской печали. Стоило взглянуть на Гуинплейна, чтобъ засмѣяться; начиналъ онъ говорить — зрители покатывались со смѣху. Но самъ Гуинплейнъ не смѣялся, смѣялось его лицо, а не мысль. Какія бы чувства ни волновали его — удивленіе, страданіе, гнѣвъ, боль — все это только способствовало увеличенію, если можно такъ выразиться, веселаго выраженія личныхъ его мускуловъ; еслибъ онъ заплакалъ — толпа и тогда увидѣла бы смѣхъ на его лицѣ. Это лицо походило на бронзовыя изваянія веселой маски, которою украшались фронтоны греческихъ театровъ. Эта бронза смѣялась и смѣшила, но была вмѣстѣ съ тѣмъ задумчива.

Съ помощью воли и напряженія всего вниманія, если притомъ никакое чувство не развлекало его, Гуинплейну удавалось согнать съ лица эту веселость и набросить на него какой-то трагическій покровъ: тогда не смѣялись передъ нимъ, но вздрагивали. Но къ усиліямъ этимъ онъ почти никогда не прибѣгалъ, потому что они стоили ему болѣзненнаго утомленія. Вся остальная его фигура была красива и ловка; члены крѣпки и подвижны, какъ у хорошаго гимнаста и клоуна: на эту сторону воспитатели его, очевидно, обратили тщательное вниманіе. Волоса его были окрашены въ цвѣтъ охры—разъ навсегда; секретъ этого прочнаго окрашиванья теперь извѣстенъ, и хорошенькія женщины пользуются имъ; волоса его были грубы и курчавы и, какъ грива, покрывали глубокій черепъ, созданный для мысли. Операція, передѣлавшая его лицо, не коснулась костяной оболочки мозга, и личной уголъ Гуинплейна былъ поразителенъ.

Гуинплейнъ — тотъ ребенокъ, который пришелъ въ одну бурную ночь къ Урсусу. Съ того времени прошло уже пятнадцать лѣтъ, и въ 1705 г. Гуинплейну шелъ двадцать пятый годъ. Урсусъ оставилъ у себя обоихъ дѣтей и продолжалъ странствовать съ ними. Урсусъ и Гомо постарѣли. Урсусъ сдѣлался совсѣмъ лысымъ, волкъ началъ сѣдѣть. Маленькая дѣвочка, найденная ночью на груди мертвой женщины, была теперь дѣвушкой шестнадцати лѣтъ и притомъ необыкновенной красавицей: блѣдная, съ темными волосами, стройная, тонкая, какъ бы даже хрупкая, внушавшая опасеніе какъ бы не разбить ее, съ очами полными блеска и слѣпая. Роковая зимняя ночь, повергнувъ въ снѣгъ нищую и ребенка, совершила двойной ударъ: она убила мать и ослѣпила дочь. Но эта слѣпота отличалась странностью: большіе и ясные глаза ея блестѣли для другихъ и были мертвы для нея, что́ придавало ея взгляду какую-то небесную пристальность. Урсусъ, помѣшавшійся на латинскихъ именахъ, назвалъ ее Деей. Надъ именемъ мальчика онъ не трудился, потому мальчикъ сказалъ, что его звали Гуинплейномъ.—Ну, и будь Гуинплейнъ, замѣтилъ Урсусъ.

Если человѣческое несчастіе можетъ быть представлено въ образахъ, то болѣе полныхъ, чѣмъ Гуинплейнъ и Дея, трудно найдти. Казалось, существованіе ихъ было соткано изъ мрака различнаго рода, взятаго изъ двухъ страшныхъ сторонъ ночи, ужасной и черной. Этотъ мракъ былъ внутри Деи, и надъ Гуинплейномъ. Дея представляла какое-то легкое привидѣніе, Гуинплейнъ страшный призракъ; Дея—печальное, Гуинплейнъ—безобразное. Для зрячаго Гуинплейна существовала горькая возможность, не существовавшая для слѣпой Деи, сравнивать себя съ

другими людьми. Допуская, что Гуинплейнъ старался дать себѣ отчетъ въ этомъ, онъ необходимо долженъ былъ придти къ убѣжденію, что сравнивать себя значило не понимать себя. Одна Дея изъ всѣхъ женщинъ видѣла Гуинплейна, хотя была слѣпая — она видѣла его душу, она знала, чѣмъ ему была обязана, она знала, что ребенокъ, брошенный на произволъ судьбы, усталый, слабый, самъ полуживой, самъ боровшійся съ голодомъ, холодомъ и ужасами ночи, взялъ другого ребенка, пріютилъ его и согрѣлъ, сдѣлался его кормилицей и матерью. Она знала, что все это онъ сдѣлалъ для нея, будучи ребенкомъ; сдѣлавшись взрослымъ человѣкомъ, онъ сталъ силою для нея, немощной, богатствомъ для нея, нищей, спасителемъ для нея, больной, и путеводителемъ для нея, невидящей. Она ясно сознавала эту преданность, это самоотверженіе, это могущество. Своими очами, полными мрака, она созерцала въ центрѣ своей темной бездны эту доброту, какъ глубокій лучъ свѣта. Въ идеальномъ представленіи, доброта—солнце, и Гуинплейнъ ослѣплялъ Дею.

Для толпы, у которой слишкомъ много головъ, чтобъ она могла проникнуться мыслью, и слишкомъ много глазъ, чтобъ могла она имѣть правильный взглядъ на вещи, для толпы, которая, будучи сама поверхностью, на поверхности и останавливается, Гуинплейнъ былъ клоуномъ, фигляромъ, фокусникомъ, страннымъ существомъ, не много болѣе, чѣмъ животное. Толпа знала только лицо. Для Деи, которая знала душу, Гуинплейнъ былъ всѣмъ— братомъ, другомъ, руководителемъ, опорою, крылатымъ и свѣтлымъ супругомъ, и тамъ, гдѣ толпа видѣла чудовище, она видѣла архангела.

Урсусъ понималъ это влеченіе молодыхъ людей: «слѣпая видитъ невидимое», говорилъ онъ и ворчалъ, глядя на Гуинплейна: «получудовище и полубогъ». Этотъ полубогъ боготворилъ Дею, онъ былъ не отвратителенъ, но ужасенъ. Женщины обыкновенно не могли смотрѣть на него и съ ужасомъ отворачивались. Онъ видѣлъ и зналъ это. Для его счастія необходимо было несчастіе, и Провидѣніе послало ему слѣпую Дею. Они дополняли другъ друга тѣмъ, чего у каждаго изъ нихъ не доставало. Чѣмъ одинъ былъ бѣденъ, другая была богата. Еслибъ Дея была не слѣпа, развѣ она избрала бы Гуинплейна? Еслибъ Гуинплейнъ не былъ обезображенъ, развѣ онъ предпочелъ бы Дею? Изъ своего ада они устроили рай и боготворили другъ друга. Иногда, внѣ себя отъ любви, она становилась передъ нимъ на колѣни, какъ прекрасная жрица передъ гномомъ пагоды. И любовь ихъ была самая чистая. Дея не знала, что такое поцѣлуй, хотя быть

можетъ и желала его, потому что слѣпота, въ особенности у женщинъ, не исключаетъ грезъ и какихъ-то неясныхъ томленій. Молодость дѣлала Гуинплейна задумчивымъ; чѣмъ болѣе онъ любилъ, тѣмъ становился застѣнчивѣе; онъ могъ бы все сдѣлать съ этою всегдашнею своей подругой, съ этой слѣпой, которая видѣла только любовь свою къ нему; но онъ считалъ это за воровство, обрекалъ себя на цѣломудренную любовь, и чувство собственнаго безобразія разрѣшалось у него въ необыкновенную стыдливость.

Жили они всегда вмѣстѣ и другой жизни не знали. Дѣтство Деи совпало съ отрочествомъ Гуинплейна. Они выросли другъ возлѣ друга и долго спали на одной постели. Но разъ, когда Дея была еще не взрослой, Гуинплейнъ сказалъ отцу (такъ оба они называли Урсуса), что будетъ спать вмѣстѣ съ нимъ, на полу. Дея плакала и долго не могла утѣшиться. Когда ей было уже тринадцать лѣтъ, она часто, улегшись въ постель, звала къ себѣ Гуинплейна. Ставъ ужъ взрослой дѣвушкой, она расчесывала свои волосы на постелѣ, причемъ спустившаяся съ плечъ сорочка обнажала ея грудь, и звала къ себѣ Гуинплейна. Она не знала наготы, потому что не видала себя нагою; но Гуинплейнъ краснѣлъ, опускалъ голову, не зналъ что дѣлать передъ этой наивной дѣвушкою, бормоталъ что-то, отворачивался, прятался и уходилъ. Но разъ онъ не воздержался: увидѣвъ сквозь кисею руку Деи, онъ прижался губами къ прозрачной ткани. Дея почувствовала глубокое наслажденіе и, покраснѣвъ, какъ роза, подобрала рукавъ и, обнаживъ руку, сказала: «еще». Гуинплейнъ убѣжалъ, но на другой день эта игра началась снова, съ варіантами. Урсусъ замѣчалъ это и говаривалъ: «Я сыграю съ ними надняхъ штуку: женю ихъ»; иногда ему казалось, что они уже слишкомъ любятъ другъ друга, и онъ находилъ благоразумнымъ умѣрять ихъ любовь благоразумными наставленіями то Деи, то Гуинплейну; но онъ подливалъ только масла въ огонь и снова ворчалъ, что женитъ ихъ, потому что они надоѣли ему своею любовью.

«А если она вдругъ прозрѣетъ, какъ отскочитъ она отъ меня, какимъ ужасомъ поражу я ее!» думалъ иной разъ Гуинплейнъ. «Я чудовище и не имѣю права на любовь», рѣшилъ онъ и сказалъ ей однажды: «Я безобразенъ. Когда ты слышишь смѣхъ, это смѣются надо мной, потому что я ужасенъ». «Я люблю тебя, отвѣчала Дея. Когда я умирала, ты возвратилъ меня къ жизни. Когда ты возлѣ меня — возлѣ меня рай. Дай мнѣ свою руку»! и они крѣпко жали другъ другу руки и умолкали отъ полноты счастія. «Ты говоришь, что ты безобразенъ», сказала немного

спустя Дея. «Что значитъ быть безобразнымъ? Дѣлать зло? Но ты не дѣлаешь зла. Ты прекрасенъ... Видѣть? Что вы называете этимъ словомъ? Я знаю, что не вижу, но мнѣ кажется, что зрѣніе многое скрываетъ».—Что хочешь ты сказать этимъ? спросилъ Гуинплейнъ. «Зрѣніе скрываетъ истину», отвѣчала она. —Нѣтъ, сказалъ, Гуинплейнъ. «Да, возразила Дея, потому что ты говоришь, что ты безобразенъ. Лгунъ!» прибавила она послѣ минутнаго молчанія, и Гуинплейнъ былъ счастливъ тѣмъ, что признался въ своемъ безобразіи и ему не повѣрили.

Хотя ласки ихъ не заходили далѣе рукопожатій и поцѣлуевъ, которыми молодой человѣкъ покрывалъ обнаженную руку дѣвушки, однако Урсусъ сказалъ имъ разъ: «На этихъ дняхъ вы выберете себѣ религію».—Зачѣмъ? спросилъ Гуинплейнъ. — «Я васъ женю». — Да мы ужъ женились, отвѣчала Дея, не понимавшая, что можно быть мужемъ и женой больше, чѣмъ были они. Гуинплейнъ страдалъ: сильная натура его предъявляла какія-то темныя желанія, которымъ онъ съ трудомъ противился; его отрезвленію помогало въ этомъ случаѣ то отвращеніе, съ какимъ на него смотрѣли всѣ женщины. Очевидно, что ни одна изъ нихъ любить его не можетъ.

X.

Гуинплейнъ вездѣ имѣлъ необыкновенный успѣхъ, постоянно собирая толпу зрителей. Этотъ успѣхъ значительно поправилъ дѣла Урсуса. Ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ онъ разъѣзжалъ съ своимъ семействомъ въ огромной колымагѣ, извѣстной подъ именемъ Зеленой Коробки, запряженной двумя лошадьми. Кромѣ лошадей, онъ пріобрѣлъ еще двухъ цыганокъ, молодыхъ, но дурныхъ собою, которыя исправляли должности служанокъ и богинь. Колымага была устроена также, какъ и прежняя его хижина, то-есть, это былъ подвижной домикъ, на колесахъ, съ трубою, о двухъ окнахъ, состоявшій изъ трехъ комнатокъ, безъ дверей, изъ которыхъ одну составляла прежняя хижина Урсуса, обращенная въ спальню для него и Гуинплейна. Другая комната была предназначена женщинамъ, а середина, отдѣлявшая другъ отъ друга оба пола, обращалась въ сцену. Внутренность колымаги отличалась всевозможными удобствами. Между передними и задними колесами, сбоку, среднія доски лѣвой стороны колымаги обращались на шарнирѣ при помощи цѣпей и блоковъ и могли быть откинуты какъ подъемный мостъ. Когда Зеленая Коробка останавливалась для представленія, то эта открытая площадка

служила авансценою. Такіе подвижные театры существуютъ въ Англіи еще до сихъ поръ. Публика окружаетъ полукругомъ такой театръ; иногда представленія даются на дворѣ трактира, и тогда каждое окно послѣдняго обращается въ ложу, и публика принуждена платить болѣе. Театръ Урсуса представлялъ пейзажъ, такъ плохо нарисованный, что походилъ болѣе на подземелье; но публика, посѣщавшая его, была нетребовательна и восхищалась *Побѣжденнымъ Хаосомъ*. Такъ называлось капитальное произведеніе Урсуса. Когда поднимался занавѣсъ, сцена представляла ночь, и на ней ворочались какія-то три неопредѣленныя фигуры; то были — волкъ, медвѣдь и человѣкъ. Волкъ и медвѣдь, которыхъ изображали волкъ и Урсусъ, олицетворяли собою дикія силы природы и бросались на человѣка, Гуинплейна, который покрытъ былъ саваномъ, такъ, что лица его зрители не видали. Это и былъ хаосъ, побѣждающій человѣка. Звѣри рычали, человѣкъ кричалъ; онъ лежалъ подъ ними и жалобно взывалъ о помощи. Вдругъ раздавался нѣжный гармоническій голосъ и среди мрака являлся лучъ свѣта, и въ немъ прекрасная, спокойная, въ бѣломъ одѣяніи, словно ангелъ, показывалась Дея. При этомъ появленіи человѣкъ подбивалъ подъ себя звѣрей, а Дея начинала пѣть по-испански: «Молись! плачь! Изъ слова рождается разумъ. Пѣсня создаетъ свѣтъ. Сокройся ночь, заря поетъ радостную пѣснь». Вмѣстѣ съ этою пѣснею, человѣкъ поднимался медленно и, воздѣвъ руки къ свѣтлому видѣнію, становился колѣнями на звѣрей, какъ будто пораженныхъ громомъ. Дея продолжала: «Надо идти на небо, смѣйся ты, плачущій! Сбрось цѣпи, покинь, чудовище, свою черную оболочку», и она клала свои руки на голову человѣка, который взволнованнымъ голосомъ начиналъ: «О, приди, полюби! Ты—душа, я—сердце». Въ это время ясный свѣтъ разомъ упадалъ на лицо Гуинплейна и публика, увидѣвъ это лицо, разражалась бѣшенымъ смѣхомъ. Пьеса имѣла успѣхъ колоссальный, и народъ смотрѣлъ съ чувствомъ глубокой симпатіи, какъ укрощаются дикія силы природы.

Человѣку присуще желаніе мстить за доставленное удовольствіе. Отсюда презрѣніе къ комедіанту. Это существо чаруетъ меня, развлекаетъ, поучаетъ, утѣшаетъ—это пріятно и полезно. Какое бы зло ему сдѣлать? Унизить его. Презрѣніе—это пощечина на извѣстномъ разстояніи — дадимъ ему пощечину. Онъ мнѣ нравится—значитъ, онъ подлъ; онъ мнѣ служитъ,—значитъ, я долженъ ненавидѣть его. Дайте я брошу въ него камнемъ. Дай-ка мнѣ свой камышекъ, философъ. Боссюэтъ его проклинаетъ, Руссо оскорбляетъ. «Браво» и «прочь отъ меня, на бла-

городную дистанцію!» Насмѣемся надъ нимъ. Пусть онъ сбираетъ публику, но пусть остается одинокимъ. Такимъ образомъ, богатые классы изобрѣли для комедіанта ту форму отчужденія, которая заключается въ рукоплесканіяхъ. Толпа не такъ жестока. Она не ненавидѣла и не презирала Гуинплейна, но послѣдній канапатчикъ считалъ себя выше его: лордъ стоялъ надъ канапатчикомъ, канапатчикъ надъ фигляромъ. Градаціи необходимы, и Гуинплейнъ оставался одинокимъ. Но это одиночество приносило ему счастье, а рукоплесканія деньги. Онъ ничего не желалъ, не желалъ даже, чтобъ лицо его сдѣлалось прекраснымъ. Что̀ сталъ бы онъ дѣлать тогда? Теперь онъ въ своемъ родѣ единственный комедіантъ, а тогда сдѣлался бы комедіантомъ самымъ обыкновеннымъ. Чѣмъ онъ сталъ бы кормить Дею, какъ онъ удовлетворилъ бы ея желанія и прихоти? Дея не видитъ его безобразія и любитъ. Стало быть, никакихъ неудобствъ не заключаетъ въ себѣ для него это безобразіе, а преимуществъ много. Онъ былъ такъ счастливъ, что жалѣлъ толпу, которая приходила его смотрѣть.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ за лица его окружали! Какъ искажены они страданіемъ, гнѣвомъ, униженіемъ, отчаяніемъ, развратомъ. Даже на лицахъ дѣтей читалъ онъ слѣды голода и истощенія. У этой толпы были руки, но не было работы, было желаніе трудиться, но не надъ чѣмъ; на нѣкоторыхъ лицахъ онъ ясно замѣчалъ отпечатокъ чего-то не-человѣческаго, возвращеніе къ дикому состоянію, производимому давленіемъ темныхъ тяжестей счастія, которое было на верху. Онъ чувствовалъ надъ собою безсовѣстный топотъ могучихъ, роскошныхъ, великолѣпныхъ, великихъ, избранныхъ случая; внизу онъ различалъ кучу блѣдныхъ лицъ, обойденныхъ судьбою; а себя съ Деей, съ своимъ маленькимъ но необъятнымъ счастіемъ, между этими двумя мірами: вверху міръ веселыхъ, свободныхъ, пляшущихъ и попирающихъ ногами; вверху, міръ, который ходилъ; внизу — міръ, по которому ходили. Свѣтъ давилъ тьму: въ этой роковой необходимости лежало глубокое общественное зло, и Гуинплейнъ сознавалъ его. Онъ старался проникнуть въ эту мрачную бездну, гдѣ издыхало столько безполезныхъ усилій, гдѣ боролось столько изнеможенныхъ, гдѣ столько семействъ пожиралось обществомъ, гдѣ законъ мучилъ нравы, гдѣ его кары производили гангрену въ ранахъ, гдѣ налоги грызли неимущихъ вмѣстѣ съ войною, и гдѣ слышались крики, скрежетъ и предсмертный хрипъ... Что за безуміе быть счастливымъ! думалъ онъ, поникнувъ головою, и мечты заслоняли отъ него дѣйствительность и онъ говаривалъ вслухъ: «Что̀ можно бы сдѣлать для этого народа?» Урсусъ пожи-

малъ плечами и пристально взглядывалъ на своего пріемыша. «О, еслибъ я былъ силенъ и богатъ, какъ много сдѣлалъ бы я для несчастныхъ! продолжалъ онъ. Но что я? атомъ. Что могу я сдѣлать? ничего.» Онъ ошибался: заставляя бѣдняковъ смѣяться, онъ ужъ дѣлалъ имъ кое-что.

Урсусъ разсудилъ, что надо отучить молодого человѣка отъ напрасныхъ думъ.

— Ты, кажется, любезный другъ, сказалъ онъ ему однажды, вздумалъ разсуждать. Берегись, это не твое дѣло. У тебя есть занятіе—любить Дею, и люби. Чего тебѣ еще надо? Ты счастливъ тѣмъ, что толпа видитъ твою морду, а Дея не видитъ, ну и довольствуйся этимъ. А разсуждать — глупо. Слушай, что я тебѣ посовѣтую: корми Дею хорошей говядиной и бараньими котлетами, въ шесть мѣсяцевъ она будетъ сильна какъ турокъ, и тогда женись на ней и нарожай дѣтей, нарожай сколько хочешь. Это, братъ, настоящая поэзія, и, кромѣ того, ты исполнишь заповѣдь божію: «роститеся и множитеся!» Множиться пріятно черезъ Дею, а потому не гляди дальше своего носа. Что ты хочешь разглядѣть тамъ, за горизонтомъ? Тамъ, братъ, смотрѣть нечего: тамъ живутъ счастливые по праву, а ты счастливъ случаемъ. Вѣдь если спросятъ тебя: по какому праву ты счастливъ? ты долженъ будешь смолчать, потому что никакого патента на счастье не имѣешь, а у нихъ патенты есть. Бойся ихъ и не мѣшайся въ ихъ дѣла, если не хочешь, чтобъ они въ твои замѣшались. Знаешь, кто эти счастливцы по праву? Это лорды, это недосягаемыя существа. Лордъ тотъ смертный, который въ молодости имѣетъ права старика, въ старости наслаждается любовными успѣхами юноши; будучи порочнымъ, пользуется уваженіемъ добродѣтельныхъ, будучи трусомъ, командуетъ надъ храбрыми, будучи бездѣльникомъ, пожираетъ плоды труда, невѣждою — получаетъ дипломы изъ Кембриджа и Оксфорда; будь онъ дуракъ—его восхваляютъ поэты, будь безобразенъ—женщины наградятъ его улыбкою, будь онъ Терситомъ—къ нему пристанетъ шлемъ Ахилла, будь зайцемъ—пристанетъ львиная кожа. Впрочемъ, ты не злоупотребляй моими словами: я вовсе не хочу сказать, что лорды ужъ непремѣнно трусы, бездѣльники и дураки: я говорю только, что они могутъ быть трусами, бездѣльниками и дураками, и это нисколько не вредитъ имъ. Напротивъ. Лорды—государи. Самъ англійскій король есть не болѣе, какъ лордъ, первый господинъ между господами. Въ старину и короли назывались лордами. Лорды могущественны, потому что богаты. Кроликъ лорда значитъ болѣе, чѣмъ простой человѣкъ. Я видѣлъ, какъ вздергивали на висѣлицу отцовъ ше-

стерыхъ дѣтей за то, что тѣ осмѣливались застрѣлить дичь, принадлежащую лорду. Ты это помни и не возражай. Вѣдь если ты возразишь—лордамъ отъ этого не будетъ ни тепло, ни холодно. Я разъ видѣлъ, какъ бегемотъ шелъ по кучкамъ земли, подъ которыми работали кроты. Онъ, братъ, все давилъ. Тоже разумѣй и о родѣ человѣческомъ. Давленіе — законъ. Ты думаешь кротъ никого не давитъ? Давитъ, братъ. Не будемъ разсуждать, а примемъ фактъ, какъ онъ есть: существуютъ кареты: лорды въ каретахъ, народъ подъ колесами, а мудрецъ сторонися. Сторонись и ты, любезный, и не мѣшай имъ ѣхать. Я самъ когда-то служилъ у лорда, и знаю ихъ очень хорошо. Между ними тоже есть оттѣнки и значительные. Баронъ, напр., не можетъ умываться вмѣстѣ съ виконтомъ безъ согласія на то сего послѣдняго. И это превосходно. Народъ долженъ считать себя счастливымъ, что у него двадцать пять герцоговъ, пять маркизовъ, семьдесятъ шесть графовъ, девять виконтовъ и шестьдесятъ одинъ баронъ — итого сто семьдесятъ шесть перовъ! Это наша слава, за которую можно терпѣть и лохмотья, и голодъ, и холодъ. Сказать, что лорды безполезны или вредны—значитъ все равно, что потрясать государство, значитъ признавать, что люди созданы не для того, чтобъ пастись какъ стадо овецъ, жевать траву и терпѣливо и молча сносить укушеніе собакъ. Лугъ стригутъ овцы, овецъ стрижетъ пастухъ. Что можетъ быть справедливѣе этого? Живи философомъ, какъ я, и не жалуйся. Согласись, что еслибъ всѣ стали жаловаться, то это былъ бы такой безконечный и ужасный вой, что не радъ былъ бы и жизни. Потому-то и мудро-то правило, которое повелѣваетъ молчать. Я убѣжденъ, что самъ Юпитеръ повелѣваетъ молчать грѣшникамъ, иначе ему самому не было бы покоя! Счастье Олимпа покупается молчаніемъ Коцита. А потому народъ—молчи! Я еще лучше дѣлаю: я одобряю и восхищаюсь. Сейчасъ я перечислилъ лордовъ, теперь долженъ прибавить, что есть еще два архіепископа и двадцать четыре епископа, которымъ тоже малую толику надо собрать съ народа, чтобъ имѣть досугъ молиться за него. Я даже умиляюсь, когда объ этомъ подумаю. Лорды изобрѣли геральдику и населили ее невѣдомыми животными: грифами, драконами, гиппогрифами, саламандрами, всѣмъ тѣмъ, что̀ насъ пугаетъ, а имъ служитъ украшеніемъ. Тщеславіе ихъ полно привидѣніями, которыя разгуливаютъ въ величественной тогѣ, вооруженныя съ головы до ногъ, съ жезломъ имперіи въ рукахъ, и говорятъ торжественнымъ голосомъ: «Мы предки.» Жуки ѣдятъ корни, а лорды ѣдятъ народъ. Отчего бы имъ и не ѣсть его? Не измѣнять же законовъ? Кто ими не доволенъ, тотъ вредный человѣкъ.

— Да, тихо проговорилъ Гуинплейнъ: изъ ада бѣдныхъ богатые устраиваютъ себѣ рай.

Тутъ вошла Дея; онъ взглянулъ на нее и все забылъ. Приближалось время обѣда, когда Гуинплейнъ сидѣлъ возлѣ нея, служилъ ей, рѣзалъ ей куски, наливалъ пить. А тамъ представленіе, когда толпа нахлынетъ смотрѣть «Смѣющагося человѣка», какъ называли Гуинплейна и какъ самъ онъ называлъ себя на вывѣскѣ, прибитой къ Зеленой Коробкѣ. До сихъ поръ Урсусъ рѣдко посѣщалъ города, но слава «Смѣющагося человѣка» росла и начала переходить изъ нижнихъ слоевъ въ верхніе. Урсусъ, наконецъ, рѣшился.

— Надо ѣхать въ Лондонъ, сказалъ онъ, и бродячая труппа туда отправилась.

Этимъ кончается второй томъ романа. Мы старались передать все самое существенное, старались передать даже тонъ и манеры автора, говорить его языкомъ, его образами. Викторъ Гюго—талантъ исключительный и въ высшей степени оригинальный; а потому только такая передача романа можетъ дать о немъ понятіе болѣе полное. Читатели, конечно, замѣтили въ этихъ двухъ томахъ недостатокъ движенія, манеру «описывать» характеры, а не изображать ихъ въ дѣйствіи, манеру, оставляемую лучшими европейскими романистами, у которыхъ романъ, сохраняя свои существенныя черты, приближается, по движенію, къ драмѣ. Но въ двухъ слѣдующихъ томахъ, движенія уже гораздо больше: познакомивъ читателя со всѣми главными дѣйствующими лицами романа, авторъ ставитъ ихъ наконецъ въ соприкосновеніе между собою. Изложеніе содержанія этихъ двухъ томовъ отлагаемъ до слѣдующей статьи.

А. С—нъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го іюня, 1869 г.

Взглядъ на полицію въ обществѣ.—Новѣйшія преобразованія по полиціи въ Петербургѣ.—Отчетъ о дѣятельности полиціи за 1867 годъ.—Необходимость предварительнаго пересмотра полицейскаго права.—Сущность послѣдней полицейской реформы, и ея недостаточность.—Наши города: ихъ происхожденіе и характеристика.—Проекты городского преобразованія.—Упадокъ вексельнаго курса, и наша финансовая политика.—Новое положеніе министерства путей сообщенія.—Отношеніе почтоваго дѣла къ желѣзнымъ дорогамъ.—Post-scriptum: циркуляръ министерства юстиціи.

Въ составѣ государственныхъ учрежденій есть одно, которое, по самой природѣ своей, осуждено, особенно въ континентальныхъ обществахъ, на нѣкоторую долю непопулярности; мы говоримъ о полиціи. Зависитъ это отъ того, что результаты дѣятельности этого учрежденія относительно благосостоянія гражданъ имѣютъ характеръ по преимуществу общій, между тѣмъ, какъ дѣйствія ея, непосредственныя отношенія ея къ частнымъ лицамъ представляются преимущественно въ разнаго рода личныхъ стѣсненіяхъ, хотя и направленныхъ къ общей пользѣ. Объяснимся примѣромъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что бдительность полиціи отстраняетъ значительное число кражъ. Сознавая это, каждый житель, конечно, будетъ благодаренъ полиціи, но сознаніе это въ немъ не особенно живо потому, что результатъ слишкомъ общъ, а слѣдовательно, не слишкомъ осязателенъ и убѣдителенъ. Каждый даже склоненъ думать, что если у него въ теченіи года не украли ничего, то этимъ онъ обязанъ исключительно собственной осторожности. Между тѣмъ, всѣ тѣ стѣсненія, которымъ онъ неизбѣжно подвергается для осуществленія такого общаго результата полицейской дѣятельности, какъ-то: пріобрѣтеніе себѣ вида, прописка его, подчиненіе обыскамъ, и всѣмъ разнообразнымъ запрещеніямъ полиціи,—онъ чувствуетъ очень живо, сознаетъ ихъ непосредственно. Правда, бываютъ случаи, когда и польза, приносимая отдѣльной личности полиціею, принимаетъ непосредственный характеръ, напримѣръ: полиція вытащила человѣка изъ воды или

возвратила ему украденную у него вещь, но такіе случаи чрезвычайно рѣдки сравнительно съ массою ограниченій, которымъ житель города долженъ подвергаться для того, чтобы полиція могла достигать своей цѣли, общаго результата своей дѣятельности.

Отсюда — неизбѣжная до нѣкоторой степени непопулярность этого учрежденія. У насъ когда говорятъ объ этомъ предметѣ, то обыкновенно ссылаются на примѣръ Англіи въ доказательство, что и полиція, если она устроена хорошо, можетъ быть популярна. Но оставляя въ сторонѣ очевидную истину, что чѣмъ лучше полиція, тѣмъ менѣе она будетъ возбуждать нерасположеніе, замѣтимъ, что популярность полиціи въ Англіи у насъ нѣсколько преувеличиваютъ. Это понятіе установилось на основаніи отзывовъ о полиціи классовъ богатыхъ, которые и въ Англіи, какъ вездѣ, менѣе подчинены полицейскимъ стѣсненіямъ. Но въ массѣ англійскаго населенія, полиція едва ли популярнѣе чѣмъ гдѣ-либо. Достаточно напомнить, что нигдѣ не бываетъ столь частыхъ и ожесточенныхъ дракъ между народомъ и полиціею, какъ именно въ Англіи. Богатые же и достаточные классы, которыхъ мнѣніе и высказывается печатью, въ этомъ отечествѣ контраста между богатствомъ и нищетою, смотрятъ на полицію, какъ на армію своихъ непосредственныхъ защитниковъ и, при сколько-нибудь значительныхъ безпорядкахъ, даже сами добровольно вступаютъ временно въ ряды констэблей, опасаясь прежде всего расхищенія своей собственности.

Непопулярность полиціи мы разумѣемъ не только въ томъ смыслѣ, что чины ея не пользуются въ обществѣ почетомъ, но и въ томъ, на практикѣ болѣе важномъ смыслѣ, что собственное ея мнѣніе объ огромной пользѣ, приносимой ею обществу, раздѣляется обществомъ не вполнѣ, такъ-что общество очень неохотно соглашается на новыя жертвы въ пользу полиціи. Примѣръ тому мы видѣли въ концѣ 1866 года, когда петербургская городская дума обсуждала проектъ новыхъ штатовъ для полиціи. Хотя было слишкомъ очевидно, что прежнее содержаніе чиновъ полиціи не давало имъ возможности даже существовать какимъ бы то ни было образомъ, — такъ какъ, напр., у квартальныхъ надзирателей на одну канцелярію, необходимую при громадной ихъ перепискѣ, выходило болѣе денегъ, чѣмъ сколько они получали отъ казны содержанія, и на расходы по перепискѣ; хотя было всѣмъ извѣстно, что чины полиціи преимущественно существовали незаконными поборами, каковой фактъ общество, съ нимъ сжившееся, признавало вмѣстѣ и неизбѣжнымъ, и плачевнымъ, — однако дума рѣшительно отклонила предположеніе о новомъ ежегодномъ пожертвованіи для полиціи суммы, исчисленной въ то время около 350 тысячъ рублей.

Преобразованіе это, однако, было признано столь необходимымъ администраціею, что оно все-таки состоялось, и состоялось такимъ образомъ, что на средства города было возложено увеличеніе расхода

даже нѣсколько бóльшее противъ того, которое было отвергнуто его представительствомъ. Останавливаться на этомъ фактѣ было бы излишне. Ниже намъ придется говорить о проектѣ новаго муниципальнаго устройства, который вырабатывается теперь администраціею. При преобразованіи городскихъ муниципалитетовъ въ Россіи, имѣется въ виду, между прочимъ, доставить всѣмъ имъ бóльшую самостоятельность, приблизивъ ихъ въ этомъ отношеніи къ устройству столичныхъ муниципалитетовъ. По этому случаю, не мѣшаетъ напомнить аксіому, что никакое устройство городского управленія не дастъ самостоятельности, если города не будутъ хозяевами даже собственныхъ своихъ денегъ, да еще по отношенію къ собственной своей полиціи.

Обращаясь затѣмъ къ суммѣ, исчисленной по новому штату на содержаніе петербургской полиціи, нельзя не признать, что издержка въ 760 тысячъ рублей, на содержаніе полиціи, слишкомъ тяжела для городского бюджета. Прибавивъ къ этой суммѣ 150 т. р., отпускаемыхъ изъ государственнаго казначейства, получимъ около 910 т. р.—которые ежегодно стóитъ петербургская полиція городу и государству. Это составляетъ почти по 10 т. р. на околотокъ (ихъ—93), включая сюда и высшее начальство и спеціальныя полицейскія части.

Все это—цифры весьма почтенныя. Намъ скажутъ, пожалуй, что «большому кораблю большое и плаванье», и что городъ Парижъ издерживаетъ на свою полицію $12^1/_2$ милл. франковъ въ годъ; но, во-первыхъ, Парижъ почти вчетверо населеннѣе Петербурга (по переписи 1866 г.—2 милл. 151 т. душъ); во-вторыхъ, городъ Парижъ имѣетъ доходовъ болѣе $241^1/_2$ милліоновъ франковъ. Однѣ ввозныя пошлины (octroi) даютъ Парижу почти 100 милл. фр. въ годъ.

Не станемъ сравнивать этихъ цифръ съ нашими; не станемъ распространяться и о томъ обстоятельствѣ, что въ Парижѣ полиція имѣетъ дѣло съ rendez-vous цѣлаго свѣта, между тѣмъ, какъ большинство наплывного населенія въ Петербургѣ состоитъ изъ скромныхъ тружениковъ, чтó обусловливаетъ для нашей полиціи, сравнительно, гораздо болѣе легкую задачу. Мы охотно согласимся даже, что издержка въ 900 слишкомъ тысячъ рублей на петербургскую полицію не слишкомъ велика, и ограничимся только сожалѣніемъ, что этотъ фактъ не былъ доведенъ до очевидности, чтó имѣло бы мѣсто, если бы бюджетъ городской полиціи былъ опредѣленъ городскимъ управленіемъ.

Преобразованіе петербургской полиціи началось съ 1866 года, и совершалось постепенно. Въ 1867 году былъ утвержденъ новый штатъ ея, въ видѣ опыта, на три года. Теперь передъ нами первый отчетъ о преобразованіи и дѣятельности полиціи. Онъ недавно опубликованъ въ извлеченіи въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», и обнимаетъ только 1867 годъ. Что преобразованіе прежней полиціи было въ самомъ дѣлѣ необходимо, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Что въ основаніе той реформы,

которая совершена нынѣшнимъ оберъ-полиціймейстеромъ, генераломъ Треповымъ, положены мысли раціональныя—это усматривается и изъ сужденій отчета и даже изъ указанныхъ въ немъ результатовъ. Но составители проекта, спеціалисты, имѣли, разумѣется, въ виду только свою спеціальность. Основнымъ началомъ, принятымъ при преобразованіи полиціи, была заботливость о томъ, какъ бы составъ полиціи былъ хорошъ, положеніе ея агентовъ обезпечено, труды между ними распредѣлены правильно, отвѣтственность и обязанность каждаго въ общемъ механизмѣ достаточно выяснены, наконецъ, какъ бы у полиціи было достаточно средствъ для успѣшнаго исполненія того, что̀ отъ нея требуется законами.

Но законы возлагаютъ на полицію такую громадно-сложную массу обязанностей, что она всѣ ихъ удовлетворить въ ровной степени не можетъ, и никогда не будетъ въ состояніи, *пока самое полицейское право у насъ не будетъ подвергнуто коренному пересмотру*. Законъ возлагаетъ у насъ на полицію и пресѣченіе преступленій и проступковъ, и учетъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, и преслѣдованіе безпаспортныхъ, и участіе въ охраненіи казенныхъ лѣсовъ, и спасеніе грузовъ судовъ, и содѣйствіе вино-акцизному, табачно-акцизному и соляному вѣдомствамъ, и наблюденіе за звѣриными промыслами, и взысканіе податей, и производство описей и оцѣнокъ недвижимыхъ имуществъ, и содержаніе подъ стражею, и прописку видовъ, и наблюденіе за порядкомъ на улицахъ и публичныхъ мѣстахъ, и охраненіе общественнаго здоровья, и содержаніе въ исправности мостовыхъ, и наблюденіе за исполненіемъ постановленій объ акцизѣ съ сахарнаго песку (!), и содѣйствіе горному вѣдомству, и содѣйствіе вѣдомству судебному, и исправленія требованій всѣхъ властей, и т. д., и т. д. Можно сказать, что законъ возложилъ на полицію *все*, въ томъ, вѣроятно, предположеніи, что избытокъ содѣйствія, разносторонняго бюрократическаго содѣйствія и контроля никогда не мѣшаетъ.

При такой многосложности обязанностей, возлагаемыхъ на полицію закономъ, она очевидно не въ состояніи всѣ ихъ исполнять въ равной степени. Сверхъ того, по самому существу дѣла, въ указаніяхъ даваемыхъ полиціи закономъ многое имѣетъ смыслъ самый общій, неопредѣленный. Изъ такихъ условій вытекаетъ неизбѣжный результатъ, что въ дѣятельности полиціи несравненно болѣе, чѣмъ въ дѣятельности какого либо иного установленія, будетъ произвольнаго и что главное исправленіе ея дѣятельности, поставленіе ею на первомъ планѣ тѣхъ или другихъ задачъ будетъ зависить отъ *взгляда* тѣхъ, кто ею завѣдуетъ. Будь это — городское представительство, оно болѣе всего будетъ заботиться о нуждахъ и средствахъ города: будь это независимый спеціальный начальникъ—онъ станетъ заботиться болѣе всего о совершенствѣ самой своей спеціальности, менѣе соображаясь уже съ

размѣрами средствъ и съ постепенностью нуждъ города. При этомъ, само собою разумѣется, что чѣмъ талантливѣе и энергичнѣе будетъ спеціальный, независимый начальникъ, тѣмъ успѣшнѣе онъ достигнетъ цѣли, но преимущественно все-таки своей цѣли.

Такъ, въ своемъ отчетѣ о преобразованіи полиціи, генералъ Треповъ, описавъ ея составъ, который, какъ мы видѣли, обходится городу далеко не дешево, говоритъ, что нынѣшнее преобразованіе еще было до крайности стѣснено недостаткомъ матерьяльныхъ средствъ. «Новый составъ полиціи—сказано въ отчетѣ—разсчитанъ на полную мѣру *дѣятельности* каждаго лица и каждой части управленія, разсчитанъ, такъ сказать, на *равновѣсіе дѣйствующихъ силъ*. Всякое сокращеніе въ этомъ составѣ, нарушая такое равновѣсіе, повлекло бы за собою невозможность раздѣленія труда, отчего полицейское управленіе столицы пришло бы въ худшее, чѣмъ прежде, положеніе, по той простой причинѣ, что увеличеніе круга *дѣятельности каждаго* изъ чиновъ преобразованной полиціи поставило бы его уже въ рѣшительную невозможность дѣлать *свое дѣло*». Генералъ Треповъ говоритъ здѣсь такъ, какъ имѣющій въ виду исключительно исправное дѣйствіе его части, какъ начальникъ спеціальной части, и притомъ начальникъ близко принимающій къ сердцу ея устройство, начальникъ добросовѣстный и усердный, но все же начальникъ.

Возьмемъ примѣръ. Положимъ, что полицейское управленіе находилось совершенно въ рукахъ города, — и въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего неестественнаго, такъ какъ для цѣлей общегосударственныхъ есть цѣлое министерство внутреннихъ дѣлъ. Допустимъ, что городъ сдѣлалъ бы такое соображеніе: стоящихъ днемъ на Невскомъ проспектѣ и Большой Морской городовыхъ такъ много, а дѣйствительнаго дѣла имъ тутъ такъ мало, что изъ числа постовъ, находящихся на этихъ улицахъ, весьма удобно можно снять хоть пятнадцать. На постъ полагается по три человѣка, это стало быть составитъ содержаніе 45 чел. городовыхъ — въ экономіи, положимъ $13\frac{1}{2}$ тысячъ рублей. Съ другой стороны, напримѣръ, изъ дѣлъ видно (а сказано это въ отчетѣ), что развитіе въ Петербургѣ секретныхъ болѣзней «достигло такихъ размѣровъ и ходъ его столь быстръ, что оставлять дѣло въ настоящемъ его положеніи значило бы пренебречь общественною опасностью крайней важности»; видно, что съ 1861 до 1866 года число такихъ больныхъ въ Петербургѣ, по показанію однѣхъ больницъ, съ цифры 6,353 чел. возрасло до 12,902 чел. и что отсюда язва распространяется по всему государству. Наконецъ, изъ дѣлъ же видно, «что врачебно-полицейскій комитетъ, при нынѣшнемъ своемъ составѣ, устройствѣ и средствахъ, оказывается совершенно несостоятельнымъ» къ пресѣченію этого зла. Итакъ, упомянутыми выше $13\frac{1}{2}$ тысячами рублей усилимъ лучше средства врачебно-полицейскаго комитета»

Правда, безъ означенныхъ 15 лишнихъ городовыхъ на Невскомъ и Морской, быть можетъ, на эти улицы и проскочатъ нѣсколько лишнихъ ломовыхъ извощиковъ, и наблюденіе за проѣзжающими нѣсколько ослабнетъ, но вѣдь это не такъ же важно, какъ возвышеніе числа больныхъ секретными болѣзнями.

И не въ одномъ опредѣленіи бюджета полиціи и распредѣленіи между членами ея занятій, но и въ самомъ направленіи полицейскаго надзора произошла бы ощутительная разница, если бы всѣмъ дѣломъ завѣдывалъ городъ. Возьмемъ еще примѣръ: исправленіе мостовыхъ нынѣ обыкновенно начинается съ Невскаго проспекта; какъ только прибыли въ Петербургъ первые каменьщики, ихъ сейчасъ разбираютъ для мощенія Невскаго. Между тѣмъ, есть улицы, какой-нибудь Финляндскій проспектъ, положимъ, по которымъ послѣ весны просто проѣзда нѣтъ, а ихъ будутъ мостить къ осени. Самостоятельная полиція, увлекаясь прежде всего главною своей цѣлью—благообразіемъ столицы, даетъ своимъ занятіямъ одну постепенность, а городское управленіе, имѣя въ виду прежде всего дѣйствительныя нужды города, во многомъ дало бы полицейскимъ занятіямъ постепенность въ совершенно-противоположномъ смыслѣ.

Приведенные примѣры имѣютъ только значеніе примѣровъ; они не составляютъ указаній, такъ какъ пришлось бы сдѣлать указанія болѣе полныя, если бы мы спеціально занялись критикою полицейскаго бюджета въ связи съ городскимъ управленіемъ.

Но если, оставивъ въ сторонѣ наше убѣжденіе, что преобразованіе полиціи можетъ быть вполнѣ успѣшно только при подчиненіи ея городскому хозяйству, такъ какъ только тогда и дѣятельность ея самой можетъ быть направлена къ болѣе практической пользѣ, да и содѣйствіе ей жителей, которымъ такъ дорожитъ самъ нынѣшній оберъ-полиціймейстеръ, можетъ быть охотнѣе и живѣе,—если оставивъ, говоримъ, въ сторонѣ это убѣжденіе, мы обратимся къ отчету генерала Трепова только съ критикою безотносительною, то конечно въ такомъ случаѣ нельзя не признать, что въ послѣднее время сдѣлано чрезвычайно много для улучшенія самой полиціи, очень много.

Преобразованіе въ подраздѣленіи полиціи состояло въ томъ, что городъ былъ подраздѣленъ, вмѣсто 13 прежнихъ обширныхъ частей, съ ихъ двойнымъ комплектомъ приставовъ, на 38 участковъ, а эти участки на околотки. Основною мыслью этого переустройства была та общая мысль, по которой преобразованъ, въ послѣднее десятилѣтіе, составъ большей части министерствъ: уменьшить число инстанцій, которыя съ одной стороны ставили дѣйствительныхъ работниковъ или дѣятелей въ подчиненное положеніе, и не дозволяли усилить ихъ число сообразно съ потребностями дѣла, а съ другой — напрасно усложняли и замедляли дѣлопроизводство. Такъ, при прежней системѣ, дѣйствую-

щей на практикѣ, единицей былъ квартальный надзиратель, а надъ нимъ были двѣ инстанціи: приставъ исполнительныхъ дѣлъ и полиціймейстеръ. Двѣ эти посредствующія инстанціи, чрезъ которыя проходили дѣла, уничтожены. Начальникъ полицейскаго участка теперь самъ зависитъ только отъ оберъ-полиціймейстера, а полиціймейстеры хотя и сохранены, но не составляютъ уже одну изъ ступеней администраціи, а служатъ только инспекторами своихъ районовъ. Въ кварталѣ, главнымъ помощникомъ надзирателя былъ старшій городовой, который считался нижнимъ чиномъ и получалъ ничтожное содержаніе. Эти старшіе городовые, самые важные изъ агентовъ низшей полицейской администраціи, обращены теперь въ околоточныхъ, которыхъ число увеличено, ихъ должность признается классною и имъ полагается достаточное содержаніе. Наконецъ, сами городовые, благодаря значительному возвышенію окладовъ, теперь могутъ набираться изъ всѣхъ сословій, и отъ нихъ непремѣнно требуется, чтобы они были грамотные.

Такимъ образомъ, весь составъ полиціи измѣнился и въ основаніи этого измѣненія легла мысль вполнѣ раціональная. Управленіе частными домами и содержащимися въ нихъ арестантами, завѣдываніе служительскою командою при частяхъ, наконецъ, пріемъ и разсылку корреспонденціи—всѣ эти такъ сказать внутреннія отправленія полиціи поручены теперь особымъ смотрителямъ частныхъ (т. е. принадлежащихъ полицейскимъ частямъ) домовъ. Вполнѣ раціональнымъ учрежденіемъ слѣдуетъ признать также полицейскій резервъ, въ который первоначально зачисляются всѣ поступающіе въ низшіе агенты полиціи, и въ которомъ они подготовляются къ полицейской службѣ. При резервѣ устроена спеціальная полицейская школа, въ которой, кромѣ элементовъ общеобразовательныхъ, преподаются полицейскія учрежденія и правила, а также топографическія и статистическія свѣдѣнія о Петербургѣ. Относительно пользы такой подготовительной полицейской школы отчетъ ссылается на примѣръ Лондона и Варшавы, но польза эта и безъ того очевидна. Желательно было бы даже, чтобъ и другія техническія вѣдомства, какъ напр. почтовое, подражали въ этомъ отношеніи полиціи, и чтобы чиновники почтовыхъ бюро проходили предварительно практическую почтовую школу: только по выдержаніи въ ней экзамена слѣдовало бы давать мѣста въ экспедиціяхъ.

Сыскная полиція организована какъ часть отдѣльная отъ полиціи наружной, и дѣятельность ея, судя по отчету за 1867 годъ, уже произвела результаты въ самомъ дѣлѣ замѣчательные. Приведемъ въ подтвержденіе нѣсколько интересныхъ цифръ. Въ теченіи 1867 года въ Петербургѣ было совершено 7 убійствъ; виновники *всѣхъ* ихъ обнаружены сыскною полиціею (отчетъ, разумѣется, признаетъ обнаружен-

ными и виновниковъ убійства въ Гусевомъ переулкѣ); изъ 10 бывшихъ грабежей обнаружены виновники 3-хъ; изъ 1,826 кражъ—1,018; изъ 62 разныхъ преступленій—40.

Необходимыми послѣдствіями судебной реформы было уничтоженіе должностей слѣдственныхъ приставовъ и второго департамента управы благочинія. Адресный столъ совершенно обновленъ въ томъ смыслѣ, что всѣ свѣдѣнія для него собраны вновь и измѣненъ самый порядокъ ихъ доставленія. Усиленъ нѣсколько врачебно-полицейскій комитетъ, увеличены помѣщенія для арестантовъ, при чемъ для срочныхъ арестантовъ устроена тюрьма по новой системѣ, съ работою (объ устройствѣ этой тюрьмы мы уже имѣли случай говорить по поводу книги г. Галкина), построенъ вновь пожарный обозъ, на что впрочемъ исходатайствована была особая сумма въ 50,000 р., изъ страхового капитала; наконецъ—приступлено къ составленію проекта о преобразованіи адресной экспедиціи, которую, по нашему мнѣнію, всего лучше было бы уничтожить, вмѣстѣ съ адресными билетами, совершенно напрасно и въ сильной степени стѣсняющими народъ и возлагающими сверхъ того на полицію обязанность прописывать ихъ. Не лучше ли было бы—если уже Петербургу необходимъ налогъ съ труда по найму, дающій въ годъ до 220 тысячъ рублей,—взыскивать его не въ видѣ адресныхъ пошлинъ, а просто—продажею жестянокъ, или ярлыковъ, или штемпельныхъ разсчетныхъ книжекъ, или, наконецъ, просто штемпельныхъ марокъ разныхъ разрядовъ, которыя наклеивались бы на паспортахъ, при прпискѣ? Система адресныхъ билетовъ, съ оставленіемъ какъ бы подъ залогъ имъ паспортовъ, эта двойная паспортная система крайне стѣсняетъ народъ, не говоря уже о томъ, чего стоитъ содержаніе адресной экспедиціи, суммы которой можно было бы обратить хотя бы на врачебно-полицейскую часть.

Въ заключеніе этого краткаго перечня реформъ, произведенныхъ въ составѣ и устройствѣ полицейскаго управленія въ Петербургѣ, упомянемъ еще объ учрежденіи особой рѣчной полиціи. Замѣтимъ, при этомъ, что у насъ преобразованіе такого рода совершается легче, чѣмъ гдѣ либо. Мы хотимъ говорить не о самыхъ средствахъ, какія получила полиція и которыя сдѣлали преобразованіе ея возможнымъ, а о легкости подчинять частныя лица тому множеству деталей реформы, которыми достигается ея осуществленіе. Объяснимся опять примѣромъ. Полиція почему либо признаетъ удобнымъ перемѣнить названіе большинства улицъ; она перемѣняетъ ихъ, и хотя для частныхъ лицъ отсюда и истекаетъ сперва немалое замѣшательство, хотя частными лицами даже не уясняется цѣль такой пертурбаціи, однако, ничего, новыя названія установляются, и частныя лица къ нимъ впослѣдствіи привыкаютъ. Тоже самое съ нумераціею домовъ: полиція признаетъ нужною новую нумерацію и вводитъ ее простымъ пріемомъ: «обязать

домовладѣльцевъ къ извѣстному сроку» и т. д. Точно также съ освѣщеніемъ лѣстницъ (здѣсь впрочемъ реформа встрѣтила совершенно-неожиданное судебное препятствіе). Въ прежнее время, квартальные надзиратели вели сами вторые экземпляры домовыхъ книгъ; на это, конечно, требовалось время; для облегченія полиціи былъ употребленъ тотъ же пріемъ: «обязать домовладѣльцевъ, дабы они доставляли мѣстной полиціи адресныя записки въ двухъ экземплярахъ», вмѣсто одного. Положимъ, что при этомъ облегчались мѣстныя полицейскія управленія и вмѣстѣ достигалась бо́льшая правильность въ доставленіи свѣдѣній адресному столу. Но вѣдь это, въ дѣйствительности, составило новый налогъ: за бланкъ контрамарки вѣдь платится по копѣйкѣ, значитъ владѣлецъ большого дома, доставляя лишнихъ контрамарокъ 20 въ день, облагается налогомъ въ 72 рубля въ годъ.

Преобразованіе полиціи, несомнѣнно, достигло хорошихъ результатовъ и если на полицію смотрѣть какъ на часть совершенно самостоятельную, неподчиненную наличности средствъ и постепенности нуждъ городского хозяйства, то нельзя не признать, что это преобразованіе было ведено довольно раціонально. Но признавая это, и отдавая справедливость энергіи и труду, какихъ оно потребовало, прибавимъ однако, что нигдѣ оно не могло быть совершено легче, какъ именно у насъ, гдѣ начальникъ отдѣльной части мало стѣсненъ въ осуществленіи своихъ предположеній даже и соглашеніемъ съ другими частями той же администраціи.

Мы упомянули выше, что въ программу преподаванія въ спеціальной полицейской школѣ входятъ и инструкціи, изданныя для околоточныхъ надзирателей и городовыхъ. Въ отчетѣ говорится именно объ инструкціяхъ «изданныхъ»; мы не знаемъ, значитъ ли это, что онѣ напечатаны. Но, во всякомъ случаѣ, если онѣ и напечатаны, то не опубликованы. А между тѣмъ, было бы крайне полезно опубликованіе полицейскихъ правилъ относительно порядка на улицахъ и отношеній между частными лицами и непосредственными агентами полиціи. Каждому частному лицу необходимо знать полицейскія правила, дабы не нарушать ихъ невольно. Наши постановленія о полиціи до того сложны, что предполагать подробное знакомство съ ними частныхъ лицъ совершенно невозможно. Въ этомъ отношеніи недавно вышедшая книга г. Леонтьева: «Сборникъ узаконеній, постановленій и распоряженій касающихся полиціи», составленная добросовѣстно и по очень практичному плану, составляетъ важную услугу, такъ какъ въ ней собрано то, что разсѣяно по двадцати томамъ и множеству приказовъ. Но сюда могло войти только то, что опубликовано, а инструкціи околоточнымъ и городовымъ, въ которыхъ заключается сущность всѣхъ правилъ наружнаго порядка, въ эту книгу не вошли.

За симъ, единственнымъ общественнымъ правиломъ относительно

взаимныхъ правъ и обязанностей между полиціею и публикою остается одно: «безпрекословное исполненіе всѣхъ законныхъ требованій полиціи». Но что̀ такое «законныя» требованія, когда они основаны на негласныхъ инструкціяхъ, и въ какой мѣрѣ исполненіе негласныхъ распоряженій можетъ считаться обязательнымъ для публики? Мы знаемъ, напримѣръ, просто изъ примѣровъ, что человѣкъ въ гражданскомъ платьѣ, если городовой пригласитъ его въ участокъ, хотя бы рѣшительно безъ всякаго повода, пойдетъ за городовымъ, а если не пойдетъ, то его поведутъ насильно. Знаемъ также, что человѣка, въ военномъ мундирѣ въ участокъ не пригласятъ, развѣ въ какомъ-нибудь чрезвычайномъ случаѣ. Мы знаемъ положительно, что въ инструкціи городовымъ предписано каждаго, кто спроситъ ихъ о номерѣ бляхи, приглашать въ участокъ, и въ случаѣ отказа, городовые такихъ любопытныхъ забираютъ насильно. Дѣлается это съ тою забавною цѣлью, что въ такомъ любопытномъ подозрѣвается человѣкъ, намѣревающійся принести на городового жалобу высшему полицейскому начальству; и вотъ для того, чтобы *мѣстное* полицейское начальство было уже заранѣе приготовлено отвѣчать на могущій быть сдѣланнымъ запросъ, частнаго человѣка тащатъ въ участокъ за одно любопытство узнать № бляхи, которая для того и сдѣлана, чтобы на нее смотрѣли. Это правило принадлежитъ именно къ числу тѣхъ «простыхъ пріемовъ», которыми полиція достигаетъ удобства для своихъ дѣйствій, невзирая на стѣсненіе частныхъ лицъ. Имѣетъ ли право частное лицо отказаться исполнить подобное требованіе городового, а если не имѣетъ, то почему же оно не предупреждено о томъ, почему не обнародовано то правило, которое непремѣнно будетъ нарушаемо на каждомъ шагу и нарушаемо совершенно невольно? Опубликовать инструкціи полицейскимъ агентамъ ничего не сто̀итъ, такъ какъ эти инструкціи преподаются въ школѣ, стало быть онѣ не разсѣяны въ приказахъ, но собраны въ сводъ. А пока полиція не обнародуетъ «правилъ уличнаго порядка», до тѣхъ поръ можно будетъ утверждать, что мы на улицахъ подчиняемся просто произволу полицейскихъ чиновъ, которые могутъ намъ что угодно запрещать, куда угодно «направлять» насъ и заставлять «слѣдовать».

Изъ статистическихъ отчетовъ о дѣятельности наружной полиціи, помѣщенныхъ въ отчетѣ, видно, что вообще дѣятельность ея имѣетъ еще характеръ самый элементарный, т. е. занимается болѣе запрещеніями всякаго рода, чѣмъ предупрежденіемъ и устройствомъ, или что полиція, какъ сказано въ первоначальномъ о ней постановленіи, болѣе «всякіе безпорядки отгоняетъ, чѣмъ всякій порядокъ чинитъ». Такъ, полиціею задержано въ 1867 году нищихъ 6,000 чел., а свидѣтельствъ о бѣдности выдано всего 40. Задержано пьяныхъ 26,646 тысячъ человѣкъ (!), а мошенниковъ — 203. Наконецъ, составлено протоколовъ

«по сопротивленію законнымъ требованіямъ полиціи»—687 (да еще по оскорбленію чиновъ полиціи—420), когда самыя правила, на которыхъ основывается законность требованій полиціи, далеко не всѣ, и именно наиболѣе легко нарушаемыя,—опубликованы!

Въ заключеніе, намъ остается повторить, что преобразованіе полиціи и результаты ея дѣятельности, какъ они изложены въ отчетѣ, дѣлаютъ большую честь неутомимой энергіи главнаго ея начальника и что полиція могла бы сдѣлать для города еще гораздо больше, еслибы она не была обременена многосложностью требованій закона (такъ она произвела денежныхъ взысканій слишкомъ на $2^1/_2$ милл. рублей—что́, очевидно, вовсе не дѣло полиціи, но возложено на нее закономъ). Но порядокъ наиболѣе соотвѣтствующій средствамъ и потребностямъ города можетъ быть именно тотъ, какой городъ самъ бы устроилъ. А потому desideranda въ отношеніи полиціи остаются: 1) пересмотръ узаконеній о ея обязанностяхъ, и 2) подчиненіе ея городскому управленію.

Мы уже упоминали, что въ настоящее время имѣется въ виду пересмотръ городовыхъ положеній. Теперь мы узнаёмъ, что въ виду правительства находятся проекты по вопросамъ въ высшей степени важнымъ, именно не только о преобразованіи городского хозяйства, но и избирательнаго права въ городахъ, состава городскихъ управленій и даже самаго состава городскихъ обществъ. Составленные по этимъ вопросамъ проекты, какъ то извѣстно, подверглись разнымъ измѣненіямъ; положено начать дѣло съ изданія проекта нормальнаго положенія о городскомъ управленіи, съ тѣмъ чтобы они вводились въ разныхъ городахъ не въ опредѣленные впередъ сроки, а по мѣрѣ ходатайства мѣстныхъ обществъ и начальствъ, затѣмъ издать уставъ о городскомъ хозяйствѣ временно на четыре года, начавъ введеніе его съ обѣихъ столицъ и города Одессы.

Итакъ, все это дѣло находится еще въ состояніи проектовъ. Вопросъ объ опредѣленіи состава и правъ городскихъ обществъ, устройствѣ ихъ управленія и хозяйства такъ важенъ, что необходимо посвятить ему подробное изслѣдованіе, что́ мы и не преминемъ сдѣлать, какъ только одинъ изъ проектовъ будетъ обнародованъ для введенія въ дѣйствіе. Въ настоящее время, мы ограничимся нѣсколькими указаніями о томъ, какъ необходимъ пересмотръ нынѣшняго, такъ сказать хаотическаго положенія о нашихъ городахъ, и притомъ пересмотръ въ смыслѣ самомъ широкомъ, то-есть не изданіе какихъ либо отдѣльныхъ уставовъ объ управленіи и хозяйствѣ городовъ, а именно измѣненіе устарѣвшаго и непрактичнаго при самомъ своемъ первоначальномъ составленіи нашего городового положенія 1785 года.

Происхожденіе городовъ въ Россіи во многомъ было отлично отъ

происхожденія городовъ въ западной Европѣ. Хотя наша городская грамата и указываетъ главнымъ основаніемъ для оффиціяльнаго существованія города условія экономическія, именно сосредоточеніе въ извѣстныхъ пунктахъ—«торговли, промысловъ, рукодѣлія и ремесла», возлагая вслѣдствіе того на городà ту надежду, что они будутъ служить для умноженія государственныхъ доходовъ, и такимъ образомъ для признанія извѣстнаго пункта городами какъ бы требуетъ предварительнаго факта—существованія въ этомъ пунктѣ средоточія промышленныхъ силъ,—однако, въ дѣйствительности, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, вышло такъ, что городá были созданы просто для удобства администраціи, и фактъ развитія въ нихъ силъ экономическихъ для «умноженія доходовъ государственныхъ» предполагался при этомъ какъ бы необходимымъ послѣдствіемъ учрежденія въ пунктѣ признанномъ за городъ административнаго центра. Такимъ образомъ, большинство городовъ имѣли происхожденіе искусственное, и дальнѣйшая жизнь ихъ вовсе не соотвѣтствовала тому значенію, которое имъ было придано администраціею, и не оправдало того ожиданія, которое при этомъ возлагалось на сосредоточеніе въ нихъ экономическихъ силъ.

Правда, въ западной Европѣ старѣйшіе города далеко не всѣ произошли какъ продуктъ чисто-экономическихъ, естественныхъ условій. Огромное число ихъ обязано своимъ происхожденіемъ внѣшней силѣ системы феодальной, какъ у насъ—системы административной. Зáмокъ ставился не всегда у сліянія рѣкъ, или на большой дорогѣ, въ виду торговыхъ выгодъ для поселенія, а просто — въ мѣстѣ удобнѣйшемъ для владѣльца, напримѣръ—въ отношеніи обороны. Отсюда на холмѣ—die Burg, вокругъ котораго въ долинѣ раскидывалось сперва селеніе, потомъ городъ. Burg, borga, bourg, borough, съ поселеніемъ, которое за извѣстныя повинности получало отъ владѣльца извѣстныя привилегіи. Затѣмъ, такіе города, если естественныя условія благопріятствовали ихъ развитію, переживали власть своего сюзерена или освобождались отъ нея и становились свободными, или, если естественныя условія имъ неблагопріятствовали, уничтожались вмѣстѣ съ исчезновеніемъ или разореніемъ зáмка. Такимъ образомъ, и въ западной Европѣ многіе городá обязаны происхожденіемъ своимъ силѣ внѣшней, произволу власти, но тѣмъ не менѣе дальнѣйшее существованіе ихъ зависѣло отъ естественныхъ условій болѣе, чѣмъ существованіе нашихъ городовъ, настолько, насколько власть феодальная была менѣе прочна, болѣе преходимая, чѣмъ власть административная, бюрократическая власть въ централизованномъ государствѣ.

Изъ такого, преимущественно-административнаго происхожденія нашихъ городовъ вышли явленія въ высшей степени странныя. Естественныя, экономическія условія не поддались подъ оффиціальныя разграниченія, и оказывается, что огромное большинство нашихъ горо-

довъ—городà только по имени; что жители ихъ, хотя и носятъ званіе городскихъ обывателей, занимаются преимущественно сельскими промыслами; что, подъ вліяніемъ законоположеній направленныхъ къ искусственному созданію городского сословія, тамъ гдѣ не было для него задатковъ, состояніе городскихъ обывателей явилось своего рода закрѣпощеніемъ, наконецъ, что рядомъ со всѣмъ этимъ, нѣкоторыя селенія, не имѣя званія городовъ и не будучи административными центрами, сдѣлались, благодаря естественнымъ причинамъ, а отчасти и крѣпостному праву, сильными и многолюдными центрами, которые хотя продолжаютъ называться селеніями, но съ сельскимъ, т. е. земледѣльческимъ промысломъ не имѣютъ ничего общаго.

Оказались такіе города, которые существуютъ только благодаря пособію, какое они получаютъ изъ земскихъ сборовъ. Оказались такіе— и ихъ не мало—города, въ которыхъ всѣ классы городского состоянія, такъ сказать, фальшивые, т. е. сами этимъ городамъ по своей дѣятельности вовсе не принадлежатъ, а только къ нимъ приписаны (купцы, торгующіе въ другихъ мѣстахъ въ качествѣ иногородныхъ гостей); мѣщане же составляютъ не ремесленное сословіе, а пролетаріатъ, кромѣ тѣхъ, которые занимаются земледѣліемъ и то не на своихъ, а на арендованныхъ земляхъ, а цеховыхъ—вовсе нѣтъ въ городѣ (такіе города, безъ цеховыхъ, составляютъ большинство въ цѣлыхъ 13 губерніяхъ).

Наконецъ, есть даже такіе города, которыхъ, такъ сказать, совсѣмъ нѣтъ. Въ «Современной Лѣтописи» былъ указанъ заштатный городъ Обвинскъ (Пермской губерніи), который значится и въ академическомъ календарѣ, а между тѣмъ вовсе не существуетъ, то-есть въ немъ никогда не было и нѣтъ ни одного дома. «Открытъ онъ былъ торжественно въ 1781 году, въ близлежащемъ селеніи Верхнеязвинскомъ, гдѣ шестнадцать лѣтъ находились и присутственныя мѣста обвинскаго уѣзда. Когда городъ Обвинскъ въ царствованіе императора Павла остался за штатомъ, въ немъ еще не было ни одного дома. Въ такомъ же видѣ остался онъ до сего дня». И вѣдь навѣрно получали же чиновники уѣзднаго обвинскаго управленія жалованье! Курьёзнѣе этого факта трудно было бы придумать что-нибудь даже въ сатирическомъ очеркѣ преобладанія бюрократизма въ жизни государства.

Итакъ, есть города, въ которыхъ нѣтъ не только условій для городской жизни, а стало быть и хозяйства, но нѣтъ на лицо и большинства приписанныхъ къ нимъ обывателей; наконецъ, есть даже города, которыхъ самихъ нѣтъ, въ дѣйствительности, такъ что число всѣхъ городовъ Россіи неизвѣстно, и не можетъ быть опредѣлено никакимъ образомъ. А между тѣмъ, вся эта путаница и призрачность имѣетъ весьма серьезное значеніе въ смыслѣ стѣсненія, закрѣпощенія сословій, сдѣланнаго съ цѣлью искусственно создать городское сословіе

«для умноженія доходовъ государственныхъ». Такъ, въ законахъ о состояніяхъ (т. IX) есть статья, которая воспрещаетъ переходъ въ крестьянство «тѣмъ мѣщанамъ, кои не только сами, но и отцы ихъ никогда въ землепашествѣ не упражнялись или вступили уже въ какую-нибудь промышленность, городскимъ жителямъ свойственную, и могутъ содержать себя по своему состоянію». Другая статья закона воспрещаетъ лицамъ сельскихъ сословій имѣть постоянное пребываніе въ городахъ и производить въ селеніяхъ городскіе промыслы.

Добавимъ къ этимъ законамъ, что тѣмъ не менѣе, почти четверть всего нашего городского населенія (со включеніемъ столицъ) составляетъ сословіе сельское; что на мѣщанахъ — этомъ ядрѣ городского населенія — тяготѣютъ неоплатныя недоимки; что города наши, не представляя, въ большинствѣ, промышленнаго развитія, крайне слабы и относительно цѣнности находящихся въ нихъ недвижимыхъ имуществъ; наконецъ, что есть много городовъ, которыхъ даже и оффиціальное положеніе вовсе не опредѣлено. Возьмемъ близкіе примѣры: Сестрорѣцкъ, Чесма, Колпино — признаются селеніями, но ихъ оффиціальное значеніе, какъ городовъ, никогда не было отмѣнено.

Изъ этого бѣглаго очерка видно то, чтó мы хотѣли показать, именно — положительную анархію, какая преобладаетъ въ положеніи нашихъ городовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что именно въ настоящее время, когда желѣзныя дороги ведутъ къ сосредоточенію торговли въ пунктахъ, на нихъ находящихся, и вообще обѣщаютъ большой переворотъ въ экономическихъ условіяхъ различныхъ мѣстностей, притомъ именно въ смыслѣ благопріятномъ сосредоточенію торговли, а также въ то время, когда и въ земскихъ учрежденіяхъ и въ мѣстныхъ судахъ проведено начало всесословности,—необходимо взяться за городовой уставъ и измѣнить его сообразно требованіямъ времени.

Изъ статьи напечатанной въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», мы узнали, что имѣется въ виду преобразовать не только городское управленіе и хозяйство, но и самый составъ городскихъ обществъ. Въ этомъ отношеніи необходима — въ виду существующихъ стѣсненій и анархіи — реформа радикальная, и чѣмъ глубже она коснется нынѣшняго положенія о городахъ, чѣмъ обширнѣе она будетъ — тѣмъ лучше. Мы узнаёмъ, что предположено устранить изъ образованія городского представительства элементъ сословный — чтó будетъ соотвѣтствовать какъ смыслу земскихъ учрежденій, такъ и условіямъ, въ которыхъ находятся наши города, и которыя—какъ мы изложили ихъ выше — сводятся къ необходимости признавать гражданами городовъ просто лица, дѣйствительно въ нихъ жительствующія, дѣйствительно въ нихъ торгующія, хотя бы только въ званіи прикащиковъ, и имѣющія въ городахъ недвижимыя имущества, безъ различія состояній. Предполагается дать право голоса въ избраніи уполномоченныхъ

именно лицамъ, которыхъ постоянное пребываніе въ городѣ удостовѣрено сейчасъ изложенными условіями, безъ различія состояній. Это уже приблизитъ городское представительство къ дѣйствительности; но сверхъ того необходимо, чтобы преобразованіе пошло дальше и отмѣнило тѣ стѣсненія, которыя нынѣ препятствуютъ лицамъ городского сословія въ переводѣ ихъ въ сословіе сельское и наоборотъ. Предполагается обезпечить самостоятельность городского управленія условіемъ, что должностныя лица его могутъ предаваться суду неиначе, какъ на основаніи постановленія городского собранія, утвержденнаго губернаторомъ, а городскіе головы не иначе, какъ по опредѣленію 1-го департамента сената, основанному на постановленіи городского собранія. Предполагается устранить губернскія правленія отъ всякаго вліянія на городскія управленія, ограничивъ такое вліяніе или отношеніе лично особою губернатора.

Однимъ словомъ, проекты направлены въ смыслѣ усиленія и обезпеченія городского самоуправленія. Замѣчательно, что при этомъ предполагается оставить въ силѣ нынѣ дѣйствующія ограниченія относительно участія евреевъ въ общественномъ управленіи. Мы можемъ только повторить, что относительно нашихъ городовъ законодательство сдѣлало уже слишкомъ много, создавъ города тамъ, гдѣ имъ вовсе быть не слѣдовало, и что поэтому преобразованіе должно быть направлено именно въ томъ смыслѣ, чтобы предоставить полную свободу не только городскому управленію, но и самому существованію или несуществованію каждаго города, смотря по рѣшенію большинства его гласныхъ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ всѣ были поражены неожиданнымъ паденіемъ нашего вексельнаго курса. Въ послѣдніе годы нашъ курсъ значительно улучшился, и мы совершенно успокоились въ этомъ отношеніи, такъ что сперва, когда въ нынѣшнемъ году курсъ сталъ падать, мы склонны были видѣть въ этомъ только случайное и кратковременное явленіе, забывая, что тамъ, гдѣ общія финансовыя условія шатки и ненормальны, гдѣ нѣтъ размѣна, гдѣ рынокъ задавленъ бумажными деньгами, гдѣ наконецъ, дефицитъ слѣдуетъ за дефицитомъ, никакое благопріятное экономическое явленіе не можетъ быть прочнымъ, а напротивъ, именно такое-то явленіе и можетъ быть только временнымъ, между тѣмъ какъ для прочности явленій неблагопріятныхъ есть всѣ задатки. Огромное развитіе нашего желѣзно-дорожнаго кредита, успѣхъ займовъ, необыкновенное возрастаніе спекуляціи на петербургской биржѣ — все это представляетъ въ сущности только живость оборотовъ и напряженіе экономическихъ силъ, но нисколько не измѣняетъ общаго положенія нашихъ финансовыхъ дѣлъ.

Главная черта этого положенія—громадность суммы безпроцентныхъ

и неподлежащихъ выкупу бумагъ — слишкомъ извѣстна. Министерство финансовъ приняло ли какія-нибудь мѣры для пресѣченія этого зла? Руководящими чертами нашей внутренней финансовой политики оставались: постепенное увеличеніе количества находящихся въ обращеніи бумажныхъ денегъ и рядомъ съ нимъ — закупка банкомъ драгоцѣнныхъ металловъ. Публика относилась къ этой системѣ совершенно спокойно, утѣшенная благопріятными наружными признаками, о которыхъ сказано выше.

Но вотъ, нашъ вексельный курсъ, державшійся, по сравненію съ прежними годами, высоко, начинаетъ падать. Вмѣсто курса въ 345, 344 сантима за рубль на Парижъ, оказываются курсы въ 325, 220, наконецъ въ 314 на здѣшней биржѣ. Между тѣмъ, банкъ довелъ свой запасъ металловъ до цѣнности свыше 140 милліоновъ рублей. Итакъ, оказывается, что накопленіе металла въ банкѣ не можетъ поддержать, обезопасить нашъ вексельный курсъ отъ паденія.

Дѣло въ томъ, что въ составъ вексельнаго курса входятъ два элемента. Онъ, во-первыхъ, выражаетъ собою балансъ внѣшней торговли, то есть отношеніе между вывозомъ и привозомъ товаровъ, такъ что чѣмъ болѣе вывозъ относительно привоза, и чѣмъ болѣе намъ, стало быть, предстоитъ получить изъ-за границы металла на оплату нашихъ продуктовъ, тѣмъ курсъ стоитъ выгоднѣе. Но, во-вторыхъ, въ составъ вексельнаго курса входитъ еще и курсъ внутренній, то есть цѣна единицы обращенія или отношеніе между цѣною золота и бумажныхъ денегъ внутри государства.

Вотъ почему, когда за прошедшій годъ нашъ вывозъ превышалъ ввозъ, то вексельный курсъ нашъ, хотя и былъ благопріятенъ, по сравненію съ прежними временами, однако далеко еще не былъ al pari, между тѣмъ, какъ если бы вексельный курсъ выражалъ собою только торговый балансъ, то въ прошломъ году нашъ курсъ долженъ бы былъ стоять выше al pari, такъ какъ вывозъ превышалъ ввозъ.

То неблагопріятное условіе, которое, такимъ образомъ, не допустило нашъ курсъ до pari, осталось въ полномъ дѣйствіи, такъ какъ выпускъ бумажныхъ денегъ продолжался; а то благопріятное курсу обстоятельство, которое представлялось усиленіемъ нашего вывоза, сравнительно съ ввозомъ, стало ослабѣвать. Изъ оффиціальной вѣдомости о товарахъ, отпущенныхъ за-границу и привезенныхъ, по европейской торговлѣ, съ 1 января по 1 марта нынѣшняго года, оказывается, что вывозъ уменьшился, а привозъ увеличился. Такъ, сравнительно съ тѣмъ же періодомъ прошлаго года, нынѣ вывезено хлѣба почти на 150 процентовъ менѣе, полотна на 81%, конопляннаго и льняного сѣмени на 144% менѣе, и т. д. Между тѣмъ, привозъ увеличился: бумажныхъ издѣлій на 289½ %, хлопка на 109%, кофе 112% и т. д.

Когда благопріятное условіе, поддерживавшее нашъ курсъ, ослабѣ-

ваетъ, то естественно, что онъ сталъ падать, и что паденіе его вовсе не кратковременное и не случайное, а что падаетъ онъ, подчиняясь другому составному своему элементу, именно — внутреннему отношенію между бумажною единицею обращенія и золотомъ. И такого паденія курса никакими искусственными мѣрами остановить нельзя. Самое вздорожаніе цѣнъ внутри государства ведетъ къ усиленію привоза и уменьшенію вывоза. Банкъ будетъ держать себѣ 140 милл. р. въ металлахъ безплодно, а если попробуетъ открыть на нихъ размѣнъ, то эти милліоны утекутъ въ самое короткое время за-границу, курсъ затѣмъ опять падетъ и въ результатѣ для банка окажется только огромная потеря той преміи, которую онъ платилъ за пріобрѣтеніе металловъ; однимъ словомъ, повторится случай уже однажды бывшій съ нами.

Что касается необыкновеннаго развитія на петербургской биржѣ спекуляціи за послѣднее время, то это обстоятельство, само по себѣ, представляетъ немного утѣшительнаго. Живость оборотовъ на биржѣ свидѣтельствуетъ о силѣ экономической жизни только тогда, когда обороты эти—дѣйствительные коммерческіе обороты. А спекуляція на бумаги или товары (какъ нынѣ на хлѣбъ), имѣющая цѣлью только премію со сдѣлокъ, а не дѣйствительное пріобрѣтеніе и продажу, похожа на жизнь также, какъ судороги похожи на движеніе. Такъ, напримѣръ, до сихъ поръ главнымъ результатомъ нашей биржевой спекуляціи было то, что наши процентныя бумаги, выпускаемыя за-границею, покупались нами же, такъ что мы платили по нимъ премію иностранцамъ. Вообще, если спекуляція разовьется въ странѣ несоотвѣтственно дѣйствительной потребности ея оборотовъ, то это можетъ повести только къ кризису.

Единственнымъ утѣшительнымъ результатомъ нашихъ финансовыхъ усилій, за послѣдніе годы, во всякомъ случаѣ представляются сильно развившіяся желѣзныя дороги. Но намъ уже неоднократно случалось намекать, что для всякаго успѣха нашей желѣзно-дорожной сѣти, даже для финансоваго, необходимо преобладаніе, при дарованіи концессій, строго установленной, на основаніи спеціальныхъ данныхъ, раціональной желѣзно-дорожной политики. Наше инженерное вѣдомство — мы говоримъ о вѣдомствѣ путей сообщенія,—никогда не было оцѣнено по заслугамъ. Не было вѣдомства, на которое падало бы столько нареканій, отчасти оправдывавшихся характеромъ высшаго имъ управленія, нерѣдко находившагося въ рукахъ не-спеціалистовъ. Нынѣ высказалось, съ достаточною ясностью, что наши инженеры не только стоютъ иностранныхъ, но положительно способнѣе и благодарнѣе тѣхъ чужеземцевъ, которые являлись просвѣщать насъ по этой части. Николаевская желѣзная дорога, за которую столько упрекали нашихъ инженеровъ, выставляя ее и разорительною по стоимости сооруженія и мало-доходною,

оказалась вина, по сведеніи всѣхъ счетовъ, стоившею поверстно не болѣе того, что правительство принимаетъ въ казну при гарантіи по концессіямъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Имена двухъ главныхъ строителей этой превосходной линіи: П. П. Мельникова, и Н. О. Крафта, останутся первыми на почетной страницѣ нашего желѣзно-дорожнаго дѣла. Дорога эта, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказывается относительно самою доходною изъ всѣхъ существующихъ въ Европѣ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, мы можемъ только привѣтствовать извѣстіе, что новому министру путей сообщенія будетъ предоставлено полное и самостоятельное рѣшеніе въ вопросахъ о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ, что рѣшенія, входящія въ сферу желѣзно-дорожной политики, будутъ сосредоточены въ вѣдомствѣ техническомъ, наиболѣе компетентномъ. Нынѣшній министръ путей сообщенія происходитъ изъ фамиліи, которая всегда интересовалась развитіемъ промышленнаго дѣла въ Россіи, и покойный графъ Бобринскій, отецъ нынѣшняго министра, имѣлъ не малое вліяніе на осуществленіе первой нашей большой желѣзно-дорожной линіи — николаевской. Позволительно надѣяться, что сынъ этого государственнаго человѣка поставитъ ввѣренное ему вѣдомство въ положеніе, которое должно принадлежать ему по справедливости, и приметъ живое участіе въ раціональномъ окончаніи желѣзнодорожной сѣти въ Россіи.

Еще до вступленія его въ должность, по слухамъ, пришло разрѣшеніе о выдачѣ весьма значительной субсидіи тремъ линіямъ, которыя, пользуясь пропускомъ сдѣланнымъ въ ихъ концессіяхъ, отказывались проложить вторые рельсовые пути, несмотря на огромные барыши, которые ими получались. Объ ошибкѣ этой можно только пожалѣть, и притомъ нельзя не спросить: было ли въ концессіяхъ этихъ линій гарантировано имъ исключительное право на желѣзно-дорожное сообщеніе по извѣстнымъ мѣстностямъ, — или такой монополіи, равно какъ и обязательства о проложеніи вторыхъ путей при извѣстномъ процентѣ дохода, они по концессіямъ не имѣли? Въ послѣднемъ случаѣ, странно, что имъ выдается казенная субсидія для удовлетворенія этой послѣдней надобности, тогда какъ стоило только приступить къ выдачѣ другимъ лицамъ концессій, на линіи параллельныя тѣмъ, которыя находятся въ ихъ владѣніи, чтобы побудить эти компаніи, безъ всякой субсидіи, взяться за проложеніе вторыхъ путей, на что онѣ, по значительности получаемой ими чистой прибыли, имѣютъ всѣ средства.

Въ нашемъ журналѣ упоминалось объ исключительномъ отношеніи, въ которое у насъ поставлено почтовое дѣло къ управленію желѣзныхъ дорогъ. По поводу сдѣланной у насъ замѣтки, намъ указали лица, весьма компетентныя, на неточность того, что мы утверждали, а именно, что почтамтъ не озаботился выговорить для себя то, чѣмъ пользуются почтамты въ западныхъ государствахъ, т. е. даровой почтовый вагонъ.

Но мы и не утверждали прямо, что почтамтъ въ этомъ виновенъ, такъ какъ мы знаемъ, что почтамтъ, безъ согласія на то министерства финансовъ и путей сообщенія, не властенъ обязать къ упомянутой льготѣ желѣзныя дороги. А наконецъ, дѣло не въ томъ, на комъ лежитъ отвѣтственность за такой просмотръ, а въ самомъ фактѣ, тормозящемъ почтовое дѣло; и мы были все-таки правы, утверждая, что желѣзныя дороги вездѣ содѣйствовали процвѣтанію почтамта, а у насъ онѣ поставили его даже въ затруднительное положеніе. Если мы не ошибаемся—въ Англіи, почтамтъ даже имѣетъ вліяніе на программу движенія по желѣзнымъ дорогамъ, и перемѣны въ поѣздахъ не могутъ производиться безъ участія въ томъ главнаго почтоваго управленія. Это совершенно раціонально и легко могло бы быть принято въ соображеніе и у насъ.

Post-scriptum. — Мы уже заключили нашу хронику, когда появилось въ газетахъ слѣдующее распоряженіе министерства юстиціи, обратившее на себя всеобщее вниманіе по важности предмета, котораго оно коснулось въ своемъ циркулярѣ:

«Значительная часть лицъ, слушающихъ юридическій курсъ въ университетахъ, поступаютъ въ вѣдомство министерства юстиціи и по преимуществу получаютъ назначеніе на должности судебныхъ слѣдователей.

«Имѣя въ виду тѣ безпорядки, какіе обнаружились за послѣднее время въ нѣкоторыхъ университетахъ, и озабочиваясь охраненіемъ судебнаго вѣдомства отъ вторженія въ него такихъ лицъ, которыя не сознаютъ должнаго уваженія къ закону, составляющаго непремѣнное условіе особенно для каждаго судебнаго дѣятеля, министерство юстиціи впредь будетъ принимать на службу по судебному вѣдомству только тѣхъ окончившихъ курсъ студентовъ, которые представятъ удостовѣреніе въ томъ, что въ бытность свою въ университетѣ они не принимали никакого участія въ противузаконныхъ проявленіяхъ, обнаруживающихъ неуваженіе къ закону или къ установленнымъ властямъ и правиламъ».

Мы до сихъ поръ вообще не говорили въ нашей хроникѣ о безпорядкахъ, которыя недавно происходили въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, отчасти потому, что эти «безпорядки» и не были ни чѣмъ инымъ, какъ только безпорядками, а слѣдовательно, и лежали на отвѣтственности тѣхъ, кому слѣдовало заботиться о порядкахъ. Нѣкоторые органы печати пробовали навести на эти «безпорядки» увеличительное стекло, и даже самъ университетскій судъ былъ строгъ, но эта строгость, во всякомъ случаѣ, относилась къ прошедшему, а не къ будущему. Вышеприведенный циркуляръ возводитъ случай нынѣшняго года въ цѣлую систему на всѣ будущія времена и какъ бы ожидаетъ періодичности въ студентскихъ безпорядкахъ, потому что, «имѣя въ въ виду тѣ безпорядки, какіе обнаружились за послѣднее время въ нѣкоторыхъ (слѣдовательно не во всѣхъ) университетахъ», министерство юстиціи прибѣгнуло къ общей мѣрѣ, которая едва ли найдетъ

себѣ защитниковъ между юристами. «Безпорядки» дѣлаются юношами отъ 17-ти до 22-хъ-лѣтняго возраста, а «вторгаться въ судебное вѣдомство» будутъ люди того возраста, который признается вполнѣ совершеннолѣтнимъ. Почему министерство юстиціи считаетъ полезнымъ сдѣлать такое исключеніе изъ извѣстнаго общаго правила, и именно въ настоящемъ случаѣ возлагаетъ на совершеннолѣтняго отвѣтственность за его поступки, когда онъ былъ несовершеннолѣтнимъ? Кромѣ того, настоящій циркуляръ ограничиваетъ права и преимущества высочайше дарованныя лицамъ, удостоеннымъ степени кандидата для поступленія на службу,—считая кандидатскій дипломъ недостаточнымъ свидѣтельствомъ познаній и нравственнаго достоинства лица. Какимъ образомъ студентъ можетъ получить кандидатскій дипломъ, если онъ былъ виновникомъ безпорядковъ? Такой виновникъ будетъ исключенъ и, слѣдовательно, не получитъ диплома; если же кто не былъ исключенъ, то значитъ, его не признали виновнымъ, а полученный имъ въ заключеніе дипломъ свидѣтельствуетъ вполнѣ, что само университетское начальство не вмѣнило ему ни во что его проступокъ, увлеченіе, и притомъ убѣдилось, изъ послѣдующаго, что онъ оставался спокойнымъ слушателемъ лекцій. Для кого же изданъ этотъ циркуляръ? Виновники безпорядковъ исключаются изъ университета, и слѣдовательно, не «вторгнутся» въ министерство юстиціи; тотъ же, кто получилъ дипломъ, eo ipso доказываетъ, что онъ никогда не былъ признанъ виновникомъ «безпорядковъ». Наконецъ, если мѣра, предпринятая министерствомъ юстиціи справедлива, то другія министерства дѣлаютъ упущеніе, не требуя подобнаго же для себя. Кандидатъ имѣетъ право поступать, наприм. въ военную службу, въ ученую, дипломатическую и т. д., но ни военное министерство, ни министерство иностранныхъ дѣлъ не сдѣлало подобнаго распоряженія. Внутри самого университета такая мѣра не можетъ принести желаемыхъ послѣдствій, потому что въ ея основѣ лежитъ принципъ, который всего менѣе можетъ быть одобренъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Мораль циркуляра та, что студентъ долженъ себя вести хорошо ради служебныхъ выгодъ, которыя обѣщаются ему въ министерствѣ юстиціи; между тѣмъ какъ министерство народнаго просвѣщенія должно поддерживать другую мораль, которая и выражена въ § 100 «Общаго устава университетовъ» 1864 года, гдѣ сказано просто, что «студенты обязаны повиноваться университетскому начальству и соблюдать въ зданіяхъ и учрежденіяхъ университета порядокъ, установленный особыми для учащихся правилами»—и все это требуется категорически, независимо отъ соображеній относительно будущей карьеры.

Такимъ образомъ, циркуляръ министерства юстиціи долженъ произвести особое впечатлѣніе и въ обществѣ, и въ самомъ министерствѣ народанго просвѣщенія: общество никакъ не пойметъ 1) почему человѣкъ, въ

30, 40 лѣтъ, долженъ отвѣчать, и притомъ лишеніемъ карьеры, что̀ иногда равносильно лишенію куска хлѣба, за свой проступокъ, совершенный имъ лѣтъ 17-ти или 18-ти? 2) Почему молодой человѣкъ, удостоенный ученой степени (замѣтьте: ученой степени удостоиваютъ, т. е. считаютъ достойнымъ), какимъ образомъ онъ, не подвергавшій опасности университета до самаго дня окончанія курса, можетъ быть опаснымъ для министерства юстиціи, гдѣ, особенно въ настоящее время, дѣйствія отдѣльныхъ лицъ контролируются и начальствомъ и гласностью? Съ другой стороны, министерство народнаго просвѣщенія не можетъ одобрить основной морали циркуляра, такъ какъ 1) циркуляръ предполагаетъ какую-то періодичность въ безпорядкахъ, и 2) предлагаетъ мѣрою противъ нихъ угрозы въ будущемъ. Впрочемъ, мы должны ограничиться въ настоящемъ случаѣ одною общею замѣткою: надобно думать, что совѣты университетовъ, какъ болѣе насъ заинтересованные въ настоящемъ случаѣ, съ своей стороны будутъ ходатайствовать объ отмѣненіи циркуляра, выражающаго такое недовѣріе къ ученому диплому, и объяснятъ, что выдать дипломъ и въ тоже время свидѣтельство о безнравственности удостоеннаго ученой степени нѣтъ никакой возможности: дипломъ говоритъ о замѣчательномъ развитіи духовныхъ силъ, совершенныхъ при томъ подъ вліяніемъ преподаванія, дипломъ рекомендуетъ человѣка обществу; какимъ же образомъ въ тоже время свидѣтельствовать, что отъ этого человѣка, удостоеннаго степени кандидата, можетъ приключиться опасность судебному вѣдомству, и притомъ одному судебному вѣдомству? Упомянутое ходатайство совѣтовъ было бы тѣмъ болѣе кстати, что, какъ мы читали въ газетахъ, «министръ народнаго просвѣщенія предложилъ университетамъ о выдачѣ соотвѣтствующихъ свидѣтельствъ и объ объявленіи о томъ студентамъ юридическихъ факультетовъ».

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1 (13) іюня 1869 г.

Французскіе выборы 1857, 1863 и 1869 годовъ.—Шартрская рѣчь.—Значеніе парижскихъ волненій.—Бансель и Олливье.—Оппозиція въ Парижѣ и оппозиція въ провинціяхъ.—Испанія и религіозный вопросъ.—Закрытіе австрійскаго рейхсрата.—Перемѣна итальянскаго министерства.—Англія и Американскіе Штаты.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, политика слуховъ, политика интригъ, политика личностей стерлась передъ единственною здравою политикою — истинныхъ народныхъ интересовъ. Куда дѣвались толки о войнѣ и мирѣ, куда пропали подозрѣнія и обвиненія, каждый день находившія себѣ новое выраженіе и новый поводъ, бросаемыя однимъ правительствомъ противъ другого и поддерживавшія только постоянныя опасенія о близкомъ будущемъ? Искусственно возбуждаемое недовѣріе націй другъ къ другу уступило мѣсто разумному участію и старанію прислушаться и узнать, въ какомъ положеніи находится народъ, чѣмъ и какими идеями воодушевляется онъ. Надолго ли произошло это превращеніе, сколько дней, недѣль или мѣсяцевъ продлится этотъ періодъ естественныхъ и разумныхъ отношеній среди европейской семьи, сколько времени будетъ тянуться это сосредоточенное вниманіе на внутреннихъ дѣлахъ страны,—чтобы рѣшить подобный вопросъ, нужно обладать слишкомъ большимъ запасомъ смѣлости и самоувѣренности, неумѣстной при обсужденіи политическихъ дѣлъ Европы. Вѣрно одно, что безпокойные слухи о войнѣ, волновавшія такъ недавно Европу, были на время заглушены послѣдними выборами во Франціи.

Въ нашемъ послѣднемъ иностранномъ обозрѣніи мы говорили уже, какимъ образомъ эти выборы отозвались на умиравшемъ тогда законодательномъ собраніи, вышедшемъ изъ выборовъ 1863 года, и старались указать на тотъ итогъ, который былъ подведенъ въ палатѣ депутатами оппозиціи. Законодательное собраніе умерло, а между тѣмъ Франція успѣла уже пережить очень бурный періодъ—періодъ из-

бирательныхъ собраній, избирательной лихорадки. Глаза цѣлой Европы были обращены въ одну сторону, всѣ ожидали, одни съ радостною надеждою, другіе съ преувеличенными опасеніями, какъ пройдетъ избирательный періодъ во Франціи, какіе результаты онъ принесетъ съ собою. Періодъ этотъ уже окончился, не оправдавъ опасеній однихъ, ни надеждъ другихъ; не зная еще окончательныхъ результатовъ, впередъ можно было предсказать, что обѣ партіи, какъ правительственная, такъ и оппозиціонная, останутся недовольны. Одна найдетъ, что оппозиція выиграла слишкомъ много, другая, что правительство потеряло слишкомъ мало. Но изъ-за того, что надежды однихъ и опасенія другихъ нисколько не оправдаются, слѣдуетъ ли заключать, что французскіе выборы не имѣли важнаго значенія на ходъ европейской политики, можно ли утверждать, что общественное мнѣніе Европы, всѣ журналы, газеты, вся пресса, которая только и занимается, что Франціею и новыми выборами, были обмануты въ ихъ ожиданіи? Нисколько. Только потому, что избирательный періодъ не ознаменовался никакими особенно-важными волненіями по всей Франціи, значеніе его нисколько не умалилось. Новые выборы должны были доказать только одно, что не одинъ Парижъ, но цѣлая Франція возвратилась снова къ политической жизни, что она не желаетъ болѣе ходить на помочахъ, что она враждебна произволу, которымъ руководилась французская политика во внѣшнихъ дѣлахъ, и стѣсненіямъ, которыя она продолжала встрѣчать во внутренней жизни. Избирательная эпоха это доказала какъ нельзя лучше; на всѣхъ народныхъ собраніяхъ, митингахъ, во всѣхъ манифестахъ, циркулярахъ, это повторялось на тысячи ладовъ, и французское правительство выказало бы необыкновенную недальновидность, еслибы не вняло народнымъ требованіямъ.

Съ того самаго дня, когда появился декретъ о распущеніи законодательнаго корпуса и о созваніи новаго, физіономія Франціи получила моментально радикальное измѣненіе. Несмотря на то, что французы уже до избирательнаго періода успѣли снова попривыкнуть къ забытому праву народныхъ собраній въ тѣхъ безчисленныхъ конференціяхъ, которыя устраивались во всѣхъ углахъ Парижа и распространялись, хотя и не въ такомъ обиліи, по всей Франціи, конференціяхъ, носившихъ политическій характеръ,—тѣмъ не менѣе, открытіе избирательнаго періода вызвало въ народѣ иную, давно небывалую жизнь. Право народныхъ собраній для обсужденія всевозможныхъ политическихъ вопросовъ, предоставленное новыми законами, вышедшими изъ реформы 19 января 1867 года, и только на время выборовъ, въ первый разъ получало теперь примѣненіе въ политической жизни Франціи, и французы должны были накинуться на это право тѣмъ съ большею радостію, что впродолженіи 17 лѣтъ они были лишены его. Законъ говоритъ, что политическія избирательныя собранія допускаются

съ минуты обнародованія декрета о созваніи гражданъ къ выборамъ и должны быть прекращены за пять дней до подачи голосовъ. Если правительство естественно заботится о томъ, чтобы время это, когда французы пользуются правомъ политическихъ собраній, какъ время бо́льшаго или меньшаго волненія, было какъ можно короче, то съ другой стороны, также естественно, избиратели и избираемые заботятся, чтобы ни одного дня, ни одного часа не было пропущено даромъ.

27 апрѣля, оффиціальная газета напечатала два декрета, одинъ о распущеніи законодательнаго корпуса, другой о призваніи французовъ къ новымъ выборамъ. Съ этой минуты Франція была объята лихорадочнымъ жаромъ, обыденная жизнь прекратилась и борящіяся между собою силы вышли на поле сраженія. Сигналъ къ политическому поединку былъ поднятъ и рѣшительный бой немедленно завязался. Если во всей Франціи враждебныя партіи боролись съ ожесточеніемъ, то поединокъ этотъ былъ особенно интересенъ въ Парижѣ, гдѣ масса рабочаго населенія воодушевлена самыми либеральными стремленіями. Парижское рабочее населеніе всегда славилось своимъ политическимъ развитіемъ, и оно прежде всѣхъ встрепенулось послѣ декабрьскаго переворота. Отсюда вышла группа «пяти» во время выборовъ 57 года, здѣсь правительство потерпѣло сильное пораженіе въ 63 году; здѣсь оно потерпѣло тоже и еще съ бо́льшимъ для себя униженіемъ въ 69 году. Разница между этими тремя періодами очень важна, и для того, чтобы составить себѣ ясное понятіе о возрожденіи свободы во Франціи, эту разницу нельзя упускать изъ виду.

Въ 1857 году, парижское рабочее населеніе еще нигдѣ не находило себѣ отголоска, ему никто не оказывалъ поддержки, оно стояло особнякомъ, и маленькая группа «пяти» была бы задавлена, уничтожена въ палатѣ, еслибы политическія способности оппозиціонныхъ депутатовъ не выдавались такъ рѣзко среди бездарности большинства. Тогда, еще молодая, имперія была сильна, она успѣла укрѣпиться послѣ 2 декабря, крымская кампанія покрыла значительнымъ блескомъ французское оружіе. Самолюбіе было удовлетворено, а стремленіе къ свободѣ не пробудилось еще съ достаточною силою. Вслѣдъ за выборами 1857 года, если политическій горизонтъ сдѣлался еще болѣе мраченъ, вслѣдствіе покушенія Орсини, если законъ объ общественной безопасности отдалъ жизнь и свободу каждаго гражданина еще подъ бо́льшій правительственный произволъ, — зато вспыхнувшая италіянская война, самая популярная изъ войнъ второй имперіи, покрыла Францію такою военною славою, что часть ея, павшая на имя Наполеона III, была достаточно велика, чтобы примирить съ нимъ многихъ изъ его прежнихъ враговъ и окружить его имя такимъ ореоломъ, изъ-за котораго грозное «2-е декабря» было менѣе видно. Вслѣдъ за счастливою для правительства войною, оно рѣшилось на одинаково счастли-

вую для себя реформу 24-го ноября 1860 года, которая обѣщала въ будущемъ возвращеніе свободы, тотъ «вѣнецъ зданія», о которомъ до сихъ поръ не перестаютъ толковать. Въ эту минуту правительство Наполеона III достигло апогея своего величія, своего блеска. Двѣ славныя войны, полный успѣхъ какъ на полѣ брани, такъ и на дипломатическомъ полѣ, возвращеніе Франціи того политическаго первенства, которое было утрачено реставраціею и іюльскою монархіею, начало либеральныхъ реформъ, все это взятое вмѣстѣ должно было обаятельнымъ образомъ дѣйствовать на умы французовъ и щекотать легко поддающееся обаянію славы національное самолюбіе. Если въ первые годы своего царствованія Наполеонъ былъ силенъ распространеннымъ имъ терроромъ, то теперь онъ былъ еще болѣе силенъ своимъ успѣхомъ и лавровыми вѣнками, собранными имъ при возвращеніи въ Парижъ съ итальянскаго похода.

При такихъ благопріятныхъ для правительства условіяхъ произошли выборы 63 года, которые, если и усилили нѣсколько старую группу «пяти», доказывая этимъ, что пробужденіе дѣлало также успѣхъ, хотя и медленный, то тѣмъ не менѣе не настолько, чтобы обезпокоить главу государства, напротивъ, онъ могъ быть какъ нельзя болѣе доволенъ, выборы прошли тихо, скромно, въ массѣ населенія нигдѣ не замѣчалось ни малѣйшаго колебанія. Счастливая звѣзда Наполеона должна была однако скоро его покинуть. Жажда новыхъ успѣховъ и новыхъ лавровыхъ вѣнковъ, предпріимчивый духъ его, если и не довелъ его до св. Елены, то оказалъ ему все-таки довольно плохую услугу. Зданіе, съ такимъ трудомъ возведенное при помощи всѣхъ чистыхъ и нечистыхъ средствъ, клятвопреступничества, гражданской войны, террора, путемъ убійствъ, тюремъ и ссылокъ, наконецъ, укрѣпленное блистательными войнами, побѣдами, расширеніемъ границъ Франціи, стало въ свою очередь получать удары и тѣми же самыми орудіями, которыя служили къ его украшенію. Послѣ ясныхъ дней наступили для правительства Наполеона и туманные. Вслѣдъ за успѣхами пошли неудачи, и какъ въ прежнее время успѣхъ сопровождался успѣхомъ, такъ теперь неудача неудачей. Роковою ошибкою французскаго правительства была безумная экспедиція въ Мексику, порожденная еще болѣе безумнымъ желаніемъ Наполеона основать монархію по ту сторону океана, и такимъ образомъ перебросить свое вліяніе и въ Америку. Наполеонъ забылъ, что одно только вліяніе можетъ доставить Франціи тѣсный союзъ съ Америкой, — вліяніе не силы, а дружбы, скрѣпленной еще Лафайетомъ, и которую такъ не трудно было поддерживать. Другого вліянія Франція не можетъ имѣть на Американскіе Штаты, а для того, чтобы это вліяніе сдѣлать болѣе прочнымъ, нужно нѣчто другое, а не основаніе монархій на другой сторонѣ Атлантическаго океана. Истинная дружба, истинный союзъ

можетъ быть только между двумя свободными государствами; тѣсная связь между деспотіею и республикою есть фальшь, терпимая иногда ради временныхъ выгодъ и политической пользы. Вслѣдъ за Мексикой, пошли другія неудачи, скоро стушевавшія всѣ прежде добытыя выгоды. Одно пораженіе слѣдовало за другимъ на дипломатическомъ полѣ, но рѣшительнымъ ударомъ для политики Наполеона была война 66 года, битва при Садовѣ, которая превратила Пруссію въ могущественную военную державу. Франція почувствовала, что ея положеніе пошатнулось, и, разумѣется, обвинила правительство, что оно позволило себя провести и сдѣлать изъ себя какъ бы соучастника въ возвеличеніи самаго близкаго сосѣда. Правительство стало колебаться, оно желало удержать прежнюю силу и вмѣстѣ съ тѣмъ уступало, но уступки эти были какъ-то трусливы, вынужденны, никто не былъ за нихъ благодаренъ, обвиненія не прекращались. Оно бросалось то въ одну, то въ другую сторону; сегодня правительство рѣшалось на какія-то строгости, завтра имъ овладѣвала боязнь, и оно останавливалось въ нерѣшимости. Однимъ словомъ, правительство стало обнаруживать признаки разложенія. Такой характеръ колебанія носятъ и реформы, послѣдовавшія за письмомъ 19-го января, которыми Наполеонъ мечталъ «увѣнчать зданіе».

Безъ сомнѣнія, реформы 1867 года дали французамъ, можно сказать, очень много: свобода предоставленная имъ была такъ широка, что для многихъ другихъ народовъ она должна казаться какимъ-то недосягаемымъ идеаломъ, такъ далеки они отъ нея, но для Франціи, принесшей столько тяжелыхъ жертвъ, она была недостаточна. Въ новыхъ законахъ, крайне либеральныхъ, о печати, о правѣ собранія, сдѣланы были ограниченія, стѣсненія, которыя не могли ничѣмъ служить правительству, и вмѣстѣ съ тѣмъ раздражали недовольныхъ. Правительство говорило, что оно сдѣлало слишкомъ много, противники его утверждали, что сдѣлано было наоборотъ, слишкомъ мало. Очевидно было только одно: правительство оказалось въ убыткѣ. Потерявъ въ силѣ, оно не выиграло и въ довѣріи. Въ это трудное время, когда оппозиція такъ гордо подняла свою голову, Наполеонъ III не упускалъ ни одного случая, чтобъ еще болѣе портить свое положеніе. Однимъ изъ такихъ случаевъ была вторая римская экспедиція, совершенная въ концѣ 67 года, и предпринятая, безъ сомнѣнія, для того, чтобы привязать къ себѣ клерикальную партію, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы показать, что могущественная звѣзда Наполеоновъ еще не закатилась. Разсчетъ оказался невѣренъ: клерикальная партія не была достаточно удовлетворена, другія же партіи были еще болѣе раздражены. Что же касается до военной чести, то она могла только пострадать; Ментана, при которой итальянскіе волонтеры были разбиты французскими солдатами въ союзѣ съ папскими, и при которой «Шаспо, сдѣлавъ чудо»,

покрылъ только позоромъ оружіе, добывшее себѣ славу на поляхъ Мадженты и Сольферино. Рядомъ съ этими внѣшними неудачами и промахами, во внутреннихъ дѣлахъ дѣлались точно также самыя непростительныя ошибки. Преслѣдованія по дѣламъ печати, преслѣдованія за такъ-называемые «манёвры» возбуждали какъ нельзя болѣе общественное мнѣніе. У страха глаза велики, говоритъ поговорка, и въ самомъ дѣлѣ только ею можно объяснить тѣ процессы, которые дѣлало правительство въ теченіи 68 года. Въ каждой незначительной демонстраціи правительство уже видѣло созрѣвшую революцію; сначала оно открываетъ тайныя общества, и само печатаетъ такого рода прокламаціи, которыя должны были, безъ сомнѣнія, сдѣлать больше вреда правительству, чѣмъ десятки подобныхъ обществъ; вслѣдъ за тѣмъ, оно открываетъ какой-то заговоръ, выражаясь словами императорскаго прокурора, въ посѣщеніи кладбища нѣсколькими стами человѣкъ, собравшихся, чтобы почтить память патріота, потомъ ополчается въ различныхъ сторонахъ Франціи противъ тѣхъ газетъ и журналовъ, которые открываютъ у себя подписку на памятникъ Бодена, павшаго на декабрьскихъ баррикадахъ. Результатъ всѣхъ подобныхъ преслѣдованій былъ одинъ: они обратились противъ самого правительства, вызвавъ противъ него злобу, ожесточеніе, негодованіе, презрѣніе и наконецъ, самое ужасное изъ всѣхъ орудій—насмѣшку. Всѣ эти ошибки какъ нельзя болѣе послужили въ пользу независимой прессы и оппозиціи, имѣвшихъ такимъ образомъ случай нѣсколько разъ заявить себя положительными фактами, и выставить противъ правительства обвиненія, которыя должны были быть направлены противъ нея самой. Съ самаго перваго дня, открытія избирательнаго періода ярко обозначилась вся перемѣна, происшедшая во Франціи со времени выборовъ 63 года.

На другой день послѣ открытія избирательнаго турнира со всѣхъ сторонъ посыпались манифесты, profession de foi, циркуляры, письма кандидатовъ всѣхъ цвѣтовъ и всѣхъ партій. Цѣлые томы можно было бы наполнить однѣми выписками изъ произведеній будущихъ депутатовъ. Не говоря уже о манифестахъ радикальной партіи, представителей радикальной демократіи, какъ ее прозвали въ отличіе отъ старой оппозиціонной демократіи, дышащихъ такою смѣлостью и рѣшительностью, которая во время выборовъ 63 г. была бы просто немыслима, циркуляры такъ-называемыхъ друзей порядка, людей преданныхъ правительству, поражаютъ невольно своимъ либеральнымъ тономъ. Смѣло можно утверждать, что нѣтъ ни одного такого манифеста, изъ какой-бы партіи онъ ни вышелъ, въ которомъ нѣсколько разъ не было употреблено слово свобода, на всѣ тоны, на всѣ лады. Безъ сомнѣнія, для весьма многихъ кандидатовъ это слово есть только слово, пустой звукъ, бросаемый на воздухъ. Для многихъ это слово представляется только удочкой, для привлеченія къ себѣ избирателя; но такъ или иначе, какъ бы слово это

ни употреблялось, искренно, или лукаво, присутствіе его во всѣхъ избирательныхъ манифестахъ доказываетъ безспорно одно, что оно сдѣлалось орудіемъ выборовъ, что всѣ кандидаты, не исключая и правительственныхъ, чувствуютъ необходимость представиться избирателямъ какъ нельзя болѣе либеральными. Рядомъ съ оппозиціонными депутатами 63 г., которые, по всей вѣроятности, всѣ почти удержатъ за собою свои мѣста, явились новые кандидаты, громко объявляющіе, что они представляютъ собою «непримиримую оппозицію», и они смѣло конкурируютъ противъ старыхъ депутатовъ оппозиціи, которыхъ обвиняютъ въ излишней мягкости и нерѣшительности. Къ этой партіи новыхъ людей нужно причислить Гамбетту, Лорье, выдвинутыхъ впередъ процессомъ по дѣлу Бодена, Рошфора, писавшаго впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ свой памфлетъ: «La Lanterne», и теперь редактирующаго, вмѣстѣ съ сыновьями Виктора Гюго, крайній органъ: «le Rappel», Жюль Ферри, молодого журналиста и еще нѣкоторыхъ другихъ. Помимо этихъ молодыхъ, не участвовавшихъ слѣдовательно въ старыхъ событіяхъ, людей, полныхъ ненависти, отваги и нетерпѣнія разрушить существующій порядокъ, на политическую сцену во время настоящихъ выборовъ выступили люди, сдѣлавшіе свои имена извѣстными во время революціи 48 года. Это, такъ сказать, третья категорія оппозиціи, самая ненавистная, можетъ быть, для правительства, потому что оно снова встрѣтилось съ врагами, которыхъ, думало, что уничтожило навсегда. Люди эти, о которыхъ, впродолженіи 17 лѣтъ, не было даже слышно, явились на политическую арену, еще можетъ быть съ большею ненавистью къ настоящему правительству, чѣмъ молодой народъ «непримиримой оппозиціи», потому что они представляютъ собою лагерь непосредственно побѣжденный, разбитый, уничтоженный въ злосчастный день 2 декабря. Народъ встрѣтилъ знакомыя ему имена Распайля, д'Альтонъ-Ше, Кантагреля, Банселя, который боролся въ 3-мъ парижскомъ округѣ съ полуоффиціальнымъ кандидатомъ, или вѣрнѣе «пріятнымъ» для правительства Эмилемъ Олливье. Они внесли въ борьбу старые споры, старыя ненависти, подняли тѣже вопросы, заговорили старымъ языкомъ, въ ихъ манифестахъ опять занялъ мѣсто рядомъ съ политическимъ и соціальный вопросъ, о которомъ во время прежнихъ выборовъ никто, ни одинъ изъ оппозиціонныхъ кандидатовъ не смѣлъ заикнуться. Франція перестала дрожать передъ тѣмъ, что называется spectre rouge, и какъ ни старается правительство поселить снова прежнюю боязнь и прежній страхъ передъ крайнею партіею, но большинство теперь очень хорошо понимаетъ, что страхъ этотъ возбуждается правительствомъ умышленно, что оно желаетъ воспользоваться имъ только, чтобы запугать часть общества и заставить его вотировать въ свою пользу. Старый правительственный маневръ потерялъ свою силу. Общество пришло наконецъ къ убѣжденію, что какъ бы ни были радикальны мнѣнія, ихъ нечего

бояться: если въ нихъ скрывается истина, онѣ будутъ торжествовать, если въ нихъ нѣтъ ничего кромѣ фальши, онѣ падутъ сами собою, подъ ударами болѣе разумныхъ понятій.

Хотя разница между выборами 63 и 69 годовъ сказывается въ самыхъ кандидатурахъ, въ избирательныхъ манифестахъ, но еще гораздо болѣе въ той избирательной агитаціи, которая держитъ всю Францію въ какомъ-то напряженномъ состояніи. Во время прежнихъ выборовъ вся агитація ограничивалась избирательными манифестами, усиленнымъ дѣйствіемъ прессы; что же касается публичныхъ собраній, то о нихъ не могло бы быть и рѣчи. Теперь другое дѣло. Впродолженіи почти цѣлыхъ трехъ недѣль по всѣмъ угламъ Франціи происходили безпрерывные митинги, на которыхъ являлись кандидаты, излагали свои мнѣнія, свои программы, высказывали свои убѣжденія, воззрѣнія на тотъ или на другой вопросъ. Избиратели сближались съ кандидатами, распрашивали, задавали имъ вопросы, требовали отъ нихъ, чтобы они излагали какъ они будутъ вести себя въ палатѣ, какъ будутъ вотировать и т. д. Общій лозунгъ всѣхъ либеральныхъ кандидатовъ, безъ различія направленій, заключался въ немногихъ словахъ: долой оффиціальныя кандидатуры, долой личный порядокъ правленія, — эти два требованія всегда вызывали въ собраніяхъ взрывъ громкихъ рукоплесканій, кандидаты самыхъ различныхъ темпераментовъ высказывали ихъ почти съ одинаковою силою и убѣдительностію; въ этихъ требованіяхъ нѣтъ различія между Тьеромъ и его конкуррентомъ, соціалистомъ д'Альтонъ-Ше, между Гамбеттой и Жюль Фавромъ, между Жюль Симономъ и Распайлемъ, ихъ одинаково поддерживали какъ старые депутаты, такъ и новые кандидаты, между которыми особенно ярко выступали имена Прево-Парадоля, Лабуле, Ренана и нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ въ литературѣ дѣятелей.

Много, конечнобыло, интереснаго во время послѣдней избирательной агитаціи, но мы можемъ остановиться только на главныхъ ея моментахъ, которые особенно выдались впередъ по своему значенію. Къ самымъ крупнымъ фактамъ избирательнаго періода нельзя не отнести вмѣшательства въ общую свалку самого главы государства, который произнесъ рѣчь, какъ бы назначенную для того, чтобы произвести самое невыгодное для правительства впечатлѣніе. Она открыла, сколько безпокойства, тревоги кроется въ головѣ императора, съ какою безпокойною совѣстью смотритъ онъ на предстоящіе выборы. Въ этой рѣчи, произнесенной въ Шартрѣ, скрывается и какая-то робость и какая-то угроза, точно онъ чувствуетъ, что эти выборы будутъ играть рѣшительную роль въ судьбахъ его жизни. Безъ сомнѣнія, настоящіе выборы имѣютъ большое значеніе въ исторіи второй имперіи, потому, что они доказываютъ, какъ никогда еще, что Франція окончательно вышла изъ летаргическаго состоянія, что она

не помирилась съ имперіей, и что съ этого времени начнется рѣшительная противъ нея борьба,—но и только, другого они не доказываютъ; большинство, въ этомъ нельзя сомнѣваться, по-прежнему останется на сторонѣ правительства, потому что о правительственныхъ кандидатахъ попрежнему печется могущественная администрація. Зная въ этомъ отношеніи свою силу, не отказавшись отъ оффиціальныхъ кандидатуръ, Наполеонъ совершенно увѣренъ, что онъ встрѣтитъ въ палатѣ попрежнему покорное большинство, но онъ не увѣренъ, и это обличаетъ его рѣчь, что народъ снова по-прежнему будетъ спокойно, въ продолженіи новыхъ шести лѣтъ, смотрѣть на покорную палату, покорныхъ представителей и довольствоваться, правда, рѣзкими, но остающимися безъ прямого дѣйствія на правительство рѣчами оппозиціонныхъ кандидатовъ. Онъ опасается, чтобы «разрушительныя страсти» не разрушили созданной имъ имперіи, и потому торопится сдѣлать призывъ къ миру и порядку. Съ особенною любовью припоминая всегда давно минувшія событія, какъ будто бы время уничтожаетъ все, что въ нихъ есть порочнаго, онъ указываетъ на то обстоятельство, что изъ того же города, изъ котораго онъ, «сильный добрыми намѣреніями», сдѣлалъ первый призывъ къ согласію, убѣждая всѣхъ ради общаго блага забыть злобу и сѣтованія, онъ и теперь изъ того же самаго города обращается съ тѣмъ же призывомъ. Какая мысль шевелилась въ головѣ Наполеона, когда онъ припоминалъ старыя событія, тщательно избѣгая упомянуть о 2 декабрѣ,—трудно рѣшить, но мы знаемъ, что на языкѣ виновника coup d'état, «сильный добрыми намѣреніями» означало не что́ иное, какъ «сильный арміею и пушками». «И теперь, какъ въ 1848 году—говоритъ онъ—я обращаюсь еще разъ къ честнымъ людямъ всѣхъ партій, приглашая ихъ содѣйствовать правильному ходу моего правительства по той либеральной дорогѣ, которую оно себѣ предначертало, и противопоставить непреодолимое сопротивленіе разрушительнымъ страстямъ, которыя кажется снова пробудились, угрожая прочному зданію, воздвигнутому всеобщею подачею голосовъ». Знаменательныя слова, полныя всякаго рода откровеній! Они показываютъ какъ нельзя лучше, что всѣ добытыя реформы были ни болѣе ни менѣе какъ вынуждены, потому что основанія его политики остались тѣже. Онъ не хочетъ разстаться съ словами: мой, моего и т. д.; онъ не хочетъ понять другого участія народа въ управленіи страною какъ только въ «содѣйствіи ходу его правительства» и по дорогѣ «предначертанной» никѣмъ другимъ, какъ имъ самимъ. Несчастная слѣпота всѣхъ исчезнувшихъ династій во Франціи! «Я надѣюсь на васъ, обитатели Шартра, сказалъ Наполеонъ, потому что вы составляете часть тѣхъ восьми милліоновъ французовъ, которые три раза дали мнѣ свои голоса; потому что знаю, что вы воодушевлены горячимъ патріотизмомъ, а тамъ гдѣ господствуетъ истинная

любовь къ родинѣ, тамъ лежатъ лучшія гарантіи порядка, прогресса и свободы». Но увы! гдѣ эти 8 милліоновъ? Половина изъ нихъ, по сознанію самого государственнаго министра Руэра, лежитъ уже въ могилѣ, а тѣ избиратели, которые ихъ замѣнили, можетъ быть подадутъ голоса за тѣхъ, которые борятся противъ существующаго порядка. Если 8 милліоновъ французовъ имѣли несчастіе бросить Францію въ руки Наполеона, то новыя поколѣнія имѣютъ возможность вырвать ее изъ этихъ рукъ, не прибѣгая къ такимъ отчаяннымъ средствамъ какъ революція. Чѣмъ бóльшимъ спокойствіемъ обладаетъ нація, и въ особенности чѣмъ больше ея политическое развитіе, тѣмъ менѣе представляется шансовъ личному правленію, и въ этомъ должно теперь убѣдиться французское правительство.

Какъ только вопросъ о личномъ правленіи рѣшенъ самою развитою частью французскихъ избирателей и рѣшенъ, конечно, не въ его пользу, на очередь выступаетъ другой вопросъ: съумѣетъ ли имперія отказаться отъ произвола, или другими словами, совмѣстима ли она съ свободою или нѣтъ? Этотъ второй вопросъ былъ поставленъ очень категорически въ Парижѣ въ 3-мъ округѣ, гдѣ шелъ споръ между Банселемъ и Эмилемъ Олливье. Бансель прямо объявилъ себя принадлежащимъ къ непримиримой оппозиціи, т. е. онъ явился сторонникомъ того убѣжденія, что имперія и свобода несовмѣстимы, и такъ какъ нація, убѣдившись опытомъ, какъ невыгодно отказываться отъ свободы, не хочетъ болѣе личнаго правленія, то единственный исходъ, таково логическое его заключеніе, это отказаться отъ имперіи. Что же касается Эмиля Олливье, о которомъ мы говорили уже въ нашемъ послѣднемъ обозрѣніи, то онъ держится противоположнаго мнѣнія: онъ полагаетъ вполнѣ осуществимымъ союзъ между свободой и имперіей, несмотря на то, что вся исторія свидѣтельствуетъ невозможность такого положенія, которое опровергается и простымъ здравымъ смысломъ. Примирить имперію со свободой равнялось бы примиренію двухъ прямо противоположныхъ принциповъ. Парижскіе избиратели какъ нельзя лучше поняли поставленный между двумя кандидатами вопросъ и, къ отчаянію правительства, избрали своимъ депутатомъ непримиримаго съ имперіею радикала Банселя. Телеграфическая депеша сообщаетъ также объ избраніи Пикара, Жюль Симона, Пельтана и Гамбетты, этого молодого человѣка, страстнаго и одинаково непримиримаго врага имперіи. Избраніе двухъ самыхъ радикальныхъ кандидатовъ въ Парижѣ, Банселя и Гамбетты, болѣе всѣхъ ненавистныхъ правительству, имѣетъ большое значеніе, такъ какъ оно показываетъ, какъ высоко поднялась политическая температура въ самомъ центрѣ Франціи. Если оппозиція старалась какъ можно болѣе ослабить значеніе парижскихъ демонстрацій, боясь, что они могутъ пагубно отозваться на консервативномъ сельскомъ населеніи и на трусливой буржуазіи, и побудятъ ихъ поддерживать оффиціальныхъ

кандидатовъ, за то правительство старалось какъ можно болѣе раздуть ихъ, чтобы запугать провинціи и заставить ихъ броситься въ свои объятія, по крайней мѣрѣ, на время выборовъ. Но если даже провинціи и представятъ полный контрастъ Парижу своими выборами, то и въ такомъ случаѣ парижская побѣда не останется безъ большого вліянія на дѣла, такъ какъ правительство сознаетъ очень хорошо, что «Парижу принадлежитъ главное и рѣшительное сраженіе», какъ выразился Жюль Симонъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, которое онъ заканчивалъ словами: «Если бы Парижъ сдѣлалъ шагъ назадъ, шагъ назадъ сдѣланъ бы былъ демократіею». Въ провинціяхъ оппозиція, нѣтъ никакого сомнѣнія, не одержитъ побѣды, но тѣмъ не менѣе можно надѣяться, что она и тутъ сдѣлаетъ нѣкоторый успѣхъ. Избирательная лихорадка не имѣла тутъ такой силы, какъ въ Парижѣ, но она была все-таки несравненно чувствительнѣе, чѣмъ въ предшествовавшіе выборы. Публичныя собранія вездѣ почти были дó-нельзя оживлены, вездѣ завязана была борьба между оффиціальнымъ и независимымъ кандидатами, между тѣмъ какъ прежде оффиціальный кандидатъ сплошь и рядомъ не встрѣчалъ себѣ вовсе конкуррента. Судя по тѣмъ лицамъ, которымъ предложены кандидатства, можно болѣе или менѣе надѣяться, что оппозиція получитъ и въ провинціяхъ довольно значительную поддержку. По полученнымъ до сихъ поръ извѣстіямъ, въ Ліонѣ и Троа прошли оппозиціонные кандидаты, чтó нѣкоторымъ образомъ служитъ уже ручательствомъ, что въ будущей палатѣ число оппозиціонныхъ депутатовъ значительно увеличится. Такое увеличеніе числа оппозиціонныхъ депутатовъ тѣмъ болѣе знаменательно, что администрація никогда еще не напрягала до такой степени своихъ силъ для доставленія побѣды оффиціальнымъ кандидатамъ. Но, если бы даже, чтó очевидно невозможно, оппозиція не усилилась количественно, то тѣмъ не менѣе законодательный корпусъ будетъ вовсе не тотъ, какимъ онъ былъ прежде. Духъ палаты, несмотря на то, что большинство по прежнему останется за правительствомъ, долженъ совершенно измѣниться, такъ какъ даже правительственные депутаты вернутся въ Парижъ въ иномъ настроеніи, чѣмъ уѣхали. Они должны были убѣдиться, что на страну пóвѣяло другимъ воздухомъ. Ихъ манифесты, обращенные къ избирателямъ, доказываютъ, что они поняли совершившуюся въ странѣ перемѣну, они дошли до сознанія, что народъ выросъ изъ стараго платья, что его нельзя больше водить на помочахъ, что личное правленіе сдѣлалось неудобнымъ. То, что они поняли это, свидѣтельствуетъ также и тотъ фактъ, что многіе изъ оффиціальныхъ кандидатовъ ввели въ свои циркуляры скромно выраженное обѣщаніе добиваться отвѣтственнаго министерства. Вопросъ весь заключается въ томъ, насколько само правительство въ настоящую, критическую для него минуту, съумѣетъ

понять измѣнившееся положеніе страны, выразившееся въ измѣнившейся представительной палатѣ. Отъ человѣка, прошедшаго черезъ огонь и воду, запасшагося такимъ богатымъ опытомъ, какъ Наполеонъ III, кажется, можно было бы ожидать, что онъ не сдѣлаетъ ошибки, свойственной всѣмъ лицамъ въ его положеніи, и не отвѣтитъ на возродившійся свободный духъ народа отчаянною реакціею. Такое поведеніе скорѣе всего способно было бы свергнуть его въ пропасть. Позволительнѣе, кажется, было бы предполагать, что онъ пойдетъ на уступки, рѣшится еще на нѣкоторыя либеральныя и всѣми требуемыя реформы, откажется отъ привилегій личнаго правленія.

На всѣхъ публичныхъ собраніяхъ, происходившихъ во время избирательнаго періода, ничто, можетъ быть, не принималось съ такимъ восторгомъ, какъ обѣщаніе кандидата всѣми средствами отстаивать миръ. Миръ, миръ! вотъ, можно сказать, единодушное желаніе, даже больше, требованіе Франціи, и ничто не было бы такъ безумно, какъ идти наперекоръ этому требованію. Разумность, правда, не входитъ въ число аттрибутовъ личнаго правленія, и потому не было бы ничего удивительнаго, если бы французское правительство именно рѣшилось на подобную мѣру. Предположеніе войны, собственно говоря, даже довольно вѣроятно, если подумать, что французское правительство ничего не сдѣлало для обезоруженія, и что къ его услугамъ по прежнему стоитъ громадная армія и готовый врагъ—Пруссія. Но кто знаетъ, не предупредитъ-ли тогда внутренняя война внѣшнюю? не поддержитъ ли французскій народъ на дѣлѣ тѣ требованія, которыя онъ выражалъ на народныхъ собраніяхъ?

Мы съ большимъ вниманіемъ слѣдили за выборами во Франціи, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что ея внутреннія дѣла имѣютъ огромное вліяніе на ходъ европейскихъ событій, несмотря на то, что въ это же самое время всѣ западныя государства, больше чѣмъ обыкновенно, заняты своими внутренними дѣлами, и отъ нихъ съ трудомъ могутъ отрывать свое вниманіе. Испанія все еще не можетъ справиться съ этимъ несчастнымъ вопросомъ: кто займетъ ея конституціонный тронъ? Только надняхъ окончательно рѣшенъ вопросъ о формѣ правленія, когда въ кортесахъ былъ принятъ 33-й параграфъ конституціи, установляющій монархическій наслѣдственный образъ правленія. Параграфу этому предшествовалъ другой, еще разъ утверждающій верховную власть народа, такъ какъ въ немъ говорится, что вся власть исходитъ изъ народа. Послѣдній былъ принятъ единогласно, а первый большинствомъ 214 противъ 71. Если главный вопросъ уже рѣшенъ, то остается только желать, чтобы поскорѣе кортесы пришли къ соглашенію относительно второстепеннаго, и назначили, наконецъ, то или другое лицо. Тогда только Испанія выйдетъ изъ временнаго положенія и прекратятся скучные толки о будущемъ. Хотя, собственно говоря, Испанія и

могла убѣдиться восьмимѣсячнымъ опытомъ, что она не дурно можетъ сама справляться съ своими дѣлами, во всякомъ случаѣ то лучше любой Монпансье, чѣмъ эта неопредѣленность, заставляющая дѣлать многихъ самыя мрачныя предположенія о будущей судьбѣ этого государства. Покамѣстъ же изъ Мадрида только и приходятъ, что противорѣчащія извѣстія; сегодня утверждается, что назначено будетъ регентство, завтра, — что регентства не будетъ; одинъ день, что регентомъ будетъ назначенъ Серрано, другой, что Серрано не хочетъ и регента не будетъ. Нужно отдать справедливость Испаніи, что только въ этомъ вопросѣ и происходитъ у нихъ безполезная проволочка и полная неурядица; во всемъ остальномъ кортесы поступали какъ нельзя болѣе рѣшительно и въ большинствѣ случаевъ сообразно съ духомъ новаго времени и свободы. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ вопросовъ, рѣшенныхъ надняхъ кортесами, представляется вопросъ о религіозной свободѣ. Цѣпи узкаго католицизма такъ долго тяготѣли надъ Испаніею, что можно было опасаться, что онѣ вросли въ ея тѣло, и никакими силами не могутъ быть сброшены. На Испанію всѣ смотрѣли всегда, какъ на страну самую отсталую во всѣхъ религіозныхъ вопросахъ, народъ представляли себѣ до такой степени погруженнымъ во всякаго рода суевѣрія и ханжество, и наконецъ ея духовенство считалось такимъ могущественнымъ и грознымъ, такъ близко стоявшимъ еще къ инквизиціи, что даже тѣ, которые, наперекоръ общему мнѣнію, вѣрили въ успѣхъ сентябрьской революціи, сильно опасались, чтобы въ этомъ вопросѣ Испанія не оказалась безсильною. Къ счастью, опасеніе и предположеніе, что религіозныя воззрѣнія окаменѣли, и что Испанія умерла въ этомъ отношеніи, оказались ложными, и одинъ изъ первыхъ криковъ торжествовавшей революціи былъ крикъ въ пользу религіозной свободы. Временное правительство предоставило кортесамъ рѣшеніе этого вопроса, которые, послѣ великолѣпной рѣчи одного изъ лучшихъ испанскихъ ораторовъ, Кастеляра, установили самую полную вѣротерпимость. Правда, они не пошли такъ далеко, какъ, можетъ быть, было бы желательно, они не рѣшились на тотъ шагъ, къ которому стремятся всѣ націи, и главнымъ образомъ католическія — на совершенное раздѣленіе церкви и государства, но и то, что́ уже сдѣлано — такъ много, составляетъ такой крупный прогрессъ относительно недавняго прошедшаго, что требовать больше было бы несправедливостью. Признавъ католическую религію господствующею, кортесы постановили, что не только иностранцы, но и всякій испанецъ можетъ исповѣдывать какую угодно религію, безъ всякаго стѣсненія его правъ. Еслибы, помимо этого, больше ничего не было сдѣлано сентябрьскою революціею, то и тогда Испанія должна была бы благословлять ея память; но рядомъ съ этимъ вопросомъ, какой поразительный успѣхъ сдѣланъ во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ политической

жизни Испаніи! Введеніе общей подачи голосовъ, свобода печати, свобода собраній, наконецъ конституція, дѣлающая невозможнымъ деспотизмъ Бурбоновъ — вотъ чтó добыто послѣднею революціей. Эти богатые результаты должны были бы, кажется, обезоруживать всѣхъ тѣхъ, которые, въ припадкѣ пессимизма или ненависти ко всякому движенію впередъ, съ увѣренностью дѣлаютъ далеко не остроумный вопросъ: «ну чтó же выиграла Испанія отъ своей революціи»? Отвѣтъ пока можетъ быть только одинъ: возможность лучшаго! Разумѣется, нельзя отвѣчать за будущее, никто не можетъ ручаться, что свобода, добытая послѣднею революціею, гарантирована на вѣчныя времена; но изъ-за того, что въ будущемъ она снова можетъ подвергнуться опасности, развѣ слѣдуетъ, что нужно было оставлять неприкосновеннымъ деспотизмъ Бурбоновъ.

Ничто такъ не шатко, какъ увѣренія, предположенія, касающіяся области будущаго; сплошь и рядомъ, и особенно въ политикѣ, случается такъ, что то, чтó всѣ считаютъ почти вѣрнымъ, чего всѣ ожидаютъ, никогда не сбывается, и то, о чемъ никто даже не думаетъ и не считаетъ возможнымъ, падаетъ какъ снѣгъ на голову. Намъ не нужно выходить изъ Европы, чтобы найти тому не одинъ примѣръ. Кто не считалъ Австрію погибшимъ безвозвратно государствомъ, кто не вычислялъ дней и часовъ, которые ей осталось доживать, и между тѣмъ случилось совсѣмъ на оборотъ. Дѣйствительно, въ 1866 г., старая Австрія погибла, но на мѣсто ея явилась новая, возрожденная въ политическомъ отношеніи и бодро слѣдующая по пути преобразованій. Обновить страну, установить въ ней порядокъ, основанный на совершенно другихъ началахъ—задача, безъ сомнѣнія, трудная, для разрѣшенія ея требовалось побороть не одно затрудненіе, отклонить не одно препятствіе. Многое въ этомъ отношеніи сдѣлано, многое еще, можетъ быть, остается сдѣлать; зданіе, правда, не доведено еще до конца, но фундаментъ, кажется, такъ проченъ, что можно быть увѣреннымъ, что оно выдержитъ всякій напоръ, всякую тяжесть. Увѣренность эта поддерживается всѣми дѣйствіями и предпринимаемыми мѣрами австрійскаго правительства, которое, въ лицѣ Франца Іосифа, дало еще разъ обѣщаніе неуклонно слѣдовать по либеральной дорогѣ и согласоваться съ духомъ новаго времени. Въ рѣчи, произнесенной имъ при закрытіи австрійскаго рейхсрата, онъ обозрѣваетъ пройденный періодъ и не безъ нѣкоторой гордости указываетъ на совершенныя реформы. Введеніе суда присяжныхъ по дѣламъ печати и замѣна имъ административнаго произвола, при которомъ пресса лишается всякаго серьезнаго значенія, составляетъ завидный и огромный шагъ впередъ на пути къ свободному развитію народа. Не менѣе благодѣтельны и другія реформы, заключающіяся въ самыхъ рѣшительныхъ побѣдахъ надъ католическою властью, которыя

выразились въ законахъ, допускающихъ свѣтскій бракъ и высвобождающихъ народное образованіе изъ когтей католическаго духовенства. Особенно тепло относится тронная рѣчь къ новому закону о школахъ, въ которыхъ Францъ Іосифъ видитъ «самый прочный залогъ силы и благоденствія государствъ и народовъ». Австрійское правительство тѣмъ болѣе заслуживаетъ сочувствія въ своемъ стремленіи упрочить порядокъ, основанный на свободѣ, что въ исполненіи своей программы оно встрѣчаетъ себѣ оппозицію тамъ, гдѣ оно не должно было бы ее встрѣчать. Безъ сомнѣнія, чешское населеніе право, когда оно желаетъ расширить свою автономію, но оно не право, когда съ презрѣніемъ и упрямствомъ отвергаетъ всѣ тѣ уступки, которыя дѣлаетъ австрійское правительство. Правительство желаетъ соглашенія, оно стремится къ нему, и лучшее, что̀ можетъ сдѣлать чешское населеніе — это помочь установить прочно свободу во всемъ государствѣ, а тогда всѣ возможныя и законныя его требованія были бы выполнены въ силу этой же свободы. Что австрійское правительство желаетъ искренно этого соглашенія, въ этомъ нельзя пока сомнѣваться, и послѣдняя тронная рѣчь еще болѣе поддерживаетъ въ этой увѣренности. «Я надѣюсь и желаю — сказало правительство Франца Іосифа — что когда вы снова будете собраны, въ общихъ работахъ примутъ участіе и тѣ, которые въ настоящее время держатся въ сторонѣ», т. е. другими словами, онъ надѣется, что чешскіе депутаты, которые не хотятъ присутствовать въ засѣданіяхъ рейхсрата, вслѣдствіе соглашенія, снова займутъ въ палатѣ свои мѣста. «Австрія—продолжалъ онъ—должна быть большимъ отечествомъ, которое назначено обнять, съ одинаковою справедливостью, съ одинаковою любовью и заботливостью объ ихъ интересахъ, всѣ свои различные народы, на какомъ бы языкѣ они ни говорили». Тронная рѣчь выражаетъ полную надежду и увѣренность, что согласіе наконецъ установится, потому что Австрія представляетъ собой государство, которое «обезпечиваетъ всѣмъ своимъ народамъ покровительство, свободу и сохраненіе ихъ независимости и національнаго характера». Если эта надежда будетъ осуществлена, то Австрія можетъ гордиться, что она достигла общаго соглашенія между различными народностями гораздо прежде, чѣмъ въ другихъ странахъ достигается соглашеніе между различными партіями одного и того же народа.

Сколько времени потратилось въ Италіи прежде, чѣмъ произошло наконецъ примиреніе непреклонной піемонтезской партіи съ правительственной, хотя между тою и другою никогда не было особенно рѣзкаго различія въ мнѣніяхъ. Соглашеніе это наконецъ состоялось и повлекло за собою перемѣну министерства, хотя главныя личности стараго остались и въ новомъ кабинетѣ. Менабреа

сохранилъ президентство и портфель министерства иностранныхъ дѣлъ, а Камбрэ-Диньи по прежнему остался при финансахъ. Новые члены, Феррарисъ, Мордини, Боргони и Мингети частью принадлежатъ къ разрушившейся піемонтезской партіи, частью къ къ tiers-parti. Подобная перемѣна министерства нисколько не измѣнитъ политики итальянскаго правительства; единственный результатъ будетъ тотъ, что министерство будетъ располагать въ палатѣ болѣе дружнымъ большинствомъ. Нужно только желать, чтобы министерство не употребило свою силу во вредъ Италіи, какъ этого опасается крайняя лѣвая сторона. Присутствіе піемонтезской партіи въ новомъ кабинетѣ какъ бы говоритъ, что римскій вопросъ снова долженъ будетъ выступить на первый планъ, такъ какъ ненависть этой партіи къ Флоренціи-столицѣ, составляетъ ея отличительную черту. Конечно, римскій же вопросъ и его разрѣшеніе служатъ причиной того возбужденнаго вниманія, съ которымъ Италія слѣдитъ за французскими выборами. Она давно уже слышитъ, что французскія войска будутъ выведены изъ Италіи, какъ только окончатся выборы,—моментъ этотъ наступилъ, и она съ жадностью смотритъ, каковъ будетъ ихъ результатъ. Если участіемъ Италіи къ французскимъ выборамъ руководитъ прямой, непосредственный интересъ, то не менѣе заинтересованы и всѣ другія государства, такъ какъ новые выборы, вліяя на французскую политику, будутъ вліять и на общую европейскую политику.

Англія, нѣтъ сомнѣнія, слѣдила бы съ гораздо бо́льшимъ любопытствомъ за избирательной борьбой своей старой соперницы, еслибы она не была выведена изъ своего обычнаго олимпійскаго спокойствія новымъ фазисомъ, въ который вступили ея отношенія къ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Послѣ горячихъ преній въ американскомъ сенатѣ, трактатъ, заключенный Реверди Джонсономъ съ Англіей по нескончаемому вопросу объ «Алабамѣ» былъ отвергнутъ почти единогласно, и при этомъ сенаторомъ Сёмнеромъ была произнесена рѣчь, которая оскорбительно отозвалась на англійскомъ берегу. «Исторія скажетъ—воскликнулъ ораторъ—что въ часъ не менѣе торжественный, чѣмъ часъ великой французской революціи, тогда, когда цивилизація и варварство боролись между собою, Англія оказывала помощь своимъ именемъ, своимъ вліяніемъ и своими громадными средствами неправому дѣлу! Исторія засвидѣтельствуетъ, что родина Вильберфорса, что та самая нація, которая первая провозгласила великія начала свободы и эманципаціи, сдѣлалась соучастницею тѣхъ, которые дрались для поддержанія рабства.» Сѣверо-Американскимъ Штатамъ мало простого вознагражденія, они требуютъ, чтобы Англія признала свою вину, чтобы она отвѣтила не только за тотъ вредъ, который нанесенъ былъ «Алабамой», но и за тотъ громадный ущербъ, который она нанесла Сѣвернымъ Штатамъ

своимъ поспѣшнымъ признаніемъ Южныхъ воюющею стороною и цѣлымъ своимъ поведеніемъ во время страшной гражданской войны. Нельзя предвидѣть даже всѣхъ бѣдствій, которыя повлекла бы за собою поддержка американскимъ правительствомъ грознаго обвинительнаго акта, произнесеннаго Сёмнеромъ противъ Англіи. Страшная война должна была бы разгорѣться между двумя родственными народами, такъ какъ Англія никогда не согласилась бы удовлетворить всѣ требованія, никогда бы не рѣшилась обречь себя на подобное униженіе. Будемъ же надѣяться, что мудрость двухъ самыхъ свободныхъ націй въ мірѣ не допуститъ ихъ до борьбы и избавитъ насъ отъ кроваваго зрѣлища.

МОСКОВСКІЕ „КОМПРАЧИКОСЫ."

Урокъ «Современной Лѣтописи», прилагаемой къ «Московскимъ Вѣдомостямъ».

Описывая, въ отвѣтъ «Русскому Вѣстнику», въ майской книгѣ маневръ противниковъ нашей школьной реформы, а именно г. Каткова, ex-профессора московскаго университета, и г. Леонтьева, архипрофессора того же университета, мы не могли отказать имъ въ ловкости клоуна, съ которою они перебѣгаютъ изъ «Русскаго Вѣстника» въ «Московскія Вѣдомости» и обратно; но въ маѣ они повели свое искусство дальше и къ двумъ лошадкамъ литературнаго цирка присоединили третью — «Современную Лѣтопись». 18-го мая, эти трехжурнальные редакторы выѣхали на третьей лошадкѣ, и помѣстили въ № 18 «Современной Лѣтописи» пасквиль подъ заглавіемъ: «Господинъ Стасюлевичъ и его діалектическіе и иные пріемы». Подъ статьей подписался г. М. (ужъ не Магницкій-ли воскресъ?), вѣроятно, только для того, чтобы всѣ знали, что, когда гг. Катковъ и Леонтьевъ желаютъ помѣстить что́-нибудь, доходящее до типа пошлаго и исполненное всякой грязи, то они обращаются въ такомъ случаѣ къ г-ну М.

Весь этотъ пасквиль перевитъ защитою классицизма, которая прерывается или какою-нибудь гнусною клеветою на лицо редактора «Вѣстника Европы», или намекомъ на его гражданскую неблагонадежность, или наконецъ, любимою, вѣроятно, пѣснью пасквилянта: «ѣдетъ чижикъ въ лодочкѣ; не выпить ли намъ водочки» (въ статьѣ г. М. эта пѣсенка помѣщена in extenso). Пусть г. М. клевещетъ, пусть онъ пьетъ водочку, а мы между тѣмъ займемся отвѣтомъ тѣмъ редакто-

рамъ, которые печатаютъ произведенія его пера, руководимое вышеприведенною пѣсенкой пасквилянта.

Гг. Катковъ и Леонтьевъ — истинные «компрачикосы» нашего времени. Да простятъ они намъ это сравненіе: въ «Русскомъ Вѣстникѣ» они назвали же редактора «Вѣстника Европа» Джойсомъ, героемъ романа Диккенса, печатаемаго въ «Современной Лѣтописи». Отчего же намъ не заимствовать названіе для нихъ въ новомъ романѣ Виктора Гюго: «L'homme, qui rit»—а сходство поразительное! Наши московскіе компрачикосы, т. е. дѣтопокупатели, подобно англійскимъ компрачикосамъ XVII ст., бродятъ между насъ съ книгою доктора Конквеста и читаютъ оттуда во всеуслышаніе методъ образованія юношества: Bucca fissa usque ad aures, genzivis denudatis, masca eris et ridebis semper; т. е.: распоровъ ротъ до ушей (въ настоящемъ случаѣ: латинскими и греческими склоненіями) и обнаживъ десна, получишь, вмѣсто человѣка, маску съ вѣчною улыбкою. Катковско-Леонтьевскій классицизмъ, какъ понимаютъ его авторы, не имѣетъ также другихъ цѣлей, какъ облеченіе всѣхъ физіономій въ классическую маску съ мыслью, которая сохраняетъ этотъ мыслящій видъ даже тогда, когда голова ни о чемъ не мыслитъ. Московскіе компрачикосы хотятъ намъ, конечно, доставить со временемъ хорошій экземпляръ «L'homme qui pense», въ pendant къ роману Виктора Гюго «L'homme qui rit»; но мы уже предупреждены и знаемъ, что бѣдный человѣкъ у Гюго вовсе не смѣется, а человѣкъ фабрики Каткова и К° вовсе не мыслитъ. Можетъ быть, г. Леонтьевъ будетъ извинять свое издѣліе тѣмъ, чѣмъ, увидимъ ниже, онъ извинилъ г. Иванова, классическаго учителя его лицея, при снабженіи его мѣстомъ профессора и соотвѣтствующимъ жалованьемъ въ московскомъ университетѣ, а именно тѣмъ, что этотъ *по скромности* не держалъ экзамена на ученую степень и ничего не писалъ. Но г. Леонтьевъ забылъ классическій стихъ римскаго сатирика:

Scire tuum nihil est, nisi te scire hoc sciat alter!

Т. е. твое знаніе — нуль, если другимъ неизвѣстны твои познанія.

Впрочемъ, наши компрачикосы весьма ошибутся, если предположатъ въ насъ охоту вести съ ними дальнѣйшую полемику о классицизмѣ и реализмѣ, надоѣвшую публикѣ «хуже горькой рѣдьки». Компрачикосы московскіе дополняютъ нынѣ дѣятельность «дѣтопокупателей» дѣятельностью пасквилянтовъ: имъ мало обезобразить будущія поколѣнія, имъ нужно повозможности истреблять все честное и въ современномъ, а для того они обратились къ пасквилю. Вышеупомянутый нами пасквиль имѣетъ мало себѣ подобныхъ въ литературѣ, по крайней наглости и дерзости его сочинителя. Можно думать, что мы возвратились къ эпохѣ Булгарина, который первый изобрѣлъ полемическое средство, а именно, нападать не на мысль, не на журналъ, а на частное

лицо редактора; по рецепту Булгарина, гг. Катковъ и Леонтьевъ поставили въ оглавленіи своего пасквиля имя редактора «Вѣстника Европы». Остановимся на этомъ безобразномъ произведеніи сочинителя, пишущаго и распѣвающаго: «Ѣдетъ чижикъ въ лодочкѣ» и т. д.

Сочинитель начинаетъ съ указаній, которыя по своему духу напоминаютъ доклады по начальству. Онъ доказываетъ, что «г. Стасюлевичъ, ех-профессоръ спб. университета, какъ извѣстно (?), ведетъ постоянную и самую ожесточенную агитацію (!) противъ той раціональной систеты образованія (разумѣй: классической), которое нынѣшнее управленіе народнаго просвѣщенія, къ величайшей его чести, силится замѣнить невообразимый хаосъ, до сего существовавшій въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, вслѣдствіе колебаній въ основаніяхъ ихъ организаціи [1]). Постоянная «ожесточенная *агитація*» противъ какого-нибудь вѣдомства запрещена закономъ о печати; никогда главное управленіе по дѣламъ печати не пропустило бы преслѣдовать насъ за нарушеніе закона о печати, дозволяющаго одну критику министерскихъ распоряженій, но мы не получали ни одного замѣчанія по министерству народнаго просвѣщенія. Какое право имѣетъ г. М. усматривать «агитацію», которой не видятъ тѣ, до которыхъ дѣло касается? Критика можетъ быть непріятна, но и это пасквилянтъ могъ узнать только въ томъ случаѣ, если онъ состоитъ, напр., чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ и беретъ свое жалованье за составленіе пасквилей подобныхъ настоящему. Но пасквилянтъ, по своей привычкѣ, самъ не замѣтилъ, что онъ написалъ тутъ же пасквиль и на министерство: министерство имѣетъ всю власть для проведенія той или другой системы, а онъ насъ извѣщаетъ, что нынѣшнее министерство «силится». Чтó это: насмѣшка, или привычка пасквилянта выражаться неприлично.

Затѣмъ сочинитель переходитъ къ разбору оружія, которымъ воюетъ «передовой» редакторъ Вѣстника Европы».

На этотъ разъ г. М., не довольствуясь указаніемъ на всю грязь, помѣщенную по поводу такого же вопроса въ «Москов. Вѣд.» и «Русскомъ Вѣстникѣ», черпаетъ широкою рукою изъ другого пасквиля, помѣщеннаго въ томъ журналѣ, который сдѣлался извѣстенъ въ Петербургѣ по крайнему безпристрастію этого органа: а именно, этотъ органъ печатаетъ въ акростихахъ и прозѣ пасквили какъ на самого себя, такъ и на другихъ. Пасквиль, помѣщенный въ этомъ журналѣ на насъ носилъ заглавіе: «Юбилей С. Петербургскаго университета и Вѣстникъ Европы». По мнѣнію г. М., этотъ пасквиль «изобличалъ до-нага ту степень добросовѣстности, съ какою г. Стасюлевичъ нашелъ возможнымъ отнестись

---

[1]) При этомъ онъ дерзко утверждаетъ, что «С.-Петербургскія Вѣдомости», какъ говорятъ, находятся въ личномъ владѣніи у г. Стасюлевича». Эта клевета опровергнута достаточно и въ своемъ мѣстѣ.

въ своемъ изданіи къ учрежденію, къ коему онъ нѣкогда принадлежалъ, а нынѣ *не принадлежитъ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ*». Послѣдняя клевета столь нагла и безстыдна, что достаточно назвать ее только по имени: г. М. забываетъ, что есть живые люди, которые могутъ ему сказать прямо въ лицо: вы лжете!

У своего союзника московскій сочинитель заимствуетъ «совѣтъ г. Стасюлевичу *оставить путь доносовъ общественному мнѣнію*, которые нисколько не лучше другихъ доносовъ». Мы не имѣемъ понятія объ этихъ *другихъ* доносахъ, и потому не можемъ быть компетентными судьями, что̀ лучше: доносы ли общественному мнѣнію, или тѣ другіе доносы. Предоставляемъ рѣшить этотъ вопросъ автору статейки, помѣщенной въ томъ «безпристрастномъ» журналѣ, совокупно съ г. М.; если имъ близко знакомы упоминаемые ими оба рода доносовъ, то они должны знать, который изъ нихъ лучше. Если же нашъ пасквилянтъ, какъ онъ говоритъ дальше, не понимаетъ, «какъ можетъ вязаться понятіе, заключающееся въ выраженіи *доносъ*, съ понятіемъ о печатномъ словѣ», и упрекаетъ даже своего клеврета въ томъ, что онъ «обмолвился», назвавъ дѣятельность редакціи «Вѣстника Европы»—доносомъ общественному мнѣнію; то для просвѣщенія г. М. мы можемъ ему рекомендовать подписаться на «Русскій Вѣстникъ» и «Московскія Вѣдомости» или, наконецъ, внимательнѣе прочесть свою статью въ № 18 «Современной Лѣтописи», и тогда онъ все пойметъ.

«Вѣстникъ Европы» не старался унижать с.-петербургскій университетъ, сознавая ясно, что унизить учрежденіе могутъ одни его собственные же органы. Если «Вѣстникъ Европы» дѣлаетъ доносы *общественному мнѣнію*, какъ свидѣтельствуютъ о томъ сами его противники, то лучшей похвалы ему и нельзя было сказать: никакое кумовство, ни другія соображенія, не вынуждаютъ его скрывать то, что̀ направлено къ униженію учрежденія. Мы понимаемъ удобство нѣкоторыхъ, чтобы «все было шито и крыто»; но наша обязанность расшить и раскрыть, и гробъ называть гробомъ, хотя бы онъ былъ и «позолоченъ».

«Я — говоритъ г. М. — одна изъ тѣхъ мелкихъ единицъ, изъ которыхъ составляется болѣе или менѣе тяжеловѣсная сумма общественнаго мнѣнія». Можно ли нанести общественному мнѣнію большее оскорбленіе, какое дѣлаетъ г. М., предполагая, что оно есть сумма пасквилянтовъ, выполняющихъ различныя порученія. Не для борьбы съ пасквилями предназначается журнальная дѣятельность, и если мы теперь теряемъ время сами и покушаемся на досугъ нашихъ читателей, то только потому, что «добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ», и узду на такихъ бѣгунчиковъ, какъ г. М., наложить необходимо, каковы бы порученія ему ни дѣлались, и на чью пріятную ему улыбку онъ ни разсчитывалъ бы, вооружаясь пасквилемъ.

Назвавъ дѣятельность бывшаго профессора Стасюлевича «ораторскимъ канканомъ», хотя всего вѣроятнѣе, что канканъ, и не ораторскій, а самый непосредственный, былъ однимъ изъ подвиговъ самого г. М., онъ переходитъ къ дѣятельности того же профессора, какъ члена ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія до 1866 года. При этомъ онъ подогрѣваетъ давно опровергнутую клевету относительно того, что г. Стасюлевичъ пропустилъ учебникъ г. Овсянникова, написанный будто бы à la Boccacio, и учебникъ Даніеля, гдѣ будто бы Польша вводится въ границы 1772 года. Никакой Боккачіо не сравнится съ самимъ г. М. въ безстыдствѣ, если послѣдній рѣшается вновь опираться на клевету, давно опровергнутую. Но г-ну М. нужно было этими ссылками сказать вовсе не то, что́ онъ говоритъ; онъ очень хорошо знаетъ, что въ учебникѣ Даніеля нѣтъ и тѣни того, что́ онъ утверждаетъ, но ему нужно сказать, что именно г. Стасюлевичъ (обратите, молъ, вниманіе на конецъ фамиліи) вводитъ Польшу въ предѣлы 1772 года.

Наконецъ, г-ну М. необходимо объяснить, почему г. Стасюлевичъ возстаетъ противъ классицизма. Тутъ нашъ герой превзошелъ самого себя, и превратился въ гимназиста. По его соображенію, «г. Стасюлевичъ припоминаетъ себѣ также свои неудачи на полѣ классицизма». Какія же неудачи? Онъ, видите, въ своей диссертаціи утверждаетъ, что олимпіада имѣетъ 5 лѣтъ, а не 4 года, и противное ему указали Пропилеи г. Леонтьева. Неужели нужно кончить курсъ въ университетѣ, чтобы основательно знать, сколько годовъ заключаетъ въ себѣ олимпіада? Да наконецъ, во всемъ этомъ было бы удивительно не то, что г. Стасюлевичъ не имѣлъ понятія, кончивъ курсъ въ университетѣ, объ олимпіадѣ, а то, что историко-филологическій факультетъ, разсматривающій диссертаціи въ рукописи, могъ пропустить какую-нибудь дичь, да еще послѣ диспута удостоить автора ученой степени. Гораздо бы лучше сдѣлалъ г. М., еслибы онъ намъ повѣствовалъ, какъ одинъ новопоставленный профессоръ исторіи въ московскомъ университетѣ написалъ краснорѣчивое изслѣдованіе о днѣ мараѳонскаго сраженія, и вычислилъ этотъ день по старому и *по новому стилю.*

Но г-ну М. показалось самому, что злоба г. Стасюлевича на классицизмъ, даже еслибы онъ и въ самомъ дѣлѣ ошибся, вмѣстѣ съ историко-филологическимъ факультетомъ, относительно олимпіады, не могла же основываться на одномъ этомъ. А потому вотъ и другая причина! Г. Стасюлевичъ не можетъ простить московскимъ компрачикосамъ того безкорыстія и безвозвратныхъ (!) пожертвованій деньгами и тяжкаго труда (печатать пасквили?), съ которымъ они основали лицей. «Позорно-грошевыми цѣлями, восклицаетъ г. М., онъ хочетъ истолковать болѣе, чѣмъ понятное желаніе гг. Каткова и Леонтьева достолю-

безнымъ и незабвеннымъ въ Россіи именемъ Царственнаго Юноши, котораго кратковременная жизнь вся принадлежитъ порѣ приготовленія къ высокому служенію Россіи, — осѣнить заведеніе» и т. д.

Г. Стасюлевичъ имѣетъ болѣе причинъ, чѣмъ гг. Катковъ и Леонтьевъ и какой-нибудь г. М., дорожить именемъ Царственнаго Юноши и не поминать его всуе, и именно быть можетъ потому самому выразилъ только свои опасенія за будущность лицея, выражавшаго желаніе осѣнить себя его именемъ, не доказавъ ничѣмъ своихъ педагогическихъ заслугъ, ни даже финансовыхъ средствъ. Какъ бы мы ни были противъ лицея, но если этотъ лицей удостоенъ величайшей чести, то мы, естественно, будемъ современемъ обязаны, несмотря ни на какія пожертвованія со стороны казны, поддерживать этотъ лицей, если онъ придетъ въ упадокъ. Александровскій лицей можетъ намъ дать приблизительное понятіе о бюджетѣ лицея г. Каткова; не потому ли г. М. счелъ позволительнымъ, съ цѣлью исказить нашу мысль, сдѣлать фальшивую цитату изъ нашей майской статьи? Вотъ наши слова: «Основатели этого пансіона, прежде нежели доказали свою состоятельность и заслуги будущаго заведенія, должны были искать самой высокой чести, *которой удостоился Царскосельскій лицей, послѣ многихъ лѣтъ своего существованія, а именно* названіе лицея Цесаревича Николая Александровича.» Г. М. цитуетъ наши слова такъ: «основатели его, прежде нежели доказали свою состоятельность и заслуги будущаго заведенія, должны были искать высокой чести носить названіе» и т. д. Все, показанное у насъ курсивомъ, выпустилъ г. М., и понимаете ли, для чего? Ему нужно было дать почувствовать, что будто бы г. Стасюлевичъ *не понимаетъ* желанія г. Каткова назвать лицей именемъ Цесаревича; дѣйствительно, за пропускомъ того мѣста, оно такъ и выходитъ. Оказывается, что этотъ Стасюлевичъ мелкій либералъ и человѣкъ вреднаго образа мыслей. Вотъ оно что! Но въ сущности оказывается, что г. М. занимается фальшью. Желаніе г. Каткова всякому понятно, но дѣло идетъ не о желаніи г. Каткова, а о сравненіи царскосельскаго лицея съ его лицеемъ. А еще г. М. прикидывается въ началѣ своего пасквиля непонимающимъ, какъ можетъ вязаться понятіе, заключающееся въ выраженіи «доносъ», съ понятіемъ о печатномъ словѣ. Понимаетъ ли это г. М. теперь?!

Въ заключеніе своего пасквиля, г. М. цитуетъ изъ той же майской книги нашего журнала статью г. В.: «Спеціальное образованіе въ Россіи», гдѣ говорится между прочимъ: «У насъ совершенно не въ обычаѣ то, что́ у французовъ называютъ de fortes études...»

«Осмѣлюсь — восклицаетъ г. М. по этому случаю, предложить ученому редактору «Вѣстника Европы» небольшой рядъ вопросовъ: что́ именно понимаютъ французы подъ выраженіемъ: des études fortes?» Отвѣчаемъ: Г-нъ М.! французы подъ этимъ выраженіемъ не разу-

мѣютъ ни малѣйше ежедневнаго упражненія, съ раздираніемъ рта до ушей, въ склоненіяхъ и спряженіяхъ латинскихъ и греческихъ. Въ Политехнической школѣ въ Парижѣ, какъ и въ Сорбоннѣ, воспитанники этой школы, не будучи классиками, имѣютъ одинаковое притязаніе на des études fortes. А г. М. полагаетъ, что подъ «крѣпкимъ ученіемъ» разумѣется зубреніе латинской и греческой грамматики. Онъ очень ошибается, и мы нѣсколько разъ приводили слова французскаго министра народнаго просвѣщенія Дюрюи: въ наше время, говорилъ онъ недавно, горе тѣмъ народамъ, которые останутся позади другихъ въ положительныхъ знаніяхъ! Кто же изъ насъ, мы или г. Катковъ и К° заботится, «чтобы серьезный уровень образованія никогда не поднимался въ любезномъ отечествѣ» — этимъ вопросомъ, обращеннымъ къ намъ заключаетъ г. М. свой пресловутый пасквиль? Судя по словамъ г. Дюрюи, это не мы!

Sapienti sat! и можно было бы ограничиться сказаннымъ нами, если бы сегодня мы не встрѣтили въ здѣшнихъ газетахъ любопытную корреспонденцію изъ Москвы, которая обнаруживаетъ все благодѣтельное вліяніе московскихъ компрачикосовъ даже на самый университетъ.

Изъ Москвы пишутъ въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» отъ 18 мая:

«Московскій университетъ все болѣе и болѣе запутывается въ паутинѣ, которою обвиваетъ его какая-то *закулисная интрига*. На дняхъ всѣ истинные друзья университета были поражены извѣстіемъ что С. М. Соловьевъ, деканъ историко-филологическаго факультета, нашелся вынужденнымъ отказаться отъ деканства до окончанія срока. Онъ занималъ эту должность въ теченіе 14-ти лѣтъ съ самой смерти Грановскаго, и въ это продолжительное время, своею гуманностью и безпристрастіемъ въ отправленіи своей должности, снискалъ даже уваженіе тѣхъ людей, которые не были къ нему расположены. Имя С. М. Соловьева безспорно самое громкое и почетное въ московскомъ университетѣ, и если онъ считаетъ невозможнымъ для себя стоять во главѣ факультета, которому онъ служилъ лучшимъ украшеніемъ, то это очень дурной признакъ для состоянія московскаго университета.

«Въ послѣднее время совѣтомъ университета постоянно нарушаются не только права отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлаго факультета, какъ скоро это нужно *для чьихъ либо интересовъ*. Въ вашей газетѣ было въ свое время заявлено, что совѣтъ забаллотировалъ профессора всеобщей исторіи г. Герье, предложеннаго факультетомъ въ экстраординарные профессоры. Читатели вашей газеты помнятъ также случившуюся недавно исторію съ г. Куторгой. Этотъ профессоръ петербургскаго университета пожелалъ перейти въ Москву, чтобъ занять каѳедру всеобщей исторіи, для приготовленія къ которой г. Герье былъ отправленъ университетомъ за границу, и которую онъ

по возвращеніи оттуда занималъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ. Историко-филологическій факультетъ, желая сохранить своего прежняго преподавателя, забаллотировалъ г. Куторгу. Въ совѣтѣ профессоръ Куторга также былъ забаллотированъ, ибо не получилъ необходимыхъ двухъ третей голосовъ; но, не смотря на это, совѣтъ, по предложенію г. Леонтьева, ходатайствовалъ объ утвержденіи его на основаніи *будущаго* закона о баллотированіи профессоровъ простымъ большинствомъ. Еще до полученія отвѣта отъ министерства, совѣтъ устроилъ вторичные выборы для г. Куторги, и носятся слухи, что профессоръ Куторга на дняхъ будетъ баллотироваться въ третій разъ. Послѣднее дѣло, послужившее поводомъ къ отставкѣ С. М. Соловьева, еще страннѣе. На дняхъ профессоръ Леонтьевъ, одинъ изъ издателей «Московскихъ Вѣдомостей» и содержателей классическаго лицея, предложилъ въ совѣтѣ кандидата Иванова, состоящаго доцентомъ латинскаго языка въ университетѣ и преподавателемъ въ *лицеѣ*, въ исправляющіе должность экстраординарнаго профессора. Это предложеніе было вдвойнѣ беззаконно. Во-первыхъ, новый уставъ не допускаетъ повышеній профессоровъ безъ надлежащей степени. Г. Ивановъ не написалъ ни одной диссертаціи, а экстраординарный профессоръ долженъ быть по уставу докторомъ; исправляющимъ же должность новый уставъ не признаетъ. Во-вторыхъ, предложеніе г. Леонтьева было сдѣлано безъ вѣдома и согласія факультета. Несмотря на это, совѣтъ принялъ предложеніе и поставилъ на очередь баллотировку г. Иванова.

«Чрезвычайно забавно объясненіе, которымъ г. Леонтьевъ оправдывалъ свое противузаконное предложеніе. Онъ заявилъ, что г. Ивановъ не написалъ до-сихъ поръ ни одной диссертаціи *по крайней добросовѣстности*. Мы представляемъ себѣ, съ какимъ сочувствіемъ были встрѣчены эти слова тѣми членами совѣта, которые, подобно г. Иванову, обременены крайней добросовѣстностью и потому лишили русскую публику столькихъ интересныхъ сочиненій. Но не совсѣмъ ловко, по нашему мнѣнію, будетъ при баллотировкѣ г. Иванова положеніе тѣхъ профессоровъ, которые получили свои должности естественнымъ путемъ; ибо имъ придется награждать своего товарища за добродѣтель, которой они лишены, и они должны будутъ устыдиться того, что огорчали русскую публику своими диссертаціями и сочиненіями. Намъ становится теперь совершенно понятнымъ, почему такъ безплодна латинская каѳедра въ Москвѣ, несмотря на близкое сосѣдство съ очагомъ классицизма. Русская публика, узнавъ истинные мотивы, почему какъ самъ г. Леонтьевъ, такъ и его помощникъ, воздерживаются отъ всякихъ литературныхъ трудовъ по своему предмету, уже не будетъ болѣе удивляться этой безплодности.

«Намъ понятно также, почему *содержатель лицея* счелъ себя въ

правѣ вознаградить одного изъ своихъ преподавателей повышеніемъ въ университетѣ. Вѣдь самъ г. Леонтьевъ получилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ докторство и ординарную профессуру вовсе не за какое-либо сочиненіе по латинскому языку, а въ награду за его патріотическую дѣятельность. Многіе изъ москвичей полагали тогда, что университетъ, ради такого необыкновеннаго случая, создастъ и новую ученую степень: «докторство передовыхъ статей» или «двойной бухгалтеріи», но потомъ оказалось, что сотрудничествомъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» можно добывать себѣ степень доктора римской словесности также удобно, какъ и писаніемъ латинскихъ сочиненій...

«Вопросъ, впрочемъ, слишкомъ серьезенъ, чтобъ имъ шутить. Въ московскомъ университетѣ полторы тысячи студентовъ и образованіе и развитіе ихъ въ значительной степени зависятъ отъ духа, господствующаго между профессорами. Московскій университетъ находится, сравнительно съ другими, въ худшемъ положеніи; въ немъ есть наростъ, который портитъ здоровые соки и даетъ имъ ложное направленіе. *Одинъ изъ его членовъ пользуется чрезмѣрною силой*, потому что въ его рукахъ находится самое опасное орудіе нашего времени— газета; помимо этого случайнаго явленія, есть причины зла, которыя коренятся въ отсутствіи гласности.

«Перебирая миролюбивые протоколы, печатающіеся въ университетскихъ извѣстіяхъ, никакъ нельзя вообразить, что въ совѣтѣ происходятъ драмы. Можетъ быть, при существованіи бо́льшей гласности, поискуснѣе бы пряталась рука, высовывающаяся иногда неосторожно изъ-за университетскихъ кулисъ. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ, лица, прославившіяся нѣкогда своимъ пристрастіемъ къ англійской конституціи и англійскому самоуправленію, правда, нѣсколько искупившія потомъ свою вину, постыдились бы быть виновниками беззаконныхъ предложеній и нарушеній чужаго права».

Прочитавъ такую исповѣдь человѣка, очевидно, близкаго къ мѣсту описываемыхъ имъ событій, невольно воскликнешь: Quousque tandem, compracicosi mosquenses!?

А.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

МАЙ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Голосъ изъ земства. Выпускъ I. *А. Кошелева.* Изданіе въ пользу школъ Сапожковскаго уѣзда. Москва. 1869.

Книга г. Кошелева встрѣчена весьма неблагопріятно въ печати; одни напали на автора даже съ нѣкоторою яростью, другіе сперва отнеслись къ г. Кошелеву съ порицаніемъ, потомъ похвалили его; а органъ, извѣстный своими совершенно исключительными отношеніями къ реформамъ настоящаго царствованія, привѣтствовалъ его съ распростертыми объятіями, поспѣшивъ включить автора въ сонмъ тѣхъ охранителей, вѣрнымъ выразителемъ которыхъ могутъ служить «генералы», изображенные Тургеневымъ въ романѣ «Дымъ». По всей вѣроятности, такое включеніе г. Кошелеву не можетъ нравиться, ибо, сколько извѣстно намъ, его общественная и литературная дѣятельность до сего времени носила на себѣ признаки партія такъ-называемыхъ славянофиловъ. И, однакожъ, какъ тѣ органы, которые отнеслись къ г. Кошелеву враждебно, такъ и тотъ, который его привѣтствовалъ, были правы: г. Кошелевъ принадлежитъ, по своимъ убѣжденіямъ, немножко ко всѣмъ партіямъ, онъ эклектикъ въ самомъ благонамѣренномъ значеніи этого слова, и, раскрывая книгу то въ одномъ, то въ другомъ, то въ третьемъ мѣстѣ, находишь г. Кошелева въ различной окраскѣ, причемъ фонъ остается постоянно благонамѣреннымъ. Мы думаемъ, что не безъинтересно будетъ набросить характеристику того типа, представителемъ котораго является г. Кошелевъ.

Книга его состоитъ изъ нѣсколькихъ статей о земствѣ, о дворянствѣ, о крестьянствѣ, о пьянствѣ, о школахъ, о городахъ и горожанахъ. Этотъ перечень показываетъ, что г. Кошелевъ коснулся всѣхъ важнѣйшихъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ. Статьи написаны въ разное время, подъ разными впечатлѣніями, но для настоящаго изданія онѣ «пересмотрѣны, исправлены и расположены въ нѣкоторомъ порядкѣ.» Первая статья трактуетъ о земскихъ собраніяхъ, указываетъ на ихъ важность и обстоятельно критикуетъ законъ 21 ноября 1866 г., которымъ купечество поставлено, относительно земскихъ сборовъ, въ исключительное, привилегированное положеніе, и законъ 13 іюля 1867 г., которымъ опредѣленъ порядокъ производства дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ, а предсѣдателямъ ихъ даны такія права, что «собранія во всемъ должны имъ безпрекословно повиноваться.» Новаго противъ того, что говорено было въ нашей печати объ этихъ законахъ, г. Кошелевъ не сказалъ ничего, если не считать два, три случая въ массѣ заявленныхъ прежде него о крайнемъ произволѣ предсѣдателей земскихъ

собраній. Но заключеніе статьи любопытно для характеристики автора, который видитъ въ нападкахъ на земство, исходящихъ отъ извѣстной партіи, желаніе поставить дворянство особнякомъ, «въ званіи господствующаго сословія, и чтобы порядокъ и все устройство, при поддержкѣ со стороны правительства, исходили отъ этого высшаго въ государствѣ сословія.» Г. Кошелевъ является противникомъ этихъ затѣй, противникомъ «ограниченія выборнаго начала и включенія въ земскія собранія гласныхъ не по выбору, а по цензу;» онъ съ ироніей отзывается о «какихъ-то особенныхъ охранительныхъ началахъ», таящихся въ крупной собственности, находя, что «истинно охранительныя начала коренятся у насъ въ земствѣ, т. е. въ совокупности землевладѣльцевъ, крестьянъ и горожанъ»; онъ говоритъ, что революціи у насъ невозможны, что намъ нечего бояться революціонеровъ, что «опасны для насъ только люди, смущающіе другихъ пугаломъ революцій, видящіе вездѣ и во всемъ заговоры, вредныя направленія, тайныя злоухищренія, соціализмъ, коммунизмъ, нигилизмъ и проч. и проч.» Далѣе, въ слѣдующей статьѣ, г. Кошелевъ прекрасно характеризуетъ настоящее положеніе дворянства, и вслѣдствіе того совѣтуетъ уничтожить это «названіе» или «собраніе» (въ законахъ оно нигдѣ не именуется «сословіемъ») и отрицаетъ всякую возможность образованія у насъ аристократіи. «Мы не аристократы»—говоритъ онъ—а корчимъ аристократовъ; мы не имѣемъ ни силы, ни знанія, которые даетъ аристократія, а между тѣмъ несемъ всѣ невыгоды, всѣ тяжести, съ нею сопряженныя. Это извращаетъ наши понятія, даетъ ложное направленіе нашимъ дѣйствіямъ; это производитъ то странное явленіе, что каждый изъ насъ поодиночкѣ лучше, чѣмъ мы всѣ вмѣстѣ. Замѣчательно, что міръ (крестьянскій) умнѣе и добрѣе крестьянина, взятаго отдѣльно, а у насъ наоборотъ... Сверхъ того, аристократія, въ самыхъ аристократическихъ государствахъ, теперь съ каждымъ днемъ утрачиваетъ все болѣе и болѣе своей силы; и тамъ, лишь жертвами, уступками, она искупаетъ право на дальнѣйшее существованіе.» Кто не подписался бы изъ нашихъ либераловъ подъ этими строками, кто не призналъ бы новѣйшей системы за всѣмъ тѣмъ, что говоритъ г. Кошелевъ о значеніи земства, о той роли, которую оно призвано играть въ судьбахъ родины на основаніи первоначальнаго положенія, и о томъ безсиліи его, которое достигнуто позднѣйшими уложеніями? Повторяемъ, новаго г. Кошелевъ не говоритъ ничего, но онъ усвоилъ себѣ на все это взглядъ передовыхъ людей и изложилъ свои соображенія языкомъ столь яснымъ и вразумительнымъ, что даже для чтенія грамотнаго крестьянина книга его не представитъ никакихъ затрудненій.

Пойдемъ далѣе, будемъ продолжать отыскивать тѣ же черты передового человѣка въ другихъ статьяхъ книги. Говоритъ онъ о приходскихъ попечительствахъ, о сельскихъ школахъ, о народномъ образованіи; здравыя мысли разсыпаны и тутъ въ довольно значительномъ количествѣ, и выражены тѣмъ же популярнымъ языкомъ. Г. Кошелевъ сознаетъ крайнюю необходимость учить народъ: «развитіе просвѣщенія въ народѣ,—говоритъ онъ,—есть задача не отдаленнаго будущаго, а того, которое граничитъ съ настоящею минутою. Это было обязанностію нашею и правительственною до 1861 года; оно сдѣлалось потомъ задачею одного правительства, до введенія земскихъ учрежденій; а съ этого времени, оно опять стало нашею задачею, и задачею самою неотложною.» Онъ сознаетъ, что учители изъ духовенства въ большинствѣ случаевъ — не только плохіе, но даже вредные учители, что «необходимо дать на волю крестьянъ избирать учителей, по своему желанію, т. е. изъ духовенства или постороннихъ лицъ»; что «необходимо устроить, по крайней мѣрѣ въ губернскихъ городахъ, школы для образованія сельскихъ учителей»; что было бы желательно со стороны министерства народнаго просвѣщенія побольше вниманія къ постановленіямъ и заявленіямъ земства. Выражая эти здравыя мысли, много разъ высказанныя и другими, г. Кошелевъ рѣзкими и правдивыми словами характеризуетъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, полученный въ началѣ прошлаго года губернаторами, циркуляръ, кажется, пропущенный нашею журналистикой, а между тѣмъ чрезвычайно важный. Циркуляръ этотъ разосланъ вслѣдствіе отношенія предсѣдателя высочайше утвержденнаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, съ просьбою сдѣлать распоряженія: а) «объ устраненіи неправильнаго вмѣшательства свѣтскихъ властей въ управленіе церковно-при-

ходскими школами, равно и въ занятія духовныхъ лицъ по преподаванію въ свѣтскихъ училищахъ; и б) объ оказаніи, со стороны другихъ вѣдомствъ, содѣйствія духовенству въ законныхъ его требованіяхъ по дѣламъ о народныхъ школахъ.» Неопредѣленность и словно намѣренная неясность этого циркуляра, дающія возможность толковать его въ смыслѣ устраненія мірянъ отъ подачи своего голоса по дѣламъ народнаго обученія; пререканія, выраженныя въ немъ и прямо противорѣчащія духу и буквѣ высочайше утвержденнаго положенія о сельскихъ школахъ, даютъ г. Кошелеву полное право сказать: «Неужели мы, какимъ либо чудомъ, перенесены въ католическую Австрію временъ пресловутаго конкордата?... Такое устраненіе мірянъ отъ завѣдыванія сельскими школами, такое притязаніе духовенства на безконтрольное въ нихъ преподаваніе, такое противорѣчіе духу и правиламъ нашей православной церкви — не могло быть обдуманнымъ дѣйствіемъ нашего духовенства. Скорѣе можно допустить, что какой либо католикъ во зло употребилъ минутное невниманіе нашихъ іерарховъ.» Все это прекрасно, все это продиктовано весьма честнымъ чувствомъ человѣка, который стремится къ тому, чтобъ освободить народъ отъ опеки слишкомъ притязательной и не всегда благоразумной администраціи. Но все это одна сторона дѣла, одна сторона типа эклектика.

Посмотримъ на г. Кошелева въ другой окраскѣ, которая ярко выступаетъ въ двухъ статьяхъ: «О нынѣшнемъ положеніи крестьянъ и о мѣрахъ къ улучшенію ихъ быта» и «О мѣрахъ къ сокращенію пьянства въ народѣ.» Тутъ г. Кошелевъ является регламентаторомъ и простираетъ отеческую руку опекуна надъ народомъ, который будто бы получилъ столько правъ, что они ему не подъ силу. Крестьянство развратилось, крестьянство спилось, крестьянство обѣднѣло, дѣлежи участились, нравственность ухудшилась, уваженіе къ старикамъ пропало, и проч. и проч. Такова картина! А доказательства, а статистическія данныя, а та величина, съ которою можно сравнивать теперешнее состояніе крестьянства, т. е. состояніе его до 19 февраля 1861 года? Зачѣмъ доказательства? Попробуемъ вѣрить на слово нашему эклектику, попробуемъ принять его слова за неопровержимые факты, и принять съ благодарностью, какъ подобаетъ одному изъ смиренныхъ органовъ нашей журналистики, «страждущей вообще малокровіемъ и худосочіемъ»— такъ выражается г. Кошелевъ, чувствующій, по его собственнымъ словамъ, «потребность въ правдѣ, горячемъ стремленіи къ ней, тоски по ней». Тоскующему по правдѣ самое чувство жалости, присущее даже журналистамъ, обязываетъ вѣрить на слово. Мы только позволимъ себѣ мрачной картинѣ, начертанной перомъ человѣка, тоскующаго по правдѣ, противопоставить другую картину, начертанную тѣмъ же тоскующимъ перомъ. Вотъ что̀ пишетъ это перо «Въ прошломъ году, землевладѣльцы допускали крестьянамъ, по случаю неурожая, разныя снисхожденія и льготы, и крестьяне, стѣсненные нуждою, и работали хорошо, и исполняли порядочно заключенныя ими условія».... Выходитъ, что крестьяне тогда только хорошо работаютъ, когда стѣснены нуждою; въ прошломъ году былъ неурожай, обстоятельство независящее отъ крестьянъ,—они работали хорошо; въ другіе годы они работали дурно; почему? Потому, что не были стѣснены нуждою. А если не было нужды у крестьянъ, значитъ не было обѣдненія?! Такъ или нѣтъ? Мы, по крайней мѣрѣ, видимъ здѣсь непонятное противорѣчіе, которое можетъ быть объяснено развѣ только тѣмъ, что подъ «разными снисхожденіями и льготами» должно разумѣть человѣческія условія, которыя были заключены на этотъ разъ между крестьянами и помѣщиками: послѣдніе, повидимому, отступили, на время неурожая, отъ того правила, о которомъ говоритъ немного выше самъ же эклектикъ: «хозяева налагаютъ на крестьянъ условія тѣмъ болѣе тяжелыя, чѣмъ менѣе они увѣрены въ ихъ исполненіи.» Наложили помѣщики менѣе тяжелыя условія, и крестьяне работаютъ хорошо. Не диво ли это? «Сельскій бытъ вообще находится въ бѣдственномъ положеніи!» восклицаетъ г. Кошелевъ. «Наше (т. е. помѣщиковъ) теперешнее положеніе въ деревнѣ, со дня на день, становится сноснѣе; благорасположеніе крестьянъ къ землевладѣльцамъ устанавливается»! говоритъ г. Кошелевъ. «Неисполнительность договоровъ доходитъ до того, что почти нѣтъ возможности ни нанимать людей на службу или въ работу, ни отдавать имъ землю въ наемъ!» восклицаетъ г. Кошелевъ. «Вольный трудъ сдѣлался не только неизбѣжнымъ орудіемъ въ хозяйствѣ, но вмѣстѣ

съ тѣмъ и *орудіемъ выгоднымъ"*, говоритъ г. Кошелевъ. «Почти всѣ крестьяне живутъ теперь одиночками, *лишенными возможности идти въ рабочіе или на другіе промыслы"!* восклицаетъ г. Кошелевъ. *„Заработки видимо развиваются* и предпріимчивость крестьянъ ростетъ замѣтно», говоритъ г. Кошелевъ. «Нравственность крестьянъ значительно ухудшилась; пьянство сдѣлалось болѣзнью почти общею; воровство усилилось въ размѣрахъ разительныхъ!» восклицаетъ г. Кошелевъ. „Въ послѣдніе восемь лѣтъ крестьяне значительно поднялись въ сознаніи своихъ человѣческихъ правъ; они довольно исправно взносятъ подати; сельское населеніе—самая крѣпкая, *всего менње испорченная* часть нашего народа", говоритъ г. Кошелевъ. Что это — насмѣшка ли надъ здравымъ смысломъ, наивное ли непониманіе отвѣтственности за произносимыя сужденія, другъ другу взаимно противорѣчащія, или простое послѣдствіе того страннаго эклектизма, котораго г. Кошелевъ придерживается? Для чести г. Кошелева, для чести человѣка, тоскующаго по истинѣ, мы объясняемъ эти противорѣчія страннымъ эклектизмомъ.

Называемъ эклектизмъ г. Кошелева страннымъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Кошелевъ объясняетъ, что онъ „не столько сочинитель этой книги, сколько передатчикъ того, что̀ внушили ему: жизнь общественная, дѣла общественныя, общественное мнѣніе", къ которому онъ „прилежно прислушивался, стараясь отличить въ немъ случайное отъ существеннаго, и полагая долгомъ, по возможности, подчинять сему послѣднему свои личныя воззрѣнія». Ясно, что г. Кошелевъ эклектикъ не совсѣмъ свободный: прислушиваясь, выбирая, стараясь отличить существенное отъ случайнаго, онъ, мало того, что не всегда отличаетъ надлежащимъ образомъ существенное отъ случайнаго, но еще дѣлаетъ надъ собою маленькое усиліе для того, чтобъ пріобрѣтенное опытомъ, чтеніемъ и размышленіемъ подогнать подъ извѣстную указку «искренно и глубоко уважаемаго» имъ общественнаго мнѣнія. Но что такое наше общественное мнѣніе, достаточно ли оно установилось и опредѣлилось? Вполнѣ утвердительно нельзя отвѣчать на подобный вопросъ, ибо всякому не предубѣжденному человѣку должно быть ясно, что въ нашемъ общественномъ мнѣніи еще достаточно броженія, что оно часто зависитъ отъ сцѣпленія случайныхъ обстоятельствъ, которыя поворачиваютъ его то въ одну, то въ другую сторону. Эклектикъ по убѣжденіямъ, вѣчно ищущій, вѣчно сомнѣвающійся, вѣчно тоскующій по истинѣ, г. Кошелевъ весьма естественно, при такомъ колеблющемся, осторожномъ, почти трусливомъ настроеніи своего ума, способенъ принимать за общественное мнѣніе голоса тѣхъ, которымъ удается перекричать другихъ. Не обладая умомъ пытливымъ, способнымъ на иниціативу, онъ можетъ быть уподобленъ тѣмъ популяризаторамъ въ наукѣ, которые, будучи незнакомы со всѣми тайнами ея, потому что не занимались ею спеціально, смѣло и отчетливо передаютъ только тѣ истины, которыя сдѣлались достояніемъ огромнаго большинства, и колеблющеюся, несмѣлою, двусмысленною рѣчью говорятъ о фактахъ болѣе или менѣе спорныхъ. При этомъ, однакожъ, популяризаторамъ подобнаго рода всегда хочется прослыть настолько же знающими, какъ настоящіе ученые-спеціалисты; вслѣдствіе такого желанія, они вдругъ начинаютъ говорить самоувѣренно о какой-нибудь гипотезѣ, бросаютъ нѣсколько общихъ мѣстъ, повторяютъ громкія фразы, но когда дѣло дойдетъ до доказательствъ, они стушевываются, отступаютъ, берутъ назадъ сказанное, противорѣчатъ самимъ себѣ, но все-таки храбрятся, разсчитывая на недальновидность читателя. Сравненіе г. Кошелева съ подобными популяризаторами тѣмъ скорѣе приходитъ на умъ, что онъ самъ не называетъ себя «сочинителемъ», «провозвѣстникомъ какихъ либо истинъ, до него невѣдомыхъ», а передатчикомъ «того, что̀ извѣстно», т. е. популяризаторомъ. Вопросы о дворянствѣ, о земствѣ, о школахъ настолько выяснены, что передать, тысячу разъ пережеванное, яснымъ и толковымъ языкомъ, не можетъ представить затрудненій даже для человѣка съ колеблющимися убѣжденіями. Дѣло другое, когда придется предлагать проекты для постановки на мѣсто отжившаго чего-нибудь новаго. Такіе люди, какъ г. Кошелевъ, могутъ измыслить только quasi-мѣры, въ родѣ созданія вмѣсто дворянства «класса землевладѣльцевъ», учрежденія всероссійскаго комитета для разсмотрѣнія положенія о дворянствѣ и проч., хотя въ тоже время они говорятъ: «во всякомъ благоустроенномъ государствѣ, первое условіе, чтобы люди и состоянія не оставались одиночками, ищу-

щими своего блага лишь въ личныхъ, или сословныхъ выгодахъ». Ужъ такова участь этихъ нерѣшительныхъ людей, съ полусознанными истинами, что имъ не приходятъ въ голову мѣры болѣе рѣшительныя, болѣе раціональныя, хотя и для этихъ мѣръ тоже не предстоитъ надобности особенно утруждать свой умъ, такъ какъ онѣ испытаны другими европейскими народами, причемъ получились результаты удовлетворительные и существовали въ намекахъ и въ нашей жизни, напр., въ 1766—7 году. Въ такомъ же неопредѣленномъ, шаткомъ положеніи находятся люди, подобные г. Кошелеву; когда приходится имъ говорить о вопросахъ нѣсколько спорныхъ, напр., объ усилившемся будто бы народномъ пьянствѣ, о народномъ обѣдненіи и проч. Принявъ говоръ какой-нибудь кучки людей къ сердцу, подобные люди слегка провѣряютъ его тѣмъ, что̀ видятъ въ своемъ углу, и преспокойно обобщаютъ свои наблюденія на всю Россію. Это пылкое обобщеніе нисколько не противорѣчитъ несмѣлымъ убѣжденіямъ эклектиковъ, ибо они менѣе всего способны къ точности, къ благоразумной опредѣлительности—качествамъ людей противоположнаго закала. Г. Кошелевъ вполнѣ соединяетъ въ себѣ черты для типа колеблющагося, носимаго вѣтромъ эклектика. То либералъ, то консерваторъ, то славянофилъ, то западникъ, то поборникъ самоуправленія, то поборникъ регламентаціи, то ненавистникъ людей, пугающихъ насъ революціей и нигилизмомъ, то самъ провозглашающій, что «современный русскій человѣкъ мало или вовсе невѣрующій, съ окраскою болѣе или менѣе густого нигилизма, и съ нимъ неразлучнаго матеріализма», то поборникъ реформъ, то сыплющій такими сентенціями: «Лучше было бы расширять права крестьянъ, по мѣрѣ развитія ихъ умственныхъ и нравственныхъ способностей», или: «неоспоримо (?), что освобожденіе крѣпостныхъ людей, въ томъ видѣ, въ какомъ оно совершилось, породило въ сельскихъ обществахъ неурядицу, которая, въ свою очередь, усилила въ нихъ пьянство». Понятно, что такіе люди на̀ руку всѣмъ партіямъ, но мы осмѣливаемся вѣрить, что не за ними будущность, ибо будущность—не въ шатаніи, не въ подскабливаніи и вытравливаніи того, что̀ сдѣлано, и не въ полумѣрахъ сомнительнаго достоинства. Мы даже думаемъ, что «худосочіе и малокровіе», о которыхъ говоритъ г. Кошелевъ, именно въ шатаніи и заключаются. **А. С.**

Отъ Редакціи.—Наша майская хроника вызвала одно письменное возраженіе въ защиту г. Кошелева. Авторъ письма къ намъ не уполномочилъ насъ напечатать письма и потому мы ограничиваемся короткимъ отвѣтомъ на предложенные имъ вопросы, тѣмъ болѣе, что помѣщаемый нами выше разборъ книги г. Кошелева служитъ также подтвержденіемъ того, что̀ уже было высказано нами въ хроникѣ, или по крайней мѣрѣ объясненіемъ, почему мы могли отнестись къ «Голосу изъ земства» именно такъ, какъ мы отнеслись. «Скажите—спрашиваетъ авторъ письма—гдѣ г. Кошелевъ говоритъ въ пользу созданія привилегированнаго сословія изъ крупныхъ землевладѣльцевъ? гдѣ онъ говоритъ за исключеніе мелкихъ землевладѣльцевъ изъ дворянъ—изъ землевладѣльческаго состоянія?» Г. Кошелевъ, какъ замѣчаетъ нашъ рецензентъ, тѣмъ и отличается отъ прочихъ публицистовъ, что онъ въ рѣдкихъ случаяхъ формулируетъ свои положенія съ опредѣленностью, и мы, говоря о мнѣніяхъ г. Кошелева, не цитировали его словъ буквально, но сдѣлали только выводъ изъ его разсужденій, разсѣянныхъ по всей книгѣ. На стр. 40, г. Кошелевъ задаетъ вопросъ: «Какъ же намъ (дворянамъ) соединиться съ народомъ?» и отвѣчаетъ на это предложеніемъ пригласить въ среду дворянъ всѣхъ «*могущихъ* стать въ наши ряды»; а нѣсколькими строчками ниже намъ объясняется, что такими *могущими* могутъ быть «владѣющіе или пріобрѣтающіе извѣстный *minimum* земли». Что̀ же значитъ этотъ minimum, какъ не исключеніе изъ проектируемаго г. Кошелевымъ сословія всѣхъ тѣхъ, кто окажется ниже этого minimum, т. е. будетъ не крупный землевладѣлецъ? Развѣ такое сословіе, по отношенію ко всѣмъ, не подошедшимъ подъ minimum, мы не имѣли право назвать привилегированнымъ сословіемъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ? На стр. 62, г. Кошелевъ, продолжая свои разсужденія 40-й страницы, самъ обмолвился и прямо назвалъ такихъ землевладѣльцевъ «болѣе или менѣе крупными.» Отсюда мы могли заключить, что г. Кошелевъ исключаетъ мелкопомѣстныхъ дворянъ изъ уѣздной единицы. Еще разъ повторяемъ, что въ «Голосѣ изъ земства» очень часто попа-

дается игра словъ, или иначе мы не въ состояніи себѣ объяснить, какъ могли помѣститься въ этой брошюрѣ рядомъ предложенія самыя широкія съ различными узкими ограниченіями. Вотъ образчикъ: на той же стр. 40, мы читаемъ, что дворянство должно слиться съ земствомъ «откровенно, безъ всякаго притворства, не умаляясь, сохраняя то, что имѣетъ..... не исключительно, не замкнуто привилегированно» и т. д. А на стр. 69, авторъ разсуждаетъ такъ: «Освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній и нѣкоторыя другія права, коими пользуются дворяне, должны быть также распространены, *если не на все земство*, то по крайней мѣрѣ на все землевладѣльческое состояніе». Итакъ, когда дѣло дошло до тѣлесныхъ наказаній, то землевладѣльческое состояніе у г. Кошелева тотчасъ себя исключило изъ земства, оставивъ розги за земствомъ. Послѣднее очень понятно, но зачѣмъ было выше, на стр. 40, такъ либерально распинаться и говорить противъ всякой исключительности и замкнутыхъ привилегій? По указанному примѣру о розгахъ видно, что въ идеѣ г. Кошелева раздѣлены рѣзко другъ отъ друга землевладѣльческое состояніе, основанное на извѣстномъ minimum, изъ болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, и какое-то земство: первое освобождается отъ тѣлесныхъ наказаній и пользуется «нѣкоторыми другими правами», а послѣднее подвергается тѣлесному наказанію и обходится безъ тѣхъ «нѣкоторыхъ правъ».

Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время. Сочиненіе автора Исторіи отечественной войны 1812 года. Четыре тома. Спб. 1869.

Литература нашей новѣйшей исторіи идетъ чрезвычайно неровно. Нельзя вовсе сказать, чтобы ей посвящалось мало трудовъ, или мало интереса со стороны читающей публики; напротивъ, трудовъ и интереса довольно, но тѣмъ не менѣе, самый составъ ея до сихъ поръ чрезвычайно случайный. За исключеніемъ двухъ, трехъ книгъ, въ ней совершенно нѣтъ цѣльныхъ трудовъ, которые обнимали бы значительные періоды времени или представляли бы попытки органическаго изложенія основныхъ фазисовъ русской исторіи. Разработка предмета обратилась почти исключительно на частности. «Русскій Архивъ» служитъ лучшимъ представителемъ этой разработки: это—сборъ всевозможнаго сырого матеріала, важнаго и неважнаго, изъ котораго читатель можетъ познакомиться со множествомъ отдѣльныхъ событій, узнать кучу анекдотическихъ свѣдѣній, часто самаго противорѣчиваго свойства, и потомъ оставаться все-таки съ самымъ смутнымъ понятіемъ о цѣлыхъ историческихъ періодахъ. Во всей литературѣ по новѣйшей нашей исторіи господствуетъ такая же отрывочность и безсвязность: за исключеніемъ чисто политической и военной исторіи, которою до послѣдняго времени почти только и ограничивалась наша исторіографія, вся остальная историческая жизнь новѣйшей Россіи извѣстна намъ только эпизодически, отдѣльными частями; въ этой послѣдней до сихъ поръ остается много явленій, еще не подвергавшихся вовсе историческому изслѣдованію, много событій, совершенно недоступныхъ для историка.

Это положеніе дѣла въ большой степени зависитъ отъ самаго состоянія источниковъ. До послѣднихъ лѣтъ новѣйшая исторія только въ исключительныхъ случаяхъ была возможна для литературы: не только времена Александра I, но даже времена Екатерины II, считались слишкомъ близкими и для нихъ еще не допускалась историческая критика; значительное количество писемъ, мемуаровъ и т. п. изъ этого времени, напечатанныхъ, въ послѣдніе годы, еще недавно считались неудобными для печати. Матеріалы другого рода, хранящіеся въ правительственныхъ архивахъ, и вовсе не были доступны; теперь архивы раскрылись до нѣкоторой степени, но въ сущности остаются все еще доступны только для очень немногихъ, такъ что въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, историкъ не можетъ и теперь разсчитывать на нихъ. То, что было извѣстно изъ нихъ до сихъ поръ, было также отрывочно, и извлекалось по случайному интересу тѣхъ, кому эти матеріалы бывали нѣсколько доступны.

При такомъ положеніи вещей, естественно, затрудняется всякій трудъ, который бы захотѣлъ обнять какой-либо обширный періодъ новѣйшей исторіи и разсмотрѣть его со всѣхъ сторонъ политической и внутренней національной жизни. Кромѣ отсутствія, во многихъ случаяхъ, достаточной разработки уже извѣстнаго, историкъ можетъ встрѣтить и отсутствіе са-

маго первоначальнаго матеріала для тѣхъ или другихъ частей своего труда. Невозможно поэтому заявлять слишкомъ высокихъ требованій отъ подобнаго труда, обставленнаго въ настоящее время самыми неблагопріятными условіями. При всемъ томъ, труды подобнаго рода составляютъ насущную потребность для литературы, потому, что — при всей неполнотѣ отдѣльныхъ частей — они однако направляютъ историческій интересъ на цѣлый періодъ или на цѣлое обширное явленіе, и отвлекая вниманіе отъ чисто анекдотической исторіи, напоминаютъ изслѣдователямъ и читателю о внутреннемъ смыслѣ эпохи и ея историческомъ значеніи. Съ другой стороны, труды подобнаго рода обыкновенно собираютъ прежнія изслѣдованія, и завершая ихъ, даютъ точку опоры для послѣдующей разработки, и, если даже не разрѣшаютъ уже поставленныхъ историческихъ вопросовъ, то содѣйствуютъ болѣе опредѣленной ихъ постановкѣ. Наконецъ, они могутъ въ особенности служить для той большой части публики, которая не можетъ изучать исторіи въ ея источникахъ и естественно ищетъ общихъ обзоровъ.

Книга М. И. Богдановича о царствованіи императора Александра принадлежитъ именно къ такимъ цѣльнымъ трудамъ, о важности которыхъ мы говорили, и въ этомъ смыслѣ критика признаетъ ея несомнѣнныя достоинства. Если можно указать въ сочиненіи г. Богдановича недостатки, то тѣмъ не менѣе мы должны будемъ допустить, что его первый опытъ цѣлой исторіи эпохи, до сихъ поръ мало изучаемой, съ успѣхомъ выполняетъ свою задачу. Въ своемъ полномъ составѣ, этотъ трудъ будетъ заключать до шести томовъ: въ первыхъ четырехъ, вышедшихъ теперь, описано время 1801 — 1814 г.; остальные обнимутъ послѣдніе годы царствованія. Способъ изложенія, котораго держался авторъ, есть простое послѣдовательное изложеніе фактовъ, главнымъ образомъ фактовъ внѣшней государственной исторіи — правительственной дѣятельности въ администраціи. дѣлъ военныхъ и дипломатическихъ. Авторъ начинаетъ прямо съ біографическихъ свѣдѣній объ императорѣ Александрѣ, разсказываетъ о его дѣтствѣ и воспитаніи, касаясь только въ общихъ чертахъ царствованій Екатерины и Павла, переходитъ затѣмъ къ царствованію Александра, и излагаетъ личную исторію императора, и правительственную дѣятельность по разнымъ отраслямъ управленія внутренняго и внѣшняго, вводя при случаѣ характеристику лицъ, игравшихъ главныя роли въ правительственной сферѣ. Исторія оффиціальной правительственной дѣятельности главнымъ образомъ привлекаетъ вниманіе г. Богдановича. Критика событій ограничивается ближайшимъ объясненіемъ ихъ, не вдаваясь въ болѣе обширныя историческія заключенія и выводы. Авторъ вообще удачно распредѣляетъ свой матеріалъ, и его изложеніе имѣетъ значительную наглядность; но можно желать, чтобы авторъ, не ограничиваясь чисто оффиціальной исторіей, больше обращалъ вниманія на то, какъ оффиціальная дѣятельность правительства отражалась на управляемыхъ, и какъ, обратно, характеръ и нравы общества воздѣйствовали на правительственныя мѣры. Г. Богдановичъ въ этомъ отношеніи остается еще вѣренъ прежнимъ требованіямъ, и за исторіей оффиціальной обращаетъ недостаточно вниманія на движеніе самаго общества и народной жизни. Впрочемъ, наше сужденіе въ этомъ смыслѣ не можетъ быть окончательнымъ, такъ какъ автору еще предстоитъ разсказать время, очень важное и въ личной судьбѣ императора Александра, и въ судьбѣ нашего общественнаго развитія, въ которомъ тогда въ первый разъ пробуждались съ нѣкоторой силой новыя стремленія и нѣкоторое политическое самосознаніе, а именно, начиная съ 1815 года, на которомъ г. Богдановичъ остановился.

Источники, которыми пользовался авторъ, конечно, весьма разнообразны: они обнимаютъ весь главный, до сихъ поръ извѣстный матеріалъ, и кромѣ того авторъ вводитъ также много новыхъ свѣдѣній, заимствованныхъ имъ изъ государственныхъ архивовъ и частныхъ неизданныхъ источниковъ. Изъ числа послѣднихъ укажемъ напримѣръ: бумаги графа П. А. Строганова, который пользовался особеннымъ расположеніемъ императора и въ первые годы былъ однимъ изъ ближайшихъ довѣренныхъ лицъ; письма Н. Н. Новосильцева; записки барона М. А. Корфа; историческія замѣтки, письма и мемуары П. А. Тучкова, генерала Раевскаго, Щербинина и др. Въ приложеніяхъ г. Богдановичъ приводитъ нѣкоторые подобные матеріалы, также документы финансовые и военные. Весьма любопытны въ особенности

извлеченія изъ «засѣданій неоффиціальнаго комитета», существовавшаго въ первые годы царствованія и состоявшаго изъ довѣреннѣйшихъ друзей императора въ то время; протоколы этихъ засѣданій были ведены упомянутымъ П А. Строгановымъ. Жаль только, что г. Богдановичъ не вполнѣ передаетъ нѣкоторыя мѣста этихъ «засѣданій» (напр. тѣ, которыя были изложены въ его статьѣ въ «Вѣстникѣ Европы», 1866 г., мартъ, стр. 172 и слѣд.); эти засѣданія чрезвычайно любопытны по свойству возникавшихъ въ нихъ вопросовъ и предлагавшихся рѣшеній, и дать о нихъ совершенно точное понятіе значило бы указать одно изъ самыхъ характерныхъ проявленій той эпохи.

Въ библіографической статьѣ мы не имѣемъ возможности останавливаться на частностяхъ книги г. Богдановича. Намъ достаточно повторить въ заключеніе, что сочиненіе г. Богдановича составляетъ вообще весьма важный вкладъ въ нашу историческую литературу и восполняетъ одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ ея пробѣловъ. Авторъ собралъ много важныхъ свѣдѣній и полезныхъ указаній, которыя значительно облегчатъ дальнѣйшую разработку предмета. Читающая публика вѣроятно уже оцѣнила трудъ г. Богдановича, доставляющій ей занимательно написанную книгу объ историческомъ періодѣ, до сихъ поръ мало извѣстномъ. А. П.

Столбы. Старая погудка на новый ладъ. Изд. *В. Крылова*. Спб. 1869. Стр. 208.

Разсказъ г. Крылова написанъ живо и горячо Исторія, повѣствуемая авторомъ, далеко не весела и тѣмъ болѣе не весела, что она дышетъ такою правдою, въ ней такъ мало «измышленнаго», такъ много мелкихъ подробностей, придумать которыя отказалась бы, кажется, самая богатая фантазія, и ни на одну минуту нельзя сомнѣваться, чтобы разсказъ этотъ былъ простымъ вымысломъ, чтобы въ немъ не скрывалась горькая истина. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы авторъ непремѣнно изобразилъ дѣйствительно случившееся дѣло; можетъ быть, книга эта является результатомъ многихъ наблюденій въ различныхъ мѣстностяхъ, важенъ тутъ не самый случившійся фактъ, не самое дѣло, подлежащее уголовному преслѣдованію, важно то, что подобныя дѣла могутъ случаться, важна тутъ картина, наглядно представляющая иногда беззащитное положеніе крестьянъ, силу ихъ бывшихъ владѣльцевъ, сдѣлавшихся посредниками, мировыми судьями и т. д., силу, направленную не на торжество справедливости, а на служеніе личнымъ интересамъ. Такова, вѣроятно, была и мысль автора книги, который, обобщая извѣстный фактъ и придавая ему повѣствовательную форму, какъ бы хотѣлъ этимъ сказать, что данный случай вовсе не представляется исключеніемъ, что подобный ему можетъ приключиться сплошь и рядомъ, потому что во многихъ еще мѣстахъ не пропали нравы, созданные крѣпостнымъ правомъ. Нравы эти безъ сомнѣнія и не могли исчезнуть такъ скоро; то, что создается вѣками, то не уничтожается въ два-три года. Если вводимыя уже въ народъ реформы не приносятъ тотчасъ всѣхъ ожиданныхъ отъ нихъ благъ, то обвинять нужно, безъ сомнѣнія, не эти реформы, а самое общество, коснѣющее въ невѣжествѣ и не умѣющее отрѣшиться отъ привычекъ, воззрѣній, созданныхъ вѣковымъ рабствомъ, внесшимъ въ общественныя отношенія крайнюю испорченность и извращенность. Для того, чтобы помочь дѣлу, чтобы одолѣть зло, нужно, безъ сомнѣнія, не урѣзывать реформы, не ограничивать, не укорачивать ихъ, какъ многимъ бы, можетъ быть, этого хотѣлось, а напротивъ, прилагать ихъ со всею возможною шириною, безъ мелкой боязни, безъ ложнаго страха. Тогда только онѣ принесутъ зрѣлые плоды, тогда только сдѣлаются невозможны такія вопіющія дѣла, какъ дѣло, разсказанное въ названной нами книжкѣ.

Если разсказъ о «Столбахъ», оставляющій самое тяжелое и грустное впечатлѣніе, интересенъ для всей вообще читающей публики, то чтеніе его было бы особенно назидательно для тѣхъ, которые заражены несчастною маніею чернить народъ и восхвалять исключительно какое-нибудь сословіе. Самъ авторъ вовсе не принадлежитъ къ подобному роду людей: онъ не писалъ свой разсказъ, чтобы очернить кого-нибудь и возвеличить другихъ, и прочитавъ его, нельзя не вѣрить словамъ, которыя онъ говоритъ въ предисловіи: «Я собственно и не думалъ о дворянствѣ, когда писалъ мой разсказъ; дѣйствующія лица его являлись мнѣ просто людьми, болѣе или менѣе хорошими или дурными, какъ встрѣчаешь ихъ

всегда и всюду, во всякой средѣ, во всякомъ сословіи». Если «Столбы» и выводятъ на сцену такихъ помѣщиковъ, какъ Фискели, Куличевы, то только какъ свидѣтельство, что такія личности не перевелись на русской землѣ; но, къ счастію, они не составляютъ общаго правила, какъ не составляютъ общаго правила и пьянство, лѣность, воровство, грабежъ и всѣ остальные пороки, въ которыхъ съ такимъ азартомъ обвиняютъ чуть не весь русскій народъ всѣ оплакивающіе крѣпостное право и видящіе въ его уничтоженіи корень всѣхъ золъ.

Мы не станемъ передавать самаго дѣла о столбахъ, отсылая читателей къ самой книгѣ, на которую мы хотѣли только обратить вниманіе читателей. Скажемъ только одно слово, чтобы пояснить это, на первый взглядъ странное названіе разсказа. Въ какомъ-то уѣздѣ, по прозванію Провалишенскомъ, созвали разъ крестьянъ одного имѣнія, принадлежащаго дворянину Фискелю, въ волостное правленіе. Когда они собрались, старшина обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью: «вы, говоритъ, мошенники, у васъ столбы не по мѣркѣ стоятъ!» — Какіе, отвѣчаютъ мужики, столбы?—«А междвые знаки, что на границѣ съ бариновой землей стоятъ. Вотъ, говоритъ, это землемѣръ съ мироваго съѣзда присланъ—и берите вы цѣпь, и пойдемъ всѣ вмѣстѣ ваши границы повѣрять.» «Оказалось, что въ самомъ дѣлѣ столбы не на мѣстѣ: гдѣ не прикинемъ, все невѣрно, да не вѣрно! Надо быть между столбами двѣсти саженъ—анъ больше, надо сто пятьдесятъ—анъ больше.» Немедленно столбы стали переставлять, а съ крестьянъ потребовали штрафъ за то, что столбы оказались у нихъ невѣрные. Виновниками впрочемъ оказались совсѣмъ не крестьяне. Староста, которому самому поручено было измѣрить свою землю, собралъ сосѣдей и отправился измѣрять; оказалось, что и у него все не вѣрно. Сомнѣніе закралось въ его душу, потому что, какъ говоритъ онъ, „мою границу я допрежъ того самъ мѣрилъ и столбы самъ ставилъ, и доподлинно зналъ, что мои столбы вѣрно стоятъ, и сколько въ планѣ написано, столько у меня саженъ вездѣ“. Староста не остановился на сомнѣньи, и напалъ на счастливую мысль измѣрить цѣпь, которою измѣряли границы. „Смѣрилъ—гляжу: въ цѣпи десяти саженъ нѣтъ, поменѣ будетъ маленько... Сталъ считать сколько голомянъ (звенья)—насчиталъ шестьдесятъ девять голомянъ, а надо быть семьдесятъ. Выходитъ цѣпь-то незаконная“. Завязалось такимъ образомъ уголовное дѣло, всѣ очень хорошо знали, что виноватъ Фискель, управляющій, землемѣръ; но крестьяне народъ маленькій, а господа Фискели народъ сильный, и потому на сторонѣ послѣднихъ были и долго еще будутъ всѣ шансы, если не выиграть такое дѣло, то во всякомъ случаѣ и не уйти въ Сибирь за совершенное уголовное преступленіе. Подробному описанію этого дѣла, его хода, и посвящена книга, изданная г. Крыловымъ. Но мы еще разъ повторимъ, какъ ни интересно самое дѣло, но едва ли еще не интереснѣе представленная тутъ картина нравовъ и дѣйствій всевозможныхъ Фискелей, Куличевыхъ, всѣхъ ихъ интригъ и всего ихъ вліянія.

Во всякомъ случаѣ, мысль облечь судебное дѣло, любопытный процессъ въ повѣствовательную форму, придать ему до извѣстной степени художественное изображеніе, такая мысль принадлежитъ къ очень удачнымъ. Она не есть собственность автора „Столбовъ“ потому что въ заграничной литературѣ, и особенно во французской этотъ родъ разсказовъ занимаетъ давно почетное мѣсто. Разумѣется, мы далеки отъ мысли приравнивать эту попытку къ произведеніямъ извѣстныхъ французскихъ писателей, но не будемъ также слишкомъ строги чуть ли не къ первому опыту подобнаго рода въ отечественной литературѣ. Безъ сомнѣнія, разсказъ этотъ могъ быть написанъ съ большею законченностью, съ большею отдѣлкою, съ большимъ, наконецъ, искусствомъ, но и въ настоящемъ видѣ онъ представляетъ много любопытнаго и, главное, назидательнаго.

Е.

Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина. — Томъ третій. *Евгеній Онѣгинъ* и драматическія произведенія. Изданіе второе, книгопродавца *Я. А. Исакова*. Спб. 1869.

Тридцать два года минуло съ тѣхъ поръ, какъ преждевременная смерть похитила у Россіи ея величайшаго поэта. Въ этотъ періодъ времени, русская литература пережила много, видѣла годы мрачные, и годы ясные, когда для творчества открывались горизонты довольно пространные. Но *полнаго* Пушкина въ печати русская публика не знаетъ до сихъ поръ.

Первое изданіе его сочиненій, пропущенное сквозь очистительный огонь цензуры и друзей поэта, которые старались на раны наложить заплаты собственнаго сочиненія, было крайне неудовлетворительно. Это изданіе существовало до 1855 года, когда П. В. Анненковъ съ величайшею добросовѣстностью и умѣньемъ разобралъ бумаги поэта и привелъ его произведенія въ порядокъ. Подъ редакціей человѣка, такъ основательно и всесторонне изучившаго и жизнь поэта и его сочиненія, могло бы выйдти изданіе образцовое. Вмѣстѣ съ дополнительнымъ томомъ, вышедшимъ немного позже остальныхъ, изданіе г. Анненкова дѣйствительно вышло образцовымъ, за исключеніемъ того, что совершенно не отъ него зависѣло. Затѣмъ сочиненія Пушкина перешли въ собственность г. Исакова, который и издалъ ихъ въ 1859 году несравненно хуже, какъ въ типографскомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Изданіе г. Анненкова сдѣлалось большою рѣдкостью и цѣнится въ настоящее время вдвое противъ прежней цѣны своей. Спустя десять лѣтъ, г. Исаковъ предпринимаетъ теперь новое, первое *безцензурное* изданіе. Извѣстно, что съ 1859 г. многое измѣнилось къ лучшему даже во взглядахъ офиціальныхъ блюстителей чистоты и нравственности въ нашей литературѣ, чему ясный примѣръ представляетъ, во-первыхъ, полное изданіе «Горе отъ ума» и, во вторыхъ, тоже почти полное изданіе сочиненій Лермонтова. Но г. Исаковъ ограничился однимъ перепечатаніемъ. Не знаемъ, что̀ представятъ слѣдующіе томы, которые печатаются, но напечатанный третій томъ вызываетъ противъ себя замѣчанія. Въ третьемъ томѣ второго изданія не только воспроизведены опечатки перваго изданія, но добавлена масса новыхъ, иногда искажающихъ смыслъ, иногда нарушающихъ стихотворную мѣру. Говоря «масса опечатокъ», мы нисколько не преувеличиваемъ дѣла: есть, конечно, страницы свободныя отъ нихъ, но есть и такія, гдѣ онѣ попадаются на всякомъ шагу. Мы не преувеличиваемъ также нисколько, говоря, что во второмъ изданіи воспроизведены самыя крупныя опечатки перваго. Вотъ два примѣра изъ множества другихъ. На стр. 35 перваго изданія, стр. LX, глава первая, напечатано:

И заслужи мнѣ *сдавы* дань.

На стр. 32, 2-го изданія, этотъ стихъ воспроизведенъ во всей своей прелести, то есть вмѣсто «славы»—стоитъ опять «сдавы». Въ пьесѣ «Моцартъ и Сальери», какъ въ первомъ, такъ и во второмъ изданіи, въ заключительныхъ словахъ Сальери напечатано:

.... Неправда:
И Бонаротти? Иль это сказка, и проч.

Слѣдуетъ «А Бонаротти» Понятно, что маломальски грамотный человѣкъ, еслибы такому лицу поручилъ г. Исаковъ наблюденіе за изданіемъ, не допустилъ бы подобныхъ искаженій. Что касается опечатокъ новыхъ, то онѣ безчисленны и бросаются въ глаза даже при бѣгломъ просмотрѣ третьяго тома. Укажемъ на нѣкоторыя:

Я *балы-бы* до сихъ поръ любилъ...
О *чьловњкњ*, очень намъ знакомомъ...
Все за единый, благосклонный *взлядъ*...
Аль *горьшки* отъ пѣнья пересохли ..

Стр. 340 представляетъ особенно поразительный примѣръ:

Сальери.

Иль перечти женитьбу *Фигеро.*

Моцартъ.

Да, Бомарше вѣдь былъ тебѣ пріятель:
Иы для него Тарара сочинилъ,
Вещь славную. Тамъ есть одинъ мотивъ...
Я все *твержду* его, когда я счастливъ...

Въ пяти строкахъ три опечатки, и этотъ примѣръ далеко не единственный. Не были ли бы мы вправѣ сказать, что второе изданіе сочиненій Пушкина не просматривалъ даже грамотный корректоръ? Между тѣмъ мы хотѣли бы отъ г. Исакова ждать не только корректнаго, но и *полнаго* собранія сочиненій Пушкина: ему слѣдовало бы замѣнить цензурныя точки словами, а онъ не рѣшился вставить въ новое изданіе даже самыхъ невинныхъ словъ, вычеркнутыхъ въ первомъ рукою цензуры. Вотъ одинъ изъ примѣровъ весьма наглядныхъ. Въ варіантѣ къ строфѣ XVII, гл. 1 «Евгенія Онѣгина», есть слѣдующія строки:

Уже раздался звонъ......,
Среди разбросанныхъ колодъ
Дремалъ усталый банкометъ,
А я все тотъ же бодръ и блѣденъ, и проч.

Прежняго времени цензоръ руководствовался, вѣроятно, тѣмъ соображеніемъ, что для православнаго уха непріятно будетъ встрѣтить «звонъ»

обѣденъ, рядомъ съ «разбросанными колодами» или тѣмъ, что для русскаго человѣка невозможно даже самое занятіе игрою въ банкъ когда раздается «звонъ обѣденъ», и выпустилъ это послѣднее слово въ первомъ стихѣ. Во второмъ изданіи тотъ же выпускъ!

А между тѣмъ, настоящее время вполнѣ благопріятно для полнаго изданія сочиненій Пушкина. Издатель рѣшительно ничѣмъ бы не рисковалъ, еслибъ возстановилъ текстъ ихъ вполнѣ; исключенію могли бы подвергнуться развѣ только двѣ-три пьесы, какъ напр. «Гавриліада», «Вольность» и двѣ-три эпиграммы, за что на издателя никто бы и не въ правѣ претендовать. Кромѣ того, съ 1859 г., когда появилось первое Исаковское изданіе Пушкина, обнародовано множество писемъ поэта къ разнымъ лицамъ, явилось въ печати много варіантовъ и цѣлыхъ стихотвореній, явилось много воспоминаній о немъ, въ которыхъ не мало можно было бы почерпнуть объясненій къ разнымъ пьесамъ, и проч. Всѣмъ этимъ можно бы воспользоваться, не затрачивая на то ни особеннаго капитала, ни особеннаго труда.

Жизнь насѣкомыхъ. *Луи Фигье.* Съ 602 рисунками. Изданіе редакціи журнала *Всемірный Путешественникъ.* Спб. 1869 г.

Луи Фигье принадлежитъ къ числу самыхъ неутомимыхъ французскихъ популяризаторовъ. Геологія, исторія, географія, ботаника, зоологія, механика, энтомологія—за все онъ брался, все старался облечь въ привлекательныя формы изложенія и иллюстрировать рисунками лучшихъ художниковъ. Въ большинствѣ многочисленныхъ сочиненій Фигье, художественная часть, то-есть рисунки, выходили лучше и привлекательнѣе текста Оно и понятно: нельзя любить все одинаково, нельзя все одинаково хорошо знать и, слѣдовательно, передавать съ одинаковымъ талантомъ и интересомъ. Воображеніе безсильно въ предѣлахъ точной науки; цвѣтами краснорѣчія и внѣшними, рутинными пріемами заинтересовать читателя — будетъ трудно. Популяризаторъ, не достаточно знакомый съ предметомъ, очень часто принужденъ довольствоваться простою выпиской изъ ученаго сочиненія или перифразомъ компетентнаго спеціалиста. Вслѣдствіе этого, несмотря на всѣ старанія популяризатора, компиляція его выходитъ довольно жидкою и безжизненною. Съ Луи Фигье случалось это не разъ: между его сочиненіями есть совершенно ничтожныя, какъ напр. «La terre et les mers», есть и такія, которыя исполнены грубѣйшихъ ошибокъ и не могли бы разсчитывать на хорошій пріемъ публики, еслибъ не были украшены превосходными рисунками. «Жизнь насѣкомыхъ» принадлежитъ къ наиболѣе удачнымъ его компиляціямъ, хотя не можетъ выдержать сравненія съ превосходнымъ англійскимъ сочиненіемъ Керби и Спенса: «Общая естественная исторія насѣкомыхъ», существующимъ и на русскомъ языкѣ въ переводѣ г. Мина. Къ сожалѣнію, въ сочиненіи Керби и Спенса дано слишкомъ много развитія теологическому настроенію авторовъ и издано оно безъ рисунковъ, всегда такъ сильно способствующихъ запечатлѣнію извѣстнаго предмета или факта въ памяти. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи «Жизнь насѣкомыхъ» Фигье удовлетворитъ самыхъ требовательныхъ читателей: рисунки, которыми оно украшено, передаютъ не только изображеніе насѣкомыхъ, но сцены изъ ихъ жизни, также сцены изъ жизни людей, когда насѣкомыя играютъ большую роль, и сцены изъ промышленной и фабричной дѣятельности, когда насѣкомыя или ихъ продукты служатъ орудіемъ производства. Кромѣ того, много портретовъ замѣчательныхъ энтомологовъ. Самое изложеніе удовлетворительно и читается съ интересомъ, благодаря тому, что энтомологія вообще наука увлекательная: насѣкомыя разсѣяны повсюду, они, такъ сказать, у всякаго подъ рукой, съ ихъ непродолжительной, но полной треволненіями жизнью, съ ихъ постоянной борьбой за существованіе, съ ихъ ухищреніями, заботой и тревогами.

Упомянувъ о важности рисунковъ въ популярныхъ книгахъ по естествознанію, скажемъ, что это изящное искусство вполнѣ приложено къ естественной исторіи впервые женщиною, Сивиллой Меріанъ, родомъ изъ Базеля. Ея отецъ, братья и дѣти были замѣчательными граверами, сама она прекраснымъ живописцемъ по части цвѣтовъ. Пристрастившись къ естествознанію, она, будучи уже 54 лѣтъ отъ роду, отправилась въ экваторіальную Америку, чтобъ наблюдать тамъ природу во всемъ ея блескѣ и великолѣпіи. Тотчасъ по своемъ прибытіи, она отважно пустилась въ болотистыя равнины и жгучія долины Гвіаны, въ сопровожденіи не-

многихъ проводниковъ. Пробывъ два года въ этихъ опасныхъ мѣстахъ, она собрала обильную жатву для своихъ рисунковъ и картинъ и написала сочиненіе, которое было издано на трехъ языкахъ: «Превращеніе суринамскихъ насѣкомыхъ» — и которымъ она стяжала себѣ почетную извѣстность. Въ рисункахъ своихъ Сивилла Меріанъ изображала насѣкомыхъ со всей ихъ обстановкой: корни и растенія, служащія для пищи насѣкомаго, и животныя, какъ большія, такъ и малыя, ведущія войну съ этими насѣкомыми.

А. С.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

„Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen" (Изъ записокъ русскаго декабриста). Leipzig, bei S. Hirzel, 1869.

Таково заглавіе книги, вышедшей недавно въ Лейпцигѣ у книгопродавца Гирцеля, и представляющей, судя по отзывамъ, большой историческій интересъ для изученія временъ императора Александра. Не имѣя въ рукахъ самой книги, мы приведемъ пока отзывъ одной нѣмецкой газеты, дающей понятіе объ ея содержаніи и достоинствахъ:—судя по тону отзыва, онъ долженъ быть безпристрастенъ къ книгѣ неизвѣстнаго автора.

«Изъ числа неудавшихся революціонныхъ pronunciamento, относящихся къ 1820—1830 годамъ, всего меньше извѣстно русское, 14 декабря 1825 г. И однако же эта революціонная попытка, игравшая такую значительную роль въ исторіи внутренней политики императора Николая и имѣвшая сильное вліяніе на направленіе его взглядовъ, замѣчательна во многихъ отношеніяхъ, въ особенности въ томъ, что она была предпринята извѣстнымъ кружкомъ знатныхъ молодыхъ аристократовъ, которые съ такой силой одушевились идеями своего времени, что, безъ всякой надежды на успѣхъ прямо шли на свою гибель. Въ то время, какъ аристократія всей остальной Европы собралась вокругъ предводителей реставраціонной политики Меттерниха и его помощниковъ и прямо стремилась къ возстановленію средневѣковыхъ формъ и учрежденій, когда одушевленная преданность «престолу и алтарю» была главнымъ условіемъ принадлежности къ «хорошему обществу», въ то время въ самой неограниченной изъ европейскихъ монархій сыновья высшаго дворянства составили тайное общество, поставившее себѣ задачей примѣненіе самыхъ крайнихъ требованій западно-европейскаго радикализма и стремившееся къ тому «священному союзу народовъ» (sainte alliance des peuples), который въ другихъ мѣстахъ проповѣдывали въ массахъ самые передовые предводители третьяго сословія.

«Изъ сочиненій, имѣющихъ предметомъ заговоръ декабристовъ, собственно говоря, въ массѣ публики извѣстны только два (авторъ называетъ сочиненіе барона М. А. Корфа и книжку, изданную г. Герценомъ, находя, что обѣ книги выражаютъ мнѣнія партій). Тѣмъ пріятнѣе встрѣтить новую публикацію объ этомъ предметѣ, только-что вышедшую изъ печати, и гдѣ одинъ изъ немногихъ, остающихся въ живыхъ участниковъ возстанія 1825 года, изображаетъ не только самое возстаніе, но и его предыдущую исторію, ходъ развитія тайныхъ политическихъ обществъ въ Россіи и наконецъ чрезвычайно замѣчательную участь людей, съ которыми онъ долженъ былъ искупить свое юношеское заблужденіе въ петербургскихъ казематахъ и въ пустыняхъ Сибири....

«Неизвѣстный авторъ (разсказъ котораго съ перваго раза внушаетъ довѣріе своей простотой, достоинствомъ и скромностью, и производитъ впечатлѣніе самой добросовѣстной правдивости и достовѣрности) не былъ въ числѣ руководителей заговора. Приговоръ, постигшій участниковъ этого безумнаго предпріятія, причисляетъ его къ государственнымъ преступникамъ пятой категоріи — онъ не былъ даже на Сенатской площади, которая 14 декабря 1825 г. была сборнымъ мѣстомъ мятежниковъ, не хотѣвшихъ присягать императору Николаю; онъ игралъ, однако, роль въ исторіи этого памятнаго дня: онъ былъ поручикомъ (Ober-lieutenant?) финляндскаго гвардейскаго полка и занималъ самый важный изъ мостовъ, который должны были проходить полки, оставшіеся вѣрными императору, и этимъ сдѣлалъ то, что зна-

чительная часть этихъ войскъ не явилась въ рѣшительную минуту на мѣсто. Онъ былъ арестованъ на другой день, и такъ какъ всѣ гауптвахты и военныя тюрьмы были полны, то онъ содержался, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, въ одномъ уголкѣ Зимняго дворца, пока, наконецъ, съ него снятъ былъ допросъ въ присутствіи и съ участіемъ императора, однимъ генералъ-адъютантомъ; послѣ чего онъ былъ отправленъ въ Петропавловскую крѣпость. Та часть мемуаровъ, гдѣ описывается пребываніе въ этой тюрьмѣ, допросы, судебный процессъ въ особомъ, тогда для этого назначенномъ составѣ суда, принадлежитъ къ самымъ интереснымъ мѣстамъ всей книги, и замѣчательна особенно потому, что въ процессѣ, чрезвычайно своеобразномъ, участвовали всѣ важнѣйшія довѣренныя лица императора; имена Адлерберга, Бенкендорфа, военнаго министра Чернышева и извѣстнаго кодификатора Сперанскаго являются почти на каждой страницѣ. Далѣе, чрезвычайно поразительно изображена, по разсказамъ очевидцевъ, казнь пяти предводителей заговора. По объявленіи приговора, авторъ, въ тяжелыхъ кандалахъ, дѣлаетъ съ тремя спутниками путь почти въ 1,000 нѣмецкихъ миль, въ западную Сибирь, гдѣ онъ провелъ десять лѣтъ въ каторжной работѣ, съ 80-ю другими государственными преступниками, которые всѣ принадлежали къ самымъ богатымъ и знатнымъ дворянскимъ фамиліямъ; за восемью изъ этихъ ссыльныхъ (въ числѣ ихъ былъ и авторъ) послѣдовали въ холодныя пустыни Сибири и ихъ жены, выросшія въ роскоши и благосостояніи, чтобы, преодолѣвъ почти невѣроятныя затрудненія разнаго рода, раздѣлить участь своихъ мужей въ петровскихъ тюрьмахъ: свое званіе, имущество, гражданскія права, надежду на возвращеніе, даже дѣтей, родившихся прежде, они оставили въ Европѣ. По истеченіи срока каторжной работы, назначаемой приговоромъ, за ней слѣдуетъ поселеніе въ маленькихъ сибирскихъ городкахъ; нашъ авторъ былъ назначенъ въ тотъ Курганъ, гдѣ за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ Коцебу провелъ «Замѣчательнѣйшій годъ своей жизни». Внезапное посѣщеніе Великаго Князя Наслѣдника, нынѣ царствующаго Императора Александра, прерываетъ сумрачную, безцвѣтную жизнь, которую вели въ пустынѣ изгнанники съ своими выросшими семьями, и доставляетъ имъ помилованіе, т.-е. они были посланы солдатами на Кавказъ; только послѣ продолжительнаго пребыванія въ горахъ Грузіи авторъ «Записокъ» получилъ позволеніе оставить военную службу и воротиться въ Европу — онъ былъ счастливѣе большинства своихъ товарищей, которые (т.-е. оставшіеся въ живыхъ) могли покинуть ссылку и возвратиться въ цивилизованный міръ только по восшествіи на престолъ Александра II.

«Такова внѣшняя рамка разсказа, который, обстоятельно изображая сибирскую и кавказскую жизнь, эпизоды изъ жизни многихъ лицъ, важныхъ для исторіи Россіи и пр., съ настоящимъ романическимъ интересомъ соединяетъ полезныя свѣдѣнія о самыхъ разнообразныхъ областяхъ русской жизни, и по своей простотѣ и наглядности, и особенно по правдивости своихъ изображеній можетъ разсчитывать на очень обширный кругъ читателей. Но съ политической и исторической точки зрѣнія, главный интересъ этой книги заключается въ иномъ: это — живое свидѣтельство той непреодолимой силы, какую именно во времена реставраціи имѣли въ образованныхъ слояхъ русскаго общества либеральныя и космополитическія идеи,— вообще, это поучительный вкладъ въ исторію политическихъ нравовъ нашего столѣтія. Цѣли, къ которымъ стремились декабрьскіе заговорщики, были тѣже самыя, къ какимъ въ тоже время стремились въ Италіи, Франціи, одной части Германіи и т. д.; въ нихъ не было никакой специфически-русской примѣси и онѣ дышутъ чисто западно-европейскимъ духомъ; революціонный духъ тогдашней русской молодежи приписываемъ былъ чтенію сочиненій Бентама и де-Траси даже старымъ военнымъ министромъ Татищевымъ, который хвалился, что никогда не имѣлъ въ рукахъ другой книги, кромѣ библіи. Сила, дѣйствующая въ новѣйшей жизни народовъ, та національная идея, въ честь которой нынѣшняя Россія ведетъ истребительную войну противъ германскаго и польскаго элемента, противъ католичества и протестантства [1]), эта идея

---

[1]) Нѣмецкій рецензентъ, понятно, намѣкаетъ на послѣднее возстаніе Польши и литературную войну съ газетами Остзейскаго края, издающимися на нѣмецкомъ языкѣ; но, собственно говоря, и идея національности опять не есть «специфически-русская примѣсь», такъ какъ борьба

неизвѣстна еще тогда и по имени; русскіе заговорщики ни на минуту не задумываются вести общее дѣло съ недовольными поляками. Несогласія между представителями обоихъ племенъ являются только потому, что у русскихъ преобладаютъ республиканскія, у поляковъ конституціонныя тенденціи; вопросъ о Литвѣ долженъ быть рѣшенъ просто волей мѣстнаго населенія и не представляетъ никакихъ затрудненій. Общество «соединенныхъ славянъ» даже поставило себѣ задачей связать оба народа братскимъ союзомъ федераціи, и эта мысль охотно принимается декабрьскими заговорщиками....

«Въ заключеніе замѣтимъ, что авторъ книги называетъ себя родомъ изъ Эстляндіи; при томъ безпристрастіи, съ какимъ различныя національности, живущія въ русскихъ предѣлахъ, относились тогда другъ къ другу, онъ также, какъ и различные поляки, не усумнился ни мало принять участіе въ чисто русскомъ предпріятіи, — дѣло шло о проведеніи принциповъ, которые считались за общее достояніе всѣхъ народовъ, за панацею противъ всѣхъ существующихъ золъ».

Такъ объясняетъ нѣмецкій рецензентъ согласіе въ 20-хъ годахъ между авторомъ, уроженцемъ остзейскихъ провинцій, и русскими заговорщиками; хотя едва ли не проще было объяснить это явленіе тѣмъ, что авторъ находился въ военной службѣ и его личныя отношенія къ лицамъ русскаго происхожденія имѣли своимъ основаніемъ простое товарищество. По нашей догадкѣ, этотъ авторъ едва ли не то лицо, о которомъ другія воспоминанія тогдашнихъ людей говорятъ, что это былъ Р., «честнѣйшій нѣмецъ».

Въ нашей литературѣ въ послѣднее время также начинаютъ появляться разсказы объ этихъ временахъ, которыя, безъ сомнѣнія, очень любопытны. Вѣроятно, и теперь еще не вполнѣ наступило время для полной и вполнѣ безпристрастной исторіи этой эпохи, но изученіе ея, во всякомъ случаѣ, было бы весьма важно для разъясненія понятій объ историческомъ движеніи русскаго общества. Мы согласны съ нѣмецкимъ критикомъ, что, какъ ни любопытна внѣшняя анекдотическая сторона этихъ разсказовъ, но ихъ главнѣйшій интересъ заключается въ раскрытіи внутренняго процесса общественнаго развитія. Если представится возможность, мы постараемся познакомить нашихъ читателей съ названными мемуарами, обративъ особенное вниманіе на эту послѣднюю историческую ихъ сторону.

А. Н.

Пруссіи съ Даніею представляетъ примѣръ такихъ же національныхъ тенденцій.

Aus dem Tagebuch eines nach Sibirien Verbannten, *von Theophil von Falken*. Berlin 1869. (Изъ Дневника сосланнаго въ Сибирь. *Т. Фалькена*).

Образованный нѣмецъ, сосланный въ Сибирь, возвратившійся оттуда на родину, и описывающій свои испытанія, — это интересно, подумаетъ читатель, который догадывается, что г. фонъ-Фалькенъ былъ сосланъ въ Сибирь за преступленіе политическое и недоумѣваетъ, съ какой стати иностранецъ совершилъ въ Россіи политическое преступленіе. И, въ самомъ дѣлѣ, казусъ, случившійся съ г. Фалькеномъ, интересенъ, но, кромѣ казуса, интереснаго въ книжкѣ мало.

Казусъ же состоялъ вотъ въ чемъ. Г. Фалькенъ, природный нѣмецъ, изъ Берлина, въ 1862 году пріѣхалъ въ одну изъ губерній сѣверо-западнаго края, — какую именно, онъ не говоритъ, — управлять имѣніями нѣкоего графа — котораго онъ не называетъ. При возникшихъ вскорѣ смутахъ онъ оставался, какъ говоритъ, совершенно въ сторонѣ отъ политическихъ событій и, между тѣмъ, попалъ, что называется, между двухъ огней. Революціонный комитетъ приговорилъ его къ смерти, а военное начальство арестовало его за то, что шайка инсургентовъ, посѣтивъ замокъ, захватила тамъ какія-то свинцовыя доски. Какова была дальнѣйшая судьба его, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, отгадать не трудно. Пребываніе свое въ Вильнѣ онъ иллюстрируетъ нѣкоторыми не совсѣмъ вѣроятными подробностями. Такъ, онъ разсказываетъ, будто, когда онъ по-нѣмецки просилъ генерала Муравьева ускорить рѣшеніемъ по своему дѣлу, генералъ отвѣчалъ ему, что не желаетъ разговаривать на этомъ «телячьемъ» языкѣ; будто потомъ его посадили въ какой-то темный казематъ, въ которомъ полъ былъ усѣянъ и утыканъ осколками стеколъ и т. д. Однимъ словомъ, его отправили «по владимиркѣ».

Описаніе этого путешествія и пребыванія на каторгѣ могутъ представлять интересъ для

нѣмецкихъ читателей, хотя авторъ больше говоритъ о себѣ, чѣмъ о чемъ-либо другомъ, что объясняется и незнакомствомъ его въ то время съ русскимъ языкомъ. Онъ говоритъ о «мертвомъ домѣ» (который такъ и называетъ) и при этомъ одна страница у него сильно напоминаетъ книгу Достоевскаго.

Само собою разумѣется, что еще до отправленія въ ссылку онъ обращался въ прусское посольство съ просьбами о заступничествѣ, но безуспѣшно, то-есть непосредственнымъ результатомъ было только снабженіе его деньгами на дорогу. Стараніямъ прусскаго посольства онъ приписываетъ однако свое помилованіе, послѣдовавшее не ранѣе 1866 года. При этомъ, съ наивностью пруссака, влюбленнаго въ графа Бисмарка, онъ свидѣтельствуетъ о своей благодарности «высокоуважаемому министру, который человѣка, ему лично незнакомаго, въ глубокой Азіи томившагося, спасъ» и т. д. Едва-ли прусскій министръ-президентъ лично игралъ роль въ спасеніи г. Фалькена. Послѣдній, однако, видитъ въ своемъ помилованіи свидѣтельство о важномъ международномъ фактѣ: «Спасеніе мое—говоритъ онъ—доказываетъ, что вліяніе прусской дипломаціи, руководимой графомъ Бисмаркомъ, не такъ мало относительно Россіи, какъ полагали доселѣ». Странная притязательность! Вѣдь извѣстно же, что италіянскіе подданные, изъ отряда Нулло, сосланные въ Сибирь, были тоже помилованы впослѣдствіи, хотя они взяты были съ оружіемъ въ рукахъ, а не по подозрѣнію, какъ г. фонъ-Фалькенъ. Примѣняя къ такому факту толкованіе автора, выходитъ, что вліяніе на Россію дипломаціи италіянской еще значительнѣе, чѣмъ дипломаціи прусской!

Разсказы г. Фалькена о разныхъ подробностяхъ его пребыванія въ Сибири нѣсколько подрываются въ кредитѣ, когда онъ утверждаетъ, что ему показали повелѣніе объ освобожденіи его «за собственноручнымъ подписомъ Императора, и съ приложеніемъ государственной печати».

Страницъ двадцать въ книжкѣ Фалькена, занимаетъ разсказъ объ извѣстномъ бѣгствѣ изъ Сибири, пѣшкомъ до Архангельска,—Руфина Пѣтровскаго. Разсказъ этотъ совершенно вѣренъ съ извѣстною книгою его, изданною въ Парижѣ. Мы не рѣшаемся впрочемъ сказать, что разсказъ этотъ просто заимствованъ изъ книги Пѣтровскаго, такъ какъ авторъ утверждаетъ, что слышалъ его отъ одного человѣка, которому самъ Пѣтровскій передавалъ его, когда попалъ въ Сибирь во второй разъ, вслѣдствіе послѣдняго возстанія. Къ этому авторъ присоединяетъ извѣстіе, что Руфинъ Пѣтровскій (котораго онъ, впрочемъ, по имени не называетъ, но о которомъ, очевидно, ведетъ рѣчь), авторъ упомянутой книги, во время втораго слѣдованія въ Сибирь, недалеко отъ Томска умеръ.

То, что г. Фалькенъ, разсказываетъ о Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ онъ побывалъ по возвращеніи изъ ссылки, едва ли представляетъ интересъ даже и для иностранцевъ: такъ элементарны сообщаемыя имъ свѣдѣнія. Но мы должны признать, что грубыхъ ошибокъ въ нихъ нѣтъ.

Сочиненіе свое онъ заключаетъ повтореніемъ благодарности графу Бисмарку, «который, не взирая на свои многосложныя и важныя занятія», возвратилъ ему свободу, и такимъ увѣщаніемъ своимъ одноземцамъ: «Бойтесь попасть въ Россію», увѣщаніемъ, которое, навѣрное можно сказать, желаемаго послѣдствія не возымѣетъ.

Der deutsch-russische Konflikt an der Ostsee. Zukünftiger Geschaut im Bilde der Vergangenheit und der Gegenvart. Von W. *von Bock.* Нѣмецко-русское столкновеніе на Балтійскомъ морѣ. *Фонъ-Бокка*).

Die Nordische Post im Lichte der Kollektiv-Erklärung der Ritteschaften Livland's, Esthland's, Kurland's und Oesel's. Von W. *v. Bock.* («Сѣверная Почта», и коллективное объясненіе бароновъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи. *Фонъ-Бокка*).

Первое изъ названныхъ сочиненій—книга, которая разсказываетъ, по-своему, нашъ «конфликтъ» съ балтійскими нѣмцами, начиная его, какъ слѣдуетъ—съ древнѣйшихъ временъ исторіи. Въ ней, послѣ вступленія, красуется эпиграфъ «неизвѣстнаго автора:»

Die Welt hat keinen Raum mehr für uns Beide!

Второе изъ сочиненій—брошюрка, написанная по поводу неправильной, будто-бы, передачи «Сѣверною Почтою», въ сокращеніи, смысла извѣстнаго адреса балтійскаго дворянства. Такъ какъ въ этой брошюркѣ г. Боккъ го-

воритъ, что онъ самъ счелъ бы за честь подписать адресъ, въ которомъ дворянство отвергало всякую мысль о существованіи въ балтійскихъ провинціяхъ стремленій къ отдѣленію отъ Россіи, и такъ какъ «Сѣверная Почта» свидѣтельствовала о тѣхъ же чувствахъ балтійскаго дворянства, то мы не знаемъ къ кому относится девизъ: Die Welt hat keinen Raum mehr für uns Beide! Во всякомъ случаѣ къ г. Бокку и «Сѣверной Почтѣ» онъ относиться не можетъ.

Между тѣмъ, въ книгѣ г. Бокка соединено все, что̀ онъ только могъ выкопать, вычитать изъ нѣкоторыхъ нашихъ же клеветъ на народъ, и наконецъ самъ придумать неблагопріятнаго о Россіи и русскомъ народѣ. Г. Боккъ сообщаетъ, что въ «конфликтѣ» мы побѣдить никакъ не можемъ, ибо у насъ нѣтъ достаточно культурныхъ силъ (ну, и успокойтесь!); что наша русская община по благосостоянію и благоустройству съ общиной лифляндской ни въ какое сравненіе идти не можетъ, оставаясь неизмѣримо позади послѣдней (къ переселенію, которое несмотря на то происходитъ изъ обѣтованной земли въ пустыни, какъ извѣстно, подстрекаютъ преступные агенты); что Россію даже невозможно обратить въ Bauerreich, какъ о томъ будто «мечтаетъ Александръ Герценъ» именно на зло нѣмцамъ, потому что русскій крестьянинъ неспособенъ быть хорошимъ земледѣльцемъ (ist kein Bauer), какъ сказалъ еще Гакстгаузенъ; что наша община спилась съ кругу и представляетъ всѣ признаки гнилости или разложенія; что лифляндское сельское населеніе, напротивъ, благоденствуетъ, хотя, «не представляя въ себѣ всѣхъ соціальныхъ формъ, тѣмъ самымъ (?) и не предназначено къ самостоятельной политической жизни»; что этотъ народъ «существенно Bauernvolk» (т. е. хорошіе хлѣбопашцы, въ отличіе отъ русскихъ, или— предназначенные самой природою служить крестьянами нѣмецкому дворянству? Двусмысленность не безпричинная)!

Г. Боккъ сообщаетъ, что даже нынѣ дѣйствующее въ Лифляндіи положеніе о сельскомъ управленіи (Landgemeinde-Ordnung von 1866), сперва возбудило-было тамъ, «между людьми самыхъ различныхъ политическихъ цвѣтовъ» (трудно объяснить такое трогательное единодушіе) опасеніе, не слишкомъ ли велика мѣра самостоятельности, предоставленная положеніемъ сельской общинѣ въ Лифляндіи. Но къ чести эстонскаго и латышскаго народа—они повели себя такъ, что эти (можетъ быть, преувеличенныя?) опасенія оказались напрасными.

Узнаемъ мы изъ книги г. Бокка, что число лютеранскихъ церквей въ балтійскихъ провинціяхъ *удвоилось*, «съ тѣхъ поръ, какъ началась тамъ наша насильственная религіозная пропаганда», хотя признаться несовсѣмъ понимаемъ, въ какой мѣрѣ «насильственна» та пропаганда, при коей число иновѣрческихъ церквей удвояется?

Въ заключеніе, г. Боккъ вдругъ въ одно время и остритъ, и сердится и пророчествуетъ: «русскому медвѣдю» онъ напоминаетъ о возможности того кольца, «которое Ѳедоръ Ивановичъ и Борисъ Годуновъ продѣли ему сквозь носъ», и сердясь, стращаетъ насъ еще какою-то цѣпью. Пророчествуетъ же онъ въ такомъ родѣ: «а лифляндская сельская община, съ божьею помощью, вся останется крѣпко сидѣть на мѣстѣ (наша въ будущемъ году, какъ извѣстно, вся разбѣжится туда гдѣ лучше, т. е. надо полагать—преимущественно въ Лифляндію), и *когда пробьетъ часъ суда*—запоетъ, вмѣстѣ со всею балтійскою страною ту старую пѣсню, которую пѣли въ Ригѣ во время ужасовъ Ивана Грознаго: «и отъ жестокой власти россіянъ, избавь твое царство и твою церковь»! О какомъ «часѣ суда» тутъ идетъ рѣчь—догадаться не трудно. Но что, если именно тогда-то лифляндская сельская община не запоетъ, и даже не останется сидѣть на мѣстѣ, а встанетъ и пожелаетъ быть въ самомъ дѣлѣ «земледѣльческою», то-есть владѣть землею?

Для чего все это пишетъ г. Боккъ? На пользу балтійскимъ нѣмцамъ? Но никакой пользы эти раздраженія принесть, очевидно, не могутъ. На потѣху имъ? Въ такомъ случаѣ, онъ наконецъ пошелъ даже далѣе предположенной цѣли, потѣшивъ и насъ. Л. А.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

МАЙ — ІЮНЬ, 1869.

Книга пятая. — Май.

Книга шестая. — Іюнь.

статистикѣ иностранной колонизаціи въ Россіи. Выпускъ 1. *А. Клауса.* Спб. 1869. Стр. 455, съ приложеніями и картою. Ц. 3 р. 50 к.

Нѣсколько статей изъ этого обширнаго труда ли помѣщены въ нашемъ журналѣ, и главныя ложенія автора уже знакомы нашимъ читателъ. Къ отдѣльному изданію авторъ присоединилъ перь значительное число новыхъ изслѣдованій о рядкѣ наслѣдованія, о страхованіи и пожарной сти, о волостныхъ банкахъ и т. д., снабдивъ ежнія статьи обширными приложеніями. Предтъ, избранный А. А. Клаусомъ, столько же новъ нашей литературѣ, сколько важенъ и интереъ, послѣ крестьянской реформы нынѣшняго рствованія и введенія земскихъ учрежденій. При временномъ положеніи вещей бытъ нашихъ конистовъ, условія ихъ жизни могутъ пріобрѣсти я насъ огромное значеніе, и нельзя не отнести данія такого полнаго изслѣдованія о нашихъ лоніяхъ къ числу важныхъ услугъ для нашей щественной жизни. Интересующіеся земскими лами и вообще сельскимъ бытомъ найдутъ въ игѣ А. А. Клауса драгоцѣнныя наблюденія и казанія, которыя могутъ много содѣйствовать разшенію насущныхъ вопросовъ, занимающихъ насъ посредственно въ такой важной отрасли нардной жизни, какъ сельское хозяйство.

борникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. VI. Со снимками почерка Крылова. Спб. 1869. Стр. 286 и 360. Ц. 2 р.

Весь шестой томъ «Сборника» посвященъ наему баснописцу И. А. Крылову. Въ него вошли сѣ чтенія на юбилеѣ Крылова съ приложеніемъ ь нимъ неизданныхъ доселѣ сочиненій Крылова, именно: двѣ комедіи «Пирогъ» и «Лѣнтяй», и дна комическая опера «Кофейница». Сверхъ того ъ этотъ «Сборникъ» вошли вторымъ изданіемъ Примѣчанія» г. Кеневича къ баснямъ Крылова, же вполнѣ разошедшіяся, и любопытные новые атеріалы для біографіи баснописца. Юбилей Крыова обратилъ вниманіе и иностранцевъ на его басни: г. Ральстонъ издалъ недавно въ Лондонѣ, ъ прозаическомъ переводѣ значительную часть басенъ Крылова: «Kriloff and his fables», съ краткою біографіей, составленной на основаніи статей Плетнева, Лобанова и изслѣдованій, явившихся въ послѣднее время.

Исторія Альбигойцевъ, до кончины папы Иннокентія III. Соч. *Н. Осокина.* Т. I. Казань, 1869. Стр. 592. Ц. 3 р.

Вышедшій нынѣ пространный томъ составляетъ начало полной «Исторіи Альбигойцевъ и ихъ времени», обнимающаго XII и XIII столѣтія, извѣст-... Авторъ имѣлъ въ виду получить за свой трудъ ученую степень магистра, которой безъ сомнѣнія нельзя у него оспаривать, и вмѣстѣ «не хотѣлъ пренебрегать требованіями популярности и общедоступности изложенія», съ цѣлью дать публикѣ книгу для чтенія. Но чтобы быть популярнымъ и общедоступнымъ, для этого нуженъ, кромѣ основательнаго знанія, извѣстный талантъ, и потому едвали авторъ былъ правъ, полагая, что популярность и общедоступность могутъ быть предметомъ его воли, хотѣнія. Дѣйствительно, настоящій его трудъ можно назвать ученымъ, по характеру, весьма пространнымъ и подробнымъ, но никакъ не популярнымъ. Чрезмѣрная обширность труда, сравнительно съ предметомъ, доказываетъ, что автору не доставало синтеза, и онъ явился предъ своими читателями со всѣми подробностями, которыя осаждали его въ кабинетѣ и теперь точно также будутъ осаждать всякаго, кто возьметъ въ руки его трудъ.

Осьмнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый *П. Бартеневымъ.* Книга третья, Москва, 1869. Стр. 490.

Третій выпускъ, за исключеніемъ продолженія писемъ о Россіи въ Испанію Дука де-Лиріа, состоитъ изъ мелкихъ актовъ весьма относительной важности, между которыми и на первомъ мѣстѣ помѣщена статья г. Андреева «Екатерина Первая»,—странная смѣсь анекдотовъ, заимствованныхъ отовсюду, безъ всякаго разбора, при чемъ многое вошло въ эту статью и изъ «Русскаго Архива», издаваемаго тѣмъ же г. Бартеневымъ, а рядомъ съ Беркгольцомъ, Бассевичемъ, историкомъ Германномъ, красуется нашъ «Энциклопедическій Лексиконъ», въ качествѣ источника.

Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года. Соединеніе великаго княжества Литовскаго съ королевствомъ Польскимъ. Спб. 1869. Стр. 786 въ 4-ю д. Ц. 3 руб.

Этотъ важный и интересный документъ, изданный въ 1856 гр. Дзялынскимъ, является у насъ на основаніи болѣе удовлетворительной редакціи по рукописи, хранящейся въ Публичной Библіотекѣ. Рядомъ съ текстомъ помѣщенъ русскій переводъ члена Арх. Ком. М. О. Кояловича. Дневникъ, по изданію Дзялынскаго, былъ веденъ польскими составителями; рукопись же Публичной Библіотеки, изданная нынѣ, имѣла своимъ авторомъ лице изъ русскаго воеводства. Ни одинъ изъ документовъ той эпохи не даетъ намъ такого полнаго понятія о порядкѣ, въ которомъ происходили сеймовыя совѣщанія. Существенный недостатокъ «Дневника» составляетъ почти полное отсутствіе тѣхъ инструкцій, которыя были выданы избирателями для руководства на сеймѣ.

ПРАВИЛА ПОДПИСКИ

НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ."

1. Подписка принимается только на годъ (допущенная въ началѣ года полугодовая подписка прекращена съ 1-го апрѣля; но подписавшіеся на первое полугодіе удерживаютъ за собою право возобновить въ іюнѣ подписку на второе полугодіе): 1) *безъ доставки*—14 руб.;—2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ*, и *въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева* — 15 руб.; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ Москву, по почтѣ — 17 рублей.

2. *Городскіе подписчики въ Спб.*, желающіе получить журналъ съ доставкою, обращаются въ Контору Редакціи, и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, во избѣжаніе ошибокъ, просятъ представлять свой адресъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. — Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

3. *Городскіе подписчики въ Москвѣ*, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 рублей; желающіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію, и присылаютъ 17 рублей.

4. *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества фамиліи и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда, (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммисіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.—

Подписка въ Почтовыхъ Конторахъ не допускается.

5. *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія* и *Германія* — 18 руб.; *Бельгія*—19 руб.; *Франція* и *Данія*—20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія* и *Португалія* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб; *Италія* и *Римъ* — 23 рубля.

6. Въ случаѣ неполученія книги журнала, подписчикъ препровождаетъ жалобу прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно снологиться съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

7. «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ — шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца въ порядкѣ трактовъ.

8. Городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ журналъ доставляется въ глухой обложкѣ; иностраннымъ — въ бандероляхъ съ адрессами.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.

☞ Редакція проситъ выславшихъ подписную сумму на 1869 годъ, по прежнимъ объявленіямъ, а именно 16 рублей, дослать ей одинъ рубль для передачи его Почтамту.